

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Внесено 1937 г.
И. И. В.

Р. Слав. 236.4 ($\frac{1875}{1}$)

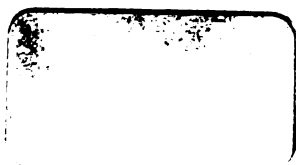
ПРОБЕРАНО
1940 г.

ПРОБЕРАНО
1955 г.

ноя 1941

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЯНВАРЬ.

1875.

ДѢЛО

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ЧУЖОЕ ПРЕСТУПЛЕНІЕ. Романъ. Часть I.
(Гл. I—IX). П. ЛЪТНЕВА.
- II. РЕБЕНОКЪ. Стихотвореніе. В. Н. СЛАЗЕНСКАГО.
- III. ЗАКОНЪ И ЖЕНА. Романъ. (Гл. X—XVIII.) УИЛЬКИ КОЛИЦА.
- IV. НЕЗРИМЫЯ СЛЕЗЫ. Стихотвореніе. (Изъ Теодора Кернера). ИЕТРА БЫКОВА.
- V. ПРИВОЛЬЕ. Картины лѣтяго промысла. (Гл. I—V). В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.
- VI. ОРЕЛЪ. Стихотвореніе. (Изъ К. Рюге). А. МИХАЙЛОВА.
- VII. РАЗВИТІЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ XVI — XIX ВѢКА. (Ст. первая). С. СТАВРИНА.
- VIII. ВЪ ДЕРЕВНѢ. Стихотвореніе. (Отрывокъ изъ поэмы). Л. ОБОЛЕНСКАГО.
- IX. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВА И ЕГО ЛИТЕРАТУРА. (Ст. первая). Д. Л. МОРДОВЦЕВА.
- X. ВЛУДЯЩІЙ ОРОНЕЕЪ. Стихотвореніе. (Изъ К. Рюге). А. МИХАЙЛОВА.
- XI. ЗЛОВА ДНЯ. (Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ). Н. А. ПОТЪХИНА.

См. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XII. ТАШКЕНТСКІЕ РЫЦАРИ. П. НИКИТИНА.

(На далекихъ окраинахъ. Романъ Н. Каразина. Изд. иллюстрированное.
Погоня за наживой. Романъ Н. Каразина.)

XIII. ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ. . . . А. МИХАЙЛОВА.

(Здоровье, научно-популярный гигиенический журналъ. Годъ первый, № 1,
2, 3, 4 и 5.)

XIV. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. (Ст. первая). П. ГРАЧОДИ.

Нѣсколько словъ вмѣсто предисловія.—Мои права на permis de sejour въ русской литературѣ.—Мой цѣль и моя програма.—Экскурсія въ область статистики.—Война-ли причина убилъ французскаго населенія?—Результаты послѣдней переписи во Франціи.—Пять миллиардовъ, обладающие свойствами „даровъ данайцевъ“.—Поучительный урокъ россійскимъ алармистамъ: страничка изъ уголовной статистики Англїи.—Возрастаніе пауперизма въ Англїи.—Откуда грозитъ опасность обществу?—Прогрессъ милитаризма.—Его вліяніе на возрастаніе самоубійствъ.

XV. ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. АНОНИМА.

XVI. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Новый государственный переворотъ въ Испанїи.—Кастелярь.—Федералистское движеніе.—Павія и Камносъ.—Смѣшное положеніе Кастеляря.—Пронунсиаменто генерала Павїи.—Новое регентство Серрано.—Страсть его къ удовольствіямъ.—Побѣда маршала Конхи и смерть его.—Дипломатическое признаніе правительства Серрано.—Прозекъ договора, достойнаго оперы-буффъ.—Неудавшееся намѣреніе Серрано провозвести пронунсиаменто въ пользу герцогини Монпальсье.—Отсутствіе принципа въ испанскихъ правительствахъ.—Одрыхлѣніе испанской буржуазїи.—Мнѣніе Кастеляря объ испанскомъ народѣ.—Отказъ генераловъ вынуждаетъ Серрано отказаться отъ сопротивленія.—Побѣда безъ борьбы—альфонсистовъ.—Прїемъ короля въ Барселонѣ и Валенсіи.—Мѣры предосторожности, принятыя совѣтниками короля.—Торжество въ Мадридѣ.—Желанія, выраженныя королемъ Альфонсомъ.—Прокламація донъ-Карлоса.

XVII. ФЕЛЬЕТОНЪ: ВОСХИТИТЕЛЬ. Журналъ поэзїи, белетристики, философіи, политикѣ, переписки, наукѣ, искусствѣ и восхищенїя. № 1. Содержаніе: I. Предувѣдомленіе.—II. Цвѣты современной поэзїи: 1) Кому на Руси жить хорошо?—Н. А. Некрасова-Ложногласова.—2) Поликаръ (ужасная поэма) Полонскаго-Вдохновенскаго.—III. Отголоски дня: 1) Пѣсья

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

№ 1.

Имв. № 24483

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

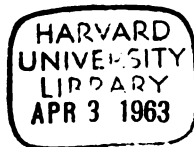
ТИПОГРАФИЯ В. ТУШКОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1875.

Р. 16491

Δ
Pslaw 236.4 ($\frac{1875}{1}$)
✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 января 1875 г.

13 12

ЧУЖОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Начало Фоминой недѣли. Богатый историческими воспоминаніями монастырь Троицко-Сергіевской лавры, отстоящій недалеко отъ Москвы, полонъ богомольцами. Всенощная только-что кончилась и всѣ сѣвшили укрыться по гостинницамъ отъ проливного дождя. И, какъ нарочно, лишь только опустѣла площадь, дождь кончился внезапно, какъ обыкновенно кончаются весеннія грозы. Въ воздухѣ стала невыразимая тишина; теплый, благоухающій паръ поднялся изъ земли; на чистомъ небѣ появились звѣзды и освѣтили поэтическимъ полусвѣтомъ зданія и куполы церквей. Во всѣхъ домахъ, гдѣ были номера для прїѣзжающихъ, окна были растворены и оттуда слышался говоръ. Только одна громада старой монастырской гостинницы стояла угрюмая, мрачная и герметически закупоренная отъ всякаго дуновенія свѣжаго воздуха.

Въ одномъ изъ номеровъ нижняго этажа металась въ тоскѣ отъ духоты и жара молоденькая дѣвушка и пыталась всѣми силами отворить единственное, выставленное, но крѣпко запертое на крючекъ окно.

Сидѣвшая на диванѣ пожилая спутница этой дѣвушки вынимала изъ дорожнаго мѣшка серебряныя ложечки и въ то-же время зорко наблюдала за всѣми ея поступками и, очевидно, относилась недоброжелательно къ ея попыткамъ отворить окно. Это была ея тетка,

Настасья Дмитріевна Аленина, прїѣхавшая въ Москву собственно за тѣмъ, чтобъ взять племянницу, кончившую курсъ въ гимназїи и выдержавшую университетскїй экзаменъ, и отвезти ее въ деревню къ отцу. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы ей захотѣлось воспользоваться близостью Троице-Сергіевской лавры и съѣздить поклониться мощамъ.

— Анюта, дружокъ, замѣтила она, наконецъ, дѣвущей такимъ тономъ, какимъ урезониваютъ дѣтей:—монастырскїй уставъ не дозволяетъ выставлять раму до Троицы. Ты слышала, что сказали служба,—что это окно выставлено только по тому случаю, что разбили раму...

— Ну, и надо этимъ пользоваться, возразила Анюта, вся раскраснѣвшаяся отъ усилїй сдвинуть брючекъ;— пусть монахи покоряются своимъ уставамъ, а мы не обязаны задыхаться.

Сопротивленіе окна, казалось, подстрекало еще больше молодую дѣвушку; она остановилась, подумала немного и затѣмъ съ рѣшительнымъ видомъ пошла къ двери.

— Куда ты? окликнула тетка.

— За молоткомъ.

— О, Господи Боже мой! протестовала вполголоса Аленина.

Но прежде, чѣмъ Анюта подошла къ двери, она медленно расправила и въ комнату выплыла чопорно одѣтая старуха лѣтъ семидесяти на видѣ. На самомъ дѣлѣ ей было за восемьдесятъ, но она была однимъ изъ рѣдкихъ уцѣлѣвшихъ экземпляровъ прежней породы людей, богатой кровью и мускулами, крѣпкой нервами и, следовательно, физически бодрой и сильной. Это была нянька семейства Алениныхъ, вынянчившая столько поколѣній, что даже смѣшивала ихъ одни съ другими.

— Не спиши, не спиши, а то съ ногъ собьешь, сказала она съ усмѣшкой Анютѣ:—самоваръ принесутъ сейчасъ...

Дѣвушка, улыбувшись, исчезла за дверью.

— Аграфена Ивановна, сказала старуха Аленина очень громко, такъ-какъ та была глуха:—вы знаете, зачѣмъ она пошла?

— Зачѣмъ?

— Хочетъ молоткомъ выбивать раму! Подумайте, какой соблазнъ. Эти гимназистки все хотятъ умѣе всѣхъ быть. Напрасно я поѣхала за ней, только бѣды наживешь.

Старуха съ ужасомъ качала головой. Анюта воротилась съ мо-

лоткомъ, и черезъ минуту окло распахнулось настѣжь. Ароматный воздухъ весны, пропитанный теплою влагой, влился волнами въ затхлую атмосферу комнаты.

— О, Господи Боже мой! пробормотала вторично Настасья Дмитриевна, накидывая на себя большой платокъ.

Но Анята не слыхала. Съ счастливою улыбкой, съ румянцемъ на щекахъ, она высунулась изъ окна и какъ-будто купала въ свѣжемъ воздухѣ свое молодое, цвѣтущее лицо. Это было круглое, съ мягкимъ обликомъ, съ мелкими чертами, странное, но чрезвычайно пріятное личико. Роскошные, густые, свѣтло-каштановые волосы и при нихъ глаза брюнетки, — черные, страстные глаза, обведенные сверху и снизу длинными темными рѣсницами. Темныя брови, низко и прямо раскинутыя надъ этими глазами, придавали лицу выраженіе смѣлости и рѣшительности; но въ очертаніяхъ рта было что-то мягкое, доброе, дѣтское. Его улыбка совершенно преобразовывала всѣ черты лица, освѣщая ихъ какъ яркій лучъ солнца: на щекахъ являлись ямочки, жемчужные зубы блестяли, привѣтъ и ласка свѣтились въ смѣющихся глазахъ. Между тѣмъ Настасья Дмитриевна и нянька Аграфена разставили на столѣ чайную посуду и принялись за чаеніе. Служка принесъ имъ самоваръ и сливочъ.

— Шутка-ли, сорокъ лѣтъ я не была въ Москвѣ, начала Аграфена; — пошла было къ знакомому куцу, Ивану Прохоровичу, у него на Арбатѣ домъ былъ; смотрю—ужь и дома нѣтъ, и никто о немъ не знаетъ! Такъ грустно стало; если-бъ не повидаться съ Любочкой, ни за что-бы и по этой желѣзной дорогѣ не поѣхала.

Любочка была меньшая сестра Аняты, находившаяся въ московскомъ институтѣ. Услышавъ про нее, Анята подошла и сѣла къ столу.

— Люба обрадовалась тебѣ, няня? спросила она.

— Такъ и залилась слезами отъ радости! И ужь какъ была рада гостинцамъ; все вспоминала, какъ я, бывало, въ деревнѣ ее кормила и постидой, и ленешками, и яйцами. Такая смѣшалась! я спрашиваю: поцѣловать отъ тебя Аняту? А она: нѣтъ, говорить, я на нее сердита. Ее въ деревню берутъ, а меня нѣтъ. Она у васъ счастливая, а я несчастная!

Старуха добродушно размѣялась капризу своей любимицы, а Анята повторила задумчиво:

— Счастливая? Это неизвѣстно.

— Развѣ ты не рада увидать отца? спросила не безъ колкости тетка.

— Я не про то, отвѣчала Анята, не забывъ колкости;—но я не знаю, какая тамъ будетъ жизнь и что я буду дѣлать. И притомъ мнѣ ужасно жаль, что нашъ огромный старый домъ проданъ; неужели нельзя его опять выкупить, тетя?

— Нѣтъ, матушка, прости! отвѣчала та:—что изъ рукъ выскользнуло, того ужъ не воротить. Твой папаша пожуировалъ въ своей жизни, да вотъ теперь отъ всего прежняго богатства оставилъ дочерямъ одинъ флигель да деревушку.

— О, я о богатствѣ нисколько и не думаю, прервала Анята;— я жалѣю только домъ, который такъ живо мнѣ до сихъ поръ представляется, съ коридорами, съ большими каминами, съ лѣстницами! Неужели этого ничего больше нѣтъ?

— Какъ нѣтъ? все осталось по-прежнему, только не наше. Этотъ домъ купилъ генераль Громовъ, нашъ сосѣдь. Я тебѣ говорила, что онъ недавно женился?

— Ахъ, батюшки, вмѣшалась Аграфена, ставя на столъ чайку, чтобъ удобнѣе рассказывать, — я и забыла вамъ сказать: вѣдь я съ ними встрѣтилась, они вотъ тутъ въ ближней гостинницѣ стоятъ.

— Кто?

— Этотъ самый нашъ генераль Громовъ съ женой. А я мать-то ея знаю, то-есть жены-то его мать. Иду по лѣстницѣ, а она и встрѣчается...

— Мать жены? кто-же она такая? откуда? говорятъ, ихъ семейство очень бѣдное? съ любопытствомъ спрашивала Аленина.

— Вотъ ужъ подлинно можно сказать, что Господь ихъ выскалъ за бѣдность, глубокомысленно возразила старуха:—бѣдность такая, что меня даже слеза прошибла, какъ я у нихъ была, этому ужъ лѣтъ шесть, въ Казани. Дѣти малъ-мала меньше и сама она—это мать-то—на продажу шерстяныя перчатки вязала.

— Какъ ея фамилія? спросила Аленина.

— Озерова. Она изъ благородныхъ, только что бѣдность да дѣти сокрушили. А теперь вотъ дочь генеральша и богачка.

— Озерова? Ну-да, знаю, я о ней много вехорошаго слышала, возразила пренебрежительно Настасья Дмитріевна:—говорять, что

она старшую дочь свела съ однимъ господиномъ... Позвольте, какъ его фамилія... онъ еще извѣстный литераторъ. Да—Хабаровъ! вотъ его фамилія. Вѣдь это старшая дочь вышла за Громова?

— Старшая; тѣ еще подростки. А дурно объ ней потому говорили, что бѣдная. Про богатыхъ никто дурного не скажетъ.

— Будто-бы?.. сказала Анята, умыбнувшись и недоувѣрчиво покачавъ головою.

— А ты какъ думаешь? Посмотри, какъ все теперь будутъ имъ кланяться. Мать-то такая веселая, платье на ней хорошее, на головѣ чепецъ съ лентами; вотъ, говоритъ. Аграфена Ивановна, моя дочь теперь вашей сосѣдкой будетъ. Это она намекаетъ, что домъ-то ужъ теперь не нашъ, а ихъ стали; а я и говорю: что же, моимъ господамъ на ихъ вѣкъ довольно еще осталось, а барышни-то выростутъ и сами повыйдутъ за генераловъ.

— Это ужасно, ужасно! пробормотала Аленина, вставая. — Какая-нибудь выскочка будетъ жить на носу и выставять на показъ свое богатство.

Анята засмѣялась досадѣ тетки и пошла опять сѣсть къ окну. Ночь такъ и манила ее своей обаятельной темнотою и теплотою. Тетка ее и старуха-няня начали убирать посуду и готовить постели, а она все сидѣла и не могла оторваться отъ этого окна. Ее охватывало какое-то тревожное и томительное чувство — желаніе чего-то такого, что не существовало вокругъ нея. Это желаніе уносило ее въ сказочный міръ, гдѣ все любятъ другъ друга, помогаютъ другъ другу, гдѣ все бодро и весело занимаются полезнымъ дѣломъ и жизнь ихъ кипитъ, горитъ и сверкаетъ, какъ искры въ горнилѣ переплавляемыхъ металовъ.

Но никакія безпокойныя мысли не утаиваютъ передъ здоровымъ сномъ молодости. Анята, хотя легла спать послѣднюю, заснула прежде всѣхъ. Тетка ее долго ворочалась, вздыхая и странно въ душѣ завидуя счастливой судьбѣ молодой генеральши, попавшей изъ лачуги въ хоромы. Аграфена, улегшаяся за перегородкой на перинѣ, съ часъ шептала про себя молитвы и акафисты. Наконецъ, и ее уста сомкнулись.

Было около часа ночи, когда Анята внезапно проснулась. Она не могла отдать себѣ отчета въ томъ, что именно разбудило ее; но ей казалось, что передъ этимъ былъ какой-то шумъ. Но теперь тишина была полная и въ комнатахъ совершенно темно, такъ-

какъ гардины были спущены. Анята закрыла опять глаза, но продолжала невольно прислушиваться. И мало-по-малу ей стало чудиться, что вокругъ нея что-то движется, что-то происходитъ, хотя она не слышала ни малѣйшаго шума.

„Вотъ она, сила воображенія, подумала она съ любопытствомъ;—гдѣ это я читала... не помню. „что воображеніе творить образы внѣ себя“... И это бываетъ только ночью, въ темнотѣ, потому-что днемъ видѣ дѣйствительныхъ предметовъ не даетъ разгуляться воображенію. Однако, это въ родѣ кошмара. прибавила она не совсѣмъ спокойно:—пожалуй, еще я увижу призракъ!..“

Она привстала и развела руками вокругъ себя.

— Пустота, сказала она самой себѣ, опять легла на подушку;—вотъ и прошло все.

Лишь только она это подумала, какъ ощущеніе, извѣстное каждому, хотя трудно опредѣлить, въ чемъ именно оно состоитъ,—ощущеніе чьего-то присутствія возлѣ нея, сказалось ей такъ ясно и настойчиво, что она вскочила съ дивана и пошла впередъ съ протянутыми руками и бьющимся сердцемъ. Ей больше не было охоты шутить съ кошмаромъ; она хотѣла скорѣе отрезвиться дѣйствительностью, выпить воды или зажечь огня.

Вдругъ одна изъ ея протянутыхъ рукъ очутилась въ чужой рукѣ... Анята не вскрикнула, но оцѣпенѣла на мѣстѣ отъ неожиданности, изумленія и смутнаго сомнѣнія, точно-ли это не галлюцинація. Рука ея все оставалась въ этой таинственной, неподвижной рукѣ, которая не сжимала и не выпускала ее. Эта неподвижность была такъ поразительна, что Анята опять усомнилась, точно-ли передъ ней человѣкъ, а не какой-нибудь предметъ.

— Кто это? спросила она тихо, шупая то, что держала.

Да, это была рука, живая, теплая, съ гибкими пальцами, плотно, но не сильно охватившими ея пальцы.

Еще секунды двѣ простояла Анята молча, рука объ руку съ призракомъ. Вдругъ неопредѣленный, паническій ужасъ нахлынулъ на нее, какъ волна; она рванулась и отбѣжала прочь съ крикомъ:

— Тетя! воры! воры!

Алевина встрепетнулась, вскочила и, не дожидаясь больше никакихъ объясненій, схватила изъ-подъ подушки свои сумки и узелки и кинулась въ коридоръ.

Анюта, между тѣмъ, дрожащими руками накинула на себя платье; но вмѣсто того, чтобъ бѣжать за теткой, подошла къ окну и отдернула гардину. Ей все не вѣрилось; она не могла взять въ толкъ, что такое случилось.

Обернувшись, она вздрогнула. Воръ стоялъ передъ нею, такъ близко, что, несмотря на полумракъ вѣздной ночи, она ясно увидала его глаза, устремленные на нее съ такимъ глубокимъ выраженіемъ ужаса, тоски и отчаянія, что на сердцѣ у нея захолодело и мысли спутались въ головѣ...

Между тѣмъ въ коридорѣ слышались все усиливавшіеся шумъ и волненіе; звонкій голосъ Аленкиной раздавался неумолкаемо, требуя огня и людей; коридорные ругались, не находя спичекъ; испуганные голоса постояльцевъ спрашивали, что случилось; женщины вскрикивали. Одна только нянька Аграфена, по глухотѣ своей неслыхавшая, въ чемъ дѣло, безмятежно зѣвала и крестилась за своей перегородкой.

— Погоди, надо взять палку, слышался говоръ между прислугой: — неизвѣстно, что у него въ рукахъ, пожалуй, по головѣ хватить.

— Веревочъ, веревочъ давайте!

— Подъ окномъ-то караульте, а то онъ въ окно уйдетъ.

— Не уйдетъ, тамъ ужъ стоять. Шалишь, голубчикъ!

Анюта слушала и холодѣла. Въ этихъ переговорахъ и приготовленіяхъ звучало что-то такое кровожадное, жестокое, что у нея стѣснилось сердце отъ жалости, глядя на стоявшаго передъ нею растеряннаго человѣка, устремившаго на нее взглядъ, полный отчаянія и безпомощности. Вся эта облава, поднятая ею на беззащитнаго, неневеликаго пальцемъ, чтобъ отместить ей, показалась ей ужаснѣе и возмутительнѣе воровства.

— Зачѣмъ вы предаете меня? шепснулъ онъ ей, и этотъ гололъ человѣка, близкаго, взывавшаго къ ней, прекратить мгновенно всякую нерѣшимость.

Анюта быстро толкнула вора въ уголь, гдѣ висѣли бурнусы и платья, за которыми онъ совершенно скрылся. Почти въ эту самую минуту въ дверь выставились сначала головы, трусливо озиравшіяся бокомъ, потомъ мало-по-малу вошла цѣлая толпа съ палками, веревками и другими орудіями. Анюта содрогнулась и, при-

двинувъ стулъ къ углу съ платьями, сѣла на него, какъ-будто инстинктивно защищая своего плѣнника.

— Анюта, что ты со мной дѣлаешь? восклицала Аленина, всплескивая въ волненіи руками. — Я думала, ты за мной пошла, а ты тутъ одна остаешься! Долго-ли ворами тебя прихлопнуть!

— Здѣсь никого нѣтъ, сказала Анюта отрывисто.

— Какъ никого нѣтъ? раздались голоса. — А вору-то?

— Не знаю... Здѣсь нѣтъ никого.

— Вѣрно онъ ушелъ въ окно, сказала Аленина; — это ваше дѣло было поставить караулъ подъ окномъ, обратилась она съ говоромъ къ окружающимъ.

— Караулъ тамъ и стоитъ, чего вы, сударыня! дерзко возразилъ коридорный. — Если-бы былъ воръ, такъ мы-бы его не выпустили. А это вамъ, видно, почудилось.

— Анюта, что-же ты молчишь? обратилась къ ней тетка: — вѣдь ты видѣла вора?

— Нѣтъ, беззвучно отвѣтила та.

— Да вы осмотрите, все-ли у васъ цѣло, ничего не украдено? спросили изъ толпы.

Аленина начала торопливо шарить по столамъ и стульямъ и бросилась къ углу съ бурнусами... Но Анюта прежде нея протянула руку, осмотрѣла вѣшныя одежды и сказала громко и твердо:

— Все цѣло.

— Изъ-за чего-же вы народъ-то булгачили? съ укоромъ обратился коридорный къ Алениной.

Ей было ужасно досадно на племянницу, но такъ-какъ нельзя было при всѣхъ сорвать на ней сердце, то она гнѣвно накинулась на коридорнаго:

— Потихе, любезный; я буду на тебя жаловаться. Я не намѣрена даромъ платить деньги за то, чтобъ меня беспокоили. Ты долженъ обыскать вездѣ!

— Ну, вотъ и обыщемъ; воръ не иглока, отвѣчалъ тотъ и началъ нагибаться со свѣчкой подъ диваны и стулья, очевидно больше для курьезу, чѣмъ на самогъ дѣлѣ.

Толпа хихикала.

— Подъ подушкой-то у нихъ посмотри, сказалъ кто-то.

— Ну, это я виновата, мнѣ приснилось; оставьте насъ! сказала Анята, вся блѣдная, вставая со стула.

— Мы и такъ видимъ, что приснилось, отвѣчали ей, и всѣ вышли, кто со смѣхомъ, кто съ ворчаніемъ.

— Это къ вамъ, бабушка, воръ-то приходилъ? шутили они, уходя, со старухой, сидѣвшей въ тревогѣ посреди своей перины.

— Ко мнѣ, отвѣчала она, не разлышавъ всего вопроса.—Ну, что, никого не нашли?

— Никого.

— Это, знать, почудилось, успокоилась она и легла.

Между тѣмъ Настасья Дмитриевна выходила изъ себя.

— Богъ тебѣ, судья, Анята, говорила она: — осрамила ты меня! Ты хоть-бы предупредила меня, что сдѣлаешь такой гвалтъ, а то, не говоря ни слова, вдругъ всю гостинницу поднять на ноги. Это все хваленое общественное воспитаніе. Вотъ тебѣ и воспитаніе!

Анята, не отвѣчая, завернулась въ черный кашемировый пла-токъ и легла на свой диванъ, отвернувшись къ стѣнѣ.

II.

Свѣча, поставленная въ уголь на столикъ и заслоненная сак-вовяжемъ, едва разгоняла темноту комнаты. Кровать Настасьи Дмитриевны приходилась къ дверямъ и была заставлена большимъ кресломъ, какъ ширмами; диванъ Аняты стоялъ ближе къ окну и почти въ головахъ у него находился завѣтный, роковой уголь, гдѣ въ эту минуту трепетало и волновалось страхомъ или надеждой живое человѣческое сердце.

Аняту била лихорадка. Положеніе ея было тѣмъ болѣе критическое, что она пошла въ него такъ неожиданно и ей никогда и во снѣ не снилось ничего подобнаго. Послѣдствія ея поступка должны были лечь на нее всюю своею тяжестью; на ней лежала трудная задача выпроводить вора изъ комнаты, не возбудивъ ничего подозрѣнія. И она принялась усердно думать объ этой задачѣ, сознавая, что должна кончить начатое.

Долго лежала она, не шевелясь и уткнувъ голову въ подушку.

Убѣдившись, наконецъ, что тетка заснула, Анята медленно приподняла голову и... прямо встрѣтилась глазами съ взглядомъ вора, устремленнымъ на нее. Онъ вышелъ изъ-за бурнусовъ и стоялъ у нея въ головахъ, глядя на нее съ тѣмъ-же выраженіемъ томительной тревоги, тоски и смятенія, которое и прежде запечатлѣлось у нея въ памяти.

По его одеждѣ, состоявшей изъ сѣраго поношеннаго пальто, трудно было причислить его къ какому-нибудь сословію; но въ его позѣ, въ свободной манерѣ, съ которой онъ опирался рукой о спинку дивана, было что-то независимое, чего не бываетъ въ уличныхъ бродягахъ. Изъ кармана пальто выставлялся конецъ револьвера. Черты его рисовались неясно въ тѣни; видно было, что онъ еще очень молодъ.

Анята неслышно встала съ дивана и попотомъ проговорила, указывая на окно:

— Уходите скорѣе, я васъ не выдамъ.

Онъ отрицательно покачалъ головою.

Анята подумала, подошла къ окну, осторожно отворила его и высунулась. Тотчасъ за окномъ зашевелились и голосъ закричалъ:

— Эй, кто тамъ? кто окошки отворять?

Анята въ испугѣ поспѣшила затворить окно; она поняла, что идти, дѣйствительно, некуда, и чувство тревоги и страха заставило ее задрожать съ головы до ногъ. Между тѣмъ воръ ступилъ на шагъ и наклонился къ ея лицу...

Она отшатнулась назадъ гордымъ дѣвственнымъ движеніемъ; тогда онъ отодвинулся немного и шепнулъ ей голосомъ, полнымъ отчаянной мольбы:

— Спасите... не откажите... Вся моя жизнь ваша... только возьмите... спрячьте!

Говоря это, онъ подавалъ ей какой-то свертокъ, обернутый газетной бумагой и крѣпко перетянутый двойнымъ ремнемъ.

— Возьмите это, продолжалъ онъ съ напряженной, страстной настойчивостью;— за мной слѣдять; если меня поймаютъ съ этимъ, все пропало... Моя жизнь и смерть въ вашихъ рукахъ... Или возьмите, или сейчасъ-же предайте меня.

Онъ глядѣлъ ей въ глаза напряженно и тоскливо. Анята слушала съ замираніемъ сердца, слушала какъ во снѣ. Въ ея ушахъ въ первый разъ еще раздавались такіе потрясающіе звуки, гово-

рившіе о еще незнакомыхъ ей человѣческихъ бѣдахъ, страстяхъ и мукахъ.

— Вы возьмете, заговорилъ онъ опять убѣдительно и настойчиво, — вы мнѣ не откажете?.. Возьмите и спрячьте только до завтрашней ночи... Завтра ночью я за нимъ приду. Еще одна просьба: не показывайте этого никому и не дѣлайте ни одного намека о нашей встрѣчѣ... Общаете?

Въ его голосѣ слышалось что-то такое таинственное, что непонятный трепетъ охватилъ молодую дѣвушку и зубы ея застучали.

— Давайте!.. выговорила она послѣ минутнаго колебанія.

Она взяла свертокъ за ременную ручку и поехала къ комоду. Онъ провожалъ ее неотступнымъ взглядомъ.

— Заприте, шепнулъ онъ.

Она заперла въ нижній ящикъ.

— А если вы не придете? спросила она вдругъ съ безпокойствомъ.

— Приду!.. быстро отвѣчалъ онъ. — Только-бы этого не напали...

Забывшись, они заговорили громче, чѣмъ слѣдовало. Аленина вдругъ проснулась и спросила:

— Анята, ты никакъ съ кѣмъ-то говоришь?

— Нѣтъ... ничего!.. я спала, дрожащимъ голосомъ выговорила дѣвушка.

Воръ стоялъ уже опять въ своемъ углу; впрочемъ, Настасья Дмитриевна и не могла-бы его увидать изъ-за барикадъ, воздвигнутыхъ передъ ея постелью.

— Такъ ясно мнѣ послышался чужой голосъ, продолжала она, зѣвая; — я думала, это кто-нибудь къ окну подошелъ. Развѣтаетъ уже?

— Да, начинаетъ свѣтать.

— Значитъ, скоро къ заутрени ударятъ. Не стоитъ засыпать.

Однако она улеглась поспокойнѣе, зѣвнула еще нѣсколько разъ и замолкла.

Анята сидѣла неподвижно на краю дивана, спустивъ руки на колѣни. Вдругъ она почувствовала на этихъ колѣняхъ приспособленіе вклокоченныхъ, густыхъ волосъ и горячія губы прильнули къ ея рукамъ съ безмолвнымъ, неудержимымъ порывомъ безпредѣльной благодарности.

Это длилось только мигъ, но этотъ мигъ оставилъ въ душѣ ея

болѣе рѣзкій слѣдъ, чѣмъ всѣ пролетѣвшіе годы. Она почувствовала себя нравственно связанной съ этимъ человѣкомъ.

Затѣмъ все стихло. Вдругъ громкій, полный ударъ колокола разрѣзалъ тишину. Гостиница ожила, въ коридорѣ заходили, номера отворились.

— Я не пойду къ заутрени, сказала Анята теткѣ: — у меня голова болитъ, я полежу постѣ васъ.

— Твоя воля, холодно отвѣчала та, начиная умываться. — Слышали вы, Графена Ивановна, какой у насъ ночью переполохъ былъ по милости Анны Федоровны? Я чуть не умерла со страху.

— Встаю, встаю, отвѣчала старуха, думая, что ее зовутъ къ заутрени: — ужъ я не проспю, не беспокойтесь.

Между тѣмъ Анята сняла съ гвоздя въ углу всѣ вещи, принадлежащія ей теткѣ, и переѣсила ихъ на другое мѣсто. Сама-же, придвинувъ стулъ къ этому углу, начала разбирать на немъ свою сумку. Руки ея дрожали, сердце сильно билось и она не смѣла поднять глазъ. Достаточно было ничтожной случайности, фантазіи тетки поискать чего-нибудь въ комнатѣ — и вотъ все открыто!

Но не случилось ничего. Тетка и няня одѣлись и вышли. Анята, едва дыша, заперла дверь на крючекъ за ними и торопливо подошла къ незнакомцу.

— Выходите, сказала она слабымъ голосомъ, — никого нѣтъ.

Молодой человѣкъ вышелъ; на немъ очутилась шапка съ мѣховою опушкой; воротникъ пальто онъ поднялъ къверху.

— Я провожу васъ по коридору, продолжала Анята: — вамъ не надо прятаться.

— Да, отвѣчалъ онъ съ какимъ-то блуждающимъ взглядомъ и видимо занятый другимъ, — такъ берегите-же... не показывайте никому. Я приду... не беспокойтесь, я освобожу васъ отъ этого. На слѣдующую ночь... будьте готовы передать мнѣ свертокъ...

— А если вы не придете?

— Приду!

Но вдругъ выраженіе беспокойства и страха разлилось по его чертамъ, взглядъ его съ какой-то тоскливой жалостью остановился на молодой дѣвушкѣ.

— Невозможно, чтобъ я не пришелъ... Я приду. Но если... если что-нибудь меня задержитъ, то не держите у себя этого... не держите дольше одной ночи, нельзя!.. Уничтожьте, бросьте въ рѣ-

ку... въ казаву... куда хотите, придумайте сами... у меня мысли путаются... Но нѣтъ, не можетъ быть! я самъ приду.

Онъ говорилъ такъ безсвязно, такъ отрывисто, что Анюта глядѣла на него со страхомъ: онъ былъ блѣденъ, какъ привидѣніе, и глаза его были устремлены на нее съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ.

— Но что-бы ни случилось, продолжать онъ, наклоняясь къ ней,— ради того, что вы уже для меня сдѣлали, заклинаю васъ — общайтесь мнѣ...

— Что?

— Не поднимать шума... не дѣлать скандала... не наводить на слѣдъ... Общаете?

— Общаю.

— Такъ до слѣдующей ночи.

Онъ отворилъ дверь. Анюта послѣдовала за нимъ. Они пошли по коридору рядомъ, спокойно, не спѣша, какъ два короткіе знакомые. Швейцаръ апатично и лѣниво растворилъ дверь вору и онъ скрылся изъ глазъ Анюты въ утреннемъ туманѣ.

Ш.

— Какъ это ты, Анюта, спишь, а дверь у тебя отперта! говорила съ упрекомъ Алена, возвратившись съ няней отъ заутрени.

Анюта, дѣйствительно, сама не помня какъ, заснула въ креслахъ, послѣ вѣсхъ ночныхъ тревоженій, здоровымъ сномъ молодости. При словахъ тетки она вскочила, озираясь вокругъ и смутно припоминая все, что съ нею было. Первымъ движеніемъ ея было схватиться за карманъ, куда она положила ключъ отъ комода. Онъ былъ тутъ, какъ доказательство того, что все было не сонъ.

Часа черезъ два заблагоувѣстили къ поздней обѣднѣ, и на этотъ разъ Анюта пошла также вмѣстѣ съ своими спутницами въ церковь.

Моделъники то-и-дѣло шныряли мимо нихъ изъ одной церкви въ другую, ища, вѣроятно, разнообразія. Толпа нищихъ занимала, по обыкновенію, всю длину монастырскаго двора и съ хищностью вороновъ набрасывалась на cadaго, кто имѣлъ неосторожность приблизиться къ ней. Къ приближавшемуся съ остервенѣніемъ протяги-

вались чашки, мѣшечки, блюда и костлявыя руки, посреди гула визгливыхъ голосовъ, требующихъ подаянья...

Новый Успенскій соборъ, щеголеватый, свѣжій, недавно отстроенный, въ который вошли Аленцы, не понравился Анютѣ именно своей щеголеватостью и свѣжестью. Она искала чего-нибудь грандіознаго, древняго, историческаго; а здѣсь духота и давка, перебранка заднихъ рядовъ съ передними, суетливое ставленіе свѣчъ и безиреривный разбѣвъ денегъ—наводили на нее какую-то тоску и утомленіе.

Не безъ труда протѣснилась Анюта къ дверямъ и вышла на паперть. Служба шла почти только въ новѣйшихъ церквяхъ; старинныя зданія, ветхія, громадныя, угрюмыя, стояли одиноко и безмолвно, какъ стражи прошедшаго на рубежѣ новой жизни. Къ нимъ направилась Анюта, инстинктивно ища удивленія, чтобъ предаться на свободѣ своимъ мыслямъ. Она сѣла на ступеняхъ каменной лѣстницы, ведущей на галерею такъ-называемой „трапезной“, и задумалась. На душѣ у нея было и смутно, и страшно; она чувствовала себя владѣтельницей тайны, которую желала и не могла разгадать. Любопытство подымало ее пойти взглянуть на таинственный свертокъ, но ключъ отъ номера былъ въ карманѣ у ея тетки. У нея занималось дыханіе при мысли, что она позволила этому незнакомому, подозрительному человѣку придти опять на сѣдующую ночь. Но она не раскаивалась въ томъ, что сдѣлала, и не допускала ни на минуту мысли о преступленіи, о воровствѣ. Ей казалось, что надъ этимъ молодымъ человѣкомъ тяготѣетъ какое-то роковое несчастье, въ которомъ онъ не виноватъ. Его блѣдное лицо, полное муки, вызывало въ ней сильнѣйшую симпатію, жалость и желаніе помочь ему, на-сколько это было въ ея власти.

Всѣ эти новыя для нея ощущенія утомили ее до головокруженія. Она встала, чтобъ пройтись и осмотрѣть церкви, о которыхъ прежде много слышала. Странная архитектура зданія, у котораго она сѣдѣла, удивила ее. На громаднхъ колоннахъ распускались гигантскіе синіе цвѣты, перехваченные красными и зелеными арабесками: все это изъ камня, выпукло, массивно, грубо, если разсматривать по одиночкѣ, и полно гармоніи и вкуса въ цѣломъ. Анюта попробовала-было войти въ церковь, но она была заперта; и она пошла дальше. Передъ нею живописно и празднично сверкалъ подъ лучами солнца большой золотой крестъ, водруженный

посреди каменнаго бассейна. Надъ этимъ бассейномъ возвышался, поддерживанный легкими колоннами, голубой куполь съ зелеными по немъ звѣздами; изъ каждой перекладины креста била тонкая, чистая, какъ кристалъ, струйка воды, падавшая въ бассейнъ. Анята подошла и подставила руку подъ свѣтлые брызги, любуясь на это красивое зрѣлище.

Обойдя по другую сторону бассейна, она увидѣла передъ собою древнее, громадное, грандіозное зданіе, казалось, совсѣмъ покинутое. Почернѣвшія ступени, какъ-будто покрытыя плесенью вѣковъ, вели на павертъ, гдѣ бросались въ глаза, какъ два стража, по обѣимъ сторонамъ дверей, два гигантскія человѣческія изображенія. Ростомъ они были сажени въ двѣ и бороды ихъ спускались до ногъ. Двери храма были отворены; оттуда вѣяло мракомъ и сыростью и только одна свѣтлая точка—огонекъ лампы передъ образомъ—мерцала, какъ маякъ. Это былъ старый Успенскій соборъ, тотъ самый, въ которомъ Петръ Великій спасся отъ ножа убійцы.

Онъ былъ почти совершенно пустъ; только въ одномъ углу сидѣлъ монахъ и читалъ при свѣтѣ восковой свѣчи, да человѣка два-три, бродившіе безъ цѣли, терались въ тѣни этихъ необъятныхъ стѣнъ. Анята вошла и ее охватила какой-то трепетъ неизвѣстнаго ей до сихъ поръ чувства, заставившій на минуту забыть то, что занимало ее прежде. За этимъ порогомъ кончалась современная, пошлая, будничная жизнь. Здѣсь царяла эпоха среднихъ вѣковъ. Анята почувствовала себя перенесенною въ другой міръ, какъ-будто невидимая рука перевернула часы вѣчности. Здѣсь, на этихъ стѣнахъ, была написана цѣлая исторія той эпохи.

Въ первую минуту глазамъ Аняты, еще ослѣпленнымъ дневнымъ свѣтомъ, показались на этихъ стѣнахъ только темныя пятна; но когда зрѣніе ея нѣсколько освоилось съ мракомъ, она увидѣла, что онъ сплошь покрытъ одной живописью, одной гигантской картиной, тянувшейся безъ перерыва и вдоль, и вверхъ, и внизъ. Лица этой картины, смотря по сюжету, то плавно выступали рядомъ, то терались въ необъятной вышинѣ купола, то нисвергались къ полу, въ море огня и жупела, то извивались и какъ-будто прятались подъ карнизами оконъ. Художникъ, котораго душа могла носить въ себѣ этотъ ужасный образъ послѣдняго суда, послѣдняго слова человѣчества, могъ родиться только въ тѣ времена. Непра-

видимость живописи не только не портила, а, напротив, усиливала общее впечатлѣніе.

Говорять, что простой народъ и въ наше время дрожить отъ страха и проливаетъ слезы надъ этой картиной страшнаго суда. Это понятно: тутъ дѣло не въ томъ, что представлены грѣшники, повѣшенные надъ огнемъ, но въ той силѣ фанатическаго убѣжденія, которымъ вѣтъ съ этихъ стѣнъ.

— Желала-бы я знать, могла-ли вѣра въ геенну огненную остановить людей отъ безумныхъ поступковъ? раздался среди Анюты чей-то тихій, утомленный голосъ.

Она съ удивленіемъ оглянулась и увидѣла сидящую у стѣны, на низкой скамейкѣ, молодую женщину, которая глядѣла, также какъ и она, на изображеніе страшнаго суда. Несмотря на болѣзненный видъ, на худобу щекъ и на темные круги подъ глазами, эта женщина была такъ неоспоримо хороша собой, что тотчасъ привлекла вниманіе Анюты. Одежда на ней была богатая и нарядная, хотя не соответствовала времени года: темное платье изъ тяжелой шелковой матеріи со шлейфомъ, съ оборкою и бахромою и длинная бархатная тальма на ватъ, закутывавшая ее до самаго горла. Модная кружевная фреза окружала ее шею и нѣсколько скрывала угловатость подбородка. Свѣжая бѣлая шляпа съ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ еще болѣе выставляла на видъ восковую блѣдность лица.

Анюта, заинтересованная словами незнакомки, обратилась къ ней и сказала:

— А развѣ вы желали-бы возвращенія тѣхъ время, когда рисовали это?

— О, нѣтъ, медленно отвѣчала дама:— на меня это производить тягостное впечатлѣніе. Неужели мало мукъ въ этой жизни, чтобъ изобрѣтать еще муки загробная!

И ея щеки окрасились легкимъ румянцемъ волненія.

Въ эту минуту издали раздался встревоженный женскій голосъ:

— Валерія!.. Валерія, гдѣ ты? звала, оглядываясь по сторонамъ, приближавшаяся къ нимъ пожилая дама въ чепцѣ и большой шали.

Увидѣвъ молодую женщину, она быстро подошла къ ней, говоря:

— Какъ ты меня напугала, Валерія! Хотя-бы ты слово сказала, что уйдешь изъ церкви. Дурно, что-ли, тебѣ сдѣлалось?

Валерія молчала.

— Хорошо еще, что мнѣ указали, куда ты пошла, а то я такъ и взметалась, продолжала старуха;— главное, я боялась, чтобъ генераль не увидѣлъ, что тебя нѣтъ; хорошо, что онъ въ алтарѣ стоитъ...

— Ну, и пусть-бы увидаль, и пусть-бы кричалъ и метался, ну, что-жь такое! прервала съ раздраженіемъ Валерія. — Оставьте меня въ покоѣ, маменька, хоть на минуту.

Мать покачала головой и развела руками; послѣ минутнаго молчанія она опять заговорила убажующимъ тономъ:

— Ну, Валерочка, милая, пойдемъ въ нашу церковь. Ежели тебѣ тяжело стоять, такъ вѣдь тамъ кресло для тебя приготовлено. Генераль самъ приказалъ принести кресло... А здѣсь сырость такая, еще пуще заболѣешь. И платье-то ты не бойсь все испортила, здѣсь сидя,—жалость какая! Генераль скажетъ...

— Отстаньте вы съ вашимъ генераломъ! крикнула нервнымъ голосомъ молодая женщина и топнула ногой.

— Батюшки мои! что за характеръ такой! въ испугѣ заговорила мать. — Другая-бы не знала, какъ мужу угодить...

Послышались послѣдніе мужскіе шаги и изъ-за колоннъ показался высокій, не первой молодости мужчина съ правильными и рѣзкими чертами лица, съ выраженіемъ безпокойства въ пронизательныхъ и умныхъ глазахъ.

— Хабаровъ! простонала Валерія, вставая;— вѣдь это настоящая трагедія... Куда мнѣ скрыться?

— Ахъ, Господи, это вы, Дмитрій Ефимовичъ, заговорила, напротивъ того, съ радостью мать;— а я такъ и подумала, что это нашъ генераль... сердце у меня такъ и ёкнуло! Что онъ, все въ алтарѣ стоитъ? не спрашивать про Валерію?

Хабаровъ, не обращая на нее вниманія, внимательно и заботливо смотрѣлъ на молодую женщину.

— Что это вамъ вздумалось сюда уйти? спросилъ онъ тихо:— я боялся, не сдѣлалось-ли вамъ дурно.

— Я ушла отъ тоски... я хотѣла быть одна... Я больна, больна, больна—понимаете вы! А вы за мной гоняетесь и маменька также. Вы убиваете меня, да, убиваете! Вы доводите меня до того, что я, чтобъ только избавиться отъ васъ, должна идти подъ защиту къ... моему мужу!..

Валерія была совершенно внѣ себя, говоря эти слова; нервная дрожь потрясала все ея тѣло, слезы катились и мгновенно высыхали на горячихъ щекахъ. Она порывисто пошла къ выходу. Мать бросилась-было за нею, но Хабаровъ удержалъ ее.

— Оставьте, сказалъ онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:— нельзя раздражать ее, хуже сдѣлаете!

И они медленно пошли рядомъ, тихо разговаривая. Анюта, во все это время стоявшая поодаль, въ тѣни иконостаса, могла понять изъ нѣкоторыхъ словъ и названій, долетавшихъ до нея изъ ихъ разговора, что эта мать была та самая Озерова, выдавшая свою дочь за генерала Громова, о которой она только-что слышала. Фамилія Хабарова была ей также знакома: она знала, что онъ литераторъ, романистъ, и съ любопытствомъ проводила его глазами.

Обѣдня отошла вездѣ и тетя уже сидѣла въ номерѣ и волновалась отсутствіемъ Анюты. Были наняты лошади ѣхать въ Вифанію осматривать скиты. Это интересовало Анюту и она побѣжала съ удовольствіемъ, хотя мысль о томъ, что ее ожидало по возвращеніи въ гостинницу, заставляла тревожно биться ея сердце. Какъ ни хотѣлось ей заглянуть въ комодъ, но она имѣла благоразуміе не сдѣлать этого, потому что Настасья Дмитріевна уже отыскалась, гдѣ можетъ быть ключъ отъ комода, и если-бъ увидала его, непременно полюбопытствовала-бы, что лежитъ въ нижнемъ ящикѣ.

Въ Вифаніи онѣ встрѣтили множество знакомыхъ; въ особенности Аграфена Ивановна была окружена дѣтьми и внуками своихъ бывшихъ друзей, изумлявшихся ея долговѣчности и бодрости. Они взяли ее съ собой изъ Вифаніи и повезли показывать, какъ диво, своимъ семействамъ. Настасья Дмитріевна также приглашена была на весь остатокъ дня одними знакомыми, жившими на дачѣ у Троицы-Сергія. Она была очень довольна, что удастся такъ хорошо убить вечеръ, и чрезвычайпо удивилась и разсердилась, когда Анюта наотрѣзъ отказалась сопровождать ее и сказала, что воротится къ себѣ въ номеръ.

Отдѣлавшись такъ счастливо отъ своихъ спутницъ и завезя тетку къ ея знакомымъ, Анюта отпустила извозчика и почти бѣгомъ побѣжала къ своей гостинницѣ. „Вотъ если-бъ онъ теперь пришелъ за своимъ сверткомъ, думала она, идя по коридору, — все-бы обошлось безъ хлопотъ. Какъ жаль, что онъ не знаетъ, что я одна!“

IV.

Войдя въ номеръ, она тщательно заперла за собой дверь.

Всѣ окна были закрыты; нестерпимая духота и непріятный воздухъ, пропитанный какими-то міазмами, ошеломили ее; она поспѣшила отворить свое завѣтное окно и, высунувъ голову, стала смотрѣть на небо.

— Ущербъ мѣсяца; ночь опять темная, мысленно сказала она.

Она хотѣла думать о чемъ-нибудь другомъ, какъ-нибудь забыть-я, развлечься... но тайна была тутъ, подъ руками... Она манила, дразнила ее своимъ присутствіемъ. Надо посмотрѣть, что это такое, что-бы это могло быть? Бумаги, книги какія-нибудь?..

Она пошла къ комоду, но вдругъ ее обуялъ какой-то нервный страхъ. Ей казалось, что на нее изъ свертка кипитъ что-нибудь живое, страшное... Наконецъ, она рѣшилась, достала ключъ изъ кармана и, озираясь кругомъ, вложила его въ замочную скважину, повернула и стремительно выдвинула ящикъ. Но почти въ то-же мгновеніе она отшатнулась назадъ, какъ-будто ее укусила змѣя... Сильный, ѣдкій, совершенно опредѣленный запахъ—запахъ трупа ударилъ ей въ голову и она чуть не упала навзничь. Чувство безотчетнаго, не вполне еще сознаваемаго ужаса охватило ее всю. Не разсуждая, не дѣлая догадокъ, руководимая однимъ желаніемъ скорѣе узнать, что это такое, она начала быстро ощупывать свертокъ, но въ ту-же минуту отняла руки, вся блѣдная, задыхалась... Ей почудилось, что подъ руками ея движутся уругіе, живые члены. Все въ головѣ ея спуталось, руки и ноги похолодѣли. Вдругъ ей послышался шорохъ за дверью; она не удержалась на ногахъ и упала на кофрѣи, приелушиваясь. Но тишина опять стояла кругомъ; на дворѣ еще не совсѣмъ стемнѣло. Нѣсколько минутъ Аггента не шевелилась; наконецъ, мученія неизвѣстности стали невыносимы. Она вдругъ рѣшилась и, стиснувъ зубы, закрывъ глаза, начала дрожащими руками развязывать и разметывать все, что было въ сверткѣ, до тѣхъ поръ, пока пальцы ея не скользнули по чему-то влажному и холодному. Она слабо вскрикнула и опустила на полъ, хватаясь за край комода... Когда, черезъ минуту, движимая любопытствомъ, она раскрыла глаза во всю ширину, то увидала прямо передъ собой маленькій лобикъ съ едва обозначенными

темными бровями и полу-раскрытыми глазами, тупо, безъ взгляда смотрѣвшими передъ собой.

Когда дѣйствительность предстала Анютѣ во всей своей наготѣ, она вздрогнула всѣмъ тѣломъ, но не упала безъ чувствъ. Жалость и ужасъ, смѣшанные съ отвращеніемъ, и какое-то жгучее любопытство побудили ее сдвинуть съ остальной части лица прикрывавшее его полотно. Безпомощное, страдальческое выраженіе дѣтскаго личика зацемило ей сердце. Она откинула пеленки и увидала передъ собой крошечный трупъ новорожденного ребенка, уже съ сильными признаками разложенія.

Въ головѣ Анюты былъ хаосъ, вихрь мыслей, въ которомъ она сама не могла найдти ни начала, ни конца, ни связи. Она сидѣла надъ ребенкомъ, безмолвная, неподвижная, пристально глядя на него, какъ-будто прислушиваясь къ еще недавно трепетавшей въ немъ жизни...

Сколько прошло времени—она не знала; вдругъ ее перазлилъ стукъ дрожекъ подъ окномъ. Мгновенно Анята очнулась, вспомнила о прїѣздѣ тетки, объ отвѣтственности, которую налагало на нее присутствіе трупа. Она схватила его, завернула въ пеленки, стянула ремешъ и, кромѣ того, закутала въ свой большой платокъ, чтобы по возможности заглушить ужасный запахъ.

Она имѣла время сдѣлать все это, потому-что тетка еще не прїѣзжала. Но черезъ полчаса послышались ея шаги въ коридоръ и стукъ въ дверь.

Анюта, дрожащими пальцами, едва сладила отпереть.

— Что это ты безъ огня? заговорила Алевина;—спала, что-ли? Фу, какъ здѣсь тяжело пахнетъ! Что это такое!

— Не знаю, проинтала Анята.

— Ну, право, тошно жертвцомъ; настоящей монастырскій запахъ! пошутила, смѣясь, Алевина.

— А гдѣ няня? спросила Анята, чтобы что-нибудь сказать.

— Я ее оставила ночевать, развѣ ты не слышала?

Говоря это, Настасья Дмитріевна разоблачалась отъ всѣхъ своихъ одеждъ и съ наслажденіемъ протянулась на постели.

— Ну, разузнала я все подробно про этихъ нашихъ Громо-выхъ, рассказывала она:—молодая генеральша все больна, все съ ней нервы—модная болѣзнь. Хотѣлъ мужъ везти ее за-границу—не хочетъ. Фантазія ей пришла къ Троицъ-Сергію ѣхать; здѣсь, го-

ворять, какой-то монахъ отъ всѣхъ болѣзней отчитывается. Мужъ нанялъ ей цѣлнй домъ, — замѣтила ты, какъ мы ѣхали, одноэтажнй бѣлнй домъ съ зелеными ставнями? Вотъ тутъ они живутъ ужь больше недѣли. Ты спишь, Анюта?

— Нѣтъ; но я уже легла.

— Ахъ, вотъ еще интересно! Тутъ съ ними вмѣстѣ этотъ сочинитель Хабаровъ, который прежде былъ покровителемъ всего озеровскаго семейства. Онъ-то и высваталъ свою возлюбленную за генерала Громова: они съ нимъ сослуживцы и пріятели. И теперь эта дружба все продолжается!

Долго рассказывала она разныя снлетни; наконецъ, утомилась говорить одна и улеглась поспокойнѣе.

Съ нервнымъ трепетомъ прислушивалась Анюта къ ея дыханію. Что, если она не будетъ спать, когда придетъ онъ? Но это ничего; лишь-бы ей удалось отдать ему ужасную ношу, а тамъ пусть будетъ что будетъ.

„Ребенокъ родился мертвымъ, думала она. — Отъ кого?.. Можетъ быть, отъ такой-же молоденькой, какъ я... Что-то съ ней теперь? Но зачѣмъ-же онъ его несъ? Ахъ, вѣрно, это была любимая имъ женщина... Теперь понятно, почему онъ такъ просилъ меня не выдавать...“

Подъ окномъ шумѣли, ходили, говорили. Анюта неслышно, на цыпочкахъ подкралась къ окну и стала глядѣть изъ-за занавѣски. Ей пришло въ голову, что надо все приготовить къ приходу незнакомца, и она, со всевозможными предосторожностями, выдвинула ящикъ комода, вынула таинственный свертокъ и положила его на стулъ у окна. Черезъ нѣсколько минутъ тетка пробормотала сквозь сонъ:

— Ахъ, Боже мой, чѣмъ это пахнетъ — спать нельзя!

И вслѣдъ затѣмъ захрапѣла.

Анюта вся задрожала. На церковной башнѣ пробило два.

„Неужели такъ поздно?.. Что, если онъ не придетъ? думала она съ ужасомъ; — да и какъ ему придти: вездѣ люди, вездѣ разставлены караульные... это все вчерашнй переполохъ!.. О, Господи, Господи! Что мнѣ дѣлать! Я съума сойду... Что дѣлать, если онъ не придетъ?..“

Еще прошло около часа. Заря занялась на востокѣ.

„Кончено, не пришелъ“, подумала Анюта, отходя отъ окна

съ поблѣвшими губами, съ неестественно расширенными глазами. Положеніе ея было такъ ужасно, что на минуту ей мелькнула мысль разбудить тетку, во всемъ признаться, просить ея совѣта и помощи. Но она тотчасъ-же отвергла эту мысль. Алена неперемѣнно сдѣлала-бы гвалтъ, а онъ болѣе всего молилъ ее о тайнѣ. Его блѣдность, его голосъ, звучавшій страданіемъ и отчаяніемъ, — все это было живо въ воспоминаніи Аняты и наполняло ея сердце страстною жалостью. Притомъ, при всей своей неопытности, она совершенно понимала, какъ важна могла быть такая тайна и какъ много вреда могло сдѣлать открытіе ея.

Однако, надо-же предпринять что-нибудь? „Не держите дольше одной ночи, унесите, бросьте куда-нибудь“, онъ самъ это сказалъ; и точно, держать нельзя; надо до утра освободиться отъ этого ужаснаго бремени. Но какъ выйти ночью, не возбудивъ подозрѣнія? — невозможно; днемъ, среди народа, немислимо. Кровь бросилась въ голову блѣдной дѣвушкѣ, зубы ея стучали... Развѣ выйти при первомъ благовѣстѣ, подъ предлогомъ заутрени, и отправиться по дорогѣ въ Вифанію, будто на богомолье, а тамъ можно свернуть въ сторону, куда-нибудь въ рощицу или къ рѣкѣ?.. Прохожихъ въ этотъ часъ, вѣроятно, мало... Да! лучше этого не придумаешь.

Анята, съ лихорадочной рѣшимостью, накинула на себя длинную, черную тальму и покрыла голову чернымъ платкомъ, какъ богомолка. Потомъ завязала мертвое тѣло ребенка въ большой шерстяной платокъ въ видѣ узла и вышла съ нимъ изъ комнаты. Ей послышалось, что тетка окликаетъ ее сзади, но она поспѣшила захлопнуть дверь и идти дальше.

Первый ударъ колокола раздался, когда она подходила къ выходной двери.

— Вы никакъ еще до благовѣста собрались, барышня, сказалъ ей швейцаръ; — у насъ еще никто не вставалъ.

— Все равно, раньше лучше, сказала она и вышла. Швейцаръ посмотрѣлъ на ея узелъ, но ничего не сказалъ.

Утрѣнный туманъ покрывалъ всю окрестность; только на востокѣ горѣло точно зарево чистымъ, алымъ пламенемъ. Медленные удары колокола звучали торжественно-уныло и наводили тоску на разстроенную душу Аняты.

Прикрывъ полой тальмы свою роковую ношу, она пошла по до-

рогъ въ Вифанію. Сначала ей попадалось довольно много пѣшеходовъ, но когда она совсѣмъ вышла изъ посада и очутилась въ полѣ, то, къ радости своей, увидала себя одну. Тотчасъ она повернула въ сторону и пошла цѣликомъ между рѣдкимъ кустарникомъ. Мѣста становились все живописнѣе; холмы, овражки, лужайки пересѣкали ея путь; наконецъ, она завидѣла вдали то, чего искала: крутой оврагъ, поросшій деревьями, и внизу—струйка воды. Правда, что тутъ по близости былъ мостъ, къ которому вела торная дорога, но въ эту минуту никого на этой дорогѣ не было. Анята, долго не думая, спустилась по крутому скату оврага, цѣпляясь за деревья. Она осмотрѣлась кругомъ; нигдѣ ни души. тишина невообразимая!.. Она зашла за уступъ оврага, отыскала камень и своимъ поясомъ прикрѣпила его къ узлу. Затѣмъ еще разъ оглянувшись кругомъ, торопливо и вся дрожа сбросила съ себя ботинки. затѣмъ твердой ногой ступила въ воду. Она искала мѣста поглубже. Ноги ея потонули въ вязкой и густой тинѣ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она опустила въ воду узелъ, который тотчасъ пошелъ ко дну... Съ сильно-бьющимся сердцемъ она выскочила изъ воды и побѣжала безъ оглядки; все тѣло ея дрожало и трепетало, какъ въ лихорадкѣ... Она даже забыла, что оставила на берегу свои ботинки. Опомнившись, она вернулась за ними и съ усиліемъ натянула ихъ на мокрыя ноги.

„Неужели все кончено?... неужели освобожденіе, свѣтъ, жизнь?“ думала она, расправляя свои руки, вытягивая и грѣя ихъ на солнцѣ. И она легко и свободно пошла впередъ къ дорогѣ. Однако, голова ея кружилась, ноги дрожали, на сердцѣ было неспокойно и смутно.

Анята подходила уже къ мосту, какъ вдругъ рядомъ съ нею легла чья-то высокая, длинная тѣнь. Въ то-же время она почувствовала тяжелую руку на своемъ плечѣ.

— *Что* вы бросили въ рѣчку? спросилъ ее мужской голосъ, тихо, но съ такимъ выраженіемъ, что волосы встали дыбомъ у нея на головѣ и сердце на мгновеніе перестало биться.

Она хотѣла вырваться, бѣжать... но ей удалось сдержатъ себя и она спросила, въ свою очередь, почти твердо:

— Кто вы такой? чего вамъ отъ меня нужно?

— Я тотъ, кто знаетъ вашу тайну, отвѣчалъ онъ сурово, пристально глядя ей въ лицо.

Она онѣмѣла. Въ лицѣ ея не осталось ни кровинки, когда она подняла отуманенный взглядъ на незнакомца. Въ ея воспоминаніи смутно мелькнули связанные съ его лицомъ — соборъ, картина страшнаго суда, блѣдная молодая женщина... „Хабаровъ!“ подумала она, узнавъ его рѣзкія, правильныя черты.

— Въ чемъ-же вы меня обвиняете? спросила она коснѣющимъ языкомъ, стараясь придать себѣ твердости.

— Видите-ли, сказала Хабаровъ, опять опуская руку ей на плечо: — мнѣ сорокъ лѣтъ и я называю вещи ихъ собственными именами: въ дѣтоубійствѣ!

Невыятный стонъ вырвался изъ ея груди. Голова ея опустилась на грудь и она закрыла лицо руками. До сихъ поръ возможность этого обвиненія не приходила ей въ голову; она все время думала не о себѣ, а только о томъ, чтобы не навести полицію на слѣдъ молодого человѣка. Хабаровъ съ любопытствомъ наблюдалъ за нею. На самомъ дѣлѣ онъ не могъ знать навѣрное, что было въ узлѣ, но бывши случайнымъ свидѣтелемъ сцены у рѣчки, возымѣлъ очень понятное подозрѣніе, и чтобы удостовѣриться въ немъ, употребилъ ловкій методъ, вполне ему удавшійся. Анюта даже не отрекалась и стояла передъ нимъ до того подавленная, что ему стало жаль такой молоденькой дѣвушки. Притомъ^его, какъ опытнаго въ этихъ вещахъ человѣка, удивляла дѣвственная стройность стана, замѣтная даже подъ складками мантильи, цвѣтъ лица, хотя покрытый смертною блѣдностью, но нѣжный и чистый, какъ у ребенка, и болѣе всего — выраженіе глазъ.

— Это вашъ ребенокъ? спросилъ онъ съ сомнѣніемъ; — не бойтесь, скажите правду, я желаю вамъ добра.

Она затрепетала. Довѣрится ему? рассказать все какъ было? Но вѣдь это значитъ выдать тайну, которую она обѣщала хранить... Пока эти мысли пробѣгали у нея въ мозгу, Хабаровъ самъ былъ пораженъ какой-то догадкой, отъ которой вся кровь бросилась ему въ лицо.

— Вамъ, можетъ быть, поручили другіе бросить этого ребенка? быстро спросилъ онъ, хватая ее за руку и крѣпко сжимая ее; — онъ не вашъ?.. Такъ вѣдь? Скажите мнѣ все, ради Бога, и я вамъ помогу изъ всего выпутаться. *Кто* отдалъ вамъ ребенка?

Онъ смотрѣлъ на нее напряженнымъ взглядомъ; Анюта поняла по выраженію его лица, по волненію голоса, что онъ что-то подо-

зрѣваетъ, что, можетъ быть, даже онъ знаетъ что-нибудь и про молодого человѣка, и про этого ребенка. Тогда она въ мигъ рѣшилась. Лучше взять на себя позоръ и преступленіе, чѣмъ выдать того, кто ей довѣрился въ критическую минуту своей жизни и ради кого она уже вытерѣла столько мукъ. Она быстро начертала себѣ планъ и знала, что ей дѣлать; въ ней больше не было ни колебанія, ни страха.

— Ребенокъ *мой!* выговорила она отчетливо; — ну, берите меня, вяжите мнѣ руки... ведите въ судъ... Я не хочу заператься въ своемъ грѣхѣ.

Хабаровъ сдѣлалъ движеніе изумленія.

— Быть не можетъ! вырвалось у него; — ребенокъ *вашъ?* вы не обманываете меня?

Онъ протянулъ руку, чтобы сдернуть съ нея тальму.

— Не смѣйте меня трогать! вскричала она и повернулась къ нему. На мертвенно-блѣдномъ лицѣ ея выдѣлялись только глаза, сверкавшіе огнемъ рѣшимости. — Довольно оскорбленій! ведите меня въ судъ, если въ васъ нѣтъ ни души, ни сердца, если вамъ не жаль бѣдной дѣвушки, которая вамъ ничего не сдѣлала, которую вы хотите предать позору... отнять у нея все... и прошедшее, и будущее!.. Что-жь, я готова!

Этотъ взрывъ гнѣва и отчаянія нагналъ жаркій румянецъ на ея щеки; грудь ея бурно поднималась, изъ полуоткрытыхъ губъ вырывались потрясающіе звуки. Хабаровъ смотрѣлъ на нее пораженный, оглушенный и очарованный ея красотой.

— Успокойтесь, ради Бога, проговорилъ онъ, опомнившись: — за кого вы меня считаете, чтобы я сталъ употреблять во зло... Если ребенокъ *вашъ*, тѣмъ лучше...

Слезы градомъ хлынули изъ ея глазъ.

— Мой ребенокъ, мой! твердила Анюта, задыхаясь; — я не убивала его... онъ такъ родился мертвый!.. Господи! за что... за что вы меня мучите!.. Что я вамъ сдѣлала, что вы вытягиваете изъ меня душу?.. Развѣ мало я терзалась?.. Ну, возьмите меня, ведите на каторгу!..

Она упала на траву и, въ припадкѣ страсти, билась головою о землю. Всѣ потрясенія, вынесенныя ею наканунѣ и въ эту ночь, отозвались, наконецъ, на ея организмъ и разрѣшились первнымъ припадкомъ. Тронутый Хабаровъ опустился на колѣни возлѣ нея

и осторожно и заботливо сталъ ее успокоивать, сжимая и согрѣвая ея руки.

— Простите меня, говорилъ онъ: — я не хотѣлъ васъ нану- гать, я не думалъ, что вы такъ это примете... Клянусь вамъ честью: я никому ничего не скажу. Ну, успокойтесь-же, милая моя, голубушка! вѣрьте, что я вамъ другъ и не выдамъ вашу тайну никому на свѣтъ.

Но рыданія Анюты не прекращались, все тѣло ея дрожало, изъ губъ вырывались жалкія всхлипыванія...

„Я ошибся, подумалъ Хабаровъ: — ребенокъ, точно, ея: изъ- за чего-бы ей такъ убиваться изъ-за чужого и зачѣмъ брать на себя чужой проступокъ?“ — Послушайте, продолжалъ онъ мягко, обод- ряющимъ голосомъ: — встаньте, пойдите, я васъ провожу. Видите, тамъ идетъ народъ. Что подумаютъ о насъ?

Анюта встала, но была такъ слаба, что принуждена была опереться на руку, предложенную ей Хабаровымъ. Теперь онъ чув- ствовалъ къ ней глубокую жалость и почти отеческую нѣжность; ему отъ души хотѣлось успокоить ее.

— Помиритесь-же и будемъ друзьями, продолжалъ онъ, вы- вода ее на дорогу. — Опять повторяю вамъ, что ваша тайна ум- реть со мною. Вѣрите вы мнѣ?

— Да, отвѣчала она слабымъ голосомъ; — но кромѣ того, объ- щайте не слѣдить за мною, не узнавать про меня...

— Обѣщаю.

— Теперь оставьте меня, я пойду своей дорогой.

Они разстались, и Анюта пошла нарочно по дорогѣ въ Вифа- нію, чтобъ сбить его съ своего слѣда. Увидѣвъ издали, что Ха- баровъ слѣлъ на извозчика и поѣхалъ въ Троицкую лавру, она поспѣшно вернулась.

V.

Въ бѣломъ домѣ съ зелеными ставнями, гдѣ помѣщалось се- мейство Громовыхъ, послѣобѣденная тишина нарушалась только однимъ звукомъ, раздававшимся по всѣмъ комнатамъ, — громкимъ, ровнымъ храпѣніемъ. Это генералъ изволилъ отдыхать въ свой обычный часъ.

Раздался звонокъ; лакей безмолвно отворилъ дверь, и Хабаровъ, шагами обычнаго посѣтителя, вошелъ въ залу съ опущенными бѣлыми сторами, гдѣ у окна сидѣла съ чулкомъ мать генеральши, Фелисата Петровна Озерова.

— Гдѣ Валерія? спросилъ онъ вполголоса.

— Она у себя въ комнатѣ, попомомъ отвѣчала Озерова, будто оторопѣвъ и свертывая чулокъ: — все сердится, не пускаетъ меня къ себѣ.

— Мнѣ нужно пойти къ ней на минуту, сказалъ Хабаровъ.

— Охъ, голубчикъ мой, Дмитрій Ефимовичъ, возразила она, поднявъ брови, какъ-будто собираясь заплакать: — не растревожьте вы ее пуще! Вѣдь она какая! Найдеть на нее блажь, расплачется, раскричится и разбудитъ генерала. А онъ со сна-то не приведи Господи какъ крутъ!

— Э, вздоръ, перебилъ съ нетерпѣніемъ Хабаровъ; — да что съ ней такое, вы должны это знать, наконецъ?

— Какъ передъ Богомъ, ума не приложу. Вы нашъ благодѣтель, я передъ вами-бы ужь не скрыла, если-бъ знала что.

— И зачѣмъ вы ее пустили ѣхать одну къ какому-то знахарю отчитываться? И развѣ повѣрю я, что она въ самомъ дѣлѣ ѣздила отчитываться? Тутъ что-нибудь другое.

Озерова вздыхала, поднимала глаза къ небу и покорно склоняла голову передъ гнѣвомъ Хабарова, котораго столько лѣтъ привыкла считать своимъ единственнымъ покровителемъ и совѣтникомъ.

Хабаровъ направился къ внутреннимъ дверямъ, неслышно прошелъ гостиную и вступилъ въ комнату хозяйки дома. Въ большихъ креслахъ, придвинутыхъ къ топившейся печкѣ, сидѣла Валерія, безсознательно устремивъ глаза на огонь. Черныя косы ея были разметаны по плечамъ, а на щекахъ горѣлъ жаркій румянецъ. У нея, очевидно, была лихорадка.

Она замѣтно вздрогнула при входѣ Хабарова, но не обратила на него глазъ.

— Я пришелъ серьезно поговорить съ вами, началъ онъ и хотѣлъ взять ея руку, но она стремительно отдернула ее и вскочила, какъ на пружинахъ.

— Вы опять съ допросами? воскликнула она въ сильнѣйшемъ возбужденіи; — это съ какого права? Я ужь не та дѣвочка, кото-

рой вы законы предписывали. Я замужняя женщина и вы мнѣ не мужъ, чтобъ меня тиранить. Вы сами-же выдали меня замужъ; пейте на себя, если теперь что не нравится... И чего вы ко мнѣ пристааете? Ужь не обяна-ли я вамъ отчетомъ въ томъ, что я больна? Я думаю, заболѣешь, когда на всю жизнь очутишься связанной съ какимъ-то дикимъ звѣремъ!.. Да и какое вамъ дѣло до меня теперь? Пора-бы оставить преждее!..

Хабаровъ сложилъ руки на груди и съ полнымъ самообладаніемъ выслушалъ этотъ потокъ раздражительныхъ словъ, зная по опыту, что ему нельзя противопоставить ничего, кромѣ терпѣнія. Когда Валерія остановилась, задыхаясь, онъ поднялъ голову съ нахмуренными бровями и, съ повелительнымъ жестомъ, сказалъ сурово и рѣшительно:

— Довольно. Я прошу тебя замолчать. Я не шутя хочу говорить съ тобой... можетъ быть, въ послѣдній разъ.

Валерія вдругъ притихла. Этотъ суровый тонъ подѣйствовалъ на нее, какъ и всегда.

— Во-первыхъ, сказалъ Хабаровъ, садясь возлѣ нея на кресло:—вы сейчасъ язвительно замѣтили мнѣ, что пора-бы оставить преждее. На это я отвѣчу прямо и опредѣленно, что я не желаю и никогда не буду желать возобновить прежнія наши отношенія, и вы очень дурно судите о людяхъ, если мое участіе къ вамъ приписываете какимъ-нибудь грязнымъ расчетамъ. Кажется, я достаточно вамъ это доказалъ съ самаго дня вашей свадьбы. И тутъ опять замѣчу вамъ мимоходомъ, что не я выбралъ вамъ этого мужа, а вы сами хотѣли такого, который былъ-бы богатъ, въ чинахъ и со связями. Но это все нейдетъ къ дѣлу; выслушайте меня, Валерія...

Но Валерія, все время удерживавшаяся отъ слезъ, теперь уже порывисто, хотя и не громко, рыдала. Хабаровъ палилъ ей воды изъ хрустальнаго графина; она отпила съ трудомъ нѣсколько глотковъ.

— Видите-ли, какъ вы разстроены, какъ слабы, сказалъ онъ съ участіемъ:—если-бы вы довѣрились мнѣ, какъ другу, какъ отцу, для васъ многое-бы облегчилось... Вы губите себя! прибавилъ онъ значительно.

— Что-же мнѣ дѣлать, когда вы меня Богъ знаетъ въ чемъ подозреваете! прервала она со слезами;—въ чемъ я вамъ буду довѣряться—вы всю мою жизнь знаете!

Хабаровъ не могъ удержатъ движенія глѣва.

— Вотъ потому-то, что я знаю вашу жизнь, я вижу ясно, что въ ней что-то не ладно и что вы что-то таите отъ всѣхъ — отъ меня, отъ вашей матери, отъ докторовъ.

— Ничего я не таю, а просто не хочу лечиться.

— Вы не хотите лечиться у настоящихъ докторовъ, а вдругъ я встрѣчаю у васъ въ Москвѣ какого-то медицинскаго студента, съ которымъ вы совѣтовались тайно.

— Что-жъ такое, пробормотала Валерія: — мнѣ его рекомендовали, а я и фамиліи его не знаю.

— Его фамилія — Бѣляевъ, возразилъ Хабаровъ рѣзко; — я его встрѣтилъ третьяго-дня здѣсь, у Сергія-Троицы.

Валерія раскрыла ротъ, чтобъ что-то отвѣтить, но побѣлѣвшія губы не издали ни одного звука и глаза ея невольно опустились передъ упорнымъ взглядомъ Хабарова.

— Хотите, чтобъ я вамъ сказалъ, гдѣ я его встрѣтилъ?

Она молчала.

— Возгѣ того дома, куда вы ѣздили отчитываться. Онъ два раза выходилъ оттуда, во второй разъ ночью; я не былъ увѣренъ, что это онъ, и слѣдилъ за нимъ до самаго монастыря. Но онъ бѣжалъ отъ меня, я въ этомъ увѣренъ, потому что у монастырской гостиницы онъ вдругъ пропалъ. Значитъ, прятался отъ меня; значитъ, навѣрное былъ онъ. Скажите мнѣ, Валерія, точно-ли вы были у отшельника, точно-ли это не другое какое-нибудь мѣсто?

Губы Валеріи сжались; все лицо ея приняло выраженіе дикаго упрямства.

— Гдѣ-же я могла еще быть? Вы думаете, что я назначала свиданіе какому-то Бѣляеву?

— Нѣтъ, я думаю, что это было нѣчто позначительнѣе свиданія. Валерія! я не могу безъ ужаса видѣть васъ безъ медицинской помощи, если только правда... то, что я думаю. Вы не довѣрили даже матери... подумали-ли вы, какія могутъ быть послѣдствія для вашего здоровья, для всей будущности?..

— Вы думаете, что у меня родился ребенокъ? возразила Валерія отрывисто, съ стиснутыми зубами; — куда-же-бы я дѣвала его здѣсь, на народѣ? Убила, что-ли?

Ноздри ея раздувались, глаза злобно блестя.

Хабаровъ взялъ ея руку.

— Вамъ все кажется, сказать онъ серьезно и кротко, — что я допрашиваю васъ изъ ревности и что я буду вамъ метить. Это очень горько и унижительно для меня. Положимъ, что я не всегда любилъ васъ отеческой любовью, но неужели вы допускаете во мнѣ такую испорченность, что, когда прерваны чувствennыя отношенія, во мнѣ кончилась всякая человѣческая привязанность къ прежде любимой женщинѣ? Я съ самаго вашего дѣтства имѣлъ къ вамъ такую привязанность, и могу сказать, что честно оберегалъ васъ отъ той жизни, на которую прочила васъ ваша мать. Лучшимъ средствомъ для этого мнѣ казалось замужество, и я помогъ вамъ пристроиться.

— За тѣмъ, чтобъ послѣ васъ я не досталась никому, кромѣ этого звѣря, къ которому вѣдь нельзя ревновать, рѣзко прервала Валерія, кивнувъ головой въ ту сторону, откуда раздавало храпѣніе, и продолжала съ злобой насмѣшкой: — Ну, вотъ вы такъ отлично знаете всю мою жизнь, вы такъ честно оберегали меня отъ всякихъ искушеній, — какимъ-же образомъ я-бы могла на вашихъ глазахъ завести себѣ любовника?

Хабаровъ оторопѣлъ отъ дерзости этихъ словъ и молча посмотрѣлъ на Валерію. Въ глазахъ ея было темно, какъ на днѣ колодца, въ складкѣ губъ лежала невыразимая иронія.

— Я не знаю, возразилъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ, хотя слова попали мѣтко и уязвили его самолюбіе; — я только остерегаю васъ, потому-что вижу, что вы стоите надъ пропастью. Вамъ девятнадцать лѣтъ, вы уклоняетесь отъ всякаго дружескаго совѣта...

— Неправда это все, неправда, неправда! вскричала вдругъ Валерія въ порывѣ гнѣва и швырнула на полъ кружевную косянку, лежавшую возлѣ нея на подушкѣ; — я нарочно все терпѣла, чтобъ дать вамъ высказаться. Съ какого права вы пришли ко мнѣ въ комнату все это говорить? Какъ вы смѣете меня оскорблять? Господи! неужели мало мученій!.. Вчера въ соборѣ только-что я хотѣла отдохнуть отъ пытки... тутъ пристаётъ мать, тутъ вы!.. Всѣ хотять забраться въ мою душу, какъ въ свой домъ, всѣ хотять вертѣть мою жизнь по-своему... и не подумаютъ... не подумаютъ, чего мнѣ стоитъ...

Она вѣдѣнилась въ свои черные волосы и прижала головой къ

подушкѣ. Стоны, не то горя, не то физической боли, вырывались у нея... Хабаровъ былъ блѣденъ.

Внезапно отворилась дверь и, пролѣзая въ нее бокомъ, явилась огромная масса тѣла, облеченная въ домашнее военное пальто. На гигантскихъ плечахъ крѣпко сидѣла большая, сѣдѣющая голова съ довольно грубыми чертами, изъ которыхъ отличительно выдавались большіе, на выкатѣ, свѣтло-голубые глаза, похожіе на стеклянные. Ими очень гордился генераль Громовъ, также какъ пеномѣрно-длинными усами, спускавшимися на грудь.

Изумленный и недоумѣвающій видъ, съ которымъ онъ остановился на порогѣ, былъ по-истинѣ комиченъ.

— Что тутъ такое? крикнулъ онъ, переводя свои выпуклые глаза съ жены на Хабарова и обратно; — что тутъ такое случилось?

Хабаровъ поблѣднѣлъ еще болѣе. Его мужскому воображенію представилось, что все пропало, что мужъ сейчасъ пойметъ все, что отъ него скрывали изъ жизни его жены, и что сама Валерія не въ силахъ будетъ выпутаться изъ этого положенія. Поэтому онъ былъ совершенно ошеломленъ, когда Валерія, вставъ съ кушетки, рыдая упала на грудь генерала.

— Говорите-же, что такое, продолжалъ тотъ; — кто тебя обидѣлъ? кто?

— Дмитрій Ефимовичъ воображаетъ, что я все та-же дѣвочка, которой онъ могъ дѣлать выговоры, проговорила она дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ. — Онъ позволяетъ себѣ читать мнѣ нотации, зачѣмъ я ѣздила отчитываться къ отпелышцу. Скажи ему, сдѣлай милость, что ты мнѣ это позволилъ и что я кромѣ твоего позволенія ни въ чемъ не нуждаюсь!

Она обняла одной рукой шею мужа и посмотрѣла Хабарову прямо въ лицо съ дерзкимъ торжествомъ.

Генераль кашлянулъ. Онъ привыкъ быть всю жизнь подъ вліяніемъ Хабарова и уважать его мнѣнія. Но тутъ онъ принялъ единственный видъ и началъ крутить усы, искоса посматривая на него.

— Что-же, сказалъ генераль, — онъ многимъ помогаетъ. Я это очень одобряю. И самъ даже поѣду когда-нибудь къ нему. Ты напрасно, Дмитрій Ефимовичъ, разстроилъ Валерію. У нея теперь амбиція есть: она знаетъ, что она моя жена!

— Слышите, Дмитрій Ефимовичъ? прервала Валерія рѣзко. — Стало бытъ, я могу обойтись безъ вашего покровительства; благодарю васъ за него въ прошломъ, но въ настоящемъ не прошу.

— Слышу, отвѣчалъ Хабаровъ, винувъ на нее взглядъ ледяного презрѣнія. — Слышу и ухожу. Вы начинаете новое поприще, Валерія Павловна; берегитесь, чтобъ не поскользнуться. Прощайте, мы больше не увидимся.

— Мы дольше видѣлись, чѣмъ слѣдовало. Прощайте, отвѣчала Валерія непоколебимо.

Генераль смотрѣлъ на нихъ съ изумленіемъ, раскрывъ ротъ. Онъ ничего не понималъ.

Только-что Хабаровъ вышелъ за дверь. Валерія оттолкнула мужа и упала на кресло въ сильномъ нервномъ припадкѣ.

VI.

Прошло три года послѣ описанныхъ происшествій.

Въ одинъ теплый майскій вечеръ по улицамъ села Завьялова мчался двухмѣстный тарантасъ, въ которомъ сидѣлъ молодой человекъ. Онъ направлялся къ небольшому, уютному домику, уютнѣшему въ густой зелени высокихъ липъ окружающаго его сада.

— Гдѣ больная? спросилъ докторъ, едва успѣвъ ступить на крыльцо, куда навстрѣчу ему вышла, прикрывая свѣчу колеблющейся рукой, старуха въ платкѣ, уже знакомая намъ осемидесятилѣтняя нянька Алениныхъ — Аграфена.

— Пожалуйста, пожалуйста, говорила она: — мы ужъ васъ заждались; барышня Любовь Федоровна у насъ очень больна. А старшей-то барышни нѣтъ дома.

Докторъ вошелъ въ залу; на него пахнуло запахомъ розъ; въ вечернемъ сумракѣ видѣлись только очертанія огромныхъ букетовъ, стоящихъ вездѣ: на окнахъ, на столахъ и консоляхъ. Дверь на балконъ сама-собой растворилась отъ вѣтра и глазамъ молодого доктора, еще вовсе незнакомаго съ деревней, открылась зияющая глубина сада съ широкими аллеями, съ неясными формами деревьевъ и кустовъ, вырѣзывавшихся на темно-голубомъ фонѣ теплаго майскаго неба.

— А мы только вчера про васъ прослышали, продолжала бол-

тать старуха-няня; — хватъ-похватъ — куда послать за докторомъ? Старшая барышня, хозяйка-то наша, какъ на бѣду уѣхала въ лѣсъ за тридцать верстъ. Онѣ у насъ обѣ сироты, папенька у нихъ въ прошломъ году скончался, надо самимъ за хозяйствомъ присмотрѣть... Вотъ мнѣ вчера и сказали, что въ Ключахъ новый докторъ поселился, а Ключи-то отъ насъ всего три версты. Я и послала за вами; извините только, что не сдумѣли васъ назвать по имени и по отчеству...

— Павелъ Ильичъ Бѣляевъ, сказалъ докторъ и тихо прибавилъ: — но я желалъ-бы видѣть больную.

Старуха заторопилась и, все приговаривая и рассказывая что-то, провела его черезъ коридоръ въ большую комнату, устланную ковромъ и слабо освѣщенную матовой лампой. Бѣлыя сторы на окнахъ были спущены; въ углу, на узкой бѣлой постели, неясно обрисовалась въ полусвѣтѣ граціозная, поэтическая женская фигура, приподнявшаяся съ подушекъ при входѣ доктора.

Бѣляевъ ступилъ ближе и увидѣлъ передъ собою молодую дѣвушку съ великолѣпными, спутанными бѣлокурыми волосами, съ цвѣтомъ лица, имѣвшимъ прозрачность и нѣжность лиліи. Большіе голубые глаза томно взглянули на него и слабый блѣдно-розовый румянецъ слегка окрасилъ щеки. Докторъ былъ пораженъ: ему еще не случалось видѣть близко такой красоты. Онъ молча глядѣлъ на пациентку и невольно ему приходило въ голову, что это сцена изъ романа, а не будничное явленіе деревенской жизни, къ которому онъ приготовился. Дѣвушка была завернута во что-то снѣжно-бѣлое, — не пеньюаръ, не блузу, не платье, но какія-то волны, перемѣшанные съ кисеей и кружевомъ, какъ рисуютъ въ бюсекахъ; на рукѣ ея сквозилъ сквозь кружево золотой браслетъ, а на тонкой шеѣ змѣилась, блестя, золотая цѣпочка съ маленькимъ медальономъ.

„Такъ вотъ [какова деревня! размышлялъ Бѣляевъ, все болѣе и болѣе удивляясь: — странно! неужели больныя здѣсь всегда наряжаются въ браслеты и цѣпи?“

— Чѣмъ вы больны? спросилъ онъ, садясь, и протянулъ руку, чтобъ пощупать пульсъ больной.

— Я не знаю, какъ опредѣлить вамъ главные припадки, начала она тихимъ, какъ-бы утомленнымъ голосомъ, и глаза ея томно полужакрылись.

— У васъ лихорадочное состояніе, замѣтилъ Бѣляевъ.

— А больше вы ничего не замѣчаете? спросила Любовь Федорова, вдругъ вскинувъ на него большими глазами.

Докторъ пожалъ плечами, въ знакъ того, что ожидаетъ объясненія отъ нея.

— Со мной какіе-то странные припадкы, которыхъ прежде никогда не было, продолжала она: — жженіе въ груди, тоска и, наконецъ, судороги...

— Судороги-то насъ и перепугали, вмѣшалась няня, все время стоявшая со свѣчей.

— Да; ты поди, няня... Не мѣшай намъ, я тебя послѣ по-ову, сказала Люба и, несмотря на мягкую пѣвучесть голоса, въ тонѣ ея слышались капризъ и самовластіе. Докторъ это замѣтилъ.

Старуха вышла, затворивъ за собой дверь.

— Судороги—вѣдь это очень странно, не правда-ли? обратилась къ доктору Люба.

— Смотря по тому, при какихъ обстоятельствахъ, возразилъ онъ и сдѣлалъ ей нѣсколько медицинскихъ вопросовъ, на которые она постоянно отвѣчала отрицательно.

— Нѣтъ, нѣтъ, я была совершенно здорова, заговорила она въ волненіи;—нѣтъ, не то, не то! Эта тоска была совсѣмъ особеннаго рода... какъ-будто что-то поднималось изнутри къ горлу и захватывало дыханіе... И теперь я чувствую сильную тяжесть и... и... страхъ.

— Вы не подвержены нервнымъ припадкамъ? спросилъ Бѣляевъ, наблюдая за нею.

— О, нѣтъ, никогда!.. никогда!

— Вашъ страхъ безпричинный?

Она вдругъ покраснѣла и глаза ея наполнились слезами.

— Нѣтъ, прошентала она и спрятала лицо въ подушку.

„Нервный припадокъ въ сильной степени“, рѣшилъ про себя докторъ. Но онъ имѣлъ обыкновеніе никогда не сообщать пациенткамъ результата своихъ наблюденій.

— Нѣтъ?—такъ что-же? спросилъ онъ очень тихо.

Люба приподняла голову и нѣсколько минутъ смотрѣла въ лицо молодому доктору. На его довольно красивомъ, меланхолическомъ лицѣ не выржалось ни любопытства, ни слишкомъ живого участія, но что-то своеобразное, казкой-то опытъ жизни, дававшій ему право относиться равнодушно къ различнымъ явленіямъ жизни и судить о

нихъ по-своему. Вообще это была фізіономія интересная и располагающая.

— Послушайте, заговорила Люба съ дѣтскимъ, умоляющимъ взглядомъ: — докторъ то-же, что духовникъ... Вѣдь я могу довѣрить вамъ все? Это останется между нами?

„Какъ хороша!“ невольно думалось доктору, когда она сѣла, прислонившись спиной къ подушкѣ, и, откинувъ волнистые волосы на плечи, наклонилась къ нему своимъ плѣнительнымъ лицомъ.

Люба прочла отвѣтъ въ его глазахъ и продолжала, понизивъ голосъ:

— Вы не находите въ моей болѣзни признаковъ отравленія? Онъ сдѣлалъ движеніе удивленія.

— Какимъ ядомъ? спросилъ онъ.

— О, я не знаю... не знаю. Но мнѣ кажется...

Бѣляевъ снова пощупалъ ей пульсъ, велѣлъ посмотрѣть себя въ глаза, и снова остался тайной для пациентки, несмотря на ея плохо скрываемое желаніе слышать приговоръ доктора.

— Я не вижу въ вашемъ состояніи ничего опаснаго, сказалъ онъ, — но мнѣ нужно знать, откуда вы почерпнули эту идею объ отравленіи?

На этотъ разъ на лицѣ его такъ ясно промелькнуло убѣжденіе, что все это только нервный припадокъ и больше ничего, что Люба вся покраснѣла и, задѣтая за живое, вскричала:

— Нѣтъ, это мнѣ не кажется! Я не стала-бы такъ говорить, если-бъ не имѣла основаній... Я скажу вамъ все; я увѣрена, сама не знаю почему увѣрена, что вамъ можно довѣриться...

Она протянула ему бѣлую, нѣжную ручку, послѣ пожатія которой всѣ первоначальныя убѣжденія доктора сильно поколебались. Онъ чувствовалъ себя все болѣе и болѣе заинтересованнымъ своей пациенткой.

Люба оперлась локтемъ на подушку и начала:

— Я живу вдвоемъ съ моею старшею сестрою. Я недавно вышла изъ института и скоро послѣ того отецъ умеръ... и я совершенно осталась во власти сестры. Она сама занимается хозяйствомъ и непремѣнно хочетъ и меня втянуть въ свои помощницы, но я этого не могу, что-же мнѣ дѣлать!.. я не могу сдѣлаться *помощницей* въ томъ смыслѣ, какъ здѣсь понимаютъ это слово, я не могу ставить денежную выгоду выше всего... Я говорю вамъ все

это за тѣмъ, чтобъ вы поняли, какая разница во взглядахъ и вкусахъ между мной и сестрою. Мнѣ понятно, что она не можетъ меня любить, и я не осуждаю ее за это.

— Она гораздо старше васъ? спросилъ Бѣляевъ.

— Да.

— И, вѣроятно, не такъ красива, какъ вы?

Этотъ вопросъ вырвался у него совершенно просто, какъ выраженіе мысли, пришедшей ему въ голову, но молодая дѣвушка, очевидно, увидала въ немъ горячій комплиментъ, потому что щеки ея зардѣлись и густыя рѣсницы опустились на глаза съ выраженіемъ робко-стыдливомъ и въ то-же время счастливымъ.

— Такъ вы живете совсѣмъ однѣ? спросилъ докторъ, самъ немного смутившись отъ неожиданно вышедшаго оборота разговора и забывая, что этотъ вопросъ совершенно нейдетъ къ дѣлу при медицинской консультаціи.

— Сестра отделяетъ отъ меня всѣхъ знакомыхъ, поспѣшно отвѣчала Люба жалобнымъ тономъ; — она почему-то не желаетъ, чтобъ я вышла замужъ...

Люба вся вспыхнула и наивно продолжала:

— Я и сама этого ужасно не желаю, не хочу ни за что, и я ей это говорила... но она всегда сердится, когда за меня сватаются... А я въ этомъ не виновата!

— Старая дѣва — понятно! пробормоталъ Бѣляевъ; — баковую-же связь это имѣть съ вашей болѣзнью?

— О, докторъ! что мнѣ вамъ сказать? проговорила Люба, падая головой въ подушки.

— Неужели сестра ваша рѣшилась отравить васъ изъ зависти?

— Нѣтъ; сохрани Богъ, чтобъ я обвиняла ее въ убійствѣ! вы не такъ меня поняли. Но вѣдь отравы не всегда производятъ смерть; бываютъ легкія отравы, отъ которыхъ человѣкъ можетъ пролежать нѣсколько дней или недѣль, можетъ потерять свѣжесть, получить болѣзненный видъ, болѣзненное расположеніе духа...

— Теперь я понимаю, что вы хотите сказать. Въ самомъ дѣлѣ, это возможно; что невозможно на свѣтѣ! Но я считаю, что такой поступокъ, по своей грубости и звѣрству, очень мало отличается отъ убійства.

Люба протяжно вздохнула.

— Не обвиняйте ее, прошептала она, — забудьте, что я вамъ все это сказала.

— Я не могу этого забыть, возразилъ Бѣляевъ, пожавъ плечами.

— Но вы говорите, что я виѣ опасности?

— Да; теперъ я вижу въ васъ только общее лихорадочное разстройство, но припадки могутъ повториться.

— О, да, да! И тогда я сойду съума отъ страха. Докторъ, оставайтесь со мной!

Она сложила руки на груди.

— Я могу, согласился докторъ, котораго тянуло къ этому дому какой-то романическій интересъ. Все, что онъ видѣлъ и слышалъ, подстрекало его любопытство.

Любовь Федоровна позвонила, заказала ужинъ, велѣла поставить самоваръ и приготовить гостю постель въ кабинетѣ. Она оживилась, голосъ ея окрѣпъ и сдѣлался какъ у здоровой.

„Нервный субъектъ, думалъ докторъ; — она выздоравливаетъ отъ одного развлечения. А, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ тутъ происходятъ трагедіи? Кто знаетъ!..“

— Куда-же уѣхала ваша сестра? спросилъ онъ.

— Анюта? Она купила тутъ участокъ лѣса и поѣхала смотреть его. Другой день она тамъ; не знаю, почему она отлучилась такъ надолго...

При этихъ словахъ Люба потупилась и какъ-то значительно взглянула на доктора, и взглядъ этотъ возбудилъ въ его головѣ мысль, что эта опасная сестра могла нарочно отлучиться на это время, чтобъ не видѣть успѣховъ болѣзни, вызванной ею. Заинтересованный всею этимъ, Бѣляевъ старался дознаться, какъ и что могла Люба выпить или съѣсть такое, чтобы вредно на нее подѣйствовало, но не могъ узнать ничего опредѣленнаго. Люба отвѣчала, что это могло быть въ чашкѣ чая, въ стаканѣ воды, выпитой на ночь, — она не знала. Повидимому, она сама пугалась того, что сказала, и докторъ, изъ деликатности, прекратилъ свои расспросы. Онъ вполне понималъ и сочувствовалъ страданію семнадцатилѣтней дѣвушки, вынужденной обвинять родную сестру въ преступленіи передъ постороннимъ человѣкомъ.

Разговоръ ихъ принялъ общій оборотъ и Люба такъ оживилась, что докторъ, прощаясь съ ней на ночь, сказалъ ей съ выраженіемъ легкой насмѣшки:

— Ну, гдѣ-же ваше жженіе въ груди? гдѣ судороги? гдѣ страхъ?

Она посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ и упрекомъ.

— А на груди вамъ тяжело? спросилъ онъ.

— Да, тяжело.

— Будто что-то подкатывается?

— Да, да!

— Я такъ и зналъ. Это называется истерическій клубокъ; истерика имѣетъ иногда такое свойство, что человѣку представляется все въ другомъ видѣ и даже то, чего нѣтъ.

Люба не отвѣчала ни слова; она медленно опустила на подушки, скривши лицо въ тѣни; рука ея похолодѣла въ рукѣ доктора и не отвѣчала на его пожатіе. Онъ стоялъ въ нерѣшимости, рассказываясь въ своихъ словахъ, но въ эту минуту глаза его упали на золотой браслетъ и онъ не могъ удержаться, чтобъ не сказать опять колкость:

— Этотъ браслетъ надѣвается, какъ признакъ болѣзни?..

Опять не было отвѣта; только слабая ручка съ усиліемъ освободилась изъ его руки и онъ увидалъ, какъ съ блѣдной щеки медленно скатилась слеза и расплылась пятномъ по подушкѣ.

Бѣляевъ ушелъ въ нѣкоторомъ смущеніи. Онъ вовсе не желать звить молодую дѣвушку; но въ его недолгой жизни ему пришлось уже испытать много такихъ вещей, которыя поставили его насторожѣ противъ кокетства и коварства женской природы. Излишняя довѣрчивость первыхъ годовъ юности привела его теперь къ скептицизму. Придя въ свою комнату, онъ прежде всего открылъ окно и, высунувшись изъ него совершенно, съ новымъ для себя наслажденіемъ вдыхалъ таинственные ночные ароматы. Молодой мѣсяцъ уже скрылся; тьма охватила старый садъ и еще опредѣленнѣе и сильнѣе сказалось въ воздухѣ присутствіе вѣчно юныхъ отпрысковъ липы, березы, смолистаго тополя, сирени, черной смородины. Посреди этихъ мощныхъ соковъ земли проносилось, какъ воспоминаніе о балѣ, какъ мелодія вальса, слабое благоуханіе розъ и резеды.

Бѣляеву стало необыкновенно хорошо: въ немъ забился тотъ пульсъ жизни, который онъ совсѣмъ отвыкъ въ себѣ чувствовать въ послѣдніе годы. Тоска по этомъ ощущеніи, ужасъ нравственной смерти въ двадцать пять лѣтъ заставили его бѣжать изъ Петербурга—изъ того Петербурга, гдѣ, что ни день, являлось въ вѣ-

домостяхъ извѣстіе о новомъ самоубійствѣ, — и искать инстинктивно исцѣленія среди жатвъ, лѣсовъ, полей, болотъ и овраговъ, — тамъ, гдѣ неутомимый, могучій источникъ свѣжей жизни вѣчно бьетъ неумоляемой струею изъ нѣдръ земли.

Онъ вспомнилъ съ невыразимымъ удовольствіемъ о томъ, какое почтенное количество верстъ отдѣляло ту труппу, гдѣ онъ теперь находился, отъ больной, разлагающейся столицы, сравнилъ окружающую его свѣжую, влажную, дышащую отдыхомъ отъ роскошной жизни дня темноту съ безпощадно, однообразно свѣтлыми нескими ночами, напоминавшими угрюмый призракъ Лермонтова: „Ни день, ни ночь; ни мракъ, ни свѣтъ...“ Онъ вспомнилъ, какъ далеко была отсюда желѣзная дорога — этотъ грозный агентъ общей деморализаціи, какъ ему казалось, и тотчасъ составилъ проектъ — когда будетъ писать къ *своимъ*, — непременно удвоить это разстояніе и прибавить, что Ключи и Завьялово лежатъ посреди непроходимыхъ дебрей и обваловъ. Все это изъ преувеличеннаго опасенія, что кто-нибудь изъ *нихъ* вздумаетъ найти его и тутъ и напомнить ему, что онъ привязанъ тысячью нитей къ тому міру, отъ котораго бѣжалъ. При этомъ воспоминаніи по немъ пробѣжала дрожь. Неужели правда, что онъ несвободенъ? Неужели правда, что у него тамъ, на сѣверѣ, есть жена? Это казалось такъ несомнѣнно съ свободой, привольемъ, просторомъ, дышавшими вокругъ него.

Однако это былъ фактъ; фактъ также и то, что всѣ его знакомые — за исключеніемъ нѣкоторыхъ, страстно и тайно завидовавшихъ ему, — соболѣзнуютъ теперь о немъ, считают добровольнымъ труженикомъ; что даже жена, простивъ ему всю нескладницу ихъ супружеской жизни и въ глубинѣ души очень довольная благовиднымъ предлогомъ ихъ размолвки, совершившейся безъ шума и потрясеній, такъ-же просто и естественно, какъ два разнородныхъ тѣла отдѣляются одно отъ другого, — рассказываетъ теперь всѣмъ, какъ благородно поступилъ ея мужъ, отправившись въ труппу для принесенія пользы народу, тогда какъ отлично могъ-бы жить въ свое удовольствіе въ собственномъ жениномъ домѣ на Стремляной, окруженный ея безчисленной родней, доставлявшей ему постоянную практику.

„Страшно писать, что здѣсь очень дурно, думаю Бѣляевъ, лежа ужъ въ постели: — пожалуй, закричать, что я мученикъ, и

пріѣдутъ спасать. А если написать, что хорошо, то позавидуютъ и пріѣдутъ полюбопытствовать“.

VII.

Ночью Бѣльева разбудила няня. Съ Любовью Федоровной сдѣлался жаръ и она металась въ тоскѣ по постели. Докторъ не на шутку испугался и велѣлъ тотчасъ послать нарочнаго въ Ключи, въ аптеку, за лекарствами.

„Странно, думаль онъ, держа руку больной и глядя на ея разгорѣвшееся, взволнованное лицо:—пульсъ отличный! Въ чемъ-же кроется разстройство?“

На коврѣ, въ ногахъ кровати, что-то блестнуло; онъ наклонился и поднялъ браслетъ Любы.

— Вы уронили, сказалъ онъ, подавая его ей.

Ея голубые глаза раскрылись и смотрѣли нѣсколько времени на браслетъ; потомъ она взяла его и съ силой швырнула въ противоположный уголъ.

— Простите, сказалъ тихо Бѣльевъ:—я тогда глупо пошутить... глупо и несправедливо.

Онъ поднесъ къ губамъ ея руку. Ея щеки вспыхнули отъ удовлетвореннаго самолюбія и отъ удовольствія, что онъ ее понялъ.

— Вы будете часто у насъ бывать? спросила она.

— Не знаю, какъ время позволить.

— Здѣсь мало сосѣдей, продолжала Люба,—а я очень люблю общество, люблю танцевать.

— Кто-же живетъ въ этомъ большомъ, прекрасномъ домѣ, который передѣлываютъ тутъ, въ вашемъ селѣ?

— Теперь тамъ никто еще не живетъ; но на-дняхъ туда ждуть помѣщиковъ. Это генераль Громовъ съ семействомъ, нашъ опекунъ.

Люба остановилась, потому что Бѣльевъ весь измѣнился въ лицѣ и, невольнымъ движеніемъ, выронилъ изъ рукъ стклянку, которую машинально вертѣлъ.

— Что вы? спросила Люба съ любопытствомъ.

Бѣльевъ нѣсколько минутъ молчалъ.

— Васъ не беспокоитъ сигара? сказалъ онъ, наконецъ, тихо.

— О, нѣтъ, я сама курю.

Няня Аграфена все время, для соблюденія приличій, сидѣвшая съ чулкомъ въ углу комнаты, неодобрительно покачала головой.

— Я ихъ выкинула, твои папиросы-то, сказала она:—отъ ихъ пуще заболѣешь.

— Такъ вы говорите—Громовъ? обратился докторъ къ Любѣ:—генераль Громовъ?.. Такъ онъ здѣшній помѣщикъ?

— Да; но онъ прежде здѣсь не жилъ, потому что не было дома. А теперь онъ купилъ домъ года три тому назадъ у моего отца, и въ нынѣшнемъ году его отдѣлываютъ для ихъ пріѣзда.

— И... и жена его пріѣдетъ также? спросилъ, запинаясь, Бѣляевъ.

— Да, и жена, и дочь его Юлія, съ которой я была вмѣстѣ въ институтѣ. Мы часто будемъ съ ними видаться; генераль у насъ опекуномъ.

— А! по какому-же случаю?

— Онъ давно былъ знакомъ съ отцомъ, и отецъ назначилъ его опекуномъ. Но Анютѣ это не нравится.

Люба вздохнула.

— Почему-же вашей сестрѣ это не нравится?

— Не знаю, она хочетъ все сама... она такая странная... Ее здѣсь называютъ нелюдимкой... ее здѣсь никто не любитъ...

— Зачѣмъ-же вы живете съ нею, если она дурно обходится съ вами?

— Ахъ, какъ же я ее оставлю?.. Я ее не виню. Можетъ быть, она оттого такъ ожесточилась, что ее никто никогда не любилъ.

Видя, что Люба совсѣмъ успокоилась и даже не нуждается въ каляхъ, за которыми онъ послалъ для нея, Бѣляевъ ушелъ. На этотъ разъ онъ не обратилъ больше вниманія ни на тишину ночи, ни на ароматы сада; онъ прямо легъ на постель и уткнулся головой въ подушку. Неожиданное извѣстіе, услышанное имъ, глубоко взволновало его.

„Вотъ судьба! думалъ онъ:—я все боялся встрѣтиться съ ней гдѣ-нибудь въ Петербургѣ—и поселился именно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она живетъ!..... Но я надѣюсь, что послѣ трехлѣтней разлуки и отчужденія, я сумѣю встрѣтить ее вполне равнодушно“.

Онъ не могъ спать. Часовъ въ 6 утра онъ сошелъ въ садъ, еще весь подернутый, какъ инеемъ, утреннею росою. Не было ни

жалѣйшаго вѣтерка; пышныя, полныя кисти бѣлой и лиловой сирени стояли недвижно по сѣбѣмъ сторонамъ широкой дорожки; цвѣтъ на вишняхъ распустился за ночь и точно спѣгомъ осыпалъ зеленѣющія куртины. Бѣляевъ спускался все внизъ по отлогой покатости дорожекъ; садъ былъ не великъ; внизу, на рыхломъ черноземѣ, разстилались гряды гороха, вьющагося по высокимъ тычинкамъ; зелень моркови и рѣпы густо и низко сидѣла кустами; далѣе садъ кончался маленькой березовой рощицей; изъ которой слышался шумъ родника. Бѣляевъ скоро набрелъ на струйку воды, скромно протекавшую по узкому ложу, и пошелъ вверхъ по теченію ея. Изъ-за кустовъ цвѣтущей калины передъ нимъ открылся родникъ, тщательно обложенный камнемъ, снабженный жолобомъ и обсаженный кругомъ забудками. Передъ этимъ родникомъ стояла въ эту минуту на колѣняхъ дѣвушка въ полосатомъ черномъ съ бѣлымъ холстинковомъ платьѣ и, подставивъ лицо подъ каскадъ, купала голову и шею въ холодной, какъ ледъ, влагѣ. Бѣляевъ остановился и глядѣлъ, какъ подъ напоромъ воды медленно распускалась масса свѣтло-каштановыхъ волосъ и, наконецъ, не удержавшись, тяжело упала съ плечъ и повисла до земли длинными, блестящими прядями. Тогда дѣвушка тряхнула головою, быстро подобрала и подколола волосы; затѣмъ, не вставая, она нагнулась и начала прилежно искать чего-то въ травѣ, вѣроятно щавеля, потому что по временамъ подносила листочки къ губамъ.

„Это, можетъ быть, здѣшняя горничная“, подумалъ Бѣляевъ и подошелъ ближе. Его занимало изученіе разныхъ мѣстныхъ типовъ и обычаевъ.

— О чемъ-бы заговорить? спрашивалъ онъ себя и, приподнявъ шляпу, поклонился.

Дѣвушка быстро поднялась на ноги и окинула его вопросительнымъ взглядомъ. Какая электрическая искра заставила ихъ обояхъ вздрогнуть въ одно и то-же мгновеніе, лишь только глаза ихъ встрѣтились... Какое таинственное воспоминаніе вдругъ залило краской щеки Анюты и тотчасъ-же смѣнило этотъ румянецъ блѣдностью? Да и какъ было не поблѣднѣть! Вжѣстѣ съ лицомъ Бѣляева передъ ней встала глухая полночь, шорохъ въ темнотѣ, прикосновеніе таинственной руки... потомъ потрясающіе звуки отчаянія и— страшное бремя, за которое она такъ дорого заплатилась!

И, однако, эти три года очень измѣнили Бѣляева. Черная, кра-

сивая борода окаймляла теперь его подбородокъ; волосы были не такъ всклокочены и не такъ густы; во взглядѣ лежало утомленіе, а въ линіяхъ рта едва замѣтная насмѣшка. Анюта Аленина пережѣнилась еще болѣе, хотя у нея остался тотъ-же мягкій обликъ и нѣжный цвѣтъ лица, но черные глаза освободились отъ тумана дѣтства и невѣденія, застилавшаго ихъ. Теперь это были глаза женщины, испытавшей и горькое, и сладкое въ жизни, и они смотрѣли глубоко, осмысленно и симпатично.

По устремленному на нее напряженному взгляду Бѣляева Анюта поняла, что хотя лицо ея поразило его, но онъ еще колеблется между сомнѣніемъ и увѣренностью, что это точно она. Это въ мигъ облегчило ей ея роль и уничтожило неловкость встрѣчи. Анюта рѣшилась оставить Бѣляева въ этомъ сомнѣніи.

— Откуда вы? спросила она непринужденно.

Бѣляевъ, еще не оправившись отъ смущенія, объяснилъ, кто онъ и по какому случаю находится здѣсь.

— А! докторъ изъ Ключей—знаю, я слышала, сказала она.

— А вы развѣ не здѣшняя? не изъ дома Алениныхъ?

— Нѣтъ, я ихъ сосѣдка. Я иду въ домъ, пойдите вмѣстѣ.

Они пошли рядомъ. Бѣляевъ украдкой разсматривалъ ее и замѣтилъ легкость и твердость ея походки. Анюта была тонка и миньютюрна, но въ упругости ея гибкихъ членовъ, въ здоровомъ загарѣ щекъ, облитыхъ живымъ румянцемъ, видны были энергія и сила, тающіяся подъ женской граціей. „Она или не она?“ спрашивалъ себя Бѣляевъ.

— Какъ вамъ понравились дѣвицы Аленины? спросила Анюта, видя, что докторъ не начинаетъ разговора.

— Я видѣлъ только одну — больную. Старшей нѣтъ дома; а вы ее знаете?

— Анну Федоровну? да, знаю.

— Она очень странная особа, кажется?

— А вы уже слышали о ней? Чѣмъ-же именно она странна?

— Я не знаю, я слышала мелькомъ... Разочарованная, нелюдимая, ожесточенная, что-ли; что-то въ этомъ родѣ.

— Кто-же не разочарованъ въ наше время! обратилась она къ нему, и въ ея темномъ взглядѣ будто засвѣтилось что-то изнутри;— а нелюдимость была-бы самое драгоценное, самое выгодное качество, если-бъ только можно было какъ-нибудь привить его къ себѣ...

Скажите, вы докторъ, — неужели медицина не думаетъ объ открытіи средства прививать вкусы и качества такъ, какъ прививаютъ оспу?

— Вкусы и качества? съ участіемъ спросилъ докторъ.

— Разумѣется; положимъ: равнодушіе, отсутствіе...

Она остановилась.

— Чего? спросилъ Бѣляевъ.

— Отсутствіе... — (она сжала рукою лобъ) — отсутствіе всего, что гложетъ... Отсутствіе того стремленія къ счастью, той жажды жизни, которая никогда не удовлетворяется?..

— Вы попали въ самую сокровенную мою идею, сказала докторъ: — сколько разъ я самъ мечталъ объ этомъ. Но признаюсь...

Онъ былъ прерванъ появленіемъ горничной, которая торопливо обратилась къ Анютѣ, говоря:

— Анна Федоровна, вы пріѣхали! Меня Аграфена Ивановна послала узнать и сказать вамъ, что Любовь Федоровна больна.

— Знаю, и веду къ ней доктора, спокойно отвѣчала Анюта.

— Такъ это вы Анна Федоровна Аленина? вскричала Бѣляевъ, ошеломленный превращеніемъ своей спутницы въ хозяйку дома, въ загадочную бабу-ягу, какою онъ представлялъ ее себѣ въ воображеніи.

— Конечно, я, отвѣчала она; — я думала, вы меня давно узнали.

— Но вѣдь вы сказали, что вы сосѣдка!

— Неужели вы повѣрили?

— Зачѣмъ-же вы обманывали?

— Такъ. Хотѣла знать, что вы скажете. Какіе вы странные! засмѣялась она: — какъ это повѣрить, что сосѣдка придетъ въ семь часовъ утра умываться въ чужой садъ?

Докторъ задумчиво пожалъ плечами.

— Какже вы сюда явились такъ рано? спросилъ онъ.

— Я выѣхала изъ лѣса до свѣту и пріѣхала сюда рано утромъ; тутъ съ поля есть калитка въ садъ, и я прошла прямо къ роднику умыться.

Они замолчали. Потомъ Бѣляевъ спросилъ:

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать.

— Почему-же это я вообразилъ, что вы старая дѣва! А вамъ даже и этихъ лѣтъ не кажется.

— Говорять, возразила она, — что это дурной знакъ, когда лицо кажется моложе своихъ лѣтъ. Это доказываетъ, будто-бы, что человекъ не жилъ, а прозябалъ въ сонной апатіи. Какъ вамъ кажется, жила я или нѣтъ?..

Анюта взглянула прямо на доктора и въ глазахъ ея опять за-жглись огоньки. Бѣляевъ затрепеталъ... Она смотрѣла на него, какъ знакомая, какъ-будто говоря ему этимъ взглядомъ, что онъ не чуждъ нѣкоторымъ эпизодамъ ея жизни. Невыразимое смущеніе, любопытство, живѣйшее участіе овладѣли Бѣляевымъ; на губахъ у него вертѣлся вопросъ, который онъ не смѣлъ и не зналъ, какъ формулировать... Но... еще мгновеніе—и декорація перемѣнилась. На лицѣ Анюты какъ-будто задернулась завѣса, которую она на минуту добровольно приподняла, и для Бѣляева стало опять немислимо обратиться къ этой незнакомой дѣвушкѣ, обращавшейся съ нимъ такъ серьезно и просто, съ какимъ-нибудь странно-фамиллярнымъ вопросомъ.

Между тѣмъ они вошли въ залу черезъ балконъ.

— Подождите немного здѣсь, сказала Анюта:—я пойду причесаться и переодѣться.

Она вышла, а Бѣляевъ задумчиво подошелъ къ этажеркѣ съ книгами и взялъ одну изъ нихъ, но чтеніе не шло ему на умъ. Образы этихъ двухъ дѣвушекъ, такъ различныхъ другъ отъ друга и находившихся въ какомъ-то антагонизмѣ, представлялись ему чѣмъ-то фантастическимъ.

Минуть черезъ пять послѣ того, какъ Анюта пришла въ свою комнату, дверь отворилась и медленной, старческой походкой вышла няня Аграфена.

— Насилу воротилась, матушка, начала она;—что-же ты къ сестрѣ-то не пойдешь, не провѣдаешь?

— Пожалуйста, няня, оставь меня, возразила Анюта, усиливаясь говорить спокойно.

— Ну, я тебѣ правду скажу, что тебя всѣ осудятъ. И докторъ, чужой человекъ, осудитъ. Ты старшая сестра, ты ей вмѣсто матери осталась, а ты что-же? Она больна, а ты на два дня въ лѣсъ ускакала и глазъ не кажешь.

Анюта, молча перемѣнявшая платье съ наружнымъ хладнокровіемъ, вдругъ рѣзко бросила на полъ кожаный поясъ, который

собиралась застегнуть на талии, и подошла къ нянѣ съ такими свергающими глазами, что та замерла на пол-словѣ.

— Отчего я уѣзжала на два дня? проговорила она, съ трудомъ переводя дыханіе: — оттого, что мнѣ надо было бѣжать отсюда куда-нибудь, куда глаза глядятъ!.. Если-бъ не было этого случая поѣхать въ лѣсъ, я-бы ушла въ болото!.. Ты говоришь, чтобъ я шла къ сестрѣ, когда она... въ глаза мнѣ сказала... когда она и тебя увѣрила... что я... Ахъ! говорить даже не хочется, круто оборвала Анята свою страстную рѣчь.

Аграфена видимо смутилась.

— Ну, это она не со зла сказала. Сохрани Господи, чтобъ родную сестру въ этомъ подозрѣвать. Вѣдь что, она еще ребенокъ! мало-ли что ребенку на умъ взбредеть!

— А ты ребенокъ, что ты повѣрила?

— Э, вздоръ какой, повѣрю я! А я только сказала, что, точно, это дѣлають, не то, чтобъ вредъ большой, а такъ, чтобъ голова поболѣла... Есть такія травы, что въ жаръ бросаютъ, а то въ сонъ. Вотъ ты все травы разныя набрасашь да сушишь — что мудренаго по ошибкѣ кому выпить дать...

— Довольно; я не хочу больше говорить объ этомъ, сказала Анята такимъ тихимъ, упавшимъ голосомъ, что сердце старухи дрогнуло отъ смутнаго угрызения. Она увидѣла блѣдность, смѣнившую яркую краску на лицѣ Аняты, и вышла въ сильномъ смущеніи, недоумѣвая, точно-ли была во всемъ права ея любимица Люба.

Когда Анята, пересидѣвшая, возвратилась въ залу, тамъ былъ уже приготовленъ чайный столъ съ кипящимъ на немъ самоваромъ, чашками, булками и букетомъ розъ по-реднигѣ. Комната эта, хотя небольшая, была необыкновенно красива своей чистотой и бѣлизной стѣнъ, на которой рельефно выдѣлялись вазы, наполненныя алыми розами.

— Ну, что наша больная? спросилъ Бѣляевъ, сидѣвшій съ книгой у окна.

— Я еще не видала ее, отвѣчала Анята, садясь разливать чай; — я полагаю, что она спитъ.

Докторъ видѣлъ, что она не хочетъ его спрашивать о сестрѣ, можетъ быть, догадываясь, что та уже предупредила его противъ нея; да и ему самому было неловко начинать объ этомъ. Разговоръ

ихъ обратился на посторонніе предметы; Бѣляевъ сталъ разсказывать, какъ новы ему кажутся здѣшнія условія жизни и какъ не похожъ быть крестьянъ на то, что говорятъ о немъ въ Петербургѣ.

Посреди какой-то его фразы дверь изъ гостиной тихо отворилась и, свѣжая, какъ утро, впорхнула Люба, въ нарядномъ лѣтнемъ платьѣ, съ широкой голубой лентой на бѣлокурыхъ волосахъ. Она непринужденно, съ граціозной институтской торопливостью, подала руку доктору и сестрѣ.

— Вы, кажется, не нуждаетесь больше ни въ какомъ лекарствѣ? сказалъ изумленный Бѣляевъ, не сводя съ нея глазъ и совершенно сбившись съ толку.

— Не знаю, отвѣчала она съ меланхоличной улыбкой; — вы докторъ, вамъ лучше знать.

— Я ровно ничего не понимаю, возразилъ онъ: — вчера вы лежали въ постели, а сегодня въ васъ нѣтъ и признака болѣзни.

— Что-же тутъ удивительнаго? — когда я чувствовала себя больной, я лежала; сегодня я хорошо спала и чувствую себя здоровой; не притворяться-же мнѣ!

Бѣляевъ глядѣлъ на Анюту; она была видимо взволнована и румянецъ то появлялся, то пропадалъ на ея щекахъ. Наконецъ, она повернулась къ нему и спросила слегка дрожащимъ голосомъ:

— А вчера, когда за вами послали нарочнаго, въ какомъ положеніи вы нашли Любу? была опасность?

— Никакой опасности, но возбужденное состояніе; тѣхъ припадковъ, на которые жаловалась Любовь Федоровна, я уже не нашла.

— Какіе-же это были припадки?

Докторъ перевелъ глаза на Любу. Какъ-будто не о ней шла рѣчь, она безпечно стояла позади стула Анюты, опершись на спинку его обѣими руками и всю грудь, и шалила волосами сестры, слегка трогая ихъ пальцами.

— Люба, сказала Анюта, отклоняясь отъ ея руки и повертываясь къ ней лицомъ, — ты не сообщала доктору, что считаешь себя отравленной?

— Нѣтъ, сообщила, равнодушно отвѣчала та.

Прошла минута молчанія. Бѣляевъ не зналъ, что подумать.

— Ну, что-же, наконецъ, продолжала Анюта съ нетерпѣніемъ

и волненіемъ:—разъяснилось это чѣмъ-нибудь, разувѣрилъ тебя докторъ или ты продолжаешь думать, что ты выпила отраву?

Люба разсѣянно взяла изъ букета цвѣтокъ и начала его нюхать.

— Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ была какая-нибудь отравка, сказала она, обрывая губами лепестки бѣлой розы;—почемъ я знаю! У меня было совершенно такое чувство, какъ-будто меня отравили.

— Стало быть, вы мистицировали меня вчера? спросилъ докторъ.

— Почему мистицировала? возразила она, раскрывъ большіе голубые глаза.

— Потому что я вижу, что все это была шутка, тогда какъ вчера вы говорили такъ серьезно и съ такимъ убѣжденіемъ, что даже испугали меня.

Люба бросила на Бѣляева взглядъ упрека и возразила съ отѣнкомъ грусти и обиды:

— Я совсѣмъ не шутила, мнѣ было не до шутокъ. Я сама не знаю, почему мнѣ тогда все представлялось въ мрачномъ свѣтѣ... я чувствовала какой-то безотчетный страхъ... Мало-ли что могло мнѣ казаться.

Докторъ пристально посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Такъ вамъ теперь ничего этого больше не кажется?

— Чего? спросила Люба какъ-будто съ удивленіемъ.

— Всего того, что вы мнѣ вчера говорили?

— Да я не помню хорошенько. Вы спрашиваете про отравленіе? Я высказала это вамъ, какъ предположеніе... потому что я считала, что отъ доктора ничего нельзя скрывать, докончила она, опуская глаза.

— Слѣдовательно, вы теперь здоровы; позвольте мнѣ проститься съ вами, сказалъ Бѣляевъ, вставая.

Уходя, онъ не могъ не замѣтить по блѣдности Анюты, какъ тяжело ложилося на нее то, что для сестры ея было, повидимому, совершенно незначительно.

Между тѣмъ Люба смотрѣла на него изъ-за занавѣски окна и, проводивъ его глазами, окинула взглядомъ торжества мрачно задумавшуюся сестру и пошла въ свою комнату. Тамъ, прежде всего, она подошла къ зеркалу и посидѣла передъ нимъ нѣсколько ми-

путь, любуясь на себя; потомъ достала изъ стола большой красный альбомъ—подарокъ институтскихъ подругъ, раскрыла его, перелистала, и, обмокнувъ перо въ чернильницу, начала красивымъ, мелкимъ почеркомъ быстро строчить по его страницамъ. По временамъ она приподнимала голову, опиралась на руку и устремляла задумчивый взоръ въ зеркало, висѣвшее прямо передъ нею и отражавшее ея граціозную фигуру и голову.

Вотъ что она писала:

„Какъ странно я была больна вчера... Никогда не испытывала я ничего подобнаго... И какъ все это поэтично кончилось! Точно судьба хотѣла вознаградить меня за всѣ насмѣшки и оскорбленія Анюты... Какъ она зла, какъ тяжело мнѣ переносить всѣ ея обиды! Утромъ, въ тотъ день, какъ мнѣ заболѣть, я сказала ей, что у насъ въ сосѣдствѣ новый докторъ; она тотчасъ-же отвѣчала язвительнымъ замѣчаніемъ, что, вѣрно, я очень желаю съ нимъ познакомиться. Не знаю почему, я не могу равнодушно слышать ея голоса; мнѣ всегда кажется, что она хочетъ сказать мнѣ что-нибудь особенно-оскорбительное или горькое... Но на этотъ разъ я была болѣе обыкновеннаго чувствительна къ ея словамъ. Не помню хорошенько, что говорила Аня, но мнѣ казалось, что она высказываетъ ужасно-обидныя вещи, обвиняетъ меня въ навязчивости... въ кокетствѣ... Я вдругъ почувствовала, что у меня что-то подступило къ горлу, дыханіе стѣснилось, мнѣ захотѣлось плавать-кричать, стонать... Я не выдержала: руки и ноги у меня похоло, дѣли, изъ груди вырвался крикъ. Когда я очнулась, я увидала, что лежу на постели; Аня растирала мнѣ виски и прехладнокровно говорила: „Няня, отчего съ ней могла сдѣлаться истерика, какъ ты думаешь?.. Не дать-ли ей лавро-вишневыхъ капель?“ Отъ этихъ бездушныхъ словъ у меня опять стѣснилось дыханіе; припадокъ повторился съ еще большею силою, такъ что концы пальцевъ стало сводить. Вдругъ стоявшая тутъ горничная говоритъ: „А вѣдь точно такъ было съ нашей женщиной, которая вышила сулемы!“ Не знаю, что со мной сдѣлалось отъ этихъ словъ! Меня охватилъ ужасъ... Что, если я отравлена? но кѣмъ? но за что? кому я сдѣлала зло? Развѣ одной Анютѣ, и то невольно, произвольно. Правду говорятъ, что красота роковой даръ!.. Но развѣ я виновата въ немъ? Развѣ моя вина, что у Анюты нѣтъ такого блестящаго цвѣ-

„Дѣло“, № 1.

4

та лица, какъ у меня, и что всё это замѣчаютъ? Тутъ я невольно вспомнила эту мрачную баладу:

„Взгляни: ты, какъ волны, сестрица, смугла,
А я—молодая—какъ пѣна бѣла!“
Вскипѣла смуглянка и, гнѣва полна,
Сестру свою въ море столкнула она!“

Тутъ Люба взглянула въ зеркало, сдерживая улыбку, невольно просившуюся ей на губы. Она знала, что къ сорту ея красоты идетъ легкая меланхолія, и старалась усвоить себѣ это выраженіе.

„Я не вытерпѣла, писала она опять, — и прямо высказала Анютѣ всё мои подозрѣнія; я не хотѣла скрывать ихъ. И что-же? вмѣсто того, чтобъ заплакать или объясниться, она вся вспыхнула и взглянула на меня такими глазами, что я имѣю право считать ее способною на все. Она хлопнула дверью, бросила меня умирающею и уѣхала... куда-же? — въ лѣсъ! вѣроятно, за! покупками. И тутъ, безъ нея, ночью, при слабомъ свѣтѣ лампы, произошла эта сцена перваго моего свиданія съ *нимъ*...“

Люба, забывъ, что къ меланхоліи не идутъ быстрыя движенія, вскочила и, съ улыбкой восторга, начала ходить по комнатѣ, очевидно рисуя себѣ разныя очаровательныя картины. Потомъ стремительно сѣла опять къ столу и перо ея еще быстрѣе забѣгало по бумагѣ:

„Я лежала въ ослѣпительно-бѣломъ, легкомъ пеньюарѣ; простой золотой браслетъ обвивалъ мою руку; на шеѣ висѣлъ медальонъ... Онъ не могъ скрыть своего изумленія при видѣ меня. Въ глазахъ его было восхищеніе... я это видѣла, и смятеніе овладѣло мною... О! какой разговоръ! сколько поэзіи!.. Я воскресла и не чувствовала больше ни боли, ни страданія. Но утромъ я узнала, что Анюта воротилась и сидитъ съ нимъ. Я ужаснулась, чтобъ она не пользовалась моимъ отсутствіемъ, чтобъ очернить меня, и поспѣшила видти въ залу...“

Шумъ за дверью заставилъ Любу захлопнуть альбомъ. Вошла Аграфена.

— Любочка... начала она.

— Ахъ, это ты! съ досадою вскричала Люба; — ты вѣчно мнѣ мѣшаешь!

— Я за дѣломъ...

— А я развѣ такъ сижу? я также дѣлаю дѣло!

— Великое дѣло—писаніе!

— Можетъ быть, мое писаніе важнѣе, чѣмъ всѣ твои дѣла,— почему ты знаешь, что я пишу? Ступай, ступай отсюда, я занята по горло!..

— Ну, если занята, такъ я въ другой разъ, покорно возразила Аграфена и ретировалась за дверь.

VIII.

При вѣздѣ въ Завьялово, на склонѣ горы, стоялъ старинный, величавый господскій домъ, вокругъ котораго все кипѣло дѣятельностью. Широкій дворъ, опоясанный флигелями и службами, былъ полонъ рабочихъ; одни вывозили мусоръ, другіе стружки, третьи бѣгали по крышѣ, недавно окрашенной блестящей зеленой краской. Все было отдѣлано и выкрашено за-ново, балконы съ позолоченными рѣшетками и колонны подъезда блестяли на солнцѣ. Посреди двора возвышался цвѣтникъ, а посреди цвѣтника—бассейнъ, изъ котораго, къ изумленію и восторгу уличныхъ мальчишекъ, весело и бурно била ключевая вода. Сзади дома, вверхъ и внизъ по склону горы, живописно разстилался садъ съ столѣтними дубами и березами, съ бѣлыми и пестрыми павильонами, съ бесѣдками изъ акацій и дикаго винограда. Посреди ихъ темной зелени стройно и величественно поднимался кверху бѣлый куполь церкви съ золотымъ крестомъ. Внизу горы протекала широкая рѣка и перекинутый черезъ нее красивый мостъ велъ прямо къ воротамъ господскаго дома. На нѣсколько саженой ниже моста шумѣла и гремѣла своими колесами водяная мельница.

Наконецъ, приготовленія кончились, водворился стройный порядокъ и на дворѣ, и въ домѣ, и въ одинъ прекрасный день широкіе ворота распахнулись для принятія въ себя семейства генерала Громова. Оно состояло изъ него самого съ женою, изъ дочери его, институтки, и изъ матери его жены, Фелисаты Петровны Озеровой, которая, размѣстивъ своихъ сыновей и дочерей по разнымъ заведеніямъ, пріѣхала теперь отдохнуть отъ трудовъ своихъ въ имѣніе дочери. Кромѣ того, съ ними былъ также пріѣхавшій въ отпускъ молодой юнкеръ Озеровъ, старшій сынъ Фелисаты Петровны.

На другой день вечеромъ всѣ окна громовскаго дома были ярко освѣщены, двери балконовъ раскрыты настежь. Въ гостиной, отдѣленной отъ залы только колоннами, покоясь на мягкихъ диванахъ и услаждаясь фруктами, отдыхали съ дороги хозяинъ и хозяйка. Фелисата Петровна, въ безмолвномъ восторгѣ, завернувшись въ шаль, носилась по комнатамъ, отдавая лакеямъ ненужныя приказанія, единственно для наслажденія ихъ произносить: „Поправьте лампы! закройте окно! вынесите цвѣты—очень сильно пахнутъ!“

Сестры Аленыны были также тутъ, приглашенныя съ самаго утра на весь день къ своему опеуну.

Люба прохаживалась по залѣ рука-объ-руку съ своей институтской подругой Юліей Громовой. Эта послѣдняя была до того поразительно похожа на отца, что самъ Громовъ въ умилении говорилъ иногда, что стоитъ надѣть на нее мундиръ и панталоны, чтобы всѣ въ домѣ затряслись отъ страха, думая, что это онъ. Росту она была сравнительно такого-же высокаго и почти такъ-же полна, какъ онъ, такъ-что, несмотря на равенство лѣтъ, Люба казалась передъ нею ребенкомъ. Распустивъ по плечамъ свои свѣтлые волосы и наивно выставляя необыкновенную роскошь бюста, стянутого розовымъ поясомъ на сѣромъ баржевомъ платьѣ, она ступала рядомъ съ воздушной Любой тяжело, какъ слонъ. Впрочемъ, несмотря на круглый носъ и постоянно раскрытый ротъ, Юлія не была дурна: блестящая бѣлизна блондинокъ выручала ее покаместъ. Она была даже бѣлѣе своей мачихи, что составляло для нея предметъ нестоимой гордости.

Однако, Валерія замѣчательно похорошѣла съ тѣхъ поръ, какъ Аня видѣла ее такою блѣдною и истощенною у Сергія-Троицы. Высокая прическа и богатый нарядъ удивительно шли къ ея правильнымъ, гордымъ чертамъ.

Въ этотъ вечеръ она была въ какомъ-то тревожномъ состояніи, хотя довольно живо участвовала въ разговорѣ. Въ десятый разъ вскакивала она съ дивана, безцѣльно и торопливо ходила по амфиладѣ комнатъ, съ шумомъ волоча шлейфъ своего тяжелаго шелковаго платья, садилась къ роялю, разсѣянно брала акордъ, опять вставала, останавливалась передъ картиной или букетомъ цвѣтовъ, потомъ опять бросалась на диванъ, какъ изломанная, измученная, закинувъ руки за голову... Ее волновало извѣстіе, узнанное въ этотъ день отъ Аленыныхъ, а именно: что въ Ключахъ живетъ

молодой докторъ, по фамиліи Бѣляевъ. Хотя Валерія и говорила сама себѣ, что бываетъ множество одинакихъ фамилій, но это совпаденіе имени и профессіи не давало ей покоя. Она жаждала вочію увидать этого доктора, чтобы убѣдиться, что это не тотъ Бѣляевъ, съ которымъ она, три года тому назадъ, такъ безжалостно и рѣзко порвала всякія сношенія, изъ страха быть компрометированной.

Анюта только воротилась изъ сада и стояла въ дверяхъ балкона. Она не могла оторвать глазъ отъ этихъ дремучихъ дубовыхъ алей, манившихъ ее въ свою знакомую глубину. Въ этомъ саду, принадлежавшемъ еще недавно ея отцу, она провела все свое дѣтство.

Генераль Громовъ, развалившись на диванъ и куря сигару за сигарой, посматривалъ на Анюту, стараясь придать своему лицу выраженіе лукавства.

— Что, Анна Федоровна, началъ онъ снисходительно-шутливо:—садикъ-то не узнаете, я думаю?.. То-то что значить настоящій хозяинъ, который во всемъ толкъ знаетъ: деревья всѣ подстрижены, дорожки расчищены. Вашъ отецъ, я всегда правду скажу, въ хозяйствѣ ничего не понималъ. А я хоть весь мой вѣкъ на конѣ и въ мундирѣ, да всякому сельскому хозяину укажу, что надо дѣлать!

Тутъ Громовъ выпрямился съ такимъ торжественно-воинственнымъ видомъ, что Анюта поспѣшно отвернулась къ балкону, чтобы скрыть улыбку: этотъ огромный, точно деревянный генераль казался ей невыразимо смѣшонъ и видомъ, и каждымъ своимъ словомъ.

— Что-же вы укажете сельскому хозяину? спросила она.

— Все! разразился генераль, приходя въ азартъ, и, вставъ съ мѣста, онъ быстро подошелъ къ Анютѣ и уставился ей прямо въ лицо;—вы что думаете, Анна Федоровна: я какъ вотъ здѣсь живу, такъ вы черезъ три мѣсяца здѣшній край не узнаете! Всѣ эти нововведенія у меня къ чорту полетятъ. У меня проекты разные... у меня такая работа вотъ здѣсь идетъ.—(Онъ указалъ пальцемъ на лобъ.)—А то выдумали еще исполное хозяйство какое-то. Слыханное это дѣло, а?!

— Но какъ-же... хотѣла-было возразить Анюта, но Громовъ не далъ ей выговорить.

— Вы въ это не вступайтесь; будьте покойны, я вамъ все это обдѣлаю. Я дамъ вамъ изъ вашего имѣнія двѣ тысячи серебромъ! Тогда вы и оцѣните, каковъ Абрамъ Николаевичъ Громовъ!

На этомъ мѣстѣ расходившагося Громова остановила рука его жены, легшая на его плечо.

Причиной этого обращенія къ нему Валеріи было слѣдующее обстоятельство: когда она сидѣла за роялемъ, Фелисата Петровна, все придумывавшая въ умѣ что-нибудь такое, что возвысило-бы ее во мнѣніи Алениныхъ, показавъ имъ, какъ исполняются всѣ ея прихоти, подошла къ ней и сказала:

— Валерія, прикажи, душа моя, сбить мнѣ гоголь-моголь на шампанскомъ.

— Зачѣмъ вамъ? разсѣянно спросила Валерія.

— Не знаю, что-то горло заложило, перхота такая неприятная; мнѣ всегда помогаетъ гоголь-моголь.

Валерія вдругъ вскочила, озаренная внезапной мыслью.

— За докторомъ! вскричала она.

Даже сама Озерова изумилась: она не ожидала такого блестящаго успѣха.

— Опасности еще нѣтъ, можно подождать, проговорила она, сдерживая довольную улыбку.

— Зачѣмъ-же ждать?

— Ахъ, Валерія, не надо, пожалуйста, я не хочу! громко твердила Озерова вслѣдъ дочери, оглядываясь, слышутъ-ли всѣ.

Но Валерія уже была возлѣ мужа.

— Абрамъ Николаичъ, прикажи послать въ Ключи за докторомъ. Мамаша очень больна.

— Больна? чѣмъ?

— Захватило горло; я боюсь, чтобъ не сдѣлалась жаба, теперь ходитъ повѣтріе.

— Я самъ лучше всякаго доктора лечу отъ жабы, возразилъ генераль;— да и не отъ одной жабы, а отъ какой хотите болѣзни вылечу въ два дня! Подойдите-ка сюда, Фелисата Петровна, что тутъ у васъ приключилось?

Озерова подошла, усиливаясь кашлять.

— Вотъ тутъ у меня какъ-будто въ родѣ желѣзы, импровизовала она,—и неловко глотать, будто опухоль.

Громовъ велѣлъ ей раскрыть ротъ, пощупалъ горло и щеки и сказалъ съ разстановкой, отчеканивая каждый слогъ:

— Возьмите вы сала, возьмите вы дегтю, возьмите вы соли, всего по равной части; намажьте на тряпочку, завяжите кругомъ горла тесемкой—и завтра у васъ все какъ рукой сниметь.

— Это на ночь прикажете сдѣлать? подобострастно спросила Озерова;—я сейчасъ всё ваши слова на бумажкѣ запишу.

Въ душѣ ей было ужасно досадно, что все ея леченіе ограничилось саломъ и дегтемъ. Но Валерія значительно посмотрѣла на мужа, взяла его подъ руку и увела въ кабинетъ. Тамъ она плотно притворила дверь и заговорила шопотомъ:

— Абрамъ Николаевичъ, какъ это ты такъ срамишь себя передъ чужими людьми?

— Я?!—(Онъ выеатилъ на нее звѣрскіе глаза).—Это еще что значить?

— Какже ты хочешь лечить маменьку домашними средствами, какъ-будто у тебя нѣтъ состоянія послать за докторомъ! Зорины, Барановы, Глушковы не намъ чета, и то всегда берутъ доктора. Да вотъ Любочка Аленина передъ нашимъ прїѣздомъ была больна, и сейчасъ послали въ Ключи...

— А ты думаешь, я безъ тебя не знаю? заревѣлъ Громовъ, сердясь на жену за то, что ему самому не пришла въ голову эта мысль;—что я, безмозглый, что-ли, что самъ-то ужъ и сообразить не могу?.. А я затѣмъ и вышелъ, чтобъ послать за докторомъ: вотъ ты и ошиблась! А лекарство мое все-таки лучше докторскаго будетъ.

— Конечно, лучше, я въ этомъ увѣрена; но для свѣта нельзя же... Притомъ этотъ докторъ здѣсь недавно: надо-же, чтобъ онъ насъ зналъ.

— Да ужъ ты не учи!

Громовъ позвонилъ.

— Вели заперчь Сѣраго въ маленькіе дрожки, сказала Валерія.

Генералъ посмотрѣлъ на нее прищурившись и съ усмѣшкой, потомъ обратился къ вошедшему лакею и сказалъ медленно и торжественно:

— Сію минуту заложить парой двухмѣстную карету, въ корень Алмаза, на пристяжку Огневого, — ѣхать въ Ключи и привезти оттуда доктора безъ всякихъ отговорокъ.

И онъ такъ гордо посмотрѣлъ на Валерію, что она не могла удержаться отъ улыбки. Генераль тоже засмѣялся.

— Вотъ и выходитъ, сказалъ онъ, — что у бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ. Это ежели-бы кто изъ прикащика семейстра заболѣлъ, такъ можно-бы дрожки послать, а для генеральшиной матери—что-же, какъ не карету?

Когда по дому разнеслось извѣстіе, что посылаютъ за докторомъ, институтки, ходившія по залъ, пришли въ сильное волненіе и зашептались еще болѣе.

— Ну, расскажи-же, какъ у васъ былъ этотъ докторъ, спрашивала Юлія;—а потомъ я тебѣ все про себя расскажу.

— Особеннаго ничего, отвѣчала Люба, опустивъ голову и разглаживая оборку платья;—но обстоятельства были такія романческія, такія необыкновенныя... Со мной какъ-то все случается не такъ, какъ съ другими людьми!..

— Что-же, онъ предлагалъ тебѣ любовь?

— Ахъ, нѣтъ!.. Впрочемъ, тебѣ этого не понять! вздохнула Люба, отъ души жалься, что у нея не было подъ рукой болѣе понятливой слушательницы.

— Я-то не пойму? возразила самоувѣренно Юлія. — Ты еще, матушка, не знаешь, какова я. Со мной романъ за романомъ! Я у моей мачихи всѣхъ поклонниковъ отбила нынѣшней зимой!

Юлія радостно захохотала.

— Неужели? съ недоувѣрчивой усмѣшкой спросила Люба.

— Ты слушай! Разъ сидитъ у насъ одинъ графъ Зоринъ: брюнетъ, лицо продолговатое, собой недурень. Мамаша съ нимъ такъ и разсыпается, а я нечаянно и подхожу. И въ головѣ у меня ничего не было. Такъ, какъ обыкновенно я себя держала, подошла; рука у меня вотъ такъ на талии, а другой рукой я серьгу поправляю. Что-же?—графъ самъ не свой вдругъ сдѣлался, знаешь, такъ въ меня глазами впился, такъ и затрясся... Гляжу: качается на стулѣ, да и только!.. Я этого ничего не понимаю, сажусь себѣ возлѣ него; гляжу, а онъ на мою ботинку смотреть. Каково?.. Ну, ты и представить себѣ не можешь, Люба, какъ я тутъ съ нимъ начала говорить: точно книга кака! Сама не знаю, что со мной сдѣлалось. Обо всемъ, обо всемъ я говорила: объ исторіи, о географіи, объ естественныхъ наукахъ... какъ это еще тамъ?.. да! о политической экономіи. Ну, не повѣришь, такъ это у меня и льется!

Потомъ мачиха даже сама мнѣ сказала: „Ну, говорить, Julie, я на тебя просто зла! Ну, до того ты умна, до того ты находчива, что я передъ тобой пасъ!“ Каково это тебѣ покажется?

Люба молчала, неприятно пораженная апломбомъ той самой Julie, надъ простотой которой въ институтѣ, бывало, всѣ подсмѣивались.

— А вѣдь я пополнила послѣ института, ты замѣчаешь? заговорила Юлія.

— Да, ты ужасно толста.

— Я вовсе не толста, но полна. Знаешь, Люба, нынче опять мода на полноту пошла, это я навѣрное знаю. Одна дама мнѣ сама говорила, что полнота теперь въ рѣдкость. А вѣдь мода всегда на рѣдкости. Да что грѣха таить, Люба, мы съ тобой не даромъ слыли первыми красавицами въ институтѣ!

Мы съ тобой—это было ужь слишкомъ. Люба поежилась, какъ подъ уколомъ булавки.

— Я не помню, чтобъ меня съ тобой когда-нибудь сравнивали, возразила она.

— Ну, вотъ, не помнишь! Нѣтъ, я такъ все помню; я старыхъ подругъ не забываю. Хоть я и богаче тебя, и знатнѣе, а я передъ тобой не горжусь. По-моему, это только пустые люди гордятся своими достоинствами.

Люба не могла опомниться отъ этого тона.

— Я также не буду гордиться передъ тобой, сказала она холодно и вся покраснѣвъ.

Дверь залы отворилась и вошелъ чрезвычайно красивый молодой человѣкъ въ юнкерской формѣ.

— Ахъ, шепнула Юлія на ухо подругѣ:—это Аркадій, моей мачихи братъ; хорошенькій такой, прелесть!..—Гдѣ это вы были, Аркадій Павловичъ?

— Тамъ, гдѣ меня теперь нѣтъ, отвѣчалъ юнкеръ.

— Всегда вы такъ! никакого толку отъ васъ не добьешься.— Ахъ, Люба, я одну вещь хочу у тебя спросить...

Юлія взяла обѣими руками голову Любы и начала шептать ей громкимъ шопотомъ:

— Не знаешь-ли, кровное у меня родство съ Аркадіемъ или нѣтъ? Можно намъ съ нимъ вѣнчаться или грѣхъ?

— Зачѣмъ это тебѣ? насмѣшливо спросила Люба.

— Да такъ, все лучше навѣрное знать. А то не знаешь, какъ себя держать.

Юнкеръ посмѣивался, поглаживая усы.

Люба оставила руку Юліи и пошла сѣсть къ роялю. Юлія побѣжала за ней, юнкеръ также.

— Отойдите подальше, обратилась къ нему Юлія, — мы при васъ не станемъ играть.

— Развѣ я мѣшаю?

— Конечно, мѣшаете. — Любочка, мѣшаетъ онъ?

— Что такое? спросила Люба, какъ-бы очнувшись и приподнятая голову; пальцы ея скользили по клавишамъ и брали задумчивые акорды.

— Давай въ четыре руки, сказала Юлія, которая также хотѣла выказать всѣ свои таланты.

Онѣ заиграли польку. Аркадій отошелъ и помѣтился, какъ зритель, между колоннами, отдѣлявшими залу отъ гостиной, за тѣмъ, чтобъ наблюдать въ одно время и за обѣими подругами, и за Анютой и Валеріей, которыя вели оживленный разговоръ.

— Я не знаю, говорила Валерія;—я думала, что вамъ давно извѣстно намѣреніе моего мужа перевезти васъ жить къ намъ на это лѣто.

— Оно было мнѣ извѣстно, но я никогда не могла понять, съ какой цѣлью это дѣлается; развѣ для того, чтобъ строже наблюдать за нашимъ поведеніемъ? засмѣялась Анюта.

— Вообще обязанность опекуна—имѣть на глазахъ своихъ питомицъ, возразила Валерія, втайнѣ недовольная свободнымъ тономъ Анюты. — И я, признаться, думала сдѣлать вамъ удовольствіе, предоставивъ вамъ опять жить въ этомъ домѣ, который былъ вашъ.

— Я вамъ благодарна за намѣреніе, но должна сказать, что это не доставитъ мнѣ удовольствія.

— Полноте, возразила Валерія, покраснѣвъ отъ досады, — ужь не хотите-ли вы меня увѣрить, что для васъ не лишеніе тѣсниться въ маленькомъ флигелѣ, когда вы могли-бы имѣть большое помѣщеніе!

— Да; для меня это не только не лишеніе, но я была-бы положительно несчастна во всякомъ другомъ мѣстѣ.

— Что-же тамъ такого привлекательнаго? насмѣшливо спросила Валерія.

— То, что я три года живу въ этомъ мѣстѣ, свыклась съ нимъ и полюбила его; то, что я въ немъ независима и свободна дѣлать, что хочу.

— Женщина никогда не бываетъ свободна, прервала Валерія;—напрасно вы питаете себя этой надеждой: изъ-подъ власти опекуна вы прямо попадете подъ власть мужа.

— Не думаю; власть опекуна временная и очень ограниченная, а выходить замужъ я не намѣрена такъ скоро.

— Вы такъ рѣшили, и думаете, что это отъ васъ зависить? сказала Валерія съ ироніей.

— Конечно, это зависить отъ меня, спокойно отвѣчала Анята.—Я не отдамъ безъ разбора свою свободу.

Валерія покраснѣла и закусила губы.

— А почему вамъ кажется, что власть опекуна такъ ограничена? продолжала она.

— Потому, что она касается только доходовъ съ имѣнія.

— Развѣ это такая маловажная статья? Я говорю вообще, не про моего мужа, но опекунъ можетъ такъ запутать дѣло, что кромѣ убытковъ ничего не будетъ.

— Такъ что-же? Это для меня не важно.

— Но вы будете бѣдны! вы лишитесь всякаго комфорта!

— Но у меня останется комфортъ душевный, возразила Анята, улыбаясь: — то-есть то, чего нельзя купить за деньги: общество короткихъ друзей, дѣятельная жизнь, занятія по вкусу.

— Вы говорите такъ потому, что не испытали наслажденій роскоши: ихъ ничто замѣнить не можетъ! замѣтила рѣзко Валерія, задѣтая за живое этимъ разговоромъ.

— Я вижу роскошь въ вашемъ домѣ, сказала Анята.

— Ну, и что-же?

— Ну, и это не мѣняетъ моихъ воззрѣній.

Валерія замолчала, раздраженная, уязвленная до глубины души тѣмъ, что есть женщины, которыя ставятъ ни во что то, за что она отдала въ кабалу всю свою молодую жизнь. И тѣмъ горче это было для нея, что въ глубинѣ души ея шевелилось сознание, что Анята права. Но она всѣми силами старалась отогнать отъ себя это сознание и приготовилась возражать Анятѣ, какъ вдругъ

замерла на мѣстѣ и какъ-будто окаменѣла въ напряженной позѣ, устремивъ широко-раскрытые глаза на дверь.

Въ эту дверь, неслышно ступая по ковра, вошелъ Бѣляевъ.

IX.

У Бѣляева также слегка дрогнули губы при видѣ сидящихъ рядомъ этихъ двухъ женщинъ, такъ странно связанныхъ въ его воспоминаніи однимъ таинственнымъ эпизодомъ. Но онъ былъ приготовленъ и заранѣе начерталъ себѣ планъ поведенія; ничто въ его взглядѣ, въ ровной, матовой блѣдности его лица, въ вѣжливомъ, официальномъ поклонѣ не изобличало ни волненія, ни смущенія, ни удивленія.

Но для нервной природы Валеріи ничего не значило, что она также отчасти готовилась встрѣтить Бѣляева. Ей представлялось это чѣмъ-то невозможнымъ, фантастичнымъ и она ожидала этого съ тѣмъ чувствомъ недовѣрчиваго любопытства, съ какимъ ожидаютъ появленія призрака, вызываемаго кудесникомъ. И потому, при входѣ живого, настоящаго Бѣляева потрясеніе ея было такъ сильно, что у нея захватило дыханіе и она буквально не въ состояніи была пошевелиться, чтобъ отвѣтить на его поклонъ.

Ея волненіе какъ-будто магнетическимъ токомъ сообщилося Анютѣ. Прежде, чѣмъ взглянуть на ея лицо, Анюта уже почувствовала по содроганію ея тѣла, по прерывистости дыханія все, что происходитъ съ нею. Она посмотрѣла на Бѣляева, и на этомъ безстрастномъ лицѣ, въ этихъ опущенныхъ глазахъ прочла ясно, какъ въ книгѣ, исторію ихъ отношеній.

Смущенная, взволнованная этимъ открытіемъ, наводившимъ ее на столько догадокъ, Анюта тотчасъ встала, чтобъ не мѣшать имъ своимъ присутствіемъ; но это ея движеніе какъ-будто разрушило чары, сковывавшіе Валерію, и затѣмъ раздался ея голосъ, нервный, но совершенно свободный и небрежный.

— Здравствуйте! Мой мужъ будетъ очень радъ познакомиться съ вами. Мы хотѣли посоветоваться насчетъ здоровья мамаша. Мамаша, гдѣ вы?

Фелисата Петровна поспѣшила явиться на зовъ; но только-что началась медицинская консультація, какъ вышелъ самъ генераль,

прибавившій къ своимъ будничнымъ орденамъ еще два, и завладѣлъ докторомъ. Онъ началъ разсказывать ему, что знаетъ такіе рецепты отъ всѣхъ болѣзней, что если-бъ продать ихъ, то правительство заплатило-бы ему миліоны.

— Почему-же вы не продаете? спросилъ Бѣляевъ.

— Потому что имъ цѣны нѣтъ! Только я одинъ въ Россіи ихъ и знаю. Ну, скажите-ка, умѣете вы лечить отъ бѣшенства?

— То-есть отъ водобоязни?—Нѣтъ, сказалъ Бѣляевъ.

Громовъ раскатисто засмѣялся.

— Охъ, вы, доктора! А я и безъ диплома вамъ всякаго бѣшеннаго на ноги поставлю въ четверть часа.

Бѣляевъ невольно остановилъ глаза на Анютѣ, какъ-будто спрашивая у нея, что это за диковинный звѣрь передъ нимъ.

Анюта закусила губы и убѣжала на балконъ. Густая краска униженія покрыла лицо Валеріи; насмѣпливое вниманіе Бѣляева къ словамъ ея мужа выводило ее изъ себя. Она обратилась къ нему съ надменнымъ, жесткимъ выраженіемъ, какъ-будто хотѣла отмстить ему за свое волненіе въ первую минуту и показать, какая неизмѣримая бездна отдѣляла ихъ теперь:

— Пропишите-же рецептъ для мамаша, сказала она ледянымъ тономъ;—на томъ столѣ чернила и бумага.

Но Бѣляевъ не повернулъ головы въ ея сторону и обратился къ Громову съ какимъ-то вопросомъ, какъ-будто Валерія вовсе для него не существовала. Она поблѣднѣла и вышла въ залу. Тамъ братъ ея, сидѣвшій наблюдателемъ между колоннами, подозвалъ ее.

— Что тебѣ? спросила Валерія.

— Какое состояніе у этихъ Аленинныхъ? Богаты онѣ?

Валерія пожала плечами и, не отвѣчая, отошла прочь.

— Вы что тутъ говорите? спросила Озерова, подходя къ сыну.

— Сядьте-ка сюда, мамаша, сказалъ Аркадій; — разузнайте вы имѣ навѣрное, какое приданое за Аленинными. Хорошенькія онѣ; только со старшей каша не сварись, это я ужъ вижу; а вонъ та, бѣловуренькая, умилно что-то поглядываетъ.

— Женишься, что-ли, хочешь? Велика находка какія-нибудь пятьсотъ десятинъ на двухъ. Свѣтъ не клиномъ сошелся!

— Вы всегда такъ, мамаша, все-бы больше да больше. А помоему, не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки. Пять-

сотъ десятинь, усадьба, домъ, садъ да жена хорошенькая, — я думаю, это лучше, чѣмъ тянуть солдатскую лямку.

— Да вѣдь надо будетъ дѣлится съ другой сестрой; такъ тебѣ всего только половина придется.

— Это ужь мое дѣло; напрасно вы считаете меня такимъ олухомъ, чтобъ я съ дѣвочкой не сумѣлъ справиться. Къ тому-же мой зять надъ ними опекунь, — тутъ можно будетъ такія штуки подвести, что любо-дорого глядѣть!

— Ну ужь! сказала мать съ недовольнымъ видомъ.

— Нѣтъ, это надо ловить, продолжалъ юнкеръ, — а то она все что-то вертится около этого доктора. Чортъ его принесъ!

Дѣйствительно, Люба, съ разгорѣвшимися щеками, проходила безпрестанно мимо Бѣляева, не глядя на него и дѣлая видъ, что совсѣмъ его не знаетъ. Замѣтивъ взгляды юнкера, она сѣла къ роялю, чтобъ привлечь его къ себѣ и показаться, такимъ образомъ, въ глазахъ Бѣляева уже окруженною вниманіемъ. Безсознательно помогая ея маневру, Аркадій подошелъ и сѣлъ возлѣ нея.

Люба вся покраснѣла отъ самолюбія, взяла нѣсколько отрывистыхъ акордовъ, потомъ встала, оглядываясь вокругъ, какъ-будто лица кого-то. Юлія не было въ залѣ.

— Куда-же вы? спросилъ Аркадій; — неужели вы оттого уходите, что я сѣлъ возлѣ васъ?

— Нѣтъ... Гдѣ-же это Жюли?..

Люба опять сѣла, взяла нотную тетрадь и закрыла ею свое лицо, такъ-что видны были только ея лебединая шея и богатые волосы, перехваченные голубой лентой.

Аркадій молча глядѣлъ на нее. Люба изъ-за тетради кинула на него меланхолическій взглядъ и опять вспыхнула.

— Вы не скучаете здѣсь? спросилъ онъ.

— Я отвѣчу вамъ на это тогда, когда мы покороче познакомимся, отвѣчала она съ легкой улыбкой.

— А вы мнѣ позволите быть въ числѣ вашихъ знакомыхъ?

— Это зависитъ не отъ меня, а отъ старшей сестры.

— Развѣ она стережетъ васъ? Но я на это не посмотрю и явлюсь къ вамъ; я такъ радъ, что судьба послала мнѣ хорошенькую сосѣдку.

— Ахъ, гдѣ это Юлія? вскричала Люба, вскакивая.

— Куда-же вы? пожалуйста останьтесь; на что вамъ Юлія?

Сердце Любы билось отъ тщеславія, что за нею такъ ухажи-
ваетъ красивый юнкеръ, и она бросила бѣглый взглядъ вокругъ.
Ей хотѣлось, чтобъ все это видѣли, въ особенности Анюта.

Между тѣмъ лакеи разносили чай. Передъ генераломъ постав-
ленъ былъ особенный столикъ съ серебрянымъ чайникомъ и прочи-
ми принадлежностями. Валерія безмолвно и покорно подошла занять
возлѣ него свое мѣсто. Съ самаго дня своей свадьбы Громовъ
учредилъ этотъ обрядъ чаепитія вдвоемъ съ женою, отдѣльно отъ
всѣхъ. Если-бъ Валерія вздумала противиться ему, онъ способенъ
былъ привязать ее къ креслу. вмѣстѣ съ чаемъ ему подали на
подносѣ письмо.

— Отъ кого это? спросила Валерія, слегка повертываясь спи-
ною къ Бѣляеву, который сидѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи.

— Отъ Хабарова, отвѣчалъ Громовъ, прочтя и свернувъ пись-
мо:—я его звалъ на лѣто гостить, такъ онъ пишетъ, что при-
ѣдетъ на той недѣлѣ.

— Ты его звалъ? когда? ты мнѣ ничего не говорилъ! вспых-
нула Валерія.

— Я съ бабами совѣтоваться не привыкъ, сказалъ Громовъ и
захохоталъ, подмигивая доктору.—Тебѣ что до Хабарова? Онъ
приѣдетъ ко мнѣ, а не къ тебѣ; у насъ съ нимъ своя компанія
будетъ, мужская, по-военному. И разговоръ нашихъ тебѣ не по-
нять! Не такъ-ли, Павелъ Ильичъ?

— Какой это Хабаровъ? спросилъ хладнокровно Бѣляевъ:—извѣ-
стный писатель?

Валерія отвернулась и наклонилась надъ чашкой своимъ пыла-
ющимъ лицомъ.

— Тотъ самый, словоохотливо отвѣчалъ Громовъ;—писатель-
ство-то его и погубило. Онъ прежде моимъ начальникомъ былъ, да
какъ сталъ романчики пописывать—и спасовалъ! Я вотъ генера-
ломъ, а онъ полковникомъ въ отставкѣ.

— И вы ждете его къ себѣ? спросилъ Бѣляевъ съ отгѣнкомъ
ироніи, которая заставила Валерію вспыхнуть отъ гнѣва и стыда.

— Хабаровъ три года къ намъ не заглядывалъ, замѣтила она
рѣзко мужу;—я удивляюсь, какъ ты можешь послѣ этого заиски-
вать въ немъ!

— Фюйтъ! засвисталъ генералъ съ самодовольнымъ смѣхомъ;—
ты и въ правду думаешь, что я съ нимъ разнакомился изъ-за

того, что на тебя блажь тогда нашла, разгнѣвалась на него! А я съ нимъ каждый разъ въ Москвѣ видѣлся, и въ клубъ мы съ нимъ ѣздили, и обѣдали вмѣстѣ. А ты ничего и не знала.

— Зачѣмъ-же ты скрывалъ это отъ меня?

— Матушка! не то еще скрою. Нашъ братъ, ежели захочетъ, такъ жена въ десять лѣтъ его не узнаетъ!

Валерія приготовилась возразить что-то колкое; Озерова съ безпокойствомъ подошла, боясь вспышки генерала. Бѣляевъ, воспользовавшись этой семейной сценой, отошелъ съ своимъ стаканомъ къ балкону, гдѣ бѣлѣлось платье Анюты, и сѣлъ въ дверяхъ возлѣ нея.

— Вы давно здѣсь? спросилъ онъ;—вы часто видаетесь съ Громовыми?

— Они недавно прѣехали. Мы второй разъ у нихъ.

— Вы были знакомы прежде?

— Съ *нею*—нѣтъ. А вы?..

Въ тонѣ Анюты было что-то, что заставило Бѣляева пристально взглянуть на нее. Онъ не отвѣчалъ на вопросъ и только провелъ рукою по лбу съ озабоченнымъ видомъ. Его волновало жгучее любопытство узнать навѣрное, *она* или не *она*... Но какъ узнать? какъ спросить? Онъ поднялъ голову и опять посмотрѣлъ ей въ лицо. Она смотрѣла на него тѣми-же глубокими, замѣчательно-прекрасными черными глазами, какъ въ ту ночь... и даже ему почувдилось, будто на губахъ ея блуждаетъ легкая улыбка, говорящая „*Что-же?*“ Онъ покраснѣлъ.

— Что съ вами? тихо спросила Анюта тономъ старой знакомой.

— Самъ не знаю. Я чувствую вокругъ себя точно глубокіе сумерки и силуюсь открыть гдѣ-нибудь хоть искру свѣта.

— Не думаю, чтобъ это было пріятное состояніе, замѣтила Анюта.

— Да; мнѣ вообще какъ-то скверно.

— Именно здѣсь, въ этомъ домѣ?

— Нѣтъ, вообще въ жизни. Постоянно вспоминается все, что въ ней было неудачнаго, тяжелаго, горькаго. Но самое растрavляющее воспоминаніе—это о томъ, что сдѣлалъ зло другому.

— А вы много дѣлали зла? И сознательно? улыбнулась Анюта.

— Анюта, ты здѣсь? раздался за ними голосъ Любы;— дай мнѣ пожалуйста шивельсу.

И Люба стала передъ ними, придерживая рукою цѣлый каскадъ волосъ, которые, Богъ знаетъ почему, вдругъ распустились изъ-подъ голубой ленты.

Анюта дала шпильку.

— Завяжи мнѣ ленту, продолжала Люба, граціозно нагибаясь и увѣренная, что Бѣляевъ слѣдитъ за каждымъ ея движеніемъ;— хорошо, шегсі!

Она порхнула опять въ гостиную, гдѣ Юлія подхватила ее подъ руку, говоря:

— Что-же это докторъ сидитъ не съ тобой, а съ Анютой? какъ-же ты про него рассказывала?

— Ты ничего не понимаешь. Онъ съ намѣреніемъ это дѣлаетъ, чтобъ не показать виду.

— Ну, нѣтъ, воля твоя, я-бы на твоёмъ мѣстѣ обидѣлась. Ты должна прямо ему сказать, что это онъ гадко дѣлаетъ. Такъ и скажи, душка! Это мнѣ, скажи, Julie Громова присовѣтовала. Я все на себя беру, такъ на меня и скажи.

Люба, не отвѣчая, ушла отъ нея.

Между тѣмъ Бѣляевъ отряхнулъ пепель сигары и, помолчавъ немного, отвѣчалъ на вопросъ Анюты:

— Сознательно—да. Но все-таки невольно.

— Невольно и сознательно?.. какимъ-же это образомъ?

— Бываютъ такіе случаи, что человѣкъ выбираетъ меньшее зло для избѣжанія большаго, и въ такомъ случаѣ онъ дѣлаетъ его невольно, вынужденный обстоятельствами.

Анюта молчала. Бѣляевъ продолжалъ съ волненіемъ:

— Вамъ кажется страннымъ, что я почти съ перваго знакомства завелъ съ вами такой отвлеченный разговоръ?

— Нѣтъ, это мнѣ не кажется страннымъ.

Бѣляевъ взглянулъ ей въ глаза съ почти умоляющимъ выраженіемъ.

— Если это не кажется вамъ страннымъ, сказалъ онъ нѣсколько дрожащимъ голозомъ,— то позвольте предложить вамъ одинъ вопросъ, который вы, можетъ быть, и не поймете...

Онъ остановился.

— Какой вопросъ? сказала Анюта.

— Ошибаюсь я или нѣтъ?.. Она или не она? проговорилъ онъ, пристально глядя на нее въ лицо.

— Вы загадываете мнѣ загадки. Съ какою цѣлью?

— Съ той цѣлью, чтобъ выпросить прощеніе въ той винѣ, которая тяготитъ меня цѣлыхъ три года. Не оправдаться я хочу— оправданіе невозможно; но, по крайней мѣрѣ, объяснить, что я не былъ бездушнымъ, низкимъ эгоистомъ, который хотѣлъ только одного: сложить свое затрудненіе на чужія плечи...

Бѣляевъ замолчалъ въ смущеніи. Онъ увлекся дальше того, что хотѣлъ сказать. Анюта была серьезна, и напрасно Бѣляевъ старался прочесть въ ея загадочныхъ глазахъ, какое впечатлѣніе производили на нее его слова. Наконецъ она повернулась къ нему и сказала:

— Все, что я могу заключить изъ вашихъ словъ,—это то, что вы принимаете меня за какую-то женщину, противъ которой вы были виноваты. Могу я узнать, въ чемъ состояла эта вина?

— Но если вы не та женщина, то я не могу...

— А если я не та женщина, прервала Анюта и легкій румянецъ окрасилъ ея щеки,—то какъ-же вы позволили себѣ, на основаніи сомнительнаго сходства, повѣрять мнѣ ея тайны? Хотя вы и говорили загадками, но достаточно имѣть немного соображенія, любопытства... и при первой благопріятной случайности — все извѣстно!

— Вы очень строги, тихо возразилъ Бѣляевъ;—и вы, можетъ быть, правы, только не въ этомъ случаѣ. Я не раскаяваюсь въ томъ, что говорилъ вамъ, и скажу, почему...

Тутъ онъ былъ прерванъ появленіемъ Любы, которая опять подошла къ сестрѣ зади и положила руки на ея плечи.

— Анюта, у тебя мой платокъ?

— Какой платокъ?

— Ахъ, у тебя нѣтъ, ну извини.

Она отошла. Въ то-же время Громовъ, наморщивъ лобъ, обратился къ женѣ, все сидѣвшей возлѣ него:

— Что онъ тамъ засѣлъ? съ кѣмъ онъ тамъ шепчется?

— Кто? раздражительно и громко спросила Валерія;—про кого ты говоришь?

— Фу, безтольковая, про доктора!

— Оставь ты его въ покоѣ, ради Бога; уже не занимать-ли намъ его?

Генералъ фыркнулъ въ знакъ неудовольствія.

— Скажите-же, почему вы не раскаиваетесь въ своихъ словахъ? продолжала Анята свой прерванный разговоръ съ Бѣляевымъ.

— Потому, что я не къ каждой женщинѣ отнесся-бы такъ, какъ къ вамъ. Случалось-ли вамъ встрѣчать такія лица, такіе голоса, которые невольно тянутъ къ себѣ, невольно вызываютъ довѣріе?..

Онъ остановился на полусловѣ и поднялъ на нее глаза.

— Вы умѣете льстить; вы опасны, сказала Анята.

— Вы забываете, отвѣчалъ онъ серьезно, — что ваше лицо меня не обмануло и разъ уже опривдало мое довѣріе...

— Въ самомъ дѣлѣ? скажите-же мнѣ, въ чемъ была ваша вина? сказала Анята, и ея свѣтлая, ласковая улыбка показалась Бѣляеву мягкимъ лучомъ мѣсяца.

— Не теперь, возразилъ онъ; — теперь я сообщу вамъ только, что я желалъ-бы встрѣтить эту личность единственно за тѣмъ, чтобы сказать ей, что она великодушная и смѣлая женщина, что она сдѣлала для меня много такого, за что я останусь ей вѣчнымъ должникомъ, и... что... я дорого-бы далъ за то, чтобы она снисходительнѣе взглянула на мой проступокъ...

Бѣляевъ не смѣлъ поднять глазъ. Послѣ минутнаго молчанія Анята сказала, улыбаясь:

— Если вы непременно хотите ставить меня на мѣсто той женщины, то я скажу вамъ отъ ея имени, что вашъ проступокъ, какъ вы сами его называете, не могъ внушить ей довѣрія къ вашему характеру, и чтобы отнестись къ нему вполне снисходительно, нужно, я полагаю, время.

Мягкій тонъ ея словъ уничтожалъ все, что могло быть въ нихъ рѣзкаго. Бѣляевъ былъ доволенъ, самъ не зная, чѣмъ; ему стало хорошо и не хотѣлось уходить съ этого мѣста, хотя онъ видѣлъ, что Громовъ прохаживается по гостиной и посматриваетъ на него съ недовольнымъ удивленіемъ. Валерія усердно читала газету, сидя напротивъ дверей, и лицо ея, за минуту блѣдное, теперь пылало яркой краской.

— Однако, мнѣ пора, сказала онъ тихо Анятѣ: — я здѣсь болѣе не нуженъ. Могу я бывагъ у васъ, какъ знакомый?

— Конечно!

Бѣляевъ хотѣлъ встать, но почувствовалъ на своемъ рукавѣ легкое прикосновеніе ручки своей создки, которое заставило его снова опуститься на стулъ, какъ-будто его потянула непреодолимая сила.

— Одно слово! сказала ему Анюта.

— Говорите.

— Вы повѣрили, когда моя сестра сказала вамъ, что я ее отравила?

— Я тогда не видалъ васъ.

— Стало быть, теперь не вѣрите?

— Не вѣрю, и не повѣрю ничему дурному, что-бы мнѣ ни сказали про васъ.

— Благодарю, сказала она и протянула ему руку. Онъ съ сладкимъ чувствомъ пожалъ эту маленькую ручку и отошелъ.

Валерія въ это время отвернулась отъ нихъ и глядѣла въ одно изъ зеркалъ, отражавшихъ въ себѣ всю комнату.

Генераль сталь-было оставлять Бѣляева ночевать, но Валерія позвала его къ себѣ изъ гостиной.

— Къ чему это? сказала она мужу раздражительно;—ты самъ заываешь встрѣчнаго и поперечнаго, а потомъ станешь ревновать! Отпусти этого доктора, онъ мнѣ противенъ!

Генераль засмѣялся отъ удовольствія, и Бѣляевъ понялъ, зачѣмъ Валерія отзывала его. Такъ-какъ она стояла въ гостиной спиною къ нему, онъ не счелъ нужнымъ идти раскланиваться съ нею и, сдѣлавъ общій поклонъ присутствующимъ, направился къ двери. Но Валерія не могла этого вынести: она постоянно хотѣла бури, а не покоя.

— Пришлите-же пияли для мамаша, закричала она Бѣляеву изъ дверей такимъ рѣзкимъ и повелительнымъ тономъ, который непременно долженъ былъ возмутить его.

Но Бѣляевъ даже не обернулся.

— Пойдите, продолжала Валерія:—сколько онѣ стоятъ?

— Скажу послѣ, отвѣтилъ Бѣляевъ, повернувъ къ ней голову и облавъ ее взглядомъ презрѣнія.

Валерія пошла прямо въ свою комнату. Она шаталась. Но на подорогѣ она вдругъ остановилась и, прислонившись къ колоннѣ, начала пристально смотрѣть на Анюту и на Любу. При первомъ знакомствѣ обѣ сестры произвели на нее пріятное впечатлѣніе и она нашла Любу красивѣе; но теперь, вглядываясь въ оригинальнѣя, вѣжливѣя черты Анюты, въ ея великолѣпные глаза, какъ-будто таившіе въ себѣ силу сосредоточенной страсти, она поняла, какъ опасна такая соперница, особенно если она захочетъ быть опасной.

Что Бѣляевъ разговаривать съ Анютой нарочно, чтобы дразнить ее, Валерію, — въ этомъ она не сомнѣвалась, и кровь ея кипѣла отъ этой предполагаемой его дерзости.

Войдя въ свою спальню, Валерія растворила настежь окно и высунулась всею грудью въ теплый, сырой воздухъ ночи, чутко прислушиваясь. Ей казалось, что Бѣляевъ ходитъ гдѣ-нибудь около дома, что онъ не рѣшится уѣхать, не сказавши ей хоть одного слова наединѣ.

Она не любила его больше; въ эти три года она привыкла считать его какъ-бы умершимъ для себя, тѣмъ болѣе, что для нея невыразимо тяжело было воспоминаніе о связи, которую она разорвала такъ бездушно, такъ оскорбительно-жестоко, въ то самое время, когда Бѣляевъ жертвовалъ для нея своей честью и будущностью. Страхъ потерять положеніе въ свѣтѣ и въ домѣ мужа ослѣпилъ ее до того, что она не понадѣялась ни на честность, ни на великодушіе Бѣляева и сочла за лучшее, отобравъ у него всѣ свои письма и доказательства любви, безъ всякихъ объясненій отречься отъ него...

Издѣдка ей случалось думать: что сказалъ-бы Бѣляевъ, знавшій ее робкой дѣвушкой, приниженной, зависящей отъ всѣхъ, если-бы увидалъ ее теперь, развившейся, гордой, недосыгаемой аристократкой?.. И вотъ онъ увидалъ ее и — о Боже!.. кто изъ нихъ былъ холоднѣе, сдержаннѣе, недосыгаемѣе для любви другого!.. Валерія чувствовала къ нему жгучую, страстную ненависть.

Уединеніе ея было прервано появленіемъ Алениныхъ, которыя пришли проститься съ нею. Голосъ Анюты заставилъ Валерію вздрогнуть: не была-ли она тѣмъ орудіемъ, которое выбралъ Бѣляевъ, чтобы унизить, уязвить своего прежняго кумира?

— Еще рано, я васъ не отпущу, сказала она сестрамъ.

— О, нѣтъ, уже совсѣмъ ночь, надо ѣхать, возразила Анюта.

— Отпустите вашу лошадь и ночуйте у меня. Не такъ-ли, Любовъ Федоровна? вы такъ давно не видались съ Julie...

— Она оставляла меня, поспѣшила сказать Люба.

— Ну, и прекрасно; вы съ нею ночуете, а Анна Федоровна въ моемъ будуарѣ.

Люба поцѣловала Валерію и вышла; тогда Валерія взяла Анюту за руку и посадила возлѣ себя.

— Посидимте здѣсь, мнѣ не хочется идти въ гостиную, сказала она.— Скажите, вы давно знакомы съ этимъ докторомъ?

— Я вижу его во второй разъ.

— Какъ жаль, что мы здѣсь, въ деревнѣ, принуждены довольствоваться всякимъ коноваломъ, продолжала Валерія;— я увѣрена, что онъ ничего не знаетъ. Меня инстинктъ никогда не обманываетъ: онъ мнѣ ужасно не понравился, а вамъ?

— Чѣмъ-же онъ вамъ не понравился? спросила Аня.

— Тупъ и самонадѣянъ: по лицу видно, что онъ увѣренъ, что всѣ женщины въ него влюблены!

— Мнѣ казалось совсѣмъ противоположное.

— Неужели? впрочемъ, онъ съ вами долго разговаривалъ: вѣрно, расположилъ васъ къ себѣ какими-нибудь комплиментами, сказала Валерія, смѣясь;— дѣвушки на нихъ такъ падки!

— Вы плохо угадываете, отвѣчала Аня, вставая.

— Куда-же вы? что съ вами?

— Я ѣду домой.

— Но вы остались у меня ночевать?

— Нѣтъ, я вамъ этого не говорила; я все время собиралась ѣхать.

— Полноте, что за упрямство. Я намѣрена понемногу совсѣмъ перетаскать васъ къ себѣ. Я ваша опекуна!

Аня, улыбаясь, но рѣшительно высвободилась изъ ея рукъ. Она замѣчала въ Валеріи замашки деспотизма и покровительственности, которымъ ей не нравилось покоряться.

— Вы боитесь, что я буду васъ исповѣдывать? спросила Валерія съ горечью уязвленнаго самолюбія.

— Какъ я могу этого бояться? развѣ не отъ меня зависитъ позволить себя исповѣдывать или нѣтъ?

— О, конечно! замѣтила Валерія съ ироніей.— Такъ до свиданія?

— До свиданія. Теперь я жду васъ къ себѣ, отвѣчала Аня.

Х.

Генеральская карета, въ которой ѣхалъ Бѣляевъ, круто остановилась у подъѣзда, и докторъ, очнувшись отъ мечтаній, увидѣлъ

себя въ Ключахъ, предъ своей маленькой, скромной квартирой, состоявшей изъ горницы съ прихожей. Кухня была черезъ сѣни. Бѣляевъ вошелъ не спѣша и... остановился, какъ вкопанный, на порогѣ. Передъ его столомъ, спиною къ нему, стояла, перелистывая книгу, молодая, довольно высокая, худенькая женщина, одѣтая крайне просто, но кокетливо.

Бѣляевъ ступилъ шагъ впередъ, потомъ подался въ бокъ, разсматривая гостью, какъ диковинку. Наконецъ, въ знакъ изумленія, онъ безмолвно развелъ руками. Въ эту минуту она обернулась. Да! сомнѣнія больше не было: передъ нимъ стояла его жена. Полтора года назадъ онъ оставилъ ее играющей роль львицы въ своемъ кружкѣ, одѣтую въ платье съ длиннѣйшимъ шлейфомъ, въ безчисленныхъ цѣпяхъ и браслетахъ; волосы ея уродовались то безобразнѣйшимъ шиньономъ, то какими-то невообразимыми локонами. Теперь-же во всей ея одеждѣ, манерахъ и осанкѣ выражалась обдуманная простота.

— Здравствуй, Павелъ Ильичъ, сказала она, протягивая руку съ хладнокровнымъ видомъ; — что ты на меня такъ смотришь, какъ на диво какое?

— Здравствуй, Лиза. Дѣйствительно, я... я удивленъ, отвѣчалъ Бѣляевъ, съ трудомъ переводя дыханіе.

— Чѣмъ-же это?

— Да всѣмъ. Во-первыхъ, твоимъ появленіемъ; а во-вторыхъ...

— Такъ ты никакъ не ожидалъ видѣть меня здѣсь? перебила его жена.

— Конечно, не ожидалъ. Ты мнѣ не писала.

— Неужели ты думаешь, возразила съ важнымъ видомъ Лизавета Петровна, — что я пріѣхала къ тебѣ? Вотъ мило-бы было! Супружеская любовь, что-ли, во мнѣ заговорила? Кажется, мы другъ-друга вполне поняли, и я потому только пріѣхала прямо сюда, что относилась къ тебѣ, какъ къ постороннему.

Бѣляевъ вздохнулъ свободнѣе.

— Зачѣмъ-же ты пріѣхала? спросилъ онъ мягче.

— Я по дѣлу: мнѣ хочется здѣсь заняться школой. Мнѣ такъ надоѣла эта пошлая городская жизнь.

— Но вѣдь ты никогда не занималась этимъ дѣломъ.

— Ахъ, Боже мой, не боги-же горшки обжигаютъ.

Бѣляевъ не могъ придти въ себя отъ изумленія, и съ стран-

нымъ чувствомъ разглядывалъ жену съ головы до ногъ. Онъ припомнилъ ее себѣ въ видѣ очаровательной сирены, проводящей цѣлыя дни передъ зеркаломъ, въ изученіи различныхъ позъ и улыбокъ; припомнилъ, какъ она не могла собраться заплатить несчастной швеѣ, шившей ей платья, и какъ, въ то-же время, тратила безумныя деньги на безумныя прихоти... И вотъ теперь эта самая женщина толкуетъ о серьезномъ дѣлѣ.

Бѣляевъ въ волненіи прошелся по комнатѣ; онъ не могъ повѣрить своимъ ушамъ. Со дна души его поднималась такая злоба и горькая иронія, какихъ онъ давно не чувствовалъ. Знать наизусть эту женщину, изучить вполне ея внутренній міръ, испытать на себѣ ея тщеславіе, эгоизмъ, невѣжество, и видѣть, какъ это олицетворенное ничтожество беретъ на себя важный видъ,—это было уже слишкомъ. Онъ чувствовалъ, что у жены его, должно быть, случился въ столицѣ какой-нибудь крупный скандалъ, что ей пришлось поневолѣ удалиться на-время, пока не затихнутъ толки о ней, что она не нашла ничего лучшаго, какъ удалиться къ мужу, но что въ то-же время мелкое самолюбіе не позволяло ей высказать истинной причины своего удаленія отъ свѣтской жизни и она обѣсняла свое прибытіе въ деревню серьезными цѣлями.

— Но почему-же ты пріѣхала именно сюда? Ты вѣдь совершенно не знаешь здѣшной мѣстности? спросилъ Бѣляевъ.

— Потому, что ты можешь помочь мнѣ здѣсь.

— А!

— Мнѣ такъ надоѣла эта вѣчная праздность. Я думала...

— Хочешь чаю? спросилъ Бѣляевъ, круто обрывая жену.

— Да, и поужинать чего-нибудь.

— Но для этого надо будить кухарку.

— Что-жь такое, она послѣ можетъ лечь.

Бѣляевъ вышелъ и скоро въ сѣняхъ послышалась возня.

— Теперь поговоримъ о дѣлѣ, обратилась къ нему жена, когда онъ возвратился:—мнѣ сказали, что въ Завьяловѣ, въ трехъ верстахъ отсюда, есть школа и учить дьячокъ. Я увѣрена, что меня примутъ съ удовольствіемъ.

— Не знаю, сказалъ Бѣляевъ.

— Это я обдѣлаю.

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе.

— Павелъ Ильичъ, снова начала Лизавета Петровна, — здѣсь знаютъ про тебя, что ты женатъ?

— Вѣроятно, нѣтъ; я никому не говорилъ. А что?

— У меня есть нѣкоторая комбинація, отвѣчала она, улыбаясь и слегка конфузясь;—если точно никто здѣсь этого еще не знаетъ, то и не надо никому говорить.

— Отчего-же?

— Видишь-ли, для моихъ цѣлей необходимо, чтобы никто и не подозрѣвалъ, что я замужемъ. Лучше будетъ, если я назовусь моей прежней фамиліей—Горевой.

— Но на паспортѣ твоя фамилія — Бѣляева, сказалъ докторъ въ раздумьи

— Э! кому-же я стану показывать паспортъ! Въ деревняхъ его не спрашиваютъ. Ты меня рекомендуешь какъ свою хорошую знакомую — и дѣло съ концомъ.

Эта идея улыбнулась Бѣляеву. Быть, хотя по наружности, опять свободнымъ, независимымъ, чуждымъ этой женщинѣ, такъ прельщало его, что онъ охотно согласился на предложеніе жены.

— Но гдѣ-же ты будешь жить? спросилъ онъ.

— Я завтра-же буду хлопотать о поступленіи въ школу.

— Это не дѣлается въ одинъ день. А до тѣхъ поръ?

— Такъ развѣ ты не хочешь приютить меня? спросила она не безъ кокетства.

— Это невозможно, твердо отвѣчалъ Бѣляевъ;—я удивляюсь, какъ ты это говоришь, когда не желаешь выдавать себя за мою жену.

— Ну, найди мнѣ квартиру.

— Ты должна сама искать ее въ Завьяловѣ. Зачѣмъ ты хочешь прилетать меня ко всѣмъ твоимъ затѣямъ? Вѣдь ты ужъ отъ меня отреклась.

— Ахъ, Боже мой! засмѣялась Лиза; — вотъ мужское самолюбіе! Я думаю, ты первый отъ меня отрекся!

Она ждала опроверженія, но Бѣляевъ сказалъ только, что уступить ей свою комнату, а самъ пойдетъ ночевать въ кухню и внушить кухаркѣ и работнику, что она ему совсѣмъ посто-ронная.

II. Лѣтнее.

(Продолженіе будетъ.)

РЕБЕНОКЪ.

Родился онъ въ тюрьмѣ глухой;
На первый крикъ ему въ отвѣтъ
Звучалъ не ласковый привѣтъ,
А стоны матери больной,
Проклятье грубыхъ сторожей,
Да трескъ замковъ, да звонъ цѣпей....

Его качая на рукахъ,
Рыдала мать и безъ конца
Пѣвала пѣсни про отца,
Что далеко, въ чужихъ краяхъ,
Съ тяжелымъ молотомъ въ рукѣ,
Копался въ черномъ рудникѣ...

Внимая ей, онъ молча росъ
Ребенкомъ хилымъ и больнымъ;
Какъ часто мать, склонясь надъ нимъ,
Съ молитвой, полной тайныхъ слезъ
Шептала:—милый, милый мой,
За что, за что ты здѣсь со мной?...“

Любилъ сидѣть онъ у окна,
Когда, зарей озарено,
Сверкало пурпуромъ оно,
Когда тюремная стѣна,
При блескѣ гаснущаго дня,
Сіяла, взгляды его маня...

Разъ ночь была тепла, ясна,
Сіяли звѣзды въ небесахъ,
Чернѣла въ трепетныхъ лучахъ
Рѣшетка узкаго окна,
И были всѣ озарены
Зубцы и выступы стѣны...

Бѣдѣли башни подъ луной...
 И вотъ, глазенками блестя,
 Спросило бѣдное дитя:
 —Что тамъ, за бѣлою стѣной,
 Не все-ли небо, гдѣ живеть
 Господь, что жизнь всему даетъ?..

Не подымая скорбныхъ глазъ,
 Мать о таинственныхъ лѣсахъ,
 Благоухающихъ поляхъ
 Ребенку начала рассказъ.
 Въ ея словахъ слышалъ онъ
 И шелестъ нивъ, и струекъ звонъ...

Дитя, ласкаясь, внемлетъ ей;
 Поражено, изумлено,
 Лепечетъ радостно оно:
 „Поля и птицы для дѣтей!
 Пусти-жь меня; идемъ скорѣй
 Играть съ дѣтьми среди полей!“

Рыдаетъ, бѣдная, она:
 „Проси, дитя, чтобъ намъ помогъ
 Оставить эту келью Богъ—
 Молитва дѣтская сильна!“
 Рученки хлмиа скрестя,
 Наввно молится дитя...

И онъ заснулъ. И чудный сонъ
 Къ нему слетѣлъ: цвѣтеть земля,
 Всѣ въ нивахъ пышныя поля,
 Вокругъ него со всѣхъ сторонъ
 Несутся пташекъ голоса,
 Свѣтлы и ярки небеса.

А утромъ лишь проснулся онъ,
 Открылъ глаза—въ глазахъ блеститъ
 Заря и нивы золотить...
 Журчанье струй и птицйй звонъ—
 И на яву все тотъ-же сонъ...
 И будить мать, и бредить онъ...

Похолодѣвъ, стоитъ она,
 Лежитъ дитя въ ея рукахъ...

То смѣхъ, то пѣсня на устахъ.
— „Какая чудная весна!..
О, мама, здѣсь среди полей,
Какъ много ласковыхъ дѣтей!“ —

Онъ умираетъ въ тюрьмѣ глухой,
Заря сіяла за окномъ.
И разносился кругомъ
Рыданья матери больной,
Проклятья грубыхъ сторожей,
Да трескъ замковъ, да звонъ цѣпей....

В. И. Славянской.

ЗАКОНЪ И ЖЕНА.

РОМАНЪ

УИЛЬКИ КОЛИНЗА.

ГЛАВА X.

Поиски.

Огонь въ каминѣ горѣлъ не очень ярко, а погода была зимняя, холодная; въ комнатѣ была умѣренная теплота. При всемъ томъ по уходѣ маіора Фицъ-Дэвида я почувствовала, что мнѣ жарко и душно, вѣроятно отъ нервнаго волненія. Я сняла шляпку, мантилью, перчатки и открыла окно. Изъ него былъ видѣнъ только вымощенный плитою дворъ, въ концѣ котораго находились конюшни. Черезъ нѣсколько минутъ я освѣжилась, закрыла окно и сдѣлала первый шагъ на пути поисковъ, — другими словами, начала производить правильный осмотръ комнаты, отданной въ мое полное распоряженіе.

Я удивлялась своему спокойствію, но, быть можетъ, свиданіе съ маіоромъ истощило во мнѣ, по крайней мѣрѣ на-время, всякую возможность сильно чувствовать. Я очень рада была тому, что осталась наединѣ и могла начать поиски. Только это и сознавала я въ ту минуту.

Комната была продолговатая. Въ одной изъ поперечныхъ стѣнъ находилась дверь изъ передней, а въ другой — широкое окно, выходившее во дворъ. По обѣ стороны двери стояли карточные столы, а надъ ними, на золоченыхъ подставкахъ, красовались двѣ великолѣпныя китайскія вазы.

Я открыла карточные столы; въ ящикахъ были только карты и марки. Всѣ колоды были не распечатаны, за исключеніемъ одной, которую я внимательно разсмотрѣла карту за картой. На нихъ не было видно ни знаковъ, ни надписей. Потомъ я съ помощью библиотечной лѣстницы заглянула во внутренность китайскихъ вазъ. Онѣ были совершенно пусты. Не было-ли еще чего осматрѣть по этой стѣнѣ? Въ углахъ стояли два маленькіе стула съ инкрустаціей и красными шелковыми подушками. Я перевернула ихъ и, не найдя ничего замѣчательнаго, поставила на мѣсто. Поиски въ этой сторонѣ были окончены и не привели ни къ чему.

Я перешла къ противоположной стѣнѣ, въ которой находилось окно съ роскошными красными бархатными занавѣсами. По обѣимъ сторонамъ окна стояло по маленькой шифоньеркѣ-бул, каждая съ шестью ящиками и бронзовой статуей наверху; на одной была Венера Милоская, на другой тоже Венера. Маіоръ Фицц-Дэвидъ позволилъ мнѣ распоряжаться въ комнатѣ, какъ мнѣ будетъ угодно; поэтому я не колеблясь открыла всѣ ящики шифоньерокъ и подробно разсмотрѣла все, что въ нихъ находилось.

Правая шифоньерка отняла у меня очень мало времени. Всѣ шесть ящиковъ были наполнены образцами минераловъ и окаменѣlostями, которые, судя по надписямъ, были собраны маіоромъ въ ту эпоху его жизни, когда онъ занимался минералогіей. Убѣдившись, что здѣсь не было ничего, кромѣ коллекцій минераловъ и окаменѣlostей, я перешла къ лѣвой шифоньеркѣ.

Обиліе предметовъ заставило меня провозиться за ней довольно долго. Въ верхнемъ ящикѣ находилась коллекція миниатюрныхъ столярныхъ инструментовъ, вѣроятно подаренныхъ маіору еще въ дѣтствѣ. Второй ящикъ былъ загроможденъ другого рода игрушками—подарками, полученными маіоромъ отъ прекраснаго пола. Тутъ были вышитыя подтяжки, блестящіе кошельки, роскошныя туфли, красивыя ермолки и т. д. Вещи, находившіяся въ третьемъ ящикѣ, были менѣе интересны; здѣсь лежала груда счетныхъ и записныхъ книжекъ за много лѣтъ. Взглянувъ на каждую изъ нихъ и хорошенько встряхнувъ ихъ, чтобъ выпали всѣ бумажки, которыя могли тамъ находиться, я перешла къ четвертому ящику, гдѣ хранились финансовыя документы: уплаченные счета, связанные въ пачки, а между ними встрѣчались и другія, столь-же

неинтересныя для меня бумаги. Въ пятомъ ящикѣ царилъ печальный безпорядокъ. Я вынула прежде всего груду меню обѣдовъ, на которыхъ присутствовалъ маіоръ въ Лондонѣ и Парижѣ, потомъ ящикъ пестрыхъ гусиныхъ перьевъ (очевидно, дамскій подарокъ), наконецъ, множество пригласительныхъ билетовъ, оперныхъ либрето, карманный штопоръ, связку ключей, сломанную серебряную табакерку, два порт-ситара, изорванный планъ Рима и т. д.

„Нигдѣ нѣтъ ничего для меня интереснаго“, подумала я, открывая шестой и послѣдній ящикъ.

Тутъ разочарованіе мое еще болѣе увеличилось, такъ-какъ въ немъ находились только обломки разбитой вазы.

Въ это время я сидѣла противъ шифоньерки, на низенькомъ стулѣ, и, въ негодованіи на тщетность моихъ поисковъ, только-что хотѣла толкнуть ногою ящикъ, какъ вдругъ дверь отворилась и на порогѣ показался маіоръ Фицъ-Дэвидъ.

Его глаза встрѣтились съ моими, потомъ онъ опустил ихъ и, увидавъ открытый нижній ящикъ, измѣнился въ лицѣ. Онъ бросилъ на меня какой-то странный взглядъ, въ которомъ видѣлось изумленіе и подозрѣніе, словно я держала въ рукахъ ключъ къ роковой тайнѣ.

— Пожалуйста не безпокойтесь, я пришелъ только за тѣмъ, чтобъ спросить васъ кое-о-чемъ, сказалъ маіоръ.

— Что вамъ угодно?

— Во время вашихъ поисковъ нашли вы какія-нибудь письма?

— Нѣтъ еще, отвѣчала я; — но если найду письма, то, конечно, не стану читать.

— Я объ этомъ именно хотѣлъ съ вами поговорить. У меня только-что мелькнула въ головѣ мысль, что письма могутъ поставить васъ въ непріятное положеніе. На вашемъ мѣстѣ я питалъ-бы подозрѣніе во всему, что было-бы мнѣ недоступно. Но я полагаю, что въ этомъ отношеніи я могу вамъ помочь. Не нарушая моего общанія, я имѣю право вамъ сказать, что письма не окажутъ вамъ никакого содѣйствія въ вашихъ поискахъ. Вы можете совершенно безопасно ихъ отложить въ сторону. Вы меня понимаете?

— Да, и очепь вамъ благодарна, маіоръ.

— Устали вы?

— Нисколько, благодарю васъ.

— Пытаете вы еще надежду на успѣхъ? Вы еще не начали отчаяваться?

— Я нисколько не отчаяваюсь и, съ вашего позволенія, намѣрена продолжать поиски.

Разговаривая такимъ образомъ, я не закрыла нижняго ящика шифоньерки и случайно бросила взглядъ на разбитую вазу. Майоръ теперь вполне владѣлъ собою и также совершенно хладнокровно посмотрѣлъ на вазу, но я вспомнила его странный взглядъ при входѣ въ комнату и подумала, что его равнодушіе было искусственное.

— Это не подаетъ большихъ надеждъ, сказалъ онъ съ улыбкой, указывая на форфоровые обломки.

— Нельзя довѣряться внѣшности, отвѣчала я: — я должна питать подозрѣніе ко всему, даже къ разбитой вазѣ.

Говоря это, я пристально смотрѣла на него.

— Музыка вамъ не мѣшаетъ? спросилъ онъ, перемѣняя разговоръ.

— Нисколько.

— Она сейчасъ прекратится. Учитель пѣнія уйдетъ, а его замѣнитъ учитель итальянскаго языка. Я ничего не жалѣю для моей примадонны. Изучая музыку, она должна знать и специальный языкъ музыки. Когда мы поѣдемъ въ Италію, она научится тамъ и итальянскому акценту. Я всего болѣе желаю, чтобъ ее приняли за итальянку при появленіи ея въ публикѣ. Не могли я предложить вамъ чего-нибудь? Не прислать-ли вамъ шампанскаго?

— Нѣтъ, благодарю васъ, майоръ.

Онъ повернулся и послалъ мнѣ рукою поцѣлуй, но, уходя, знаменательно взглянулъ на шкафъ съ книгами. Онъ тотчасъ-же исчезъ, но я успѣла замѣтить этотъ взглядъ.

Оставшись одна, я посмотрѣла въ первый разъ внимательно на шкафъ съ книгами.

Это былъ красивый шкафъ изъ стараго рѣзнаго дуба и занималъ всю стѣну, смежную съ передней. На немъ, въ видѣ украшенія, помѣщались вазы, канделябры и статуетки, расположенныя погарно и симметрично. При внимательномъ осмотрѣ ихъ я замѣтила, что одно мѣсто было пустое, именно на самомъ углу, къ

оѣну. На противоположномъ углу, къ двери, стояла красная пестрая ваза чрезвычайно оригинальнаго рисунка. Гдѣ была ея пара? Я взглянула снова на нижній ящикъ шифоньерки. Не было никакого сомнѣнія, что обломки принадлежали къ парной вазѣ, которая нѣкогда стояла на книжномъ шкафу.

Сдѣлавъ открытіе, я вынула изъ ящика всѣ обломки и подвергла ихъ самому внимательному осмотру.

Не имѣя никакого понятія о подобныхъ произведеніяхъ искусства, я не могла оцѣнить этой вазы или опредѣлить, къ какому времени она относилась и была-ли она англійской или иностранной работы. Фонъ на ней былъ нѣжно-молочный, а живопись состояла изъ двухъ медальоновъ, окруженныхъ цвѣтами и купидонами; медальоны представляли головы мужчины и женщины, въ классическомъ стилѣ. На пьедесталѣ были изображены пастухи и пастушки въ лежачемъ положеніи, во вкусѣ Вато, съ собаками и овцами. Какимъ образомъ она разбилась? Почему маіоръ Фицъ-Дэвидъ измѣнился въ лицѣ, увидавъ, что я нашла ея обломки?

Эти вопросы я не рѣшила, хотя тщательно осмотрѣла всѣ обломки; но припоминая выраженіе лица маіора, я остановилась въ полной увѣренности, что, прямо или косвенно, разбитая ваза должна была привести меня къ открытію истины.

Однако, думать было совершенно излишне, и я возвратилась къ книжному шкафу. До сихъ поръ я предполагала, безъ всякаго, конечно, основательнаго повода, что отыскиваемый мною ключъ тайны заключается въ какомъ-нибудь письменномъ документѣ. Теперь-же, послѣ посѣщенія маіора, я стала думать, что разгадку своего недоумѣнія найду въ какой-нибудь книгѣ.

Я взглянула на нижнюю полку и прочитала заголовки на корешкахъ переплетовъ; предо мною стояли: Вольтеръ въ красномъ сафьянѣ, Шекспиръ—въ синемъ, Вальтеръ-Скоттъ—въ зеленомъ, „Исторія Англій“—въ коричневомъ и „Ежегодники“—въ желтомъ. Какъ разсматривать эти книги? И чего въ нихъ искать?

Маіоръ Фицъ-Дэвидъ упоминалъ о страшномъ несчастьи, омрачившемъ прошлую жизнь моего мужа. Какимъ образомъ могла я найти какой-нибудь намекъ на это несчастье въ страницахъ „Ежегодника“ или Вольтера? Самая мысль объ этомъ казалась нелѣпой, и всякая попытка серьезныхъ поисковъ въ книгахъ была-бы, конечно, потерю времени.

Но почему-же маіоръ бросилъ взглядъ на книжный шкафъ? Разбитая ваза тоже стояла нѣкогда на шкафу. Доказывали-ли эти два обстоятельства, что ваза и книжный шкафъ могли навести меня на открытіе тайны? Трудно было отвѣчать на этотъ вопросъ, особенно въ данную минуту.

Я взглянула на верхнія полки; книги на нихъ были гораздо разнообразѣе, меньшаго формата и не такъ аккуратно разставлены. Нѣкоторыя изъ нихъ были въ кожаныхъ переплетахъ, а другія въ бумажныхъ оберткахъ. Двѣ или три, выпавъ изъ ряда, къ которому онѣ принадлежали, находились тутъ-же на полкѣ, а нѣкоторыхъ, очевидно, не доставало, такъ-какъ ихъ мѣста оставались незанятыми. Вообще въ верхней области шкафа не было того единства и той аккуратности, которыя привели меня въ отчаяніе на нижней; здѣсь я могла надѣяться отыскать ключъ къ гнетущей меня тайнѣ. Я начала осмотръ библіотеки съ верхнихъ полокъ.

Гдѣ была библіотечная лѣстница? Я оставила ее у перегородки, отдѣлявшей эту комнату отъ сосѣдней. Естественно, что, посмотрѣвъ въ ту сторону, глаза мои должны были остановиться на несовсѣмъ притворенной двери, сквозь отверстіе которой, при входѣ моемъ въ этотъ домъ, я слышала, какъ маіоръ Фицъ-Дэвидъ спрашивалъ своего слугу о моей наружности. Послѣ того никто не проходилъ въ эту дверь, но когда теперь я взглянула на нее, мнѣ показалось, что кто-то зашевелился въ сосѣдней комнатѣ. Неужели за мною слѣдили? Я подошла тихонько къ двери и отворила ее настежь. Передо мною стоялъ маіоръ. Я видѣла ясно по его лицу, что онъ слѣдилъ за моими поисками въ книжномъ шкафу. У него въ рукахъ была шляпа. Онъ будто намѣревался уйти изъ дома; онъ воспользовался этимъ предлогомъ, чтобъ объяснить свое неожиданное появленіе у двери.

— Надѣюсь, я васъ не испугалъ? сказалъ онъ.

— Немножко, маіоръ.

— Простите, ради Бога. Я только-что хотѣлъ отворить дверь и сказать вамъ, что мнѣ нздо съѣздить къ одной дамѣ, отъ которой я только-что получилъ письмо. Это прелестная особа. Я желалъ-бы, чтобъ вы съ нею познакомились. Она въ счѣнь затруднительномъ положеніи. У нея мелкіе долги, лавочкики требуютъ денегъ, а ея мужъ... О! Господи, не такого мужа она до-

стойна!.. Вообще это очень интересное созданіе! Вы мнѣ напоминаете ее; вы держите голову совершенно какъ она. Я возвращусь черезъ полчаса. Не нужно-ли вамъ чего? Вы, кажется, очень устали? Пожалуйста позвольте прислать вамъ еще шампанскаго? Не хотите?—пу, какъ угодно. Но если-бъ вамъ захотѣлось чего-нибудь, позвоните слугу. Au revoir, мой прелестный другъ, au revoir.

Какъ только онъ удалился, я затворила дверь и стала размышлять.

Онъ слѣдилъ за моими поисками въ книжномъ шкафу; онъ пользовался полнымъ довѣріемъ моего мужа и, конечно, зналъ, гдѣ находился ключъ къ тайнѣ. Не было никакого сомнѣнія, что майоръ Фицъ-Дэвидъ указалъ мнѣ то мѣсто, гдѣ хранился этотъ ключъ.

Я посмотрѣла съ равнодушіемъ на остальные вещи, находившіяся по четвертой стѣнѣ, еще мною неосмотрѣнныя. Глаза мои скользили безъ всякаго любопытства по многочисленнымъ мелкимъ, изящнымъ предметамъ, разбросаннымъ по столамъ и камину, которые при другихъ обстоятельствахъ возбудили-бы во мнѣ подозрѣніе. Даже акварельныя картины меня не заинтересовали и я только замѣтила, что большая часть ихъ заключалась въ портретахъ, вѣроятно, минутныхъ богинь веселаго майора. Для меня (я была теперь вполнѣ убѣждена) существовалъ въ этой комнатѣ одинъ только книжный шкафъ. Я встала, взяла лѣстницу и рѣшилась начать осмотръ верхнихъ полокъ.

По дорогѣ къ лѣстницѣ я увидала на столѣ ключи, оставленные майоромъ Фицъ-Дэвидомъ.

Меньшій изъ нихъ напомнилъ мнѣ о маленькихъ шкафикахъ, находившихся подъ полками съ книгами. Я совершенно забыла о нихъ, и теперь смутное чувство сомнѣнія, невольное недовѣріе ко всякому запертому хранилищу верались въ мою голову. Я поставила лѣстницу на ея мѣсто и принялась за осмотръ нижнихъ шкафиковъ.

Ихъ было три. Когда я открыла первый, то пѣніе наверху прекратилось. Около минуты въ домѣ царяла совершенная тишина. Мнѣ стало какъ-то странно. Вѣроятно, нервы мои были слишкомъ напряжены. Потомъ на лѣстницѣ раздался скрипъ мужскихъ сапогъ. Я вздрогнула, какъ-будто въ этомъ звукѣ было

что-то ужасное. Безъ сомнѣнія, это уходилъ учитель пѣнія. Парадная дверь захлопнулась за нимъ съ шумомъ, и снова я задрожала. Наконецъ, наступила безмолвная тишина. Я собралась съ силами и начала осмотръ перваго шкафчика.

Онъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій. Въ верхнемъ находились только ящики съ сигарами, аккуратно размѣщенные рядами. Нижний былъ отведенъ подъ коллекцію раковинъ, которыя валялись въ беспорядкѣ. Очевидно, маіоръ дорожилъ гораздо болѣе сигарами. Я внимательно перебрала всѣ раковины, полагая, что между ними могло попасть что-либо для меня интересное, но всѣ мои ожиданія были напрасны.

Прежде, чѣмъ начать осмотръ втораго шкафика, я подошла къ окну. Мнѣ вдругъ показалось, что стемнѣло. До вечера еще было далеко, но тучи заволакивали небо, крупныя капли дождя стучали въ окно, осенній вѣтеръ уныло свистѣлъ въ трубахъ. Я поправила огонь въ каминѣ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, вѣроятно, по причинѣ все тѣхъ-же нервовъ, возвратилась къ книжному шкафу. Я рѣшительно не понимала, что со мною.

Въ верхнемъ отдѣленіи шкафика находилось собраніе прекрасныхъ камней, разложенныхъ по порядку на картонныхъ подносахъ, обложенныхъ ватой. Въ углу, подъ однимъ изъ нихъ, виднѣлась исписанная тетрадка. Я съ нетерпѣніемъ схватила ее, но тотчасъ разочаровалась: это былъ каталогъ камней.

Въ нижнемъ отдѣленіи были другія рѣдкости: японскія издѣлія изъ слоновой кости и образцы различныхъ китайскихъ шелковыхъ тканей. Мнѣ начали надоѣдать всѣ эти сокровища маіора. Чѣмъ болѣе продолжались поиски, тѣмъ далѣе казалось мнѣ, я отстою отъ цѣли моихъ стремленій. Закрывъ дверку втораго шкафика, я подумала: стоитъ-ли открывать третій?

Подумавъ немного, я нашла, что, начавъ уже осмотръ нижней части книжнаго шкафа, слѣдовало его окончить. Я отворила послѣдній шкафикъ.

На верхней полкѣ лежала въ одинокомъ величіи одна книга въ великолѣпномъ переплетѣ.

Она была большого формата, чѣмъ бываютъ обыкновенно современные книги. Переплетъ ея былъ голубой, бархатный, съ серебряными узорчатыми застежками и такимъ-же замкомъ. Взявъ книгу, я увидѣла, что замокъ не былъ запертъ.

Имѣла-ли я право воспользоваться этой случайностью и открыть книгу? Впослѣдствіи я задавала этотъ вопросъ нѣкоторымъ изъ моихъ друзей мужского и женскаго пола. Женщины единогласно отвѣчали, что, въ виду серьезныхъ интересовъ, связанныхъ для меня съ этими поисками, я имѣла полное право открыть и рассмотреть каждую книгу. Мужчины, напротивъ, утверждали, что мнѣ слѣдовало положить на мѣсто бархатную книгу и запереть шкафъ, чтобы тѣмъ уничтожить всякій соблазнъ. Я полагаю, что правы мужчины.

Однако, я женщина, и потому безъ малѣйшаго колебанія открыла книгу.

Страницы ея, изъ самой лучшей веленовой бумаги, были украшены изящными рамками и орнаментами. Что-же заключалось въ этихъ роскошныхъ страницахъ? Къ моему крайнему изумленію и разочарованію, посрединѣ каждой изъ нихъ красовался локонь волосъ съ надписью внизу. Все это были залогомъ любви отъ различныхъ женщинъ, къ которымъ пылалъ страстью влюбчивый маіоръ. Надписи были на разныхъ языкахъ и, повидимому, всѣ имѣли странную цѣль напомнить маіору о днѣ разрыва съ каждымъ предметомъ его любви. Такимъ образомъ, на первой страницѣ виднѣлся локонь свѣтло-русыхъ волосъ съ слѣдующей надписью на англійскомъ языкѣ: „Моя обожаемая Маделена. Образецъ вѣрности. Увы—22 іюля 1839 года“. На слѣдующей страницѣ былъ локонь каштановыхъ волосъ съ французской надписью: „Clémence. Idole de mon âme. Toujours fidèle. Hélas, 2 août 1840“. Третій локонь былъ рыжій и надпись латинская, которая гласила, что красавица происходила отъ древнихъ римлянъ, а потому Фицъ-Дэвидъ оплакивалъ ее на древне-классическомъ языкѣ. За этимъ слѣдовали другіе локоны и другія надписи, такъ-что, наконецъ, мнѣ надобно на нихъ смотрѣть. Я положила книжку съ чувствомъ негодованія на всѣхъ этихъ легкомысленныхъ созданій, но черезъ минуту снова взяла ее. До сихъ поръ я основательно разсматривала всякій предметъ, попадавшійся мнѣ подъ руку, было-ли мнѣ это пріятно или нѣтъ; очевидно, я должна была придерживаться того-же правила и въ отношеніи этой книги.

Я повертывала страницу за страницей, пока не дошла до пу-

стыхъ листовъ; тогда, для большей осторожности, я взяла книгу за корешокъ и встряхнула ее.

На этотъ разъ мое терпѣніе было вознаграждено находкой, приведшей меня въ неописанное волненіе. Изъ книги упала на полъ фотографическая карточка. На ней было два лица.

Въ одномъ я узнала мужа.

Другое было женское.

Эта женщина была немолодая и совершенно мнѣ незнакомая. Она сидѣла на креслѣ, а мой мужъ стоялъ позади, нагнувшись къ ней и держа ее за руку. Черты этой женщины были рѣзкія, некрасивыя и въ нихъ ясно выражались пламенные страсти, твердость и сила воли. Однако, несмотря на ея уродливую, я почувствовала ревность при видѣ фамиллярнаго обращенія съ нею моего мужа. Юстасъ рассказывалъ мнѣ въ счастливые дни его ухаживанія, что прежде, чѣмъ встрѣтиться со мною, онъ нѣсколько разъ воображалъ себя влюбленнымъ. Неужели эта непривлекательная женщина была однимъ изъ первыхъ предметовъ его любви? Неужели она была такъ близка и дорога ему, что онъ рѣшился сняться вмѣстѣ съ нею, рука въ руку, на одномъ фотографическомъ портретѣ? Долго я смотрѣла на эту карточку, пока, наконецъ, вышла изъ терпѣнія и бросила ее въ шкафъ. Странныя созданія женщины: онѣ составляютъ тайну даже для самихъ себя. Я была страшно сердита на мужа и ненавидѣла—да, ненавидѣла—всѣмъ сердцемъ женщину, державшую его руку, неизвѣстную мнѣ женщину съ сердитымъ, упрямымъ лицомъ.

Между тѣмъ нижняя полка третьяго шкафика еще не была осматрѣна.

Я встала на колѣни и принялась за работу, надѣясь забыть унизительную вспышку ревности.

По несчастію, на нижней полкѣ были только трофеи военной службы маіора: сабля, пистолеты, темлякъ, эполеты. Ни одинъ изъ этихъ предметовъ не возбуждалъ во мнѣ ни малѣйшаго интереса. Глаза мои невольно обратились къ верхней полкѣ, и, какъ настоящая дура (въ ту минуту я не заслуживала другого, болѣе мягкаго названія), я взяла снова фотографію и безъ всякой нужды выходила изъ себя, смотря на нее. Однако, на этотъ разъ

я замѣтила, что на изнанкѣ карточки была слѣдующая надпись, сдѣланная женскимъ почеркомъ:

„Маіору Фицъ-Дэвиду, съ двумя вазами, отъ его друзей С. и Ю. М.“

Была-ли въ числѣ этихъ двухъ вазъ та, обломки которой лежали въ ящикѣ? Перемяна въ лицѣ маіора Фицъ-Дэвида не объяснялась-ли какимъ-либо воспоминаніемъ, связаннымъ съ той вазой? Какъ-бы то ни было, мнѣ не приходилось теперь объ этомъ думать; меня всецѣло занималъ болѣе серьезный вопросъ о буквахъ на изнанкѣ фотографіи.

„С. и Ю. М.“ Эти двѣ послѣднія буквы могли означать имя и настоящую фамилію моего мужа. Въ этомъ случаѣ первая буква С. означала ея имя. Какое право имѣла она соединять такимъ образомъ свое имя съ его? Послѣ нѣкотораго размышленія я вспомнила, что у Юстаса были сестры. Онъ говорилъ мнѣ о нихъ не разъ до нашей свадьбы. Какое сумасшествіе было ревновать мужа къ его сестрѣ! Это было очень возможно, и С. въ такомъ случаѣ означало имя этой сестры. Мнѣ сдѣлалось стыдно и, повернувъ фотографію, я стала совершенно съ иными чувствами разсматривать ее.

Конечно, прежде всего мнѣ хотѣлось найти сходство между этими двумя лицами. Но этого сходства не существовало; напротивъ, по чертамъ и выраженію они рѣзко отличались другъ отъ друга. Сестра-ли она ему? Я взглянула на ея руки; правую держалъ Юстасъ, а лѣвая лежала у нея на колѣняхъ. На третьемъ пальцѣ этой послѣдней руки виднѣлось обручальное кольцо. Были-ли его сестры замужемъ? Я очень хорошо помнила, что на мой вопросъ объ этомъ онъ отвѣчалъ отрицательно.

Неужели моя инстинктивная ревность подсказала мнѣ съ самаго начала правду? Если такъ, то что-же значили эти три буквы? Что значило обручальное кольцо? Боже милостивый! Неужели предо мною былъ портретъ моей соперницы въ любви мужа? Неужели она была его женой?

Я бросила фотографію на полъ съ крикомъ ужаса. Мнѣ казалось, что я схожу съума, и, право, не знаю, что-бы я сдѣлала или что-бы со мною случилось, если-бы любовь моя къ Юстасу не взяла верхъ надъ всѣми терзающими меня чувствами. Эта преданная вѣрная любовь укрѣпила мой распатавшійся умъ и дала востор-

жествовать лучшей, благороднѣйшей сторонѣ моего характера. Могъ-ли человѣкъ, которому я отдала мое сердце, быть столь низкимъ, чтобъ жениться на мнѣ отъ живой жены? Нѣтъ. Я называла себя низкой, подлой, что хоть на мгновение могла допустить подобное предположеніе.

Я подняла съ полу взволновавшую меня фотографію и положила ее обратно въ книгу. Поспѣшно заперѣвъ дверцу, я взяла лѣстницу и приставила ее къ шкафу. Единственнымъ спасеніемъ отъ ужасныхъ мыслей было какое-нибудь занятіе. Неприятное подозрѣніе, унижавшее меня въ моихъ собственныхъ глазахъ, постоянно возвращалось, несмотря на всѣ мои усилія. Книги! книги! въ нихъ заключалась вся моя надежда на забвеніе.

Не успѣла я поставить ноги на первую ступеньку лѣстницы, какъ дверь изъ передней отворилась.

Я думала, что возвратился маіоръ; но вмѣсто него на порогѣ стояла будущая примадонна, устремивъ на меня пристальный взглядъ.

— Я очень терпѣлива, сказала она хладнокровно, —но *этого* болѣе терпѣть не могу.

— Чего-же вы не можете терпѣть? спросила я.

— Вы не нѣсколько минутъ, а цѣлыхъ два часа, продолжала она, —находитесь однѣ въ кабинетѣ маіора. Я по природѣ очень ревнива и хочу знать, что все это значитъ? Готовитъ онъ васъ для сцены? рѣзко спросила она, подходя ко мнѣ съ грознымъ видомъ.

— Нѣтъ.

— Онъ влюбленъ въ васъ?

При другихъ обстоятельствахъ я, быть можетъ, попросила-бы ее выйти изъ комнаты, но теперь, въ эту критическую минуту, мнѣ было утѣшеніемъ присутствіе всякаго человѣческаго созданія. Даже эта молодая дѣвушка, съ ея грубыми вопросами и неизящными манерами, была находкой въ моемъ одиночествѣ.

— Вашъ вопросъ не очень учтивъ, отвѣчала я, —но я васъ извиняю. Вы, вѣрно, не знаете, что я замужемъ?

— Какое ему до этого дѣло! воскликнула она: — замужная или незамужняя—ему все равно. Нахальная дрянь, называющаяся леди Клариндой, также замужемъ, а черезъ день посылаетъ ему по букету. Вы не думайте, чтобы я питала какое-нибудь

чувство къ старому дураку. Но я потеряла мѣсто на желѣзной дорогѣ и должна соблюдать свои интересы, а Богъ знаетъ, что будетъ со мною, если я позволю другой женщинѣ встать между нимъ и мною. Вотъ въ чемъ дѣло, вы понимаете? Я не могу быть спокойна, видя, что онъ оставляетъ васъ здѣсь цѣлыми часами полной хозяйкой. Я васъ нисколько не желаю оскорбить, но говорю все, что чувствую. Я желаю знать, что вы дѣлаете въ этой комнатѣ? Гдѣ вы поймали маіора? Онъ никогда прежде не говорилъ мнѣ о васъ.

Несмотря на грубость и эгоизмъ этой молодой дѣвушки, она отличалась такой независимостью и прямою, что невольно меня заинтересовала. Я отвѣчала таеъ-же прямо и откровенно:

— Маіоръ Фицъ-Дэвидъ старый пріятель моего мужа, и только потому онъ со мною таеъ любезенъ. Онъ позволилъ мнѣ осмотрѣть все въ этой комнатѣ и...

Я остановилась, не зная, какъ объяснить ей мои поиски такъ, чтобы не открыть ей настоящихъ моихъ намѣреній и успокоить ея подозрѣнія.

— Къ чему? Вы что-нибудь ищете? спросила она, и, увидавъ лѣстницу у книжнаго шкафа, подлѣ котораго я стояла, прибавила:—вы ищете книгу?

— Да, отвѣчала я, хватаясь за ея предположеніе, — книгу.

— Вы ее нашли?

— Нѣтъ.

Она впилась въ меня глазами, очевидно, недоумѣвая, правду я говорила или нѣтъ.

— Вы, кажется, хорошая женщина, сказала она, наконецъ:— въ васъ нѣтъ ничего натянутого. Я съ удовольствіемъ вамъ помогу. Къ тому-же мнѣ эти книги болѣе извѣстны, чѣмъ вамъ. Какую вы ищете?

Но въ ту самую минуту, какъ она предлагала мнѣ этотъ опасный вопросъ, глаза ея случайно остановились на букетѣ леди Кларинды, который лежалъ на столѣ. Забывъ все, и меня, и книгу, эта странная молодая дѣвушка неистово бросилась на букетъ и истоптала его ногами.

— Вотъ ей! воскликнула она; — если-бы тутъ была леди Кларинда, то я готова была-бы поступить съ нею точно такъ-же.

— А что скажетъ маіоръ? спросила я.

— Какое мнѣ дѣло? Вы думаете, я его боюсь? На прошлой недѣлѣ я разбила одну изъ его рѣдкостей по милости леди Кларинды и ея букетовъ.

При этомъ она указала на пустое мѣсто на шкафу. Сердце же дрогнуло. *Она разбила вазу!* Неужели я узнаю страшную тайну черезъ нее? Я рѣшительно не могла произнести ни слова и только смотрѣла на нее.

— Да, продолжала она, — онъ знаетъ, какъ я ненавижу ся цвѣты, и поставилъ присланный ею букетъ въ вазу, стоявшую вонъ тамъ, на шкафѣ. На той вазѣ было нарисовано женское лицо, и онъ увѣрялъ, что оно живой портретъ леди Кларинды. Въ сущности, оно столько-же походило на меня, сколько и на нее; но я не вытерпѣла и бросила въ вазу книгой, которую читала въ то время. Ваза упала и разбилась въ дребезги. Погодите, вы ищете не эту-ли книгу? Вы, какъ и я, вѣрно, любите читать судебные процессы?

Судебные процессы! Хорошо-ли я разслышала? Да, она сказала: судебные процессы.

Я отвѣчала безмолвнымъ наклоненіемъ головы, потому-что по-прежнему не могла произнести ни слова. Молодая дѣвушка хладнокровно подошла къ камину и, взявъ щипцы, возвратилась къ книжному шкафу.

— Книга упала, сказала она, — за шкафъ. Я ее сейчасъ достану.

Я смотрѣла на нее молча, неподвижно.

Черезъ минуту она подошла ко мнѣ, держа въ одной рукѣ щипцы, а въ другой книгу въ очень простенькомъ переплетѣ.

— Не эту-ли книгу вы искали? спросила она; — откройте и посмотрите.

Я взяла книгу изъ ея рукъ.

— Она чрезвычайно интересна, продолжала молодая дѣвушка: — я прочла ее два раза, и все-же полагаю, что онъ виновать.

Виновать! О комъ она говорила? Но напрасно старалась я предложить ей этотъ вопросъ: слова замирали на моихъ губахъ.

Она, наконецъ, потеряла всякое терпѣніе, выхватила изъ моихъ рукъ книгу и, открывъ ее на заглавномъ листѣ, положила на столъ предо мною.

— Вы безпомощны, какъ ребенокъ, сказала она презрительно;—ну, что-же, эту книгу вамъ надо?

Я прочла первыя строчки заглавія:

ПОЛНЫЙ ОТЧЕТЪ

ДѢЛА ПО ОБВИНЕНІЮ

Юстаса Мокалана.

Я остановилась и взглянула на нее. Она отскочила отъ меня съ крикомъ ужаса. Я опустила глаза и прочла остальную строчку:

Въ отравленіи жены.

Тутъ Господь сжалился надо мною: я лишилась чувствъ.

ГЛАВА XI.

Возвращеніе къ жизни.

Очнувшись, я прежде всего почувствовала страшную физическую боль; мнѣ казалось, что всѣ нервы мои скручены и вывернуты. Вся моя натура въ безмолвной агоніи протестовала противъ усилій возвратитъ меня къ жизни. Я отдала-бы все на свѣтъ за возможность произнести хоть слово и унрсить окружающихъ меня дать мнѣ спокойно умереть. Какъ долго продолжалась эта безмолвная агонія—я не могу сказать, но мало-помалу мною овладѣло какое-то странное успокоительное сознание, что я миновала грозную опасность. Я слышала свое собственное, тяжелое дыханіе, я чувствовала, что мои руки двигались механически, какъ у ребенка. Я открыла глаза и посмотрѣла вокругъ, словно я возвратилась изъ могилы въ новый для меня міръ.

Прежде всего я увидѣла совершенно мнѣ незнакомаго человѣка. Онъ тихонько удалился, дѣлая знаки другому лицу, бывшему въ комнатѣ.

Медленно, какъ-бы неохотно, этотъ послѣдній подошелъ къ кушеткѣ, на которой я лежала. Я вскрикнула отъ радости и старалась протянуть руку. Это былъ мой мужъ.

Я пламенно впиалась глазами въ него. Онъ на меня даже не

взглянулъ, а, съ опущенными глазами и съ страннымъ выраженіемъ смущенія и ужаса на лицѣ, направился къ дверямъ. Незнакомецъ послѣдовалъ за нимъ. Я слабо произнесла „Юстасъ“. Онъ ничего не отвѣчалъ и не вернулся. Съ большимъ усиліемъ я повернула голову и взглянула въ другую сторону комнаты. Мнѣ какъ-бы во снѣ представилось знакомое лицо добраго, стараго Бенджамина. Онъ сидѣлъ подлѣ кушетки и со слезами смотрѣлъ на меня.

Онъ молча взялъ мою руку и горячо пожалъ.

— Гдѣ Юстасъ? спросила я;—зачѣмъ онъ ушелъ?

Я была очень слаба. Глаза мои механически обвели всю комнату. Я увидѣла маіора Фицъ-Дэвида, столъ, на который пѣвица положила книгу, открывъ ее на заглавномъ листѣ, и эту самую пѣвицу, сидѣвшую въ углу съ заплаканными глазами. Въ одно мгновеніе я вспомнила все, что случилось, и роковая заглавная страница возстала передъ моими глазами. Но теперь я чувствовала только одно стремленіе—увидѣть моего мужа, броситься къ нему въ объятія и убѣдить, что я вѣрю въ его невиновность, что я люблю его еще болѣе, еще пламеннѣе.

— Приведите его, воскликнула я, дико схватывая за руку Бенджамина;—гдѣ онъ? Помогите мнѣ встать.

Незнакомый мнѣ голосъ твердо, но любезно отвѣчалъ:

— Успокойтесь, сударыня; м-ръ Вудвиль ждетъ въ сосѣдней комнатѣ, пока вы будете въ состояніи видѣться съ нимъ.

Я подняла глаза и узнала въ говорившемъ незнакомца, вышедшаго вмѣстѣ съ моимъ мужемъ изъ комнаты. Отчего-же Юстасъ не былъ подлѣ меня, какъ всѣ остальные? Я старалась встать, но незнакомецъ нѣжно удержалъ меня. Я сопротивлялась, но, конечно, безъ успѣха. Его твердая рука нѣжно, но упорно не спускала меня съ кушетки.

— Вамъ надо лежать и выпить вина, сказалъ онъ,—а то вы опять упадете въ обморокъ.

Старикъ Бенджаминъ подошелъ ко мнѣ и шепнулъ на ухо:

— Это докторъ, моя милая, вы должны его слушаться.

Докторъ! Они позвали на помощь доктора! Значить, мой обморокъ представлялъ болѣе серьезныя симптомы, чѣмъ простая женская дурнота. Я обратилась къ доктору и спросила недовольнымъ тономъ:

— Зачѣмъ вы позволили ему выйти изъ комнаты? Если я не могу идти къ нему, такъ отчего-же вы не приведете его ко мнѣ?

Докторъ, казалось, не зналъ, что сказать, и, взглянувъ на Бенджамина, произнесъ:

— Не угодно-ли вамъ отвѣтить м-съ Вудвиль?

Бенджаминъ, въ свою очередь, взглянулъ на маіора и повторилъ:

— Не угодно-ли вамъ?

Маіоръ знакомъ попросилъ ихъ выйти изъ комнаты. Они тотчасъ исполнили его желаніе. Въ ту-же минуту молодая дѣвушка, такъ странно открывшая мнѣ роковую тайну, встала и подошла къ кушеткѣ.

— Я также лучше выйду, сказала она, обращаясь къ маіору.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ онъ холодно.

Она пожала плечами и повернулась къ нему спиной.

— Нѣтъ! воскликнула она черезъ мгновеніе съ необыкновенной энергіей;—я должна сказать слово за себя или я лопну. Вы слышите, какъ маіоръ говоритъ со мною? прибавила она, обращаясь ко мнѣ:—онъ винитъ меня за все, что случилось. Между тѣмъ вы знаете, что я совершенно невиновна. Я чиста, какъ младенецъ. Я полагала, что вамъ нужна именно эта книга, и подала ее. Развѣ я могла предполагать, что, увидѣвъ ее, вы упадете въ обморокъ? Я сама не падаю въ обморокъ, но всегда сожалѣю бѣдныхъ, слабыхъ созданій. Мои родители были джентльмены, хотя и бѣдны. Мое имя Гойти—миссъ Гойти. Я также самолюбива, и мое самолюбіе оскорблено несправедливымъ обвиненіемъ. Если кто-нибудь виноватъ, то только вы сами. Вы сказали, что ищете книгу, я подала ее вамъ съ намѣреніемъ услужить. Разскажите-же, какъ было дѣло, теперь вы уже въ силахъ говорить. Заступитесь за бѣдную дѣвушку, которую замучили пѣніемъ, языками и богъ-знаетъ еще чѣмъ. Я умѣю держать себя въ обществѣ не хуже васъ. Меня зовутъ миссъ Гойти; моя мать бывала въ лучшемъ обществѣ.

Съ этими словами миссъ Гойти поднесла платокъ къ глазамъ и залилась слезами.

Конечно, странно было-бы считать ее отвѣтственной за мой

обморокъ. Я отвѣчала ей какъ могла любезнѣе и хотѣла-было защитить ее передъ маіоромъ Фицъ-Дэвидомъ, но онъ, зная, какія страшныя мысли преслѣдовали меня въ эту минуту, отказался выслушать мою защиту и самъ взялся утѣшить свѣю примадонну. Что онъ говорилъ ей—я не разслышала, да и не желала слышать. Онъ говорилъ шопотомъ и кончилъ тѣмъ, что, совершенно успокоивъ ее, проводилъ до двери и поцѣловаль у нея руку.

— Надѣюсь, что эта глупая дѣвчонка не разстроила васъ въ такую минуту? сказалъ онъ, возвращаясь ко мнѣ. — Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ было тяжело видѣть васъ въ обморокъ. Но вы помните, я васъ предупреждалъ. Все-же, если-бъ я могъ предвидѣть...

Я не дала ему продолжать. Никакой, самой пронизательный человѣческій умъ не могъ предвидѣть того, что случилось. Къ тому-же, какъ ни ужасно было сдѣланное мною открытіе, я предпочитала его своему прежнему невѣденію. Я сказала это маіору и потомъ перешла къ предмету, единственно меня интересовавшему въ эту минуту—къ моему мужу.

— Какъ онъ попалъ сюда? спросила я.

— Онъ явился съ м-ромъ Бенджаминномъ вскорѣ послѣ моего прихода сюда, отвѣчалъ маіоръ.

— Я уже давно была въ обморокъ, когда онъ пріѣхалъ?

— Нѣтъ, я только-что передъ тѣмъ послалъ за докторомъ.

— Почему онъ явился сюда? Былъ онъ въ гостинницѣ и подозрѣваль мое отсутствіе?

— Да, онъ возвратился ранѣе, чѣмъ думалъ, и очень безпокоился, не найдя васъ въ гостинницѣ.

— Подозрѣваль онъ, что я здѣсь? Пріѣхаль онъ сюда прямо изъ гостинницы?

— Нѣтъ, онъ, кажется, прежде заѣхаль къ м-ру Бенджамину, желая тамъ навести о васъ справки. Что онъ узналъ отъ старика—мнѣ неизвѣстно; знаю только, что сюда онъ пріѣхаль вмѣстѣ съ м-ромъ Бенджаминномъ.

Этого краткаго объясненія было совершенно достаточно: я поняла все, что случилось. Юстасъ напугаль стараго Бенджамина моимъ исчезновеніемъ изъ гостинницы и легко добился отъ него подробнаго изложенія нашего разговора о маіорѣ Фицъ-Дэвидѣ. Такимъ образомъ, его присутствіе въ домѣ маіора объяснялось

очень просто. Но его странный выходъ изъ комнаты въ ту самую минуту, какъ я очнулась, былъ непонятенъ. Маіоръ очень смутился отъ моего вопроса.

— Я, право, не могу вамъ этого объяснить, отвѣчалъ онъ: — Юстасъ поразилъ меня своимъ поведеніемъ.

Маіоръ произнесъ эти слова серьезно; въ глазахъ его выразилось неудовольствіе, которое, очевидно, относилось къ моему мужу.

— Юстасъ съ вами не поссорился? воскликнула я со страхомъ.

— Нѣтъ.

— Онъ знаетъ, что вы не нарушили даннаго ему слова?

— Нѣтъ. Моя пѣвица, миссъ Гойти, рассказала доктору все, что случилось, а онъ передалъ рассказъ ея вашему мужу.

— Докторъ видѣлъ книгу?

— Ни докторъ, ни м-ръ Бенджаминъ не видали книги. Я заперъ ее и сохранилъ отъ нихъ въ тайнѣ роковую исторію вашихъ отношеній къ обвиняемому. М-ръ Бенджаминъ, повидимому, кое-что подозрѣваетъ, но докторъ и миссъ Гойти не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о причинѣ вашего обморока. Они оба полагаютъ, что вы подвержены нервнымъ припадкамъ и что фамилія вашего мужа дѣйствительно Вудвиль. Все, что могъ сдѣлать искренній другъ, я сдѣлалъ. Но вашъ мужъ упорно бранить меня за то, что я впустилъ васъ въ свой домъ, а главное, онъ исполнѣ убѣжденъ, что сегодняшнія событія навсегда васъ разъединили.

Я вскочила съ кушетки.

— Боже милостивый! воскликнула я; — неужели Юстасъ думаетъ, что я сомнѣваюсь въ его невинности?

— Онъ отрицаетъ возможность вамъ или кому-бы то ни было другому вѣрить въ его невинность, отвѣтилъ маіоръ.

— Проводите меня къ нему, сказала я; — гдѣ онъ? Я должна его видѣть.

Но произнеся эти слова, я въ изнеможеніи упала на кушетку. Маіоръ налилъ стаканъ вина и предложилъ мнѣ его выпить.

— Вы его увидите, отвѣчалъ онъ, — я вамъ общаю. Докторъ запретилъ ему уходить изъ дома до объясненія съ вами. Только подождите. Черезъ пять минутъ вы будете въ силахъ перенести это свиданіе.

Я должна была повиноваться. Даже теперь, когда прошло много лѣтъ послѣ этого происшествія, я не могу вспомнить безъ ужаса объ этихъ страшныхъ, беспомощныхъ минутахъ.

— Приведите его сюда, сказала я, — пожалуйста приведите его сюда.

— Кто можетъ привести его сюда? отвѣчалъ маіоръ; — какъ могу я, или кто-бы то ни было, убѣдить человѣка, — я хотѣлъ сказать: безумца, — который оставилъ васъ въ ту минуту, когда вы открыли глаза? Пока докторъ находился при васъ, я старался убѣдить Юстаса въ вашей и моей твердой увѣренности, что онъ не виновенъ, но на всѣ мои доводы и мольбы онъ отвѣчалъ только ссылкой на шотландскій приговоръ.

— На шотландскій приговоръ? спросила я. — Что это такое? Маіоръ взглянулъ на меня съ изумленіемъ.

— Развѣ вы дѣйствительно никогда не слыхали объ его процессѣ? спросилъ онъ.

— Никогда.

— Мнѣ съ самаго начала казалось страннымъ, продолжалъ онъ, — что, узнавъ настоящую фамилію вашего мужа, вы не вспомнили его страшной исторіи. Около трехъ лѣтъ тому назадъ вся Англія говорила о немъ. Неудивительно, что онъ, бѣдный, перемѣнилъ свою фамилію. Но гдѣ-же вы были въ то время?

— Вы говорите, это происходило три года тому назадъ?

— Да.

— Я, кажется, могу объяснить мое невѣденіе о событіи, извѣстномъ всей Англіи. Три года тому назадъ отецъ былъ еще живъ. Мы жили въ Италіи, въ горахъ близъ Сіены. По цѣлымъ недѣлямъ мы не видали англійскихъ газетъ и англійскихъ путешественниковъ. Быть можетъ, отцу и писали изъ Англіи объ этомъ процессѣ, но онъ мнѣ никогда не говорилъ о немъ, а если и говорилъ, то я тотчасъ-же забыла о немъ, занятая другими впечатлѣніями. Но скажите, что-же общаго между приговоромъ и ужаснымъ сомнѣніемъ моего мужа въ отношеніи насъ? Юстасъ на свободѣ, — значитъ, онъ признанъ невиновнымъ.

— Юстасъ судился въ Шотландіи, отвѣчалъ маіоръ, ирочно качая головой; — по шотландскимъ законамъ существуетъ особая форма приговора, которая, на-сколько мнѣ извѣстно, не встрѣчается въ законодательствѣ ни одного государства въ свѣтѣ.

Когда присяжные въ Шотландіи сомнѣваются въ томъ, слѣдуетъ-ли оправдать или присудить обвиняемаго, то имъ дозволяется выразить это сомнѣніе въ особенной юридической формѣ. Если нѣтъ достаточныхъ уликъ, чтобъ признать обвиняемаго виновнымъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ достаточныхъ доказательствъ для его оправданія, шотландскіе присяжные выносятъ приговоръ: *не доказано*.

— Таковъ былъ приговоръ, вынесенный въ дѣлѣ Юстаса? спросила я.

— Да.

— Присяжные не были вполне убѣждены, что мой мужъ виновенъ, и не вполне убѣждены, что онъ не виновенъ?

— Да, въ продолженіи трехъ лѣтъ тяготѣеть надъ нимъ этотъ приговоръ присяжныхъ, оставившихъ его подъ подозрѣніемъ.

О, мой бѣдный мужъ! Мой невинный мученикъ! Я теперь поняла все. Женитьба его подъ ложнымъ именемъ, страшное заклинаніе уважать его тайну и еще болѣе страшное недоверіе ко мнѣ въ эту минуту,—все было теперь понятно. Я встала съ кушетки спокойная, твердая. Шотландскій приговоръ возбудилъ во мнѣ смѣлую, мужественную рѣшимость, но прежде, чѣмъ приступить рѣшительно къ задуманному мною дѣлу, я должна была сообщить свой планъ мужу.

— Пойдемте къ Юстасу, сказала я, — теперь я достаточно сильна.

Маіоръ пристально взглянулъ на меня и, молча подавъ руку, повелъ меня къ двери.

ГЛАВА XII.

Шотландскій приговоръ.

Мы прошли черезъ переднюю. Маіоръ Фицц-Дэвидъ отворилъ дверь въ длинную, узкую комнату, предназначенную для куренія.

Въ ней не было никого, крожѣ моего мужа; онъ сидѣлъ у камина и, увидавъ меня, молча всталъ. Маіоръ оставилъ насъ однихъ и затворилъ за собою дверь. Юстасъ не сдѣлалъ ни шага

ко мнѣ на встрѣчу. Я побѣжала къ нему и, бросившись на шею, горячо поцѣловала. Онъ меня не обнялъ, не поцѣловалъ, а только пассивно поддавался моимъ страстнымъ ласкамъ.

— Юстасъ! воскликнула я, —я никогда не любила тебя такъ пламенно, какъ въ эту минуту!

Онъ освободился изъ моихъ объятий и, съ машинальной любезностью посторонняго человѣка, знакомъ пригласилъ меня сѣсть.

— Благодарю тебя, Валерія, сказалъ онъ холодно; — послѣ того, что случилось, ты не могла сказать ничего больше и ничего меньше. Благодарю тебя.

Мы оба стояли передъ каминомъ. Сказавъ эти слова, онъ медленно и съ пониженной головой пошелъ къ дверямъ. Я послѣдовала за нимъ, перегнала его и заслонила ему путь.

— Зачѣмъ ты уходишь? сказала я, —зачѣмъ ты такъ жестокъ со мной? Ты сердился, Юстасъ? Прости меня, мой милый, если я тебя разсердила.

— Я долженъ у тебя просить прощенія, отвѣчалъ онъ; — прости меня, Валерія, что я женился на тебѣ.

Онъ произнесъ эти слова съ такимъ отчаяннымъ, мрачнымъ смиреніемъ, что сердце у меня дрогнуло.

— Взгляни на меня, Юстасъ, сказала я, схвативъ его за руку.

Онъ медленно поднималъ глаза — они смотрѣли на меня холодно, неподвижно, безнадежно. Въ эту страшную минуту я была такъ же холодна и спокойна, какъ онъ. Его ледяное отчаяніе какъ-бы заморозило меня.

— Неужели, воскликнула я, —ты думаешь, что я не вѣрю въ твою невинность?

Онъ не отвѣчалъ на мой вопросъ, горько вздохнулъ и произнесъ, словно посторонній мнѣ человѣкъ:

— Бѣдная женщина! Бѣдная женщина!

Сердце мое тревожно билось, какъ-бы желая выскочить. Я оперлась рукою на плечо мужа, чтобъ не упасть.

— Я не прошу твоего сожалѣнія, Юстасъ, я желаю только справедливости. Ты несправедливъ ко мнѣ. Если-бъ ты довѣрилъ мнѣ всю правду въ первые дни нашей любви, призываю Бога въ свидѣтели, я вышла-бы за тебя замужъ безъ всякаго колебанія. Теперь ты сомнѣваешься во мнѣ, ты не вѣришь, что я считаю тебя невиннымъ.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь. Всѣ твои стремленія благородны, Валерія. Ты говоришь и чувствуешь благородно. Но не осуждай меня за то, милое дитя мое, что я вижу далѣе тебя,—вижу жестокое будущее.

— Жестокое будущее! воскликнула я;—что это значитъ?

— Ты вѣришь въ мою невинность, Валерія. Присяжные, судившіе меня, сомнѣвались въ этомъ и публично выразили это сомнѣніе. На основаніи какихъ доказательствъ, вопреки судебному приговору, ты считаешь меня невиновнымъ?

— Мнѣ не надо никакихъ доказательствъ. Я вѣрю тебѣ, несмотря на присяжныхъ и приговоръ.

— Будутъ-ли согласны съ тобою твои друзья? Что скажутъ твой дядя и тетка, когда узнаютъ о случившемся, а рано или поздно все имъ будетъ извѣстно? „Онъ началъ дурно, скажутъ они:—онъ скрылъ отъ нашей племянницы свой первый бракъ и свою настоящую фамилію. Онъ можетъ сколько угодно увѣрить, что не виновенъ, но можно-ли ему повѣрить? Судъ оставилъ его подъ подозрѣніемъ, судъ призналъ, что не доказано его преступленіе, но и не оправдалъ его. Намъ недостаточно такого приговора. Если присяжные постановили несправедливый приговоръ или онъ дѣйствительно не виновенъ, то пусть это докажетъ“. Вотъ что думаетъ и говоритъ обо мнѣ весь свѣтъ. Вотъ что будутъ думать и говорить твои друзья. Придетъ время, Валерія, когда ты, даже ты признаешь, что твои друзья правы.

— Этого никогда не будетъ! воскликнула я пламенно;—одно такое подозрѣніе меня оскорбляетъ до глубины души.

Онъ снялъ мою руку съ своего плеча и отошелъ на нѣсколько шаговъ.

— Мы женаты только нѣсколько дней, Валерія, сказалъ онъ съ горькой улыбкой,—твоя любовь еще молода и нова. Время потушить пламя этой любви.

— Никогда! Никогда!

— Посмотри на окружающій тебя свѣтъ, сказалъ онъ, отходя отъ меня еще далѣе.—Самые счастливые супруги по временамъ есорятся и на самомъ безоблачномъ небосклонѣ брачной жизни появляются иногда черныя тучи. Когда наступятъ для насъ эти мрачные дни, въ сердцѣ твоемъ проснутся тѣ сомнѣнія и подозрѣнія, которыя ты теперь отвергаешь. Когда на небосклонѣ на-

шей брачной жизни взойдутъ тучи, когда я скажу тебѣ первое рѣзкое слово, а ты легкомысленно отвѣтишь мнѣ, въ памяти твоей возстанетъ страшный образъ моей первой жены. Ты вспомнишь, что меня обвиняли въ ея убійствѣ и что я не былъ оправданъ. Ты скажешь сама себѣ: „Неужели съ ней началось такъ-же? Неужели со мной окончится тѣмъ-же?“ Это страшные вопросы для жены! Ты схоронишь ихъ въ глубинѣ своего сердца, какъ добрая женщина, ты съ ужасомъ отъ нихъ отвернешься; но на другой день ты будешь на-сторожѣ. Я это замѣчу, пойму тайную причину твоей сдержанности—и мое второе рѣзкое слово будетъ гораздо рѣзче. Тогда ты станешь яснѣе припоминать, что твой мужъ судился, какъ убійца, и что смерть его первой жены осталась неразъясненной. Ты видишь, какимъ адомъ можетъ сдѣлаться для насъ домашняя жизнь. Я недаромъ просилъ, заели-наль тебя не раскрывать роковой тайны. Могу-ли я теперь ухаживать за тобою во время болѣзни, не напоминая того, что было на одрѣ смерти моей первой жены? Подавая тебѣ лекарства, я стану возбуждать въ тебѣ подозрѣніе—вѣдь говорили, что я отравилъ ее лекарствомъ. Подавая тебѣ чашку чая, я воскрешу въ тебѣ сомнѣніе,—говорили, что я положилъ мышьяку въ ея чашку. Если, выходя изъ комнаты, я поцѣлую тебя, ты невольно вспомнишь, что обвинитель уличалъ меня въ подобномъ поцѣлуѣ, данномъ *ей* для приличія и обмана сидѣлки. Можно-ли жить вмѣстѣ при такихъ условіяхъ? Это выше человѣческихъ силъ. Сегодня я сказалъ тебѣ: „если ты сдѣлаешь еще шагъ далѣе въ этомъ дѣлѣ, то погубишь свое счастье на вѣки“. Ты меня не послушалась—и конецъ нашему счастью наступилъ. Надъ нашими головами тяготѣетъ проклятіе, отъ котораго не освободиться намъ во всю нашу жизнь.

Я слушала его терпѣливо, но рисуемая имъ картина будущаго была слишкомъ страшна, и я долѣе не могла вынести ужасной пытки, которой онъ меня подвергалъ.

— Перестань говорить такіе ужасы! воскликнула я;—въ наши года нельзя проститься съ любовью и надеждой! Сомнѣваться въ томъ и другомъ—святотатство.

— Прочти процессъ, отвѣчалъ онъ; — ты, вѣроятно, на это рѣшилась?

— Да, я прочту его съ перваго слова до послѣдняго; я составила планъ, который ты навѣрное одобришь, Юстась.

— Никакія твои дѣйствія, никакая любовь и надежда не могутъ измѣнить непреодолимыхъ фактовъ. Моя первая жена умерла отъ отравы, и судъ не оправдалъ меня по обвиненію въ ея убійствѣ. Пока ты этого не знала, мы могли быть счастливы, но теперь тебѣ все извѣстно, и я повторяю: насталъ конецъ нашей брачной жизни.

— Нѣтъ, отвѣчала я,—теперь началась для меня брачная жизнь съ серьезной цѣлью и отвѣтственностью.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

— По твоимъ словамъ, продолжала я, подходя къ нему и взявъ его за руку,—весь свѣтъ говоритъ о тебѣ: „Шотландскаго приговора намъ недостаточно; если присяжные были несправедливы, если онъ не виновенъ, то пусть это докажетъ“. Ты увѣряешь, что всѣ мои друзья, узнавъ о твоёмъ несчастьи, скажутъ то-же самое; хорошо, я ихъ сама повторяю: мнѣ недостаточно этого приговора. Докажи, Юстась, что ты не виновенъ, и пусть судъ тебя оправдаетъ. Зачѣмъ ты ждалъ три года? Вѣроятно, для того, чтобъ тебѣ въ этомъ помогла жена? Милый мой, теперь жена твоя готова помогать тебѣ. Съ этой минуты у нея одна цѣль въ жизни: доказать всему свѣту и присяжнымъ, что ея мужъ не виновенъ въ взведенномъ на него обвиненіи.

Я говорила съ энтузіазмомъ, пульсъ мой лихорадочно бился и голосъ громко раздавался въ комнатѣ. Я надѣялась, что мнѣ удалось его воодушевить:

— Прочти процессъ, отвѣчалъ онъ холодно.

Я схватила его за руку и съ негодованіемъ, съ отчаяніемъ сжала ее изо всей силы. Я, кажется, была въ состояніи въ эту минуту ударить его!

— Я намѣрена прочесть весь процессъ отъ строчки до строчки вмѣстѣ съ тобою, продолжала я;—вѣроятно, сдѣлана какая-нибудь непростительная ошибка, не представлено какое-нибудь необходимое въ твою пользу доказательство, не подвергнуто должному изслѣдованію подозрительное обстоятельство. Юстась, я убѣждена, что ты и твои защитники не досмотрѣли чего-нибудь и, благодаря этой ошибкѣ, состоялся несправедливый приговоръ. Мы

исправимъ эту ошибку. Мы должны это сдѣлать—ради тебя, ради меня, ради нашихъ дѣтей, если Небо благословить нашъ бракъ. О! радость моя, не смотри на меня такъ холодно, не отвѣчай мнѣ такъ жестоко! Не обращай со мною, какъ съ глупой, безумной женщиной, задумавшей невозможное!

Ничего не могло подѣйствовать на него!

— Меня защищали величайшіе адвокаты въ странѣ, сказалъ онъ тономъ сожалѣнія,—и если всѣ ихъ усилія ни къ чему не привели, то что-же можемъ сдѣлать мы съ тобою, бѣдная Валерія? Мы можемъ только покориться!

— Никогда! воскликнула я;—величайшіе адвокаты тоже люди и могутъ ошибаться. Этого ты не станешь отрицать.

— Прочти процессъ, сказалъ онъ въ третій разъ и ничего не прибавилъ къ этимъ жестокимъ словамъ.

Внѣ себя отъ отчаянія, видя, что всѣ мои усилія тщетны, и сознавая, что его безжалостная логика была гораздо сильнѣе моихъ доводовъ, основанныхъ на любви и преданности, я вспомнила о маіорѣ Фицъ-Дэвидѣ. Послѣдняя моя надежда заключалась во вліяніи на Юстаса его стараго друга.

— Подожди меня минуту! воскликнула я,—и выслушай еще одно мнѣніе.

Я поспѣшно возвратилась въ кабинетъ маіора; его тамъ не было. Я постучала въ дверь, ведущую въ сосѣднюю комнату, и маіоръ немедленно отворилъ ее. Доктора уже не было, а Бенджаминъ все еще оставался здѣсь.

— Пойдемте къ Юстасу, произнесла я,—и скажите ему...

Въ эту минуту парадная дверь съ шумомъ затворилась. Маіоръ Фицъ-Дэвидъ и Бенджаминъ молча переглянулись.

Не дожидаясь маіора, я побѣжала въ ту комнату, гдѣ разговаривала съ Юстасомъ. Въ ней никого не было. Мой мужъ ушелъ.

ГЛАВА XIII.

Рѣшимость мужа.

Первой моею мыслью было послѣдовать за Юстасомъ на улицу.

Маіоръ и Бенджаминъ возстали противъ этого смѣлаго плана. Они ссылались на чувство самоуваженія, которое не могло дозволить мнѣ преслѣдовать бѣжавшаго мужа, но ихъ доводы, насколько я помню, не имѣли на меня никакого вліянія. Болѣе подѣйствовала ихъ просьба пожалѣть Юстаса и подождать его полчаса. Если-же по истеченіи этого срока онъ не возвратится, то они оба обязались отправиться со мною въ гостиницу, гдѣ онъ остановился.

Ради Юстаса я согласилась подождать, но нельзя словами выразить тѣхъ страшныхъ мученій, которыя я вынесла въ эти минуты бездѣйствія.

Бенджаминъ первый просилъ меня рассказать обо всемъ, что произошло между мною и мужемъ.

— Вы можете говорить откровенно, сказалъ онъ: — мнѣ извѣстно все, что случилось въ домѣ маіора Фйцъ-Дэвида со времени вашего прибытія. Никто мнѣ этого не рассказаль; я самъ все понялъ. Вы, вѣроятно, помните, что я былъ пораженъ именемъ Мокалана, когда вы впервые упомянули о настоящей фамиліи вашего мужа? Я сразу не могъ сообразить, въ чемъ дѣло, но потомъ все вспомнилъ.

Послѣ этихъ словъ добраго Бенджамина я откровенно передала ему все, что говорила Юстасу, и какъ онъ принялъ мои слова. Къ полнѣйшему моему разочарованію, Бенджаминъ и маіоръ приняли сторону мужа и прямо объявили, что мой планъ былъ безумной мечтой.

— Вы не читали процесса, сказали они въ одинъ голосъ.

Они просто взбѣсили меня.

— Мнѣ довольно одного факта, что онъ не виновенъ, воскликнула я.—Отчего-же его невиновность не доказана? Она должна быть и будетъ доказана. Если процессъ убѣдитъ меня, что этого сдѣлать нельзя, то я не повѣрю процессу. Гдѣ книга, маіоръ? Защитники Юстаса, вѣроятно, оставили его женѣ лазейку для его оправданія. Вѣдь они не любили его такъ, какъ я его люблю. Дайте мнѣ книгу.

Маіоръ Фйцъ-Дэвидъ взглянулъ на Бенджамина.

— Если я дамъ ей книгу, то усилю только ея волненіе, сказалъ онъ;—какъ вы полагаете?

Прежде, чѣмъ Бенджаминъ успѣлъ отвѣтить, я воскликнула:

— Если вы откажетесь исполнить мою просьбу, то сдѣлайте одолженіе, маіоръ, сходите къ ближайшему книгопродавцу и прикажите достать для меня стенографическій отчетъ дѣла Юстаса. Я твердо рѣшилась прочесть его.

На этотъ разъ Бенджаминъ поддержалъ меня.

— Хуже того положенія, въ которомъ она теперь находится, нельзя себѣ вообразить, сказалъ онъ,—а потому предоставьте ей дѣйствовать какъ она хочетъ.

Маіоръ всталъ и вынулъ книгу изъ итальянской пифоньерки, куда онъ ее спряталъ.

— По словамъ моей молодой пріятельницы, примадонны, сказалъ онъ, подавая мнѣ книгу,—она призналась вамъ въ своей непростительной взышкѣ, окончившейся разбитіемъ вазы. Я не зналъ, какую книгу она бросила въ сердцахъ, и, оставляя васъ въ комнатѣ, полагалъ, что стенографическій отчетъ процесса находился на своемъ обычномъ мѣстѣ, на верхней полкѣ книжнаго шкафа. Признаюсь, мнѣ было любопытно узнать, вздумаете-ли вы осмотрѣть эту полку. Разбитая ваза (теперь не къ чему скрывать этого отъ васъ) была подарена мнѣ вмѣстѣ съ другой, парной вазой вашимъ мужемъ и его первой женою за недѣлю до ея страшной смерти. Увидавъ вашъ взглядъ, устремленный на обломки этой вазы, я невольно подумалъ, что вы близки къ роковой истинѣ; кажется, на лицѣ моемъ въ то время выразилось безпокойство и вы, кажется, это замѣтили.

— Да, я замѣтила, маіоръ, и заключила, что стою на дорогѣ къ открытію истины. Но посмотрите, который часъ! Мы, кажется, уже прождали полчаса.

Отъ нетерпѣнія мнѣ казалось, что время слишкомъ медленно двигается, между тѣмъ получасовой искусь еще не окончился.

Медленно шли тяжелыя минуты, и мужъ не возвращался. Мы старались продолжать разговоръ, но тщетно. Могильная тишина прерывалась только уличнымъ шумомъ. Одна ужасная мысль все упорнѣе и упорнѣе преслѣдовала меня, несмотря на всѣ усилія устранить ее. „Неужели, спрашивала я себя, — наша брачная жизнь окончена и Юстасъ меня бросилъ?“

Маіоръ видѣлъ, что моя твердость начинала слабѣть подъ гнетомъ неизвѣстности.

— Поѣдѣте, сказалъ онъ наконецъ, хотя до получаса еще не доставало пяти минутъ.

Я молча поблагодарила его взглядомъ, но не могла произнести ни слова. Мы втроемъ отправились въ гостинницу.

Хозяйка встрѣтила насъ въ столовой. Юстасъ не возвращался, но посыльный пять минутъ тому назадъ принесъ на мое имя письмо, которое лежало въ моей комнатѣ. Дрожа всѣмъ тѣломъ и едва переводя дыханіе, я побѣжала по лѣстницѣ. Они послѣдовали за мною. Адресъ на конвертѣ былъ написанъ мужемъ. Сердце мое дрогнуло. Конечно, онъ прощался со мною на вѣки. Я держала письмо въ рукахъ, но не могла его распечатать; на меня напалъ какъ-бы столбнякъ.

Добрый Бенджаминъ старался меня утѣшить, но маіоръ, знавшій гораздо лучше женское сердце, шепнулъ ему:

— Подождите; теперь говорить съ нею бесполезно; дайте ей время опомниться.

Эти слова заставили меня очнуться. Если Юстасъ, дѣйствительно, меня покинулъ, то каждая минута была дорога.

— Вы его старый другъ, сказала я, подавая маіору письмо;— распечатайте и прочтите.

Онъ прочелъ про себя и съ презрѣніемъ бросилъ письмо на столъ.

— Онъ съума сошелъ, произнесъ маіоръ, — это единственное его извиненіе.

Я поняла горькую истину и это сознание дало мнѣ силы прочитать письмо. Вотъ оно:

„Моя милая Валерія!

„Эти строки—мое послѣднее прости. Я возвращаюсь къ своей прежней, одинокой, мрачной жизни. Голубушка моя, тебя жестоко обманули. На тебѣ женился человѣкъ, обвинявшійся публично въ отравленіи своей первой жены и неоправданный судомъ. Тебѣ теперь это извѣстно. Можешь-ли ты питать ко мнѣ прежнія довѣріе и уваженіе? Ты могла жить со мною счастливо, пока не знала страшной тайны, но теперь это невозможно.

„Нѣтъ, единственное средство искупить мою вину, это — покинуть тебя на-вѣки. Единственная надежда для тебя быть счастливой въ будущемъ заключается въ разлуцѣ со мною. Я люблю тебя, Валерія, люблю страстно, преданно, истинно; но между нами

стоитъ призвать отравленной женщины. Что до того, что я не виновенъ даже въ помышленіи нанести какой-бы то ни было вредъ моей первой женѣ? Моя невинность не доказана. На этомъ свѣтѣ доказать ее невозможно. Ты молода, благородна, полна надеждъ и любви. Доставь счастье другому твоими несравненными достоинствами и очаровательными прелестями. Я ихъ недостойнъ. Отравленная женщина стоитъ между нами. Если-бъ ты продолжала жить со мною, ты постоянно видѣла-бы ее, также какъ я. Я не хочу подвергать тебя подобной пыткѣ. Я люблю тебя и удаляюсь.

„Ты, можетъ быть, сочтешь меня жестокимъ, но время измѣнить твое сужденіе. Черезъ нѣсколько лѣтъ ты скажешь: „онъ низко меня обманулъ, но все-же въ немъ была искра благородства; у него хватило мужества добровольно возратить мнѣ свободу“.

„Да, Валерія, я освобождаю тебя отъ всякихъ обязанностей въ отношеніи меня. Если возможенъ разводъ, я впередъ на него согласенъ. Слѣдуй совѣтамъ твоихъ друзей и возврати себѣ полную независимость. Я въ этомъ отношеніи далъ необходимую инструкцію своимъ слугамъ. Пусть твой дядя обратится къ нимъ, и я надѣюсь, что онъ останется мною доволенъ. Теперь у меня единственная забота: твое счастье и благополучіе. То и другое неммыслимо при существованіи нашего брака.

„Я не могу болѣе писать. Эти строки будутъ ждать тебя въ гостинницѣ. Совершенно бесполезно меня отыскивать. Я не могу болѣе тебя видѣть, потому что я слабъ и, увидавъ тебя, могу поддаться своей любви.

„Покажи это письмо дядѣ и друзьямъ, мнѣніемъ которыхъ ты дорожишь. Мнѣ стоитъ только подписать свое обезпеченное имя—и всякій пойметъ, всякій одобритъ мое поведеніе. Это страшное имя вполне оправдываетъ мое настоящее письмо. Прости и забудь

Юстаса Мокалана“.

Такъ прощался онъ со мною на-вѣки черезъ шесть дней послѣ нашей свадьбы.

ГЛАВА XIV.

ОТВѢТЪ ЖЕНЫ.

До сихъ поръ я говорила о себѣ съ полной откровенностью и, могу сказать, съ немалымъ мужествомъ. Но откровенность и мужество оставляютъ меня при мысли о прощальномъ письмѣ мужа и о бурѣ пламенныхъ страстей, возбужденной имъ въ моемъ сердцѣ. Нѣтъ, я не могу, я не смѣю сказать правды — признаться въ томъ, что чувствовала въ эту роковую минуту. Пусть читатели сами отгадаютъ: мужчины — призвавъ на помощь свое знаніе женщинъ; женщины — взглянувъ въ свои сердца.

То, что я сдѣлала, когда нѣсколько успокоилась, рассказать гораздо легче. Я отвѣчала мужу. Отвѣтъ этотъ я приведу далѣе; изъ него нетрудно будетъ увидѣть, какое впечатлѣніе произвело на меня его бѣгство, а также какія намѣренія и надежды одушевляли меня въ эту новую, страшную эпоху моей жизни.

Старый другъ моего отца, Бенджаминъ, перевезъ меня въ свой маленькій домъ. Я провела первую ночь разлуки съ мужемъ не сомкнувъ глазъ и только утромъ тревожный сонъ нѣсколько возстановилъ мои ослабѣвшія силы.

Во время завтрака пріѣхалъ маіоръ Фицъ-Дэвидъ узнать о моемъ здоровьѣ и передать результаты его свиданія со стряпчими моего мужа. Они объявили, что имъ извѣстно, гдѣ находится Юстасъ, но что имъ положительно запрещено сообщать его адресъ кому-бы то ни было. Въ другихъ отношеніяхъ распоряженія ихъ кліента касательно жены были, по ихъ выраженію, „черезчуръ благородны“. Мнѣ стоило только написать имъ слово — и они тотчасъ прислали-бы копію съ его письменной инструкціи.

Съ своимъ обычнымъ тактожъ, маіоръ спросилъ меня только о моемъ здоровьѣ и болѣе не задавалъ никакихъ вопросовъ. Онъ тотчасъ-же разошлся со мною и ушелъ съ Бенджаминожъ въ садъ, гдѣ они долго разговаривали.

Я заперлась въ отведенной мнѣ комнатѣ и написала дядѣ Старевѣтеру обо всемъ, что случилось, приложивъ копію письма мужа. Покончивъ съ этимъ, я пошла подышать чистымъ воздухомъ, но мнѣ скоро надобно ходить и я возвратилась въ свою комнату. Добрый Бенджаминъ далъ мнѣ полную свободу оста-

ваться наединѣ сколько мнѣ было угодно. Къ вечеру я немного успокоилась и могла думать объ Юстасѣ безъ слезъ и говорить съ Бенджаминомъ, не приводя въ ужасъ бѣднаго старика.

Ночь я провела гораздо лучше и на слѣдующее утро была достаточно сильна, чтобъ исполнить первый мой долгъ — отвѣчать мужу.

Вотъ что я ему написала:

„Я все еще слишкомъ слаба, Юстасъ, чтобы писать тебѣ подробно; но мысли мои ясны. Я составила себѣ опредѣленное мнѣніе о тебѣ и о твоёмъ письмѣ. Я знаю, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать въ виду твоего бѣгства. Многія женщины на моемъ мѣстѣ сочли-бы, что ты потерялъ всякое право на ихъ любовь. Я этого не полагаю и пишу къ тебѣ все, что думаю, просто и прямо.

„Ты говоришь, что любишь меня и потому удаляешься отъ меня. Я не могу этого понять. Что касается меня, то, несмотря на все сказанное и написанное тобою, несмотря на твой жестокий отвѣздъ, — я люблю тебя и не брошу. Нѣтъ! пока я жива, я останусь твоей женою. Это удивляетъ тебя? Признаюсь, и мнѣ оно непостижимо. Если-бъ другая женщина написала что-нибудь подобное человѣку, который обошелся-бы съ нею такъ, какъ ты со мною, то я не могла-бы объяснить себѣ ея страннаго поступка. Дѣйствительно, я не понимаю себя. Я должна-бы ненавидѣть, а между тѣмъ люблю тебя. Право, мнѣ совѣстно за себя, но все это правда.

„Не безпокойся, я не стану тебя разыскивать или уговаривать возвратиться. Я не на-столько глупа, чтобы надоѣдать тебѣ. Ты теперь самъ не свой, а когда придешь въ себя, то самъ вернешься, и я буду на-столько слаба, что прощу тебя.

„Но какимъ образомъ придешь ты въ себя? Я думала объ этомъ вчера цѣлый день и сегодняшнюю ночь и, наконецъ, пришла къ тому убѣжденію, что безъ моей помощи ты никогда не будешь снова человѣкомъ. Но въ чемъ можетъ заключаться эта помощь? Отвѣтъ не труденъ. То, чего не могъ сдѣлать для тебя законъ, сдѣлаетъ жена. Помнишь, что я сказала тебѣ, очнувшись отъ обморока въ квартирѣ маіора Фицъ-Дэвида? Я сказала, что первой моей мыслью, когда я узнала приговоръ шотландскаго суда, была рѣшимость доказать его неправильность. Твое письмо укрѣпило во мнѣ эту рѣшимость. Единственное средство возвра-

тять тебя къ женѣ любящимъ и раскаявающимся мужемъ заключается въ замѣнѣ несправедливаго шотландскаго приговора: „не доказано“ честнымъ англійскимъ приговоромъ: „не виновенъ“.

„Ты удивляешься, быть можетъ, что женщина, ничего несмыслящая въ юриспруденціи, выказываетъ такія точныя свѣденія по части законовъ; но женщина начала съ того, что познакомилась съ закономъ. Я обратилась къ лексикону Огильви и вотъ что тамъ нашла: „приговоръ: „не доказано“ означаетъ, что во мнѣніи присяжныхъ не доказана виновность обвиняемаго; а приговоръ: „не виновенъ“ означаетъ, что присяжные убѣдились въ невинности обвиняемаго“. Послѣдній приговоръ долженъ быть признанъ относительно тебя шотландскими присяжными и всѣмъ свѣтомъ. Этой цѣли я съ Божьей помощью посвящу всю свою жизнь.

„Кто мнѣ поможетъ въ этомъ дѣлѣ—я не знаю. Я прежде надѣялась, что мы рука въ руку пойдѣмъ по трудному пути, ведущему къ такой славной цѣли. Теперь эта надежда исчезла. Я не ожидаю и не прошу твоей помощи. Человѣкъ, думающій какъ ты, не можетъ никому помочь; онъ осужденъ на безнадежность. Да будетъ такъ. Я стану надѣяться на тебя и буду работать за двоихъ; если я буду дѣйствовать разумно, будь увѣренъ, найду и помощь.

„Я ничего не скажу теперь о моихъ планахъ; я еще не прочла процесса. Мнѣ достаточно увѣренности въ твоей невинности. Когда человѣкъ не сдѣлалъ того, въ чемъ его обвиняютъ, то навѣрное найдется средство это доказать. Рано или поздно, съ чужой помощью или безъ нея, я найду это средство. Да, прежде, чѣмъ я прочла хотя строчку твоего процесса, я говорю съ полной увѣренностью, что докажу твою невинность.

„Ты можешь смѣяться или плакать надъ такою слѣпой увѣренностью. Я, дѣйствительно, не знаю, заслуживаю-ли я насмѣшки или сожалѣнія. Я только въ одномъ убѣждена: что возвращу тебя свѣту оправданнымъ, незапятнаннымъ.

„Пиши ко мнѣ иногда, Юстасъ, и, несмотря на всю горечь настоящего положенія, не теряй вѣры въ любовь и преданность твоей Валеріи“.

Вотъ мой отвѣтъ. Онъ былъ очень плохъ съ литературной стороны (я могла-бы теперь написать гораздо лучше), но въ немъ

было одно достоинство — онъ честно выражалъ мои чувства и на-
мѣренія.

Я прочла письмо Бенджамину. Онъ всплеснулъ руками, какъ
всегда дѣлалъ въ минуты изумленія.

— Я никогда не читалъ такого безумнаго письма, сказалъ
добрый старикъ. — Ни одна женщина еще не задумывала ничего
подобнаго. Боже милостивый! Невозможно намъ, старикамъ, по-
нять теперь взгляды и намѣренія новаго поколѣнія. Какъ-бы я
желалъ, чтобъ вашъ дядя Старквэтеръ прочелъ это письмо. Что-
бы онъ сказалъ? И это жена пишетъ къ мужу! Вы рѣшились
послать письмо?

Я отвѣчала, къ еще большому удивленію Бенджамина, что на-
мѣрена сама передать это письмо стряпчимъ моего мужа, такъ-
какъ желала прочесть его инструкцію, оставленную имъ.

Я отправилась въ контору этихъ стряпчихъ. Ихъ оказалось
двое и они оба меня приняли. Одинъ былъ худощавый, мягкій
человѣкъ съ кислой улыбкой, а другой толстый, сердитый. Они
оба мнѣ очень не понравились; они, съ своей стороны, тоже, ви-
димо, чувствовали ко мнѣ сильное недовѣріе. Прежде всего они
показали мнѣ инструкцію мужа, въ которой онъ назначалъ мнѣ
половину своего годового дохода. Я отказалась взять хоть пенсъ
изъ этихъ денегъ. Стряпчіе были чрезвычайно удивлены. Имъ ни-
когда не случалось во время долговременной практики встрѣчать
ничего подобнаго. Они старались образумить меня и поколебать
мою рѣшимость. Сердитый стряпчій требовалъ отъ меня объясне-
нія такого страннаго отказа, а его товарищъ съ кислой улыбкой
замѣтилъ, что я, какъ женщина, конечно, не могла объяснять ра-
зумными доводами своихъ поступковъ.

— Будьте такъ добры, передайте это письмо, господа, сказа-
ла я и вышла изъ конторы.

Я вовсе не желаю приписывать себѣ достоинствъ, которыхъ не
имѣю. Я отказалась отъ денегъ Юстаса только потому, что гор-
дость мѣшала мнѣ принять что-либо отъ него послѣ его бѣгства.
Мое собственное состояніе (800 фунтовъ стерл. годового дохода)
было, по брачному контракту, закрѣплено за мною. Этого было
слишкомъ достаточно для моей одинокой жизни, и потому я рѣ-
шилась довольствоваться этими деньгами. Бенджаминъ настаивалъ
на томъ, чтобы я жила въ его маленькомъ домикѣ, и потому

единственные представлявшіеся мнѣ расходы были издержки по исполненію моего плана. Я могла быть независимой и не хотѣла никому быть обязанной. Исповѣдывая свои слабости и заблужденія, я должна упомянуть, что, несмотря на мою любовь къ мужу, я не могла простить ему одного—утайки отъ меня его первой женитьбы. Я не могу объяснить, почему мысль объ этомъ была мнѣ нестерпима, но, вѣроятно, въ глубинѣ моего сердца я чувствовала ревность. Однако, всякая мысль о ревности была невозможна при воспоминаніи о несчастной смерти бѣдной женщины. Все-же Юстасъ не долженъ былъ скрывать отъ меня этой тайны. Что-бы онъ сказалъ, если-бъ я была вдова и ничего ему объ этомъ не сказала?

Я возвратилась уже вечеромъ къ Бенджамину, который встрѣтилъ меня у воротъ.

— Васъ ждетъ сюрпризъ, сказалъ онъ:—вашъ дядя пріѣхалъ. Получивъ ваше письмо сегодня утромъ, онъ отправился въ Лондонъ съ первымъ поѣздомъ.

Черезъ минуту я была уже въ объятіяхъ добраго дяди. Въ моемъ тогдашнемъ положеніи я не знала, какъ благодарить дядю за его вниманіе ко мнѣ. Слезы навернулись у меня на глазахъ.

— Я пріѣхалъ за тобою, милое дитя мое, сказалъ онъ:—поѣдемъ къ намъ. Я не могу выразить, какъ искренно я сожалѣю, что ты покинула нашъ домъ... Ну, ну, не будемъ объ этомъ говорить. Несчастіе уже случилось и надо только уменьшить его по возможности. Если-бъ твой мужъ попался мнѣ... Прости Господи! Я забываю, что я пасторъ. Тетка тебя горячо цѣлуетъ. Она стала еще суевѣриѣе, чѣмъ прежде, и эта несчастная исторія ее нисколько не удивляетъ: она увѣряетъ, что все горе произошло отъ того, что ты сдѣлала ошибку, подписывая свое имя въ церковной книгѣ послѣ вѣнчанія. Не правда-ли, какой вздоръ? Глупая она, но хорошая женщина и желаетъ тебѣ добра. Она хотѣла со мною пріѣхать, но я ее не взялъ, сказавъ: „нѣтъ, останься дома и посмотри за хозяйствомъ и приходомъ, а я привезу нашего ребенка“. Валерія, тебя ждетъ твоя комната съ бѣлыми занавѣсками. Мы отправимся завтра утромъ съ девятичасовымъ поѣздомъ, если ты можешь встать такъ рано.

Возвратиться въ пасторскій домъ! Развѣ это было возможно?

Похоронивъ себя въ уединенномъ селеніи, какъ могла я стремиться къ достиженію своей цѣли? Нѣтъ, мнѣ нельзя было возвратиться въ домъ дяди Старквэтера.

— Благодарю васъ, дядя, отъ всей души, сказала я, — но въ настоящую минуту я не могу покинуть Лондона.

— Ты не можешь покинуть Лондона! повторилъ онъ. — Что она хочетъ сказать, м-ръ Бенджаминъ?

— Она въ правѣ оставаться здѣсь, сколько ей угодно, м-ръ Старквэтеръ, замѣтилъ Бенджаминъ, уклоняясь отъ прямого отвѣта.

— Это не отвѣтъ, воскликнулъ дядя и, обратясь ко мнѣ, прибавилъ:— что тебя задерживаетъ въ Лондонѣ? Ты прежде его терпѣть не могла. Какая важная причина побуждаетъ тебя оставаться здѣсь?

Я должна была рано или поздно открыть свои намѣренія моему старому другу и покровителю; поэтому, собравшись съ силами, я рассказала ему все. Онъ выслушалъ меня, едва переводя дыханіе отъ изумленія.

— Господи! съ ужасомъ воскликнулъ добрый старикъ, обращаясь къ Бенджамину;—бѣдняжка рехнулась отъ горя.

— Я былъ увѣренъ, что вы не одобрите ея плана, сэръ, сказалъ Бенджаминъ;—признаюсь, я самъ его не одобряю.

— Неодобреніе слишкомъ мягкое слово, отвѣчалъ пасторъ;— это просто безуміе. Надѣюсь, однакожь, что ты не серьезно рѣшилась на такое невозможное дѣло? прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Мнѣ очень жаль потерять ваше доброе мнѣніе, отвѣчала я,—но я должна сознаться, что твердо рѣшилась исполнить свое намѣреніе.

— Итакъ, продолжалъ пасторъ, — ты до того самонадѣянна, что думаешь выиграть дѣло, проигранное лучшими адвокатами Шотландіи? Они соединенными силами не могли доказать невинности этого человѣка, а ты хочешь сдѣлать это одна, безъ всякой помощи? Нечего сказать, удивительная ты женщина! Позвольте, однакожь, прибавилъ онъ, переходя вдругъ отъ негодованія къ ироніи, — простому, провинціальному пастору, непривыкшему къ обществу адвокатовъ въ юбкахъ, спросить, какъ вы достигнете этого результата?

— Я прежде всего, дядя, прочту стенографическій отчетъ процесса.

— Нечего сказать, подходящее чтеніе для молодой женщины! Затѣмъ я совѣтую тебѣ прочесть нѣсколько французскихъ романовъ, это будетъ тебѣ полезно. Ну, а когда ты познакомишься съ процессомъ, что ты намѣрена дѣлать,—подумала ты объ этомъ?

— Да, дядя. Я прежде всего постараюсь вывести заключеніе изъ процесса о томъ, кто дѣйствительно совершилъ преступленіе. Потомъ я сдѣлаю списокъ свидѣтелей, говорившихъ въ защиту мужа, и, розыскавъ ихъ, скажу имъ, кто я, и что мнѣ нужно. Я буду предлагать имъ всевозможные вопросы, преимущественно такіе, которые адвокатамъ могли показаться или слишкомъ мелочными, или совершенно пустыми. Въ дальнѣйшихъ моихъ дѣйствіяхъ я буду руководствоваться полученными отвѣтами. Вотъ мой планъ, дядя, и никакія преграды не остановятъ меня отъ его исполненія.

Пасторъ и Бенджаминъ знаменательно переглянулись.

— Долженъ-ли я понять изъ твоихъ словъ, сказалъ достопочтенный Старквэтеръ,—что ты намѣрена странствовать по различнымъ городамъ, розыскивая незнакомыхъ тебѣ людей? Молодая женщина, брошенная мужемъ, въ комъ встрѣтишь ты помощь и участіе? Вы слышали, что она говоритъ, м-ръ Бенджаминъ? Я, право, не знаю, во снѣ-ли я это вижу или слышу на яву. Посмотрите на нее: она сидитъ спокойно, какъ-будто не сказала ничего необыкновеннаго. Но что-же мнѣ съ нею дѣлать, что мнѣ съ нею дѣлать?

— Хотя мой планъ и кажется вамъ дерзкимъ и неисполнимымъ, я все-таки намѣрена сдѣлать попытку, дядя, отвѣчала я;—ничто другое меня не успокоитъ и не поддержитъ, а Богу извѣстно, какъ мнѣ теперь необходимы поддержка и спокойствіе. Не думайте, что я говорю это только изъ упрямства. Я вполне сознаю, что меня ожидаютъ большія затрудненія.

— О-о! замѣтилъ пасторъ, принимая прежній ироническій тонъ,—вы это сознаете? Ну, что-же, и то слава-богу!

— Много женщинъ до меня рѣшались ради любимаго чловѣка вступать въ борьбу съ разными затрудненіями и ихъ усилія увѣнчивались успѣхомъ, сказала я.

Пасторъ всталъ съ видомъ человѣка, терпѣніе котораго лопнуло.

— Долженъ-ли я понимать изъ твоихъ словъ, что ты все еще любишь м-ра Юстаса Мокалана?

— Да, отвѣчала я.

— Ты любишь героя знаменитаго процесса объ отравленіи мужемъ жены? Ты любишь человѣка, обманувшаго и бросившаго тебя?

— Я люблю его теперь еще больше, чѣмъ прежде.

— М-ръ Бенджаминъ, сказалъ пасторъ, — если она придетъ въ себя до завтрашняго утра, пришлите ее къ девяти часамъ въ Локслейскую гостинницу, гдѣ я остановился. — Прощай, Валерія. Мнѣ теперь нечего болѣе съ тобою говорить; я посоветуюсь съ теткой, что намъ дѣлать дальше.

— Поцѣлуйте меня, дядя, на прощанье.

— Съ большимъ удовольствіемъ, Валерія. Но, признаюсь; я полагалъ, что, доживъ до шестидесяти-пяти лѣтъ, я научился читать бѣгло въ женскомъ сердцѣ, а выходитъ на повѣрку, что я ничего не смыслю въ этомъ дѣлѣ. — М-ръ Бенджаминъ, не забудьте моего адреса — Локслейская гостинница. Прощайте.

Проводивъ пастора до садовой калитки, Бенджаминъ возвратился ко мнѣ и сказалъ очень серьезно:

— Подумайте объ этомъ хорошенько, моя милая. Я не настаиваю на непреложности моего мнѣнія, но слова вашего дяди заслуживаютъ вниманія.

— Прощайте, мой добрый, старый другъ, произнесла я, считая бесполезнымъ отвѣчать на его замѣчаніе.

Отвернувшись, чтобъ скрыть выступавшія на глазахъ слезы, я пошла въ свою спальню. Стора на окнѣ не была опущена и осенняя луна заливала своимъ серебристымъ свѣтомъ маленькую комнату.

Въ эту минуту я вспомнила о другой лунной ночи, когда я съ Юстасомъ гуляла въ саду пасторскаго дома передъ нашей свадьбой. Я уже говорила о томъ, какъ Юстасъ, въ виду препятствій къ нашему браку, предложилъ въ ту памятную ночь возвратити мнѣ данное ему слово. Я видѣла теперь передъ собою его дорогое лицо, я слышала его милый голосъ: „Прости меня, говорилъ онъ, — за то, что я любилъ тебя страстно, преданно;

прости меня и забудь". А я отвѣчала: „О! Юстасъ, я женщина, не своди меня съума. Я не могу жить безъ тебя! Я хочу и должна быть твоею женой!“ Теперь, послѣ нашей свадьбы, мы разлучены, хотя любимъ другъ друга такъ-же пламенно, какъ и тогда. А почему? Потому, что его обвиняли въ преступленіи, никогда имъ несовершенномъ, и что шотландскіе присяжные не сумѣли распознать невиннаго человѣка отъ виновнаго.

Смотря на луну и вспоминая прошедшее, я почувствовала въ себѣ новыя силы.

„Нѣтъ! воскликнула я въ глубинѣ своего сердца, — ни родственники, ни друзья не уговорятъ меня бросить дѣло мужа. Доказать его невинность будетъ цѣлью всей моей жизни и я начну дѣйствовать съ сегодняшней ночи“.

Я опустила стору, зажгла свѣчку и въ тиши ночной сдѣлала первый шагъ по трудному пути къ достиженію моей цѣли. Съ первой страницы до послѣдней, не пропуская ни одного слова и не перевода дыханія, я прочла стенографическій отчетъ дѣла по обвиненію моего мужа въ отравленіи его первой жены.

ГЛАВА XV.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ.

Приступая къ изложенію процесса моего мужа, я не въ силахъ выписать снова позорный заголовокъ стенографическаго отчета. Каюсь въ своей слабости, но уже я разъ выписала его въ X главѣ, и этого довольно.

На второй страницѣ отчета я нашла замѣтку, удостовѣряющую въ совершенной его полнотѣ и вѣрности. Составитель отчета заявлялъ, что онъ пользовался особыми преимуществами; такъ, напр., предсѣдатель суда просмотрѣлъ свою заключительную рѣчь къ присяжнымъ. Равнымъ образомъ представители обвиненія и защиты также проверили свои рѣчи. Наконецъ, особое вниманіе было обращено на буквальную точность свидѣтельскихъ показаній. Эта замѣтка, убѣдивъ меня, что отчетъ изложенъ полно и вѣрно до мельчайшихъ подробностей, очень меня успокоила.

Слѣдующая страница еще болѣе меня заинтересовала. Тутъ приведенъ перечень дѣйствующихъ лицъ этой судебной драмы, державшей въ своихъ рукахъ честь и жизнь моего мужа. Вотъ онъ:

Лордъ предсѣдатель суда.

Лордъ Друмфенигъ }
Лордъ Нобелькиркъ } судьи.

Лордъ-адвокатъ (Минтло) } представители обви-
Дональдъ Дрю (товарищъ лорда-адвоката) } нительной власти.

Джемсъ Арлисъ (воронный стряпчій).

Старшина адвокатовъ (Фармойкель) } защитники подсудимаго.
Александръ Брокетъ (адвокатъ) }

М-ръ Торнибанкъ }
М-ръ Плэморъ } стряпчіе защиты.

Затѣмъ слѣдоваль обвинительный актъ. Я не намѣрена переписывать его тяжеловѣсныхъ разглагольствованій и ненужныхъ повтореній, не совсѣмъ безупречныхъ со стороны граматикки. Этимъ лживымъ, ненавистнымъ актомъ невинный мужъ мой торжественно обвинялся въ отравленіи первой жены его; чѣмъ кратче передамъ я его, тѣмъ лучше, тѣмъ правдивѣе будетъ мой рассказъ, по крайней мѣрѣ на *мой* взглядъ.

Достаточно упомянуть, что Юстасъ Мокаланъ „предавался суду присяжныхъ по обвиненію Дэвидомъ Минтло, лордомъ-адвокатомъ ея величества, въ причиненіи смерти своей женѣ чрезъ отравленіе, въ мѣстопребываніи его, именуемомъ Гленинчъ, въ Среднемъ Лотіанѣ“. Далѣе утверждалось, что подсудимый злонамѣренно и преступно „отравилъ жену свою Сару въ два пріема, при помощи мышьяка, подсыпаннаго въ чай, лекарство или другое питье, или пищу, неизвѣстнаго обвинителю“. „Жена подсудимаго умерла отъ яда, даннаго ей мужемъ въ томъ или другомъ видѣ или въ обоихъ вмѣстѣ, и, такимъ образомъ, была имъ умерщвлена“. Въ слѣдующемъ параграфѣ говорилось, что „поименованный выше Юстасъ Мокаланъ далъ Джону Дэвиоту, помощнику шерифа графства Средняго Лотіана, въ камерѣ его, въ Эдинбургѣ, 29 октября, письменное показаніе объ его невинности; это показаніе, вмѣстѣ съ другими документами, бумагами и вещественными доказательствами, поименованными въ особомъ спискѣ, приложено къ дѣлу, какъ доказательство въ пользу

обвиненія“. Актъ заключался слѣдующими словами: „если присяжные признають подсудимаго виновнымъ въ помянутомъ преступленіи, то онъ долженъ подвергнуться карѣ законовъ, дабы предотвратить другихъ отъ совершенія подобныхъ преступленій“.

Я покончила съ обвиненіемъ, и очень этому рада.

На слѣдующихъ трехъ страницахъ тянулся длинный перечень документовъ, бумагъ и вещественныхъ доказательствъ. Далѣе помѣщенъ списокъ свидѣтелей, а также присяжныхъ засѣдателей (числомъ 15), избранныхъ по жребію для настоящаго дѣла. Потомъ уже начиналось изложеніе самаго процесса. Въ моемъ умѣ все дѣло сводилось къ тремъ вопросамъ, и я постараюсь изложить его въ томъ видѣ, въ какомъ оно мнѣ тогда представлялось.

ГЛАВА XVI.

Первый вопросъ: была-ли она отравлена?

Судебное засѣданіе эдинбургскаго верховнаго уголовного суда началось въ 10 часовъ. Подсудимый былъ введенъ и почтительно поклонился судьямъ; на вопросъ предсѣдателя онъ отвѣчалъ тихимъ голосомъ: „не виновенъ“.

Лицо подсудимаго выражало жестокое нравственное страданіе. Оно было блѣдно, какъ полотно. Глаза его ни разу не устремились на многочисленныхъ зрителей. Когда являлись свидѣтели, онъ обращалъ на нихъ минутное вниманіе, но затѣмъ взоръ его снова опускался въ землю. Когда показанія касались болѣзни или смерти его жены, онъ, повидимому, былъ глубоко тронутъ и закрывалъ лицо руками. Вообще публика съ удивленіемъ замѣчала, что подсудимый, мужчина, выказывалъ менѣе твердости, чѣмъ женщина, которая судилась передъ нимъ и была обвинена въ убійствѣ, на основаніи неопровержимыхъ уликъ. Но были люди (впрочемъ, небольшое меньшинство), которые объясняли въ пользу подсудимаго его волненіе. Самообладаніе въ такомъ ужасномъ положеніи означало, по ихъ мнѣнію, безчувственность законослѣдлаго злодѣя и служило признакомъ виновности.

Первымъ свидѣтелемъ вызванъ былъ Джонъ Дэвіотъ, помощникъ шерифа графства Средняго Лотіана. На вопросы лорда-адвоката (со стороны обвиненія) онъ показалъ:

— Подсудимый былъ приведенъ ко мнѣ по настоящему дѣлу. Онъ написалъ и подписалъ 29 октября свое показаніе совершенно свободно и добровольно, послѣ установленнаго объясненія всей важности его показанія.

Признавъ подлинность представленнаго ему документа, помощникъ шерифа отвѣчалъ на вопросы старшины адвокатовъ (со стороны защиты):

— Подсудимый обвинялся въ убійствѣ. Это ему было сообщено прежде, чѣмъ онъ подписалъ свое показаніе. Вопросы подсудимому предлагались отчасти мною, отчасти судебнымъ слѣдователемъ. Отвѣты были даны отчетливо и, на-сколько я могъ судить, безъ утайки. Всѣ они вошли въ письменное показаніе подсудимаго.

Послѣ этого секретарь шерифа представилъ упомянутое выше письменное показаніе и подтвердилъ слова своего начальника.

Появленіе слѣдующаго свидѣтеля произвело сильное впечатлѣніе. Это была сидѣлка, ходившая за м-съ Мокаланъ во время ея послѣдней болѣзни, по имени Христина Ормсонъ.

Послѣ первыхъ необходимыхъ формальностей сидѣлка, допрошенная лордомъ-адвокатомъ, показала:

— Меня пригласили къ больной 7 октября. У нея была сильная простуда и ревматизмъ въ лѣвомъ колѣнѣ. Передъ тѣмъ, на-сколько я слышала, здоровье ея было вполне удовлетворительно. Ухаживать за нею было не трудно: стоило только привыкнуть къ ея характеру и умѣть съ нею обращаться. Она была женщина не сердитая, но горячая и вспыльчивая до того, что сама не сознавала, что говорила и дѣлала въ минуты вспышки. Я полагаю, что нравъ ея сталъ раздражительнѣе отъ несчастнаго замужества. Она вовсе не была горда или сдержанна, а, напротивъ, слишкомъ откровенна, особенно съ лицами ниже ея по положенію, какъ, напримѣръ, со мною. Она, не стѣняясь, (когда нѣсколько познакомилась со мною), рассказывала мнѣ, что несчастна съ мужемъ. Однажды ночью, страдая бессонницей, м-съ Мокаланъ сказала мнѣ...

Тутъ старшина адвокатовъ отъ имени защиты перебилъ свидѣтельницу и спросилъ судъ, неужели такое голословное показаніе могло считаться доказательствомъ?

Лордъ-адвокатъ со стороны обвиненія утверждалъ, что имѣетъ

право ссылаться на подобныя доказательства. Было чрезвычайно важно въ этомъ дѣлѣ установить на основаніи свидѣтельства посторонняго, безпристрастнаго лица, въ какихъ отношеніяхъ находились мужъ и жена. Свидѣтельница была очень почтенная особа и сумѣла заслужить полное довѣріе несчастной женщины, за которой ухаживала.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія судъ единогласно постановилъ, что подобныя свидѣтельскія показанія со словъ другихъ лицъ не могутъ служить доказательствомъ и что будетъ выслушано судомъ лишь то, что свидѣтельница сама видѣла и замѣтила въ отношеніи супружеской жизни м-ра и м-съ Мокаланъ.

Вслѣдъ за тѣмъ лордъ-адвокатъ продолжалъ допросъ, и Христина Ормсонъ дала слѣдующія показанія:

— Благодаря моему положенію сидѣлки, я видѣла м-съ Мокаланъ чаще всѣхъ другихъ, жившихъ въ домѣ или бывавшихъ въ немъ, и потому знаю многіе факты, неизвѣстные лицамъ, только иногда заходившимъ въ ея комнату. Напримѣръ, я имѣла не разъ случай убѣдиться, что м-ръ и м-съ Мокаланъ не были счастливы своимъ супружествомъ. Я могу сослаться въ этомъ отношеніи на одинъ фактъ, при которомъ я сама присутствовала. Въ послѣднее время моего ухода за м-съ Мокаланъ въ Гленнинчъ пріѣхала гостить молодая вдова, по имени м-съ Бьюли, близкая родственница м-ра Мокалана. Жена его была чрезвычайно ревнива и ясно доказала это въ моемъ присутствіи, наканунѣ своей смерти. М-ръ Мокаланъ пришелъ къ ней утромъ спросить, какъ она себя чувствовала. „О! воскликнула она:— не все-ли равно, какъ я спала! Точно вы заботитесь о моемъ снѣ! Какъ м-съ Бьюли провела ночь? Все такъ-же-ли она прелестна? Пожалуйста ступайте къ ней. Не теряйте со мною драгоценнаго времени“. Начавъ съ этого, она вскорѣ дошла до изступленія, какъ это иногда съ нею случалось. Я въ эту минуту причесывала ее; чувствуя, что я лишняя при такомъ разговорѣ, я хотѣла выйти изъ комнаты. Она приказала мнѣ остаться. М-ръ Мокаланъ, также какъ и я, нашелъ мое присутствіе неприличнымъ и прямо это высказалъ. Но м-съ Мокаланъ настаивала, чтобъ я не уходила, и въ такихъ дерзкихъ для мужа выраженіяхъ, что онъ, наконецъ, сказалъ:— „Если вы не можете себя сдерживать въ границахъ должнаго приличія, то или сидѣлка,

или я должны удалиться“. Она и тутъ не хотѣла поддаться. „Это предлогъ, воскликнула она, —чтобъ возвратиться къ м-съ Бьюли! Ну, ступайте“. Онъ придрался къ этимъ словамъ, чтобъ немедленно выйти. Но не успѣлъ онъ затворить за собою дверь, какъ м-съ Мокаланъ разразилась неимоверной бранью противъ мужа, говоря между прочимъ, что извѣстiе объ ея смерти обрадовало-бы его болѣе всего на свѣтѣ. Я старалась въ почтительныхъ выраженiяхъ остановить ее, но она бросила въ меня щеткой и тотчасъ-же прогнала. Я удалилась изъ комнаты и, выждавъ, пока прошла ея вспышка, снова возвратилась на свое мѣсто, подлѣ ея кровати. Все пошло по-старому. Здѣсь вкстати сказать нѣсколько словъ для объясненiя ревности м-съ Мокаланъ къ родственницѣ ея мужа. М-съ Мокаланъ была очень некрасива. Глаза у нея были больные и я никогда не видывала такого мутнаго, угреватаго цвѣта лица, какъ у нея. Напротивъ, м-съ Бьюли прелестная особа; глазами ея всѣ восторгались, а цвѣтъ ея лица отличался необыкновенной прозрачностью и чрезвычайно нѣжнымъ оттѣнкомъ. Бѣдная м-съ Мокаланъ совершенно несправедливо обвиняла ее въ томъ, что она красилась. Что-же касается дурнаго цвѣта лица покойной, то онъ происходилъ не отъ болѣзни, а былъ природный. Ея болѣзнь, если мнѣ надо ее опредѣлить, была скорѣе неприятная, чѣмъ серьезная. До послѣдняго дня не было никакихъ дурныхъ симптомовъ. Она, конечно, страдала отъ ревматизма въ колѣнкѣ, особенно при движенiи, и необходимость лежать въ постели выводила ее изъ терпѣнiя. Но вообще въ ея положенiи не было ничего опаснаго. На ея кровати устроенъ былъ подвижной столикъ, на которомъ лежали книги и письменныя принадлежности. По временамъ она много читала и писала, а въ остальное время смирно лежала, погружившись въ мечтанiя или разговаривая съ двумя или тремя прiятельницами-сосѣдками, которыя постоянно ее навѣщали. Насколько мнѣ извѣстно, она писала исключительно стихи и, какъ кажется, недурно. Однажды она показала мнѣ нѣсколько своихъ стихотворенiй. Я не судья въ поэзiи, но ея муза была мрачная; она всегда распространялась о своемъ отчаянiи, о томъ, зачѣмъ она родилась на свѣтѣ, о жестокости мужа, о невѣденiи имъ ея достоинствъ и т. д. Однимъ словомъ, она въ стихахъ, какъ и въ обыкновенномъ разговорѣ, выражала неудовольствiе

на свою брачную жизнь. Были минуты, и нерѣдко, когда на мѣстѣ ея мужа будь самъ ангель, и онъ-бы, кажется, не могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ м-съ Мокаланъ. Во все время болѣзни покойная занимала одну и ту-же комнату, большую спальню во второмъ этажѣ. Планъ этой комнаты, показанный мнѣ теперь на судѣ, совершенно вѣренъ, на-сколько я помню. Одна дверь вела въ большой коридоръ, въ который отворялись двери всѣхъ сосѣднихъ комнатъ. Другая, боковая дверь (означенная на планѣ буквой В) вела въ спальню м-ра Мокалана; третья, въ противоположной стѣнѣ (означенная буквою С на планѣ), выходила въ маленькій кабинетъ матери м-ра Мокалана, въ который во время ея отсутствія очень рѣдко или никогда не входили. Пока я жила въ Гленинчѣ, матери м-ра Мокалана тамъ не было. Эта дверь была заперта и ключъ вынуть, но кѣмъ—я не знаю, и также мнѣ неизвѣстно, былъ-ли одинъ ключъ или нѣсколько. При мнѣ она никогда не отпиралась и я изъ любопытства входила въ кабинетъ съ экономкой чрезъ другую дверь, выходящую въ коридоръ. Я имѣю возможность говорить положительно о болѣзни и смерти м-съ Мокаланъ потому, что, по совѣту доктора, тогда-же записала числа, часы и прочія подробности; теперь, передъ своей явкой въ судъ, я пересмотрѣла свои замѣтки. Съ 7 октября, когда я поступила къ ней въ сидѣлки, до 20-го того-же мѣсяца ея здоровье медленно поправлялось. Страданія въ ея колѣнкѣ еще продолжались, но воспалительное состояніе прекратилось и у нея оставалась только слабость отъ продолжительнаго лежанья въ постели и разстройство нервовъ. Быть можетъ, я должна еще прибавить, что она плохо спала, но для этого докторъ прописалъ ей успокоительныя капли. Въ 6 часовъ утра, 21-го октября, я увидала впервые, что съ м-съ Мокаланъ случилось что-то нехорошее. Меня разбудилъ въ эту минуту звонокъ колокольчика, постоянно стоявшаго на ея столикѣ. Надо сказать, что я заснула на диванѣ въ спальнѣ, въ третьемъ часу, отъ совершеннаго истощенія силъ. М-съ Мокаланъ тогда не спала и была не въ духѣ. Я хотѣла снять съ постельнаго столика ея туалетный несесеръ, который она ранѣе потребовала. Онъ занималъ много мѣста и до утра не могъ ей понадобится. Но она настаивала на томъ, чтобъ онъ остался. Въ немъ было зеркало, а она, несмотря на свою некрасивость, никогда не уставала смо-

трѣться въ него. Я видѣла, что она въ дурномъ расположеніи духа, и, не споря болѣе, оставила несесерь на столигѣ. Послѣ этого она на меня дулась, не хотѣла со мною говорить и принимать капли; поэтому я легла на диванъ и вскорѣ уснула. Какъ только раздался колокольчикъ, я вскочила и, подойдя къ постели, спросила больную, что съ нею. Она жаловалась на слабость и дурноту. На мой вопросъ, приняла-ли она лекарство или выпила-ли что-нибудь во время моего сна, она отвѣчала, что ея мужъ приходилъ съ часъ тому назадъ и, найдя ее неспящей, далъ ей успокоительныхъ капель. Пока она это говорила, м-ръ Мокаланъ, спавшій въ сосѣдней комнатѣ, вошелъ, также услыхавъ колокольчикъ. Онъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія на слова жены о данныхъ имъ капляхъ. Мнѣ показалось, что онъ былъ очень испуганъ положеніемъ жены. Я предложила ей выпить немного вина или воды съ коньякомъ. Она отвѣчала, что не можетъ проглотить ничего крѣпкаго, такъ-какъ она чувствуетъ, что въ ея желудкѣ что-то жжетъ. Я слегка дотронулась рукой до ея живота; она вскрикнула отъ боли. Этотъ симптомъ испугалъ насъ и мы послали тотчасъ въ селеніе за докторомъ, м-ромъ Гелемъ, который лечилъ ее. Онъ, также какъ и мы, не могъ объяснить себѣ странной перемѣны въ положеніи больной. Услыхавъ, что она жалуется на жажду, онъ далъ ей молока. Черезъ нѣсколько времени ее вырвало и она, повидимому, успокоилась и задремала. М-ръ Гель ушелъ, приказавъ немедленно прислать за нимъ, если ей станетъ снова хуже. Однако ничего подобнаго не случилось. Впродолженіи трехъ часовъ или болѣе она спала спокойно. Когда она проснулась, первыми словами ея было: „гдѣ мужъ?“ Я отвѣчала, что онъ въ своей комнатѣ, и спросила, позвать-ли его; она отвѣчала: „нѣтъ“. Я потомъ спросила еще, не хочетъ-ли она чего-нибудь съѣсть или выпить. Она отвѣчала: „нѣтъ“, какимъ-то страннымъ, безсознательнымъ тономъ, и прибавила, что я могу пойти внизъ позавтракать. По дорогѣ я встрѣтила экономку, которая пригласила меня завтракать къ себѣ въ комнату. Я оставалась у ней недолго, конечно не болѣе получаса. Возвращаясь по лѣстницѣ наверхъ, я встрѣтила служанку. Она мнѣ сказала, что во время моего отсутствія м-съ Мокаланъ выпила чашку чая. Камердинеръ м-ра Мокалана, по распоряженію своего господина, приказалъ ей заварить чай. Когда чай былъ

готовъ, она налила чашку и отнесла ее въ спальню больной. Дверь ей отворилъ м-ръ Мокаланъ и взялъ у нея изъ рукъ чашку; при чемъ она въ дверь видѣла, что никого не было въ комнатѣ, кромѣ него. Поговоривъ съ служанкою, я пошла къ больной. Она была одна и лежала спокойно, отвернувшись къ стѣнѣ. Подходя къ кровати, я наступила на что-то. Это была разбитая чашка. „Какъ! вы разбили чашку, сударыня?“ спросила я. Она отвѣчала, не оборачиваясь ко мнѣ, страннымъ, глухимъ голосомъ: — „Я ее уронила“. — „Прежде, чѣмъ вы выпили чай?“ спросила я. — „Нѣтъ, отдавая пустую чашку м-ру Мокалану“, отвѣчала она. Я спросила у нея объ этомъ потому, что если-бъ она отвѣтила, что не выпила чая, я пошла-бы за другой чашкой. Я очень хорошо помню мои вопросы и ея отвѣты. Потомъ я спросила, долго-ли она оставалась одна. Она сказала: „да, я все старалась уснуть“. — „Вы себя хорошо чувствуете?“ продолжала я. — „Да“, отвѣчала она, попрежнему повернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Поправляя одѣяло, я нагнулась къ ней и взглянула на столикъ. Письменные принадлежности были въ беспорядкѣ и на одномъ изъ перьевъ виднѣлись чернила. — „Вы, вѣроятно, опять писали сударыня?“ сказала я. — „Отчего-же мнѣ и не писать, возразила она: — мнѣ не спалось“. — „Новое стихотвореніе?“ продолжала я. — „Да, сказала она съ горькой усмѣшкой, — новое стихотвореніе“. — „Отлично, произнесла я: — вы совсѣмъ поправляетесь. Незачѣмъ будетъ сегодня посылать за докторомъ“. Она ничего не отвѣчала, но съ нетерпѣніемъ покачала головой. Я не поняла этого знака и она сердито сказала: — „оставьте меня, я хочу быть одна“. Я должна была повиноваться. На-сколько я понимала, ей было лучше, и, пододвинувъ къ ней колокольчикъ, я снова ушла внизъ. Прошло около получаса, и колокольчика не было слышно. Не знаю почему, мнѣ было какъ-то неловко и ея странный, глухой голосъ звенѣлъ постоянно въ моихъ ухахъ. Меня безпокоила мысль, что она оставалась такъ долго одна, но въ то-же время я не хотѣла, возвратясь къ ней безъ ея зова, возбуждать вспышку гнѣва. Наконецъ, я рѣшилась пойти посоветоваться съ м-ромъ Мокаланомъ, который въ это время дня обыкновенно находился въ комнатѣ нижняго этажа, носившей названіе утренняго кабинета. Однако, на этотъ разъ его тамъ не было. Но я услышала его голосъ на терасѣ. Выйдя на нее, я увидѣла, что м-ръ Мокаланъ

разговаривалъ съ своимъ другомъ м-ромъ Декстеромъ, который сидѣлъ у одного изъ оконъ верхняго этажа. Этотъ джентльменъ гостилъ въ Гленинчѣ, также какъ м-съ Бьюли; онъ былъ безногій и двигался съ мѣста на мѣсто въ креслѣ, которымъ самъ управлялъ. — „Декстеръ, говорилъ м-ръ Мокаланъ, — гдѣ м-съ Бьюли, видѣли вы ее?“ М-ръ Декстеръ отвѣчалъ поспѣшно: — „нѣтъ, я не знаю, гдѣ она“. Тогда я подошла къ м-ру Мокалану и, попросивъ извиненія за беспокойство, спросила, идти-ли мнѣ въ комнату м-съ Мокаланъ безъ ея зова. Прежде, чѣмъ онъ отвѣчалъ, на терасу вошелъ слуга и сказалъ мнѣ, что м-съ Мокаланъ сильно звонитъ. Это было около одиннадцати часовъ. Я бросилась наверхъ. Прежде, чѣмъ я отворила дверь въ спальню, я услышала жалобные стоны м-съ Мокаланъ. Она ужасно страдала; ее жгло въ горлѣ и желудкѣ; кромѣ того ее тошнило, такъ-же, какъ утромъ. Хотя я не докторъ, но ясно видѣла по ея лицу, что второй припадокъ былъ гораздо сильнѣе перваго. Позвонивъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ выбѣжала въ коридоръ, чтобы посмотреть, не было-ли тамъ кого изъ слугъ. Я увидѣла только м-съ Бьюли. Она сказала, что шла изъ своей комнаты узнать о здоровьѣ м-съ Мокаланъ. Я отвѣчала: „М-съ Мокаланъ опять очень дурно. Сдѣлайте одолженіе, скажите объ этомъ м-ру Мокалану и пошлите за докторомъ“. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ моего возвращенія къ постели больной м-ръ Мокаланъ и м-съ Бьюли вмѣстѣ вошли въ комнату. Покойная взглянула на нихъ какимъ-то страннымъ взглядомъ, котораго я не могу описать, и попросила ихъ уйти. М-съ Бьюли тотчасъ удалилась; на лицѣ ея видѣлся испугъ. М-ръ Мокаланъ сдѣлалъ два шага къ постели, но жена взглянула на него такъ-же странно, какъ прежде, и воскликнула полуугрожающимъ, полумоляющимъ голосомъ: — „Оставьте меня съ сидѣлкой. Ступайте!“ Онъ повиновался и шепнулъ мнѣ: „за докторомъ послали“. Прежде, чѣмъ прибылъ м-ръ Гэль, большую вырвало какой-то мутной пѣной, слегка окрашенной кровью. Увидавъ эту пѣну, докторъ съ серьезнымъ видомъ промолвилъ вполголоса: „Что это значитъ?“ Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы облегчить страданія м-съ Мокаланъ. Нѣсколько минутъ она была спокойна, а потомъ опять ее рвало и снова она успокоивалась. Во все это время ея руки и ноги были совершенно холодны, а докторъ, щупая пульсъ, повторялъ одно

и то-же: — „Слабый, едва слышный“. Наконецъ, я сказала ему: — „Что-жь намъ дѣлать?“ Онъ отвѣчалъ: — „Я не возьму на себя такой отвѣтственности, пошлите за докторомъ въ Единбургъ“. Немедленно послали кучера въ кабриолетъ за знаменитымъ единбургскимъ докторомъ Джеромомъ. Пока мы ожидали его приѣзда, м-ръ Мокаланъ сошелъ въ комнату больной. Несмотря на все свое изнуреніе, она подняла голову и знакомъ просила его удалиться. Онъ нѣжно старался ее успокоить и убѣдить, чтобы она его не выгоняла. Но она настаивала на томъ, чтобы онъ ушелъ. Его, очевидно, это очень оскорбило. Однакожь, прежде, чѣмъ она догадалась, онъ подошелъ къ кровати и поцѣловалъ ее въ лобъ. Она съ крикомъ отшатнулась отъ него. М-ръ Гэлъ вмѣшался и вывелъ его изъ комнаты. Вечеромъ приѣхалъ докторъ Джеромъ. При входѣ его въ комнату больной, ее снова рвало. Онъ, не говоря ни слова, сталъ пристально наблюдать за нею. Мнѣ казалось, что это изслѣдованіе никогда не окончится. Наконецъ, онъ попросилъ меня выйти изъ комнаты и оставить его одного съ м-ромъ Гэлемъ. „Мы позвонимъ, когда вы будете нужны“, сказали онъ. Долго они не звонили. Между тѣмъ кучеръ былъ снова посланъ въ Единбургъ съ запиской отъ доктора Джерома, въ которой онъ извѣщалъ, что не вернется впродолженіи нѣсколькихъ часовъ въ городъ къ своимъ пациентамъ. Нѣкоторые изъ насъ полагали, что это былъ дурной признакъ для м-съ Мокаланъ, а другіе, напротивъ, увѣрили, что, вѣроятно, докторъ имѣлъ надежду ее спасти, почему и не хотѣлъ оставлять ее до разрѣшенія кризиса. Наконецъ, за мною прислали. Когда я вошла въ спальню, докторъ Джеромъ пошелъ къ м-ру Мокалану, оставивъ со мною м-ра Гэля. Съ тѣхъ поръ и до самой смерти бѣдной женщины меня не оставляли наединѣ съ нею. Одинъ изъ докторовъ всегда оставался въ комнатѣ. Даже во время обѣда они чередовались. Если-бы они давали ей какія-нибудь лекарства, то я поняла-бы такое поведеніе; но они уже отказались отъ всякаго леченія и, повидимому, только караулили больную. Это именно меня и удивляло. Сидѣть у больной было дѣло не докторовъ, а мое; поэтому мнѣ и казались чрезвычайно странными ихъ поступки. Когда въ спальнѣ зажгли лампу, я увидѣла, что конецъ близокъ. Больная, казалось, страдала менѣе и только по-временамъ у нея были судороги въ но-

гахъ. Но глаза ея какъ-бы ввалились, тѣло было холодное, губы синеватныя. Ничто не могло привести ее въ себя, кромѣ послѣдней попытки мужа увидеть ее. Онъ вошелъ въ комнату съ докторомъ Джеромомъ; на немъ не было лица. Она не могла уже говорить, но, увидавъ его, невнятными звуками и знаками наставляла на его удаленіи. Онъ былъ такъ пораженъ, что м-ръ Гэль долженъ былъ помочь ему выйти изъ комнаты. Никого другого не пускали къ больной. М-ръ Декстеръ и м-съ Бьюли осмѣдмлялись за дверьми объ ея здоровьѣ. Доктора сидѣли по обѣ стороны кровати, молча ожидая ея кончины. Въ восемь часовъ у нея, казалось, отнялись руки, которыя неподвижно лежали на одѣялѣ. Потомъ она какъ-бы погрузилась въ глубокой сонъ и мало-по-малу ея дыханіе становилось слабѣе и слабѣе. Въ девять часовъ и двадцать минутъ докторъ Джеромъ приказалъ мнѣ подать лампу, пристально взглянулъ на несчастную, положилъ руку ей на сердце и сказалъ мнѣ: „вы можете идти внизъ, все кончено“. Потомъ онъ прибавилъ, обращаясь къ м-ру Гэлю: — „попробуйте узнать, можетъ-ли принять насъ м-ръ Мокаланъ“. Я отворила дверь м-ру Гэлю и сама послѣдовала за нимъ. Докторъ Джеромъ воротилъ меня и спросилъ ключъ отъ двери. Я подала ему ключъ, но, признаюсь, все это казалось мнѣ очень страннымъ. Внизу, въ людской, всѣ также полагали, что въ домъ не ладно, и беспокоились, хотя не знали, о чемъ именно. Вскорѣ послѣ этого оба доктора уѣхали. М-ръ Мокаланъ не былъ въ состояніи говорить съ ними, и потому они по секрету объяснились съ м-ромъ Декстеромъ, старымъ другомъ м-ра Мокалана. Вслѣдъ затѣмъ я отправилась въ комнату покойной, чтобъ одѣть ее. Комната была заперта съ обѣихъ сторонъ: изъ коридора и спальни м-ра Мокалана. Ключи взялъ съ собою м-ръ Гэль. Двое слугъ караулили у дверей. Они знали только одно, что ихъ смѣнятъ въ четыре часа утра. За отсутствіемъ всякихъ объясненій и распоряженій, я рѣшилась постучать въ дверь м-ра Декстера. Отъ него я узнала впервые страшную вѣсть. Оба доктора отказались выдать свидѣтельство о смерти, и на другое утро должно было произойти вскрытіе тѣла покойной.

Этимъ окончилось показаніе сидѣлки Христины Орисонъ.

Несмотря на все мое невѣденіе судебной практикѣ, я ясно видѣла, какое впечатлѣніе должно было произвести это показаніе

на присяжныхъ. Доказавъ, что мой мужъ имѣлъ два случая отравить свою первую жену, въ лекарствѣ и чаѣ, обвиненіе стремилось привести присяжныхъ къ убѣжденію, что подсудимый воспользовался этими случаями съ цѣлю освободиться отъ уродливой и ревнивой жены, отвратительнаго характера которой онъ не могъ болѣе переносить.

Допросъ обвинителя былъ оконченъ, и старшина адвокатовъ, отъ имени защиты, всталъ съ цѣлю ловкимъ передопросомъ свидѣтельницы выставить хорошую сторону характера покойной м-съ Мокаланъ. Въ случаѣ его успѣха присяжные могли измѣнить свое убѣжденіе относительно того, что она вывела изъ терпѣнія мужа своими преслѣдованіями. Тогда явился-бы вопросъ, зачѣмъ мужу было ее отравлять, и обвиненіе сильно поколебалось-бы.

Въ рукахъ искуснаго адвоката сидѣлка была вынуждена представить покойную м-съ Мокаланъ въ совершенно иномъ свѣтѣ. Вотъ сущность этихъ новыхъ показаній Христины Ормсонъ:

— Я подтверждаю, что м-съ Мокаланъ имѣла самый вспыльчивый характеръ, но она всегда старалась загладить зло, причиненное ея вспышками. Успокоившись, она всегда просила у меня извиненія самымъ благороднымъ образомъ. Въ эти минуты она невольно увлеклась. Она говорила и дѣйствовала какъ настоящая леди. Что-же касается ея внѣшности, то хотя лицо ея было очень некрасиво, но она была хорошо сложена и, говорятъ, ея руки и ноги были какъ-бы изваяны изъ мрамора. Голосъ ея былъ очень пріятный и до болѣзни она прекрасно пѣла. Кромѣ того, по словамъ ея горничной, она хорошо одѣвалась и была въ этомъ отношеніи образцомъ для всѣхъ сосѣдокъ. Наконецъ, хотя она и ревновала мужа къ м-съ Бьюли, но умѣла сдерживать себя, и когда послѣдняя, въ виду болѣзни хозяйки, хотѣла отложить свой пріѣздъ, то не м-ръ Мокаланъ, а его жена рѣшила, чтобъ это посѣщеніе состоялось. Вообще, несмотря на ея тяжелый характеръ, ее очень любили всѣ знакомые и слуги. Когда распространилось извѣстіе, что она умираетъ, то всѣ въ домѣ проливали горькія слезы. Относительно-же м-ра Мокалана я должна сказать, что во время маленькихъ домашнихъ неприятностей между мужемъ и женой, при которыхъ я присутствовала,

онъ никогда не выходилъ изъ себя и не обращался съ нею грубо; всѣ эти ссоры его скорѣе огорчали, чѣмъ сердили.

Изъ этихъ новыхъ показаній ясно вытекали два вопроса: неужели такая женщина могла довести мужа до отравленія ея? Неужели такой человѣкъ былъ въ состояннн отравить жену?

Добившись такого результата, защитникъ сѣлъ на свое мѣсто.

Вслѣдъ за этимъ приступлено было въ спросу докторовъ. Оба, м-ръ Джеромъ и м-ръ Гэль, подъ присягой показали, что у умирающей были ясныя симптомы отравы мышьякомъ. Третій докторъ, производившій вскрытiе, подтвердилъ ихъ показанiе, а два химика представили въ судъ мышьякъ, который они нашли въ тѣлѣ покойной въ достаточной дозѣ, чтобъ убить двухъ человѣкъ. Въ виду такихъ неопровержимыхъ доказательствъ, первый вопросъ, вытекавшій изъ дѣла, — была-ли она отравлена? — разрѣшался, безъ всякаго сомнѣнiя, утвердительно.

Слѣдующiе свидѣтели уже относились ко второму, еще болѣе таинственному и страшному вопросу, — кто ее отравилъ?

ГЛАВА XVII.

Второй вопросъ: кто ее отравилъ?

Показанiями докторовъ и химиковъ окончилось засѣданiе суда въ первый день процесса.

На второй день всѣ ожидали съ любопытствомъ свидѣтельскихъ показанiй со стороны обвиненiя. Прежде всего судъ выслушалъ официальныхъ лицъ, производившихъ первоначальное дознанiе о преступленii въ Гленнчѣ. Первымъ свидѣтелемъ явился судебный слѣдователь (который въ Шотландiи, именуясь прокураторомъ-фискаломъ, имѣетъ болѣе широкую власть и обязанности, чѣмъ въ Англіи). Спрошенный лордомъ-адвокатомъ, онъ далъ слѣдующее показанiе:

— 26 октября я получилъ отъ докторовъ м-ра Джерома изъ Единбурга и м-ра Гэля, живущаго въ селенii Дингдовъ, близъ Единбурга, свѣденiе о сомнительной смерти м-съ Мокаланъ въ помѣстьѣ ея мужа, м-ра Юстаса Мокалала, близъ Дингдова, по названiю Гленнчъ. При этомъ были приложены два акта: одинъ о вскрытiи тѣла умершей и другой о химическомъ анализѣ нѣ-

которыхъ отдѣльныхъ частей ея внутренняго организма. Результатъ обоихъ изслѣдованій ясно доказывалъ, что м-съ Мокаланъ умерла отъ отравленія мышьякомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ я принялъ мѣры въ производствѣ дознанія въ Гленинчѣ и окрестностяхъ съ цѣлью пролить свѣтъ на обстоятельства, сопровождавшія смерть м-съ Мокаланъ, хотя никто мнѣ не заявлялъ обвиненія противъ кого-бы то ни было по этому дѣлу. Слѣдствіе, начатое 26 октября, окончилось 28-го, и тогда, основываясь на нѣкоторыхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ моими подчиненными, а также на представленныхъ мнѣ письмахъ и другихъ документахъ, я составилъ обвинительный актъ противъ подсудимаго и испросилъ приказъ объ его арестѣ. 29 октября онъ былъ допрошенъ шерифомъ и преданъ суду.

Давъ свое показаніе и передпрошенный по нѣкоторымъ техническимъ вопросамъ, слѣдователь удалился и его мѣсто заняли служащія у него лица. Они рассказали поразительную повѣсть тѣхъ роковыхъ открытій, которыя дали возможность слѣдователю возбудить противъ моего мужа обвиненіе въ отравленіи его жены. Первый изъ этихъ свидѣтелей былъ Изайа Скулькрафтъ, чиповникъ изъ канцеляріи шерифа. Допрошенный лордомъ-адвокатомъ и его товарищемъ, онъ показалъ:

— 26 октября я получилъ приказъ сдѣлать дознаніе въ Гленинчѣ, близъ Эдинбурга. Я взялъ съ собою Роберта Лори, помощника слѣдователя. Прежде всего мы осмотрѣли комнату, въ которой умерла м-съ Мокаланъ. На кровати и на подвижномъ, придѣланномъ къ ней столикѣ мы нашли книги, письменныя принадлежности и бумагу съ неоконченнымъ стихотвореніемъ, написаннымъ, какъ впоследствии оказалось, покойной м-съ Мокаланъ. Мы завернули всѣ эти предметы въ бумагу и запечатали. Потомъ мы открыли индійскую шифоньерку, стоявшую въ спальнѣ. Въ ней мы нашли много стиховъ и другихъ бумагъ, писанныхъ тѣмъ-же почеркомъ. Мы также отыскиали нѣсколько писемъ, а въ углу одной изъ полокъ—скомканную бумажку, въ которой оказались аптечный ярлыкъ и нѣсколько крупинковъ бѣлаго порошка. Все это также было завернуто и запечатано. Дальнѣйшіе поиски въ этой комнатѣ не пролили новаго свѣта на изслѣдуемое дѣло. Мы осмотрѣли гардеробъ, драгоцѣнности и книги покойной и заперли ихъ. Мы также на-

шли ея туалетный несесерь и, запечатавъ его, доставили съ другими предметами въ камеру слѣдователя. На слѣдующій день мы продолжали дознаніе въ домѣ, получивъ, между тѣмъ, новыя инструкціи отъ слѣдователя. Мы начали съ осмотра спальни, находившейся рядомъ съ комнатой, въ которой умерла м-съ Мокаланъ. Она была заперта со дня ея смерти; не найдя въ ней ничего важнаго, мы перешли въ другую комнату того-же этажа, въ которой подсудимый лежалъ больной въ постели. Намъ сказали, что онъ страдалъ нервнымъ расстройствомъ отъ роковой смерти жены и послѣдовавшаго за тѣмъ судебного слѣдствія. По словамъ всѣхъ домашнихъ, онъ былъ не въ состояніи принимать чужихъ. Мы, однако, согласно своей инструкціи, настояли на осмотрѣ комнаты. Онъ не отвѣчалъ ничего на вопросъ, перенесъ-ли онъ что-нибудь изъ находившейся рядомъ со спальней его жены спальни, обычно имъ занимаемой, въ ту комнату, въ которой онъ теперь находился. Онъ только закрылъ глаза, какъ-бы не имѣя силы произнести ни слова. Не безпокая его болѣе, мы принялись за осмотръ комнаты и находившихся въ ней предметовъ. Занятыя этимъ дѣломъ, мы вдругъ услышали въ сосѣднемъ коридорѣ странный шумъ, походившій на стукъ колесъ. Черезъ минуту дверь отворилась и въ комнату послѣшно влетѣлъ джентльменъ, безъ ногъ, искусно направляя кресло, въ которомъ онъ сидѣлъ. Подъѣхавъ къ кровати подсудимаго, онъ остановился подлѣ маленькаго столика и сказалъ ему что-то шопотомъ. Подсудимый открылъ глаза и отвѣчалъ знакомъ. Мы очень почтительно заявили безногому джентльмену, что не могли дозволить ему оставаться въ комнатѣ въ такое время. Онъ, повидимому, не обратилъ никакого вниманія на наши слова и сказалъ: „Меня зовутъ Декстеръ; я старый другъ м-ра Мокалана; ваше присутствіе здѣсь незаконно, а не мое“. Мы снова повторили, что онъ долженъ оставить комнату, и указали ему главнымъ образомъ на то, что онъ поставилъ свое кресло такъ близко къ столу, что мѣшалъ намъ осмотрѣть его. Онъ отвѣчалъ со смѣхомъ: „Развѣ вы не видите, что это столъ и больше ничего?“ Тогда мы предупредили его, что дѣйствуемъ на основаніи законнаго приказа судебной власти и что, мѣшая намъ въ исполненіи служебныхъ обязанностей, онъ могъ подвергнуться отвѣтственности. Наконецъ, видя, что съ нимъ добромъ

ничего не подвѣлашь, я отодвинулъ его кресло, а Робертъ Лори взялъ столъ и отнесъ его на другой конецъ комнаты. Вздогій джентльменъ пришелъ въ сильное негодованіе за то, что я осмѣлился дотронуться до его кресла: „Мое кресло—я, сказалъ онъ;—какъ вы смѣете поднимать на меня руку?“ Я ничего не отвѣчалъ, отворилъ дверь и, удовлетворяя его капризу, толкнулъ кресло не рукою, а бывшей у меня въ рукахъ палкой; оно, вѣсть съ сидѣвшими въ немъ джентльменомъ, быстро и благополучно выкатилось изъ комнаты. Заперевъ дверь на ключъ для избѣжанія дальнѣйшихъ помѣхъ, я возвратился къ Роберту Лори. Въ столикиъ оказался одинъ запертый ящикъ. Мы спросили ключъ у подсудимаго, но онъ отказался его представить, говоря, что мы не имѣли права отпирать его ящичковъ. Онъ былъ очень разсерженъ и объявилъ, что только по причинѣ своей слабости не подвергалъ насъ примѣрному наказанію за нашу дерзость. Я отвѣчалъ очень учтиво, что мы по обязанности должны были осмотрѣть ящикъ, и если онъ добровольно не дастъ ключа, то мы унесемъ столикиъ и великъ слесарю сломать замокъ. Пока мы спорили, въ дверь кто-то постучался. Я осторожно ее отворилъ, но вмѣсто безногаго джентльмена увидаль другого незнакомаго человѣка. Подсудимый привѣтствовалъ его какъ друга и сосѣда, прося заступиться за него. Эготъ новый джентльменъ оказался очень пріятнымъ человѣкомъ. Онъ немедленно увѣдомилъ насъ, что за нимъ послалъ м-ръ Декстеръ и что онъ стряпчій. Потомъ онъ попросилъ взглянуть на приказъ, которымъ мы руководились, и, прочитавъ его, сказалъ подсудимому, въ величайшему удивленію послѣдняго, что онъ долженъ согласиться на осмотръ ящика, хотя можетъ опротестовать наши дѣйствія. Сказавъ это, онъ досталъ ключи и самъ открылъ намъ ящикъ. Въ немъ оказались письма и большая книга съ замочкомъ и надписью золотыми буквами: „Дневникъ“. Конечно, мы письма и книжку опечатали для доставленія слѣдователю. Въ то-же время джентльменъ написалъ протестъ отъ имени подсудимаго и подаль его вмѣстѣ съ своей карточкой, изъ которой мы узнали, что онъ м-ръ Шэйморъ, теперь одинъ изъ защитниковъ подсудимаго. Эту карточку и протестъ мы одинаково препроводили къ слѣдователю. Никакихъ другихъ важныхъ открытій мы не сдѣлали въ Глениачѣ. Послѣ того мы отправились въ Эдинбургъ и произвели дознаніе у аптекаря, фа-

милію котораго узнали изъ найденной нами скомканной бумажки, а также у другихъ аптекарей, согласно полученной инструкціи. 28 октября слѣдователь получилъ всѣ собранныя нами свѣденія и наши обязанности на-время прекратились.

Показаніе Лори вполне соотвѣтствовало показанію Скулькрафта; оба показанія не были поколеблены передопросомъ и, естественно, были очень невыгодны для подсудимаго.

Его положеніе стало еще хуже при появленіи новыхъ свидѣтелей. Андрю Кинлей, аптекарь въ Единбургѣ, показалъ слѣдующее:

— Я веду особую книгу продаваемымъ ядамъ. Въ означенное въ книгѣ число подсудимый м-ръ Юстасъ Мокаланъ пришелъ ко мнѣ и потребовалъ мышьяку. На мой вопросъ, для чего ему мышьякъ, онъ отвѣчалъ, что въ немъ нуждался садовникъ для истребленія вредныхъ насѣкомыхъ въ оранжереѣ. Онъ назвалъ себя м-ромъ Мокаланомъ изъ Гленинча. Я приказалъ своему помощнику отпустить два унца мышьяку и сдѣлалъ надлежащую запись въ книгѣ. Онъ подписалъ свое имя, а я выставилъ себя свидѣтелемъ. Онъ заплатилъ что слѣдовало и ушелъ съ мышьякомъ, завернутымъ въ двухъ бумажкахъ; на верхней изъ нихъ были выставлены мое имя и адресъ, а также крупными буквами слово „ядъ“; эта бумажка совершенно походитъ на ярлыкъ, найденный въ бумагахъ въ Гленинчѣ.

Слѣдующій свидѣтель, Питеръ Стокдэль, также единбургскій аптекарь, показалъ:

— Подсудимый зашелъ ко мнѣ въ день, означенный въ моей книгѣ, спустя нѣсколько времени послѣ посѣщенія имъ м-ра Кинлея. Онъ желалъ купить на шесть пенсовъ мышьяку. Мой помощникъ, къ которому онъ обратился, позвалъ меня, такъ-какъ у меня правило—лично продавать яды. Я спросилъ подсудимаго, зачѣмъ ему мышьякъ, и онъ отвѣчалъ: для уничтоженія крысъ въ Гленинчѣ. Я тогда спросилъ: „Имѣю я честь говорить съ м-ромъ Мокаланомъ изъ Гленинча?“ Онъ отвѣчалъ утвердительно. Я продалъ ему мышьяку полтора унца и, всыпавъ его въ стеклянку, написалъ собственноручно на ярлычѣ: „ядъ“. Онъ расплатился въ книгѣ, заплатилъ деньги и унесъ мышьякъ.

Передопросъ этихъ двухъ свидѣтелей обнаружилъ нѣкоторые техническіе недостатки въ ихъ показаніяхъ, но роковой фактъ,

что мой мужъ самъ бушилъ мышьякъ, остался непровергнутымъ.

Новые свидѣтели, садовникъ и поварь изъ Гленинча, еще болѣе усилили цѣнь уликъ, безмилосердно сковывавшую подсудимаго.

Садовникъ показалъ подѣ присягой:

— Я никогда не получалъ, въ то время, о которомъ говорится, или въ иную какую-нибудь эпоху, мышьяку отъ подсудимаго или отъ кого-нибудь другого. Я никогда не употреблялъ мышьякъ въ оранжереѣ или въ саду. Я не сочувствую употребленію его для уничтоженія вредныхъ насѣкомыхъ, нападающихъ на цвѣты и растенія.

Поварь показалъ такъ-же опредѣленно, какъ садовникъ.

— Ни хозяйнѣ, ни кто другой, сказалъ онъ, — никогда не давалъ мнѣ мышьяку для уничтоженія крысъ. Этого и быть не могло, потому-что я подтверждаю присягою, что никогда не видалъ крысъ въ домѣ и не слышалъ объ ихъ появленіи.

Другіе слуги дали подобныя-же показанія. Несмотря на всѣ передопросы, они стояли на своемъ, именно, что не было въ домѣ крысъ, а если онѣ и были, то никто объ этомъ не зналъ. Такимъ образомъ, было доказано, что ядъ бушилъ мой мужъ и никому его не передавалъ.

Но что онъ сдѣлалъ съ ядомъ? На этотъ вопросъ отвѣчали слѣдующіе свидѣтели обвиненія.

Камердинеръ подсудимаго показалъ, что м-ръ Мокаланъ въ день кончины жены позвонилъ ему въ десять часовъ безъ двадцати минутъ и приказалъ принести для больной чашку чая. Свидѣтель получилъ это приказаніе въ отворенную дверь спальни м-съ Мокаланъ, и могъ подтвердить присягою, что въ комнатѣ не было никого, кромѣ подсудимаго.

Служанка объяснила, что она сдѣлала чай и сама отнесла чашку въ комнату м-съ Мокаланъ въ десятомъ часу. Въ дверяхъ взялъ у нея чашку подсудимый и она хорошо видѣла, что онъ одинъ былъ въ спальнѣ.

Сидѣлка Христина Ормонъ, допрошенная вновь, повторила, что м-съ Мокаланъ въ шесть часовъ утра сказала ей: „М-ръ Мокаланъ приходилъ часъ тому назадъ и, видя, что я не сплю, далъ мнѣ успокоительныхъ капель“. Въ то время, то-есть въ

пять часовъ утра, Христина Ормсовъ спала на диванѣ. Кромя того, свидѣтельница подтверждала подѣ присягою, что она взглянула на стѣлянку съ каплями и замѣтила по черточкамъ, означавшимъ приемы, что послѣ послѣдняго, даннаго ею приема, былъ данъ еще одинъ.

При этомъ обратилъ на себя особое вниманіе передопросъ свидѣльницъ, служанки и сидѣлки, такъ-какъ онъ обнаружилъ впервые характеръ защиты.

Допрашивая служанку, старшина адвокатовъ спросилъ:

— Замѣтили-ли вы когда-нибудь, убирая комнату м-съ Мокаланъ, чтобъ вода въ тазу была черноватаго или голубоватаго цвѣта?

— Я никогда не замѣчала ничего подобнаго, отвѣчала свидѣтельница.

— Находили-ли вы когда-нибудь, продолжалъ старшина, — подѣ подушкой или въ какомъ-нибудь другомъ потайномъ мѣстѣ въ спальнѣ м-съ Мокаланъ книжку или брошюру о средствахъ къ поправленію дурного цвѣта лица?

— Нѣтъ, отвѣчала свидѣтельница.

Старшина адвокатовъ настаивалъ на своемъ:

— Слышали-ли вы когда-нибудь отъ м-съ Мокаланъ, что мышьякъ, употребляемый какъ внутреннее или наружное средство, поправляетъ цвѣтъ лица?

Свидѣтельница отвѣчала—никогда.

Подобные-же вопросы предложены были сидѣлкѣ и она отвѣчала также отрицательно.

Такимъ образомъ впервые выяснился для присяжныхъ и слушателей планъ защиты. Желая удалить всякое сомнѣніе насчетъ такого серьезнаго вопроса, предсѣдатель предложилъ защитѣ прямой вопросъ:

— Судъ и присяжные желаютъ положительно знать, съ какой цѣлью вы предлагали послѣдніе вопросы служанкѣ и сидѣлкѣ. Хотеть-ли доказать защита, что м-съ Мокаланъ употребляла купленный ею мужемъ мышьякъ для поправленія своего дурного цвѣта лица?

— Да, милордъ, отвѣчалъ старшина адвокатовъ;— это положеніе составляетъ краеугольный камень защиты. Мы не можемъ оспаривать показаній докторовъ, что м-съ Мокаланъ умерла отъ

яда, но мы утверждаемъ, что она умерла отъ излишней дозы мышьяка, принятой по невѣденію, наединѣ въ своей комнатѣ, какъ средство противъ доказанныхъ и признанныхъ недостатковъ ея цвѣта лица. Подсудимый прямо показалъ шерифу, что онъ купилъ мышьякъ по просьбѣ жены.

Предсѣдатель спросилъ тогда, имѣютъ-ли обвиненіе и защита что-либо противъ прочтенія на судѣ первоначальнаго показанія обвиняемаго.

Старшина адвокатовъ отвѣчалъ, что онъ съ удовольствіемъ соглашается на чтеніе этого документа, такъ-какъ онъ могъ полезно подготовить умы присяжныхъ въ той защитѣ, которую онъ будетъ имѣть честь развивать передъ ними.

Лордъ-адвокатъ отъ имени обвиненія заявилъ, что не будетъ въ этомъ случаѣ противодѣйствовать желанію своего ученаго друга, такъ-какъ, въ виду недоказанности фактовъ, приводимыхъ подсудимымъ въ его показаніи, онъ считаетъ этотъ документъ подтвержденіемъ обвиненія.

Поэтому показаніе подсудимаго передъ шерифомъ было прочтано. Оно заключалось въ слѣдующихъ словахъ:

„Я купилъ два раза мышьяку по просьбѣ жены. Въ первый разъ она мнѣ сказала, что мышьякъ нуженъ садовнику для оранжереи; во второй она объяснила, что онъ необходимъ повару для уничтоженія крысъ въ нижнемъ этажѣ дома. Оба раза, возвратясь домой, я отдавалъ пакеты съ мышьякомъ женѣ. Кромѣ покупки, я не имѣлъ съ мышьякомъ никакого дѣла. Жена давала всегда приказанія садовнику и повару и я не вмѣшивался ни во что. Я не спрашивалъ у жены, на что она употребила мышьякъ, потому-что нисколько этимъ не интересовался. Я не ходилъ въ оранжерею цѣлыми мѣсяцами, такъ-какъ мало заботился о цвѣтахъ. Что-же касается крысъ, то я предоставлялъ ихъ уничтоженіе повару и другимъ слугамъ, потому-что вообще не дѣлалъ никакихъ хозяйственныхъ распоряженій. Жена не говорила мнѣ, чтобы она пуждалась въ мышьякъ для поправленія цвѣта лица. И, безъ сомнѣнія, мнѣ послѣднему она созналась-бы въ подобной тайнѣ. Я повѣрилъ ея словамъ, что мышьякъ нуженъ садовнику и повару. Я положительно утверждаю, что жилъ съ женою въ дружескихъ отношеніяхъ, хотя, конечно, бывали случайныя непріятности и недоразумѣнія, встрѣчающіяся всегда

въ семейной жизни. Если я и чувствовалъ нѣкотораго рода разочарованіе относительно моего брака, то считалъ своею обязанностью, какъ мужъ и джентльменъ, скрывать это отъ жены. Я не только былъ пораженъ и опечаленъ ея преждевременной смертью, но упрекалъ себя въ недостаточныхъ заботахъ о ней при ея жизни. Далѣе я торжественно заявляю, что такъ-же мало знаю, какъ ребенокъ въ утробѣ матери, о томъ, какимъ образомъ она приняла ядъ, найденный въ ея тѣлѣ. Я не виновенъ даже въ желаніи нанести вредъ этой несчастной жевщинѣ. Я далъ ей капли прямо изъ стьянки, а чашку чая взялъ изъ рукъ служанки и передалъ ей. Я никогда не видалъ мышьяка послѣ того, какъ отдалъ его женѣ, и рѣшительно не знаю, что она съ нимъ сдѣлала и гдѣ его сохраняла. Клянусь Господомъ Богомъ, что я не виновенъ въ страшномъ преступленіи, взводимомъ на меня“.

Чтеніемъ этого откровеннаго и трогательнаго показанія окончилось засѣданіе на второй день разбирательства этого дѣла.

Я должна признаться, что до сихъ поръ чтеніе отчета мрачно дѣйствовало на меня и уменьшало мои надежды. Всѣ свидѣтельскія показанія и улики были противъ моего несчастнаго мужа. Хотя я по-прежнему оставалась пламенной его сторонницей, но я видѣла это ясно.

Безмилосердный обвинитель, лордъ-адвокатъ (о, какъ я его ненавижу!), доказалъ: 1) что Юстасъ купилъ ядъ; 2) что причина покупки, объясненная имъ аптекарямъ, была ложная; 3) что онъ имѣлъ два случая тайно дать ядъ женѣ. Съ другой стороны, что-же доказалъ защитникъ, старшина адвокатовъ? До сихъ поръ—ничего. Заявленіе подсудимаго въ первоначальномъ показаніи объ его невинности было, какъ вѣрно замѣтилъ лордъ-адвокатъ, ничѣмъ не подкрѣплено. Не было представлено ни одного доказательства въ томъ, что жена его тайно употребляла мышьякъ для поправленія цвѣта лица.

Единственнымъ моимъ утѣшеніемъ при чтеніи процесса было открытіе двухъ друзей, на которыхъ я, повидимому, могла разсчитывать. Безногий м-ръ Декстеръ особенно выказалъ себя пламеннымъ союзникомъ мужа. Мое сердце съ благодарностью оставалось на человѣкѣ, который придвинулъ свое кресло къ кровати Юстаса и отчаянно защищалъ его бумаги отъ сыщиковъ.

Я рѣшила, что первому м-ру Декстеру отверю свои намеренія и надежды. Если-же онъ найдетъ для себя затруднительнымъ оказать мнѣ содѣйствіе, то я обращусь къ м-ру Плэймору, второму другу мужа, формально протестовавшему противъ захвата его бумагъ.

Почерпнувъ новыя силы въ этой рѣшимости, я перевернула страницу и приступила къ чтенію третьяго засѣданія по дѣлу моего бѣднаго мужа.

ГЛАВА XVIII.

ТРЕТІЙ ВОПРОСЪ: ЗАЧѢМЪ ОНЪ ЕЕ ОТРАВИЛЪ?

На первый вопросъ—была-ли она отравлена? былъ данъ отвѣтъ положительный; на второй—кто ее отравилъ?—предположительный. Теперь оставался третій и послѣдній вопросъ—зачѣмъ онъ ее отравилъ? Первыми свидѣтелями со стороны обвиненія по этому вопросу были родственники и друзья покойной м-съ Мокаланъ.

Леди Бройдгэвель, вдова контръ-адмирала сэра Джорджа Бройдгэвена, показала:

— Покойная м-съ Мокаланъ была моя племянница и, какъ единственная дочь моей сестры, послѣ смерти матери жила у меня. Я была противъ ея брака, но мои доводы казались сантиментальными и фантастичными другимъ ея друзьямъ. Мнѣ очень тяжело говорить объ этихъ обстоятельствахъ публично, но я готова принести подобную жертву, если того требуетъ правосудіе. Подсудимый, въ то время, о которомъ я говорю, гостилъ у меня въ домѣ. Однажды, во время прогулки верхомъ, съ нимъ случилось несчастіе—онъ серьезно повредилъ себѣ ногу. Это поврежденіе было тѣмъ опаснѣе, что оно было уже второе, и потому ему пришлось нѣсколько недѣль лежать на диванѣ. Всѣ дамы, бывшія въ домѣ, вызвались по очереди читать ему вслухъ и сидѣть съ нимъ. Племянница занимала первое мѣсто въ ряду этихъ добровольныхъ сидѣлокъ. Она прекрасно играла на фортепьяно, а больной, по несчастью, очень любилъ музыку. Слѣдствіемъ этихъ невинныхъ отношеній было несчастіе моей племянницы. Она пламенно полюбила м-ра Юстаса Мокалана, не возбудивъ въ

немъ подобнаго-же чувства. Я старалась деликатно вмѣшаться въ дѣло, пока еще можно было его поправить. Но, по несчастью, племянница отказалась быть со мной откровенной. Она упорно утверждала, что не питала къ м-ру Мокалану другого чувства, кромѣ дружескаго состраданія. Поэтому я не могла ихъ разлучить, не обнаруживъ побудительной къ тому причины, а это произвело-бы скандалъ, который повредилъ-бы репутаціи племянницы. Мужъ мой былъ тогда еще живъ и я рѣшилась предложить ему тайно переговорить съ м-ромъ Мокаланомъ, присяя его, какъ честнаго человѣка, помочь намъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія. М-ръ Мокаланъ поступилъ въ высшей степени благородно. Несмотря на его слабость, онъ черезъ два дня покинулъ нашъ домъ подъ очень искуснымъ предлогомъ. Намѣренія наши были благія, но они ни къ чему не привели. Было уже слишкомъ поздно. Племянница стала чахнуть и ничто не помогало ей—ни медицинская помощь, ни перемѣна воздуха. Послѣ нѣкотораго времени я открыла тайную переписку между нею и м-ромъ Мокаланомъ. Я обязана сказать, что его письма были очень осторожны и благоразумны. Но все-же я сочла своимъ долгомъ прекратить эту переписку. Мое вмѣшательство, — а могла-ли я не вмѣшаться?—привело дѣло къ развязкѣ. Однажды утромъ племянница не явилась къ завтраку, и на другой день мы узнали, что бѣдная, безумная дѣвушка отправилась на лондонскую квартиру м-ра Мокалана, гдѣ его друзья видѣли ее спрятанной въ спальнѣ. Въ этой катастрофѣ м-ръ Мокаланъ висколько не виновенъ. Услыхавъ шаги въ передней и думая спасти честь молодой дѣвушки, онъ спряталъ ее въ соседнюю комнату, которая оказалась его спальней. Конечно, объ этомъ скандалѣ стали всѣ говорить, и съ самой неблагоприятной стороны. Мой мужъ имѣлъ снова секретное объясненіе съ м-ромъ Мокаланомъ, и онъ опять поступилъ въ высшей степени благородно. Онъ публично заявилъ, что племянница посѣтила его въ качествѣ обрученной невѣсты, и черезъ двѣ недѣли заставилъ замолчать всѣ злые языки, женившись на ней. Конечно, это было единственное средство загладить безумную выходку племянницы, и я одна противилась браку, считая его роковой ошибкой, какъ впоследствии и оказалось. Довольно грустно было уже и то, что м-ръ Мокаланъ женился безъ любви, но, мало этого, онъ въ

то время безнадежно любилъ женщину, которая вышла замужъ за другого. Онъ, изъ состраданія къ племянницѣ, отрицалъ эту любовь и увѣрялъ, что любить только ее, свою жену, но всѣмъ друзьямъ его было извѣстно, въ какомъ онъ находился отчаяніи, потерявъ истинный предметъ своей привязанности. При этомъ нелишне замѣтить, что ея свадьба предшествовала его свадьбѣ. Онъ лишился на вѣки любимой женщины, жизнь потеряла для него всякую прелесть и онъ женился на моей племянницѣ изъ одного состраданія. Въ заключеніе я могу только сказать, что никакія дурныя послѣдствія ея безумной выходки, если-бъ она не вышла за него замужъ, не были-бы, по моему мнѣнію, хуже подобнаго брака. Никогда два человѣческія существа, соединенныя брачными узами, не были столь различны, какъ подсудимый и его покойная жена.

Показаніе этой свидѣтельницы произвело сильное впечатлѣніе на слушателей и на присяжныхъ. При ея дальнѣйшемъ допросѣ защитникомъ, леди Бройдгэвенъ нѣсколько измѣнила свои слова и признала, что безпадежная любовь подсудимаго къ другой женщинѣ была только слухомъ. Но все-же рассказанные ею факты остались непоколебленными и придали взводимому на подсудимаго обвиненію характеръ вѣроятности, котораго оно не имѣло при началѣ дѣла.

Слѣдующими свидѣтелями были двѣ закадычныя пріятельницы м-съ Мокаланъ. Онѣ не соглашались съ мнѣніемъ леди Бройдгэвенъ относительно нелюбви м-ра Мокалана къ его покойной женѣ, но повторили тѣ-же факты, и, такимъ образомъ, подкрѣпили впечатлѣніе, произведенное первой свидѣтельницей на всѣхъ присутствующихъ.

Главнымъ доказательствомъ, однако, въ пользу обвиненія было безмолвное свидѣтельство писемъ и дневника, найденныхъ въ Гленинчѣ.

Отвѣчая на вопросъ суда, лордъ-адвокатъ объяснилъ, что эти письма отъ друзей подсудимаго и его покойной жены объясняли ихъ взаимныя супружескія отношенія. Дневникъ подсудимаго былъ еще драгоценнѣйшимъ доказательствомъ и заключалъ въ себѣ рассказъ объ ежедневныхъ происшествіяхъ и о тѣхъ мысляхъ и чувствахъ, которыя они въ немъ возбуждали.

За этимъ объясненіемъ послѣдовала очень печальная сцена.

Хотя я пишу много времени спустя послѣ всѣхъ этихъ событій,

рука моя отказывается подробно передать то, что сказалъ и сдѣлалъ мой несчастный мужъ въ эту критическую минуту процесса. Глубоко тронутый показаніемъ леди Бройдгэвель, онъ едва не перебилъ ее, а теперь потерялъ всякое самообладаніе. Громкимъ, провозительнымъ голосомъ онъ протестовалъ противъ предполагаемаго нарушенія сокровенныхъ тайнъ, какъ его, такъ и жены.

— Повѣсьте меня, хотя я невиненъ! воскликнулъ онъ, — но избавьте отъ *этого*.

Впечатлѣніе, произведенное этой страшной вспышкой подсудимаго, было неописанное. У нѣкоторыхъ женщинъ сдѣлались истерическіе припадки. Судьи вмѣшались въ дѣло, но безъ всякаго успѣха. Наконецъ, порядокъ былъ восстановленъ старшиной адвокатовъ, который, успокоивъ подсудимаго, обратился къ судьямъ съ краснорѣчивой, трогательной рѣчью. Прежде всего онъ просилъ снисхожденія къ своему несчастному кліенту, а потомъ въ умѣренныхъ, но сильныхъ выраженіяхъ протестовалъ противъ прочтенія бумагъ, найденныхъ въ Гленничѣ.

Судьи удалились для совѣщанія по этому частному вопросу и засѣданіе было приостановлено на полчаса.

Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, волненіе, происходившее въ судѣ, перешло на улицу, гдѣ стояла большая толпа. Тамъ общее мнѣніе, руководимое однимъ изъ мелкихъ чиновниковъ суда, было противъ подсудимаго.

— Понятно, почему онъ не хочетъ, чтобъ прочитали письма и дневникъ, кричала толпа: — они его прямо поведутъ на висѣлицу.

Возвратившись въ залу засѣданія, судъ объявилъ, что большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного рѣшено прочитать спорные документы. При этомъ каждый судья объяснилъ свои мотивы. Потомъ судебное разбирательство продолжалось и приступлено было къ чтенію отрывковъ изъ писемъ и дневника.

Первые представленныя письма были найдены въ индійской шифоньерѣ въ комнатѣ м-съ Мокаланъ. Они были написаны пріятельницами покойной, съ которыми она вела постоянную переписку. Три отдѣльные отрывка изъ писемъ различныхъ лицъ были избраны для прочтенія въ судѣ.

Первый отрывокъ: „Я рѣшительно не могу, милая Сара, выразить, какъ твое послѣднее письмо меня встревожило. Извини

меня, но я, право, думаю, что ты по своей слишкомъ впечатлительной натурѣ преувеличиваешь, хотя, конечно, бессознательно, невниманіе къ тебѣ со стороны твоего мужа. Я не могу ничего сказать объ особенностяхъ его характера, потому что недостаточно близко его знаю; но, милая Сара, я гораздо старше тебя и болѣе опытна въ томъ, что кто-то назвалъ „свѣтомъ и мракомъ брачной жизни“. Основываясь на этой опытности, я считаю долгомъ сказать, что молодыя жены, подобныя тебѣ, преданно любящія своихъ мужей, часто дѣлаютъ большую ошибку. Вообще онѣ слишкомъ многого ждутъ отъ мужей. Мужчины, милая Сара, не походятъ на насъ. Ихъ любовь, даже самая искренняя, не имѣетъ ничего общаго съ вашей любовью. Она не вѣчная, какъ у насъ, и не составляетъ единственной цѣли и надежды всей ихъ жизни. Любя и уважая мужей, мы должны снисходить къ ихъ природѣ. Я нисколько не желаю оправдывать холодности твоего мужа. Онъ виноватъ, напримѣръ, въ томъ, что, говоря съ тобою, никогда на тебя не смотритъ и не замѣчаетъ твоихъ усилій ему понравиться. Онъ еще болѣе виноватъ—и, право, это жестоко съ его стороны—въ томъ, что онъ не отвѣчаетъ на твои поцѣлуи. Но, моя милая, увѣрена-ли ты вполне, что онъ всегда намѣренно холоденъ и жестокъ? Можетъ быть, его поведеніе часто бываетъ послѣдствіемъ заботъ и безпокойствъ, которыхъ ты не можешь раздѣлять? Взгляни на его поведеніе съ этой точки зрѣнія—и ты поймешь многое, что теперь тебя удивляетъ и мучитъ. Будь терпѣлива въ отношеніи къ нему, дитя мое. Никогда не жалуйся и не приставай съ ласками въ тѣ минуты, когда онъ озабоченъ или не въ духѣ. Быть можетъ, тяжело послѣдовать этому совѣту столь любящей жень, какъ ты. Но, вѣрь мнѣ, тайна счастья для насъ, женщинъ, увы! часто заключается въ сдержанности и покорности судьбѣ. Подумай серьезно о томъ, что тебѣ совѣтуетъ твой старшій другъ, и напиши мнѣ“.

Второй отрывокъ: „Какъ можешь ты, Сара, быть такой душой и тратить свою любовь на такого безсердечнаго тирана, какъ твой мужъ? Конечно, я еще не замужемъ и потому, быть можетъ, это меня такъ удивляетъ. Но я надняхъ выхожу замужъ, и если мужъ станетъ обращаться со мною, какъ м-ръ Мокаланъ съ тобою, то я потребую развода. Право, я, кажется, предпочла-бы, чтобы мужъ меня билъ, какъ женщину низшаго класса, тому,

чтобъ онъ обращался со мною съ такимъ равнодушіемъ и презрѣніемъ, какъ ты описываешь. Я выхожу изъ себя при одной мысли объ этомъ. Подобныя страданія должны быть невыносимы. Не терпи болѣе этой каторги, милая Сара. Брось его и переѣзжай ко мнѣ. Мой братъ-адвокатъ говоритъ, что ты можешь доблться судебного развода. Пріѣзжай и посоветуйся съ нимъ“.

Третій отрывокъ: „Вамъ пзвѣстно, милая м-съ Мокаланъ, какъ я опытна въ этомъ дѣлѣ. Ваше письмо меня нисколько не удивляетъ. Поведеніе вашего мужа ясно доказываетъ, что онъ любитъ другую. Какая-нибудь женщина, ссыывающаяся во мракѣ, пользуется его ласками, въ которыхъ онъ отказываетъ вамъ. Я все это знаю, черезъ все прошла. Не поддавайтесь. Сдѣлайте цѣлью вашей жизни отысканіе этой женщины. Быть можетъ, ихъ нѣсколько. Это все равно. Если вы только можете розыскать ее или ихъ, то будете имѣть средство сдѣлать его жизнь такой-же несчастной, какъ ваша. Если вы нуждаетесь въ моеи помощи и опытности, то я къ вашимъ услугамъ. Послѣ 4-го числа будущаго мѣсяца я свободна и могу пріѣхать къ вамъ въ Гленничъ“.

Этими ненавистными строками окончилось чтеніе писемъ. Первый и длиннѣйшій отрывокъ произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. Очевидно, женщина, писавшая эти строки, была достойная и благоразумная особа. Однако, всѣ три письма, несмотря на ихъ различіе по тону, приводили къ одному заключенію: что м-съ Мокаланъ (если можно было вѣрить ея словамъ) находилась въ положеніи несчастной жены, убиваемой равнодушіемъ мужа.

Послѣ этого были предъявлены письма, адресованныя на имя подсудимаго и найденныя, вмѣстѣ съ его дневникомъ, въ запертомъ ящикѣ спальнаго столика. Всѣ они, за исключеніемъ одного, были писаны мужчинами. Хотя въ сравненіи со вторымъ и третьимъ отрывками изъ корреспонденціи жены эти письма отличались умѣреннымъ тономъ, но они приводили къ тому-же заключенію, т.-е. что жизнь мужа была такъ-же невыносима, какъ жизнь жены. Одинъ изъ друзей подсудимаго, напримѣръ, приглашалъ его отправиться въ кругосвѣтное путешествіе на его яхтѣ; другой совѣтовалъ уѣхать на континентъ на полгода; третій указывалъ на уженіе и охоту, какъ на лучшее развлеченіе. Вообще

всѣ совѣтовали ему разстаться съ женою подѣ тѣмъ или другимъ предложеньемъ и на большее или меньшее время.

Послѣднее письмо, прочтенное на судѣ, было писано женскимъ почеркомъ. Вотъ оно:

„Бѣдный мой Юстасъ, какъ жестока наша судьба! При одной мысли, что ваша жизнь принесена въ жертву этой несчастной женщицѣ, сердце мое обливается кровью. Если-бъ мы были мужемъ и женою, если-бъ я имѣла невыразимое счастье печься о лучшемъ, милѣйшемъ изъ людей, мы жили-бы въ раю, вкушали-бы истинное блаженство! Но сожалѣнїе теперь тщетно; мы разлучены въ этой жизни, разлучены узами, которые мы оба оплакиваемъ, но должны уважать. Дорогой мой Юстасъ, есть другой, загробный мїръ. Тамъ наши души соединятся въ одинъ вѣчный, небесный поцѣлуй, тамъ мы вкусимъ блаженство, воспрещенное намъ на землѣ. Описанная вами несчастная жизнь, которую вы ведете съ женою (о, зачѣмъ вы на ней женились!), побудила меня высказать вамъ мои чувства. Пусть это послужитъ вамъ утѣшенїемъ, но никто не долженъ видѣть этихъ безумныхъ строкъ. Сожгите письмо и надѣйтесь, какъ я, на лучшую жизнь, которую вы можете еще раздѣлить съ вашей—Еленой“.

Чтенїе этого дерзкаго письма возбудило вопросъ со стороны одного изъ судей: были-ли выставлены на письмѣ адресъ и число?

Лордъ-адвокатъ отвѣчалъ отрицательно, но прибавилъ, что на конвертѣ выставленъ лондонскїй штемпель.

— Мы намѣрены, продолжалъ онъ,—прочестъ нѣсколько отрывковъ изъ дневника подсудимаго, въ которыхъ встрѣчается имя, подписанное подѣ этимъ письмомъ, и, кромѣ того, мы постараемся другими путями доказать, кто именно писалъ его.

Вслѣдъ за этимъ были прочтены отрывки изъ дневника мужа. Первый изъ нихъ относился ко времени, предшествовавшему, по крайней мѣрѣ, на годъ, смерти м-съ Мокаланъ:

„Сегодняшняя почта меня повергла въ тупикъ. Мужъ Елены умеръ неожиданно, два дня тому назадъ, отъ аневризма. Она свободна! Моя милая, дорогая Елена свободна! А я? Я прикованъ къ женщицѣ, съ которой у меня нѣтъ ничего общаго. Я потерялъ Елену по своей собственной винѣ. Ахъ! теперь только я понимаю, какъ страшенъ можетъ быть соблазнъ и какъ легко мо-

жетъ быть сдѣлано преступленіе. Но лучше мнѣ болѣе не писать. Мысль о моемъ положеніи только безъ всякой пользы приводитъ меня въ бѣшенство“.

Второй отрывокъ, писанный нѣсколько дней спустя, касался того-же предмета.

„Изъ всѣхъ глупостей, доступныхъ человѣку, всего безумнѣе дѣйствовать подъ первымъ впечатлѣніемъ. Подъ его вліяніемъ я женился на несчастномъ существѣ, носящемъ теперь мое имя. Елена тогда была для меня потеряна, какъ я полагаю, на вѣкъ. Она вышла замужъ за человѣка, которому легкомысленно дала слово прежде, чѣмъ узнала меня. Онъ былъ моложе меня и, по-видимому, здоровѣе. Мнѣ казалось, что всякая надежда исчезла для меня, жизнь опостылѣла. Елена написала мнѣ прощальное письмо, въ которомъ разставалась со мною навсегда на этомъ свѣтѣ. У меня не было болѣе цѣли въ жизни, а достаточное состояніе не принуждало искать утѣшенія въ трудѣ. Рыцарское самопожертвованіе казалось мнѣ лучшей долей, остававшейся мнѣ на землѣ. Обстоятельства сложились такъ, что эта мысль осуществилась какъ-бы сама собою. Несчастливая женщина, привязавшаяся ко мнѣ (Богу извѣстно, что я не далъ ей къ этому ни малѣйшаго повода) въ то самое время, легкомысленно рискнула своей репутаціей. Одинъ я могъ заставить замолчать злые языки, клеветавшіе на нее. Съ потерей Елены счастье для меня было немислимо. Я смотрѣлъ одинаково равнодушно на всѣхъ женщинъ. Я могъ спасти ее, отчего-же было этого не сдѣлать? Подъ такимъ впечатлѣніемъ я женился на ней, также какъ я бросился-бы въ воду, если-бъ она тонула, или вступилъ-бы въ борьбу съ человѣкомъ, который оскорбилъ-бы ее на улицѣ. А теперь женщина, для которой я принесъ эту жертву, стоитъ между мною и моей Еленой. Елена теперь свободна и можетъ излить всѣ сокровища своей любви на человѣка, боготворящаго ту-землю, до которой прикасается ея нога! Дуракъ! безумецъ! Зачѣмъ я пишу все это, а не разобью себѣ голову о противоположную стѣну? Вонъ стоитъ въ углу ружье. Долго-ли приложить дуло ко рту и спустить курокъ?.. Нѣтъ, моя мать жива, а любовь матери священна. Я не имѣю права лишать себя жизни, которую она мнѣ дала. Я долженъ терпѣть и страдать. О, Елена! Елена!“

Третій отрывокъ былъ написанъ за два мѣсяца до смерти жены подсудимаго:

„Новые упреки! Ни одна женщина на свѣтѣ такъ не жалуется на все; она вѣчно живетъ въ атмосферѣ недовольства и капризовъ. Я теперь виновенъ въ томъ, что никогда не прошу ее играть на фортепиано и не замѣчаю новыхъ платьевъ, которыя она нарочно надѣваетъ, чтобы мнѣ понравиться. Я не замѣчаю ея платьевъ! Боже мой! да вся цѣль моей жизни теперь—вовсе ея не замѣчать. Развѣ я могъ-бы сохранить хладнокровіе, если-бы не избѣгалъ ея какъ можно болѣе? Да, я не дамъ себѣ воли. Я никогда не обращаюсь съ нею грубо, никогда не говорю ей рѣзкаго слова. Она имѣетъ право на приличное обращеніе съ моей стороны, какъ женщина и жена передъ лицомъ закона. Я это всегда помню, но вѣдь я человѣкъ. Чѣмъ менѣе я ее вижу безъ свидѣтелей, тѣмъ легче мнѣ сдерживать себя. Я часто удивляюсь, почему она мнѣ такъ противна. Она не хороша собою, но я видалъ женщинъ гораздо уродливѣе, ласки которыхъ я-бы вынесъ безропотно, а ея ласки мнѣ ненавистны. Я стараюсь скрыть отъ нея это чувство. Бѣдная, она меня любитъ, а я ее только сожалью. Я желалъ-бы хотя въ самой малой мѣрѣ отвѣчать ей любовью. Но нѣтъ, я могу только ее сожальтъ. Если-бы она могла довольствоваться дружескими отношеніями и не требовала-бы нѣжныхъ изліяній, то мы могли-бы жить мирно. Но ей пужна любовь! Несчастливая, она жаждетъ моей любви! О! Елена, я не могу дать ей этой любви. Мое сердце принадлежитъ тебѣ! Въ прошлую ночь мнѣ снилось, что моя несчастная жена умерла. Этотъ сонъ былъ такъ осязателенъ, что я вскочилъ съ кровати, отворилъ дверь въ ея спальню и сталъ прислушиваться. Ея тихое дыханіе ясно слышалось въ ночномъ безмолвіи. Она крѣпко спала. Я затворилъ дверь, зажегъ свѣчу и сталъ читать первую попавшуюся книгу. Образъ Елены леталъ передо мною и я никакъ не могъ сосредоточить своихъ мыслей на открытой страницѣ; но все-же было лучше бессознательно читать, чѣмъ снова заснуть и видѣть себя свободнымъ. Боже мой, какую я веду жизнь! Какую жизнь ведетъ моя жена! Если-бъ загорѣлся домъ, то я, право, не знаю, сталъ-ли-бы я спасать ее или себя“.

Четвертый отрывокъ относился къ еще позднѣйшей эпохѣ.

„Наконецъ, блеснулъ лучъ свѣта въ окружающемъ меня ира-

кѣ. Прошло первое время вдовства Елены и она возвратилась въ общество. Она посѣтила нѣсколько знакомыхъ семействъ въ нашей части Шотландіи, и такъ-какъ мы съ нею близкіе родственники, то, по общему мнѣнію, она не можетъ уѣхать изъ нашихъ окрестностей, не проведя хотъ нѣсколько дней въ моемъ домѣ. Она мнѣ написала, что это посѣщеніе необходимо для поддержанія приличія, хотя намъ обоимъ будетъ очень неловко. Благословляю отъ глубины души приличіе. Я увижу этого ангела въ моемъ чистилищѣ, и все благодаря тому, что общество въ Среднемъ Лотіанѣ нашло-бы страннымъ, если-бъ она уѣхала изъ сѣверной Шотландіи, не заѣхавъ ко мнѣ! Но мы должны быть очень осторожны. Елена пишетъ: „я пріѣзжаю къ вамъ, Юстасъ, какъ сестра и вы должны меня принять какъ братъ или вовсе не принимать. Я напишу сегодня къ вашей женѣ, прося ее назначить день моего пріѣзда. Помните, я никогда не забуду, что переступаю порогъ вашего дома только съ позволенія вашей жены“. Я согласенъ на все, только-бы увидѣть ее, мою Елену“.

Послѣдній отрывокъ состоялъ только изъ нѣсколькихъ строчекъ.

„Новое несчастье! жена занемогла отъ простуды и ревматизма, а именно теперь должна пріѣхать Елена. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ (я съ радостью это свидѣтельствую) она поступила премило. Она написала Еленѣ, что ея болѣзнь не серьезная, и просила Елену не откладывать своего пріѣзда. Это была большая жертва съ ея стороны. Она ревнуетъ меня ко всякой женщинѣ моложе сорока лѣтъ и, конечно, къ Еленѣ, но сдерживаетъ себя и довѣряетъ мнѣ. Я обязанъ доказать ей свою благодарность, и постараюсь это сдѣлать. Я впередъ буду съ нею гораздо нѣжныѣе, и сегодня утромъ поцѣловалъ ее съ чувствомъ; надѣюсь, что она не замѣтила, какого усилія мнѣ это стоило“.

Тутъ кончилось чтеніе дневника.

Самыми неприятными для меня страницами во всемъ отчетѣ были эти отрывки дневника моего мужа. Въ нихъ встрѣчались выраженія, которыя не только меня огорчили, но едва не поколебали моего довѣрія къ Юстасу. Я, кажется, отдала-бы все на свѣтѣ, чтобъ уничтожить нѣкоторыя строчки дневника. Что же касается его признанія въ пламенной любви къ м-съ Бью-

ли, то каждое слово пронзало мое сердце. Онъ шепталъ мнѣ такія-же страстныя слова во время своего ухаживанія. Я не имѣла причины сомнѣваться въ его искренней, горячей любви ко мнѣ, но вопросъ былъ въ томъ, любилъ-ли онъ прежде меня м-съ Бьюли такъ-же искренно и горячо? Она или я была первой, истинной его любовью? Онъ клялся мнѣ не разъ, что до меня никого настоящимъ образомъ не любилъ. Я тогда ему вѣрила; я вѣрила ему и теперь, но ненавидѣла м-съ Бьюли.

Что касается присяжныхъ и публики, то чтеніе писемъ и дневника, очевидно, произвело на нихъ неблагоприятное впечатлѣніе, еще болѣе усилившееся показаніемъ послѣдняго свидѣтеля со стороны обвиненія.

Вильямъ Энци, помощникъ садовника въ Гленинчѣ, показалъ подъ присягою слѣдующее:

— 20 октября, въ 11 часовъ утра, меня послали работать въ ягодные кусты той части сада, которая называлась голландской. Тамъ находилась оранжерея, стоявшая заднимъ фасомъ къ кустамъ. День былъ удивительно теплый для осени. Проходя мимо оранжереи, я услыхалъ тамъ голоса: мужской и женскій. Послѣдній голосъ мнѣ былъ незнакомъ, а первый былъ голосъ хозяина. Любопытство мое было возбуждено, и я, неслышно подкрѣпившись къ задней стѣнѣ оранжереи, сталъ прислушиваться. Хозяинъ говорилъ: „Если-бы я только предвидѣлъ, что вы будете когда-нибудь свободны, то подождать-бы этого счастливаго дня“. Женскій голосъ отвѣчалъ: — „Тихе, тихе, вы не должны такъ говорить“. Хозяинъ снова произнесъ: „Я долженъ говорить то, что думаю, а мысль о потерянномъ счастьѣ меня никогда не покидаетъ“. Потомъ, послѣ минутнаго молчанія, онъ прибавилъ: „Дайте мнѣ слово, ангель мой, что вы не выйдете замужъ ни за кого другого“. Женскій голосъ рѣзко спросилъ: — „Что вы хотите сказать?“ Хозяинъ отвѣчалъ: — „Я не желаю зла несчастному существу, составляющему для меня страшное бремя, но предположимъ...“ — „Не предполагайте ничего и пойдите домой“, сказала дама, выходя въ садъ. Тогда я увидалъ ея лицо и призналъ въ ней молодую вдову, гостившую въ домѣ. Главный садовникъ указалъ мнѣ на нее, когда она пріѣхала, для того, чтобы я не мѣшалъ ей рвать цвѣты. Къ намъ иногда въ Гленинчѣ пріѣзжали туристы и мы показывали имъ садъ, но, конечно, дѣлали различіе

между чужими и гостями хозяина. Я вполне увѣренъ, что это была м-съ Бьюли; она очень хороша собой и нельзя ее принять за другую. Она вмѣстѣ съ хозяиномъ пошла домой и я уже болѣе ничего не слыхалъ изъ ихъ разговора“.

Свидѣтель былъ передопрошенъ нѣсколько разъ относительно разговора, слышаннаго имъ въ оранжереѣ, а также и того, были тамъ м-съ Бьюли или кто-нибудь другая. Защитнику удалось сбить его на нѣкоторыхъ мелкихъ подробностяхъ, но онъ твердо стоялъ на томъ, что хорошо, почти слово въ слово, помнитъ разговоръ между его хозяиномъ и м-съ Бьюли, а также обстоятельно описалъ ея наружность, чѣмъ вполне доказалъ справедливость своего показанія.

Этимъ окончился отвѣтъ на третій вопросъ — почему онъ ее отравилъ?

Доказательства со стороны обвиненія были исчерпаны. Самые пламенные друзья подсудимаго должны были сознаться, что до тѣхъ поръ все улики были противъ него. Онъ самъ, казалось, это чувствовалъ и, выходя изъ залы по окончаніи третьяго засѣданія, былъ такъ взволнованъ и убитъ, что долженъ былъ опереться на руку зрителя тюрьмы.

(Продолженіе будетъ.)

НЕЗРИМЫЯ СЛЕЗЫ.

(Изъ Теодора Кернера.)

Со взоромъ веселымъ проснулась ты рано;—
Ни тучки на небѣ, ярка синева,
Гудящія пчелы снуютъ межъ цвѣтами,
Жемчужной рососою покрыта трава.

А ты и не знаешь, что вплоть до разсвѣта
Ненастная ночь дышала грозой
И съ хмураго, темнаго неба на землю
Катилась во мракѣ слеза за слезой..

Случается то-же и въ мирѣ съ бѣднгой:
Проплачетъ онъ горько всю ночь напролетъ,
А днемъ онъ такъ сдержанъ, что людямъ сдается,
Что этотъ счастливецъ безъ горя живетъ...

Петръ Выковъ.

П Р И В О Л Ъ Е *).

БСартинны лѣтняго промысла.

I.

Ш т и л ь.

Океанъ не шелохнется.

Ни одна волна не бороздитъ его зеркальной поверхности; только тамъ, гдѣ акула плюхнетъ хвостомъ или вынырнетъ черная масса кита, разбѣгаются по водѣ широкіе круги да долго бѣлѣетъ змѣистая бить серебряной пѣны.

Отраженіе солнца огнистою полоскою ложится на зеленоватую гладь, да и само солнце словно застоялось на безоблачномъ небѣ, обливая яркимъ, рѣжущимъ глаза блескомъ каменное великолѣпіе лапландскаго берега, зубчатою линіей вырѣзывающагося на южномъ краю океана. Морская даль къ сѣверу словно охвачена золотою дымкой и не видно въ ней, гдѣ океанъ сливается съ небомъ, не видны и полуразрушенныя отвѣсныя колонны одиновыхъ скалъ и подводныхъ гранитныхъ мелей, ясно замѣтныхъ въ другое время...

Даже въ самомъ воздухѣ словно дрожать золотыя искры.

Да и знойно-же!.. Тишина такая, что жутко становится на этомъ замершемъ просторѣ. Вѣтеръ упалъ еще вчера; за ночь улеглись волны. Даже у береговъ едва-едва бѣлѣетъ извилистая кайма пѣны, оставшаяся отъ вчерашней бури.

*) Эти очерки принадлежать къ серіи „Очерковъ сѣвера“, печатавшихся въ журналѣ „Дѣло“ въ прошломъ году.

Тамъ, гдѣ недавно буруны съ громовымъ ревомъ стремились въ береговые щели и гроты, гдѣ прибой бѣшено влокоталъ, взбрасывая свои всплески до самыхъ вершинъ гранитныхъ скалъ, — теперь недвижно зеленѣетъ море среди утесовъ и ни малѣйшая зыбь не лижетъ ихъ источенныя подножія.

Да и утесы всякимъ своимъ выступомъ, трещиной, выбоиной отразились въ зеркалѣ океана. Словно волшебное царство, рисуются внизу тѣ-же сѣрые скаты и островонеція скалы, покрытыхъ серебряными пятнами лишайника. Чайка свернетъ-ли крылья на крайнемъ выступѣ берега, замретъ-ли вѣтвисторогій олень среди полного штиля на вершинѣ утеса — смотришь, и птица, и олень опровинулись въ водѣ и недвижно рисуются въ ней. На одной скалѣ, вдоль по карнизу, сѣрая линія молчаливыхъ на этотъ разъ галокъ — онѣ и въ океанѣ съ тою-же своеобразною важностію унизываютъ темную скалу. Черную точку повиснушаго въ небѣ орла-рыболова едва различишь снизу; та-же черная точка чуть-чуть мерещится и въ недосягаемыхъ безднахъ океана.

Точно и нѣтъ океана: двѣ бездны, вверху и внизу, одинаково бездонныя, одинаково безграничныя...

На этомъ недвижномъ просторѣ затоскуешь о бурѣ. Гроза — все же воплощеніе стихійнаго движенія и жизни; штиль среди океана — это стихійная смерть.

Словно подстрѣленная птица, падаетъ мысль. Тишина давитъ душу, собственный голосъ странно звучитъ въ ухахъ и, словно оборванная, смолкаетъ на полутонѣ пѣсня промышленника. И ждешь онъ, точно благодати какой, чтобы вѣтеръ засвисталъ по морю, зашелестило въ снастяхъ у мачты, заскрипѣли канаты, зашепестрѣли флаги, грудью впередъ надулись-бы бѣлые паруса и съ легкимъ трескомъ сталь-бы двигаться руль, опредѣляя курсъ очнушагося судна. А ровный гулъ валовъ? А плескъ ихъ у самаго борта, — да развѣ это не музыка для моряка, развѣ она не слаще этого покоя и мертваго молчанія?

Много шкунъ да людей затерялось теперь вдоль берега на зашнушемъ океанѣ. Вѣтра нѣтъ — и пути нѣтъ. Жди да отстаивайся. Паруса еще мокры со вчерашняго дня; ихъ распустили на солнцѣ, чтобы обсушить. Тѣ-же суда и внизу: каждая снасть, каждая планка бортовой обшивки, каждый гвоздь рисуются въ

зеркаль океана... Даже спящая собака, свѣсившая съ борта лапы внизъ, и та отразилась до малѣйшихъ подробностей.

На верхний гротъ-мачты отдыхаетъ буревѣстникъ. Флатъ виситъ внизъ. На палубѣ, между кучами каната и боченками, спятъ матросы. Густой запахъ соленой трески стоитъ надъ ними. Солнце ярко румянитъ потрескавшіяся въ полярныхъ плаваніяхъ, суровыя и грубыя лица, обросшія русыми бородами. Свалившіеся въ одну массу волосы почти сплошь закрываютъ лобъ.

Спать промышленники непритомливо. Прямо на доскахъ, а подъ голову канать или буцакъ. Размаяло жаромъ, заштилѣло—дѣлать нечего. Какъ-же не воспользоваться такимъ моментомъ? На морѣ рѣдко отдыхать приводится. Ровный храпъ разносится надъ палубой; такой-же храпъ слышится и изъ узорчато раскрашенной каюты, откуда выставляются на палубу чьи-то громадныя ноги въ еще болѣе громадныхъ бахилахъ изъ нерпичьей кожи.

Зуекъ—тотъ не спитъ, да и ему, видно, стало жутко. Свернулся онъ на верхушкѣ канатнаго барахла и глаза закрылъ, а сонъ не приходитъ. Пѣть попробовалъ—не поется. Сталъ у лежавшаго внизу матроса въ носу щекотать, тотъ только еще пуще захрапѣлъ да на другой сонъ перевернулся. Добылъ откуда-то деревяшку и швырнулъ въ буревѣстника; мимо! А птица на мачтѣ даже и не шевельнулась.

Сталъ мальченко глядѣть въ воду; вотъ мимо плыветъ масса акалефовъ. Точно крупныя цвѣты густо разсыпались по морю... Бархатистые, алые, желтые, пестрые, сверкающіе всѣми цвѣтами радуги, то круглые, то, словно звѣзды, усѣянные искрами, замигивавшими свой блескъ у солнечнаго спектра. Медленно сжимаются и разжимаются ихъ щупальца... Порою акалефы тускнутъ, чтобы тотчасъ-же еще ярче разгорѣться ласкающимъ зрѣніе поллимеръ. И сколько ихъ тутъ! Не перечестъ—мириады! И всѣ тянутся одною стаей... Устанетъ глазъ смотрѣть—гдѣ имъ конецъ...

Надоѣло зуйкѣ любоваться ими. Залѣзъ по мачтѣ, разгорѣлся, добрался до буревѣстника и спугнулъ его.

Тяжело вскинула крыльями глупая птица, какъ-то бокомъ посмотрѣла на мальчонку, оглянула судно, палубу и грузно поднялась на воздухъ, да не на долго... Повисѣла, повисѣла въ вы-

сотъ и опустилась на ту-же мачту, и опять, закрывъ глаза, спрятала голову подъ бѣлое крыло...

Злость забирала зуйка. Дѣваться некуда было отъ смертной скуки...

Вдали, на самомъ краю горизонта, показалась черная точка; черная черточка вилась за нею, постепенно мѣняя свои очертанія. Зуюкъ заглядѣлся, на мачту влѣзъ, не отрывая глазъ отъ этого, точно муравей медленно двигавшагося предмета.

— Нашъ?.. Нѣтъ, на нашъ не походить... Эко бѣжить, ну и корабликъ!.. Коли-бы на такой да зуйкомъ—баско-бы было... Будить нашихъ, что-ль?.. Ну ихъ въ чертямъ, пушай дрыхнуть.

Пароходъ теперь уже весь былъ видѣнъ, до послѣдней мелочи, но въ кзкихъ микроскопическихъ размѣрахъ! Точно козавка ползла тамъ, то пропадая въ освѣщенныхъ полосахъ океана, то снова выходя изъ ихъ предѣловъ. Тѣмъ не менѣе на этой ничтожной щепкѣ можно было рассмотреть и мачты, и снасти, и паровую трубу, и палубу...

— Не нашъ... Наши черные, а у этого голубая кайма... Ишь, и флагъ не нашъ... Должно изъ Архангельскаго бѣжить...

Пароходъ шелъ, дѣйствительно, изъ Бѣломорскаго гирла по направленію къ берегамъ Норвегіи. Отсюда ясно было видно, какъ онъ зорко обходилъ всѣ мели и рифы... Разъ какъ-то онъ взялъ круто направо и описалъ громадный полукругъ прежде, чѣмъ попалъ на прежнее направленіе...

— Ишь, дьяволы, какъ они наше море хорошо знаютъ... Антоновы кошки обошли...

Спустя четверть часа издали даже доносился шумъ парохода, точно какое-то чудовище пыхтѣло тамъ позади, вагоня стоявшее среди безбрежнаго пространства парусное судно...

Видно было и людей. Мощная фигура на бакѣ стояла недвижимо. Должно быть вахтенный. Нѣсколько матросовъ на палубѣ возились вокругъ помпы. Зуюкъ понялъ въ чемъ дѣло и обрадовался.

— Будить нашихъ аль нѣтъ?... Ну, пушай ихъ, чертей, оболванячь. То-то смѣху будетъ!—И онъ остался на своемъ наблюдательномъ посту.

Хрипѣніе парохода дѣлалось все громче и громче; рѣзко прорѣзалъ воздухъ первый свистокъ, за нимъ другой, третій... Вонъ

ужь видѣнь и капитанъ, шѣдно-красное лицо котораго, обрамленное рыжею бородою, казалось издали огнистымъ пятномъ подъ этимъ яркимъ солнечнымъ освѣщеніемъ... За парходомъ широкими изгибами серебрился пѣнистый слѣдъ. Свистки становились все громче и громче, но команда на шкунѣ и не думала просыпаться.

Тяжело пыхтя, надвинулся парходъ, грузно проплылъ мимо, на одинъ моментъ поравнявшись со шкуной. Но и этого момента было достаточно. Матросы-англичане, по обыкновенію, потѣпаясь надъ безобиднымъ русскимъ челобѣкомъ, окатили спящихъ поморовъ сильною струею воды изъ помпы. Таеъ неожиданно и неприятно разбуженные люди вскочили, засуетились-было по палубѣ, но парходъ былъ уже далеко и только разведенное имъ волненіе колыхало утлое судно да громкій храпъ и шорохъ доносятся издали, все ослабѣвая...

— Что-жь ты не связывалъ, что аглецкій парходъ идетъ? напустился хозяинъ на зуйка.

— Я кричалъ, дяденька, да вы не слышали, плъсиво распѣвалъ съ мачты мальчишка.

— Кричалъ... Сошелъ-бы оттуда! Ишь, еретики, сколько мокрети этой напустили...

Половина экипажа, спавшая гучкой подъ тѣнью сушившагося паруса, тоже была 'окачена водою... Посуетились-посуетились, да что дѣлать! Не вернешь ихъ! Спустия нѣсколько минутъ всѣ опять спали или таеъ лежали, закрывъ глаза... Только хозяинъ опустился въ трюмъ, повозился тамъ малость и выбрался, покраснѣвъ онъ несомнѣнъ умѣреннаго приѣма норвежскаго рома...

Улеглось волненіе и опять океанъ не шелохнется. И опять только огнистое отраженіе солнца дрожить на этомъ громадномъ зеркалѣ... И опять шкуна, берега и скалы смотрятся въ воду... И опять тоскуеть зукъ по вѣтрѣ, по бурѣ...

А тихо-то какъ! Кажется, что біеніе жилъ въ вискахъ слышишь, шелестъ крыльевъ въ недосыгаемой лазури неба схватываетъ чуткое ухо... Большая рыба плеснула у борта, гдѣ-то разохшаяся снасть скрипнула... И опять тихо... знойно... недвижно...

Штиль...

II.

Вечеръ.

Полярныя ночи стали уже свѣтлы. Тотъ-же день безъ солнца, блѣсоватый и сумеречный, виситъ надъ недвижнымъ океаномъ... На востокѣ синѣетъ мгла, западъ весь еще охваченъ блѣдно-желтыми тонами... Ни одной звѣзды не мерцаетъ въ сѣроватомъ просторѣ неба.

Тотъ-же штиль. Такъ-же печально виситъ флагъ поморской шкуны; паруса, высохшіе за день, убраны.

Только тишина стала еще величавѣе. Случайные звуки рѣзко выдаются на ея однообразномъ фонѣ. Откуда-то издали, должно быть съ того сѣраго каменнаго берега, обрамлявшаго океанъ на югѣ зубчатою каймой, доносится монотонный гулъ водопада, то усиливаясь, то словно припадая къ землѣ, стихая... И только!

Эвяпажъ шкуны на ногахъ. Ходятъ по палубѣ, звѣвая. Хозяинъ выпилъ дюжину стакановъ горячаго чаю, да еще и не думаетъ оканчивать. Старикъ-кормщикъ сидитъ передъ нимъ и тоже почтительно подноситъ къ нему чашку за чашкой, всякій разъ неизмѣнно водружая остатокъ сахару на доннышко.

— Чего ты, пей...

— Много благодарны... Довольны!

— Ну-ка-ся еще... сокруши... Не вино — китайская травка, полезительная.

— Распарить...

— А то мнѣ одному скучно. Все вдвоемъ...

И опять чашка наливается „съ верхомъ“, и опять опорожняется ее старикъ, отдуваясь...

Кончили и второй самоваръ, тогда только опомнились. Позѣвивая и едва разводя оплывшіе жиромъ и заспанные глаза, вышелъ вонъ хозяинъ и давай креститься на всѣ четыре стороны.

— Эко Господь погодушку какую неспособную послалъ...

— Смерть!..

— Одурь беретъ...

— Да... И на утро лучше не будетъ, предвѣщаль судовщикъ, внимательно вглядываясь въ синевато-сѣрую даль. — Ни

тебѣ тучки, ни тебѣ мари! Надолго!.. Бываетъ, и недѣли двѣ простояшь такъ-то... То-то убытку будетъ — не оберешься! Это торговлишка наша жалкая да нудная какая... Тоже еще купцами прозываемся!

— Полно, Митричъ, Бога гнѣвить, тебѣ-ли еще жалиться! Ишь, поперегъ шире сталъ. По животу тебѣ въ первую гильдію слѣдуетъ...

— Тебѣ небойсь дѣла мои видны?

— А то нѣтъ? Первое дѣло всталъ ты утромъ — жрать; поглядѣлъ, поругалъ насъ власть и опять за ѣду. Такъ цѣлый день. Приѣдешь въ Норвегъ — продашь муку и слава тѣ Господи, съ барышомъ домой вернешься...

— Ишь ты какъ разсудилъ! Этакъ-бы я давно и на шкунѣ ходить бросилъ, а пароходъ-бы завелъ, да по морю-океану, въ голомяни самой, все-бы паромъ поныхивалъ. Какъ тебѣ барыши наши видны!.. Нѣтъ, ты считать погоди. Почему нонѣ въ Архангельскомъ мука стояла?

— Ну, рупь пудъ.

— Ладно, а я по рублю-десяти платилъ, потому наличныхъ денегъ у меня нѣтъ, нужно брать въ долгъ. Ну, а какъ ты полагаешь, почему нонѣ въ Варгаевѣ мука? На наши, на русскія деньги?

— Тебѣ лучше знать про то.

— То-то, божья душа! По девяти гривенъ. Коли-бы я на деньги продалъ муку, сколько-бы барыша получилъ? Сочти!.. Изъ своего кармана по двадцати копеекъ на пудъ прогадалъ — раззорь!..

— Точно, что...

— Нѣтъ, ты постой, погоди, любезный другъ. Давай считать по чистой совѣсти. На деньги продать муку нельзя, нужно ее на рыбу мѣнять, такъ? За пудъ муки дадутъ мнѣ два пуда солевой трески, да самъ-же я ее пересолить еще долженъ. Двоесолка во что влетитъ? Ну-ка, умный ты паренекъ, во что?.. На каждый пудъ по десяти копеекъ...

— Ну, ужъ и по десяти...

— А отекъ?..

— Ладно и по пяти считать!

— Давай по пяти. За пудъ рыбы дадутъ мнѣ въ Архан-

гельскомъ на ярманкѣ по семи гривенъ. За муку отдалъ я рупь десять, соль на два пуда десять, и всего барыша—двадцать копеекъ; а изъ этихъ двадцати копеекъ долженъ я отдать тебѣ за работу, да за фрахтъ, да судно попортится... Ну-ка, посчитай въ хозяйскомъ карманѣ! Это не то, что накрутилъ поболѣ артелей на Мурманъ, да и послалъ ихъ. Сколько онѣ ни изловятъ, четверть имъ, остальное мое!..

— Что говорить, совсѣмъ судовое дѣло не ладно понѣ! махнулъ рукою кормщикъ.—Ту-же тяготу несутъ и хозяева. Подъ одну стать!

Засмотрѣлись за бортъ и замолчали.

Плеснула сайда—всѣ заглядѣлись, не будетъ-ли еще... Нѣтъ, должно быть, одиночка рыба, не стаей идетъ... Вдали послышался точно глубокой, тягучій вздохъ...

— Бить!..

— Онъ самый.

И снова ночь глядитъ имъ въ лицо своими бѣлесоватыми глазами, и снова тишина кругомъ, такъ-что жутко и грустно становится на этомъ мертвомъ просторѣ...

— Гляди-ка на берегъ...

— Ну?

— Ишь, огонекъ мигаетъ?

Въ сѣрыхъ скалахъ берега, дѣйствительно, тускло мигала какая-то свѣтлая точка. То померкнетъ совсѣмъ и нѣтъ ея, то разгорится, точно пламя свѣчи, недвижно вытянувшееся вверхъ на безвѣтріи...

— Лопь, должно, костры развела.

— А что, оживился хозяинъ,—если мы живымъ манеромъ рыбки наловимъ да къ нимъ на берегъ, къ костру, свѣжей ушцы похлебать?..

Команда встрепенулась.

— Ладное ты дѣло, Митричъ, задумалъ, ладное!

Мигомъ была спущена со шкуны лодка. Хозяинъ сѣлъ въ кормѣ, рабочіе съ лесами и удами кое-какъ размѣстились въ ней. Судно было оставлено безъ призору. Штиль долгій—чего бояться! Чужое судно въ такое безвѣтріе не найдетъ, а пароходъ его не задѣнетъ.

Отчалили. Среди мертвой тишины какъ-то особенно громко шле-

пали весла о воду, какъ-то особенно дробно рассыпались подъ ихъ ударами мириады брызгъ и далеко бѣжалъ за лодкою пѣнистый слѣдъ. Будетъ челнокъ возвращаться назадъ, и тотъ-же слѣдъ застанетъ тутъ. Вода уляжется, за то длинною змѣей останется на ней пѣна...

Звукъ суетился больше всѣхъ. Радъ былъ, что поставили на суднѣ сторожемъ. Рабочіе отводили на греблѣ скуку томительнаго штиля. Высоко вздымались груди, вволю дыша теплымъ воздухомъ іюльской полярной ночи. Зубчатый берегъ росъ все выше и выше. Скалы за скалами выдѣлялись на немъ; хребты уходящихъ внутрь кражей выдѣлялись изъ общей однообразной массы; можно уже было различить и темныя впадины бухтъ, и сѣрые выступы горбообразныхъ, то словно расплющенныхъ, то далеко въ море выдававшихся мысовъ...

Шумъ водопада становился слышнѣе и слышнѣе... Съ судна величіе тишины подавляло этотъ грохотъ; теперь величіе низвергавшейся массы водъ наполняло тишину и дѣлало не такъ ощутительнымъ ея мертвящее вліяніе на душу. Чувствовалось движеніе; какая-нибудь, хотя и механическая жизнь разрушала очарованіе этой недвижной пустыни.

На половинѣ разстоянія между берегомъ и судномъ гребцы подняли вверхъ и сложили весла. Еще нѣсколько минутъ челнокъ рѣзалъ влагу, покорный разъ данному толчеу, и скоро остановился среди покойнаго океана, колыхаясь только тогда, когда люди наваливались на одинъ бортъ или неугомонный звукъ перебирался съ кормы на носъ, съ носа на корму за наживкою для снасти...

Скоро уды были сброшены въ воду... Гребцы смолкли...

Западъ мало-по-малу гасъ. Поблекла даже и та желтоватая полоса, что оставалась тамъ еще отъ яркаго пламени заката... Синь ушедшихъ въ сумеречную даль окраинъ океана придавала ему еще большую безконечность. Днемъ горизонтъ ясно отдѣлялся отъ воды. Громаднымъ кругомъ лежала рѣзкая черта этой границы; теперь глазъ, казалось, охватывалъ эту безпредѣльность, не зная, гдѣ тамъ кончается океанъ, гдѣ начинается небо...

Лодку сильно качнуло. Одинъ изъ удившихъ осторожно вытягивалъ толстую лесу. Тамъ, въ глубинѣ, что-то тянуло ее назадъ, что-то билось, замѣтно извиваясь во всѣ стороны.

Всѣ насторожились.

Лесу дергало по-прежнему, только съ каждымъ мигомъ она становилась короче и короче, завиваемая на руку уженьщика. Вотъ суетня въ водѣ стала еще опутительнѣе, вотъ всколыхнулась ея поверхность и окрасилась алою кровью...

— Царь-рыба!

На большомъ крюкѣ снасти бился громадный и жирный палтусъ. Отлившая свинцовымъ блескомъ чешуя его ерзала то вправо, то влево, пока кормщикъ не пристукалъ рыбину крестиломъ по лбу... На воду хлынуло еще немного крови изъ-подъ жабрь и краснымъ пятномъ осталось на океанѣ...

— Не довольно-ли?

— Ну, еще чего...

Юрко завозилась другая леса. Не внизъ ее тянуло, а далеко въ стороны. Вытанули—и съ быстротою, утомлявшею глазъ, забилась у борта большая морская щука.

На днѣ лежало уже нѣсколько камбалъ. Морской окунь вздрагивалъ послѣдними судорогами; полудобитая щука медленно „зѣвала“, раскрывая и сжимая пасть; недвижною массою покоились два жирные палтуса... Вокругъ лодки, и справа, и слѣва, алѣли на океанѣ пятна крови.

— Пора!.. Будеть.

Бойко пошла лодка къ берегу.

Передовая скала его уже вся обрисовалась съ черточками снѣга, лежавшаго въ ея впадинахъ, куда не проникали солнечные лучи, съ массами морскихъ птицъ по ея выступамъ... Слонины, черные отвасы смотрѣли мрачно и непривѣтливо.

А позади, въ щели между двумя скатами голыхъ, сѣрыхъ варакъ, ярко выдѣлялся уже костеръ у заводи, куда направлялась лодка; водопадъ въ сторонѣ бѣлою полосой падалъ съ отвѣснаго берега внизъ съ шипѣниемъ и грохотомъ, дробясь за нѣсколько сажень надъ океаномъ въ тысячи мелкихъ струй и въ пѣлыя облака пѣны... Одинъ зубецъ черной скалы словно башня высился изъ самой середины этого влоочущаго хаоса, на одинъ мигъ раздѣляя его бѣшеную массу. А на самой верхушкѣ башни спокойно спали себѣ, не заботясь о грохотѣ и гнѣвѣ водопада, стаи чайекъ, повидимому, устроившія здѣсь свой наблюдательный пунктъ...

Вонь чернѣй крестъ въписывался въ вышинѣ надъ одною варакой... Направо и налѣво изъ неподвижной воды выдѣлились каменныя мели... Нѣсколько черныхъ коргъ едва поднимали надъ нею свои горбатыя спины... Между двумя пологими мысами сѣрѣетъ полукругъ бухты; на яркомъ фонѣ костра выдѣляется какая-то сидящая фигура, а въ сторонѣ чернѣетъ одиноко жилие лопаря; тихо шурша, врѣзывается лодка въ береговой песокъ и щебень, встрѣчаемая радостнымъ тивканьемъ шершавой собаченки...

III.

На берегу.

Грохотъ водопада становится все громче. Поморы, идя по берегу, не слышали собственныхъ словъ, пока не зашли за крутую вараку. Ноги ихъ поминутно скользили въ грудяхъ мелкаго камня, выстилавшихъ ущелье между двумя высокими горами. Наконецъ, повернувъ въ расщелину, похожую больше на узкій коридоръ, они увидѣли впереди костеръ среди небольшой площадки, поросшей рѣдкою и мочалистою травою.

На яркомъ фонѣ пламени выдѣлялась сгорбленная фигура, почти черная... Подошли ближе — оказалась лопарка. Она и не слышала ихъ шаговъ.

Грубое, жесткое тѣло плохо было прикрыто обрывками рубахи. Голое плечо старухи угломъ выдавалось изъ прорѣхи. Да и вся лопарка была страшно худа и костлява. Передъ огнемъ она какъ-то ежилась, словно ей было холодно среди этой теплой июльской ночи. Протянувъ въ самому костру сухія руки, она повскакивалась справа налѣво, впередъ и назадъ. Точно колдунья, совершающая обычныя заклинанія, она напѣвала про себя что-то, но такимъ надтреснутымъ, болѣзненнымъ, хотя и рѣзкимъ голосомъ, что поморамъ вчужѣ стало страшно. Мотивъ этой пѣсни похожъ былъ на переливаніе воды въ ручьѣ. Монотонный, тоскливый, онъ порою переходилъ въ какой-то своеобразный вой и, смолкая, казался стономъ, точно вымученнымъ жгучею болью изъ живой человѣческой груди.

Больше никого не было кругомъ... Одинокъ черпѣвшая въ стонѣ вѣжа казалась пустою.

— Дѣло неладно, братцы, остановился хозяинъ.

— А что, Иванъ Митричъ?

— Вишь, она какая... Поди ворожкой какой занимается!

— И поеть-то, точно хоронитъ кого.

— У нихъ, у лопинокъ у этихъ, особливо у старухъ, колдовства не мало... Одного, сказываютъ, помора такъ зачаровали, что у того голова лицомъ къ спинѣ повернулась. Такъ до смерти и проходилъ, затылкомъ впередъ.

— Ну, врешь.

— Чего вру? Тетка Аксинья сама видала.

— Ну, и твоя тетка Аксинья тоже хороша, знаемая чертовка.

— Она только и умѣетъ, что хворость напускать, да и то на роженицъ. Какая-же она чертовка?

— А скота тоже, поди, не мало перепортила?

— Этого ей не дано. Этого она не можетъ.

— По всей деревнѣ, какъ у кого роды, сейчасъ къ теткѣ Аксиньѣ съ поклономъ посылаютъ, кто что, по силѣ возможности. Кто платъ алый, кто двугривенный, а кто и трески одну тешку.

— А постой, я попытаюсь, что за старуха. Можетъ и такъ, не ворожила.

И старикъ-поморъ вышелъ впередъ.

— Нашъ Степа, не гляди, что сѣръ, на всякое дѣло ладонъ.

Семидесяти-лѣтній Степа сталъ крестить лапландку. Та, не оглядываясь, продолжала свое дѣло.

— Ну-ка ее еще!

— Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!.. Яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнуть бѣсы...

— Ну, что?

— Такъ баба, съ придурью, должно быть. Какая ни на есть вѣдьма, а ужъ ежели отъ креста не дрогаетъ, такъ отъ этихъ словъ ее отшибетъ... Вѣрное дѣло... А она, вишь, свое все „май-тай-ай-дай!“ воетъ... Будь ты не ладна!

— Дянька, а дянька! присталь зукъ. — Дай я ее спужаю?
— Ну, тебя!.. Иди прочь!

Зукъ угомонился-было, да не выдержалъ. Улуча минуту, стремглавъ кинулся впередъ на площадку и съ визгомъ разлетѣлся на старуху. Та было-опрокинулась лицомъ впередъ и замерла, но только на одно мгновенье. Моментально выхвативъ изъ костра толстѣй, горящій суекъ, она бросилась на мальчонку. Тотъ-было въ сторону—затылокъ обожгло, въ другую—головня прямо въ бокъ попала. Поспѣли остальные на выручку—пуще одурѣла старуха. Съ горящимъ отъ быстрыхъ размаховъ деревомъ въ рукахъ она металась изъ стороны въ сторону и дико выла, поводя на всѣхъ тусклыми, широко-раскрившимися глазами. Волосы сбились на лобъ, худые члены, свозившіе въ прорѣхи изодраннаго платья, судорожно корчились... Наконецъ, одному удалось схватить ее сзади, да вырвалась и того еще пуще засуетилась надъ костромъ. У хозяина опалила бороду, у другого обожгла лицо. Зукъ дрожалъ въ сторонѣ, не зная, куда ему дѣваться.

— Въ огонь-бы тебя, что надѣлалъ! За что спужалъ ее, ишь она порченная... Эко сѣмя злое!

Сукъ кое-какъ вырвали... Старуха присѣла на корточки и зарыдала, въ кровь царапая себѣ лицо и такъ-же, какъ и прежде, покачиваясь изъ стороны въ сторону. Пробовали-было ублажать ее покрученники, да и не рады стали. Только подойдуть ближе — привстанеть и кинется. Старому кормщику такъ въ горло вцѣпилась—едва оторвали... Наконецъ, оставили въ покоѣ. Отошли въ сторону.

Воетъ старуха, да и только... Чѣмъ дальше, тѣмъ громче вой этотъ; такъ и звенить въ ушахъ.

Заглянули промышленники въ вѣжу—пусто все. Даже иконы нѣтъ, ни котла, ни чайника. Витертая оленья шкура влягается въ углу—и только. Около вѣжи навалено сучьевъ разныхъ да хворосту. Должно быть, издали тащили. Вблизи на палтухахъ развѣшенъ небольшой, старый неводъ.

— Должно быть, у нея сыпъ есть. Не одна.

— Ишь, и неводъ-то мокрый, недавно въ дѣлѣ былъ.

Подошли къ костру; старуха ни съ мѣста, только еще пуще завывала. Швырнули ей камбалу—она и не взглянула. Подали хлѣба—такъ вцѣпилась въ него когтями, что и не сто-

рвать. И рыдать перестала. Только изрѣдка слышутся отрывочныя всхлипыванія, смѣняясь довольнымъ, почти животнымъ ворчаніемъ.

Заговорили съ ней—поводить глазами и ни слова. И взглядъ какой-то безмысленный. Ни на чемъ пристально не остановится, перебѣгаетъ съ одного на другое... Добла хлѣбъ, протянула руку—еще просить.

— Дай, дай...

— Ъшь, божья душа, чего ты! На на здоровье.

Засмѣялась даже. Налили ей водки—звизала жидко и стала поминутно скалить зубы, поглаживая шершавой и костлявой рукою сидѣвшаго рядомъ корщикъ.

Хлѣбъ на нее скоро подѣйствовалъ. Глаза прищурились, лицо приняло какое-то блаженное выраженіе. Скоро и пѣсню запѣла. Дребезжащій голосъ какъ-то странно раздавался въ ушахъ у поморовъ послѣ недавняго воя. Пѣла она, поминутно повторяя одни и тѣ-же слова и раскачиваясь по сторонамъ. Безколебно она пѣла свою пѣсню про какого-то старика, безильнаго оленя, умирающаго въ одиночествѣ, про молодыхъ оленковъ его, оставшихся посреди волчьаго стада. Пѣла она о томъ, какъ волки всѣхъ этихъ оленей одного за другимъ зарѣзали въ темномъ догу, только и осталась жива, что одна самка, и тяжело ей безъ отца, безъ матери, безъ братьевъ мыкать свою горькую долю...

Иногда въ дикомъ и однообразномъ мотивѣ слышались пѣжныя, удачныя нотки, трогавшія душу.

Нѣкоторые промышленники, понимавшіе лопарскій языкъ, покачивали въ тактъ головою.

— Экое жятъе твое горемычное! умилился корщикъ. — Лучше-бъ тебѣ помереть...

Безмысленно взглянула на него старуха и разомъ перешла на веселый мотивъ свадебной пѣсни.

— Эко блажная!

Ботловъ не было. Поморы пригорюзились. Не бросать-же гражданыхъ палтусовъ прямо въ огонь! Хотѣли-было уже рыбу поменьше жарить по-лопски. Звукъ нагругалъ длинныхъ палочекъ. Оставалось только насадить ее на нихъ и врыть однимъ концомъ этотъ импровизированный вертелъ въ землю противъ огня. По мѣрѣ того, какъ обжаривается одна сторона, рыба поворачивается дру-

гою. Старухи-лапландки такимъ способомъ превосходно готовятъ сигаговъ, хариусовъ, кумжъ. Рыба печется въ собственномъ соку своемъ и такъ, что ни одна капля ея жиру не пропадаетъ даромъ.

Уже одинъ поморъ выпотрошилъ щуку, когда издали послышался хриплый и рѣзкій крикъ. Повторился еще разъ. Старуха встрепенулась.

Еще одинъ громкій вопль замеръ въ ночной прохладѣ.

— Куда ты, стой! остановили-было старуху, да куда!

Вывалась разомъ и кинулась впередъ, прямо къ скаламъ. Трудно было и ожидать отъ нея такой быстроты; то на четверенькахъ взбирается она на горбины каменныхъ массъ, Богъ знаетъ какъ ужъ цѣпляясь за нихъ, то смѣло и увѣренно переступаетъ по отвѣснымъ гребнямъ, не обходя ихъ. Вотъ она уже темнымъ пятномъ лѣпится по скалѣ, и не различишь ея тамъ, точно и не человѣкъ совсѣмъ!

Послышался еще крикъ; старуха отозвалась на него съ вершины почти отвѣснаго утеса такимъ-же хриплымъ воплемъ.

— Погоди, братцы, жарить, должно быть, гдѣ-нибудь кочевье лопское близко.

И хозяинъ сталъ оглядывать окрестности.

Далеко въ сторонѣ, за вѣсколькими утесами, словно обрушенная башня вздымавшимся надъ хребтами и горбинами каменнаго, изрытаго щелями и трещинами берега, вился дымокъ. Тонкую струю его едва можно было отличить въ этой смутной, сѣрой дали. Вонъ еще вьется полоска... Еще...

— Стойте. Да вѣдь тутъ Харловка-рѣка. Должно, на ней лопари и промышляютъ. Ишь сколько жильевъ... Верста, больше не будетъ отсюда.

— И то правда.

— Чего такого? за день наспались, пойдемъ...

Захватили рыбу съ собой и пошли на кочевье.

IV.

У семужьяго забора.

Горы все выше и круче. Чѣмъ дальше внутрь Лапландіи, тѣмъ недоступнѣе эти вараки, заросшія версты за шестьдесятъ отъ бе-

рега мелкимъ, да за те густымъ лѣсомъ. Тотъ-же лѣсъ выстилаетъ ущелье, онъ-же захватилъ берега и острова лапландскихъ рѣкъ и только ихъ широкіе плесы дышатъ свѣжимъ привольемъ дѣвственной пустыни.

Тутъ, въ безлюдной глуши, и начинается рѣка Харловка. Да и то начало-ли? Вытекаетъ она изъ озера, а оно протокомъ соединено съ другимъ, другое съ третьимъ и такъ по всему Кольскому полуострову. Вытекаетъ отсюда Харловка прихотливыми изгибами вокругъ крутыхъ горъ, отражая въ прозрачной водѣ своей ихъ сѣроватые откосы, зеленныя, щетинистыя стѣны еловыхъ лѣсовъ, между которыми только изрѣдка, словно шлозливый ребенокъ, вбѣжавшій въ толпу суровыхъ взрослыхъ людей, улыбается нѣжною зеленью стройная березка. Изумруднымъ блескомъ свѣтится въ ней солнце, одинокая порхалица у корней ея выкрикиваетъ свою однообразную пѣсенку и любитъ отдыхать подъ нею царь этой безлюдной пустыни, мелкорослый, но вѣрнѣй и смѣльчій медвѣдь.

Вотъ лѣсъ становится мельче и мельче—и вовсе пропадаетъ. А Харловка такъ-же весело и быстро бѣжитъ, образуя то влокочущій бѣлоу пѣною порогъ, то водопадъ. По берегамъ ея зеленеетъ густая, хотя и мелкая трава; съ легкимъ налетомъ отѣнкомъ бѣлѣютъ олени пажити—мягкія ягеловныя площадки. А тамъ уже и травы не видно и въ водахъ рѣки отражаются однѣ шиферныя скалы да серебристыя пятна лишайника, узорчатыми надписями испещрившія красноватая глыбы дикаго гранита.

Чѣмъ ближе къ устью, тѣмъ рѣченка быстрѣе и шумливѣй, тѣмъ чаще пороги. Въ одномъ мѣстѣ всю Харловку перегородило обломками громадныхъ утесовъ, и съ бѣшенымъ, хищнымъ ревомъ разбиваются о нихъ вспѣнившіяся отъ безсильной злобы волны. Въ немногія свѣжины вода стремится съ головокружительной быстротою. Въ другихъ мѣстахъ берега суживаются и волны катятся тутъ такою хаотической массой, что какъ внимательно ни смотри на нихъ, а не отличишь ничего, кромѣ бѣлой, взмыленной поверхности да высоко вверхъ взмегивающахся всплесковъ грозно ревушей стихій. Плесы тутъ уже рѣдки.

У одного изъ такихъ пороговъ, за версту отъ берега, вершина изорванной трещинами скалы образываетъ небольшую площадку.

Когда промышленники подшли къ ней и пріостановились на противоселѣнствѣ скатѣ, они поневолѣ залюбовались на красоту этого дикаго пейзажа.

— Эко краса какая!

— Чего краса, камень одинъ да вода!

— Твореніе Божіе!.. Ишь оно какъ... Истинно глушь заподвѣдала...

Прямо передъ ними Харловка между двумя высокими утесами сбывалась внизъ отвѣсною стремниной безумно гремѣвшаго водопада. Внизу мощная масса воды разбѣгалась тремя вспѣнными потоками, раздѣленными двумя громадными горбами гранитной породы. Въ сумеречномъ свѣтѣ полярной ночи фантастическія неровности камней окрестностей казались причудливою рамкой этому безудержно сбывавшемуся чудовищу. На площадкѣ скалы у водопада, о которой мы уже упомянули, сверкали два костра да въ дѣрѣй и оковъ нѣсколькихъ тупъ широко лился свѣтъ отъ огня, разложеннаго въ печакѣ.

— Хрещеные! Эй, вы! заорали промышленники.

Все населеніе лѣтняго лопарскаго кочевья высыпало имъ на встрѣчу. Каждый лопарь считалъ своею обязанностью подойти и псжачь руки всѣмъ пморамъ. Нѣкоторые даже цѣловались. Но всѣ наперерывъ приглашали гостей въ свою тупу.

— Нѣтъ, намъ на прохладѣ уху только сварить, нѣтъ-ли большого котла?

— А вонъ у Сеньки больше всѣхъ.

Приземистый и колченогій номадъ живо вытащилъ изъ тупы червю, цѣлыми слоями сажы покрытую посудину. И скоро надъ огнемъ одного изъ костровъ уже закипала уха. Промышленники перговаривались съ лопарями, обступившими ихъ всѣмъ кочевьемъ. Тутъ-же была уже знакомая пморамъ старуха.

— Чтой-то она у васъ, порченая?

— Блажная...

— Съ чего такого?

— Втора!.. Ну, и сблаговалась... Богатая прежде была. Семьсотъ оленевъ однихъ въ стадѣ считала. На двѣ тупы жила... Мужъ былъ, дѣти большія. Теперь никого—одна осталась.

Старуха прислушивалась, точно о чужой говорили, а не о ней.

— Да, мужъ у нея богатый былъ и жили хорошо, не ссорились. По нашимъ мѣстамъ нѣтъ этого, чтобы въ семьѣ раздоры были, а только эти между нами согласіемъ своимъ да житьемъ любовнымъ отличались... Годка три тому назадъ пристигло ихъ горе. Пол-стада за лѣто на варакахъ пропало разомъ, такой падежъ былъ! И многіе изъ лопарей разорились тогда. Кто привыкъ всю жизнь свою стадомъ жить, долженъ былъ промысломъ заняться; кто оленями да ровдугами торговалъ, въ батраки пошелъ въ Кавдалакшу или Колу. Такая втора пристигла... У меня вотъ тридцать пять оленей было—ни одного не осталось... Не успѣла старушка эта съ семьей оправиться отъ одного горя, другое пришло. Подъ весну мужъ ея да трое сыновей взрослыхъ пошли перьпу бить. Самъ знаешь торосовой промыселъ нашъ. На льдахъ звѣря пронасть. Не сочтешь его, ну и время это самое стрѣльное, способное. Снаряжаются и лопаря на эту охотку ноябрь, кто съ ружьемъ, а кто съ палкой, и бьютъ перьпу да бѣльковъ. Въ иной годъ много барыша соберешь, бывало десятка по три рублей на брата; а когда льды къ Банину Носу отнесетъ, ну тогда бѣда, съ пустыми руками домой вернешься...

— А и бить-то звѣря дѣло сподручное, вмѣшался другой.— Тутъ тебѣ всего вволю. Выйдешь это на льды, точно какъ у васъ, у русскихъ, поется—во чисто поле. Ледъ гладкій да бѣлымъ снѣгомъ присыпанный. Нѣкоторые изъ нашихъ еще и бѣлыя кулчанки одѣваютъ, чтобы, значить, отъ снѣгу не отличало. Другіе такъ просто въ ровдужьихъ юпахъ идутъ. По дорогѣ ваши русскія пѣсни поемъ или свои играемъ. Снѣху сколько! До берега райдами ѣдемъ, крику, шуму тутъ! Другой изъ нашихъ всѣ свои заряды по дорогѣ перестрѣляетъ съ большой радости; у того ружье замѣсто палки бываетъ тогда. Придешь на тороса—издали звѣря видно: лежитъ, что кожа, на внешнемъ солнышкѣ отлеживается. То-есть, гдѣ легла перьпа, бѣлаго мѣста не найдешь, все ею покрыто... И точно камень—не шелохнется.

— Тутъ-то мы и крадемся! внезапно оживился маленький, тщедушный лопарь, смѣшно встряхивая лохмотья своей юпы.— Тутъ-то мы и крадемся одинъ за другимъ, идемъ не дышемъ, а то къ землѣ припадемъ и полземъ... По снѣгу шуршимъ только. Потому звѣря хоша и непуганная, а только сторожкая. Чуть тебя почувтъ по вѣтру—шарахнулся одинъ въ воду, за нимъ всѣ.

Ни одного не останется и иди съ пустыми руками домой. И крадемся мы, милый человекъ, все между краемъ льда да тѣмъ мѣстомъ, гдѣ кожа легла. Дорогу ей къ водѣ перехватываемъ. Случается, что ежели способно, вся артель на двѣ дѣлится. Одна забереть вправо, другая влѣво—окружаемъ стадо, значитъ. Одна крадется съ этой, а другая съ той стороны. И только, братцы вы мои, сомнемся, тутъ настоящему дѣлу и началъ полагаемъ. Подымемся да съ крикомъ на юровье. И пойдетъ тогда битва несосвѣтлая. Только и слышно, какъ палки по звѣринымъ головамъ стучають, а кто и изъ ружья палитъ. Некогда, впрочемъ, и палитъ-то: иной разъ, бываетъ, обернешь ружье да привладами по лбамъ и глушишь нерьпу. Коли нерьпа молодая—она отъ краю то льда, гдѣ мы стоимъ, дальше еще ползеть. Одна черезъ другую, точно какая гора катится. Только на подъемъ эта звѣря тяжела. На морѣ за ней не угонишься, а тутъ она отъ тебя и на пять шаговъ не уйдетъ... Ежели теперь звѣря старая, то не глядишь, что ты у края. Черезъ тебя поровить въ воду. Ну, тутъ не столько удачи! Потому убилъ ты переднихъ, убилъ и еще, а другія бултыхъ да бултыхъ въ воду, только пѣна по морю ширится да брызгами тебя обдаеть всего. Бываетъ такъ, что какъ распалится нерьпа да двинется на насъ стѣной, до воды дорываясь, такъ не токмо сама уйдетъ, а и другихъ уведетъ за собой, да и народу не мало въ воду свалить. Тогда знай только на ледъ барахтайся, а то потонешь, какъ пса какая! И шумимъ-же мы въ эту пору, въ торосовый промыселъ, значитъ.

— Какъ не шумѣть! Безъ шуму нельзя.

— Себя ободраемъ.

— Оно, знаешь, не то, чтобы страшно было, нѣтъ...

— А такъ; бѣлекъ теперича, коли бить его начнешь, и не бѣжить, младенецъ онъ еще несмышленный: расплющить лапы, голову подыметъ еверху и плачетъ.

— Точно человекъ плачетъ, какъ ребята вотъ.

— И слезы идутъ.

— Ну, вотъ жалостно станеть, пожалуй и кротило бросишь. Такъ для этого большой шумъ и производимъ, распалаемъ себя. Такъ въ ину пору разгорись съ этого самаго крику, что съ бѣлькомъ и покончишь, а все его палкой кротишь. Ужь онъ и не

двинется, а все ты его бьешь! Потому злость въ тебѣ эта самая разыграется.

— Разъ это въ Лумбовкѣ случилось. Пошли тоже лопари звѣря кротить, распалились, перекротили бѣльковъ, да сдержать себя не могли—много тогда народу пропало!

— А то и нерпа тоже опытная бываетъ. Она тебя сторожитъ. Ты только крадешься въ ней—вотъ ужъ близко; вдругъ—бултыхъ, бултыхъ, и ни одной!.. Только море закипитъ. Такъ это обидно бываетъ. Другой, на промысль снаряжаясь, послѣднее убьетъ, что есть. То купить, другое нужно; ни съ чѣмъ домой не слѣдъ ворочаться.

— Ну, а послѣ промысла?

— Послѣ такое пированье идетъ! Сейчасъ тутъ-же на торосахъ звѣря смѣжевать надо. Шкуры съ него деремъ, сало вынимаемъ. А туши, какія получше, ѣдимъ, а какія отъ большого звѣря, тѣ тутъ-же на льду и оставляемъ. За нами волеи—сейчасъ ихъ подберутъ. А если и останется, со льдами въ море унесетъ, въ голомя...

— Тотъ разъ я подъ весну на шкунѣ шелъ. Только льдами затерло насъ у Юканскихъ острововъ. На одной льдинѣ и увидѣлъ я до пропасти этого дерма. Точно пятна красныя. Неужели-же вы бѣльковъ жрете?

— А то что?

— Да ворванью вѣдь, поди, несеть?

— Пахнетъ оно, точно. А только привычное дѣло. У насъ когда голодно, такъ мы и нерпичій жиръ, что вы вотъ въ свѣтильняхъ жжете, ѣдимъ да похваливаетъ: „слава тебѣ Господи, не даль-де околѣть!“ И домой бѣльковыхъ тушъ навеземъ, женамъ да дѣтямъ. Вы-бы швырнули вонъ, а у насъ за праздниекъ считается. Зимой-то и подъ весну у насъ голодно... люто!.. Собаки, что съ нами на промысль идутъ, такъ-ли отъѣдаются—страсть! Разопреть ихъ. На тороса бѣгомъ бѣгутъ, а съ торосовъ идутъ да шатаются, едва ноги волочуть; и сонныя-же становятся такія!.. Истинно благодать промысла эти. Акула—и та у льда ждетъ; бросимъ и ей тушу, другую. Тоже вѣдь промышленникъ, и ему жрать, поди, надо.

Зимой лопари иногда точно такъ-же крупнаго морского звѣря промышляютъ. Только рѣдки такіе. Смѣльчаки берутъ съ собой

порохъ, ружья и отправляются на берега суроваго океана, въ царство льдовъ и безпросвѣтной ночи. Для промысла выбирается время, когда особенно ярко играютъ на небѣ сполохи. Иначе и не разсмотрѣть, гдѣ кончается льдина и гдѣ подъ тонкимъ настомъ глухо ворчатъ холодныя волны полярнаго океана.

Тутъ промыселъ гораздо опаснѣе.

На льдахъ лежатъ уже не безсильный бѣлекъ и не тяжелая на подъемъ нерьпа, а иногда зубастый и мощный моржъ, котораго надо стрѣлять издали. Крупные тюлени, какъ сунутся къ водѣ, такъ никакая сила ихъ не остановитъ, и человѣку не спастись: съ собою увлекутъ прямо въ пасти акулъ, сторожащихъ добычу въ глубинахъ арктическаго моря... Лопари-промышленники залегаютъ за выступами ледяныхъ обломковъ и оттуда, подиѣтивъ темное пятно тюленя посреди ледяной пустыни, озаряемой голубоватымъ блескомъ сѣвернаго сіянія, цѣляютъ въ это пятно. Нѣкоторые ловкіе промышленники умѣютъ даже и при такомъ колеблющемся, перебѣгающемъ блескѣ попадать звѣрю прямо въ голову.

Промыселъ этотъ труденъ и опасенъ. Сполохъ то разгорается, то гаснетъ разомъ, оставляя на небѣ только разсѣяныя тусклыя пятна да въ его зенитѣ мерцающую синимъ пламенемъ корону. Пустыня тогда уходитъ изъ глазъ. Кругомъ ни зги не видно!.. Нужно ловить моментъ, когда все небо вновь охватитъ огонь и на снѣговой глади выступятъ черныя точки, не то эти точки опять уйдутъ въ мракъ и когда ихъ еще дождешься!

Терскіе лопари цѣною такого промысла добываютъ нѣсколько десятковъ рублей—и только!

На большее, впрочемъ, они и не рассчитываютъ. Заплатить-бы только подати да прокормиться до весны, когда начнутся рыбныя ловли, и то хорошо.

— Ну, а какже про старуху-то? напомнилъ поморъ лопаря.

— Эко! мы съ промысломъ своимъ про нее-то и забыли. Она отъ промысла сиротой и осталась. На первый день старшій сынъ ея пропалъ. При мнѣ и дѣло это было. Близко къ краю льдины подошелъ и оступился. Думала выберется; только видишь, что-то забарахтался въ водѣ... Нырнулъ и крикнулъ. Такъ дикий олень подъ ножомъ у насъ кричить. А потомъ кровь на

водѣ выступила. Няги ужь думали за нимъ, какъ опять сначала показалась голова его, а потомъ за бею и акуля спина прынула. Больше мы его и не видѣли. Только какъ хлестнуло послѣ волной на ледъ, такъ точно кровью все обдало. Такъ при отцѣ все это и случилось. Всю ночь старикъ тосковалъ да молитвы читалъ Николѣ угоднику.

— А на другое утро артель наша раздѣлилась. Семья-то эта, отецъ съ двумя сыновьями, на другіе тороса пошла. Не въ силу ему, вѣшь, было на тѣ-же льды идти, гдѣ старшой сынъ пропалъ. А тутъ горній вѣтеръ поднялся и еще хуже дѣло вышло. Тороса оторвало отъ берега и унесло... куда? Господь вѣдаетъ!

— И несло-то мимо насъ. Кротимъ мы звѣра на своихъ торосахъ, вдругъ Мешка Логиневъ какъ крикнетъ. Мы къ нему. Глядимъ, такъ саженьхъ въ сорока несетъ большую льдину, а на ней наши. Молодцы-то по краямъ льдины бѣгають, точно дороги куда ищутъ, да руками машутъ, да намъ кричатъ что-то. И шапки съ нихъ свалились, волосы-то вѣтеръ во всѣ стороны раскидываетъ. А старикъ посрединѣ тороса сидитъ—и никуда. Точно закаменѣлъ весь. Только поравнявшись съ нами, поклонился, словно прещаться задумалъ. Близко мы его тогда увидѣли. Лицо точно сѣрое стало и будто не его оно, а чужое. Одинъ изъ сыновей на нашихъ глазахъ въ воду бинудся, доплыть къ намъ думалъ. Да юпы снать не догадался. Обмокла она, должно быть, и ввязъ его потянула. Долго стояли мы тогда, глядя на нихъ. Кричали они все тише да тише. Льдина совсѣмъ маленькая стала. Немного прошло—и пропала она тамъ, далеко, въ голомъ океанѣ, а мы все, шапки снявши, вслѣдъ ей смотримъ.

— Другіе съ промысла съ радостью вернулись—добычи принесли. А ей-то, старушкѣ, горе какое лютое! И шибко-же она мучилась. Легче-бы ей помереть самой. И пошло съ той поры. Пол-стада волки зарѣзали. А потомъ ее Господь посѣтилъ, стала она не въ своемъ умѣ. И остальное пропало. Олень за оленемъ разбѣжались и одичали! Нонѣ мы ее кормимъ. Только она не живетъ съ людьми. Поодаль отъ насъ. Мы ей и вѣжу тамъ ставимъ... Пробовали родные въ свою туну брать ее—уйдетъ и глазъ не кажетъ, и бросили. Теперь цѣлымъ погостомъ помочь ей оказываемъ. Любить на бережку стоять да на море глядѣть...

— Это, братъ, не спроста.

— Что не спроста?

— А унесло ихъ. Ты говоришь, вѣтеръ, такъ-ли? А по-мо-ему это духъ дѣйствуетъ.

— Какой еще духъ-то? вступился поморъ.

— Такъ у насъ старики говорятъ, что тамъ далеко-далеко, откуда льды несетъ къ намъ—(и онъ махнулъ рукою къ полюсу)— живеть сѣдой духъ посреди льдовъ. И столько тамъ торосовъ этихъ, что больше всей земли ихъ! И горы изо льда, и пахты изъ него-же. Былъ онъ прежде лопиномъ, колдуномъ; ну, за великую мудрость свою духомъ сталъ и далъ ему Богъ всю ту окраину. Много у него оленей, ошеуевъ не мало. Всякаго богатства счету нѣтъ. А только какъ любить лопарей онъ, такъ любопытно знать ему, что дѣлается у насъ. Ледъ-то этотъ, что къ намъ прибываетъ зимою, весь отъ него. Ну, онъ и беретъ къ себѣ каждый годъ кого-нибудь изъ нашихъ такъ-то... Обо всемъ разспросить, что по всей лопской землѣ за время это случилось, а потомъ: живи, говорить, что тебѣ олени, вотъ тебѣ богатство всякое. И много тамъ, связываютъ старики наши, лопиновъ ногѣ. Не мрутъ они вишь, а все живутъ! И далеко-же это, ни судну туда, ни пароходу не доплыть. По ночамъ они тамъ костры зажигаютъ, отъ этого не мало и сполоха, большіе костры!

— Для костра-то лѣсу надо.

— А плавникъ зачѣмъ? Со всѣхъ рѣкъ земныхъ несетъ къ нимъ этотъ плавникъ и до скончанія міра такъ будетъ... У нихъ тамъ изъ этого плавника и тупы понастроены, большія тупы, просторныя, а вмѣсто стеколъ—ледъ да слюда тонкая.

Плавникомъ называется лѣсъ, вынесенный громадными рѣками сѣвера и прибываемый къ берегамъ континента и всѣхъ острововъ Шпицбергена, Новой Земли, материка Франца-Иосифа и другихъ. Вся восточная сторона Новой Земли загромождена этими древесными стволами, вынесенными Печорой и Обью. Ихъ находятъ даже у сѣверныхъ окопечностей этого полярнаго острова. Преданіе, только-что рассказанное здѣсь, я слышалъ отъ терскихъ лопарей, которые такимъ именно образомъ объясняютъ ежегодно повторяющіеся случаи гибели промышленниковъ, уносимыхъ на торосахъ въ открытый океанъ.

— Эко эта старушка бѣдная!—И разжалобившійся поморъ еще поднесъ ей водки.

А уха уже закипала и скоро поморы принялись за мирную трапезу.

Востокъ уже охватило желтоватыми тонами... Вершины скалъ и болѣе крупныхъ варакъ обдало алымъ румянцемъ близкой зари...

Туманъ, лежавшій всю ночь недвижно на днѣ ущелій, за клубился, точно поверхность его стала испаряться вверхъ.

— Не дастъ-ли Господь попутника... Ступай-ка, Андрюшко, попытай вѣтра.

Зукъ проворно взобрался на вершину ближайшей скалы и замеръ тамъ.

Вѣтру не было, тотъ-же штиль, куда ни повернись.

Только вездѣ ввизу клубится туманъ да ярче и ярче разгораются вершины шиферныхъ утесовъ... Вотъ рѣвущимъ глаза блескомъ свергнула поверхность слюдяной скалы всеми цвѣтами солнечнаго спектра... А на востокѣ, на самой окраинѣ океана, точно лезвее ножа, прорѣзалась золотая черточка... Золотистыя нити раскинулись по небу... Алою, рдѣющей каймой охватило застоявшееся въ высотѣ облачко... И словно таетъ оно, стгорая надъ этой свѣжей пустыней.

А вѣтру нѣтъ—ни съ сѣвера, ни съ востока...

Штиль!

V.

На свмужьемъ ловъ.

— Долго, поди, такая погода простоятъ?

— Да, послалъ Господь. На бережку-то и для промысла чудесно, а намъ-то, мореходамъ, куда какъ плохо... Ежели на недѣлю задержать—раззоръ одинъ.

— Къ вечеру вѣтерокъ должонъ быть, заявилъ старикъ-лопарь, зорко приглядывавшійся на востокъ.—Ишь, какъ оно вѣнецъ-то раскидало! указалъ онъ на солнечные лучи. — А тамъ, по сторонамъ, гляди, точно марь какая вздымается. Такъ чуточку.

— Ну?

— Значить, и быть вамъ попутничку къ ночи. Безпрежнно ждать надо. Съ восходу задуетъ... Только держись.

— Ладно-бы. Сейчасъ, благословясь, паруса—и въ путь-дорожку... Вѣрно-ли только слово твое?

— Чего вѣришь! Мое слово вѣрно. Сами мы, бывало, на тройничкахъ хаживали. И не на промысль, а и дальше. Это только ноябрь лопари не въ чести. Было время, мы и въ Норвегъ сами дойти умѣли, и на Матку досягали... Отець-то не разъ промышлялъ такъ. Только теперь мы такими стали... Никуда!.. Сидимъ да изъ-подъ чужихъ рукъ смотримъ. Вотъ семгу на поморскихъ купцовъ вашихъ ловимъ, да и ловы-то плохи ноябрь. Съ эдакими ловами только-бы не помереть съ голоду.

— Семгу-то далеко-ль ловите?..

— А вотъ пойдемъ, покажу.

Лопарь повелъ судорабочихъ на варавку, откуда видѣть былъ водопадъ, казавшійся отсюда громадною массою бѣлой пѣны, изъ которой только въ немногихъ мѣстахъ выступали черныя пятна фантастически-очерченныхъ утесовъ. Внизу потокъ разливался по небольшой ложбинѣ, крутя съ необычайною быстротою и силою крутыя волны, то сталкивавшіяся однѣ съ другими, то всплывавшія кверху бѣлые гребни... Въ шумѣ водопада слышалось порою рыданіе гагары и прозигельный крикъ рѣчной чайки... Нѣсколько далѣе отъ водопада потокъ, огывая крутой уступъ гранитной скалы, бѣжалъ по легкому склону, перегороженному частыми порогами... Тутъ-то и извивалась отъ одного порога къ другому линия семужьяго забора...

Все было устроено крайне просто. Сѣть изъ жердей, сплетавшихся только вверху, оставляла достаточныя промежутки для протока воды, но ни одна сравнительно крупная рыба не могла пройти ни сверху внизъ, ни снизу вверхъ. Въ заборѣ были оставлены только три достаточно широкія для этого отверстія. Семга, подымаясь вверхъ по рѣкѣ и наталкиваясь на заборъ, идетъ вдоль него, пока не попадетъ въ одинъ изъ этихъ проходовъ. Съ усиленіемъ протолкавшись въ него, она обазывается въ вершѣ—большомъ плетеномъ изъ виць ящикѣ, сквозь стѣнки котораго тоже бѣжитъ вода.

Сверху видно было, какъ иногда подъ особенно сильнымъ напоромъ воды вздрагивалъ и колыхался заборъ. Болѣе зоркій

глазъ могъ-бы замѣтить въ небольшихъ плесахъ и отмельныхъ мѣстахъ крупныхъ семгъ, пробирающихся вверхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ особенно часто были нагромождены камни по склону теченія, семга пускалась на особенный маневръ. Остановившись передъ первымъ камнемъ и собравшись съ силами, она перепрыгивала черезъ него, серебряной черточкой сверкнувъ въ воздухѣ. За камнемъ обыкновенно спокойное мѣстечко. Тамъ рыба отдыхаетъ минуту или двѣ — и новый прыжокъ... Такимъ образомъ проходитъ она вверхъ по крутымъ склонамъ, гдѣ струи рѣки несутся съ головокружительной быстротой.

Часто на такіе камни садится лопарь съ небольшою острогой въ рукахъ, выжидая рыбу. Только покажется семга, острога моментально и ловко подхватываетъ ее подъ жабры, и не успѣетъ еще вода окраситься кровью, какъ рыба бьется уже подъ вриломъ рыболова.

— Что это у васъ, верши пошли оглядывать? спросилъ поморъ, замѣтивъ лопарей, спускавшихся внизъ, къ потоку.

— Да, пора; у насъ какъ солнышко взойдетъ, такъ и на промыселъ.

Лопари сѣли вдвоемъ въ небольшой челнокъ. Даже и веселъ не взяли съ собой. Не успѣли они попасть въ теченіе около забора, какъ ихъ закружило. Нужно выбирать особенно крѣпкое дерево для такихъ лодочекъ, иначе ихъ разобьетъ о камень. Челнокъ то несло, то кормою било о камни. Пѣна рѣчныхъ волнъ перебрасывалась черезъ него, покрывая иногда своею бѣлою, взмыленною массою и головы рыбаковъ. Одинъ изъ нихъ, упирался длиннымъ шестомъ въ каменистое дно, едва успѣвалъ направлять движеніе челнока. Наконецъ, добрались внизъ до забора. Тутъ оба, хватаясь руками за жерди, заставляли двигаться лодченку вдоль его до первой верши. Лодку то бросало въ заборъ, то ставило къ нему перпендикулярно. Раза два рыбаки падали внизъ при неожиданныхъ движеніяхъ ея. Какъ-то одинъ сильно схватился за жерди, а лодку унесло изъ-подъ ногъ у него и онъ оказался повиснувшимъ на заборѣ. Другой остановилъ челнокъ и дождался, пока тотъ, вися надъ вспѣнными волнами, не добрался до него.

Наконецъ, лодка у верши. Лопарь черезъ верхнее отверстіе

влѣзъ въ нее. Въ рукахъ у него было кротило — дубинка съ утолщеніемъ въ концѣ. Въ вершѣ билось пять или шесть рыбъ. Каждую нужно было не только поймать, но и удержать въ рукахъ. Семга билась, выскользала изъ рукъ. Особенно крупныя даже отбрасывали рыболова ударами хвоста въ другой уголь верши. Вздрагивая подъ кротиломъ, безшумно стукавшимъ ее по головѣ, рыба мало-по-малу „чумѣла, опалѣвала“ и бессильно вытягивалась; тогда лопарь перебрасывалъ ее въ челнокъ... Особенно затрудненъ былъ ловъ тѣмъ, что лопарь оставался по грудь въ водѣ. Ноги его скользили по дну верши, руки едва удерживали добычу. Иногда ему приходилось просто припирать собственнымъ тѣломъ рыбу къ стѣнкѣ и такимъ уже образомъ справляться съ нею... Да и то не всегда удачно; выскользнетъ—и опять ловя ее за скользкую чешую. Даже сверху видно было, какъ съ появленіемъ челоуѣка въ вершѣ начинали суетиться какія-то серебрястыя, длинныя чертанія...

Каждая рыба въ эту пору оказывалась съ икрою. Нѣкоторыя были очень крупны и сильны. Когда лодка, опорожнивъ третью вершу, приблизилась къ берегу, въ ней оказалось пятнадцать рыбъ, между которыми, впрочемъ, были не столь цѣнныя, желтоватыя, пестрыя кумжи. Уловъ далъ пять пудовъ рыбъ. Столько-же заберутъ лопари и вечеромъ. Такимъ образомъ въ одинъ день, по мѣстнымъ цѣнамъ, они добудутъ семги на 30 р., а весь заборъ и вся рѣка отдана ими кулаку-поноянину за полтора рубля въ лѣто, при чемъ они должны еще сами работать на заборѣ и содержать, и строить его! Понятно, почему бѣднѣютъ инородцы. А иначе нельзя. Дѣло въ томъ, что кулаки скупать лапландскія уголья въ короткому являются передъ срокомъ уплаты податей, когда въ лопарскихъ погостахъ уже побывали передвижныя кабаки и ромоторговцы. Денегъ нѣтъ, а со дня на день надо ждать сборщика податей. Не заплатить нельзя—лопарь какъ огня боится всякаго рода власти; даже разсылнаго, случайно пробѣжающаго мимо, онъ чувствуетъ какъ чиповника. Ну, и сходить семужья рѣка за безцѣнокъ. Что дѣлать!.. „Гдѣ наше не пропадало“, утѣшаются они русской пословицей, поставляя русскому купцу сотни пудовъ ими-же добытой, да не имъ принадлежащей семги.

И замѣчательна честность лопарей при этомъ. Цѣлое лѣто поноянитъ и не заглядеть къ нимъ, а они не съѣдятъ сами и не

продадутъ на сторону ни одного пуда семги. Питаются семужьей икрой, крупной и невкусной, кумжей и хлѣбомъ—только. И соблазну не поддаются!.. А скупщики было-являлись къ нимъ даже съ такимъ искушеніемъ, какъ вода, да и тѣ ни съ чѣмъ отъѣхали...

Семгу лопари вообще добываютъ и въ рѣкахъ, и въ озерахъ, и въ морѣ. Даже и русскіе отдають свои рѣвки не выгодноѣ, чѣмъ лопари. Все при томъ-же безденежѣ или при зимнихъ голодовкахъ. Получаемое за кортому вознагражденіе выдается не на руки владѣльцамъ рѣвки, а вносится полностью въ мѣстныя волостныя правленія, которыя уже обращаютъ его или на уплату податей волостью, или на мірскіе нужды и сборы. На-сколько выгодна аренда для населенія, видно изъ того, что въ понойской волости вылавливается 3,500 п. семги, на 14,000 р., а сумма аренды равняется 650 р. Въ умбской волости аренда 2,387 р., а семги ловится 5,000 пуд. или на 25,000 р.; въ кузонемской аренда 13,879 руб., а уловъ 11,000 пуд., на 50,000 р.; въ ковдской аренда 2,387 р., а улову на 20,000 р.; въ керетской аренда 146 р., а улову 8,750 р. Если-бы еще при этомъ издержки эксплуатаціи были велики—куда ни шло! А то выстроить самый лучший семужій заборъ стоитъ 60 р., много-много—70, да содержать при немъ работника—50 р. Если дѣлить уловъ по числу крестьянъ-владѣльцевъ, то въ Поноѣ на каждого пришлось-бы 120 р., а аренды приходится только по 5 р. 50 к.; въ умбской волости улова по 200, а аренды только по 17 р. Понятно, что у лопарей условія аренды тяжелѣе даже поморскихъ. Имъ на душу не приходится и по 4 рубля.

Поморскій семужій промыселъ организуется такъ: въ половинѣ іюня, когда пройдетъ большая вешняя вода, ставятъ поперекъ рѣвки нѣсколько возель. На нихъ въ видѣ помоста настилають сляги такъ, чтобы ширина помоста [была аршина въ полтора. Сверху, для прочности, еще накладываютъ камни. Къ этому помосту приставляются колья въ наклонномъ противъ теченія положеніи. Верхній конецъ колевь упирается въ сляги, а нижній въ дно рѣвки. Промежутки между кольями забирають тарьями, т. е. щитами изъ тонкихъ паралельныхъ драгокъ, скрѣпленныхъ вицею. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ забора устраиваются тайники пяти-

угольной формы, вѣчто въ родѣ морды или верши. Сюда семга можетъ войти, но выйти отсюда ей препятствуютъ концы жердей, спирающихъ отверстіе внутри. Изъ тайниковъ семгу достаютъ сакомъ. Заборъ остается въ дѣйстви, пока его не сломаютъ осеннимъ льдомъ и не унесетъ въ море. Каждую весну строятъ новый заборъ. Ловятъ семгу еще и тонями въ окрестныхъ заливахъ и губахъ, куда она заходитъ стадами, постоянно держась одного и того-же берега и отыскивая входа въ рѣку. Не найдя его, семга переходитъ въ другую бухту, въ третью, пока не доберется до устья. Къ тому берегу, вдоль котораго рыба выходитъ изъ залива, ставятъ сѣть, загибая одинъ конецъ ея къ вершинѣ залива; въ серединѣ сѣти устраивается матица, какъ въ неводахъ. По ея движенію узнаютъ о присутствіи рыбы и, сверхъ того, осматриваютъ неводъ во время отлива. Такой способъ лова неудобенъ, отчасти потому, что семга выѣдается въ тоняхъ массами копчаковъ (ракообразные, скиллы и креветы), копошащихся въ бѣломорскихъ губахъ. Ими семга, въ свою очередь, питается на волѣ. Въ одномъ Поноѣ до 32 тоней; въ тетринской волости ихъ 140; въ кузюемской — 134; въ умбской—70 и въ ковдской—7. Ловъ семги повѣздами начинается съ 1 сентября. Двѣ маленькихъ лодки выплываютъ бокъ-о-бокъ на середину рѣки или губы, выбрасываютъ неводъ и расходятся на всю длину сѣти, затѣмъ опять сходятся и вытаскиваютъ сѣть. Ловля семги гарвами производится уже иначе. Гарва—сѣть шириною въ двѣ и длиною въ шесть сажень, безъ матицы, съ крупными ячеями. Сѣть эту прикрѣпляютъ однимъ узкимъ бокомъ къ колу, вбитому въ серединѣ рѣки, а другой пускаютъ свободно по теченію. Семга запутывается въ ячеяхъ сѣти; отсюда ее вынимаютъ во время отлива. Вмѣстѣ съ семгой попадаютъ сига, камбала, кумжа, хариусы, щуки...

— Хорошъ у васъ промыселъ? Не продадите-ли рыбки?

— Нельзя, хозяйская.

— Да кто узнаетъ?

— А Никола угодникъ на что? Онъ, братъ, все видитъ, отъ него не уйдешь.

Менѣе релігіозные поморы только засмѣялись.

Семгу внесли на вараку, посолили ее густо и сложили въ амбаръ.

— Хозяина надо ждать завтра, довольно у насъ насолено для него. На цѣлую лодью будетъ грузу...

Солнце стояло уже довольно высоко... Знойно стало. Лопари сбросили ровдужьи юпы и оказались въ русскихъ рубахахъ, только съ прямымъ воротомъ. Нѣкоторые надѣли вязаные небольшіе колпачки.

Двѣ дѣвушки, бывшія въ этомъ становищѣ съ братьями, пошли купаться.

Нисколько не стѣсняясь, онѣ раздѣлись передъ другими и весело кинулись въ быструю излучину.

Полудикія дѣвушки вовсе и не думали о томъ зрѣлищѣ, какое доставили онѣ цѣломудреннымъ поморамъ. Тѣ только ухмылялись въ бороду, не смѣя разиѣняться при лопаряхъ остро-тами, давно уже вертѣвшимися у нихъ на языкѣ...

— Тутъ у насъ купаться ладно. А то есть у насъ, вонъ въ той тупѣ, лопинъ одинъ—Степанъ, такъ въ падунѣ (водопадѣ) купается.

— Ври больше—дешевле стоитъ гуртомъ! засмѣялись поморы, глядя сверху на громадную массу воды, падавшую съ грознымъ ревомъ почти отвѣсно.

— Чего врать! Мы не времъ.

— Мы, добрый человекъ, поди и врать-то не умѣемъ...

— Тутъ струя такая отдѣльно есть, не мимо пахтъ идетъ, а свободна. Ну, такъ Степанъ въ нее и кидается, и ничего, цѣлымъ выходитъ. Разъ это онъ съ камня сорвался и упалъ туда—вышелъ живымъ; съ той поры и пошелъ онъ дивить насъ!

— А ну-ко-ся поди, позови-ка его, Степана.—И судохозяинъ вытащилъ водку изъ кармана.

Изъ самой тѣсной и маленькой тупы, словно амбаръ чернѣвшей гнилыми бревнами за выступомъ сѣраго гранита, вышелъ, позѣвывая и крестясь, маленькій сѣдой лопарь, смѣшно ковыляя на кривыхъ ногахъ, забравшихъ какъ-то стороной. Длинные руки точно безсильно висѣли внизъ, болтались на ходу.

— Ты Степанъ?

— Я... Чего тебѣ?

— Ты, сказываютъ, того... въ падунѣ купаться можешь?

— Мы можемъ.—И лопарь покосился на водку.

— Ну, валяй.

— А какая твоя цѣна будетъ?

Лопарь оказался уже вкусившимъ плодовъ цивилизаціи.

— Цѣна твоя какая?

Поморъ изумился. Онъ никакъ не ожидалъ этого.

— Вотъ водки дамъ.

— Стану я для твоей водки. Водка сама-собою слѣдуетъ. А ты мнѣ два двугривенныхъ пожертвуй.

— На вотъ тебѣ двадцать копеекъ и валий.

Поморъ нацѣдилъ ему стаканъ водки. Лопарь выпилъ, крякнулъ и отправился къ обрыву. За нимъ слѣдовали остальные. Раздѣлся онъ уже внизу, только поясъ на немъ остался отъ Соловецкихъ угодниковъ.

Цѣпляясь, какъ паукъ, по скаламъ, обрываясь со скользящихъ выступовъ внизъ, Степанъ, наконецъ, остановился на карнизѣ, который сажень за двадцать до угла паденія водопада начинался на громадномъ скатѣ гранитной вараки и шелъ на высотѣ пяти сажень надъ рѣкою параллельно съ ея теченіемъ. Въ началѣ широкій, потомъ онъ суживался, такъ что и ноги тамъ некуда было поставить. Лопарь осторожно передвигался по этой скользкой тропинкѣ, пока не дошелъ до узкаго мѣста. Медленно спустилъ онъ внизъ ноги и корпусъ и повисъ на рукахъ. Еще медленнѣе подвигался онъ по карнизу, вѣрнѣй разъ принятому направленію, но уже на рукахъ. Нужна была неимоверная цѣпкость кисти для того, чтобы совершать этотъ опасный путь. Иногда лопарь повисалъ на одной рукѣ, отдыхая; потомъ онъ то-же повторялъ съ другою. Такъ онъ пролѣзился сажень пятнадцать. Тутъ карнизъ становился шире, и Степанъ опять влѣзъ на него.

Слѣзъ отдыхать... Что-то крякнулъ поморамъ — тѣмъ и не слышно въ ревѣ и грохотѣ водопада.

Передъ его могучей массой этотъ человѣкъ, задумавшій помѣриться съ разсвирѣпѣвшей стихіей, казался жалкимъ муравьемъ. Страшно становилось. Даже у промышленниковъ захолонуло сердце! А глаза оторвать отъ этого человѣка нѣтъ силы... Гибель казалась неизбежною...

Всталъ Степанъ и подошелъ къ краю. Ступилъ еще нѣсколько шаговъ въ сторону и остановился за сажень отъ угла паденія.

Теперь онъ уже и не оглядывается на нихъ.

Промышленникамъ видно, какъ онъ весь точно насунился, сосредоточиваясь въ одномъ взглядѣ въ эту клокочущую бездну.

Поперегъ лба легла у него замѣтная морщина. Лицо разомъ поблѣднѣло. Выше подымается грудь, точно онъ воздуху побольше захватить хочетъ... Качнулся разъ... другой...

Набѣжала болѣе сильная струя и что-то черное скользнуло въ нее сверху, крикнули и замерли всѣ. Что-то черкнуло по рѣкѣ, на мгновеніе мелькнуло въ углѣ паденія — и опять только одна пѣнистая масса водопада реветъ и грохочетъ, повертываясь и бучась въ каменныхъ объятіяхъ варака, справа и слѣва подступившихъ къ рѣкѣ.

Зорко смотрять промышленники—и нигдѣ не видятъ его...

— Пропалъ! шепчетъ поблѣднѣвшими, судорожно сведенными губами поморъ.

Вонъ въ массѣ пѣны, почти у самаго забора, что-то шевельнулось. Новая волна унесла пѣну—на ней примерещилось что-то черное. Какое-то безформенное пятно выступило еще разъ, но уже дальше... Опредѣлилась голова, взмахнули руки—и опять цѣлая масса брызгъ и пѣны... Голова ближе къ берегу... Видно, какъ человекъ барахтается тамъ... Опять залило волною... И спустя минуту онъ уже выходилъ на мелководье пошатываясь и стискивая руками голову.

Посреди тихой на этомъ мѣстѣ воды сѣлъ на камень и весь поникъ. Точно трудно ему было держаться прямо. И тѣло какое-то багровое стало... Какъ ни далеко, а видна на спинѣ громадная ссадина... Должно быть, не рассчиталъ да немного о камень потерся... Разминаетъ ноги... Оглядывается.

Машутъ ему шапками—крестится...

И опять идетъ къ берегу томъ-же смѣшной, ковыляющей походкой, забирая стороною кривыми ногами...

— Ну, и богатырь! удивляются промышленники.

Ползетъ наверхъ... Всползъ—еле дышетъ...

— На еще воды!

Налили водки—жадно припалъ къ ней, выпилъ. И еще налили... Сталь пить—и оживляться началъ. Румянецъ проступилъ на лицѣ, что-то вродѣ самодовольной улыбки появилось на губахъ.

— Какъ это ты дѣлаешь?..

Показываетъ на уши.

— Не слышу.

— Теперь съ нимъ и говорить нечего, объясняютъ лопари.— На цѣлый день у него уши отбило. Поди и завтра еще слышать не будетъ.

— Деньги! прохрипѣлъ онъ, дыша какъ-то болѣзненно-глубоко и потирая руками грудь.

Дали ему четвертакъ, поклонился и пошелъ въ свою туну.

Свалился на ровдуги и заснулъ какъ мертвый...

— Ну, и богатырь! повторяли про себя поморы.

— Экое дѣло за двугривенный обломаль!..

V.

По вѣтру.

Заря уже гасла на западѣ, когда поморы добрались до своей шкуны, такъ-же неподвижно чернѣвшей посреди воднаго простора.

— Лопинъ зря-то про вѣтеръ говорилъ. Ишь, не шелохнется!

— Извѣстно, зря, что онъ понимаетъ!

— Заштилѣло!..

И всѣ завалились спать. Хозяинъ въ свою каютку, остальные— кто куда. Забрались даже въ трюмъ, гдѣ были свалены мѣшки съ мукою и доски.

Ночь подступила не слышно.

Такъ-же безпомощно висѣли флаги на мачтахъ, когда облачко, словно застывшее до сихъ поръ въ небѣ, стало удлиняться, медленно мѣняя свои очертанія. Скоро отъ него оставалась только тонкая бѣлая полоска, а немного спустя и она пропала и неоглядная синь стала еще пустыниѣе и мертвѣе...

А вѣтру все нѣтъ, какъ нѣтъ.

На востокѣ выдвинулась и тихо стала расплзаться синяя марь. Вотъ ужъ и зубцы ея можно рассмотреть на блѣдномъ фонѣ полярной ночи... Вотъ отъ общей массы тумана отдѣлилось небольшое перистое облако и раскинулось тамъ, заполняя все выше и выше...

А флаги недвижны и въ снастяхъ шкуны не слышно свиста попутнаго вѣтра...

Весь запад сѣрветъ въ тучахъ... Новья и новья громады выползаютъ изъ-за моря... Зеркальная поверхность океана дрогнула... Нѣсколько морщинокъ зарябило ее... И вся она подернулась ими... Но пока еще такъ тихо и дремотно...

Едва замѣтно колыхнулся флагъ... Еще и еще... Вотъ онъ выпрямился по вѣтру и плещетъ концомъ своимъ параллельно съ палубой словно дрогнувшаго судна. Оно еще и не колыхнется, но уже не неподвижно. Въ немъ чувствуется какое-то движеніе, но только чувствуется, а не видится.

Флагъ зашелестѣлъ слышнѣе... Въ снастяхъ послышался какой-то шорохъ, точно въ листь молодой осины въ безвѣтренный день... И опять все тихо...

И опять упалъ флагъ. Только рябь все больше и больше бороздитъ океанъ.

Вотъ издали точно свертывается волна... И не волна еще, а такъ пухнетъ море... ближе и ближе...

Корма приподнялась. Опустилась внизъ и, тихо вздымаясь, шелохнулся носъ судна... Что-то скрипнуло...

Разомъ рванулся флагъ, снасти дрогнули и сильный порывъ вѣтра засвисталъ въ нихъ... „Съ Богомъ!“

Сладко спитса хозяину. Видится архангельская пристань. Народу валомъ-валить, и все къ его судну. Привезъ онъ изъ Норвегіи видимо-невидимо соленой трески и сельди. У него одного и есть товаръ. Что не спросить—то и платать ему, а онъ ходитъ по палубѣ да величается... Что ему за дѣло до того, что на Двинѣ буря и шкуну его качаетъ въ виду города. Вонъ плывутъ плоты. „Гляди!“ кричитъ онъ имъ съ кормы, какъ вдругъ...

Съ разлету его ударило головою въ стѣну. Вскочилъ — качаетъ...

Выбѣжалъ на палубу.

— Слава те Господи! Эй, братцы, вѣтру Богъ послалъ!..

По океану, круто горбясь, ходятъ волны... Кое-гдѣ уже змѣнятся бѣлая пѣна... Судно качаетъ сильно; вѣтеръ свищетъ въ снастяхъ. Такелажъ скрипитъ... Трещитъ гротъ-мачта... Флагъ такъ и завивается вокругъ нея...

— Эй, ребятушки!..

Подошелъ къ борту, а тутъ какъ нарочно вѣтеръ сорвалъ пѣну съ хребта крупной волны да прямо въ лицо ему...

Только засмѣялся поморъ и пошелъ будить спящихъ.

Спустия вѣсколько минутъ шеуна бѣжала на западъ подъ всѣми парусами...

Гонится за ней стадо быстрой и юркой сайды, да не догонитъ. Тучка бѣжитъ вслѣдъ—она одна только и подвигается въ уровень съ судномъ...

И рѣжетъ оно волны, и слышится хрипая да громкая команда хозяина.

Въ цѣлой паутинѣ такелажа копошится вверху звукъ, что-то распутывая... А по сторонамъ давно уже не видно берега...

„Св. Николай“—въ открытомъ океанѣ.

— Впередъ, братцы!.. Впередъ!..

В. И. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе будетъ.)

О Р Е Л Ъ.

(Изъ К. Рюгге.)

Угрюмо дремлетъ лѣсъ дремучій,
Въ долинахъ мракъ ночной царить
И только на скалистой кручѣ
Одинъ орелъ уже не спитъ.

Еще мнута—и могучій,
Расправивъ крылья, онъ взлетитъ
Туда, на выси горъ, за тучи,
Гдѣ лучъ зари уже горитъ.

Такъ изъ кромѣшной тьмы паденья,
Въ годину бурь, въ годину бѣдъ,
Почуявъ близость возрожденья,
Завидѣвъ издали разсвѣтъ,
На встрѣчу жизни и движенью
Несется истинный поэтъ

А. Михайловъ.

РАЗВИТІЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ XVI—XIX ВѢКА.

I.

На бесплодныхъ нивахъ средневѣковой эпохи взошли первые ростки новѣйшей европейской цивилизаціи, которая считаетъ себѣ отъ роду 400 лѣтъ. Въ исторіи человѣчества 400 лѣтъ не болѣе, какъ капля въ морѣ, а между тѣмъ посмотрите, какъ много, какъ очень много эта цивилизація сдѣлала, сравнительно съ своими предшественницами—древними цивилизаціями. Первобытныя культуры Египта, Индіи, Китая существовали по нѣскольку тысячелѣтій и, никогда не достигая того уровня, на какомъ стоитъ теперь европейско-американскій міръ, останавливались въ своемъ развитіи, начинали идти назадъ, разлагаться, но и разложеніе шло и идетъ такъ-же медленно, какъ ихъ предшествующее развитіе; въ послѣднее время это разложеніе ускоряется только, вліяніемъ Европы и Америки. Наука и философія Греціи господствовали надъ умами людей около 1,000 лѣтъ, пока, не истощивъ своихъ творческихъ силъ, не слились съ теологическими доктринами въ александрійской школѣ. Потребовалась другая тысяча лѣтъ, чтобы дать имъ снова самостоятельное существованіе, и этотъ періодъ эмансипаціи европейской мысли продолжался съ паденія греческихъ школъ въ VI в. до Бэкона и Декарта въ XVI. Это была эпоха школьнаго воспитанія европейской мысли, схоластической дрессировки ея по тѣмъ обрывкамъ учебниковъ, какіе сохранились отъ павшаго классическаго міра и были отыскиваемы подъ горами его развалинъ. Средневѣковой человѣкъ былъ юношей, изсушавшимъ свой мозгъ „наукою бесплодною“, былъ воспитанникомъ старика, уже умершаго, но продолжавшаго свою воспитательную дѣятельность посредствомъ остав-

ленныхъ имъ пергаментовъ. Средневѣковой умъ имѣлъ свои идеалы не впереди, а назадъ, и только тогда, когда онъ постигъ всю премудрость, завѣщанную ему древними культурами, онъ почувствовалъ, что окончательно выросъ, достигъ самостоятельности, что пора покончить съ мертвецами и обратиться къ источнику жизни, къ живой природѣ. Каково-же было наслѣдство, полученное этимъ юношей отъ умершаго тысячелѣтняго старика? Наслѣдство было довольно разнообразное. Тутъ было не мало и положительныхъ знаній или, говоря точнѣе, попытокъ къ положительному знанію, но все онѣ облакались такими пустыми формами, перепутывались съ такими измышлениями отвлеченной мысли, что новому европейскому уму понадобилось много времени и усилій, чтобы разобрать это хаотическое наслѣдство, разсортировать его и сдѣлать полезное употребленіе изъ того, что было въ немъ дѣйствительно цѣннаго и полезнаго. Іонійская школа греческой науки или философіи была школою физиковъ, которые, однакожь, не имѣли понятія о геометріи. Платонъ и Пифагоръ были настоящіе геометры и вся ихъ философія основывалась на чисто-геометрическихъ выводахъ. Аристотель—представитель древней энциклопедіи знаній, наиболѣе сильный въ описательной естественной исторіи, наиболѣе слабый въ математикѣ и физикѣ. Послѣ этихъ великихъ піонеровъ греческой мысли философія начала отдѣляться отъ науки и, наконецъ, погрузилась въ неестественный міръ призраковъ и фантазмагорическихъ построеній. Послѣднія имѣли большое вліяніе на средневѣковую мысль, и она, по всей вѣроятности, гораздо дольше, чѣмъ это было въ дѣйствительности, не эмансипировалась-бы отъ нихъ, если-бы вмѣстѣ съ ними не получила болѣе цѣнную вещь въ своемъ наслѣдствѣ. Средніе вѣка начали свою умственную дѣятельность тѣмъ-же, чѣмъ кончилось въ лицѣ Аристотеля прогрессивное развитіе греческой мысли,—научной энциклопедіей. Въ этой энциклопедіи была и философія, но она входила въ нее только какъ одна изъ составныхъ частей и фигурировала въ ней въ видѣ того, что было наиболѣе точнаго и научнаго въ греческой философіи, — въ видѣ логики. Все, что ни сдѣлала полезнаго схоластическая философія среднихъ вѣковъ, равно какъ и ея новѣйшая отпрыска, нѣмецкая метафизика,—все это было сдѣлано на упомянутой научной почвѣ; что-же касается наводнившей ее перипатетической и александрійской онтологіи, то она заводила только средневѣковой умъ за разумъ и

повергла мысль въ патологическое состояніе, въ которомъ она металась цѣлую тысячу лѣтъ, освѣжаясь, впрочемъ, во время свѣтлыхъ промежутковъ живительными лучами научнаго знанія. На этомъ-то двойственномъ процессѣ мы и остановимся здѣсь.

1. Средневѣковая наука.

Когда классическій міръ уже приблизился къ окончательному паденію, то многіе люди, знакомые съ его наукой и философіей, начали хлопотать, чтобы спасти сколько возможно умственныхъ сокровищъ отъ приближавшейся бури. Марціанъ Капелла, Боэцій и, по ихъ примѣру, первые наставники монастырскихъ школъ приняли дѣленіе всѣхъ научныхъ знаній на *семь свободныхъ искусствъ*, составляющихъ два отдѣла:

Тройственное: грамматика, риторика, логика.

Четверное: арифметика, геометрія, астрономія, музыка.

Это *четверное* составляло математическую энциклопедію въ духѣ пифагоризма, которая вплоть до возникновенія новѣйшихъ наукъ одна только изъ всего, созданнаго мыслью среднихъ вѣковъ, заслуживаетъ названія науки. Но это была уже не та наука, какою создалъ и развилъ ее живой, творческій умъ грека, — въ средніе вѣка она перешла въ латинской передѣлѣ и съ римскимъ характеромъ. „Греки, говоритъ Цицеронъ, — ставили выше всего геометрію, поэтому ихъ математики и имѣли величайшее значеніе; у насъ-же, римлянъ, напротивъ, этимъ искусствомъ пользуются только какъ вспомогательнымъ средствомъ при разсужденіи и для измѣреній“. Математика, наконецъ, такъ низко упала въ Римѣ, что при императорахъ *математиками* назывались адепты тайныхъ наукъ, занимавшіеся предсказаніями и составленіемъ гороскоповъ. Математика, перешедшая въ европейскіе монастыри черезъ римскія риторическія клоаки, не могла уже сдѣлаться основою образованія юношества, что непременно случилось-бы, если-бы средніе вѣка получили ее прямо отъ грековъ, безъ римскаго посредничества. Въ монастырскихъ школахъ она не занимала первостепеннаго мѣста, ее изучали немногіе, и умъ человѣческій не пользовался, такимъ образомъ, ея путеводнымъ свѣтомъ, который навѣрное спасъ-бы его отъ многихъ вѣковъ мертваго застоя или безплодной борьбы съ

призраками. Но какъ ни низко стояла математика въ монастырскихъ школахъ, тѣмъ не менѣе она сдѣлала нѣсколько важныхъ успѣховъ въ средневѣковомъ обществѣ и дошла до открытій, хранителями и пропагандистами которыхъ были монахи, медики и купцы. Изъ какого-то темнаго источника, вѣроятно отъ арабовъ, въ средневѣковомъ обществѣ появились начала арифметики и алгебры, неизвѣстныя греческому міру. Греки очень много занимались свойствами чиселъ и фигуръ; они въ этомъ отношеніи увлекались даже до суевѣрій и приписывали числамъ таинственное значеніе и влияніе. Строгая математическая наука не могла долго уживаться въ мирѣ съ этими суевѣріями: она отбросила ихъ и пошла своимъ самостоятельнымъ путемъ. Но тутъ оказалось, что наука чиселъ и наука фигуръ, арифметика и геометрія, имѣютъ такое существенное различіе, которое не позволяетъ имъ идти рядомъ. Обыденная житейская арифметика, конечно, не представляла собою большихъ затрудненій математическимъ мыслителямъ; но когда отъ нея они переходили къ той высшей арифметикѣ, которая разсуждаетъ объ естественныхъ свойствахъ чиселъ, независимо отъ искусственной системы счисленія, то встрѣчали такія трудности, передъ которыми останавливались самые сильные умы. Напротивъ, геометрія, чѣмъ больше создавала новыхъ комбинацій, тѣмъ больше расчищала путь себѣ и помогала развитію знанія. Геометрію называютъ „искусствомъ правильного сужденія о плохо сдѣланныхъ фигурахъ“. И умъ грека съ величайшимъ увлеченіемъ созерцалъ чистую идею, какую онъ видѣлъ за матеріальнымъ геометрическимъ знакомъ, за этимъ чувственнымъ образомъ. Практическое приложеніе математики грекъ считалъ профанаціей науки, презрѣннымъ ремесломъ, пригоднымъ только для какихъ-нибудь плотниковъ или каменщиковъ. Въ математикѣ греки были тѣмъ-же, чѣмъ и въ другихъ проявленіяхъ своего ума и характера,—артистами и софистами, и все, что сдѣлалъ Архимедъ, все, что сдѣлали другіе для развитія точныхъ знаній и полезныхъ искусствъ,—все это сдѣлано ими рѣшительно не въ утилитарномъ духѣ, а въ духѣ чистой науки, въ созерцаніи и изслѣдованіи чистой идеи. Этотъ характеръ греческой математики довольно рельефно выступаетъ въ слѣдующемъ. Мы считаемъ цифры годными для измѣренія всякаго рода величинъ и поэтому ставимъ арифметику въ порядкѣ абстракцій и обобщеній выше геометріи. У грековъ-же, наоборотъ, естественны-

ми представителями величинъ, подлежащихъ одному и тому-же закону протяженности, служили линіи и поверхности, протяженность которыхъ ощущается нашими чувствами. Геометрія говорила имъ, что есть величины *несоизмѣримыя*, которыхъ нельзя выразить въ цифрахъ, и они въ своихъ изслѣдованіяхъ прилагали не арифметику къ геометріи, а, наоборотъ, придумывали такія геометрическія построенія, при которыхъ можно-бы было рѣшать арифметическіе вопросы-съ помощью линейки и циркуля. На нашъ новѣйшій взглядъ это кажется нелѣпностью, но съ точки зрѣнія греческихъ астрономовъ, презиравшихъ практику и занимавшихся одною чистою идеей, это было вполне естественно. Да и греческая арифметика была далеко не то, что наша, и толковый ученикъ нашей первоначальной школы стоитъ въ этомъ отношеніи выше Архимеда, этого Ньютона древности. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Архимедъ доказываетъ мысль, очевидную даже для плохого школьника нашего времени, — именно, что всегда можно выразить какое угодно число, даже число, превосходящее то количество песчинокъ, какое понадобилось-бы для наполненія всей сферы міра. Но онъ прибѣгаетъ для этого не къ нашей, вовсе неизвѣстной ему, десятичной системѣ цифръ, а къ языку, который способенъ выразить цифры до *мириады мириадъ*, т. е. до 100,000..... Но и такое счисленіе было возможно только въ разговорѣ, на письмѣ-же счетъ велся буквами алфавита такимъ образомъ, что для выраженія мириады мириадъ требовалось-бы 36 буквъ — количество, превосходящее число знаменъ греческой азбуки. Римскія цифры, употреблявшіяся въ средніе вѣка, были немногимъ лучше греческихъ, и поэтому введеніе арабской арифметики было однимъ изъ самыхъ важныхъ пособій въ дѣлѣ развитія европейской мысли. Безъ этой новой системы невозможны были-бы никакія крупныя и въ то-же время точныя исчисленія, ни астрономическія таблицы, ни таблицы логарифмовъ, ни огромныя бюджетныя и статистическіе отчеты. Греки не знали и нашей алгебры, и вмѣсто нея пользовались для рѣшенія своихъ задачъ болѣе изящнымъ и, съ ихъ спекулятивной точки зрѣнія, даже болѣе точнымъ орудіемъ — геометріей или графическимъ построеніемъ. Только тогда, когда дѣло дошло до вопроса о цѣлыхъ числахъ, къ которымъ неприменимы законъ протяженности или геометрическія построенія, только тогда почувствовалась необходимость для рѣшенія этихъ задачъ и для выраженія самаго процесса въ сокращеніяхъ или

условныхъ сократительныхъ знакахъ (sigles). Греческая алгебра состояла только въ теоріи чисель, да и первый достовѣрный памятникъ этой теоріи появился не раньше александрійской эпохи. Только индійцы и арабы, разработывая въ своемъ духѣ данныя греческой математики, создали новѣйшую арифметику и алгебру и сообщили ихъ, помимо монастырскихъ школъ, средневѣковой Европѣ. Подобную-же услугу оказали Европѣ индійцы и арабы относительно тригонометріи и астрономическихъ таблицъ; на основаніи ихъ трудовъ предшественники Коперника усовершенствовали и упростили ихъ таблицы, приложивъ десятичную арифметику къ дробнымъ числамъ, а это повело къ составленію таблицъ логарифмовъ, къ высшему развитію арифметическаго счисленія и къ его приложеніямъ къ геометріи и другимъ наукамъ.

Но всѣ эти науки, всѣ эти знанія мало приносили пользы развитію европейской мысли въ продолженіи темной эпохи среднихъ вѣковъ. Мысль жила, она волновалась и рвалась впередъ, но какъ птица въ клеткѣ; въ научномъ отношеніи она въ этотъ періодъ не создала ничего существеннаго и весь научный прогрессъ ограничивался только тѣмъ, что она получала извнѣ или усовершенствовала сама орудія, необходимыя для будущихъ созданій. Наука въ сущности была совершенно скована авторитетомъ. Возьмите, напр., астрономію. Средніе вѣка знали ее по *Альмагесту* Птолемея. Эта книга была, такъ-сказать, астрономическимъ «кораномъ» и для магометанъ востока, и для христіанъ запада; и магометанство, и католичество исполнѣ признавали этотъ авторитетъ древности, равный авторитету Аристотеля. Арабы и татары сдѣлали нѣсколько открытій въ этой области знанія, но не отступая отъ основныхъ принциповъ учителя, идея котораго исполнѣ гармонировала со всѣмъ средневѣковымъ міросозерцаніемъ. Міръ Лапласа и Гершеля гораздо меньше походитъ на машину, чѣмъ міръ Птолемея. Центромъ послѣдняго служитъ земля со своимъ царемъ—человѣкомъ; даже ученый и философъ смотрѣли на нее, какъ на средоточіе и цѣль всей міровой архитектуры. Но при этомъ ихъ великій авторитетъ о землѣ-то именно и давалъ самыя неточныя, самыя скудныя свѣденія. Марко Поло и другіе средневѣковые путешественники, европейскіе и арабскіе, собрали множество новыхъ свѣденій, неизвѣстныхъ ни Птолемею, ни другимъ ученымъ Афинъ, Рима и Александріи; но вся эта груда матеріаловъ рѣшительно не имѣла научнаго характера и была

только подготовленіемъ къ созданію будущей географіи. Изъ всѣхъ отдѣловъ географической энциклопедіи, обнимающей собою знанія о формѣ, строеніи и исторіи земного шара, научнымъ характеромъ отличалась одна только математическая географія, да и та не двигалась впередъ со времени Птоломея. Средневѣковый умъ дѣйствовалъ въ направленіи, сообщенномъ ему греческою древностью. Уносясь въ туманныя области метафизики, онъ даже въ сферѣ физики стремился къ периферіи, удалялся отъ центра, занимался тѣмъ, что высоко и далеко, и не обращалъ вниманія на то, что лежало подъ носомъ. Въ Греціи вовсе не было геологической науки, хотя природа страны и чрезвычайно благоприятна для ея развитія. Вслѣдствіе этого и у народовъ, наслѣдовавшихъ греческія знанія и греческую дрессировку ума, геологическія знанія долго были въ рѣшительномъ загонѣ, и даже въ новѣйшее время, когда появилась геологія, какъ наука, ей стоило большого труда, чтобы добиться того уваженія и той самостоятельности, какими уже давно пользовались ея старшія сестры. Почти въ такомъ-же положеніи, какъ географія, находилась и физика. Кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ опытовъ и наблюденій, средніе вѣка нисколько не подвинули впередъ физической науки и она стояла на той самой точкѣ, на которой оставилъ ее древній міръ. Физика даже не считалась точною наукой; она входила въ составъ не *четырехъ*, а *трехъ*, была отраслью философіи, на ряду съ логикой, метафизикой и моралью. Для развитія физики необходимы совершенные, точные опыты и сложные инструменты; но опыты были гораздо легче и привлекательнѣе въ области химіи, вслѣдствіе чего даже въ позднѣйшее время первостепенныхъ химиковъ было больше, чѣмъ первостепенныхъ физиковъ. „Сравнительно съ физиками, механиками и геометрами, говоритъ Дюма, — химики кажутся настоящими изобрѣтателями искусства производить опыты. Наши первыя попытки справедливыхъ теорій начались, безъ сомнѣнія, только со вчерашняго дня, но наблюденіе химическихъ явленій, искусство сопоставлять ихъ съ извѣстною цѣлью и воспроизводить по произволу, современны первымъ вѣкамъ человѣчества“. „Послѣ простого созерцанія природы, говоритъ Гумбольдтъ, — послѣ наблюденія явленій, происходящихъ въ небесномъ пространствѣ и на землѣ, идутъ изслѣдованіе и анализъ этихъ явленій, измѣреніе движенія и пространства, въ которомъ они происходятъ. Въ первый разъ этотъ способъ изслѣдованія былъ пу-

щенъ въ дѣло въ эпоху Аристотеля. Но въ прогресивномъ развитіи физическихъ знаній наиболѣе важную роль играетъ искусство вызывать эти явленія по своему произволу, т. е. *опытъ*. Этой степени развитія, почти вовсе неизвѣстной древнимъ, достигли арабы. Наука о медицинскихъ свойствахъ веществъ, основанная Dioscoridomъ въ александрійской школѣ, въ своей научной формѣ есть также созданіе арабовъ, отъ которыхъ, посредствомъ салернской школы, она распространилась по южной Европѣ. Эта эпоха ознаменована открытіемъ способовъ приготовленія *acidum sulphuricum*, *acidum nitricum*, царской водки, ртути и другихъ металлическихъ окисей, а также знаніемъ алкогольнаго броженія. Тогда въ первый разъ были констатированы гетерогеничность субстанцій и характеръ силъ, которыя не обнаруживаются въ движеніи и которыя къ идеѣ превосходства *формы*, какъ понимали ее Пифагоръ и Платонъ, прибавляли принципъ *композиціи* и *смѣси*. На этихъ различіяхъ формы и смѣси основано все, что мы знаемъ о матеріи; это абстракціи, подъ которыми мы надѣемся объять совокупность и движеніе міра посредствомъ мѣры и анализа“. Естествознаніе, такимъ образомъ, нѣсколько развивалось въ средніе вѣка благодаря своему практическому значенію. Въ то время, какъ физика считалась отраслью философіи и оставалась безъ движенія въ сѣтяхъ схоластики, ею занимались медики и аптекари, вслѣдствіе чего и до сихъ поръ еще по-англійски лекаръ называется *физикомъ*, а аптекаръ *химикомъ*. При этомъ ни одна отрасль естествознанія не была наукою въ современномъ значеніи этого слова. Все было проникнуто крайнимъ мистицизмомъ и переплетено всевозможными суевѣріями востока и запада. Въ точнѣйшей изъ наукъ, математикѣ, играли роль таинственныя цифры. Астрономъ грезилъ о гармоніи сферъ небесныхъ, о вліяніи планетъ на судьбу людей, гадалъ, составлялъ гороскопы. Лекаръ въ значительной степени былъ знахаремъ, употреблялъ не только симпатическія средства, но и приправлялъ свои лекарства наговорами. Географъ рассказывалъ о чужихъ странахъ мифическія нелѣпости, въ родѣ легендъ о людяхъ съ собачьими головами. Историки или лѣтописцы украшали свои сказанія такими чудовищными небылицами, которымъ могли вѣрить только темные люди среднихъ вѣковъ. Химія была алхіміей и занималась преимущественно открытіемъ философскаго камня, искусствомъ дѣлать золото изъ дешевыхъ металовъ, изобрѣ-

тениемъ жизненнаго элексира. Лучи точнаго знанія только слабо и узенькими полосами пробивали этотъ мракъ, чуть-чуть освѣщая его и нѣсколько удерживая умъ человѣческой отъ безтолковаго блужданія въ непроглядномъ хаосѣ. Прибавьте къ этому и то, что развитію мысли въ обществѣ вредила и та форма, въ какой распространялись знанія. Науки были перемѣшаны одна съ другою въ такой степени въ средневѣковыхъ энциклопедіяхъ, что умъ рѣшительно сбивался съ толку среди этой разнохарактерной массы свѣдѣній, которыя складывали передъ нимъ безъ всякаго порядка, безъ системы, безъ руководящей и конкретной мысли. Вотъ, напр., содержаніе знаменитой въ свое время энциклопедіи Исидора Севильскаго. Первая книга занимается грамматикой, въ составъ которой введены басня и исторія. Авторъ въ 39 главахъ только перечисляетъ да объясняетъ термины, не проводя никакого взгляда, никакой теоріи. Вторая книга такъ-же сухо трактуетъ о риторикѣ и діалектикѣ. Третья, состоящая изъ семидесяти одной главы, излагаетъ арифметику, геометрію, музыку и астрономію тѣмъ-же методомъ, т. е. голословнымъ объясненіемъ терминовъ, не мудрствуя лукаво. Тутъ нѣтъ уже и слѣдовъ великихъ изслѣдованій Гипарха и Птолемея, и авторъ даже относительно величины двухъ главныхъ небесныхъ свѣтилъ могъ сказать только, что „солнце больше земли, а луна меньше солнца“. Четвертая книга, о медицинѣ, состоитъ изъ тринадцати этимологическихъ главъ. Въ пятой соединены законодательство и хронологія. Шестая занимается св. писаніемъ, бібліотеками, переплетнымъ мастерствомъ и опредѣленіемъ времени Пасхи. Седьмая книга посвящена Богу, ангеламъ, пророкамъ и монахамъ. Восьмая говоритъ о жидахъ, ихъ сектахъ и христіанскихъ еретикахъ. Девятая—объ языкахъ, названіяхъ народовъ, гражданскихъ и военныхъ титулахъ. Десятая содержитъ въ себѣ нелѣпный алфавитный списокъ этимологическихъ объясненій. Одинадцатая трактуетъ о человѣкѣ въ такомъ родѣ, что „онъ названъ человѣкомъ (homo) потому, что взятъ отъ земли (humus)“, и что физическая часть его названа тѣломъ (corpus) потому, что она грѣхомъ повреждена (corruptum). Въ двѣнадцатой перечисляются животныя; тринадцатая и четырнадцатая говорятъ о географіи и метеорологіи; пятнадцатая—о происхожденіи государствъ, объ общественныхъ зданіяхъ и дорогахъ; шестнадцатая—о минералогіи, вѣсахъ и мѣрахъ; семнадцатая—о земледѣліи; восемнадцатая—о войнѣ

и охотѣ; девятнадцатая — о корабляхъ, архитектурѣ и платьѣ, двадцатая и послѣдняя—о пищѣ, домашней утвари и земледѣльческихъ орудіяхъ. Всѣ эти разнородныя свѣденія изложены сухо и сбивчиво, лишены всякой руководящей мысли, перепутаны множествомъ ненужныхъ подробностей, ребяческихъ понятій и суевѣрій младенческой эпохи. Чтобы очистить это авгіево стойло и оживить средневѣковую мысль, требовались усилія Геркулесовъ.

2. Схоластика.

Одинъ изъ важныхъ пробѣловъ въ древнегреческой наукѣ, а слѣдовательно и въ наукѣ среднихъ вѣковъ, состоялъ въ отсутствіи *лингвистики*, этой сравнительной анатоміи и фізіологіи языковъ. Греки и римляне презирали языки варваровъ, которые и въ самомъ дѣлѣ не годились для выраженія ихъ утонченныхъ понятій и чувствъ. Но и латинскій языкъ былъ въ этомъ отношеніи далеко ниже греческаго, даже въ лучшую эпоху своего процвѣтанія. Въ средніе вѣка онъ сдѣлался международнымъ, церковнымъ и ученымъ языкомъ Европы; въ смыслѣ умственного объединенія и обмѣна идей, это обстоятельство принесло, конечно, большую пользу; но, съ другой стороны, оно сильно помѣшало развитію мысли, сковавъ ее въ мертвыхъ формахъ выраженія. Недоступный для большинства ученыхъ языкъ не допускалъ распространенія знаній въ массѣ общества, а слѣдовательно мѣшалъ бродившимъ въ послѣднемъ умственнымъ силамъ посвящать себя развитію науки. Кромѣ того, средневѣковая затхлая латынь, съ которой, впрочемъ, мы и до сихъ поръ не можемъ разстаться, рѣшительно негодилась для точной передачи и надлежащаго развитія философскихъ идей древняго міра. Неправильный, дурной языкъ извращалъ мысль, сбивалъ ее съ толку, даже вовсе не могъ уловить ее, и философское разсужденіе превращалось въ наборъ пустыхъ словъ. Въ этомъ отношеніи дѣло шло не лучше даже въ то время, когда Европа ознакомилась съ древностью черезъ арабскихъ переводчиковъ и комментаторовъ. Вотъ, напр., черезъ сколько передѣлокъ прошелъ Аристотель прежде, чѣмъ онъ достигъ въ латинскомъ переводѣ средневѣковой школы. Съ греческаго онъ былъ переведенъ на сирійскій, съ сирійскаго на арабскій, потомъ на этотъ переводъ былъ написанъ арабскій комментарий, переведенный съ арабскаго на еврейскій, а съ еврейскаго на

латинскій. Сколько тутъ было ошибокъ, описокъ, искаженій, и въ они принимались за настоящія идеи великаго учителя, а средне-вѣковые ученые вѣрили имъ такъ-же слѣпо, какъ наши старообрядцы вѣрятъ опечаткамъ старомосковской типографіи. Эта путаница отзывалась на развитіи мысли тѣмъ гибельнѣе, что мысль занималась главнымъ образомъ не точными фактами, а чистыми отвлеченіями и словами.

Въ схоластикѣ, или школьной наукѣ среднихъ вѣковъ, первое мѣсто занимали тѣсно связанныя между собою, съ тогдашней точки зрѣнія, грамматика, риторика и логика, составлявшія такъ-называемое *тройственное*. Риторика трактовала о слогѣ, о фигурахъ рѣчи, объ образахъ мысли, а также о порядкѣ рѣчи, о методѣ, доказательствахъ, опроверженіяхъ, и, такимъ образомъ, сходилась съ логикой, а послѣдняя соприкасалась съ грамматикой въ томъ отдѣлѣ, который называется нынѣ *общей грамматикой*. Небольшіе трактаты „О категоріяхъ“ и о „Predicamenta“, которые служили введеніемъ къ аристотелевской логикѣ и на которыхъ была основана вся философія среднихъ вѣковъ, были тоже своего рода дополненіями къ грамматикѣ. Изъ всей аристотелевской энциклопедіи средніе вѣка имѣли только испорченный сократителями и комментаторами трактатъ о логикѣ, *Органонъ*, и поэтому всѣ великіе философскіе споры среднихъ вѣковъ вертѣлись около вопросовъ логики. Даже послѣ того, какъ сдѣлались извѣстны другіе отдѣлы энциклопедіи Стагирита и философію начали дѣлить на логику, мораль, физику и метафизику, все еще продолжали говорить о семи свободныхъ искусствахъ, о *тройномъ* и *четверномъ*, которыя составляли *факультетъ искусствъ*, служившій введеніемъ къ другимъ *факультетамъ*, специальнымъ. Кто хотѣлъ быть духовнымъ, тотъ изучалъ теологію и каноническое право; юристы—гражданское право, т. е. законы Юстиніана, комментаторовъ и феодальное право, насколько оно выражалось въ латинскихъ законахъ германскихъ государей; медики занимался врачебными теоріями древности. Такъ произошли факультеты *теологии, гражданского и каноническаго права и медицины*. Но всѣ эти отдѣлы знанія объединялись философіей и теологіей, которыя совершенно сливались между собой и въ которыхъ непрѣшимый авторитетъ папы дополнялся непрѣшимымъ авторитетомъ Аристотеля. Александрійская философія, каббала, гностицизмъ, манихизмъ вносили въ это міросозерцаніе

свои элементы, и въ концѣ-концовъ вышло такое чудовищное смѣшеніе понятій, что нужно удивляться силѣ ума человѣческаго, бывшагося изъ этихъ фантазмагорическихъ трущобъ.

Греческая геометрія, какъ мы уже замѣчали, была прототипомъ философіи Пифагора и Платона. И геометрія, и философія Платона имѣли дѣло съ чистой, совершенной идеей, созерцаемой при помощи несовершеннаго физическаго образа. Понимаемая такимъ образомъ идея не была созданіемъ человѣческаго ума, потому что міръ созданъ не человѣческимъ умомъ; міръ управляется геометріей, повинуется геометрическимъ законамъ, существуетъ на основаніи извѣстныхъ идей. Физика не объясняетъ геометріи, а, напротивъ, сама объясняется ею; смыслъ матеріальныхъ явленій мы познаемъ только въ чистой идеѣ. Словомъ, не идея производится посредствомъ ума отъ матеріальнаго факта, а самый фактъ вытекаетъ изъ идейной сущности, изъ идеи въ самой себѣ, воспринята-ли она нашимъ умомъ или нѣтъ, это все равно. Такова сущность платонизма, который, благодаря александрійскимъ передѣлкамъ и другимъ вліяніямъ, дошелъ, наконецъ, до того, что превратилъ *идеи* въ существа или *ипостаси*. Платонъ былъ неизвѣстенъ въ средніе вѣка, но отрывки изъ него и неоплатониковъ доходили иногда до ученыхъ и были источникомъ того вопроса, около котораго вертѣлась главнымъ образомъ мысль въ періодъ схоластики. Бозцій, напр., толкуя Порфирія, написалъ: „Порфирій хотѣлъ въ этомъ сочиненіи подготовить умъ къ болѣе легкому пониманію *Predicamenta*, разсуждая о пяти *вещахъ или словахъ* (*de quinque rebus vel vocibus*), именно: родъ, видъ, различіи, свойствѣ и случайности“. Выраженіемъ о *вещахъ или словахъ* Бозцій хотѣлъ сказать, что вещи и слова одно и то-же, и, толкуя объ однихъ, мы въ то-же время толкуемъ о другихъ. Но такъ-ли это? Дѣйствительно-ли *родъ* и *видъ* настоящіе, объективные *предметы*, или-же только *названія*, обозначающія извѣстный разрядъ многихъ отдѣльных предметовъ? Вотъ въ чемъ заключался главный вопросъ схоластической философіи, особенно въ концѣ XI и началѣ XII вѣка.

Но прежде, чѣмъ заняться этимъ, на нашъ взглядъ совершенно ребяческиимъ и пустымъ вопросомъ, человѣческая мысль должна была въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій добиваться одного только права на сужденіе. Католицизмъ былъ всемогущъ; все, что нужно знать человѣку, говорилъ онъ, — все это уже извѣстно, всѣ вопросы

рѣшены, всѣ отвѣты найдены, и всякое новое рѣшеніе—ересь, а „патріархъ всѣхъ ересей—философія“. Но философія могла быть служительницей господствовавшихъ доктринъ, она могла развивать и пояснять ихъ „отъ разума“, не расходясь съ ними ни въ принципахъ, ни въ выводахъ, и въ этомъ видѣ она была терпима. Схоластическая философія началась въ школахъ, открытыхъ Карломъ Великимъ. При малочисленности учителей, при немѣнной печати, эти школы были единственными центрами и проводниками философской мысли. Философіи можно было учиться только слушая лекціи въ этихъ официальныхъ школахъ, которыми славился въ особенности Парижъ. Изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Англіи и Польши, Испаніи и Германіи стекались сюда тысячи юношей и взрослыхъ людей, чтобы удовлетворить свою волнуемую мысль мудростью знаменитыхъ учителей. Они шли часто пѣшкомъ, голодая, ночуя подъ открытымъ небомъ, подвергаясь- всевозможнымъ опасностямъ, столь обыкновеннымъ при тогдашнемъ общественномъ неустройствѣ. Подчиненность философіи католицизму не мало содѣйствовала этому чрезвычайному возбужденію мысли. Одна философія со своими отвлеченными и далекими отъ жизни вопросами была-бы не въ состояніи такъ сильно возбудить умъ, если-бы она не сливалась съ теологіей, вопросы которой близки душѣ каждаго и которая сообщила средневѣковому движенію всю его страстность. „Но, замѣчаетъ историкъ схоластики, Горо,—предавался съ такою чрезвычайною энергіей вопросамъ логики, умъ неизбѣжно долженъ былъ дойти до задачъ онтологическихъ, психологическихъ и метафизическихъ. Развѣ разумъ человѣческій, коль скоро онъ вышелъ на путь изслѣдованія, можетъ остановиться прежде, чѣмъ будетъ удовлетворенъ, прежде, чѣмъ достигнетъ цѣли или, по крайней мѣрѣ, подумаетъ, что достигъ ея?“ Дѣйствительно, уже въ IX вѣкѣ, лишь только зародилась схоластическая философія, она начала выступать изъ опредѣленныхъ ей границъ, выступать даже безсознательно. Вотъ, напр., какъ разсуждалъ одинъ изъ первыхъ схоластиковъ, Скотъ Эригена: „Всѣмъ извѣстно, что первое въ природѣ выше перваго во времени. Разумъ — первое въ природѣ, а авторитетъ—во времени. Вѣдь авторитетъ происходитъ отъ разума, а не разумъ отъ авторитета. Всякій авторитетъ, неподкрѣпленный истиннымъ разумомъ, оказывается слабымъ. Истинный-же разумъ, твердый и непоколебимый, поддерживаемый собственными

силами, вовсе не нуждается въ усиленіи посредствомъ утвержденія авторитета“. Это мнѣніе, въ сущности, однакожь, не такъ смѣло, какъ оно кажется на первый взглядъ. Эригена говоритъ не не объ индивидуальномъ, а о вѣчномъ разумѣ, для постиженія котораго созданъ разумъ человѣческій; авторитетъ можетъ только помогать послѣднему въ познаніи вѣчнаго разума. Въ мысли Эригены не было, такимъ образомъ, ничего еретическаго, но дѣло въ томъ, что, начиная размышлять логически, онъ, какъ всякій другой, неизбѣжно излагалъ свои размышленія въ такой формѣ, въ такихъ *словахъ*, которыя легко могли служить выраженіемъ мыслей совершенно другого характера и возбуждать умъ въ другомъ направленіи. *Слова* играли вообще, какъ мы увидимъ дальше, чрезвычайно важную роль въ развитіи мысли во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она не стояла на почвѣ точнаго знанія. Слова Эригены подняли противъ него цѣлую бурю. „До насъ дошли, писалъ Горусъ, епископъ лонскій, — сочиненія одного пустого выскочки, который, разсуждая о предвѣденіи и предопредѣленіи, дерзаетъ, не основываясь на авторитетѣ писанія и отцовъ, обсуждать извѣстные предметы такъ, какъ-будто съ нимъ можно согласиться на основаніи одного только его надменнаго разсужденія... Тѣмъ не менѣе, какъ мы слышали, этому человѣку удивляются многіе люди, ученые и опытные въ школьной мудрости, и онъ своимъ высокоумнымъ, пагубнымъ краснорѣчіемъ такъ увлекаетъ своихъ слушателей, что они уже не подчиняются со смиреніемъ авторитету писанія и отцовъ, а предпочитаютъ слѣдовать его безумнымъ измышленіямъ“. Но не все ученики увлекались Эригеной, который былъ убитъ своими-же слушателями, монахами мальмсебэрійскаго аббатства. За Эригеною слѣдовали Беренгарій и Ансельмъ, святой архіепископъ, который съ благочестивымъ страхомъ вступалъ въ область мысли, боясь преступить положенные ей предѣлы. „Я не дерзаю, о, Господи, проникать въ твои глубины,“ говоритъ онъ, — ибо не могу равнять съ ними мой умъ; но я желаю понять истину, хотя-бы и не выполнѣ, ту истину, которой вѣрить мое сердце и которую оно любитъ. Я хочу не понять, чтобы вѣрить, но я вѣрю, чтобы понимать. Я вѣрю, потому что, если-бы я не вѣрилъ, я не могъ-бы и понимать“. Разумъ, по его ученію, долженъ только пояснять авторитетъ. Но и тутъ случилось обстоятельство, вслѣдствіе котораго нѣкоторыя сочиненія Ансельма приобрѣли нѣсколько

иное значеніе. Его братья часто просили его изложить письменно тѣ мысли, которыя онъ передавалъ имъ въ разговорѣ, но изложить, не прибѣгая къ текстамъ писанія, а употребляя одни обыкновенные аргументы логики, понятные всѣмъ. Ансельмъ согласился, и хотя въ его трактатѣ (*Monologium*) нѣтъ ничего, что-бы противорѣчило авторитету, но онъ былъ уже шагомъ, хотя и безсознательнымъ, къ самостоятельной философій.

Болѣе рѣшительный и сознательный шагъ былъ сдѣланъ Абеяромъ, личность котораго нѣсколько напоминаетъ собою Бэкона: оба они обладали замѣчательною силою ума и въ то-же время отличались нравственнымъ ничтожествомъ. Абеяръ родился въ Бретани, въ 1079 г. Подъ вліяніемъ своего отца онъ развилъ въ себѣ любовь къ литературѣ и рѣшился посвятить себя наукѣ, отказавшись отъ военной жизни и рыцарскихъ походовъ. Кромѣ рыцарскихъ турнировъ, въ то время были въ большомъ ходу диспуты, турниры діалектиковъ, и молодой Абеяръ отправился путешествовать, подобно странствующему рыцарю, и вступалъ въ споры со всѣми желающими. Какъ рыцари сплошь и рядомъ бились для того только, чтобы биться, такъ и діалектики до того входили во вкусъ своего ремесла, что спорили ради спора. Любви къ истинѣ, того страстного исканія истины, какимъ отличались, напр., религиозные сектанты, у этихъ людей не было; у нихъ была одна только страсть—жажда славы. Слава манила Абеяра болѣе, чѣмъ кого-либо другого. Двадцати лѣтъ онъ отправился въ Парижъ и началъ посѣщать здѣсь лекціи знаменитаго Вильяма Шампо. Красота Абеяра, изящество его манеръ, его обширныя знанія и изумительныя способности обратили на него общее вниманіе, а Вильямъ сердечно полюбилъ своего ученика, привязался къ нему и смотрѣлъ на него, какъ на своего преемника. Но сердце Абеяра было недоступно любви; въ то время, какъ учитель относился къ нему съ полнѣйшимъ участіемъ, онъ выстѣживалъ слабыя стороны учителя, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ нанести ему рѣшительный ударъ и, побѣдивъ его, упрочить свою славу. И вотъ однажды, въ полномъ собраніи аудиторіи, Абеяръ вызвалъ на діалектическій поединокъ всѣми уважаемаго наставника и разбилъ его въ пухъ и прахъ. Но онъ ошибся въ расчетѣ: своимъ поступкомъ онъ возбудилъ не удивленіе, а негодованіе во всѣхъ студентахъ, видѣвшихъ, въ чемъ заключался мотивъ такого поступка.

Двадцати двухъ лѣтъ онъ переѣхалъ изъ Парижа въ Мелюнъ и основалъ здѣсь школу, которая вскорѣ приобрѣла громкую репутацію; потомъ перенесъ эту школу поближе къ Парижу, въ Корбейль, на зло своему бывшему учителю, котораго онъ ненавидѣлъ уже за одно то, что Вильямъ продолжалъ пользоваться прежнею славою и уваженіемъ. Труды и душевныя тревоги до того разстроили честолюбца, что медики отправили его для отдыха и поправленія здоровья въ деревню. Онъ вернулся въ Парижъ черезъ два года, когда ненавистный ему соперникъ отказался уже отъ міра и поступилъ въ монастырь, гдѣ, впрочемъ, онъ открылъ новую школу. Абельяръ однажды явился на его лекціи, снова вызвалъ его на споръ и одержалъ такую побѣду, что честный старикъ отказался отъ своего мнѣнія, всѣ студенты покинули его и перешли къ Абельяру. Но послѣдній и тутъ не успокоился; онъ не могъ быть спокойнымъ до тѣхъ поръ, пока не увидитъ себя выше всѣхъ учителей міра. Между тѣмъ, хотя школа Вильяма и закрылась, но въ Лаонѣ училъ Ансельмъ и его слава гремѣла по всей Франціи. Абельяръ отправляется въ Лаонъ, является въ школу Ансельма, издѣвается надъ нимъ, вызываетъ его на діалектическій турниръ, побѣждаетъ, къ общему изумленію слушателей, и возвращается въ Парижъ. Его репутація была вполне упрочена. До 5,000 студентовъ слушали его лекціи; его рѣчи распѣвались на улицахъ; его рѣчи повторялись всякимъ мало-мальски образованнымъ человѣкомъ; его знали въ лицо всѣ; толпа почтительно разступалась передъ нимъ на улицѣ; женщины заглядывались на этого красавца, на этого перваго философа въ мірѣ, къ которому самъ папа посылалъ учениковъ. Въ это время онъ узналъ красавицу Элоизу и рѣшился во что-бы то ни стало соблазнить ее, считая это дѣломъ легкимъ и нисколько непротиворѣчивымъ принципамъ философской морали. „Я думалъ, развязно рассказываетъ онъ, — что добиться согласія этой дѣвочки тѣмъ легче, что она любила научныя занятія. Я искалъ случая войти съ нею въ близкія и ежедневныя сношенія, чтобы легче склонить ее къ удовлетворенію моихъ желаній. Съ этою цѣлью, черезъ одного изъ друзей ея дяди, я сдѣлалъ ему предложеніе, не возьметъ-ли онъ меня къ себѣ въ столъ за плату, какую ему угодно назначить“. Скупой дядя Элоизы, Фульберъ, согласился, тѣмъ болѣе, что увидѣлъ случай доставить своей племянницѣ возможность учиться у знаменитаго философа. Онъ совершенно отдалъ

ее въ руки Абельяра, прося послѣдняго учить ее „въ свободное отъ школьныхъ занятій время, днемъ или ночью, и если она будетъ лѣниться, то принуждать ее силою“. „Я удивлялся чрезвычайной глупости этого человѣка, который все равно, что довѣрилъ овцу заботамъ голоднаго волка, ибо, отдавая дѣвочку въ мои руки, чтобы я не только училъ ее, но и употреблялъ насильственные средства, онъ предоставлялъ полную свободу моимъ желаніямъ, такъ-что, если-бы обольщеніе не удалось, то я могъ посредствомъ угрозъ и побоевъ овладѣть ею“. Цинизмъ этого письма дѣлается еще отвратительнѣе, когда сравнишь его съ чистою личностью Элоизы и ея пламенною любовью къ Абельяру, — любовью очень странною, такъ-какъ Элоиза была во всѣхъ отношеніяхъ выше своего эротическаго философа. Она была ученѣе его: кромѣ латыни, она знала по-гречески и по-еврейски, а онъ не зналъ; силою ума и искусствомъ діалектики она равнялась съ нимъ, а своею добротою, честностью, самоотверженіемъ стояла неизмѣримо выше этого бездушнаго педанта. И все-таки она полюбила его. „Книги были открыты передъ нами, рассказываетъ Абельяръ,—но мы говорили больше о любви, чѣмъ о философіи, и упражнялись больше въ поцѣдуяхъ, чѣмъ въ разсужденіяхъ“. Чтобы похвастать своей побѣдой, Абельяръ сочинялъ и распространялъ стихи о своей любви, и любовныя отношенія философской пары сдѣлались извѣстны всему Парижу. Вскорѣ слухи объ этомъ дошли и до глупаго дядюшки; онъ прогналъ Абельяра, но любовники продолжали видѣться тайно, и Элоиза забеременѣла; Абельяръ отправилъ ее въ Бретань, гдѣ она родила сына. Дядя выходилъ изъ себя отъ бѣшенства. Абельяръ умолялъ его о прощеніи, обвинялъ себя въ подлости, но не забылъ упомянуть, что даже величайшіе люди погибали отъ женщинъ; онъ хотѣлъ повѣнчаться, но тайно, такъ-какъ явный бракъ помѣшалъ-бы ему вступить въ духовное званіе и достигнуть степеней извѣстныхъ, къ чему стремилась его ненасытная, честолюбивая душонка. Фильбертъ согласился, но Элоиза съ полнымъ самоотверженіемъ отказывалась отъ этого брака, чтобы не стѣснять Абельяра, и желала остаться его любовницей. Абельяръ былъ радъ этому, но, боясь дяди, онъ убѣдилъ Элоизу обвѣнчаться тайно. Когда-же дядя разгласилъ секретъ, Элоиза объявила всѣмъ, что они и не думали вѣнчаться, что она не жена, а наложница Абельяра. Дядя выгналъ ее изъ дому, и она поселилась въ монастырѣ, не прекращая своей связи съ Абельяромъ. Дядя, съ помощію

своихъ друзей и слугъ, напалъ на послѣдняго и оскотилъ его. Абельяръ постригся и удалился въ монастырь, и чтобы не завидовать своей возлюбленной, заставилъ и ее сдѣлаться монахиней.

Таковъ былъ характеръ челоуѣка, который, слѣдуя по пути Эригены, первый „преступилъ предѣлы, положенные отцами нашими“, какъ выражается о немъ его противникъ Бернардъ. Онъ изложилъ сущность своихъ чтеній во „Введеніи въ теологію“. „Ученики мои, говоритъ онъ въ этомъ введеніи.—просили у меня такихъ доказательствъ, заимствованныхъ изъ философіи, какихъ требуетъ разумъ, желая учиться такъ, чтобы понимать, а не повторять только то, чему ихъ учатъ. Никто не можетъ вѣрить прежде, чѣмъ онъ пойметъ, и смѣшно передавать другимъ то, чего не понимаютъ ни учитель, ни ученики“. Въ этомъ трактатѣ не было и слѣдовъ ереси, но дѣло въ томъ, что Абельяръ проводилъ совершенно новый принципъ и прилагалъ къ авторитету доказательства разума; этого было достаточно, чтобы поднять противъ него бурю. Въ другомъ трактатѣ, „Да и нѣтъ“, онъ, излагая католическую доктрину, приводилъ всевозможныя доказательства *за* и *противъ*, чтобы приучить умъ къ самостоятельному мышленію. „Ищите и обряцете, толцйте и отверзется вамъ“, говоритъ онъ. „Сомнѣваясь, мы приходимъ къ изслѣдованію, изслѣдуя, постигаемъ истину“.

Подъ вліяніемъ Абельяра умы возбудились въ высшей степени: города были наполнены схоластиками, всюду велись ожесточенные споры о всевозможныхъ матеріяхъ, подымались тысячи такихъ вопросовъ, что спорящихъ можно было счесть за сумасшедшихъ. Но все это движеніе покрывалъ собою тотъ „великій споръ“, который шелъ черезъ всѣ средніе вѣка и по своей продолжительности, по энергіи и ожесточенію противниковъ былъ единственнымъ изъ всѣхъ философскихъ споровъ, когда-либо волновавшихъ челоуѣчество. Въ чемъ заключалась сущность его, мы уже говорили. Одни, подъ вліяніемъ Платона, утверждали, что идеи—объективные, *реальные* предметы, и назывались реалистами; другіе—что идеи только *названія*, *попіна*; это были *номиналисты* и слѣдовали за Аристотелемъ. Однимъ изъ самыхъ горячихъ номиналистовъ былъ Росцелинъ, отвергавшій всякое индивидуальное существованіе, доказывавшій, что *цветъ* не есть вещь отдѣльная отъ окрашеннаго имъ предмета, что *нѣтъ* предмета *животное*, отдѣльнаго отъ разныхъ

индивидуальныхъ животныхъ, что одно изъ двухъ—или три идеи, или одна индивидуальность, и т. д. Въ 1093 г. Росцеллина предъ соборомъ заставили отречься отъ своихъ мнѣній, и онъ сдѣлалъ это тѣмъ болѣе, что даже уличная толпа грозила ему смертью. Реализмъ торжествовалъ, и однимъ изъ главныхъ представителей его былъ упомянутый учитель Абеяра, Вильямъ Шампо, а защитникомъ его на первыхъ порахъ явился католицизмъ.

Католическій авторитетъ не благоволилъ къ номинализму, потому что онъ доходилъ до выводовъ Росцеллина, но реализмъ, сливая все субстанции въ одну, велъ къ пантеизму. Авторитетъ преслѣдовалъ номиналистовъ, которыхъ то-и-дѣло судили и осуждали, и сначала покровительствовалъ реалистамъ, но увидѣвъ, что они ударяются въ другую крайность, въ пантеизмъ, отказался и отъ нихъ, и они пошли на костры. Въ половинѣ XII в. все философскія школы обвиняли другъ друга въ ереси и одна за другой осуждались католицизмомъ. Это была настоящая умственная анархія, ожесточенная словесная война, возбудившая ту внутреннюю реакцію, представителемъ которой былъ Джонъ Салисбэрійскій, доказывавшій несостоятельность дедуктивнаго метода и осыпавшій самыми злыми насмѣшками схоластиковъ, которые „во всемъ сомнѣваются, обо всемъ спрашиваютъ, ничего не знаютъ и такъ привыкли къ пустословію, что даже сами не понимаютъ, что говорятъ“. Онъ пропагандировалъ философію христіанскихъ моралистовъ, и само собою понятно, что для такихъ людей, какъ діалектики среднихъ вѣковъ, проповѣдь морали оставалась гласомъ вопіющаго въ пустынь. Но отрицательная сторона ученія Джона и его послѣдователей была вполне полезна для прекращенія умственной анархіи, выдресировавъ европейскій умъ и выдвинувъ философію на самостоятельную дорогу. Схоластики половины XII вѣка были такъ-же смѣшны, какъ и тѣ остатки странствующаго рыцарства, которые олицетворены въ Дон-Кихотѣ. Но Дон-Кихотъ—личность въ высшей степени симпатичная, а схоластикъ XII в.—бездушный риторъ, умственная машина, для которой нѣтъ людей съ ихъ чувствами, ихъ радостями и страданіями, а есть только идеи и слова, да потребности собственной личности, часто весьма грязныя.

3. Католичество и феодализмъ.

Католичество было компромисомъ между основнымъ принципомъ истиннаго христіанства, что „царство мое не отъ міра сего“, и властолюбивыми стремленіями римской куріи. Исходя изъ извѣстной теоріи противоположности *духа* и *плоти*, католичество развило доктрину двухъ властей—свѣтской, „власти меча“, и духовной—„власти ключей“. Это раздѣленіе вполне гармонировало съ философскимъ міросозерцаніемъ среднихъ вѣковъ, и въ то время, какъ философы старались доказать превосходство души надъ тѣломъ, католицизмъ доказывалъ первенство ключей передъ мечомъ, главенство папы надъ міромъ. Опираясь на эту доктрину о раздѣленіи властей, папство хотѣло продолжать миссію древняго Рима, романизировать варваровъ и создать „священную римскую имперію“, сдѣлавъ ее „мечомъ“ для защиты своихъ „ключей“. Папа царилъ надъ умами, двигалъ миліонами людей, его авторитетъ былъ болѣе всемогущъ, чѣмъ авторитетъ Аристотеля, но его политическая власть неизбѣжно должна была вызвать сильное противодѣйствіе со стороны императоровъ. Свѣтскіе государи помѣшали полной побѣдѣ католической теократіи, въ самой организаціи которой были недостатки, недозволившіе ей превратиться во всемогущую касту. Католическое духовенство владѣло обширными землями по феодальному праву, участвуя, такимъ образомъ, въ правахъ чисто-свѣтской власти, но въ то-же время принимая на себя извѣстныя обязательства, становясь въ извѣстную зависимость отъ свѣтскаго сюзерена. Безбрачіе духовенства, много содѣйствовавшее поддержанію его духовнаго авторитета, ослабляло его свѣтскую власть, лишая духовенство возможности превратиться въ строго-наслѣдственную аристократію. Вслѣдствіе этого недостатка, вслѣдствіе еретической реакціи и усиленія свѣтской власти, идея мірскаго владычества папы и духовенства постепенно ослабѣвала въ умахъ народовъ и замѣнялась настоящею христіанскою идеей: „божіе—Богу, цезарево—цезарю“. Эпохою, въ которую политика всецѣло подчинялась клерикальнымъ разсчетамъ и теологическимъ понятіямъ, было время крестовыхъ походовъ. Не политическіе разсчеты, а религиозный энтузіазмъ и голосъ духовенства двигали въ Палестину миліоны людей. „Всѣ интересы, говорить одинъ историкъ, — были тогда поглощены, всѣ классы

управляемы, всѣ страсти подчинены или освѣщены религіозною ревностью. Народныя междоусобицы, свирѣпствовавшія въ продолженіи столѣтій, были замирены ея силою. Интриги государственныхъ людей и вражда королей исчезли подъ ея вліяніемъ. Почти 2,000,000 жизней было принесено въ жертву этому дѣлу. Никакая война въ мірѣ не была такъ популярна, какъ эта, которая въ одно и то-же время была и самую опустошительною, и самую безкорыстною“. Но съ этого времени власть духовенства начала падать передъ возрѣвшимъ могуществомъ свѣтской власти. Мысль начала секуляризироваться.

Развитіе средневѣковой мысли, кромѣ авторитетовъ Аристотеля и папы, было обставлено еще авторитетомъ феодальнаго права. „Средніе вѣка, говоритъ Курно,—имѣютъ свои корни въ римскомъ мірѣ и въ мірѣ германскомъ, а никакой народъ не былъ въ такой степени проникнутъ, какъ римляне, идеей права, наслѣдственнаго обычая, и не выражалъ ея съ такою энергіей въ своихъ учрежденіяхъ. То-же самое мы видимъ и у германскихъ народовъ. Лишь только они начали водворяться на почвѣ имперіи, какъ немедленно приступили къ составленію латинскихъ сводовъ своихъ обычаевъ или законовъ. Каждое племя заботливо охраняло свое право. Наряду съ писанными или неписанными законами завоевателей существовало для побѣжденныхъ римское право императорской эпохи, а церковь, которая такъ заботилась объ организаціи христіанскихъ учреждений съ правительственной цѣлью, тоже имѣла свой кодексъ законовъ и папскихъ декретовъ. Церковный сановникъ нуждался въ каноническихъ знаніяхъ даже больше, чѣмъ въ богословскихъ. Всѣ эти различныя права составляли въ средніе вѣка такую юридическую энциклопедію, какой рѣшительно не бывало въ древнемъ мірѣ и отъ которой долженъ былъ освободиться, наконецъ, новѣйшій міръ, когда традиціонныя учрежденія уступили мѣсто новымъ институціямъ, созданнымъ по философскому плану или по указаніямъ практическаго эмпиризма“.

Система феодаловъ такъ-же стройна и цѣлостна, какъ система каноническаго права, но духъ ея совершенно другой, чѣмъ духъ каноники или схоластики. Основная идея ея—фактъ территоріальнаго владѣнія. Тутъ нѣтъ никакихъ тонкостей, которыми оправдывается авторитетъ въ метафизикѣ и каноникѣ, тутъ нѣтъ ни божественнаго права, ни верховной власти народа, ни первоначаль-

наго общественнаго договора, — тутъ одинъ положительный фактъ силы, завоевавшей землю, которая раздается въ пользованіе другимъ, становящимся въ вассальную зависимость къ собственнику-раздавателю. Феодалный суверенъ не зависитъ ни отъ кого и распространяетъ свою протекцію на всѣхъ; отъ него истекаетъ всякое правосудіе. Конечно, эта теорія не соотвѣтствовала дѣйствительности, но идеальное право и правосудіе феодала вполне гармонировали съ непогрѣшимостью Аристотеля и папы или съ выводами схоластики, которые тоже не соотвѣтствовали дѣйствительности. Феодалное право было болѣе поземельнымъ, чѣмъ личнымъ; въ немъ человѣкъ существовалъ для земли, а не земля для человѣка. Сначала только могущественный человѣкъ могъ имѣть верховное право на землю, потому это право само сдѣлалось уже источникомъ богатства и политическаго могущества. Феодалное право вело за собой и новую, мало извѣстную въ древности идею представительства, которая, хотя, по выраженію Монтескье, и „родилась еще въ лѣсахъ Германіи“, но развилась на феодалной почвѣ. Когда феодалный владѣлецъ былъ малолѣтенъ, интересы его земли представлялись опекуномъ; церковь имѣла представителей своихъ феодалныхъ правъ въ лицѣ стряпчихъ; городская община, рыцарскій орденъ, компанія купцовъ тоже должны были посылать своихъ представителей въ феодалные суды и съѣзды. Когда сюзерены обращались къ вассаламъ съ экстраординарными требованіями и не могли или не хотѣли подкрѣпить эти требованія силой, вассалы естественно приходили къ идеѣ, что ихъ добровольная помощь должна быть вознаграждена, и сюзеренъ давалъ имъ извѣстныя льготы и вольности, которыя потомъ передавались по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе, и такимъ образомъ создавался новый классъ людей властныхъ, расширявшихъ сферу политическихъ правъ. Этому расширенію наиболѣе содѣйствовало развитіе торговли и промышленности, сосредоточенной въ городахъ. Промышленность создала страшнаго врага феодалному богатству, землѣ, — капиталъ, съ помощью котораго городскія общины начали покупать и завоевывать себѣ льготы и привилегіи. Такимъ образомъ появился зародышъ идеи третьяго сословія. Въ то-же время церковь утверждала свою библейскую доктрину о королевской власти, а юристы облакали послѣднюю **всѣмъ** блескомъ цезаризма, о которомъ говорило имъ римское право. **На** помощь этимъ новымъ теоріямъ явилось вновь избобрѣтен-

ное огнестрѣльное оружіе, которое, вмѣстѣ съ постояннымъ королевскимъ войскомъ, получившимъ возможность существовать на счетъ богатствъ, накопленныхъ промышленностью, сокрушило стѣны феодальныхъ замковъ и благородная рыцарская кавалерія уступила силѣ королевской пѣхоты, набранной преимущественно изъ крестьянъ. Такимъ образомъ, къ концу среднихъ вѣковъ феодализмъ былъ окончательно расшатанъ въ своихъ основахъ и выдвигались на сцену крупныя монархіи съ ихъ политическими принципами, и только въ богатыхъ городахъ Италіи, какъ въ Венеціи и во Флоренціи, да въ городахъ Швейцаріи держались еще городскія республики. Общей-же ходъ идей былъ таковъ: доктрина меча торжествовала надъ доктриной ключей, королевскій тронъ получалъ власть надъ всѣми подданными на основаніи и *Dei gratia* и римскаго права. Во всемъ этомъ мало рѣчи о народной массѣ. Въ политикѣ, какъ и въ философіи, какъ и въ католической церкви, развивались совершенно однородные принципы. Католицизмъ поддерживалъ непогрѣшимость папы, схоластика—непогрѣшимость Аристотеля, политика—непогрѣшимость государственнаго авторитета. Католицизмъ организовалъ кастовую, феодализмъ—политическую, схоластика—умственную аристократію. Католицизмъ запрещалъ переводить библію на народный языкъ, и та-же самая латынь царила и въ школѣ, и въ судѣ, и въ ученыхъ сочиненіяхъ, и въ законахъ. Философія, наконецъ, вполне отрѣшилась отъ природы, политика—отъ народа.

4. Вліяніе арабовъ и начатки новаго міросозерцанія.

Средневѣковая мысль имѣла точкою своего отправленія классическую древность, которая была извѣстна ей только по однимъ отрывкамъ и безобразнымъ передѣлкамъ. Древность эта лежала въ развалинахъ, классическіе манускрипты гнили въ монастырскихъ погребкахъ и архивахъ или сосредоточивались въ отдаленной Византіи, оторванной отъ Запада и своимъ языкомъ, и своею вѣрою, и общественнымъ складомъ. Да и въ самой-то Византіи науки были въ рѣшительномъ загонѣ и пренебреженіи, и философія находила въ ней меньше друзей, чѣмъ въ азіатскихъ государствахъ, а ученые разсѣвались по Востоку. Когда Юстиніанъ изгналъ послѣднихъ греческихъ философовъ, они нашли покровительство при пер-

сидскомъ дворѣ. Несторіанъ, преслѣдуемыхъ Иракліемъ, пріютить у себя Хозрой. Ученые греки и евреи всегда находили меценатовъ у абасидовъ, по желанію которыхъ они переводили на персидскій языкъ сочиненія великихъ писателей Афинъ и Александріи. Когда-же возникли арабскіе калифаты, когда въ высшихъ слояхъ ихъ народонаселенія и при дворахъ арабскихъ государей развилась умственная реакція исламу, то восточные ученые начали сосредоточиваться въ Испаніи, Бухарѣ, Самаркандѣ, Марокко. Началось то умственное движеніе, которое вообще называется арабской философійю, хотя въ сущности это была греческая философія, пересаженная на восточную почву. Въ числѣ ея представителей не было почти ни одного араба, а были только греки, евреи, испанцы и персы. Но такъ-какъ арабскій языкъ имѣлъ на Востокѣ то-же значеніе, какъ латинскій на Западѣ, то онъ сдѣлался языкомъ этой философій и далъ ей свое названіе.

Періодъ процвѣтанія арабской философій совпадалъ съ эпохой реакціи исламу, и поѣтому-то она нашла въ высшихъ сферахъ такое-же покровительство, какое оказывали впослѣдствіи языческой мудрости древнихъ властители эпохи возрожденія. Испанскіе калифы держали своихъ специальныхъ агентовъ въ Каирѣ, Багдадѣ, Дамаскѣ и Александріи, которые слѣдили за новыми сочиненіями и отыскивали старыя манускрипты. Калифы пользовались знаніями евреевъ и христіанъ, которые, удерживая свои вѣрованія, жили въ мирѣ съ арабами, даже вступали съ ними въ брачныя связи, говорили однимъ языкомъ, пѣли однѣ и тѣ-же пѣсни, занимались одной и той-же наукой—александрійскими комментаріями аристотелевской философій. Въ противоположность западнымъ схоластикамъ, совершенно отрѣшившихся отъ точной науки, эти философы были съ тѣмъ вмѣстѣ и учеными. Комментаторы Аристотеля, Аль-Кенди и Аль-Фарари, были въ то-же время математиками, медиками и учеными музыкантами. Персіанинъ Авиценна, родившійся въ Бухарѣ въ 980 г., былъ медикъ, математикъ, юристъ и философъ. Его „Медицинскій канонъ“ въ продолженіи столѣтій былъ учебникомъ въ европейскихъ школахъ. Онъ написалъ больше 100 сочиненій, изъ которыхъ европейскіе ученые заимствовали очень многое. Но при всемъ томъ Авиценна не сдѣлалъ для науки ничего новаго. Въ своемъ медицинскомъ трактатѣ онъ даже не передалъ тѣхъ успѣховъ, какихъ достигла медицина въ Греціи, и

рабски слѣдоваль за Аристотелемъ, предпочитая ему Галена. Да и вообще арабскіе медики не могли далеко уйти въ этой области знанія вслѣдствіе религіознаго отвращенія магометанъ къ анатоміи. Что-же касается „Канона“ Авиценны, то онъ господствовалъ въ европейскихъ школахъ, несмотря на то, что были арабскіе учебники гораздо лучше его. Это объясняется полнотою его книги и общимъ настроеніемъ средневѣкового ума, который, избѣгая новизны, покорно слѣдовалъ за установившимся авторитетомъ. Болѣе услугъ наукъ оказалъ математикъ XI вѣка, Аль-Газенъ, „Оптика“ котораго, кажется, много помогла Копернику въ его открытіяхъ. Онъ опровергнулъ греческое понятіе о зрѣніи, доказавъ анатомически и геометрически, что лучи свѣта идутъ не изъ глаза на предметъ, а отъ предмета въ органъ глаза. Онъ объяснилъ, почему мы, хотя и смотримъ двумя глазами, но видимъ одинъ предметъ, а также феномены отраженія и преломленія лучей. Меньше его сдѣлалъ для науки, хотя и пользовался большею славою, Абубасеръ. Многіе до сихъ поръ считаютъ его предшественникомъ Коперника, такъ-какъ онъ отвергалъ систему Птолемея, но онъ отвергалъ ее не на научныхъ основаніяхъ, а на основаніи отвлеченной гипотезы, какъ это дѣлали и многіе другіе арабскіе ученые. Абубасеръ, впрочемъ, имѣлъ на Европу чрезвычайное вліяніе не этой гипотезой, а своимъ романомъ „Философъ-самоучка“, въ которомъ онъ пропагандировалъ идеи александрійской школы. Вообще нужно замѣтить, что вліяніе арабскихъ ученыхъ на развитіе европейской мысли черезчуръ уже преувеличивается многими, въ особенности Дрэперомъ. Знакома съ Аристотелемъ и съ собственными научными открытіями Европу, арабы въ то-же время настраивали умъ въ совершенно абстрактномъ направленіи особенно тѣ изъ нихъ, которые занимались почти исключительно философіей, какъ напр., „свѣтъ ислама“, „столпъ жечети“, Альгаццали. На немъ можно хорошо видѣть примѣръ того двойственнаго направленія, о которомъ мы говоримъ, хотя Альгаццали и былъ извѣстенъ средневѣковой Европѣ только по нападкамъ его противника, Аверроеса. Его „Оживленіе религіознаго знанія“ имѣетъ разительное сходство съ „Методомъ“ Декарта. Допытываясь истины у всѣхъ сектъ, онъ кончилъ тѣмъ, что отвергъ всякій авторитетъ и, руководствуясь греческими скептиками, усомнился во всемъ, но затѣмъ обратился къ мистикамъ александрій-

своей школы и кончилъ чистымъ аскетизмомъ и мистицизмомъ. Въ этомъ состояла и его жизнь, и его философская система.

Альгаццали былъ однимъ изъ сторонниковъ реакціи арабской науки. Въ настоящее время для магометанина философія равнозначительна невѣрію и безнравственности. Тотъ-же взглядъ воцарился и въ Испаніи въ XII вѣкѣ. „Мусульманская реакція, аналогичная той, которая въ католицизмѣ послѣдовала за трентскимъ соборомъ, начала борьбу посредствомъ насилія, говоритъ Ренанъ. — Исламъ усилился и вѣра его адептовъ сдѣлалась болѣе абсолютною. Большая часть сподвижниковъ Магомета плохо вѣрила въ его сверхъестественную миссію, и невѣріе зрѣло втеченіи шести вѣковъ; но съ этихъ поръ мы не видимъ никакого сомнѣнія, никакого протеста“. Аристотель сдѣлался подозрительнымъ, философы изгонялись, ихъ книги сожигались на кострахъ. Въ это время пострадалъ и извѣстный Аверроесъ; за ересь его изгнали изъ Кордовы, а сочиненія, кромѣ медицинскихъ и математическихъ, сожгли. Аверроесъ вслѣдствіе этого не имѣлъ почти никакого вліянія на Востокъ, но за то на Западѣ онъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ двигателей мысли. Съ 1480 по 1580 годъ его сочиненія выдержали въ Европѣ почти 100 изданій, не говоря уже о предшествовавшихъ манускриптныхъ переводахъ. Какъ физикъ, Аверроесъ не имѣлъ ни оригинальности, ни большого вліянія, что-же касается философскихъ комментаріевъ, то о немъ говорили: „природу истолковалъ Аристотель, Аристотеля истолковалъ Аверроесъ“. Онъ передавалъ идеи Аристотеля не вполне и даже въ искаженномъ видѣ, но въ Европѣ считали его совершеннѣйшимъ изъ комментаторовъ и преклонялись передъ авторитетомъ этого передѣланнаго Аристотеля такъ-же раболѣпно, какъ и Аверроесъ. „Аристотель, говоритъ онъ, — началъ и закончилъ всѣ науки; до него не было ни одного писателя, о которомъ стоило-бы упоминать; послѣ него, впродолженіи 15-ти вѣковъ, ни одинъ писатель не прибавилъ къ нему ничего важнаго, не открылъ въ немъ ни одной ошибки“. Аверроесъ рабски слѣдовалъ за Аристотелемъ, но все-таки онъ пробудилъ въ Европѣ тотъ духъ изслѣдованія и знанія, которыя въ концѣ-концовъ должны были положить конецъ владычеству Аристотеля. „Религія философа, говоритъ Аверроесъ, — состоитъ въ изученіи существующаго, и нѣтъ ничего возвышеннѣе такого поклоненія Богу, которое состоитъ въ познаніи его твореній

и ведетъ къ познанію его самого въ его сущности“. Другой мыслитель, не имѣвшій никакого вліянія на Востокъ и получившій громкую извѣстность въ Европѣ, былъ еврей Авицеронъ, авторъ философскаго трактата „Источникъ жизни“. Въѣхавъ со множествомъ другихъ евреевъ, начиная съ Филона и кончая Спинозой, онъ имѣлъ сильное вліяніе на развитіе европейской мысли. Вообще евреи дѣятельно участвовали въ умственномъ развитіи Европы. „Въ мусульманскомъ мірѣ, какъ и въ мірѣ христіанскомъ, говоритъ Мюнхъ, — еврей, удаленные отъ общественной жизни, преслѣдуемые ненавистью и презрѣніемъ, окруженные опасностями, которыми постоянно грозилъ имъ фанатизмъ толпы, находили себѣ спокойствіе и счастье только въ полномъ уединеніи. Еврейскіе ученые предавались наукамъ съ безкорыстнымъ увлеченіемъ“. Въ Испаніи евреи были главными послѣдователями философіи и распространяли знанія по всей Европѣ своими переводами и личными сношеніями съ государями и дворянами, которые подчиняли сынамъ Израиля и свои умы, и свое тѣло, какъ лучшимъ медикамъ.

„Разсматривая труды арабовъ, говоритъ Льюисъ, — мы поражаемся тѣмъ фактомъ, что всѣ эти ученые происходили изъ знатныхъ семействъ, всѣ занимали важное положеніе въ обществѣ, писали по множеству томовъ, всѣ были послѣдователями Аристотеля и болѣе или менѣе занимались наукой, въ особенности медициной, — но при всемъ томъ, несмотря ни на такія преимущества своего положенія, ни на свои усилія, они оставили науку почти такую-же, какою нашли ее, и нельзя сказать, чтобы подвинули впередъ философію. Наука не обязана имъ никакимъ плодотворнымъ открытіемъ. Они усовершенствовали инструменты, собирали факты, поддерживали священный огонь, но всѣ ихъ труды были неудачны вслѣдствіе метода... Въ астрономіи, въ химіи, въ медицинѣ арабы сдѣлали нѣсколько второстепенныхъ улучшеній, но не открыли никакихъ законовъ, не дошли ни до одной изъ тѣхъ концепцій, которыя дѣйствуютъ при изслѣдованіи, какъ импульсы и регуляторы. Преемники великаго Гишарха, они мало обращали вниманія на наблюденіе. По мнѣнію Деламбра (*Astronomie du moyen âge*), арабы руководились преимущественно наблюденіемъ; но ихъ неудачи представляются однимъ изъ многихъ примѣровъ безсилія наблюденія, когда оно не управляетъ истиннымъ методомъ, который учитъ *что* и *какъ* должно

наблюдать. Они приняли математику александрийцевъ, но, къ несчастію, въ то-же время приняли и метафизику александрийцевъ, и астрологию халдеевъ. Вслѣдствіе этого они великое орудіе тригонометріи, которое давало возможность развитія астрономіи, какъ наукѣ, прилагали къ рѣшенію такихъ задачъ, какъ вліяніе звѣздъ на судьбу человѣка. Наконецъ, ихъ суевѣрное уваженіе къ греческимъ теоріямъ дѣлало невозможнымъ прогрессъ“. Но при всемъ этомъ они имѣли большое вліяніе на развитіе европейской мысли. Въ концѣ XII вѣка, какъ мы видѣли, схоластика дошла до такого хаоса, что дальнѣйшее существованіе ея сдѣлалось невозможнымъ. Въ XIII вѣкѣ начали распространяться переводы арабскихъ писателей, и европейцы впервые узнали изъ нихъ о научныхъ и метафизическихъ трудахъ Аристотеля, между тѣмъ какъ раньше была извѣстна одна только его логика. Но, — что еще важнѣе ознакомленія съ Аристотелемъ, — арабы пробудили въ Европѣ духъ научнаго изслѣдованія, который вскорѣ-же принесъ тѣмъ болѣе хорошіе плоды, что его возникновеніе совпало съ чрезвычайно важными пережѣнами, совершившимися или начавшимися въ XIII вѣкѣ въ европейскомъ обществѣ. Мірскія притязанія духовенства потерпѣли неудачу, столкнувшись съ стремленіями свѣтской власти; феодализмъ палъ, и руководство мірскими дѣлами перешло изъ рукъ *силы* въ руки *закона*. Развитіе промышленности вело за собой ослабленіе военнаго духа, упрочивало общественный миръ и давало большую, чѣмъ прежде, возможность развитію и распространенію точныхъ знаній. Познаніе природы вытѣсняло принципы стараго міросозерцанія и понятіе о случайныхъ вмѣшательствахъ замѣнялось идеей о неизмѣнныхъ *законахъ* вселенной.

Схоластика пала, и мысль нуждалась въ одно и то-же время и въ авторитетѣ, и въ свободѣ. Первая потребность была удовлетворена возстановленіемъ Аристотеля, вторая — развитіемъ точныхъ знаній. Представителемъ перваго изъ этихъ движеній былъ Альбертъ Великій, представителемъ второго — Роджеръ Бэконъ.

Альбертъ, графъ Больштатъ, родился въ Швабіи, въ 1193г., изучалъ въ Парижѣ діалектику, въ Падуѣ математику и медицину, во многихъ другихъ университетахъ метафизику, былъ доминиканцемъ-проповѣдникомъ, потомъ епископомъ, наконецъ профессоромъ въ Кельнѣ. Онъ оставилъ двадцать съ лишнимъ огромныхъ фоліо-

янтовъ сочиненій. Альбертъ не былъ ни самостоятельнымъ ученымъ, ни замѣчательнымъ философомъ, а только энциклопедистомъ. Прежде всего онъ познакомилъ Европу со всѣмъ Аристотелемъ, снабдивъ текстъ его своими комментаріями и объясненіями арабскихъ писателей. И хотя Альбертъ во многихъ существенныхъ отношеніяхъ подчинялъ разумъ авторитету, но, распространяя научныя знанія, почерпнутыя имъ изъ Аристотеля и арабскихъ писателей, онъ направлялъ мысль на новые предметы, неизвѣстные прежней схоластикѣ. Онъ знакомилъ слушателей и читателей съ физикой, алхиміей, естественной исторіей, этикой. Алхимія была его любимѣйшимъ занятіемъ, почему народъ и считалъ его магиномъ. Независимо отъ распространенія знаній, Альбертъ и его послѣдователи приучали умъ къ всестороннему изслѣдованію, употребляя тотъ же методъ, какимъ пользовался и Абельяръ, именно приводя противъ извѣстнаго тезиса всевозможныя возраженія и отвѣчая на нихъ.

Въ XIII в. мы видимъ группу независимыхъ мыслителей, которые изучаютъ математику и физику, мечтаютъ о коренномъ переломѣ въ наукѣ, издѣваются надъ болтовней схоластиковъ и надъ идолопоклонствомъ Аристотелю. Таковъ былъ, напр., епископъ линкольнскій Робертъ Гроссетъ. Онъ не щадилъ ни папу, ни Аристотеля, ни монаховъ, ни схоластиковъ; духовенство проклидало его, народъ боялся; его считали колдуномъ и называли антихристовымъ папой. Онъ и нѣкоторые другіе подобныя-же люди были учителями Роджера Бэкона, величайшаго мыслителя среднихъ вѣковъ. Бэконъ зналъ по-гречески, по-еврейски, по-арабски, по-халдейски, не говоря уже о латыни; онъ считалъ схоластиковъ варварами, искажившими Аристотеля, но онъ не преклонялся и передъ Аристотелемъ, а пробовалъ свой, совершенно самостоятельный путь опытнаго знанія. Онъ занимался математикой, оптикой, алхиміей, земледѣліемъ впродолженіи сорока лѣтъ и истратилъ на одни только опыты 2,000 ливровъ. Но онъ поступилъ въ францисканскій монастырь, и здѣсь начались страданія его великаго ума, очутившагося во вражескомъ плѣну. Ему запретили читать и писать. Если онъ объяснялъ, какъ нужно считать и наблюдать звѣзды, его обвиняли въ сношеніяхъ съ дьяволомъ, даже отождествляли съ дьяволомъ. „Монахъ Бунгей, говоритъ одинъ церковный историкъ,—

имѣлъ глубокія познанія въ математикѣ, по вдохновенію сатаны или-же по наученію Роджера Бэкона“. Бэконъ-же, въ свою очередь, приписывалъ невѣжественную боязнь математики вліянію дьявола, и тѣмъ еще болѣе вооружалъ противъ себя своихъ враговъ, въ числѣ которыхъ были и Альбертъ Великій, и Фома Аквинатъ. Его, наконецъ, заключили въ монастырскую тюрьму. До какой степени католическое монашество было враждебно научной мысли, можно видѣть уже изъ одного того обстоятельства, что когда ученый папа, Климентъ IV, узнавъ о Бэконѣ, захотѣлъ познакомиться съ его сочиненіями, то просилъ письмомъ прислать ихъ къ нему поскорѣе и секретно отъ монастырскаго начальства. Но сочиненіе, которое просилъ Климентъ, было еще не написано, а чтобы изложить результаты сорокалѣтнихъ опытовъ и размышленій, требовалось много времени и денегъ на наемъ писцовъ и т. д., да при этомъ, вдобавокъ ко всему, работать приходилось тайкомъ отъ начальства и его шпионовъ. Но Бэконъ преодолѣлъ всѣ препятствія и въ полтора года составилъ для папы „Большое сочиненіе“, „Малое сочиненіе“ и „Третье сочиненіе“. Они мало были извѣстны въ старину; первое изъ нихъ напечатано только въ 1733 г., а два послѣднія въ 1859 г. „Идеи Роджера Бэкона, говоритъ его биографъ,—почти триста лѣтъ скрывались въ рукописяхъ, пока не явился другой Бэконъ, который воспользовался ими, развилъ ихъ и, окруженный болѣе благопріятными обстоятельствами, окончателно ввелъ ихъ въ науку“. По силѣ своего ума первый Бэконъ былъ даже выше второго, что-же касается ихъ нравственныхъ личностей, то малодушный царедворецъ Іакова I просто ничтоженъ сравнительно съ нищимъ монахомъ, который съ такою энергіей отстаивалъ права мысли. Роджеръ Бэконъ, подобно Франциску, вооружался противъ авторитета древности и впервые въ Европѣ развивалъ очевидную для насъ, но совершенно новую для того времени мысль, что уваженіе къ древности основано на одномъ словесномъ недоразумѣніи, что *древность* сама-по-себѣ есть не *старость*, а *молодость* міра, и, напротивъ, чѣмъ *новѣе* время, тѣмъ оно *старше* и мудрѣе. Онъ первый постигъ идею постепеннаго прогресса. Онъ первый, отвергнувъ Аристотеля и схоластическій методъ схоластиковъ, старался дать мысли надежнаго руководителя въ опытномъ методѣ, посредствомъ котораго только

она и могла найти выходъ на свѣтъ Божій изъ средневѣковыхъ потемокъ. Бэконъ до крайняго энтузіазма увлекался своимъ методомъ. Онъ утверждалъ, что съ помощью его онъ не только можетъ въ три или шесть мѣсяцевъ научить кого угодно всему тому, чему онъ научился въ продолженіи сорока лѣтъ, но даже въ три дня можетъ выучить по-еврейски или по-гречески. Расчищая путь своему методу, Бэконъ указывалъ на четыре главныхъ препятствія, мѣшающихъ познанію истины: на вліяніе недостойнаго авторитета, обычаевъ, несовершенство неподготовленныхъ чувствъ и „ослѣпленіе нашего невѣжества призрачною мудростью“. Безусловный научный авторитетъ и общественное мнѣніе возбуждали въ немъ самое горячее негодованіе. Онъ указываетъ, какъ шатки даже авторитеты мудрѣйшихъ философовъ и отцовъ, „которые были дѣйствительно мудры, но не мудры въ своемъ сопротивленіи истинѣ“. Онъ считаетъ однимъ изъ слабѣйшихъ доказательствъ ссылку на традицію и даже думаетъ, что чѣмъ древнѣе и распространеннѣе извѣстное мнѣніе, тѣмъ болѣе вѣроятя, что оно—предразсудокъ. Что-же касается общественнаго мнѣнія, то народъ кричалъ о Христѣ: „распни его!“ Философію постоянно преслѣдовали, Сократа умертвили, Аристотеля оклеветали, Авиценну и Аверроеса гнали; „словомъ, кто только ни пытался реформировать философію, тому препятствовали всевозможными способами; тѣмъ не менѣе истина торжествовала и она будетъ торжествовать вплоть до пришествія антихриста“. Что-же касается обвиненій Бэкона въ ереси, то они были вполне неосновательны, и онъ, будучи первостепеннымъ мыслителемъ своего времени, былъ въ то-же время истиннымъ католикомъ. „Я, говоритъ онъ,—вполнѣ признаю тотъ истинный и непоколебимый авторитетъ, который Богъ вручилъ церкви или который получили за свои заслуги св. философы и отцы“. Для постиженія истины онъ вездѣ рекомендуетъ прежде всего св. писаніе, потомъ математику и опытъ. „То, что знаетъ человѣкъ, мало и ничтожно сравнительно съ тѣмъ, чему онъ вѣритъ. Глупъ тотъ, кто много думаетъ о своей мудрости; еще глупѣе тотъ, кто выставляетъ ее, какъ что-нибудь изумительное“. Бэконъ старался помирить разумъ съ откровеніемъ и нападалъ на ту двойственность, какою отличались многіе мыслители его времени, разсматривавшіе вопросы на основаніи писанія и потомъ на основаніи философіи и дававшіе

разные отвѣты съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія. Онъ называетъ ихъ самыми безумными еретиками, „ибо то, что противно или чуждо мудрости Божіей, то ошибочно, безумно и непригодно для людей“. Вся мудрость находится въ писаніи, но и философія открыта Богомъ для лучшаго разумѣнія писанія. Философіей Бэконъ доказываетъ догматы и ставитъ ее выше авторитета, что, конечно, противорѣчитъ предыдущимъ положеніямъ; но таково ужъ было вообще положеніе тогдашней мысли. „Въ каждой наукѣ, говоритъ онъ,—мы должны слѣдовать лучшему методу, т.-е. изучать каждую часть ея въ должномъ порядкѣ, полагая сперва то, что въ началѣ, легкое прежде труднаго, общее прежде частнаго, простое прежде сложнаго. Изложеніе должно быть демонстрированіемъ, а это невозможно безъ опыта. У насъ есть три способа знанія: авторитетъ, рассужденіе и опытъ. Авторитетъ не имѣетъ никакой цѣны, пока не показано его основаніе. Въ рассужденіи мы отличаемъ софизмъ отъ демонстраціи, повѣряя выводъ опытомъ“. Науку онъ считаетъ *первой философіей* и смѣется надъ методомъ своихъ современниковъ, объяснявшихъ физическія явленія „отъ разума“. Опытная наука выше спекулятивныхъ, такъ-какъ повѣряетъ ихъ выводы и изслѣдуетъ самостоятельно тайны природы. Бэконъ видѣлъ и общую связь наукъ. „Всѣ онѣ связаны и помогаютъ другъ другу, какъ части одного цѣлаго, изъ которыхъ каждая, дѣлая свое дѣло, дѣлаетъ не для себя только, но и для другихъ“. Это говорилось въ то самое время, когда Альбертъ Великій протестовалъ противъ введенія математики въ физику.

Бэконъ не оставилъ послѣ себя школы, не подорвалъ схоластики, не свергнулъ Аристотеля: онъ былъ слишкомъ впереди своего вѣка, его вліяніе сказалось позднѣе, а въ это время все еще продолжалъ царить Стагиритъ. Его логика и физика, вмѣстѣ съ платонеевской системой, были буквально священными доктринами, на которыхъ совершенно успокоивались умы полуобразованной массы и ученыхъ педантовъ. Рассказываютъ, что одинъ студентъ открылъ пятно на солнцѣ и сообщилъ объ этомъ одному достопочтенному патеру. „Сынъ мой, отвѣчалъ послѣдній,—я много разъ читалъ Аристотеля, и увѣряю тебя, что онъ не упоминаетъ ни о чемъ подобномъ. Иди съ миромъ и будь увѣренъ, что видѣнные тобою пятна находятся въ твоихъ глазахъ, а не на солнцѣ“. Когда Ра-

мусь просилъ разрѣшенія учить въ Женевѣ, ему отказали на томъ основаніи, что „женевцы порѣшили однажды навсегда ни въ логикѣ, ни въ какой-либо другой отрасли знанія ничуть не отступать отъ мнѣній Аристотеля“. Даже въ 1624 г. парижскій парламентъ своимъ декретомъ изгонялъ всѣхъ, дерзавшихъ опровергать Аристотеля, а въ 1629 г. Сорбонна объявила, что кто противорѣчитъ Аристотелю, тотъ противорѣчитъ церкви. Аристотеля хотѣли даже причестъ къ лику святыхъ! Даже Бѣзкону трудно было повалить этого идола, особенно при его обстоятельствахъ и при нераспространенности его сочиненій. Индуктивный методъ былъ противенъ и теологамъ, и метафизикамъ, и въ то время, какъ послѣдователи Дунса Скотта и Фомы Аквината наполняли всю Европу шумомъ своихъ пустыхъ схоластическихъ споровъ, въ 1243 г. доминиканцы запретили изученіе медицины и физическія изслѣдованія, а въ 1287 г. была объявлена опасною химія. Но схоластика доживала уже послѣдніе дни; она кончила тѣмъ, что избрѣла упомянутое уже нами двойное объясненіе истины съ двухъ самостоятельныхъ и совершенно независимыхъ одна отъ другой точекъ зрѣнія—писанія и авторитета. Въ началѣ XIV вѣка англичанинъ Оккамъ, отрицавшій свѣтскую власть папы, разбилъ на голову реалистовъ и провозгласилъ единственными руководителями философіи разумъ и опытъ. „Оккамъ, говоритъ Горо,—былъ не только главой великой школы, но имѣлъ большое вліяніе и на враждебныя ему школы. Когда онъ призывалъ на почву дѣйствительности умы, утопленные тщетными и трудными поисками въ сферахъ невозможнаго, его охотно слушали. Въ тринадцатомъ вѣкѣ изученіе философіи было пламенною страстью; но въ началѣ четырнадцатаго умы успокоились, и такъ-какъ они сознали необходимость въ методѣ, то были расположены слѣдовать за новымъ руководителемъ, который повелъ-бы ихъ. Этимъ руководителемъ былъ Оккамъ“, доставившій номинализму окончательную побѣду надъ реализмомъ, въ которомъ не было ничего реальнаго.

Такимъ образомъ, средневѣковая мысль, отрѣшившаяся отъ природы и непонимавшая даже своихъ классическихъ учителей, мало-по-малу возвращалась на почву дѣйствительности, знакомясь больше и больше съ подлинною мудростью древнихъ. Она вполне постигла эту мудрость только въ эпоху возрожденія, и чувство природы вос-

торжествовало надъ извращенными стремленіями средневѣкового ума, мысль обратилась къ природѣ, къ ея воспроизведенію въ искусствѣ, къ точному познанію ея. Но вернувшись къ природѣ, цивилизованная мысль все-таки оставалась попрежнему чуждою народной массѣ, и ея дальнѣйшее развитіе встрѣтило сильныя препятствія въ тѣхъ элементахъ, которые она игнорировала. Еретики и вѣдьмы съ одной стороны, инквизиція и іезуиты съ другой, войны и утвержденіе абсолютизма, крестьянскія движенія и реакціи имъ — все это чрезвычайно невыгодно должно было отразиться на развитіи мысли.

С. Старицкѣ.

(Продолженіе будетъ.)

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

(Отрывокъ изъ поэмы.)

(Посвящается А. К. Шеллеру.)

Ей дѣтство ея вспоминалось, какъ сонъ,
Въ крестьянскомъ семействѣ, въ деревнѣ родной,—
Тотъ сонъ никогда не вернется, но онъ
Оставилъ свой слѣдъ золотой
Въ душѣ молодой.

Ей помнилось, мать по ночамъ ей поеть
Унылыя пѣсни свои,
А въ свѣтѣ лампы глядитъ изъ кіотъ
Христось, и въ глазахъ его столько любви!
А взглядъ его манитъ, зоветъ...

Ей помнился старый таинственный садъ
Въ далекой глуши
И прудъ потемнѣвшій, и тополи въ рядъ,
Стоявшіе мрачно вокругъ старыхъ палатъ,
Сгнивающихъ въ сонной тиши.

Украдкой она заберется туда,
Глазѣтъ на окна, на домъ.
Ей дивнаго чудится много тогда:
Красивыя дамы мельбаютъ кругомъ
И залы сверкаютъ огнемъ.

Все то, что слышать приходилось отъ слугъ
О жизни бывающей господъ,
Все то, что уловить ребяческой слухъ
Въ тѣхъ пѣсняхъ, что мать надъ ребенкомъ поеть,
Предъ нею тогда возстаетъ;

Но больше тѣхъ блестящихъ фантазій ей
 Былъ дорожка запущенный прудъ.
 Ей чудилось множество тутъ
 Старинныхъ пріятелей, нѣжныхъ друзей
 Средь желтыхъ утятъ и гусей.

И до сыта съ ними о всемъ,
 Что думаетъ, слышитъ, о всѣхъ чудесахъ
 Она наболтается днемъ.
 Измазавшись грязью, съ травой въ волосахъ,
 Вернется домой впопыхахъ.

Крестьяне, среди пожелтѣвшихъ полей,
 Встрѣчались тогда на пути,
 Ласкали ее, цѣловали у ней
 Глазенки и пряди бѣлѣвшихъ кудрей,
 Безъ ласкъ не давали пройти.

Вернувшись съ покоса, работница-мать
 Устала ужъ ждать.
 Въ объятія родной
 Съ серебрянымъ хохотомъ бросится дочь
 И возится мать съ ней точь-въ-точь,

Какъ съ куклою какой!...
 Еще вспоминался ей старенькій дѣдъ,
 Согбенный, сѣдой...
 (Онъ пасѣчникъ былъ...
 До сказокъ охотнее большой,

И дѣтокъ на старости лѣтъ
 Ужасно любилъ.)
 Не страшны ей тучи летающихъ пчелъ,—
 Въ шалашъ проберется она
 Къ нему вечеркомъ...

Онъ сѣти вязалъ или лапотки плелъ,
 А пчелы звенѣли кругомъ,
 Какъ струна...
 Пѣвуче, размѣреннымъ голосомъ, дѣдъ
 Безъ усталости сказывалъ ей

О вѣдьмахъ, о лѣшихъ, о томъ, что сосѣдъ
 Коздунъ, и о томъ, что во мракѣ ночей
 Надъ селами носится огненный змѣй...

Ужь солнце растаяло въ блескѣ зари,
Трава засвѣтлѣла росой,

Съ полей возвращаясь, идутъ косари,
И пыль по дорогѣ сухой
Встаетъ розоватой волной...

Сейчасъ по дорогѣ за нею зайдутъ:
Мать знаетъ, что дочка ужь тутъ.

И волей-неволей плетется она
За матерью, грезъ и фантазій полна
О вѣдьмахъ, о лѣшихъ, унесшихъ въ лѣса
И бѣды, и зло, и лишь только порой
Творящихъ свои чудеса

Съ породой людской.
А въ людяхъ одна лишь любовь да любовь
Повсюду встрѣчалася ей,
Отъ желтыхъ утятъ, отъ ласкавшихъ людей,
Отъ лика, что въ темной кротѣ своей,

Подъ страднымъ вѣнцомъ, проливаячи кровь,
Кивалъ ей во мракѣ ночей.

Л. Оболенскій.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВА И ЕГО ЛИТЕРАТУРА *).

„Я полагаю, многимъ изъ гг. членовъ собранія извѣстно, что въ одной изъ книжекъ журнала „Дѣло“ за прошлый годъ было напечатано свидѣніе о ходѣ народнаго образованія въ нашемъ уѣздѣ. Въ этой статьѣ прямо высказывалось, что землевладельцы екатеринбургскаго уѣзда несочувственно отнеслись къ дѣлу народнаго образованія, и только благодаря энергіи и настояніямъ представителя отъ горнаго вѣдомства, полковника Штейнфельда, школы получили необходимое обезпеченіе“.

И. Русановъ, гласный екатеринбургскаго земства.

(„Постановл. екатер. земства“, 1874 г.)

I.

1 января 1875 года исполнилось одиннадцать лѣтъ со времени изданія положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Въ эти одиннадцать лѣтъ дѣятельность земства успѣла представить не мало доказательствъ несомнѣнной полезности своего существованія, хотя, съ другой стороны, въ этой дѣятельности найдется не мало и пробѣловъ, замѣтныхъ даже съ перваго взгляда, много начатаго и

*) 1) Постановленія 4-го очереднаго екатеринбургскаго уѣзднаго земскаго собранія сентябрьской сессіи 1873 г. и доклады управы. Екатеринбургъ, 1874 г. 2) Журналы 4-го очереднаго шадринскаго уѣзднаго земскаго собранія и доклады шадринской уѣзднои земской управы 1873 г. Камышловъ, 1874 г. 3) Журналы орловскаго уѣзднаго земскаго собранія, вятской губерніи, 7-й очереднои сессіи 1873 года и доклады управы съ отчетомъ о ея дѣйствіяхъ; въ двухъ частяхъ. Вятка, 1874 г. 4) Отчеты кобеляжской уѣзднои земской управы о дѣйствіяхъ ея по веденію земскаго дѣла въ кобеляжскомъ уѣздѣ съ 1 января 1873 г. по 1 января 1874 г. и журналы 10-го очереднаго кобеляжскаго уѣзднаго земскаго собранія 1874 г. Полтава, 1874 г. 5) Сводъ журналовъ полтавскаго губернскаго земскаго собранія 10-го очереднаго созыва 1874 г. Съ приложеніями къ нимъ и нѣкоторыми докладами губернской управы, бывшими на разсмотрѣніи этого собранія. Полтава, 1874 г. 6) Журналы хотинскаго уѣзднаго 1-го (второго трехлѣтія) очереднаго земскаго собранія. Каменецъ-Подольскъ, 1874 г. 7) Отчетъ о дѣйствіяхъ одесской

неоконченнаго, много проэктированнаго и неосуществленнаго, — однимъ словомъ, много такихъ крупныхъ недостатковъ, которые вполне заслуживаютъ и осужденія, и подчасъ рѣзкаго упрека. Какъ-бы то ни было, но десятилѣтняя хроника земской дѣятельности, если не вполне представляетъ намъ энергическій порывъ молодого, только-что начинающаго пробовать свои силы въ общественной дѣятельности таланта, а скорѣе напоминаетъ собою скорбный листъ челоуѣка уже пожившаго и поболѣвшаго, однако и въ скорбномъ листѣ этомъ нельзя не видѣть болѣе признаковъ выздоровленія больнаго челоуѣка, чѣмъ признаковъ безнадежнаго упадка силъ.

Передъ нами масса изданій, специально относящихся къ дѣятельности земствъ разныхъ мѣстностей Россіи. Самая наружность, объемъ, содержаніе и даже внѣшніе типографскіе признаки — все говоритъ о томъ, что дѣятельностью земства вызвана соответ-

уѣздной земской управы, съ 1 сентября 1873 г. по 1 августа 1874 г. Одесса, 1874 г. 8) Журналы 4-го очереднаго камышловскаго уѣзднаго земскаго собранія и доклады камышловской уѣздной земской управы 1873 г. Камышловъ, 1874 г. 9) Журналы суджанскаго очереднаго уѣзднаго земскаго собранія. Курскъ, 1874 г. 10) Журналы брянскаго уѣзднаго земскаго собранія 1873 г. Орель, 1874 г. 11) Журналы 4-го очереднаго пермскаго уѣзднаго земскаго собранія и доклады собранія пермской уѣздной земской управы съ приложеніями. Пермь, 1874 г. 12) Журналы чрезвычайнаго брянскаго уѣзднаго земскаго собранія 1873 г. Брянскъ, 1874 г. 13) Отчетъ брянской уѣздной земской управы о дѣйствіяхъ ея за 1873 — 74 гг. Брянскъ, 1874 г. 14) Журналы экстреннаго калужскаго уѣзднаго земскаго собранія 6 мая 1874 г. Калуга, 1874 г. 15) Отчетъ о суммахъ земства, состоящихъ въ завѣдываніи зарайской уѣздной земской управы. Рязань, 1874 г. 16) Постановленія зеньковскаго уѣзднаго земскаго собранія 10 созыва 1874 г. Полтава, 1874 г. 17) Постановленія экстреннаго зеньковскаго уѣзднаго земскаго собранія 4 сентября 1873 г. Полтава, 1874 г. 18) Отчетъ новосильской уѣздной земской управы. Тула, 1874 г. 19) Журналы очереднаго земскаго собранія харьковскаго уѣзда 1874 г. Харьковъ, 1874 г. 20) Журналы 3-го чрезвычайнаго и 4-го очереднаго чердынскихъ уѣздныхъ земскихъ собраній. Ирбитъ, 1874 г. 21) Отчетъ лайшевской уѣздной земской управы о состояніи уѣзднаго земскаго хозяйства въ 1873—74 гг. Казань, 1874 г. 22) Постановленія солигалическаго уѣзднаго земскаго собранія. Кострома, 1874. 23) Отчетъ полтавской уѣздной земской управы. Полтава, 1874 г. 24) Журналы полтавскаго уѣзднаго земскаго собранія 10-го созыва 1874 г. Полтава, 1874 г. 25) Журналы симбирскаго уѣзднаго земскаго собранія 1873 г. Симбирскъ, 1874 г. 26) Журналы 4-го очереднаго ирбитскаго уѣзднаго земскаго собранія 1874 г. Ирбитъ, 1874 г. 27) Журналы 4-го очереднаго оханскаго уѣзднаго земскаго собранія. Казань, 1874 г. 28) Журналы 4-го очереднаго кунгурскаго уѣзднаго земскаго собранія сентябрьской сессіи 1873 г. Вятка, 1874 г. 29) Отчетъ полтавской губернской земской управы за 1873 г. Полтава, 1874 г.

Не перечисляемъ здѣсь остальной земской литературы, съ которою мы, впрочемъ, въ свое время надѣемся познакомить читателей.

ственная дѣятельность печати даже въ такихъ далекихъ уголкахъ русской земли, въ такихъ захолустьяхъ, о которыхъ можно знать развѣ только по календарямъ,—въ захолустьяхъ, гдѣ едва ли можно было подозрѣвать присутствіе типографій и людей, умѣющихъ обращаться съ печатнымъ станкомъ. А земская дѣятельность, между тѣмъ, обнаруживаетъ намъ, что въ этихъ, непопавшихъ даже въ учебникъ географіи, никому невѣдомыхъ городахъ, о которыхъ Гоголь говоритъ, что если оттуда пришлось-бы свакать на почтовой тройкѣ, то въ три года не доскачешь ни до какого государства,—что въ этихъ, повидимому, забытыхъ цивилизаціею городишкахъ есть уже и своя типографія, и въ этихъ типографіяхъ печатаются отчеты, журналы, проекты и т. п. Земская дѣятельность съ ея спеціально-земскою печатью разоблачаетъ передъ нами общественную жизнь, общественные интересы, общественныя нужды, чаянія и стремленія этихъ осмѣянныхъ Гоголемъ бѣдныхъ городковъ, и что обитатели этихъ неудобовыговариваемыхъ городовъ умѣютъ уже говорить не объ одномъ преферансѣ съ его самъ-шесть и самъ-семь, но научаются вести публичныя пренія, говорить рѣчи, не сочиненныя дома, не по тетрадкамъ, а отвѣчаютъ на дѣльное, подчасъ и не дѣльное слово своихъ сотоварищей рѣчью логическою, дѣловою, нерѣдко и краснорѣчивою, если не по формѣ, не по изложенію, то по неотразимой убѣдительности практическихъ замѣчаній, по логической послѣдовательности и по вѣскости фактовъ. И все это, къ изумленію нашему, раскрываетъ передъ нами земская литература въ послѣдніе годы, точно изъ земли выросшая. Она открываетъ передъ нами новый міръ, о существованіи котораго почти не знали наши интеллигентные центры и почти не догадывалась печать, поглощенная своими интересами...

Мы не хотимъ умалчивать, что наша печать, безспорно съ добрыми намѣреніями, не мало посмѣялась надъ нашею бѣдною провинціальною жизнію и общественною дѣятельностью. Въ этомъ горькомъ, а подчасъ и неизвѣстномъ смѣхѣ была своя доля справедливости. Но смѣхъ, вызываемый неудачными, а иногда и безобразными явленіями жизни, нерѣдко преувеличиваемыми изъ протестительнаго желанія скорѣе избавиться отъ нихъ, часто достигалъ не тѣхъ результатовъ, какіе были желательны: смѣхъ от-

рицаль уже самъ собою спокойную оцѣнку явленій жизни, которыя далеко не заслуживали насмѣшекъ.

Пора литературѣ привлечь къ оцѣнкѣ всѣ тѣ явленія жизни, въ которыхъ хотя и была извѣстная доля смѣшного, а нерѣдко и возмутительнаго, но въ которыхъ, однако, положительныя, хорошія качества преобладали надъ тѣневыми сторонами и, при силѣ количественной послѣднихъ, побѣда въ концѣ концовъ все-таки оставалась на сторонѣ первыхъ, болѣе сильныхъ качественно. Но подвести итоги земской дѣятельности за цѣлыя десяти лѣтъ—это дѣло не легкое, хотя полная оцѣнка этой дѣятельности и была-бы возможна только при подведеніи этихъ итоговъ и при выводѣ, такъ-сказать, среднихъ величинъ изъ суммы всѣхъ другихъ однородныхъ величинъ, выражающихъ разнообразную земскую дѣятельность, вмѣстѣ взятыхъ и подведенныхъ къ одному знаменателю. Систематизировать результаты земской дѣятельности также дѣло не легкое, потому-что хотя потребности земства и сфера его дѣятельности, уже по силѣ только Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, повидимому, строго опредѣлены закономъ и ограничены извѣстною рамкою, изъ которой земство выступать не можетъ, однако, русская земля такъ велика, условія ея мѣстностей, какъ экономическія, такъ и общественныя, не говоря уже о климатическихъ, географическихъ, историческихъ и прочихъ, до того разнообразны, а оттого и нужды разныхъ населеній, ихъ чаянія и стремленія, ихъ общественныя и экономическія задачи до того разнородны, какъ разнородна и своеобразна жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ,—что подвести подъ одну общую норму всѣ эти разнородные земскіе элементы было-бы невысказимо и противно самымъ условіямъ жизни. Въ виду этого мы избираемъ для возможно-вѣрной, хотя приблизительно, оцѣнки земской дѣятельности соотвѣтственный этому путь: мы будемъ преимущественно останавливаться на наиболѣе выдающихся, жизненныхъ сторонахъ земскаго дѣла по отдѣльнымъ земствамъ и отъ многихъ частныхъ случаевъ восходить къ общимъ заключеніямъ, на-сколько эти заключенія будутъ возможны и на-сколько они не будутъ казаться преждевременными.

Передъ нами теперь послановленія екатеринбургскаго земства, которое, какъ можно видѣть изъ эпиграфа въ настоящей статьѣ, косвенно затронуло вопросъ, довольно важный для печати, т. е. на-

сколько печать, средствами, доступными ей, могла-бы служить интересамъ земства и на-сколько земство не прочь было-бы до известной степени идти рука-объ-руку съ печатью во имя общаго блага. Изъ протоколовъ екатеринбургскаго земскаго собранія 1873 года мы видимъ, что солидарность земства и печати, въ сферахъ, имъ доступныхъ, не невозможное, и что когда „Дѣло“ въ одной изъ своихъ статей отнеслось критически къ дѣятельности екатеринбургскаго земства по отношенію къ народному образованію въ томъ краѣ, то это законное, хотя косвенное, вмѣшательство печати въ земское дѣло вызвало оживленныя пренія въ екатеринбургскомъ земскомъ собраніи сентябрьской сессіи 1873 года.

Въ засѣданіи 27 сентября въ екатеринбургскомъ земствѣ читался докладъ земской управы о мѣстныхъ народныхъ школахъ. Затѣмъ членъ училищнаго совѣта, г. Штейнфельдъ, читалъ особый докладъ о томъ-же предметѣ и, между прочимъ, высказалъ предположеніе о необходимости увеличенія средствъ на народное образованіе вмѣсто 15,000 руб. до 24,000. На это одинъ изъ гласныхъ, г. Кобшаровъ, заявилъ, что ассигновка, испрашиваемая членами училищнаго совѣта, слишкомъ велика, что екатеринбургское земство, назначивъ возможную цифру на народныя школы—15,000 р.—сдѣлало по своимъ платежнымъ средствамъ такъ много, что испрашивать послѣ этого 24 тысячи—значить не сообразоваться съ матеріальными средствами земства и требовать невозможнаго; что, наконецъ, учебныя пособія, на которыя г. Штейнфельдъ требуетъ тоже прибавки, не могли-же быть израсходованы. „Что-нибудь да остается-же“, заключаетъ г. Кокшаровъ свое заявленіе.

Замѣчательно, что на это заявленіе первымъ изъ гласныхъ возражаетъ *крестьянинъ* Мелединъ.

— Въ докладѣ гг. членовъ училищнаго совѣта, говоритъ онъ, — испрашивается увеличеніе ассигновки на народныя школы въ тѣхъ видахъ, чтобъ имѣть возможность увеличить содержаніе учителей. По моему мнѣнію, это имѣетъ основаніе. Мнѣ известны нѣкоторыя примѣры, что хорошіе учителя нашихъ школъ въ волостяхъ, ближайшихъ къ другимъ уѣздамъ, переходятъ отъ насъ туда потому только, что, напр., въ камышловскомъ и ирбитскомъ уѣздахъ содержаніе учителей обезпеченнѣе. Что-же касается учебныхъ пособій, то расходъ ихъ въ годъ очень понятенъ: они требуются каждый день, и, расходуясь, должны-же пополняться. Безъ учебныхъ пособій въ

полномъ, необходимомъ количествѣ дѣло обученія не можетъ идти какъ слѣдуетъ.

Это говорить крестьянинъ, можетъ быть, не далѣе, какъ двѣнадцать лѣтъ назадъ, работавшій на барщинѣ. Это говорить крестьянинъ далекой русской окраины, стоящей уже за уральскими хребтомъ, и упоминаетъ о „Россіи“ какъ о чемъ-то очень далекомъ: онъ выражается не такъ, какъ мы привыкли вездѣ слышать, — не „у насъ въ Россіи“, а „у нихъ въ Россіи“, тамъ гдѣ-то, далеко, за высокими горами.

Крестьянину Меледину и полковнику Штейнфельду возражаетъ гласный Русановъ. Онъ говоритъ, что расчеты г. Штейнфельда о недостаточности жалованья учителямъ ошибочны; что школы быраютъ открыты для крестьянскихъ дѣтей съ небольшимъ четыре мѣсяца въ году; что ученье начинается въ октябрѣ, а затѣмъ слѣдуютъ академическіе и обычные крестьянскіе каникулы — Рождество, масляница, посты съ говѣніями, Пасха, а въ апрѣлѣ школы совсѣмъ закрываются; поэтому нельзя жаловаться на то, чтобы трудъ учителей за столь ограниченное число учебныхъ мѣсяцевъ былъ недостаточно вознаграждаемъ. Что касается до увеличенія средствъ на учебныя пособія, то г. Русановъ такъ мотивируетъ свое предложеніе не допускать этого увеличенія.

— Мнѣ извѣстно, говоритъ онъ, — что для нашихъ деревенскихъ школъ выписывается, между прочимъ, „Вѣстникъ Европы“. Такой серьезный журналъ едва-ли по силамъ учащимся азбукъ и едва-ли эта трата земскихъ суммъ полезна. Выказавъ все это, — прибавляетъ онъ далѣе, — я опасаюсь, чтобы заявленіе мое и другихъ гласныхъ не было перетолковано, какъ это ужъ бывало. Я полагаю, многимъ изъ гг. членовъ собранія извѣстно, что въ одной изъ книжекъ журнала „Дѣло“ за прошлый годъ было напечатано свѣденіе о ходѣ народнаго образованія въ нашемъ уѣздѣ. Въ этой статьѣ прямо высказывалось, что землевладѣльцы екатеринбургскаго уѣзда несочувственно отнеслись къ дѣлу народнаго образованія, и только благодаря энергіи и настояніямъ представителя отъ горнаго вѣдомства, полковника Штейнфельда, школы получили необходимое обезпеченіе.

Далѣе онъ говоритъ, что и землевладѣльцы, и все екатеринбургское земство вовсе не относились къ дѣлу народнаго образованія

несочувственно, а съ самаго начала существованія земскихъ учрежденій дали народнымъ школамъ все, что могли дать.

— Теперь повторяется то-же, что было прежде, заключаетъ онъ свою рѣчь.—Назадъ тому три года земство назначило на народныя школы 5 тысячъ. Оказалось мало. Назначило на другой годъ 8¹/₂ тысячъ—опять оказалось мало. Прошлый годъ—15 тысячъ—опять мало! Требууютъ уже чуть не вдвое. Требованіе, дѣйствительно, прогрессивно; но прогрессъ этотъ вызывается-ли требованіемъ дѣла—намъ не видно изъ докладовъ.

И опять на защиту интересовъ народнаго образованія выступаетъ *крестьянинъ*, уже извѣстный намъ гласный Мелединъ.

— Вакаціонное время, говоритъ онъ,—допущено не только въ однѣхъ народныхъ школахъ, но вообще во всѣхъ мѣстахъ и училищахъ, и учителя за вакантное время жалованье получаютъ. Это принимается вездѣ въ расчетъ.

И начинаются новыя пренія. Одни изъ гласныхъ говорятъ, что земство не вынесетъ непосильныхъ расходовъ на народное образованіе и на всѣ земскія нужды; другіе—что оно не вынесетъ всей тяжести земскихъ нуждъ именно безъ народнаго образованія, а что при образованіи оно все вынесетъ. Г. Штейнфельдъ при этомъ доказываетъ, что смѣта на народное образованіе составлена не голословно, но что въ основаніе ея принята необходимость, вызванная требованіями самаго дѣла; что учитель народныхъ школъ, какъ человѣкъ, имѣетъ свои потребности, и его нужно поставить такъ, чтобы онъ имѣлъ возможность жить, не боясь голода и холода.

Какъ къ наиболѣе сильному ораторскому приему, онъ прибѣгаетъ къ непосредственному обращенію къ крестьянамъ.

— Гг. гласные отъ крестьянъ знаютъ это, говоритъ онъ, обращаясь къ нимъ: — они знаютъ, что народное образованіе требуетъ исчисленныхъ мною расходовъ, и, я увѣренъ, своей поддержкой доставятъ мнѣ, какъ и въ прошломъ году, такую-же побѣду надъ высказанными противъ меня, мнѣніями. Смѣта моя и соображенія основаны на точныхъ цифрахъ. Вотъ въ этомъ докладѣ цифры эти касаются всѣхъ подробностей, и я говорю по душѣ, что смѣта моя не гадательна.

— Не можетъ-ли г. Штейнфельдъ, говоритъ въ свою очередь, предсѣдатель собранія, — не прибѣгая къ изложенію подробностей своей смѣты, высказать свои соображенія не по душѣ, а въ об-

щихъ цифрахъ, чтобы собраніе могло судить объ основаніяхъ доклада и требованій?

Пренія разгораются. Противъ увеличенія средствъ на народное образованіе встаютъ новые ораторы—гласные: Желтовскій, Плотниковъ, Герасимовъ, вмѣстѣ съ прежними—Русановымъ, Кокшаровымъ и др. На сторонѣ народнаго образованія остаются два оратора—крестьянинъ Мелединъ и полковникъ Штейнфельдъ.

Раздается нѣсколько отдѣльныхъ голосовъ о необходимости разсмотрѣнія доклада училищнаго совѣта въ раскладочной комисіи, и мнѣніе это принимается собраніемъ.

Въ собраніи 29 сентября разгораются новыя пренія о народныхъ школахъ. Выступаютъ новые ораторы: гг. Котляревскій, Турчаниновъ, Граматчиковъ, Замятинъ, Киселевъ, Декановъ, Казанцевъ. Двумъ прежнимъ борцамъ, полковнику Штейнфельду и крестьянину Меледину, приходится отстаивать крестьянскія школы почти противъ всего собранія. Но они чувствуютъ подъ собою почву: зная, которое они держатъ, едва-ли кто рѣшится въ XIX столѣтіи сорвать безнаказанно.

— Я былъ приглашенъ комисіей при разсмотрѣніи доклада дѣль о школахъ, говоритъ г. Штейнфельдъ; — комисія не разсмотрѣла внимательно основаній моихъ выводовъ въ цифрахъ. Относясь къ дѣлу съ своей точки зрѣнія, комисія отношенія свои ко мнѣ и къ моимъ требованіямъ сдѣлала похожими на торгъ. Попли споры. Заявленія мои членами комисіи не принимались, доказательства—тоже, и въ концѣ уменьшили смѣту огуломъ. Этимъ уменьшеніемъ развитіе школъ будетъ стѣснено.

Слова эти вызываютъ маленькую бурю въ собраніи. Г. Штейнфельду не хотятъ простить нѣкоторыхъ его выраженій.

— Заявленіе г. Штейнфельда о торгѣ и огульныхъ цифрахъ въ докладѣ комисіи ошибочно, восклицаетъ г. Рустовъ: — комисіей выяснены цифры на основаніи принятыхъ ею, вполне справедливыхъ соображеній, а торгъ и огуль скорѣе могутъ относиться къ требованіямъ и уступкамъ отъ смѣты самого г. Штейнфельда.

Этотъ голосъ поддерживаютъ многіе. Голосъ г. Штейнфельда поддержать некому: крестьяне должны сами заговорить, чтобы спасти свои школы. И отъ ихъ имени говоритъ крестьянинъ Мелединъ.

Г. Казанцевъ, между прочимъ, замѣчаетъ: зачѣмъ увеличивать число школъ, когда увеличиваются средства доступныхъ для крестьянскихъ дѣтей учреждений—реального училища, ремесленной школы, женской гимназіи?

Ухо Меледина не выносить этого.

— За асигновку собственно на народное образованіе слѣдуетъ принимать только на народныя школы, говоритъ онъ;—жалѣть увеличить эту смѣту для земства нѣтъ расчета, такъ-какъ доказано уже политической экономіей, что съ поднятіемъ уровня образованія работника увеличивается богатство страны. Кромѣ того, собственно для земскаго собранія слѣдуетъ озаботиться народнымъ образованіемъ хотя-бы въ тѣхъ видахъ, чтобы не видѣть въ средѣ своей крестьянъ-гласныхъ — совершенно безгласныхъ и на все согласныхъ.

— Что касается, говоритъ онъ далѣе,—до указанія г. Казанцева на доступность для народа реального училища и женской гимназіи, то это то-же, что буфетъ здѣсь, устроенный при собраніи: онъ открытъ для всѣхъ, но нашему брату-мужику онъ не по карману.

— Развитіе народныхъ школъ, добавляетъ съ своей стороны гласный Штейнфельдъ,—должно быть на первомъ планѣ у земства: народная школа—это, такъ-сказать, хлѣбъ насущный, а женская гимназія—это какъ-бы уже болѣе деликатное кушанье.

Какъ-бы то ни было, побѣда осталась не на сторонѣ этихъ двухъ борцовъ за народную школу.

Когда предсѣдатель собранія предложилъ собранію вопросъ: „правы-ли тѣ, которые стоятъ за народныя школы, или тѣ, которые противъ нихъ?“—большинство голосовъ, какъ всегда это бываетъ въ вопросахъ, которые рѣшаютъ вѣковыя задачи человѣчества, отвѣчало: „правы послѣдніе“ (Постан. IV очер. екатеринб. уѣз. зем. собр., 47, 54, 85, 88, 89).

II.

Эта борьба, примѣръ которой мы сейчасъ привели, это разединеніе земскихъ силъ въ рѣшеніи вопроса о народномъ образованіи составляютъ одну изъ наиболѣе поучительныхъ страницъ въ

исторіи земской дѣятельности. Какъ ни мало, повидимому, раздается голосовъ въ пользу широкаго примѣненія на практикѣ исконной истины, что „знаніе—сила“, и какъ ни многочисленны другіе голоса, мирящіеся съ примѣненіемъ къ дѣлу этой истины только на началахъ самой робкой постепенности, однако, въ концѣ-концовъ, побѣда незамѣтно переходитъ на сторону первыхъ и оказывается, что десятилѣтнее существованіе земства было не безслѣдно. Есть уже что-то осязательное, отличающее крестьянское общество семидесятихъ годовъ. Контрастъ особенно дѣлается замѣтнымъ, когда мы сопоставимъ характеристику крестьянскихъ дѣтей перваго года истекающаго десятилѣтія и дѣтей послѣдняго года этого десятилѣтія. Контрастъ выйдетъ еще поразительнѣе, когда мы сопоставимъ современныхъ крестьянскихъ дѣтей съ ихъ родителями.

Но борьба земскихъ силъ въ дѣлѣ народнаго образованія—не единственный примѣръ борьбы этихъ земскихъ силъ. Та-же борьба идетъ и въ рѣшенія другихъ задачъ земства, какъ, напр., задачи о народномъ здоровьѣ. И здѣсь, какъ въ народномъ образованіи, лучшимъ представителямъ земства приходится съ бою брать каждый шагъ на пути возможнаго оздоровленія народа. Нѣкоторыя земскія хроники представляютъ поразительныя картины того, въ какомъ печальномъ санитарномъ состояніи земство нашло народъ и всю обстановку его жизни. Чтобы судить, что земство могло сдѣлать въ этомъ отношеніи, надо видѣть, съ чего оно должно было начинать или съ чего оно только думаетъ начать въ данное время.

Поучительнымъ примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить шадринское земство.

Приглашаетъ это земство въ свой уѣздъ врача Моллесона. Г. Моллесонъ добросовѣстно изучаетъ санитарныя условія уѣзда и въ своемъ отчетѣ рисуетъ самую мрачную картину края въ санитарномъ отношеніи.

Край отличается плодородіемъ почвы. Земля „жирна“, какъ говорятъ крестьяне. Но это отчасти и составляетъ зло края, какъ почти всегда бываетъ, когда населеніе съ младенческой покорностью подчиняется окружающей его природѣ и ставитъ себя въ самыя зависимыя, въ самыя рабскія къ ней отношенія. Уже классическая древность говоритъ намъ, что въ той мѣстности эллинскаго

міра, гдѣ паслись мифическіе быки мифическаго царя Авгія, въ самыхъ дарахъ бога Эпоса населеніе находило свою гибель, и нужны были подвиги Геркулеса, чтобъ очистить отъ убійственнаго навоза конюшни царя Авгія. Конюшнями этими, по описанію врача Моллесона, представляется весь шадринскій уѣздъ. Вслѣдствіе того, что почва уѣзда еще не истощена, крестьяне не знаютъ объ эксплоатации навоза, не удобряютъ имъ землю, и накопившіяся за зиму кучи этого цѣннаго, но непривлекательнаго добра раскидываютъ гдѣ попало: вокругъ города, вокругъ селъ и деревень, сваливаютъ въ первую попавшуюся яму, выбрасываютъ въ прирѣчные и приозерные овраги, а зимою сваливаютъ въ рѣчки поверхъ льда. „Такимъ образомъ, говоритъ шадринская земская управа въ своемъ докладѣ, — засорено и испорчено множество озеръ, въ которыхъ была чистая вода, водилась изобильно рыба, и засорены не только малыя озера, но и большія, въ нѣсколько верстъ, а въ другихъ, весьма многихъ мѣстахъ засорены даже рѣчки“. Управа указываетъ даже на такіе случаи санитарной чистоты уѣзда, что, напр., въ рѣкѣ Ольховкѣ, не далѣе какъ въ 1871 году, подъ самымъ селеніемъ лежалъ и гнилъ цѣлое лѣто валявшійся трупъ человѣка. Вслѣдствіе такихъ-же санитарныхъ условій уѣзда смертность людей въ иныхъ мѣстностяхъ достигаетъ самыхъ почтенныхъ размѣровъ, а скотскіе падежи таковы, что имъ придается эпитетъ „невообразимыхъ“. „Масса скота, погибающаго лѣтомъ, во время страды, самыхъ жаркихъ работъ, въ большей части случаевъ не зарывается какъ слѣдуетъ, а весьма часто и никакъ, оставаясь на томъ мѣстѣ, гдѣ пала, или просто свозится на нѣсколько сажень отъ деревни. Даже въ городѣ палыхъ коровъ свозятъ за какія-нибудь полверсты, въ рошу, гдѣ и бросаютъ ихъ на добычу собакамъ и волкамъ... Если-бы, говоритъ г. Моллесонъ, — можно было пролетѣть надъ уѣздомъ [и взглянуть на него съ высоты этого птичьяго полета, то, за исключеніемъ мѣстъ, занятыхъ пашнями, лѣсами, сѣнокосомъ и водой, все остальное пространство представлялось-бы сплошными, огромными навозными кучами, покрытыми нерѣдко трупами коровъ, лошадей и т. д., напоминая собой самый неряшливый, давно заброшенный скотный дворъ“.

Самый Шадринскъ представляетъ не болѣе привлекательную картину. Находясь въ глубокой ложбинѣ, онъ „построенъ на болотѣ, заваленномъ навозомъ“. Онъ „имѣетъ видъ длиннаго паралелогра-

ма, тянущагося съ запада на востокъ, и вся сѣверная, западная, а отчасти и восточная границы его сплошь усѣяны гнилыми болотами, издающими отвратительный запахъ. Болота эти отстоятъ отъ города на ширину улицы, въ двухъ-трехъ мѣстахъ подходя почти къ самымъ домамъ; окраины болотъ, на разстояніи какихъ-нибудь тридцати шаговъ отъ домовъ, завалены гніющимъ навозомъ. Наконецъ, въ самомъ городѣ, на двухъ его площадяхъ, въ сѣверной части, и нѣсколько юго-восточнѣе, въ центрѣ уже города, на сѣнномъ рынкѣ, красуются два никогда не высыхающихъ болота, покрытыя навозомъ, тиной и содержащія густую, кашицеобразную, чернильнаго цвѣта жидкость. А кругомъ и между этихъ болотъ, въ десяти-двадцати шагахъ лишь отъ нихъ, начинаются дома и стоятъ цѣлыя улицы. Южная граница уѣзда, обращенная къ рѣкѣ или такъ-называемая береговая улица, также упитана тѣмъ-же навозомъ. Притомъ западная часть стоитъ еще прямо на берегу рѣки Исеть, которая, доходя до середины города, дѣлаетъ изгибъ въ нѣсколько десятковъ сажень къ югу, а отъ этого-то мѣста, вдоль всей остальной, восточной половины города, вырыта канава, въ которую и пропущена вода. Но что это за вода! Канава на-столько мелка, что по ней, можно сказать нѣсколько десятковъ разъ въ день, проходить въ бродъ туда и сюда цѣлыя табуны лошадей и коровъ, пасущихся на лужайкѣ между этой канавой и Исетью. Въ этой-же водѣ происходитъ стирка и полосканье бѣлья нѣсколькихъ тысячъ людей. Въ ней десятками купаются люди и купаютъ лошадей, плаваютъ гуси, мочатся бочки и телѣги и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ канава поросла водными растеніями, покрылась зеленѣющей тиной; въ остальныхъ вода на-столько мутна, что постоянно представляется сѣро-пепельнаго цвѣта, исчезающаго даже и тогда, когда вода простоятъ цѣлыя сутки въ сосудѣ. И такую-то воду пьютъ шадринцы, угощая ею и всѣхъ пріѣзжихъ людей, занесенныхъ судьбою въ городъ Шадринскъ“.

Понятно, въ какой степени можетъ быть здорова жизнь при такихъ условіяхъ. Понятно, почему чахотка тамъ, по выраженію г. Моллесона, „пожинаетъ обильные плоды“. Понятно, почему „плодовитость женщинъ падаетъ“ (абсолютно). Понятно, наконецъ, почему смертность превышаетъ рождаемость. Въ Шадринскѣ на 100 рождающихся среднимъ числомъ умираетъ въ годъ 123. Изъ общей годичной суммы больныхъ въ уѣздѣ выводится, что каждый

изъ всего наличнаго населенія этого обиженаго судьбой города болѣетъ непремѣнно разъ въ году, а иные—два и три раза въ годъ. „Если Шадринскъ, замѣчаетъ г. Моллесонъ, — не вымираетъ до сихъ поръ, то это только благодаря тому обстоятельству, что, составляя бойкій торговый пунктъ, онъ постоянно наполняется пришедшимъ людомъ“, который кое-какъ и поддерживаетъ живучесть болѣзненнаго города.

Сознавая вполне печальную сторону такого положенія, шадринское земство дѣлало не мало попытокъ относительно санитарнаго оздоровленія города и уѣзда, но что можетъ безсильное земство сдѣлать въ нѣсколько лѣтъ противъ того, что навязала намъ исторія втеченіи тысячелѣтія и что вросло органически въ самую жизнь нашего населенія? Земство не можетъ создать сразу подходящихъ для жизни условій, какъ оно не можетъ создать людей. Была попытка со стороны шадринскаго земства создать „санитарныхъ смотрителей“, которые должны были представлять собою нѣкоторымъ образомъ „физическихъ воспитателей народа и блюстителей общественной гигіены“. Но кто-же эти воспитатели народа? Отставные унтеръ-офицеры. Дѣятельность этихъ народныхъ санитаровъ можно видѣть изъ ихъ путевыхъ официальныхъ журналовъ.

Приведемъ небольшія выдержки изъ дневниковъ двухъ санитаровъ.

Санитаръ первый.

„11 августа былъ въ селѣ Ольховскомъ, Иванищевскомъ и дер. Могильной.

12. Въ с. Ичкинскомъ, д. Грибановой, Кукольниковой, Чупшиковой и Шатиной.

13. Въ с. Водениковскомъ, въ д. Мельниковой, Широносовой, Утыной и Короповой.

14. Въ Паруниной.

15. Праздникъ Успѣнія Пресвятыя Богородицы.

16. Въ с. Мѣхонскомъ“ и т. д.

„Занимался за уборкой по дорогамъ разнымъ скотскимъ упавшимъ трупамъ въ селеніяхъ и деревн. по улицамъ чистотой и также на рѣкахъ, озерахъ, болотахъ, ключахъ и родникахъ“.

Любопытная выдержка эта приведена нами съ дипломатической точностью.

Санитаръ второй.

„2 мая прибылъ до д. К., гдѣ нашель благополучно. Болѣзни никакой не объявили. Занимался уборкою назмовъ.

3. Переѣхаль до К. волости, гдѣ нашель, что существуетъ упадокъ. Я занимался зарытіемъ скота.

7. Отбыль до д. П., гдѣ нашель упадокъ на скотѣ, занимался зарытіемъ скота. Переѣхаль въ г. Шадринскъ.

12. Выѣхаль до К., гдѣ нашель благополучно. Болѣзни не объявили.

13. Отбыль до д. Я., гдѣ нашель благополучно. Болѣзни никакой не объявили. Гдѣ занимался уборкою незмовъ.

14. Переѣхаль до Б., гдѣ нашель благополучно. Болѣзней никакихъ не объявили.

15. Переѣхаль до В. Т., гдѣ нашель благополучно. Болѣзней никакихъ не объявили. Занимался чистотою торгующей площади.

16. Отбыль до д. Л., гдѣ нашель благополучно. Болѣзней никакихъ не объявили“ и т. д., и т. д.

„Нужно, однако, замѣтить, поясняетъ врачъ Моллесонъ, — что эта санитарная команда не всегда оказывается такою недѣятельною. Иногда она принимаетъ на себя и активную роль, а именно когда вопросъ касается полученія сверхсѣтнаго гонорарія за большіе и хлопотливые труды. Тамъ, гдѣ „дадутъ“, смотритель оставляетъ всѣхъ впокоѣ, сколько-бы ни было навозу; въ другомъ, менѣе счастливомъ для него мѣстѣ, онъ дѣлаетъ придирки, и проч.“

Неудивительно послѣ этого встрѣтить въ журналѣ врача, изслѣдующаго уѣздъ въ санитарномъ отношеніи, такіа замѣтки:

„Проѣхавши по всѣмъ направленіямъ шадринскій уѣздъ, я не замѣтилъ ни одного сколько-нибудь чистаго и опрятнаго селенія: всюду навозъ, навозъ и плохо зарытая падаль...“

„Втеченіи всего моего проѣзда въ село Кривское, потомъ село Вознесенское и обратно въ Шадринскъ, вѣтеръ безпрестанно навѣвалъ на меня то съ той, то съ другой стороны запахъ падали. Правда, хотя я на дорогѣ встрѣтилъ только 4 трупа животныхъ, но тѣмъ не менѣе я полагаю, что дохлыхъ коровъ и друг. разбросано по полю гораздо больше мной видѣннаго...“

„Дворы и хлѣвы у крестьянъ въ высшей степени неопрятны, засорены всякой всячиной и огромнымъ количествомъ навоза, кото-

рый изподниза уже совершенно превратился въ черноземъ, впро-
чемъ, прекраснаго качества“.

„Мѣста для зарыванія палой скотины отведены въ селѣ Кривскомъ
версты за 3, а въ Потапинскомъ за 5, и въ первомъ она зарывается
сравнительно лучше, хотя кое-гдѣ и видны или копыта, или концы
морды, и время отъ времени обоняніе поражается неприятымъ за-
пахомъ падали; во второмъ-же мѣста эти никуда негодны. Почти
изъ каждой, кое-какъ заброшенной землей ямы выставляются или
копыта, или морды, или рога. На нѣкоторыхъ насыпяхъ, кромѣ
того, лежатъ просто сваленныя и обѣдненныя уже коровы съ остат-
комъ однѣхъ позеленѣвшихъ и превратившихся въ кашпцобраз-
ную массу внутренностей, распространяющихъ по всей округности
отвратительный запахъ... Куски и кости труповъ зачумленныхъ ко-
ровъ растаскиваются собаками, приносятся въ деревни и поддержи-
ваютъ заразу или причиняютъ ее“.

Мало того, врачъ Михальскій, осматривая хлѣвъ у одного крестья-
нина, наткнулся у порога на кучу навоза, которая ему показав-
лась подозрительной. Разрывъ ее, онъ увидаль тамъ зава-
ленную палую корову, которая начала уже разлагаться. Оказалось,
что это—слѣдствіе предразсудковъ невѣжественнаго населенія: первую
павшую въ домѣ скотину не отвозятъ на кладбище, а зарываютъ
въ хлѣвъ, ибо, въ противномъ случаѣ, падеть и весь остальной
скотъ!

Какъ ни грустно становится при чтеніи этихъ отвратительныхъ
описаній бытовой и экономической обстановки жизни нашего
сельскаго населенія, однако, утѣшительно и то, что представители
земства выслушиваютъ весь этотъ цинизмъ правды, а не закрываютъ
глаза, какъ бывало въ доброе старое время.

Борьба земства противъ этого послѣдняго зла также не без-
плодна. Но зло-то слишкомъ сильно, имѣя за собою историческую
давность съ одной стороны, и неразвитость, а еще болѣе относи-
тельную бѣдность населенія—съ другой.

Мы приподняли только часть завѣсы, скрывающей мрачную кар-
тину санитарнаго состоянія уѣзда. Можно себѣ представить послѣ
этого, какія ощущенія вызвала-бы въ читателѣ полная картина
тѣхъ гигиеническихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ вымираетъ
ежегодно тотъ процентъ населенія, который долженъ былъ-бы со-
ставлять приростъ въ этомъ населеніи, въ его рабочихъ и эконо-

мическихъ силахъ. Можно также представить себѣ, чего стоило-бы земству улучшить эти условія: если Гераклъ, полубогъ древняго міра, трудъ очищенія отъ навоза авгіевыхъ конюшенъ ставилъ наравнѣ съ побѣдою, одержанною имъ надъ немейскимъ львомъ, и древній міръ считалъ этотъ подвигъ однимъ изъ величайшихъ дѣлъ полубога, то измѣненіе гигиеническихъ условій цѣлыхъ мѣстностей, оздоровленіе цѣлыхъ миліоновъ населенія—этотъ подвигъ едва-ли былъ-бы по силамъ самому Хроносу, богу времени. По крайней мѣрѣ, время, мѣрившее свой ходъ столѣтіями, а не годами и днями, было безсильно у насъ дать населенію ту гигиеническую обстановку, при которой люди не страдали-бы такъ. Несправедливо было-бы поэтому винить и наши земства за то, что въ десять лѣтъ они не совершили того подвига, который не по плечу не только Гераклу, но самому верховному богу Хроносу. Но что земство борется со звѣремъ, сильнѣйшимъ немейскаго льва, — это безспорно. Примѣръ—это хотя-бы шадринское земство, а за нимъ цѣлый рядъ земствъ другихъ уѣздовъ русскаго царства, начиная отъ крайняго сѣвера и кончая крайнимъ югомъ съ одной стороны, и начиная крайнимъ западомъ и кончая крайнимъ, зауральскимъ востокомъ — съ другой.

Несправедливо было-бы ставить въ вину нашимъ земствамъ и неудачныя мѣры, которыя принимались ими въ этомъ, совершенно новомъ для Россіи дѣлѣ. Притомъ удачныя мѣры могутъ быть принимаемы тогда, когда у принимающаго ихъ много средствъ въ распоряженіи. А земства должны для спасенія населенія, страдающаго и погибающаго отъ неразвитости и бѣдности, брать послѣдніе гроши у этого-же населенія, чтобы спасти его отъ бѣдности и подчасъ угрожающей своими размѣрами вымираемости. Чтобы очистить даже навозныя кучи, чтобы тщательно зарыть палый трупъ скотины, нужны рабочія руки; а руки эти, въ жарко-страдное время, заняты въ полѣ самою жгучею, неотложною работою. Чтобы, въ свою очередь, земству слѣдить за гигиеной и здоровьемъ народа, нужны врачи, да не два-три на уѣздъ, а двадцать или тридцать. А для этого опять нужны деньги, которыхъ негдѣ взять, кромѣ какъ изъ тощаго кармана самого-же народа. Оттого земства по необходимости должны давать народу фельдшерскую помощь вмѣсто помощи врачебной. А фельдшеръ—это дитя эмпиризма, это тотъ-же народъ, отставшій отъ знахаря и непроставшій къ врачу.

За ними, какъ за ребенкомъ, необходимо наблюдение—и вотъ инны земства поручаютъ это наблюдение за фельдшерами не врачамъ, которымъ, по ихъ малочисленности, это было-бы не по силамъ, а волостнымъ правленіямъ, которыя въ данномъ случаѣ могутъ исполнять лишь роль слѣпного сторожа въ дѣлѣ, гдѣ исключительно нужна помощь глазъ. Неудивительно послѣ этого, что между фельдшерами и волостными правленіями ведется борьба, вредящая дѣлу. Г. Моллесонъ приводитъ одинъ изъ множества случаевъ, рисующихъ характеръ фельдшерской войны съ волостными правленіями. Фельдшеръ X. жалуется по начальству: „Мнѣ нужно было по обязанности ѣхать къ больной, и потому я обратился въ бѣлоярское волостное правленіе. Тамъ присутствовала одна лишь баба (мать писаря) и ея судъ былъ таковъ: лошадей фельдшеру не слѣдуетъ давать. Благодаря этому бабьему рѣшенію я и нанялъ лошадей на свой счетъ“. Но и сами земскіе фельдшера—это большею частью жалкій народъ, люди нигдѣ неучившіеся, а выбравшіе своею спеціальностью медицину иногда просто по несповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія. Г. Моллесонъ приводитъ въ своемъ отчетѣ слѣдующій атестатъ одного изъ такихъ доморощенныхъ народныхъ эскулаповъ,—атестатъ, выданный какимъ-то архимандритомъ: „Изъ крѣпостныхъ, нынѣ мѣщанинъ П. X., въ первобытномъ своемъ состояніи прохода должность заводскаго аптекаря и лекарскаго ученика, снискалъ большую опытность какъ въ составленіи лекарствъ, такъ и въ леченіи людскихъ болѣзней, почему съ разрѣшенія епархіальной власти онъ и былъ допущенъ къ исправленію фельдшерской должности въ больницѣ, состоящей при д—скомъ духовномъ училищѣ. Здѣсь втеченіи полуторыхъ лѣтъ X., при добромъ своемъ поведеніи, велъ дѣло свое съ такимъ практическимъ знаніемъ, что не только обыкновенныя болѣзни (какъ-будто есть еще необыкновенныя болѣзни! прибавляетъ съ своей стороны г. Моллесонъ) излечивалъ хорошо и скоро, но и имѣющія серьезный характеръ, при его опытности, всегда проходили благополучно, получая счастливые исходы, въ чемъ и дано ему сіе удостовѣреніе 1871 г., марта такого-то дня. Смотритель д—скаго духовнаго училища, архимандритъ такой-то. Съ удостовѣреніемъ архимандрита вполне согласны: членъ духовнаго училища священникъ, помощники смотрителя такіе-то“.

Другіе фельдшера имѣютъ медицинскіе атестаты отъ купеческихъ и заводскихъ конторъ, отъ частныхъ лицъ и т. д. Иные зани-

маются торговлею. Одинъ изъ такихъ торговцевъ, желая поступить въ земскіе вѣскулапы, подалъ мѣстной земской управѣ слѣдующее прошеніе: „Оной уѣздной земской управѣ имѣю честь заявить, что я, мѣщанинъ е—скаго уѣзда, желаю поступить на службу по части медицинскій, такъ-какъ прежде съ малолѣтства служилъ лекарскимъ ученикомъ по частнымъ господскимъ горнымъ заводамъ, отъ которыхъ имѣю аттестаты. Считаю не лишнимъ увѣдомить, что лѣтъ 5 занимаюсь практикой по разнымъ мѣстамъ и самой маленькой торговлею, но всего этого промысла мнѣ недостаточно съ семействомъ, почему я прошу...“ и т. д. И земство приняло этого молодца жрецомъ науки, одной изъ самыхъ требовательныхъ по отношенію къ объему научныхъ знаній и къ степени діагностической опытности.

Что-же дѣлаютъ эти молодцы? Они лечатъ народъ; они являются самостоятельными дѣятелями въ такой сферѣ, гдѣ невѣжество можетъ имѣть открытый бланкъ на безнаказанное убійство людей.

Вотъ нѣсколько драгоценныхъ выдержекъ изъ повседнежнаго журнала одного изъ подобныхъ оберегателей народнаго здоровья:

Имена пациентовъ:	Діагностика:	Леченіе:
В. Г. С. . . .	Головная боль. . . .	Мушку на затылокъ.
П. Л. П. . . .	Полнокровіе. . . .	Кровоупусканіе.
Д. Е. В. . . .	Запоръ	Александрійскаго листу.
Е. Г. П. . . .	Заушница	Мелилисиняго пластыря.
С. К. Е. . . .	Давленіе подлшкой.	Кремортартаръ.
А. В. А. . . .	Выпот. прямой кишки.	Квацы въ хинномъ дектѣ и т. образна повязка.
Я. И. Т. . . .	Изжога	Магнезія.
П. П. Т. . . .	Ревматизмъ	Летучая мазь.
М. Г. Б. . . .	Обмораживаніе ноги.	Свинцевая мазь.
И. Ф. К. . . .	Рожа послѣ ушиба.	Свинцевая мазь.
А. И. Ф. . . .	Заноза иглой	Свинцевая мазь.
А. А. М. . . .	Отъ безгласія	Сладкій корень.
М. М. М. . . .	Прили. къ гол. и крил.	Банокъ на затылокъ и крыльцамъ.

И такъ далѣе. Замѣчательно, что журналъ этотъ провѣренъ и дѣйствія фельдшера, какъ врача, одобренъ старостой: „Изложенное въ сей тетради пособіе, дѣйствительно, какъ отозвался староста, фельдшеромъ было оказываемо, что и удостовѣряю. Стар. П.“.

Что касается другихъ медицинскихъ дѣятелей, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ народу, то и здѣсь земство бываетъ иногда поставлено въ безвыходное положеніе. Не проходитъ почти года, чтобы оспенная эпидемія не свирѣпствовала въ уѣздѣ; дѣти мрутъ тысячами; рабочія силы населенія не пополняются новымъ подростомъ. Земство, что-называется, бьется какъ рыба объ ледъ, а средствъ и дѣятелей взять не откуда. Въ оспенники берется все, что только умѣетъ держать ланцетъ; но въ народѣ, привыкшемъ владѣть только сохой и топоромъ, рѣдкіе экземпляры сьумѣютъ обращаться съ такимъ деликатнымъ орудіемъ, какъ ланцетъ. Оспопрививаніе превращается въ пустую формальность, въ ненавистное для крестьянъ „рѣзанье невинныхъ младенцевъ“, которое притомъ вовсе не спасаетъ ихъ отъ смерти. Неудивительно поэтому встрѣтить такіе крестьянскіе приговоры, какъ, напр., приговоръ яуглинскаго схода: „Мы нижеподписавшіеся имѣли сужденіе объ оспопрививателѣ нашей волости С. Б., который, состоя на этой службѣ болѣе 10 лѣтъ, избавляется отъ всѣхъ податей, какъ государственныхъ, такъ и общественныхъ, и сверхъ сего получаетъ особо денежное жалованье на нашъ счетъ, но существенной пользы для общества не приноситъ, потому что дѣломъ оспопрививанія не занимается. Вслѣдствіе сего, по обоюдному всѣхъ соглашенію, постановили: оспопрививателя С. Б., какъ неприносящаго обществу никакой пользы, отъ службы уволить и на будущее время никакого оспопрививателя на нашъ счетъ вовсе содержать не станемъ, такъ-какъ расходъ на содержаніе его считаемъ для себя обременительнымъ, по случаю существующей въ волости бѣдности, постигшей отъ многолѣтнихъ неурожаевъ хлѣба, и за симъ просимъ начальство должность оспопрививателя въ нашей волости упразднить окончательно“.

Бываютъ и такіе случаи, что подобный господинъ, который самъ не умѣетъ держать ланцета, посвящаетъ въ рыцари по тому-же орудію другихъ молодцовъ, прямо отъ сохи переходящихъ въ сонмъ врачей народа. „Предъявитель сего, говорится въ одномъ такомъ рыцарскомъ дипломѣ,—б—ой волости крестьянинъ Д. О., въ нынѣшнемъ году обучался у меня наукѣ оспопрививанія на предметъ поступления куда-либо въ должность оспенника, и по усмотрѣнію моему, онъ науку оспопрививанія вполне понялъ, какъ теоретически, такъ и практически хорошо, а потому, можетъ быть допущенъ въ должность оспопрививателя“.

„Дѣло“, № 1.

Не скроешь, „все это было-бы смѣшно, когда-бы не было...“ тяжело для земства, и особенно для крестьянъ. Вѣдь и такихъ фельдшеровъ, которые отъ всѣхъ болѣзней прописываютъ „мушкету на затылокъ“, „мелиссиняго пластыря“ да „банки на затылокъ и крыльцамъ“, и такихъ оспенниковъ, дипломы коихъ пишутся въ кабацкѣ, земству иногда нанять не на что, тѣмъ болѣе, что города, составляющіе доселѣ нераздѣльную часть земской единицы, — города, которыхъ торговое и богатое населеніе могло-бы легко вынести на своихъ плечахъ всѣ земскія нужды, — эти города начинаютъ уже, что-называется, воротить рыло отъ земства въ сторону, хотятъ стать самостоятельными земскими единицами, чтобы не привязывать своей относительно богатой колесницы къ нищенскимъ дровнямъ бѣдныхъ уѣздовъ, а пока это не совершилось еще, относятся къ земскимъ интересамъ совершенно согласно съ извѣстною русскою поговоркою: „что твое, то мое, а до моего тебѣ дѣла нѣтъ“. Города не хотятъ ни въ чемъ помогать уѣздамъ съ ихъ нищенскимъ крестьянскимъ населеніемъ, и хотя пытаются экономическими соками своихъ уѣздныхъ районовъ, однако, даже въ дѣлѣ устройства больницъ для городского населенія ждуть подачекъ отъ земства. Подтверженіе этого экономического антагонизма между городомъ и уѣздомъ мы находимъ и въ данномъ случаѣ: по отзыву шадринскаго земскаго врача, относительно участія города въ содержаніи городской больницы богатый Шадринскъ „отдувается одними кирпичами, составляющими стѣны никуда негодной больницы, и земство буквально находится въ положеніи какой-то дойной коровы, или, ужъ если это сравненіе нѣсколько тривиально и грубо, то богача-филантропа, — роль, въ которой едва-ли также пристало дебютировать земству, состоящему главнымъ образомъ изъ небогатыхъ крестьянъ“.

Пойдемъ далѣе. Въ нѣкоторой части нашего общества и въ нѣкоторыхъ органахъ печати принято смѣяться надъ молодыми дѣвушками, стремящимися въ медицинскіе курсы, и преимущественно съ цѣлями изученія акушерства. Нельзя не сознаться, что насмѣшки надъ такими женщинами бываютъ подчасъ очень остроумны, очень удачны; но справедливы-ли, честны-ли и законны-ли этотъ смѣхъ? Кому извѣстно, въ какое положеніе бываютъ иногда поставлены наши земства по неимѣнію годныхъ акушеровъ для народа, и кто знаетъ, сколько погибаетъ народныхъ силъ оттого, что почти все женское сельское населеніе остается безпомощнымъ въ моменты на-

рожденія этихъ народныхъ силъ, тотъ согласится, что иногда „грѣшно смѣяться“ даже „надъ тѣмъ, что кажется смѣшнымъ“. За неимѣніемъ по селамъ ученыхъ акушеровъ и за невозможностью двумъ-тремъ изъ нихъ, имѣющимся на цѣлый уѣздъ, подать помощь десяткамъ тысячъ родильницъ, въ сельскомъ населеніи до сихъ поръ свирѣпствуютъ такъ-называемыя „бабушки-повитухи“, которыхъ, напр., на шадринскій уѣздъ приходится до 600. „О почтенной дѣятельности этихъ заплечныхъ мастерицъ, говоритъ г. Моллесонъ въ своемъ отчетѣ, — въ Шадринскѣ такъ-же мало вѣдаютъ, какъ и обо всемъ прочемъ; но путемъ аналитическаго вычисленія можно до нѣкоторой степени изложить тотъ вредъ, который ими приносится народу“. На основаніи метрическихъ книгъ, онъ показываетъ, что въ 1872 году отъ родовъ и сейчасъ послѣ родовъ въ шадринскомъ уѣздѣ умерло 117 женщинъ. Если, продолжаетъ онъ, — изъ этого числа вычесть 15% ошибокъ, происшедшихъ оттого, что роженицы умирали отъ какихъ-нибудь постороннихъ болѣзней, или, вслѣдствіе незнакомства духовенства съ діагностикой, попадали въ рубрику смерти „отъ родовъ“, и случаетъ, въ которые роженицы умирали отъ какихъ-либо неизбѣжныхъ органическихъ причинъ, то остающаяся цифра 100 (minimum) умершихъ и даетъ нѣкоторое понятіе о полезной дѣятельности повитухъ, но только именно нѣкоторое, ибо въ дѣйствительности онѣ приносятъ еще болѣе зла. Женщины, умирающія отъ искуства „баушекъ“ черезъ мѣсяць, два послѣ родовъ, записываются священникомъ въ рубрикѣ другихъ болѣзней; а сколько искалѣченныхъ ими женщинъ остаются еще кое-какъ жить — извѣстно одному Богу. По нашимъ цифрамъ выходитъ на каждыя 6 повитухъ по одному смертному случаю. Это, правда, очень немного: чтобы уходить 10 женщинъ, требуется чуть не цѣлая рота въ 60 баушекъ; но въ томъ-то и дѣло, что эти цифры не выражаютъ собой дѣйствительности. Слѣдуетъ спросить любую старуху, практикующую два-три года, и она непремѣнно припомнитъ и приметъ два-три „грѣха на свою душу“.

Слабыя стороны всѣхъ почти земскихъ учреждений по отношенію къ оздоровленію народа могутъ быть представлены въ одной общей характеристикѣ, какую врачъ Моллесонъ относитъ собственно къ шадринскому земству, но которая можетъ быть отнесена ко всѣмъ земствамъ безъ исключенія.

„Одинъ врачъ на уѣздъ, — врачъ, на которомъ лежитъ все — и ле-

ченіе больныхъ, и контроль надъ фельдшерами, и повѣрка оспопрививаній, и весь санитарный отдѣлъ, и, наконецъ, обязанности даже скотскаго врача,—есть не болѣе, какъ забава. Онъ никогда не успѣетъ сдѣлать ничего основательно, прикасаясь такъ и сямъ къ однимъ верхушкамъ, и успокоиваться на его дѣятельности, разумѣется, нельзя.

„Полная автономія фельдшеровъ въ дѣлѣ леченія больныхъ (ибо контроль 1 или даже 1½ врачей есть одни лишь пустыя слова, поясняетъ г. Моллесонъ) равносильна совершенному отсутствію медицинской помощи народу. Эмпиризмъ-же можетъ существовать и безъ всякихъ земскихъ затратъ.

„Двѣ уѣздныя акушерки безъ родильныхъ покоевъ и другихъ средствъ для ухода при родахъ за роженицами, но съ одними лишь клистирными трубками и обязанностью вѣчно развѣзжать по селеніямъ для разыскиванія родовъ и принятія новорожденныхъ по хлѣбамъ, по подкѣтямъ и въ баняхъ и т. д., не имѣя ни малѣйшаго воспитательнаго значенія для народа, ни на югу не убавляютъ всѣхъ страданій роженицъ и искалѣченія младенцевъ.

„Санитарный отдѣлъ земской медицины съ его ничего недѣлающими, неразвитыми и неимѣющими никакого вліянія на народъ оспенниками и такими-же совершенно непонимающими своего назначенія и цѣлей своихъ собственныхъ шатаній въ деревняхъ санитарными смотрителями, при отсутствіи отдѣльнаго санитарнаго врача, который-бы руководилъ всѣмъ этимъ, указывалъ, гдѣ, какъ и въ какомъ направленіи нужно взяться за дѣло и т. д.,—не имѣетъ никакого серьезнаго смысла и значенія. Организациія эта представляетъ однѣ плохія ноги и хвостъ безъ головы, а потому отъ нея нелогично ожидать чего-либо и въ будущемъ.

„Наконецъ, „экономію отъ народнаго здравія“ въ 12,000 р., въ то время, когда народъ тысячами мретъ отъ различныхъ недуговъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя ставить въ заслугу земству, ибо этижъ на такую-же сумму отнято здоровья у народа и показано совершенное равнодушіе къ его страданіямъ“ (Журн. четв. очер. шадрин. уѣзд. зем. собр., 217—291).

Въ самомъ дѣлѣ, земства, думающія соблюдать экономію на народномъ образованіи и на народномъ здоровьѣ, едва-ли сознаютъ, что именно этой экономіей, этимъ неумѣстнымъ скряжничествомъ они подоительно разоряютъ сами себя. Правда, потерпѣ земства

отъ недостатка распространенія въ народѣ образованія—это величина довольно неуловимая. Но потери на томъ, что рабочія руки лишнее число дней, по болѣзни работника, были отвлечены отъ труда—это величина очень уловимая. Въ шадринскомъ уѣздѣ, напр., втеченіи лѣта считалось больныхъ до 15,000 человѣкъ. Если изъ нихъ только половину считать работниками, то при уменьшеніи періода ихъ страданія и, слѣдовательно, неспособности къ работѣ на 10 дней, земство, оцѣнивая рабочій день каждаго работника въ 50 коп., внесло-бы въ народную экономію лишнихъ 175,000 рабочихъ дней или 37,500 р. А такъ-какъ половина больныхъ бываютъ неспособны къ работѣ по мѣсяцу и по два, то земство на мнимой бережливости своей теряетъ сотни тысячъ рабочихъ дней, а слѣдовательно и сотни тысячъ рублей.

III.

До настоящаго времени и въ литературѣ, и въ обществѣ не сходятъ съ очереди нѣкоторые, дѣйствительно весьма важные общественные вопросы: неотъемлемое право крестьянъ на общее образованіе; выдѣленіе, вслѣдствіе этого, изъ крестьянской среды общественныхъ дѣятелей въ сферы, доселѣ бывшія мало доступными крестьянству; правильная оцѣнка женскаго труда и его полезности въ нѣкоторыхъ сферахъ дѣятельности, — все это вопросы очередные, которые хотя, повидимому, и разрѣшались, какъ печатью, такъ и обществомъ, въ томъ или другомъ смыслѣ, и въ большинствѣ случаевъ благоприятно для крестьянъ и для женщинъ, однако, рѣшеніе ихъ было [до извѣстной степени теоретическое. Практически-же вопросы эти разрѣшаетъ только земство, и въ хроникѣ земской дѣятельности, въ этихъ сотняхъ и тысячахъ томовъ, мало извѣстныхъ публикѣ, земскихъ изданій, мы находимъ массу фактовъ, рѣшающихъ данные вопросы, — фактовъ, созданныхъ уже самою жизнью, — фактовъ, совершившихся въ какихъ-либо невѣдомыхъ захолустяхъ и погибшихъ для сознанія и поученія общества и литературы. Втеченіи десяти лѣтъ у насъ уже составила довольно богатая земская литература; но объ ней почти никто не знаетъ, и оттого мало кто знаетъ о томъ, что дѣлается и что сдѣлано у насъ въ Россіи за послѣднія десять лѣтъ.

Укажемъ пока на нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ въ этомъ отношеніи.

Выше, напр., мы видѣли, что въ екатеринбургскомъ земствѣ однимъ изъ замѣтныхъ дѣятелей является крестьянинъ Мелединъ: его крестьянскій кругозоръ обнимаетъ уже и усваиваетъ важнѣйшіе научные вопросы политической экономіи; онъ требуетъ, въ прямыхъ интересахъ земства, „поднятія уровня образованія работника“ и т. д. Спрашивается, кто слышалъ отъ „мужика“ (такъ Мелединъ называетъ самъ себя) такія слова хотя-бы десять лѣтъ назадъ? Въ шадринскомъ земствѣ мы встрѣчаемъ крестьянина Алексѣя Начапкина, которому все земское собраніе, представители отъ дворянъ-землевладѣльцевъ, отъ городского общества и отъ крестьянъ, выражаютъ исключительное передъ всѣми довѣріе, — довѣріе не только къ его практическимъ знаніямъ, но и къ его грамотности, начитанности, способности владѣть официальнымъ, канцелярскимъ и литературнымъ языкомъ: этого крестьянина избираютъ сначала помощникомъ секретаря земскаго собранія, куда обыкновенно избираются люди особенно умѣющіе владѣть перомъ и обладающіе знаніемъ дѣлопроизводства, существующихъ законоположеній и проч., а потомъ предсѣдателемъ земской управы. И все это довѣріе оказывается крестьянину предпочтительно передъ всѣми родовитыми и образованными людьми изъ всѣхъ прочихъ сословій.

Неудивительно послѣ этого, что въ докладѣ шадринской земской управы по вопросу о народномъ образованіи мы встрѣчаемъ мысли вродѣ слѣдующихъ: „Никто не станетъ спорить о томъ, что если народъ здоровъ и уменъ, то всѣ остальные заботы земства представляютъ уже мало затрудненій и хозяйство пойдетъ по совершенно ровной дорогѣ. Поэтому, на эти вопросы, какъ главнѣйшее основаніе всему благосостоянію народа, и слѣдуетъ обратить теперь все вниманіе земства, ибо отъ постановки и рѣшенія ихъ въ самомъ началѣ въ томъ или другомъ направленіи зависитъ все будущее земства“ (Жур. шадр. зем. собр., стр. 1, 3, 13). То-же шадринское земство, узнавъ на опытѣ полезность примѣненія женскаго труда къ дѣлу народнаго образованія и имѣя въ виду такіе примѣры, какъ безкорыстное служеніе этому дѣлу священнической дочери Вѣры Первушиной и др., смѣло ищетъ примѣненія въ жизни этихъ началъ. Оно настойчиво доказываетъ, что если „желательно наивозможно большее распространеніе грамотности въ народѣ и въ най-

возможно короткій промежутокъ времени“, то „этой цѣли всего скорѣе можетъ способствовать *преимущественное расширение женскихъ школъ и увеличеніе числа ихъ* (курсивъ въ подлинникѣ), если-бы оно даже и превзошло число мужскихъ школъ“; что „отецъ семейства, чаще отлучаясь изъ дома и имѣя наиболѣе занятій внѣ его, всегда имѣетъ меньше возможности вліять на своихъ дѣтей и заниматься ими, нежели мать“; что, „наконецъ, сама природа указала въ этомъ отношеніи на женщину, которая, выносивши ребенка и находясь постоянно съ нимъ съ перваго дня рожденія, гораздо лучше знаетъ натуру дѣтей, ихъ способности, характеръ и т. д. и гораздо легче и скорѣе можетъ передать имъ или свое хорошее, или дурное“; что „поэтому, продолжаютъ земство,—если-бы у насъ увеличить число грамотныхъ дѣвушекъ въ народѣ, убѣдить ихъ въ необходимости грамотности, то онѣ, выходя замужъ, перенесли-бы свой взглядъ и въ семейную жизнь“; что, „окружая себя дѣтьми, онѣ, въ свободное время, еще до школы могли-бы приучить ихъ съ уваженіемъ относиться къ образованію и даже выучивать читать и писать, приготовляя, такимъ образомъ, къ школѣ, которая могла-бы тогда давать уже дальнѣйшее воспитаніе и образованіе, и сравнительно гораздо высшее, нежели теперь“; что „проводя строго и систематически эту мысль, можно-бы было достигъ того, что грамотность развилась-бы совершенно равномерно по всему уѣзду“, но что „въ настоящее время пользуются школой только ближайшіе къ ней жители, отдаленныя же деревни не посылаютъ дѣтей, такъ-какъ содержаніе ихъ въ чужомъ домѣ непріятно родителямъ и сопряжено для нихъ съ нѣкоторыми денежными расходами“, и что „въ противномъ случаѣ невозможно достигъ равномерности, и потому настоящія школы, строго говоря, *не распространяютъ грамотности* (курсивъ въ подлинникѣ), а централизируютъ ее, насаждая, подобно островкамъ, *лишь мѣстами*, наибольшая-же часть народа, какъ и прежде, *оснѣветъ въ невѣжествѣ*“. Развивая дальше эту мысль, шадринское земство прибавляетъ: всѣмъ вышесказаннымъ „нисколько не исключается необходимость мужскихъ школъ“, но что „на женское образованіе нужно обратить въ настоящее время большее вниманіе, ибо грамотный мальчикъ, въ большинствѣ случаевъ, остается на цѣлую жизнь въ томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ родился и воспитывался“; что женщина — совсѣмъ другое дѣло: „дѣвушки сплошь-и-рядомъ выходятъ

замужъ въ другія деревни, мѣняя свое прежнее мѣсто жительства, и, такимъ образомъ, даже сравнительно при незначительномъ числѣ школь будутъ въ состояніи именно *распространять* грамотность далеко за предѣлы своей школы и того дома, гдѣ онѣ родились“. Шадринское земство вспоминаетъ при этомъ слова извѣстнаго писателя и знатока жизни въ Новомъ Свѣтѣ, Токвиля, который говоритъ, что Америка своимъ высокимъ положеніемъ обязана именно тому, что въ ней много образованныхъ женщинъ, благотворно влияющихъ на цѣлый народъ. Оно, наконецъ, основываетъ свое рѣшеніе о безусловномъ предпочтеніи въ дѣлѣ народнаго образованія женщинъ передъ мужчинами на слѣдующихъ соображеніяхъ: „давно уже, говоритъ оно,—доказано фактически, что женщина гораздо способнѣе мужчины быть первоначальной наставницей дѣтей уже по своей болѣе мягкой и терпѣливой натурѣ; что въ настоящее время, если заявить требованіе на женскій трудъ, то можно найти болѣе учительницъ, нежели учителей, которыя-бы вполне посвятили себя дѣлу преподаванія; что если женщина въ какомъ-либо занятіи видитъ конечную цѣль своей жизни, то она вся отдается ему; что „поэтому у насъ необходимо постоянно увеличивать число преподавательницъ и даже отдавать имъ предпочтеніе, при равныхъ условіяхъ, предъ мужчинами“.

Замѣчательно, что когда собранію предложенъ былъ къ балотировкѣ вопросъ: признаетъ-ли оно, въ видахъ наибольшаго распространенія грамотности въ народѣ, вѣрнымъ положеніе объ усиленіи женскаго образованія, то нашелся одинъ гласный, именно Павелъ Павловичъ Кикинъ, который выразилъ, что *„онъ усматриваетъ въ этомъ нѣкоторое неудобство, потому что тогда жены окажутся образованнѣе своихъ мужей“*. Несмотря, однако, на эти весьма законныя опасенія г. Кикина, собраніе большинствомъ 13 голосовъ рѣшило щекотливый вопросъ въ пользу необходимости усиленнаго развитія женскихъ школъ (Журн. шадр. зем., 16—17, 23, 25).

Для возможно правильной оцѣнки дѣятельности земскихъ учреждений слѣдуетъ указать еще на одну черту изъ этой дѣятельности, по моему мнѣнію, весьма крупную. Нѣкоторыя изъ земскихъ учреждений задаются такимъ вопросомъ: должно-ли земство въ дѣлѣ народнаго образованія ограничиться одною школою или перенести свои заботы и за предѣлы ея? Вопросъ этотъ, между прочимъ,

разрѣшаетъ и шадринское земство, и разрѣшаетъ далеко не эмпирически. Оно замѣчаетъ, что изъ многолѣтнихъ наблюдений и разспросовъ разныхъ лицъ о дальнѣйшей судьбѣ крестьянскихъ дѣтей по выходѣ изъ земской школы нельзя не придти къ весьма грустному заключенію, что большая часть этихъ дѣтей совершенно забываетъ грамоту, а къ 25-ти годамъ едва бываетъ въ состояніи разбирать печать по складамъ и выводить на бумагѣ безобразныя буквы; что, по весьма мѣткому замѣчанію одного гласнаго, изъ всего молодого поколѣнія, учившагося въ какой-либо школѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ не находится и десяти человѣкъ, „которые-бы смогли правильно написать росписку на лошадь“. Съ другой-же стороны, многіе, вышедшіе изъ школы, поступаютъ въ такую категорію людей, о которыхъ существуетъ поговорка: „отъ своихъ отсталъ, а къ чужимъ не присталъ“. Эти грамотные крестьяне стараются попасть въ какіе-нибудь сельскіе чины, вродѣ помощника писаря, или поступаютъ въ прикащики, „трутся въ кабакахъ, выглядывая написать какую-нибудь фальшивую росписку, свидѣтельство и проч., становятся людьми, ловкими на всякія продѣлки, отстаютъ отъ крестьянства и кончаютъ жизнь свою гдѣ-нибудь въ острогѣ“. Третьи, наконецъ, самые малочисленные изъ грамотныхъ, „продолжаютъ-себѣ втихомолку, что-называется подъ носъ, почитать преимущественно церковныя книги, или не понимая ничего въ нихъ, или толкуя ихъ вкривъ, и въ обоихъ случаяхъ не принося никакой рѣшительно пользы ни себѣ, ни окружающему ихъ обществу, а, напротивъ, оказывая даже вредъ, потому что такіе грамотники становятся сектантами, привлекая къ себѣ массу неграмотныхъ и невѣжественныхъ послѣдователей, собираются для преній въ особыя избы, нерѣдко тайно, и, не понимая сущности религіи, увлекаются внѣшностью, формою и превращаются въ фанатиковъ, совершенно бесполезныхъ для общества“. Въ подтвержденіе этого шадринское земство приводитъ любопытный примѣръ. Недавно одинъ изъ оспoprививателей подалъ прошеніе о желаніи оставить свою обязанность. Земство удовлетворило его. Но послѣ оказалось, что этотъ 18-лѣтній юноша, одинъ изъ воспитанниковъ сельской школы, не испыталъ еще жизни, совершенно не понимая ея и не испробовавъ своихъ собственныхъ силъ, увлекся съ своими товарищами подвигами святыхъ, пришелъ къ убѣжденію, что жизнь въ мірѣ неизбѣжно приводитъ людей къ безчестью, и

потому вознамѣрился, бросивъ занятія и домъ, идти по Россіи, поклониться святымъ въ Кіевѣ, затѣмъ перебраться на Афонъ, а затѣмъ, прибавляетъ земская управа въ своемъ докладѣ земскому собранію, — „благо, если удастся ему дѣйствительно остаться чистымъ... въ большинствѣ-же случаевъ всѣмъ извѣстенъ конецъ такихъ путешественниковъ“ (Журн. шадр. зем. собр., стр. 20—21).

Если-бы возможно было въ настоящее время, такъ-сказать, подвести итоги земской дѣятельности за всѣ десять лѣтъ и по всѣмъ мѣстностямъ, гдѣ земскія учрежденія введены въ дѣйствіе, то, безъ сомнѣнія, итоги эти выразились-бы весьма почтенными цифрами и весьма утѣшительными выводами; но пока подобный трудъ, въ общемъ, немислимъ и матеріалы для земской статистики не только не обработаны, но даже и не собраны, хотя-бы по частямъ, то оцѣнка земской дѣятельности по необходимости должна на первое время ограничиться частными указаніями на тѣ отдѣльные факты, которые до нѣкоторой степени освѣщаютъ путь, ужь пройденный тѣмъ или другимъ земствомъ.

Наиболѣе подготовленныхъ матеріаловъ для обработки земской статистики представляетъ вятское земство, уже напечатавшее въ журналѣ „Императорскаго русскаго географическаго общества“ обстоятельныя цифровыя данныя по мѣстной земской статистикѣ. Изъ свода этихъ цифръ видно, что труды вятскаго земства во всѣхъ сферахъ, подлежащихъ вѣденію земскихъ учреждений, весьма и весьма почтены.

Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ цифръ. Въ 1867 году, при введеніи въ вятской губерніи земскихъ учреждений, въ губерніи считалось 250 школъ съ 8,440 учащимися, въ томъ числѣ 1,035 дѣвочекъ. Въ первый годъ своей дѣятельности вятское земство асигновало на народныя школы 88,450 р., а въ слѣдующіе затѣмъ годы, именно во всѣ восемь лѣтъ, дало на дѣло народнаго образованія весьма солидную сумму—именно 1,686,100. За то къ началу 1874 года вятское земство имѣло уже 630 учебныхъ заведеній, въ которыхъ считалось учащихся 28,050, изъ коихъ 22,282 мальчика и 5,768 дѣвочекъ.

Вотъ въ какой пропорціи возрастало число учащихся по отношенію къ наличному населенію губерніи:

въ 1869 г.	1	учащійся	приходился на	162 души	наличнаго населенія.
„ 1870 „	1	„	„	161	„ „ „
„ 1871 „	1	„	„	182	„ „ „

"	1872	"	1	"	"	"	119	"	"	"
"	1873	"	1	"	"	"	105	"	"	"

Возрастаніе это безспорно замѣчательное. Но еще въ болѣе быстро возрастающей прогрессіи шло увеличеніе числа школьныхъ библиотекъ и пополненіе ихъ книгами, такъ что, кромѣ библиотекъ при каждой сельской школѣ, вятская губернія имѣетъ уже 13 большихъ публичныхъ библиотекъ, музеевъ и три спеціальныя школы — музыкальную, рисовальную и гипсовую.

На-сколько благотворною оказалась дружная работа вятскаго земства и солидарность его съ направленіемъ общественнаго мнѣнія, видно даже и изъ того, въ какой мѣрѣ послѣдніе годы дали толчекъ типографскому дѣлу въ вятской губерніи. Тамъ, кромѣ шести типографій въ самой Вяткѣ, имѣются типографіи въ Глазовѣ, Елабугѣ, Котельничѣ, Нолинскѣ, Сарапулѣ и Слободскомъ; затѣмъ двѣ литографіи въ Вяткѣ и одна въ Сарапулѣ. „Замѣчательно, говорилось недавно въ одномъ изъ повременныхъ изданій по поводу опубликованія этихъ свѣденій, — что въ сосѣдней съ вятской, казанской губерніи, ни въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ нѣтъ никакихъ даже признаковъ типографіи, и, какъ кажется, и не жди — не будетъ! Сосѣдній сибирскій край большинство своихъ заказовъ дѣлаетъ въ типографіяхъ вятской губерніи, которымъ не мало благопріятствуютъ дешевизна рабочихъ рукъ и близость бумажныхъ фабрикъ. За образцы книжнаго печатанія, представленные на московскую политехническую выставку, вятская типографія Красовскаго, лучшая въ губерніи, получила серебряную медаль. Въ этой типографіи земство печатаетъ свои изданія“.

Разсмотрѣніе дѣятельности другихъ земствъ мы отлагаемъ до слѣдующаго раза.

Д. Мордовцевъ.

БЛУДУЯЩІЙ ОГОНЕКЪ.

(Изъ К. Рюге.)

Осенняя ночь непроглядно темна,
Пронесется тучи и сѣють дождемъ,
Чернѣють лѣса и болота кругомъ,
Дорога опасна и еле видна;
Но путникъ отважно проходитъ по ней
Съ котомкой на плечахъ и съ палкой въ рукѣ.
Онъ видитъ: предъ нимъ все яснѣй и яснѣй
Горитъ одинокій огонь вдалекѣ.

„Теперь мнѣ немного осталось пройти,
Твердитъ онъ, надеждой святой подкрѣпленъ, —
Тамъ ждетъ меня отдыхъ, тамъ ждетъ меня сонъ...
Скитальцу такъ дорогъ ночлегъ на пути!
Должно быть спокойно за чайнымъ столомъ,
Въ веселой бесѣдѣ семья тамъ сидитъ...
Господь да хранить отъ невзгодъ этотъ домъ,
Въ которомъ огонь такъ привѣтно горитъ.

„На завтра я встану поутру чѣмъ свѣтъ
И съ новою силой въ дорогу пойду,
А, можетъ быть, здѣсь-то все то я найду,
Чего я такъ тщетно искалъ столько лѣтъ:
И честныя лица, и ласку людей,
И трудъ не безплодный, и хлѣба кусокъ...
Но надо мнѣ шагу прибавить скорѣй:
Мнѣ кажется, меркнетъ вдали огонекъ!“
Изранены ноги, измучена грудь, —
Но путникъ поспѣшно стремится впередъ,
Огонь же все меркнетъ и меркнетъ — и вотъ
Потухъ онъ и тьмою покрылся весь путь.
Во мракѣ не видно, куда онъ ведетъ —

Направо или влѣво и что впереди—
Ночлеги или бездна усталого ждетъ,—
И сжалось у путника сердце въ груди,

Нѣтъ больше въ тревожномъ, пугливомъ умѣ
Ни свѣтлыхъ мечтаній, ни радужныхъ грезъ,
И вдругъ пробудился въ немъ страшный вопросъ:
„Куда-жь я безъ цѣли пойду въ этой тьмѣ?“
И словно подрѣзанный колосъ, упалъ
Измученный странникъ со стономъ глухимъ:
Съ судьбой онъ боролся, покуда сверкала
Надежды блудящій огонь передъ нимъ.

А. Михайловъ.

ЗЛОБА ДНЯ.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

„Довѣсть дневи злоба его.“

ДѢЙСТВІЕ I.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Григорій Ивановичъ Градищевъ, лѣтъ 55. Наружность представительная. Волосы съ просѣдью; совершенно бѣлые усы и такіе-же подусники тщательно расчесаны. Держится важно, говорить не громко, но съ достоинствомъ и самоуваженностью. Одѣтъ по модѣ, но солидно.

Людмила Николаевна, жена его, 40 лѣтъ. Необыкновенно сохранившаяся красавица. Манеры и нарядъ изящны и кокетливы.

Егоръ Григорьевичъ, сынъ ихъ, 23 лѣтъ. Франтъ, потерявшій юношескую свѣжесть лица. Развязенъ до нѣкотораго излившества, но не тривиаленъ. Костюмъ модный, шикарный.

Елена Григорьевна, ихъ дочь, 19 лѣтъ. Не красавица, но съ симпатичной и осмысленной физиономіей. Манеры естественно-граціозны.

Уайтъ, компаньонка ея, лѣтъ 45. Рижая, сухая, чопорная англичанка. Одѣта безъ вкуса.

Николай Алексѣевичъ Осиповъ, кандидатъ университета, лѣтъ 27. Открытое, умное лицо, выразительные глаза. Одѣтъ нѣсколько небрежно, но чисто.

Сергѣй Петровичъ Хлопонинъ, сынъ железнодорожника, 22 лѣтъ. Смазливая физиономія, нелишенная добродушія. Разговоръ, движенія, одежда — богатаго купца, матушкина сына.

Саша, дѣвушка, лѣтъ 20,—горничная у Градищевыхъ.

Василій, ливрейный слуга у нихъ-же.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ квартирѣ Градищевыхъ.

(Сцена представляет роскошный будуар Градищевой. Прямо входная дверь, направо—въ уборную. Въ одномъ углу каминъ, въ другомъ—кѣтка съ попугаемъ. Направо два окна, а между ними дамскій письменный столъ. Около входной двери козетка. Ближе къ аван-сценѣ, справа: диванъ, кресла, табуреты; слѣва—трюмо. Стѣны и мебель обиты штофомъ; двери и окна драпированы, полъ покрытъ ковромъ. Экзотическія растенія и цвѣты въ вазахъ, нѣсколько картинъ въ золоченыхъ рамахъ, карсели, канделябры, мраморныя бюсты, бронзовыя статуетки и множество дорогихъ бездѣлушекъ. Время за полдень.)

ЯВЛЕНИЕ I.

Градищева, Жоржъ и потомъ Саша.

(При поднятіи занавѣса Градищева въ домашнемъ дорогомъ negligé сидитъ около письменнаго стола и разсматриваетъ картинку моднаго журнала. Жоржъ лежитъ на диванѣ съ сигарой въ зубахъ и съ закрытыми глазами.)

Градищева. А вѣдь это платье прелестно... Пунцовыя розы съ коричневой зеленью—*magnifique!* Ко мнѣ оно пойдетъ, а?.. Какъ ты думаешь, Жоржъ?

Жоржъ. По правдѣ, объ этомъ я никакъ не думаю. (Быстро встаетъ, кидаетъ сигару и садится.) А вотъ изъ ума нейдетъ, откуда-бы добыть парочку радужныхъ... Сегодня у насъ большой пикникъ у Дорота: празднуемъ день рожденія Альфонсины; а у меня въ портфель... (Вынимаетъ бумажникъ и выбираетъ изъ него разныя бумаги.) Счетъ отъ Бореля на 130 руб. (Кладетъ на столъ.) Въ этомъ мѣсяцѣ надо хоть половину уплатить... Далѣе: билетъ на ложу къ Бергу. (Тоже кладетъ.) Счетъ отъ Тедеско на 180 руб... Ну, этотъ подождетъ, когда я буду единственнымъ обладателемъ богатствъ моего родителя, ха, ха, ха! (Рветъ на мелкіе куски.) А то можетъ и совсѣмъ забыть, совершенно, ха, ха, ха! (Вынимаетъ пачку писемъ.) Цѣлая серія сердечныхъ посланій отъ моей *Barbe*. (Бросаетъ на столъ и, не замѣчая, роняетъ одно изъ нихъ на полъ.) Далѣе... капиталы посмотримъ. (Пересчитываетъ асигнаціи.) Пять, восемь, одиннадцать, двѣнадцать, тринадцать, четырнадцать и... *c'est tout*. (Трясетъ бумажникъ въ воздухъ и свиститъ.) Фьютъ!

Градищева. *Mais c'est impossible!* Куда ты столько денегъ тратишь? Перваго числа ты получилъ свои 300 руб., а сегодня...

Жоржъ (перебивая). Девятое число—и у твоего единственнаго сына остается въ портфель... *hélas!* только 14 рублей. *C'est triste!*.. Но что дѣлать, *chère maman*, такъ сложилась моя жизнь! (Прячетъ деньги и бумаги въ портфель.)

Градищева. Хороша жизнь, нечего сказать. Поглядись въ зеркало, на кого ты сталъ похожъ? Глаза мутныя, воспаленныя, лицо

опухлое, румянца почти нѣтъ. Кто скажетъ, что ты еще учишься; всякій подумаетъ, что ты давно служишь...

Жоржъ (перебивая). Въ томъ-то и бѣда, что только подумаетъ. Эхъ, если-бы я дѣйствительно служилъ и на моей визитной карточкѣ красовалась надпись въ родѣ: *conseiller de la cour*, тогда не приходилось-бы вымаливать у тебя какую-нибудь сотняжку рублей. И что у насъ, право, за дикіе нравы! Ну чѣмъ я отличаюсь, напримеръ, отъ какого-нибудь гвардейскаго корнета, который, очертя голову, раздастъ направо и налево всевозможныя долговныя обязательства? А я куда ни обернусь—вездѣ отъязъ, потому что я безчиновный и слушаю лекціи въ университетѣ... гмъ... *c'est drôle!*

Градищева. Не приважешь-ли всякому школьнику, всякому недорослю давать деньги подъ векселя? Желала-бы я видѣть того глупца, который дастъ тебѣ взаймы, когда у тебя нѣтъ никакой собственности, не исключая даже вотъ этой визитки...

Жоржъ (прерывая). *Pardon!* Во-первыхъ, я—не всякій, а Жоржъ Градищевъ; во-вторыхъ, я—не школьникъ, а вольнослушатель университета; въ-третьихъ, ты ничего не понимаешь въ дѣлѣ современнаго кредита... Да-съ! Тебѣ вѣрять-же во всѣхъ магазинахъ на тысячи, а почему? Потому что знаютъ, что ты жена концессионера Градищева... Такъ замѣтъ—жена, только жена. Я-же его единственный сынъ, на мнѣ покоятся всѣ его надежды и мечты. Кто, по отшествіи его *ad patres*, можетъ воплотить, такъ-сказать, въ себѣ его индивидуальное я?—Одинъ Жоржъ Градищевъ. Кто послѣ него явится представителемъ въ сей земной юдоли древняго и славнаго рода русскихъ бояръ Градищевыхъ?—Опять я одинъ, только я... Ха, ха, ха! Хорошо сказано. Вотъ гдѣ скрывается моя собственность и мой кредитъ... Такъ-то, *chère maman!* (Цѣлуетъ у ней руку.)

Градищева (отстраняя его). Уйди ты отъ меня, ради Бога! Съ каждымъ днемъ ты становишься все циничнѣе и циничнѣе; я терю, наконецъ, въ тебя всякую вѣру. (Дергаетъ сонетку у боковыхъ дверей и садится къ письменному столу.)

Жоржъ. Вѣру, но не любовь, да?.. Ну, мама, мамурочка (подходить къ ней и ласкается), пойми, что крайность, необходимость. Неужели ты думаешь, что мнѣ не тяжело вымаливать? повѣрь, что если-бъ не нужда... Ну, прелесть моя, дай мнѣ двѣ радужныхъ.

Градищева. Ah, laissez moi!

Саша (выходя изъ боковыхъ дверей). Что прикажете, сударыня?
(Жоржъ отходить къ кѣткѣ и насвистываетъ шансонетку.)

Градищева. Приготовь мнѣ визитное платье.

Саша. Какое прикажете? (Не спускаетъ глазъ съ Жоржа.)

Градищева. То, рецсовое, сине-лиловое. (Саша хочетъ уйдти.)
Погоди. (Встааетъ, подходитъ къ трюмо и смотрится въ него.) Нѣтъ,

вотъ что! (Въ сторону.) Это ко мнѣ сегодня не поидеть. Какое-бы надѣть? (Молча соображаетъ передъ трюмо. Саша, замѣтивъ валяющуюся на полу записку, быстро поднимаетъ ее съ ковра и прячетъ въ карманъ.) Лучше приготовь синевато-зеленый нарядъ... Знаешь, тотъ... изъ брошюрованной шелковой матеріи... съ мелкими розами.

Саша. Слушаю-сь, знаю. (Идетъ.)

Градищева (про себя). Да, да!.. это будетъ лучше. (Отходить отъ трюмо и садится направо.)

Саша (возвращаясь). А шляпку какую прикажете? (Смотритъ на Жоржа, который отворачивается.)

Градищева. А ты ужъ и забыла, какая у меня шляпка къ этому наряду? (Саша молчитъ.) Розовую шелковую, съ бѣлыми цвѣтами и синевато-зелеными лентами... Забыла?

Саша. Виновата, упомяла. Сейчасъ приготовлю. (На ходу, посмотрѣвъ на Жоржа, въ сторону.) Ишь вѣдь, отворачивается и смотрѣть не хочетъ, словно не его дѣло! (Уходитъ.)

Жоржъ (подходя къ матери). Что-жь, мама, какъ моя просьба? Ну, счастье мое, мамурочка, дай; вѣдь у тебя есть деньги, я знаю.

Градищева. Нѣтъ у меня теперь денегъ; да если-бъ и были, все-таки-бы не дала на этотъ безумный пикникъ.

Жоржъ. Вотъ видишь, съ тобой нельзя быть откровеннымъ. (Садится у ногъ ея на скамеечку.) Солги я, попроси на что-нибудь другое,—знаю, что отказа-бы не было... Съ тобой лгать я не могу, вотъ и бѣда моя. (Цѣлуетъ руку.) Ну, красота, ну, радость, дай!

Градищева. Оставь свои поддѣльные ласки, это ни къ чему не поведетъ, денегъ я не дамъ.

Жоржъ. Ты серьезно говоришь?

Градищева. Серьезно; отойди!

Жоржъ. Такъ не дашь?

Градищева. Не дамъ ни копейки.

Жоржъ. Это твое послѣднее слово?

Градищева. Ну да, послѣднее... отвязьись... не дамъ!

Жоржъ (вставая). Вотъ какъ?!.. Ну, хорошо... Денегъ я достану, только послѣ не раскаявайся... берегись!

Градищева (вспыхнувъ). Это что за тонъ? Ты забылся... Съ кѣмъ ты говоришь такъ, кому угрожаешь?.. Опомнись!..

Жоржъ. Я очень хорошо все помню и сознаю, съ кѣмъ говорю. Ты не хочешь исполнить добровольно моей просьбы, я найду средство заставить тебя дать деньги... Пожалуйста, безъ строгихъ минъ и взглядовъ... Я не изъ робкихъ. Морочьте другихъ своей pruderie, а только не меня... Pas si bête!

Градищева. О, misérable! И это мнѣ говорить родной сынъ.

Жоржъ. То-то — misérable!.. Запѣли!.. видно, совѣсть-то не чи-

ста... Для общества, для свѣта вы олицетворенная нравственность, примѣрные матери, жены, добродѣтельныя женщины, патроны бѣдныхъ и несчастныхъ; а! все-таки втихомолку, подъ сурдинкой, не прочь въ наемной каретѣ отправиться въ маскарадъ, а оттуда...

Градищева (вскакивая и перебивая). Ни слова больше! *Sortez!*.. Вонъ, сію минуту вонъ! И не смѣй мнѣ показываться на глаза.

Жоржъ. Ха, ха, ха! Какъ это трагически: *sortez!*.. Совсѣмъ Ристори... Удаляюсь, не беспокойтесь. (Идетъ и останавливается.)

Саша (входя). Пожалуйте, готово-съ!

Градищева (овладѣвъ собой и садясь). Хорошо: жди меня въ уборной. (Горничная уходитъ.)

Жоржъ. Совѣтую не забывать, что хотя у Дюссо кормить и не дурно, кабинеты его довольно комфортабельны, но въ дверяхъ есть замочныя отверстія, которыя выдаютъ интимную бесѣду *tête-à-tête!* Ха, ха, ха! *j'ai bien l'honneur!*... (Комично раскланивается, направляется къ среднимъ дверямъ и встрѣчается съ отцомъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Градищевъ (входятъ).

Градищевъ (съ бумагами въ рукахъ, къ сыну). Ты здѣсь какимъ образомъ, отчего не на лекціяхъ?

Жоржъ. Сегодня праздникъ.

Градищевъ. Какой праздникъ?

Жоржъ. Студентскій или, лучше сказать, медико-хирургическій—разведеніе честныхъ мостовъ, ха, ха, ха! Нѣтъ, серьезно, папа, ты знаешь, что я ѣзжу всегда черезъ Дворцовый; сегодня подѣзжаю—увы! разведенъ; чрезъ Николаевскій далеко—все равно не попалъ-бы на первую лекцію, ну и рѣшилъ вернуться домой, напиться кофе и побесѣдовать съ мамой. (Смотритъ на часы.) Теперь какъ-разъ попаду на послѣднюю лекцію — гражданское право... Однако прощай, папа, боюсь опоздать. (Цѣлуетъ отца въ щеку.)

Градищевъ. Мнѣ сдается, что ты все врешь... Ну, да поѣзжай, поѣзжай.

Жоржъ. *Ma parole, chère papa.* (Подходя къ матери и цѣлуя руку.) Еще разъ: *au revoir, chère maman!* (Тихо.) О замочной скважинѣ совѣтую подумать. (Быстро уходитъ.)

Градищевъ (подойдя къ женѣ). *Bonjour!* (Протягиваетъ руку, та пожимаетъ.) А возлюбленный сыночекъ, кажется, по-прежнему шалопайствуетъ? (Молчаніе.) Видно, и съ университетомъ такъ-же

кончится, какъ со школой правовѣденія, — выгонять. (Молчаніе.)
 Что ты, какъ-будто не въ духѣ, здорова-ли?

Градищева. Мигрень, голова болить.

Градищевъ. Я пришелъ къ тебѣ съ серьезнымъ дѣломъ, Миля. Надо намъ сократить расходы, ты безумно бросаешь деньги. Помилуй, сейчасъ мнѣ прислали счетъ изъ англійскаго магазина слишкомъ на 9 т. Въ немъ сколько-нибудь капитальная вещь — одинъ brasletъ въ 2 т., остальное все — тряпки и тряпки. И этотъ расходъ сдѣланъ въ полтора мѣсяца. (Подаетъ счетъ.) Просмотри пожалуйста счетъ.

Градищева (взявъ и небрежно взглянувъ, возвращаетъ). Счетъ вѣренъ.

Градищевъ. Вотъ видишь!.. Потому расходъ по дому ужасный. Въ прошломъ мѣсяцѣ столъ, погребъ, выѣздъ и освѣщеніе стоили болѣе 13 т. Наконецъ, траты на образованіе Hélène... Разочти: миссъ Уайтъ въ мѣсяць — полтора ста, профессору музыки — тоже полтора ста, этому пѣвцу-итальянцу — двѣсти, художнику за рисованіе — сто и учителю словесности — семьдесятъ пять... а разные учебники, руководства, пособія, — вѣдь это выйдетъ чуть не тысяча рублей въ мѣсяць. (Молчаніе.) Что-же ты молчишь, Миля? вѣдь я тебѣ говорю.

Градищева. Къ чему ты обо всемъ этомъ мнѣ говоришь?

Градищевъ. Какъ къ чему?.. Станный вопросъ! Къ тому, что необходимо сократить расходы!.. Тутъ нужно не мое, а ротшильдовское состояніе!

Градищева. Совершенно согласна. Но кто-же во всемъ этомъ виноватъ? Ты захотѣлъ послѣ полученія концесіи поставить домъ на такую ногу; завелъ какихъ-то мажоръ-д'омовъ, шенковъ, шталмейстеровъ, которые кругомъ насъ обираютъ. Относительно образованія Hélène — опять твоя воля... Къ чему ей эти *les beaux arts*? Что она, готовится въ пѣвицы оперныя, въ актрисы, въ художницы? Не понимаю! Ты настоятельно требуешь, чтобъ Hélène выѣзжала на всевозможные вечера, рауты, балы... Понятно, что при этомъ наши расходы на туалетъ страшно увеличились... Наконецъ, въ моей головѣ эта свѣтская жизнь никакъ не вяжется съ науками и уроками. *C'est une extravagance!* Опять повторяю, что деньги на ея образованіе бросаются на вѣтеръ. Конечно, миссъ Уайтъ ей необходима, какъ компаньонка, ну, да, пожалуй, учитель словесности, остальное-же все лишнее... Всѣмъ можно отказать.

Градищевъ. Если отказывать всѣмъ, въ такомъ случаѣ зачѣмъ оставлять миссъ Уайтъ и учителя словесности?

Градищева. Не хочешь-ли ты, чтобъ я приняла на себя обязанности Уайтъ? Впрочемъ, что-жь, я готова: я такъ люблю мою

Нелёне, что готова посвятить ей все свое время... Изъ меня выйдет отличная *dame de compagnie*... Только послѣ прошу не пенять, если это отниметь у меня возможность поддерживать всѣ нужныя для твоихъ дѣлъ знакомства... Хочешь, а?

Градищевъ. Мила, напрасно ты сердисься. Въ упроченіи моихъ связей, отношеній и, вообще, всего моего общественнаго положенія, я всегда въ тебѣ нахожу такую помощницу, что мнѣ и въ голову не могла придти подобная мысль... Повѣрь!

Градищева. Стало быть, не зачѣмъ объ этомъ и разговоръ поднимать... Учитель-же словесности Нелёне нуженъ, потому-что она совершенно незнакома ни съ русскимъ языкомъ, ни съ литературой. Что-же касается реформы нашей домашней жизни, то до дѣла надо оставить все какъ есть, а осенью, по возвращеніи изъ-за границы, я возьму на себя бразды правленія и, увѣрена, сокращу бюджетъ расходовъ на половину, нисколько не стѣсняя себя. Ну, ты теперь свое *gréface* кончилъ, говори, какое у тебя дѣло ко мнѣ, для чего я тебѣ понадобилась? Мнѣ надо переодѣться и сдѣлать два-три дѣловыхъ визита: сегодня засѣданіе въ комитетѣ о немущихъ, мнѣ пра.

Градищевъ. Почему ты думаешь, что все, что я тебѣ до сихъ поръ говорилъ, было не больше, какъ предисловіе?

Градищева. Ah! mon Dieu! Онъ еще спрашиваетъ! Надѣюсь, что въ 24 года замужества я немножко узнала тебя. Какъ только тебѣ нужно въ чемъ-нибудь мое содѣйствіе, ты тотчасъ-же пускаешь въ ходъ свое *gréface* съ всевозможными жалобами на мое мотовство, огромные расходы, на неизбѣжное разореніе и такъ далѣе. (Улыбаясь.) Выдумай что-нибудь поновѣе, этотъ приѣмъ устарѣлъ.

Градищевъ. Нѣтъ, Мила, шутки въ сторону... Положеніе мое теперь самое критическое... Въ этомъ мѣсяцѣ должно рѣшиться все наше будущее: или я выйду съ побѣдой (!) и миліонами, или... (Смотрить на боковую дверь.) У тебя никого постороннихъ нѣтъ?

Градищева. Одна Саша.

Градищевъ. И прекрасно. Тебѣ извѣстно, что въ концѣ этого мѣсяца назначенъ окончательный осмотръ и приѣмъ нашей гнилоболотной желѣзной дороги. Дѣло обставлено отлично. Все идетъ какъ по маслу. Одно меня смущаетъ — на будущей недѣлѣ срокъ уплаты Хлопонину по векселямъ 800 т.; теперь у меня въ наличности не наберется и сотни. Зная наши дружескія отношенія, я до вчерашняго дня нисколько не тревожился этимъ срокомъ, потому-что Хлопонинъ обѣщаль переписать векселя, если мнѣ понадобится отсрочка. Писаль я къ нему въ Москву нѣсколько писемъ и только вчера утромъ получилъ отвѣтъ, которымъ онъ меня

увѣдомляетъ, что отстрочить готовъ—на особыхъ условіяхъ. Эти условія онъ можетъ сообщить мнѣ только лично, для чего вслѣдъ за своимъ письмомъ и выѣзжаетъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ женой и сыномъ. Что это за особенныя условія? Тутъ что-то неладно... Побаиваюсь, чтобъ этотъ бородачъ не напакостилъ мнѣ, хоть мы съ нимъ и друзья... Ужъ не думаетъ-ли онъ отказать въ отсрочкѣ, потребовать денегъ, чтобы получить львиную долю въ новой концессіи, которая обѣщана мнѣ послѣ успѣшнаго приѣма гнило-болотной дороги, а то, пожалуй, и всю цѣликомъ забрать въ свои лапы?

Градищева. Петръ Авдѣичъ неспособенъ на такую низость!

Градищевъ. Эти барышники, выскочки-капиталисты на все способны. Я у него теперь совсѣмъ въ рукахъ: стоитъ ему протестовать и представить ко взысканію векселя, такъ мнѣ не только улыбнется новая концессія, но я пропаду съ сдачей гнило-болотной дороги.

Градищева. Что-жъ ты хочешь дѣлать?

Градищевъ. Я хочу попросить тебя, Миля, сдѣлать визитъ Хлопониной. Они должны уже приѣхать сюда. Поѣзжай къ ней часа въ четыре; эта дура будетъ въ восторгѣ отъ этой чести...

Градищева (перебивая его). Я поѣду къ ней? *Jamais dans ma vie!* Ты съума, кажется, сошелъ... Я была однажды у этой мѣщанки, и она не сочла своимъ долгомъ отдать мнѣ визитъ... Нѣтъ, ужъ будетъ унижаться, *merci bien!*

Градищевъ. Да помилуй, Миля, какое-же тутъ униженіе... Развѣ можно сердиться на деревенскую, необразованную бабу, что она не отдала тебѣ визита?.. Развѣ она понимаетъ свѣтскія приличія?..

Градищева (перебивая). Ни за что на свѣтѣ!

Градищевъ. Если-бъ это была женщина нашего общества, нашей среды—я понимаю, тогда можно-бы было возмущаться, а это богатая мужичка, не больше... Я знакомой-то нашей ее не считаю. Ради Бога, Миля, окажи эту услугу... Отъ нея ты можешь вывѣдать всѣ замыслы Хлопонина... Дѣло вѣдь вотъ (проводитъ рукой по горлу), до зарѣзу.

Градищева. У нея я могу встрѣтить кого-нибудь, что тогда? (Встаетъ и ходитъ, какъ-бы въ раздумьи.) *Non, c'est impossible!*

Градищевъ. Ручаюсь, что никого не встрѣтишь: они занимаютъ отдѣленіе въ гостинницѣ, къ нимъ особый подъѣздъ... Никто не будетъ знать о твоёмъ визитѣ... Ты хорошо понимаешь, что только крайность заставляетъ меня просить отъ тебя этой услуги... Обстоятельства такъ сложились, что все наше будущее теперь въ рукахъ этого торговца.

Градищева (ходя). Нѣтъ, нѣтъ!.. Невозможно!

Градищевъ. Неужели-же для счастья дѣтей нашихъ, для ихъ благосостоянія ты откажешь мнѣ... Вѣдь если Хлопонинъ представить векселя — мы разорены, мы нищѣ... Если не ради меня и себя, то для дѣтей нашихъ исполни просьбу!

Градищева (сажаясь). Дѣлать, видно, нечего... Для счастья Нелене приходится перенести новое униженіе. (Твердо и холодно.) Хорошо, я поѣду.

Градищевъ. Какъ я тебѣ благодаренъ, Миля, какъ... (Хочетъ обнять ее и поцѣловать.)

Градищева (уклоняясь). Это совершенно лишнее... Услуга за услугу: ты мнѣ долженъ для одного молодого, дѣльнаго и образованнаго человѣка доставить хорошее мѣсто при желѣзной дорогѣ, съ жалованьемъ въ три-четыре тысячи рублей; только непременно здѣсь, въ Петербургѣ... Я тебѣ его на-дняхъ представляю.

Градищевъ. Съ удовольствіемъ. Какъ только откроется движеніе по нашей гнило-болотной дорогѣ, правленіе переведется въ Петербургъ и я сдѣлаю его дѣлопроизводителемъ.

Градищева. Слѣдовательно, я могу его обнадѣжить?

Градищевъ. Смѣло можешь... Какъ только приѣдутъ Хлопонины, такъ меня немедленно извѣстятъ изъ отеля; ты въ два или три часа и поѣзжай съ визитомъ... Поласкай, приголубь эту дуру и вывѣдай планы ея муженька.

Градищева. Ранѣе 4 часовъ я не могу къ ней поѣхать, потому-что у меня сегодня въ пріютѣ засѣданіе комитета.

Градищевъ. Ну, все равно, въ 4... Главное дѣло—побольше лести и ласки: эти мѣщане во дворянствѣ очень цѣнятъ вниманіе и ловятся на эту удочку. Сережа Хлопонинъ, вѣроятно, по приѣздѣ явится къ намъ, будь съ нимъ полюбезнѣе и предупреди Жоржа и Нелене, чтобъ они не очень издѣвались надъ этимъ лоботрасомъ. Нѣжные родители не надышутся на него, а пока я въ лапахъ у этого кулака, вооружать его не слѣдуетъ. Хлопонинъ теперь для меня важнѣе всей комисіи... Лишь-бы удалось переписать векселя, тогда... (Троекратный стукъ въ входную дверь.) Кто это?

Градищева (громко). Войдите!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и слуга.

Слуга (входя). Г. Хлопонинъ; прикажете принять?

Градищевъ. А-а, легокъ на поминѣ! Просить, просить. (Слуга хочетъ идти.) Погоди, который Хлопонинъ: отецъ или сынъ?

Слуга. Сергѣй Петровичъ.

Градищевъ. Меня спрашивалъ?

Слуга. Нивакъ нѣтъ-съ. Приказали доложить Людмилѣ Николаевнѣ.

Градищевъ. Прими его, Миля. (Слугѣ.) А меня дома нѣтъ, слышишь?

Слуга. Слушаю-съ.

Градищева. Просите Сергѣя Петровича сюда, да скажите Еленѣ Григорьевнѣ и миссъ Уайтъ, чтобъ онѣ пришли ко мнѣ. Велите заложить скорѣе мою маленькую карету; чтобъ выѣздной былъ готовъ. Ступайте.

Слуга. Слушаю-съ. (Уходитъ.)

Градищевъ. Я заѣду сначала къ биржевому нотаріусу, а оттуда къ Хлопонинымъ, предупрежу, что ты въ 4 часа пріѣдешь къ нимъ. Не забудь-же сказать Жоржу и Нелѣне, а главное—по привѣтливѣе съ этой бабой.

Градищева. Однако, довольно наставлений...

Градищевъ (перебивая). Ну, ну, не сердись, я молчу... Пройду чрезъ твою уборную, чтобъ не встрѣтиться съ Сережей. Au revoir!.. Обѣдаю дома. (Уходитъ въ боковую дверь.)

Градищева (одна, встаетъ и смотритъ въ трюмо). Какъ меня возмутилъ этотъ Жоржъ... Онъ способенъ Богъ знаетъ что предположить... И какъ я неосторожно сдѣлала, поѣхавши ужинать изъ маскарада... Сыночекъ способенъ насилетничать мужу, выйдеть сцена... Надо принять мѣры... Я сегодня какъ-будто блѣдна? Положить немножко румянъ?.. Нѣтъ, блѣдность придаетъ интересъ. (Поправляетъ волосы и садится на диванъ.) Теперь я заручилась мѣстомъ для Осипова, можно круче повернуть дѣло.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сережа, Градищева и потомъ слуга.

Сережа (входя съ большимъ букетомъ въ рукахъ, цѣлуетъ руку). Мое почтеніе, Людмила Николаевна. Сейчасъ только пріѣхалъ изъ Москвы и первымъ долгомъ счелъ прямо къ вамъ. Позвольте вамъ презентовать изъ нашихъ "собственныхъ анжерей. Всю дорогу я и "маньба" на рукахъ везли, до самаго Петербурга вилоть-съ! (Подаетъ букетъ.)

Градищева. Здравствуйте, милѣйшій Сергѣй Петровичъ; благодарю за память и вниманіе. Какіе прелестные [цвѣты! Пропу васъ—садитесь. Ну, какъ здоровье вашихъ папа и "мама, они пріѣхали съ вами?

Сережа. Какъ-же-съ! Поворно васъ благодарю... Приказали кла-

няться и засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. Папенька въ своемъ здоровьи, а „манька“ простудились, флюсь получили, вотъ какъ щеку разнесло. (Садится.) Впрочемъ, это ничего-съ, за ночь все пройдетъ, утромъ опадетъ и мѣста не найдешь, гдѣ опухоль была. Онѣ у насъ очень забки, какъ выйдутъ на вольный воздухъ, при своей полной комплекціи, сейчасъ либо насморкъ, либо флюсь. А Григорій Ивановичъ и Елена Григорьевна какъ въ своемъ здоровьи?

Градищева. Благодарю васъ—здоровы; мужъ уѣхалъ по дѣламъ, а Нелѣне сейчасъ придетъ сюда, у нея урокъ музыки.

Сережа. Восхитительно, какъ онѣ играютъ, заслушаться можно... А Егора Григорыча тоже, вѣрно, дома нѣтъ? Съ желѣзной дороги мы ѣхали, такъ на Невскомъ они насъ обогнали,—кажется, что они... Вихремъ, просто, на рысакѣ пробавили; лошадь и запряжку я сразу узналъ: Яшка-Грибокъ отъ Аничкина; жеребецъ караковый, немного на заднія ноги сѣлъ, впрочемъ, бѣгъ еще настоящий, сбоевъ мало даетъ и не рветъ-съ. Изъ кареты въ спину сѣдока-то трудно было признать, а по осанкѣ, кажется, Егоръ Григорьевичъ, потому...

Градищева (перебивая). Не хотите-ли кофе?

Сережа. Не откажусь, съ удовольствіемъ.

Градищева (прижимая около дивана пуговку электрическаго звонка). Я не могу налюбоваться, что за роскошныя розы и такъ рано разцвѣли. У васъ, должно быть, отличный садовникъ?

Сережа. Садовникъ великолѣпный-съ. Фоминь какъ его сманивалъ къ себѣ, только я этого не допустилъ. Скрытно отъ папеньки сдѣлалъ ему прибавку 240 на годъ, нѣмецъ и остался. Нашъ Карла Карлычъ насчетъ ранней выгонки розъ первый искусникъ по всей Москвѣ, да врядъ-ли и здѣсь такой найдется. У Фомина въ анжереехъ теперь еще одни путоны, а у насъ вездѣ цвѣты, по всѣмъ вѣткамъ, сквозь.

Слуга (постучавъ, входитъ). Что приказать изволите?

Градищева. Поставьте этотъ букетъ вонъ въ ту вазу (указываетъ), да принесите намъ кофе поскорѣй!

Слуга. Слушаю-съ. (Поставивъ букетъ, уходитъ.)

Градищева. Ну, скажите лучше, какъ вы веселились эту зиму въ Москвѣ? Каковъ у васъ театръ, опера, оживлены-ли маскарады?

Сережа. Отъ скуки выѣзжалъ почти каждый вечеръ куда-нибудь, только безъ всякаго особеннаго удовольствія. Въ маломъ театрѣ послѣ Прова Михайловича Садовскаго пустынно какъ-то стало, особенныхъ актеровъ нѣтъ. Конечно, и Сергій Васильичъ Шумскій роль свою всегда твердо знаютъ, но они больше серьезное играютъ,

а чтобъ такой смѣхъ пустить, развеселить публику—они не могутъ, какъ, бывало, покойничекъ. Итальянская опера хуже здѣшней не въ примѣръ... а въ маскарады такъ я и совсѣмъ перестала ѣздить.

Градищева. Это почему?

Сереза. Надоѣло все, опротивѣло.. Каждый разъ одно и то-же: публика ходитъ изъ залы въ залу, словно что обронила или чего ищетъ, право. Время провести деликатно рѣшительно не съ кѣмъ. Если взять маску, у ней одинъ предлогъ: какъ-бы на чужой счетъ поужинать съ шампанскимъ или зелененькую выключить на карету. Завелась у насъ Стрѣльна, на подобіе вашего Дорота; пожалуй, тамъ и великолѣпнѣе, только пьянство и безобразіе такое, что въ своемъ видѣ и съ приличной компаніей не всегда туда поѣдешь.

Градищева. Ну, а ваши цыганки, вы вѣдь поклонникъ ихъ пѣнія?

Сереза. Я теперь все это оставилъ и всѣмъ этимъ пренебрегъ; даже къ нимъ въ Грузины въ цѣлую зиму ни разу не заглянулъ.

Градищева. Что это съ вами сдѣлалось? А прошлаго года вы только и бредили какой-то цыганкой, еще называли ее испанкой. Какъ она поживаетъ?

Сереза. Я все это малодушіе изъ ума выбросилъ.

Градищева. Какая вдругъ перемѣна! Почему это, расскажите?

Сереза. Рассказывать тутъ много нечего, Людмила Николаевна. Все это была одна набалованность: во-первыхъ, эти цыганы, природо племя, цѣнять они не человекъ, а деньги; во-вторыхъ, какое у нихъ общественное провозженіе своего времени? Сейчасъ засядутъ въ кругъ, заведутъ „Ивушку“ или „Кубокъ“, защелкаютъ пробки, пойдетъ пьянство и прочее безобразіе. Загогойкаютъ „Настасью“, выйдетъ одна въ кругъ, задергаетъ плечами, вздрагиваетъ, руки врозь разведетъ, глаза вылупить, словно съ ней судороги или обморокъ... вотъ и все. Нѣтъ ни па какого, ни мины, ни граціозности въ лицѣ и манерѣ,—однимъ словомъ, никакой тонкости во всей натурѣ... Ну, потомъ, конечно, плати деньги—сѣренькую, а иногда и всѣ сто отдашь. Не денегъ жаль, Богъ съ ними, не занимать стать, а только все это противно!.. Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю въ мысляхъ одинъ планъ, я всѣ глупости и увлекаемости бросилъ; отъ цыганъ далеко себя держу и ко всему прочему сдѣлался хладнокровенъ.

Градищева. А интересно-бы узнать, какой это планъ!

Сереза. Это мой собственный секретъ, который я храню въ глубинѣ моего сердца и куда объявить его не могу.

(Входитъ слуга съ серебрянымъ подносомъ, кофейникомъ, сахарницей, сухарницей и двумя чашками. Ставить все на предиванный столъ.)

Градищева. Вы говорили Еленѣ Григорьевнѣ и миссъ Уайтъ что я ихъ прошу сюда? (Наливаетъ кофе.)

Слуга. Докладывалъ. Онѣ какъ кончатъ урокъ, такъ пожелаютъ сюда.

Градищева. Кто у ней занимается, професоръ музыки?

Слуга. Никакъ нѣтъ-съ; г. Осиповъ.

Градищева. А-а! Такъ просите и его сюда. Можете идти. (Слуга уходитъ.) Берите вашу чашку, кладите шляпу и садитесь сюда, поближе къ столу. (Подвигаетъ ему чашку.)

Сережа. Ахъ, что вы беспокоитесь! (Беретъ въ одну руку чашку, въ другой держитъ шляпу, которую относитъ въ уголь, гдѣ стоитъ клѣтка съ попугаемъ. Положивъ шляпу на стулъ, ласкаетъ попугая.) А, попочка, здравствуй попочка... Попочка кушать хочетъ? (Рѣзко вскрикиваетъ и роняетъ на полъ чашку.) Ой, батюшки, ой!.. Въ кровь, до самой кости прохватилъ, ой, ой!

Градищева (вскакивая, съ испугомъ). Что такое?.. Что съ вами?..

Сережа. Попка куснулъ... Извините, вотъ чашку разбилъ... а палецъ ничего, пройдетъ... Какой онъ злюка!.. Простите, нечаянно!.. (Хочетъ поднять осколки.)

Градищева. Бросьте это, бросьте, сейчасъ человекъ приберетъ все. (Пожимаетъ звонокъ.) Не нужно-ли арники, льду, англійскаго пластыря? Подите сюда, что съ вашимъ пальцемъ, покажите?.. Больно укусилъ?

Сережа. Куснулъ пор-рядочно... Да не извольте беспокоиться, все пройдетъ. Ехидная злюка! Сейчасъ кровь перестанетъ. (Обертываетъ палецъ платкомъ.)

Градищева (вошедшему слугѣ). Приберите тутъ все и дайте новую чашку. (Слуга подбираетъ черепки и уходитъ.) Негодный попка, какъ онъ меня испугалъ, до сихъ поръ еще сердце бьется! (Садится.)

Сережа. Извините пожалуйста. Это я васъ своимъ крикомъ испугалъ, да, признаться, и самъ отъ внезапности сробѣлъ. (Разсматриваетъ палецъ.) А кровь-то не унимается, просачивается, а я вотъ какъ!.. (Навертываетъ весь платокъ на указательный палецъ правой руки.) А ты, братъ, хоть и птица, а себѣ на умѣ, видно тебѣ пальца въ ротъ не клади—откусишь, ха, ха, ха!

Градищева (въ сторону). Онъ нестерпимъ!.. Il est insupportable... cet mauvais sujet!

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ-же, Елена, Уайтъ и потомъ Слуга.

Елена (входя, въ дверяхъ). Ахъ, Сергѣй Петровичъ, давно-ли

изъ Москвы? вотъ не ждала васъ встрѣтить! Здравствуйте! (Протягиваетъ руку.)

Сережа (подавая лѣвую). Мое почтеніе, Елена Григорьевна, извините—лѣвую.

Елена. Что такое у васъ съ рукой?

Сережа. Попка укусило.

Елена. Это ужасно! И больно укусило?

Сережа. Куснулъ-таки порядочно. Да сейчасъ присохнетъ-съ, до свадьбы заживетъ, ха, ха, ха! (Идетъ въ средней двери.)

Елена. Куда это вы бѣжите?

Сережа. На одну минуточку... Я сейчасъ... (Уходитъ.)

Елена (пожавъ вслѣдъ ему плечами, цѣлуетъ руку матери). Здравствуй, мама.

Градищева. Bonjour, chère enfant.

Уайтъ (входя съ книгой и дѣлая глубокой реверансъ). Bonsoir, maman!

Градищева (протягиваетъ руку). Bonjour, ma chérie. (Уайтъ, пожавъ руку, отходитъ влѣво и садится на дальнее кресло, читаетъ книгу.) Hélène, а гдѣ-же Осиповъ?

Елена. Онъ пишетъ какое-то письмо, чтобъ отправить по городской почтѣ; какъ кончить, такъ придетъ сюда. (Замѣтя цвѣты и подходя къ вазѣ.) Ахъ, какая прелесть!.. Да это розы, а я издали думала, что камелии. (Нюхаетъ.) Какой запахъ! Мама, это тебѣ Хлопонинъ привезъ?

Градищева. Да, ma chère, онъ увѣряетъ, что это изъ ихъ московскихъ оранжерей... Удивительныя розы!

Елена. Вотъ какой! Общала мнѣ, а привезъ тебѣ... Ну, хороше-же... Я ему за это отплачу.

Градищева. Да, чтобъ не забыть!.. Будь съ Хлопонинымъ какъ можно внимательнѣе и любезнѣе... Побольше кокетства и оживленія...

Елена. Это что значить... зачѣмъ это? Объясни, мама.

Градищева. Надѣюсь, достаточно, что этого желаетъ отецъ и я тебѣ говорю... Да пожалуйста не вздумай, по обыкновенію, съ Жоржемъ трунить надъ нимъ... Опять повторяю: будь любезна...

Елена. А я опять прошу: объясните причину этого приказанія.

Градищева. Такъ надо.

Елена. Такъ надо... Странно!

Сережа (входя съ букетомъ). Позвольте это вамъ-съ... изъ нашихъ собственныхъ анжерей. (Подаетъ Еленѣ букетъ.)

Елена. Благодарю васъ. (Беретъ букетъ и жметъ руку.) Не были общанія?

Сережа. Помилуйте, всѣ мои мысли и желанія... (Конфузится и

замѣтя Уайтъ.) Ахъ, мадемуазель, здравствуйте! (Раскланивается и протягиваетъ руку.)

Уайтъ. Good morning, Sir! Здрастить, здрастить! (Жметъ руку.)

Елена (любуясь букетомъ). Что за розы, что за розы!

Слуга (входитъ и подавая чашку). Г. Осиповъ.

Градищева. Просите. (Слуга уходитъ.)

Сережа. Это вашъ „прафесаръ“?

Елена. Да, учитель словесности.

Сережа. Они при университетѣ-съ?

Елена. Онъ кандидатъ историко-филологическаго факультета и магистрантъ.

Сережа. А-а! значить, очень ученые.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ-же и Осиповъ.

Градищева (входящему Осипову). Наконецъ-то и вы. Вѣдь этакой церемонный, никогда безъ зову не зайдете, всегда надо посылать пословъ. (Протягиваетъ руку и жметъ.) Здравствуйте.

Осиповъ. Дѣла гибель; благодаря вашимъ рекомендаціямъ, я теперь заваленъ уроками. (Раскланивается съ Сережей.)

Градищева. А вы незнакомы? Представьтесь другъ другу: Николай Алексѣевичъ Осиповъ, Сергій Петровичъ Хлопонинъ.

Осиповъ (жметъ руку). Очень пріятно познакомиться.

Сережа. И мнѣ также-съ. Извините — лѣвую, попка куснулъ.

Градищева. Хотите кофе? (Наливаетъ чашку.)

Осиповъ (сидясь). Благодарю васъ, не хочу; очень рѣдко пью.

Градищева. А ваша чашка, Сергій Петровичъ, вы вѣдь хотѣли?

Сережа (весело). Нѣтъ ужъ, теперь расхотѣлось.. Благодарю покорно. А вотъ я осмѣлюсь попросить Елену Григорьевну сыграть на роялѣ... Прошлый годъ, когда я пріѣзжалъ, вы мнѣ играли варьяцію... Восхищенье-съ! (Смотритъ на мать и дочь.)

Градищева. Я увѣрена, что Hélène не откажетъ. Сергій Петровичъ въ восторгѣ отъ твоей игры, та снѣге; сдѣлай ему удовольствие—сыграй что-нибудь.

Елена. Отлично, пойдете! Давайте руку. (Сережа растерялся и не знаетъ, которую подать.) Все равно, все равно... давайте лѣвую. Ахъ, какой! Ну, давайте. Я вашимъ кавалеромъ буду. (Беретъ его руку подъ свою правую и идутъ.) Негодный попка, кусаться вздумалъ... Больно, а?

Сережа. Порядочно... Не извольте беспокоиться—подсыхаетъ. (Уходить.)

Градищева (показывая глазами на уходящихъ). Миссъ!

Уайтъ. Yes!.. oui, matame!.. Чичась, чичась! (Поспѣшно уходитъ.)

Градищева. Для васъ, какъ для моего дорогого, рѣдкаго гостя, дѣлаю исключеніе—разрѣшаю курить. Вотъ вамъ спички, пепельница, вынимайте папироску и закуривайте безъ церемоніи. (Подаетъ спички и пепельницу.) Ну, скажите, какъ идутъ ваши занятія съ Helène?

Осиповъ (закуривъ папиросу). Отлично! Она необыкновенно способная особа, память громадная и всякую мысль ловить, какъ говорится, на лету.

Градищева. Моя дочь вся въ меня!.. Разница только та, что у меня не было такого отличнаго професора, какъ у нея. Нѣтъ, серьезно!.. Послѣ выхода изъ пансіона, гдѣ меня выучили болтать по-французски, мнѣ пришлось самообразовываться одной, безъ руководителя, безъ всякихъ указаній. Вышедши замужъ, я дни и ночи читала, читала и читала... Русскую литературу я изучила à la lettre, всю... Не говоря о нашихъ великихъ писателяхъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, я познакомилась со всѣми Кантемирами, Карамзинными, Гречами. Но кому я больше всѣхъ обязана своимъ развитіемъ, это Бѣлинскому... Удивительный умъ, не правда-ли? Какой тонкій анализъ, какая несокрушимая логика и сила убѣжденій... Добролюбовъ, можетъ быть, не успѣлъ высказаться вполнѣ, но онъ меня менѣе поразилъ. Скажите, кто изъ нихъ выше, а?

Осиповъ. Да, но... Ихъ довольно трудно сравнивать... Они дѣятели разнаго времени... (Затрудняется.)

Градищева (перебивая). Да, конечно... Разное время, разные требованія, разные направленія... да! Ну, а какъ вы смотрите не Писарева?

Осиповъ (неохотно и уклончиво). Гмъ, гмъ!.. Это очень сложный вопросъ, чтобъ отвѣчать на него категорически... Какъ вамъ сказать?..

Градищева (замѣтивъ неудовольствіе). Конечно, конечно!.. вопросъ очень сложенъ для категорическаго отвѣта. Ну, а вы, Николай Алексѣичъ, когда подарите насъ своимъ трудомъ, когда окончите свою диссертацию?

Осиповъ. Надо полагать, что скоро. Уроки отнимаютъ очень много времени, а бросить ихъ—значить остаться безъ обѣда... Да и выдти-то на диспутъ хочется во всеоружіи, а не кое-какъ.

Градищева. Еще-бы вамъ-то! Вы такъ преданы вашей наукѣ!.. Простите меня, Николай Алексѣевичъ, за мою навязчивость, но за то добро, которое вы приносите моей дорогой Helène, я располо-

жилась къ вамъ, какъ... къ родному брату. (Протягиваетъ ему руку и пожимаетъ.)

Осиповъ. Повѣрьте, что я глубоко цѣню ваше расположеніе.

Градищева. Знаете, я сегодня раздумалась объ васъ... объ томъ, что уроки обременяютъ васъ, отдаляютъ защиту диссертаци, а слѣдовательно и получение профессорской кафедры. Чтобъ помочь этому горю, я вотъ что придумала: черезъ мѣсяць въ правленіи гнило-болотной желѣзной дороги откроется мѣсто дѣлопроизводителя съ жалованьемъ въ три-четыре тысячи рублей, вы можете его занять. Я говорила объ этомъ мужу, конечно не назвавши васъ; онъ изъявилъ на это согласіе.

Осиповъ. Нѣтъ, Людмила Николаевна, какого дѣла не знаю— за то не возьмусь... Много благодаренъ вамъ за ваше доброе расположеніе ко мнѣ, но эта работа не по мнѣ... въ подобной дѣятельности я не приготовленъ, да врядъ-ли и способенъ.

Градищева. Ну, ужъ!.. Униженіе — паче гордости. Для этой должности не требуется подготовки... Свѣтлая голова, умѣнье дѣльно, ясно изложить мысль—вотъ все, что нужно... Наконецъ, не боги-же горшки лѣпятъ... Занятій всего три часа утромъ, весь вечеръ вашъ... Подумайте, можетъ быть и найдете возможнымъ взять на себя эти обязанности... Дайте слово, что вы подумаете объ этомъ?.. Да, мой другъ? (Какъ-бы испугавшись.) Pardon, я такъ увлеклась желаніемъ услужить вамъ, что, забывшись, позволила себѣ назвать васъ моимъ другомъ... Pardon! (Протягиваетъ руку.)

Осиповъ. Я такъ цѣню ваше вниманіе, ваше участіе ко мнѣ, что названіемъ вашего друга могу только гордиться. (Цѣлуя руку.) Всѣми моими уроками я обязанъ вашей рекомендаціи. Можетъ быть, скоро придетъ пора... скоро вы узнаете... (Умолкаетъ.)

Градищева. Что я узнаю? Какая пора?.. (Молчаніе.) Зачѣмъ вы замолчали?.. Отчего-же, мой другъ, не сказать теперъ?

Осиповъ. Нѣтъ, позвольте не говорить... еще время не пришло.

Градищева. А если я догадываюсь? а?

Осиповъ. Догадываться вы можете... и очень можетъ быть, не ошибаетесь... Я не хочу встать въ фальшивое положеніе... Я слишкомъ самолюбивъ, чтобъ потерпѣть неудачу. (Изъ среднихъ дверей показывается Елена.)

Градищева (въ сторону). Я не заблуждалась... Онъ неравнодушенъ.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тъ-же, Елена, Сережа и Уйатъ.

Елена (къ матери). Представь себѣ, сегодня бенефисъ Патти, и несчастье какое, мы не запаслись билетомъ. Такая досада, я просто плакать готова. Неужели я не увижу нашу диву въ ея праздникъ? Теперь три часа, ложи не достанешь ни за что.

Градищева. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это жалъ!.. и какъ мы проглядѣли афиши?.. Стоило слово сказать—и отецъ исполнилъ-бы твое желаніе; пеняй на себя; конечно, теперь нельзя достать сколько-нибудь приличной ложи. (Уайтъ садится къ окну и читаетъ.)

Елена (садясь). Богъ знаетъ, чего-бъ не дала, лишь-бы попасть на этотъ спектакль. Съ удовольствіемъ-бы промѣняла всѣ эти глупѣйшіе балы на ея бенефисъ... Вотъ сейчасъ заплачу съ досады.

Сережа. Не огорчайтесь, Елена Григорьевна, потому ложа въ бель-этажѣ у васъ сейчасъ будетъ. (Беретъ шляпу.) Черезъ полчаса лично вамъ доставлю, будьте покойны. До пріятнаго свиданія-съ.

Елена. Гдѣ это вы возьмете? Не вздумайте платить бѣшеныхъ денегъ...

Сережа (на ходу). Это ужъ наше дѣло. (Уходитъ.)

Елена (вслѣдъ ему). Смотрите, я въ такомъ случаѣ не поѣду... Его уже и слѣдъ простыль.

Осиповъ. Это сынокъ знаменитаго Хлопонина?

Градищева. Да, Петра Авдѣича. Замѣчательно простодушное и добрѣйшее существо... Жаль, что совершенно необразованъ и не воспитанъ. Ты, Нелёне, кажется, окончательно покорила его сердечко... Можешь поздравить себя съ побѣдой.

(Уайтъ входитъ и садится на прежнее мѣсто, продолжаетъ читать.)

Елена (иронически). Поздравляю и горжусь!

Градищева (взглянувъ на часы). Mon Dieu, déjà trois heures!.. Вотъ и мы, пустыя и свѣтскія барыни, не свободны располагать своимъ временемъ. (Встаетъ.) Надо ѣхать въ засѣданіе благотворительнаго общества... служба! Я съ вами, Николай Алексѣевичъ, не прощаюсь: вы, конечно, у насъ обѣдаете?

Осиповъ. Никакъ сегодня не могу; у меня въ 6 часовъ урокъ, а вы въ это время только садитесь за столъ. Позвольте лучше завтра или на-дняхъ воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ.

Градищева. Наконецъ-то отъ васъ слышу безцеремонное слово... Во всякомъ случаѣ, au revoir. (Жметъ руку.) Надѣюсь еще застать васъ здѣсь!

Осиповъ. Передъ урокомъ мнѣ необходимо кой-что прочесть.

Елена. Вздоръ, вздоръ!.. Ничего не надо... Вы дали слово со мною побесѣдовать, забыли?

Осиповъ. Не забыть и, давши слово, держу. Просижу съ вами не болѣе полчаса.

Елена. Ну, это мы увидимъ. Извольте сѣсть!

Градищева. Bravo, какъ она своего профессора въ руки забираетъ. Ну, молодая хозяйка, съумѣйте занять нашего рѣдкаго гостя... Ахъ, какъ не хочется ѣхать, но необходимо—служба!.. Еще разъ—au revoir! (Уходитъ.)

Елена (сидясь на диванъ). Садитесь сюда поближе и будемъ разговаривать о матеріяхъ важныхъ... Что это вы хмуритесь, а?

Осиповъ. Я?.. Нѣтъ, ничего.

Елена. Если вы чѣмъ-нибудь недовольны, извольте сказать прямо, а не дѣлайте этихъ великопостныхъ минь... Ну, на что вы сердитесь? (Молчаніе.) Ну, что-же вы молчите, говорите!.. Ну-же, я жду.

Осиповъ. Вы хотите?.. Извольте. Я вамъ скажу откровенно. Елена Григорьевна... Моя увѣренность въ васъ колеблется... Иногда мнѣ кажется, что вы... вы теряете подъ ногами прочную почву и опять погружаетесь въ свою свѣтскую трясину... Что за сцену разыграли вы по поводу бенефиса Патти? Это такое малодушіе, такое...

Елена (кокетливо перебивая). Я вамъ всегда говорила, что я не болѣе, какъ пустая, вѣтрная, малодушная, свѣтская барышня...

Осиповъ. Я говорю серьезно... Тамъ нѣтъ мѣста шуткамъ, гдѣ рѣшается вопросъ жизни. Вотъ ужъ скоро два года минетъ, какъ мы познакомились, и годъ, какъ вы... раздѣляете всѣ мои взгляды на жизнь, убѣжденія... Будь вамъ не 19 лѣтъ...

Елена (поддразнивая). Pardon, monsieur, мнѣ всего еще 18 лѣтъ, 10 мѣсяцевъ и нѣсколько дней.

Осиповъ. Вамъ хочется разсердить меня или вы испытываете мое терпѣніе? Согласитесь, что это желаніе поддразнить, повокетничать—не больше, какъ остатки вашего пансіонскаго воспитанія. Врожденнаго кокетства у васъ нѣтъ, вы ломаетесь, поддѣлываетесь... Хорошо это?

Елена (притворно сердясь). Пожалуйста, безъ наставленій... Увольте меня отъ нихъ, прошу васъ. (Отворачивается.)

Осиповъ (улыбаясь). Полноте притворяться недовольной... Для чего вся эта комедія, и вы играете ее съ однимъ мною... Меня вы не обманете, въ актрисы вы не годитесь—игра ваша самая грубая, самая...

Елена. О, это ужъ слишкомъ!.. Довольно!.. (Перебивъ его, встаетъ и дѣлаетъ движеніе, какъ-бы собираясь уйти.)

Осиповъ (вставая съ безпокойствомъ). Елена Григорьевна, вы разсердились? Не уходите, выслушайте меня!

Елена (быстро оборачиваясь и садясь). А-а, вот и обманула, и испугались. (Осиповъ, сумрачный, опускается въ кресло.) Что-жь вы молчите? (Капризно.) Говорите, говорите, говорите-же... Ахъ, Боже мой, какая тоска, какая скука. (Подбѣгая къ Уайтъ.) Пойдемте танцевать, миссъ, а? Allons nous faire un tour de valse.

Уайтъ (изумясь). А-а-а! Что таки? Surprise me!.. Какъ ви... даиць? Asto nich me! (Смотрить на нее во всѣ глаза.)

Елена (быстро садясь на прежнее мѣсто). Господи, что-же это такое? (Закрываетъ глаза платкомъ.)

Осиповъ (тревожно). Елена Григорьевна, что съ вами, вы плачете?

Уайтъ (подбѣгая къ ней). What is that?.. Какъ ви?.. I cannot think!

Елена (вытирая глаза платкомъ). Ничего, не обращайтесь на меня вниманія... Вотъ и все прошло... Выпить-бы воды. (Къ Уайтъ.) You will do me a great service, — bring me a glass of water, if you please!

Уайтъ. Yes, yes! (Поспѣшно уходитъ въ боковую дверь.)

Осиповъ. Что такое съ вами?

Елена. Я сама хорошенько не разберу, что со мной дѣлается. Вдругъ явится желаніе плавать, смѣяться или кого-нибудь злить, злить, сердить безъ конца. Эта пустая жизнь съ глупыми балами, выѣздами напоказъ, съ вѣчнымъ контролемъ этой ходячей муміи... полное бездѣйствіе... Занятіе въ опредѣленные часы... Тяжело, невыносимо!..

Осиповъ. Для чего-же вы себя мучите? Развяжите мнѣ руки дѣйствовать, если только ваше рѣшеніе непреклонно... Въ согласіи Людмилы Николаевны я не сомнѣваюсь, она такъ любитъ васъ и на-столько симпатизируетъ мнѣ, что рада будетъ устроить наше счастье... Хотите, я сегодня-же буду просить вашей руки, позвольте мнѣ переговорить съ вашимъ отцомъ...

Елена (тревожно). Боже васъ сохрани, вы погубите все! Вы не знаете папа, онъ страшно честолюбивъ, онъ прочитъ меня чуть не за владѣтельнаго князя... Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока вы не сдѣлаетесь професоромъ, папа ничего не долженъ знать... Мама любить меня, но... она только говоритъ: Что дѣлать, мой другъ, надо покориться!.. Будемъ ждать... За меня не бойтесь: я вамъ сказала: или выйду за васъ, или ни за кого. (Протягиваетъ руку.)

Осиповъ (цѣлуя руку). Я не сомнѣваюсь, но эта жизнь, среди...

Елена (отнимая руку). Тсъ, компаньонка!.. Это не больше, какъ нервы; я дурно спала ночь. (Взявъ отъ Уайтъ стаканъ воды.)

Merçi! (Выпиваетъ полстакана; поцѣловавъ Уайтъ.) I am ashamed of the trouble I dive you!

Уайтъ (улыбаясь). О, no trouble at all!.. Ни-ши-во! (Поставивъ стаянъ передъ Еленой, садится на прѣжнее мѣсто и читаетъ.)

Елена. Вотъ и все прошло! Будемъ говорить о чемъ-нибудь... Не были-ли вы въ русскомъ театрѣ?

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ-же и Сережа.

Сережа (быстро входя). Отлично все обдѣлалось. (Весело.) Вотъ, Елена Григорьевна, извольте получить-сь (подаетъ) билетъ на ложа въ бель-этажѣ... А вотъ и афишечка-сь... Извольте-сь. У насъ по-военному, разъ, два, три... Ха, ха, ха! Скоро я?

Елена. Очень скоро, мерçi. Гдѣ вы достали билетъ? (Взреть билетъ, развертываетъ афишу и читаетъ.)

Сережа. У знакомыхъ-сь, тутъ у насъ есть биржевикъ одинъ, пріятель... у него жена больна, они не ѣдутъ-сь, такъ онъ мнѣ по знакомству и уступилъ.

Елена. А что стоитъ ложа?

Сережа. Цѣна бенефисная-сь, 50 рублѣй. (Въ сторону.) Держи карманъ шире!.. 500 цѣлковыхъ слизнули, анафемы!

Елена. Отъ души благодарю... Какъ папа или мама пріѣдутъ, такъ и возвратятъ вамъ деньги. Вы, конечно, обѣдаете у насъ?

Сережа. Съ особеннымъ удовольствіемъ-сь.

Елена. Николай Алексѣвичъ, поѣдетъ съ нами, вѣдь вы тоже поклонникъ Патти? (Сережѣ.) Васъ я не прошу, потому что вы и безъ просьбы обязаны съ нами ѣхать... (Осипову.) Ну, а вы?

Осиповъ. Врядъ-ли успѣю попасть: три урока вечеромъ.

Сережа. Очень жаль! Представленіе, говорятъ, будетъ отличное; пропасть, говорятъ, букетовъ и подарковъ приготовлено... и все для одной г-жи Патти.

Елена. Можетъ быть, какъ-нибудь ухитритесь на полчасака, а?

Осиповъ. Постараюсь, только врядъ-ли. (Вставая.) До свиданія, Елена Григорьевна; мнѣ пора.

Елена. Уже уходите?

Осиповъ. Что дѣлать! Какъ ни хотѣлось-бы посидѣть, а приходится уходить—уроки.

Елена (протягивая руку). Нѣ смѣю удерживать... Въ театрѣ увидимся, да?

Осиповъ. Постараюсь, до свиданія! (Сережѣ.) Честъ имѣю кля-
няться...

Сережа. И я также-съ. (Жмутъ руки.)

Осиповъ (Уайтъ). Good bye, farewell! (Раскланивается.)

Уайтъ (дѣлая реверансъ). Farewell, sir!

Елена. Я васъ буду ждать въ театрѣ.

Осиповъ. Постараюсь быть. До свиданія. (Раскланивается и уходитъ.)

Сережа. А они, должно быть, слишкомъ много учены.

Елена. Почему вы думаете, что слишкомъ много?

Сережа. Это видно по ихъ виду серьезному... манера образованная... потому по-англицки говорятъ—по всему замѣтно. (Откашлившись и робко.) Елена Григорьевна, могу я съ вами поговорить откровенно и высказать вамъ, гмъ... гмъ... однимъ словомъ, объявить вамъ однимъ мой секретъ?

Елена. Что вамъ угодно?... Говорите пожалуйста.

Сережа (подвигая кресло и указывая головой на Уайтъ). А при нихъ можно?.. Или, можетъ быть, онѣ не поймутъ по-русски?

Елена. Хоть она немножко и понимаетъ по-русски, но у меня отъ нея секретовъ нѣтъ... Вы меня пугаете своимъ предисловіемъ... Какой секретъ вы хотите мнѣ сообщить?

Сережа. Тутъ страшнаго ничего нѣтъ, пугаться нечего... Гмъ, гмъ... Я только буду васъ позорайше просить—выслушайте все-съ... до самага конца.

Елена. Говорите, я готова слушать, говорите.

Сережа. Очень вамъ благодаренъ-съ. (Откашливается.) Вы знаете, Елена Григорьевна, наше положеніе... Мы состоимъ въ дворянскомъ, столбовомъ званіи и потомственномъ достоинствѣ. Наше состояніе-съ... богатство... Гмъ, гмъ! Но для меня это все ничего не значить и мертво. Гмъ... даже бездушно. Вы не думайте, что я совершенно счастливъ... Даже совершенно напротивъ. Всѣ знакомые, конечно, завидуютъ моему богатству... говорятъ, наприѣръ: **чего тебѣ не достаесть?**.. А того они не знаютъ, какія я страданія переношу въ душѣ... одинъ съ собою. Гмъ, гмъ!.. Папенька и **„манька“** знаютъ обо всемъ этомъ и папенька хотѣли обо всемъ этомъ прежде переговорить съ Григорьемъ Ивановичемъ, но я упрямъ... гмъ, гмъ... Они разрѣшили мнѣ сначала съ вами... ваше окончательное рѣшеніе мнѣ, а потомъ они съ родителями вашими...

Елена. Какое рѣшеніе, я васъ не понимаю... Что вамъ отъ меня угодно?

Сережа. Елена Григорьевна, сдѣлайте одолженіе, выслушайте всю мою рѣчь до конца... Я не лгунъ или обманщикъ какой-нибудь-съ. Гмъ! Я отъ полного, чистаго сердца вамъ говорю... Мнѣ обманывать васъ не изъ чего... Всѣ мои прежнія баловства и всякія шалости я бросилъ... Мама „манька“ напомнили мнѣ сейчасъ

объ цыганкѣ, что я испанкой называлъ... Это все брошено и забыто, повѣрьте... Я цѣлый годъ велъ жизнь въ лучшемъ видѣ и новомъ вкусѣ, старался получить какъ можно больше образованности, чтобъ не унижить своего дворянскаго званія...

Елена (изумясь, прерываетъ его). Зачѣмъ вы мнѣ все это говорите? Какое мнѣ дѣло до всего этого?

Сережа. Какъ какое дѣло!.. Я весь теперь въ вашей власти...

Елена (прерывая). Какъ?.. Что такое?..

Сережа. Отъ васъ зависитъ все мое будущее счастье... (Скороговоркой, какъ по-заученному.) Если вы согласны быть подругой моей всей жизни по самую смерть и раздѣлить мою пылкую любовь, предлагаю вамъ мою руку, сердце и все наше богатство, такъ-какъ я у родителей единственный сынъ и потому...

Елена. Что вы, что вы!.. Опомнитесь, что вы мнѣ говорите... развѣ я подала вамъ какой поводъ?

Сережа. Какой-же поводъ?.. Тутъ поводовъ особенныхъ нѣтъ никакихъ... Одно, что я сгораю къ вамъ любовью и чувства мои...

Елена. Замолчите... не смѣйте мнѣ этого говорить!

Сережа. Елена Григорьевна, выслушайте до конца, прошу васъ. Если-бъ сердце мое не сгорало любовью къ вамъ... Вы можете хорошо видѣть изъ одного этого... (быстро вынимаетъ изъ-подъ сорочки золотой медальонъ на цѣпочкѣ и раскрываетъ его) всю силу моей любви. (Показываетъ портретъ.) Цѣлый годъ вашу ангельскую карточку ношу на груди своей, противъ самаго сердца... Клянусь, вся жизнь моя... (Хочетъ поцѣловать руку.)

Елена. Что это, Господи!.. Пустите меня... отойдите, пустите! (Вскакиваетъ съ кресла.)

Уайтъ (тоже поднимаясь съ мѣста). Шито таки? What is that? (Смотритъ съ изумленіемъ.)

Сережа (съ жаромъ). Не могу отойти, выслушайте... Я готовъ ножки ваши сейчасъ цѣловать, рабомъ вашимъ быть. Любовь моя безъ границъ, выше всякой мѣры... (Бросаясь на колѣни.) Я на колѣняхъ умоляю—рѣшите мою судьбу. (Хочетъ вновь поцѣловать руку.)

Елена (отнимая руки). Не смѣйте, пустите меня! (Сережа преграждаетъ ей дорогу.) Господи, что-же это такое!.. Миссъ Уайтъ кто-нибудь! (Закрываетъ лицо руками.)

Уайтъ (бросаясь и дергая Сережу за рукавъ). Ah, fue!.. Гадки... мерзавки... Fue! Ходила вонъ... мужишки!.. Fue!

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тъ-же и Жоржъ.

Жоржъ (быстро входитъ, нѣсколько навеселѣ; увидя колѣнопреклоненнаго Сережу, останавливается). Ахъ, какой пейзажъ!.. Это что значить?

Елена (бросаясь брату на шею). Жоржъ! Онъ объясняется мнѣ въ любви, лѣзетъ цѣловаться, показываетъ медальонъ съ моимъ портретомъ... становится на колѣни... не пускаетъ меня... Что-жь это, за что такія оскорбленія? (Плачетъ.)

Уайтъ. It is unheard of!.. О-о-о, мужики! Фуе, гадки, мерзавки! (Пожимаетъ плечами.) It is at hing unheard!

Жоржъ. Yes, yes! (Отнимаетъ руки Елены съ шеи.) Успокойся, мой другъ, иди въ свою комнату. (Уайтъ.) Donnez votre bras et allez dans votre chambre. Я съ нимъ поговорю. Allez! (Уайтъ, подавши руку Еленѣ, уходитъ съ ней. Сережа, поднявшійся съ колѣнъ въ то время, какъ Елена бросилась на шею Жоржу, стоитъ съ испуганнымъ лицомъ; раскрытый медальонъ болтается на цѣпочкѣ.) Это вы что здѣсь выдумали выдѣлывать, почтеннѣйшій Сергѣй Петровичъ, ась?

Сережа (потерявшись). Я, я... что-жь такое, Егоръ Григорьевичъ... я вѣдь не на что-нибудь такое... Я предложилъ вашей сестрицѣ всю мою любовь, руку, сердце и богатство на всю жизнь, по закону, а не какъ-нибудь...

Жоржъ. Да кто вамъ далъ право на это, а?.. Былъ съ ея стороны поводъ какой-нибудь?.. Да какъ вы осмѣлились носить вотъ въ этомъ медальонѣ ея портретъ, а? (Дергаетъ за цѣпочку.) Разрѣшила она вамъ это, позволила? Наконецъ выказывала она вамъ особое сочувствіе, вниманіе, что вы сразу съ колѣнопреклоненіемъ сдѣлали ей предложеніе, а?

Сережа. Что-жь тутъ обиднаго, что я на колѣни всталъ? Понять не могу, съ чего они такъ разогорчились. (Прячетъ медальонъ.) Это я изъ чистой любви.

Жоржъ. Да купецкій вы сынъ, дитя-малое, неразумное съ коломенскую версту. Кто-же такъ съ ониковъ, съ бухту-баракту порядочной дѣвушкѣ предложеніе дѣлаетъ?.. да еще бацъ на колѣни... Москва безобразная!

Сережа. За что-же вы ругаетесь-то? Что-жь тутъ есть унижительнонаго, что молодой человекъ прекрасной дѣвицѣ, даже вполне достойной, отъ глубины своей души и сердца предложеніе объ законномъ бракѣ дѣлаетъ? Другое дѣло, кабы я имъ не ровня былъ, тогда можно это въ обиду принять!.. Фамилія наша въ дворянское

достоинство произведена и этот самый гербъ мы имѣемъ; родители наши въ однихъ дѣлахъ, пріятели, а если разсмотрѣть богатство, такъ папенькины капиталы, можетъ, въ десять разъ превосходятъ, потому...

Жоржъ (перебивая съ досадой). Да ваше превосходительство (указывая на трюмо), вы на себя-то прежде поглядите, полюбуйте-тесь собой-то. (Молчаніе. Беретъ его за рукавъ и подводитъ къ трюмо.) Нѣтъ, нѣтъ, вы полюбуйте-тесь!

Сереза (смотрясь). Что-жъ такое полюбоваться?.. Все въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ... Платье модное, ваша-же петербургская Тедеска шила.

Жоржъ. Нѣтъ, на фізіономію-то, на фізіономію-то полюбуйте-тесь, херувимъ вы вербный!

Сереза (снова взглянувъ). Что-жъ фізіономія? Лицо, какъ лицо... Волосы немного порастрепались, такъ заѣхалъ въ парикмахерскую, сейчасъ подвился, подправился и—кончено!

Жоржъ (бѣсясь). Нѣтъ!.. Вы прикидываетесь, что-ли, простакомъ-то, комедію, что-ли, разыграть хотите, что дурака ломаете?.. Этимъ думаете отбояриться?! Нѣтъ, не на такого напали, еще умомъ не вышли, шалите!

Сереза. Да что вы, въ самомъ дѣлѣ, лаетесь-то! (Обидясь.) Что я втихомолку зазорное дѣло какое сдѣлалъ, что-ли?.. Родители мои объ моей любви и объ сегодняшнемъ моемъ предложеніи довольно хорошо знаютъ. „Маннька“ для успѣха даже молебень у Иверской служили, а какъ я сюда поѣхалъ, благословеніе дали,—да-съ!

Жоржъ (выходя изъ себя). Нѣтъ, онъ идиотъ! (Подходитъ къ нему близко и кричитъ чуть не въ самое лицо.) Ду-у-ракъ!

Сереза (отступая). Господи, за что-же такая обида?! (Оправясь.) Кабы не моя пылкая страсть и любовь пламенная къ Еленѣ Григорьевнѣ, я-бы тысячь не взялъ говорить-то съ вами, не то что обиду эту перенести, потому вы... нахаль...

Жоржъ (перебивъ, бѣшено). Что-о?! (Указавъ на дверь.) Вонъ, сію минуту вонъ! (Бросается на диванъ.)

Сереза. Несчастный я человекъ отъ любви моей. (Дрожащимъ голосомъ.) Богъ съ вами! Вы меня гоните, и я долженъ уйти... А вашей сестрицѣ я всегда могу быть парамъ... Я не жуликъ какой-нибудь московскій, люблю я ихъ отъ моего сердца, до самаго безумія... (Не можетъ говорить и плачетъ.)

Жоржъ. Онъ невозможенъ... Онъ, à la lettre, идиотъ!

Сереза (съ рыданіями). Вы имъ... скажите, сестрицѣ **вашей**, коли я жизни себя лишу... или погибну отъ любви моей...

Жоржъ (вскакивая). Ни слова больше!.. вошь! (Переходить на другую сторону.)

Сережа. Господи, за мою пламенную любовь по шею гонять... Спасибо, спа-си-бо-о! (Съ рыданиями уходитъ.)

Жоржъ (одишь, ходитъ). Нѣтъ, каково животное-то!.. Какова скотина!.. Это что-то переобътно-чудовищное, какой-то двуногій мастодонтъ, право!.. И это наши будущіе Ротшильды... просто злость беретъ! Достаются-же миліонныя капиталы такимъ ублюдкамъ... Чортъ знаетъ что такое! Кундель, ублюдокъ, не болѣе... И кундель-то глупый, не то что повоску подавать, этого деорняги въ три года на порфорсѣ не выучишь понимать: тибо и кушь... (Останавливается и раздумываетъ.) А вѣдь я поступилъ неправичею, погорячился... Не такъ дѣло повернулъ, глупо! (Ходитъ.) Да, по-рыцарствовалъ... (Останавливается.) А какъ можно-бы этого барава постричь... Такія-бы варіаціи, фюритуры можно было разыграть на этой его лъбовной флейточкѣ, что худо-худо тысченка перевалилась-бы въ мой карманъ... Эхъ, не сообразилъ!.. Вотъ что значить натошакъ лишнее выпить... Эко... глупо-то! Ну, да поправимъ, все-таки моихъ рукъ не минеть... Острастка полезна... Удочку забросимъ—хватить... Ресурсъ въ будущемъ... Оно, конечно, и теперь полдесяточка радужныхъ перехватить не мѣшало-бы... Нѣжная мать не струсила, отказала... спасибо благодѣтель Карповичъ выручилъ, далъ за мытье часовъ и цѣпочки 174 руб., а то просто афронть: пивникъ въ честь Альфонсины и Жоржъ Градицель—absens!.. А вѣдь кундель въ сестрицу-то вторился не на шутку... уходилъ—плакалъ; морду назадъ откинулъ, лапу подвѣлъ, у-у-у!.. завылъ, ха, ха, ха!

ЯВЛЕНИЕ X.

Жоржъ и Саша.

Жоржъ (замѣтивъ Сашу, вышедшую изъ боковой двери и направляющуюся въ среднюю дверь, заступаетъ дорогу). Куда, мой милый другъ, стремишься? Шурка, шкурка, куда такъ [поспѣшно, а? (Хочетъ ее обнять и поцѣловать.)

Саша (уклоняясь). Ахъ, оставьте, сударь Егоръ Григорьевичъ! (Сердито.) Оставьте-же!

Жоржъ. Это что значить?.. Что-то новенькое! Ты съума спятила, что-ли?

Саша. И то, видео, съ вами спатила. Теперь, слава-богу, одна-то опять на умъшла.

Жоржъ. Да что ты, дурочка? (Хочетъ обнять.) Шурка!

Саша. Оставьте, пустите, не то швандаль сдѣлаю, на весь домъ въ голосъ закричу. (Жоржъ оставляетъ.) То-то вотъ, видно, на это у васъ храбрости немного; испугались, струсили!

Жоржъ. Да съ чего ты, что съ тобой?

Саша. Сказала, не хочу больше душой быть. Подурачили, будетъ съ васъ, пора и честь знать!

Жоржъ. Объясни, что это все значить?

Саша. А то и значить... что... (Крутитъ въ рукахъ фартукъ.)

Жоржъ. Ну, что, ну... Говори, что?

Саша. Ахъ, пустите-ка, право!.. Еще съ вами бѣды наживешь... еще кто войдетъ. (Хочетъ идти.)

Жоржъ. Пока не объяснишь—не пушу... (Заграждаетъ ей дорогу.) Такъ ты мнѣ не скажешь, за что дуешься? (Молчаніе.) А-а, понимаю, вспомнилъ. (Вынимаетъ пяти-рублевку.) Забылъ обѣщанное. Вотъ возьми синюшку. (Подаетъ.)

Саша. Это вы напрасно! (Отталкиваетъ руку.) Я не антересантка, забыла даже, что обѣщали.

Жоржъ. Да возьми-же, глупенькая Шурва; сапожки купишь. (Обнимаетъ ее.) Бери!

Саша (освобождаясь). Ахъ, не троньте вы меня, Христа ради! (Со слезами.) Напрасно вы обо мнѣ такого низкаго мнѣнія... Отдайте эти деньги лучше вашей Барбѣ, она приметъ. Французинки до денегъ все одно, что кошки до сала; а я еще, слава-богу, русская!

Жоржъ (изумляясь). Это еще что такое?

Саша. А то и такое, что всѣ мужчины, одинъ къ одному, обманщики и предатели... Что, небойсь, скажете, отопретесь, что никакой Барбы и знать не знаете? (Смотритъ ему въ глаза.) А еще влялись, обворожители этакіе!

Жоржъ. Что такое? Не понимаю, не знаю.

Саша. Не знаете?.. Ну, хорошо-же. (Вынимаетъ изъ кармана скромбанное письмо.) А это что, отъ кого письмо-то? На-те, любуйтесь своей побѣдой.

Жоржъ (взявши). Это?.. Какъ къ тебѣ попало? Это отъ одной старушки, французенки... Мѣсто я ей обѣщаль къ однимъ знакомымъ.

Саша (горько плача). Хоть-бы ужъ лгали-то, да не въ глаза... да и записки-то любовныя прятали, какъ слѣдуетъ!.. а то этакій срамъ—здѣсь на полу валяется, въ барыниномъ будуварѣ... Предатели, коварники... Хороша старуха, къ Дюсу ужинать зоветъ, да пишетъ, что... (рыдая) цѣлуешь и обнимаетъ сто вратъ. (Съ досадой.) А я еще, дура, сумасшедшая, реву... Захотѣла стыдить, со-

вѣсть нашла въ мущинахъ!... Одинъ обманъ! очаровательные предатели... (Плачетъ.)

Жоржъ. Слушай, Шурка... ты напрасно плачешь... Я по правдѣ скажу тебѣ: это письмо, точно, отъ прежней знакомой... еще прошлаго года писано было, да! Ее и въ Петербургѣ нѣтъ теперь! Право, нѣтъ, уѣхала въ Парижъ совсѣмъ... Да если-бъ, наконецъ, это письмо было отъ любимой особы, такъ я не сѣмъ-ль-бы его спрятать, какъ слѣдуетъ? Ну, ты умница, Шурка, разсуди!

Саша. Толкуйте! вы и не мнѣ, дурѣ, очки-то вотрете. Такихъ другихъ, какъ вы, насчетъ заговору зубовъ поискать только.

Жоржъ. Нѣтъ, ты подумай, разсуди хорошенько.

Саша. Да-а! Скажете—любите?

Жоржъ. Еще-бы! Кабы не любилъ, сталь-ли-бы я съ тобой не только объясняться, да и говорить-то такъ!

Саша. Да, повѣрь вамъ! Хороша любовь! Последнюю недѣлю слова не скажете, даже не взглянете и кабинетъ свой отъ меня во всякое время на ключъ держите... Ой, пустите-ка; раздумуюсь про себя, дуру, такъ сердце-то и защемить.

Жоржъ (удерживая). Да развѣ до того мнѣ теперь!.. Денегъ ни копейки, отецъ дуется, съ матерью поссорился... Вотъ даже часы должень былъ отдать въ залогъ... До того-ли мнѣ!..

Саша (посмотрѣвъ). А и то нѣтъ! Ахъ вы бѣдненькій!

Жоржъ. Вотъ то-то! А ты, Шуринька, скажи лучше, кто тебѣ записку-то эту прочиталъ и перевелъ? а, Шурка?

Саша (шутливо). Сама. (Жоржъ обнимаетъ ее, та не сопротивляется.) Гдѣ ужъ намъ, дурамъ, самимъ. Сбѣгала въ магазинъ, гдѣ барыни платья шьютъ, такъ мастерица тамъ одна, не то, чтобъ настоящая французинка, а умѣетъ по-ихнему и говорить, и читать, такъ она и перевела... Какъ я узнала это, такъ даже затряслась вся, положила отыскать эту самую Барбу и глаза ей выцарапать... Ну, счастливъ ея Богъ, что убралась въ Парижъ, а то бѣда-бы ей была!

Жоржъ (въ сторону). Jalousie, а? C'est bon... люблю... (Хочетъ поцѣловать.) Ахъ ты, шурка моя, чернушка! (Саша увертывается.) Все еще сердисься, а?

Саша (удерживая его за руки). Нѣтъ, скажите по чести, передъ Богомъ, какъ сами себѣ счастья желаете... Любите-ли вы меня хоть толичку? (Показываетъ на ногу мизинца.)

Жоржъ (разводя руками врозь). Гораздо больше... Вотъ сколько люблю, въ цѣлую косую сажень!

Саша (быстро обвиваетъ его шею руками и цѣлуетъ нѣсколько разъ). Душонокъ мой!.. Жизненокъ!.. Очарователь!.. Обворожитель!.. (Какъ-бы съ испугомъ.) Барыня! (Жоржъ опускаетъ руки, она отбѣгаетъ въ

входнымъ дверямъ.) Вотъ и надула! Никого и нѣтъ! (У дверей.) Смотрите-же, не запирайте кабинета. (Посылаетъ ему поцѣлуй.) У, жизнеонозъ, соблазнительный снѣй... А ревоаръ! (Убѣгаетъ въ двери.)

Жоржъ (одинъ). Ртуть, чертенокъ! Юркливая какая шкурка... банашка!.. А люблю я, право, этотъ m'clange! Сегодня увлекешься французенкой—вся смѣхъ, острота, каламбуръ, соль, мозговой эр-фиксъ! Завтра итальянка—пластика, картина, античная статуя и при этомъ страсть, море огня!.. А тутъ вкусъ очистить, антремэ этакое, мягонькую горбушечку нашего чернаго хлѣбца... piquant! Нѣмокъ не люблю, нѣтъ! Все это у нихъ цирлихъ, манирлихъ и ганцъ-акурать, а если въ любовь ударится, глаза закатить, за-тянетъ свое бюргерское сердечное langsam, точно начнетъ въ три па: августень, августень, августень!.. Фи, гадко! (Под-носить ко рту папироску и нюхаетъ руку.) Вотъ одно у этихъ на-циональныхъ горбушекъ скверно: отвратительной помадой помадятся. Цедрой разить, да еще и цедрой-то Мусатова,—бр-р-ръ! (Выти-раетъ руки платкомъ. Закуриваетъ папироску и ложится на диванъ.) А эта шкурка мнѣ нужна... пусть надзираетъ за родительницей и передаетъ мнѣ свои соображенія... А отказа въ деньгахъ... нѣтъ, ma chère maman, мы вамъ не простимъ. Pas si bête!

ЯВЛЕНИЕ XI.

Жоржъ, Градищева и Елена.

Градищева (выходя изъ среднихъ дверей въ визитномъ платьѣ и шляпкѣ). Это ужасно, какъ онъ позволилъ себѣ это! (Еленѣ.) Да гдѣ-же сынокъ-то прелестный? (Увидя его.) А, вотъ... Ты за-чѣмъ опять здѣсь, а? (Елена, входя за матерью, садится въ от-даленіи.)

Жоржъ. У тебя въ будуарѣ мебель покойнѣе, чѣмъ въ кабинетѣ моемъ, за тѣмъ и здѣсь. (Небрежно курить.)

Градищева. Cela est terrible!.. Что ты сдѣлалъ такое съ Хло-понинымъ? онъ, говорятъ, въ швейцарской и садясь въ карету, просто на взрыдъ рыдалъ, а?

Жоржъ. Что-жъ дѣлать больше: выругалъ скотиной и выгналъ въ шею... Voilà tout!

Градищева. Да что-же ты, наконецъ, дѣлаешь, а?

Жоржъ. Что-жъ мнѣ дѣлать? Не слѣдовало-ли, мнѣ, по-вашему, дожидаться, пока этотъ херувимъ съ вербы въ моихъ глазахъ сталъ цѣловать родную сестру?.. Этого-бы вамъ хотѣлось, да? Ну, очень сожалѣю, что я его еще не искалѣчилъ, право...

Градищева. О, *misérable!*.. Что будетъ, что будетъ? (Ходить въ волненіи по будуару.) И ты хороша, не умѣла отыграться, найтись, разревѣлась, какъ 15-лѣтняя дѣвочка. (Ходить.)

Елена. Я, мама, испугалась, думала, что онъ пьянъ. Онъ сдѣлался вдругъ такой страшный, глаза сверкають, самъ дрожить, заикается, говоритъ богъ-знаетъ какія неприличія, поминалъ про какую-то цыганку-испанку, упалъ на колѣни... А теперь мнѣ его отъ души жаль: чѣмъ онъ виноватъ, что полюбилъ меня... Я думаю, что Жоржъ это такъ гогорить, что выгналъ его въ шею... Охъ, праго, жалокъ... Онъ ее иносъ, что влюбился.

Жоржъ. Ну-да, какъ-же!.. Я гонъ, быши въ Парижѣ, втюрился въ Евгению, жену Наполеона, такъ сейчасъ и бацъ передъ ней на колѣни?

Елена. Какое дикое сравненіе!

Жоржъ (сѣдаясь и бросая папирску). Нисколько не дикое... Градищель и Хлопонинъ! Золото и грязь, свѣтъ и тьма, воиноръ и бульжикъ! Нашъ родъ идетъ чуть не отъ Гюрика. При Донскомъ капъ средсь гатогель на Куликовомъ полѣ; при Иванѣ третьемъ другой игралъ громадную роль въ дѣлѣ окръпленія московскаго государства и собранія русской земли во-едино... При Грозкомъ Градищель отличался подъ стѣнами Казани и довершил окончательный разгромъ татарской орды. Потомъ... при Петрѣ нашъ родъ захудалъ, птому что нашъ предокъ не хотѣлъ подличать и унижаться передъ какими-нибудь *parvenus*—вняземблинникомъ... Да-съ! А этотъ Петрушка Авдѣевъ 15 лѣтъ назадъ былъ не Сольше, какъ лапотникъ, десятникъ при постройкахъ, и всякій инженеръ и архитекторъ дулъ его, сколько дулъ было угодно. Хлопъ, хлопъ по щекамъ—и вышелъ дворянинъ Хлопонинъ, ха, ха, ха! *C'est joli*, хорошо сказано, а?

Елена. Возмутительно, а не хорошо... Мнѣ за тебя стыдно. (Отходить отъ негс.)

Жоржъ (покачивается). Именно: хлопъ, хлопъ... ха, ха, ха!.. и вышелъ дворянинъ Хлопонинъ, ха, ха, ха! (Полуложится.)

Градищева (останавливаясь передъ нимъ). Скажи ты мнѣ хоть разъ въ жизни толкомъ, безъ хвастовства, безъ жи... Что ты съ нимъ сдѣлалъ?

Жоржъ. Вѣдь говорю-же: вотъ! (Дѣлая жестъ рукой, какъ-бы выталкивая ее шею.) И *finita la comedia, allez vous coucher!* Ха, ха, ха!

Градищева. *Quel honneur!* Отецъ нарочно просилъ съ Сереей бѣтъ какъ можно вѣжливѣе, любезнѣе. (Дочери.) Вѣдь я тебѣ, кажется, говорила, предупреждала! (Сыну.) А это совровище его въ шею гогить! Да и какое ты умѣлъ праго такъ распоряжаться

кто уполномочиваль здѣсь, въ моемъ будуарѣ, брать на себя роль хозяина, а? Поди вонъ, убирайся отсюда, съ глазъ моихъ долой!

Жоржъ. Не зачѣмъ; мнѣ и здѣсь пока покойно.

Градищева. Ah, mon Dieu! Что будетъ, что будетъ? (Дочери.) Вѣдь ты не понимаешь, что въ рукахъ Хлопонина все нашесостояніе... И тутъ вдругъ его единственному, любимому сыну въ нашемъ домѣ наносить такое оскорбленіе и кто-же, кто? (Ходить въ волненіи.) Это ужасно... Несчастіе, несчастіе!

Жоржъ (поднявшись съ дивана, озабоченно). Ah, sache point!.. Штука выходитъ скверная, дѣло-то, видно, швахъ! (Отходить въ глубину.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ-же, Градищевъ и потомъ слуга.

Градищевъ (входя съ тревожной миной, поспѣшно). Не ѣздилъ еще? (Замѣтя дочь, цѣлуетъ въ голову.) Здравствуй, Леля.

Градищева. Сейчасъ поѣду, но...

Градищевъ (перебывая ее). Вообрази себѣ: заѣзжаю прямо отсюда къ Хлопонину—не застаю дома. Сдѣлалъ визитъ его полновѣсной дурѣ; встрѣтились друзьями, чуть не разцѣловались. Аграфена Кириловна и говоритъ мнѣ, что Петръ Авдѣичъ будетъ съ половины четвертаго дома и наказывалъ ей, на случай моего пріѣзда въ его отсутствіе, предупредить меня объ этомъ, чтобъ окончательно переговорить о векселяхъ. Отъ нотариуса пріѣзжаю къ нему безъ четверти въ четыре. Спрашиваю: дома? Человѣкъ отвѣчаетъ: дома, но не приказано принимать. Какъ! меня? Про васъ однихъ и приказывали... Не понимаю, что это значитъ, просто теряюсь. (Задумывается.)

Жоржъ (въ сторону). Эге-ге-ге! Вотъ она, каша-то заварилась, быть грозѣ! Лучше испариться. (Уходитъ, тихо пробираясь въ среднюю дверь.)

Градищевъ. Это что-то непонятное! Если-бъ онъ подлость хотѣлъ сдѣлать, такъ зачѣмъ ему пріѣзжать было сюда, въ Петербургъ; отмолчаться и представить векселя могъ въ Москвѣ. Тутъ какое-нибудь недоразумѣніе... (Жанѣ.) Поѣзжай ты поскорѣе къ Хлопоной, разуйнай все. (Дочери.) Леля, а гдѣ-же у васъ Сережа, развѣ уѣхалъ?

Елена (робко подходя къ отцу и ласкаясь). Ахъ, папа, онъ мнѣ... я не виновата, папа... онъ...

Градищевъ (замѣтя ея смущеніе и смущеніе жены). Да что

такое, что у васъ тутъ случилось?.. Не мучьте вы меня, говорите скорѣе.

Градищева. Тутъ безъ насъ цѣлая драма разыгралась. Сережа сдѣлалъ предложеніе Нелѣне.

Градищевъ (съ волненіемъ). Что, что такое?.. Быть этого не можетъ... Это дерзость!.. Подрядчикъ, десятникъ, лапотникъ, хамъ!.. моей дочери...

Градищева. Не горячись, дослушай все... лѣзь руки цѣловать, упалъ на колѣни передъ нею...

Градищевъ (бѣшено). Мер-р-завецъ!

Градищева. Нелѣне, конечно, въ слезы, ушла въ свою комнату. На сцену объясненія вошелъ Жоржъ и представъ, что это сокровище наше позволилъ себѣ сдѣлать... вытолкалъ Хлопонина въ шею, а?

Градищевъ. Жоржъ!.. Гдѣ онъ? А, улетѣлъ... Молодецъ, я готовъ разцѣловать его!.. Мой сынъ, вижу... моя кровь! (Цѣлуетъ Елену въ голову и обнимая.) Леля, радость моя, дитя мое, сокровище, онъ оскорбилъ тебя!.. Прости ему, онъ дураекъ, неучъ, невѣжда, мужикъ! (Вдругъ, какъ-бы сообразивъ что-то, блѣднѣетъ и отстраняетъ тихо дочь. Тревожно.) Позвольте, позвольте! это что-же такое? Неужели?.. Да... Вотъ причина, почему меня не приняли! Онъ мечтаетъ купить Нелѣне въ жены своему сыну... Онъ не смѣетъ и думать... Нѣтъ, вздоръ, онъ знаетъ.

Слуга (входя). Къ вамъ письмо отъ г. Хлопонина (Подаетъ на подносѣ.)

Градищевъ (взявши). А, ступай! (Слуга уходитъ.) Да, вотъ! (Дрожащими руками, нетерпѣливо разрываетъ конвертъ и читаетъ рѣзко, нервнымъ голосомъ.)

„Послѣ тяжкой и непереносной обиды моему сыну въ вашимъ доми заставляють меня привратить съ вами и вашимъ семействомъ всякое знакомство. Касательно долга 800 тысячъ отсрочить векселей ни магу—прикажите къ строку приготовить, въ противномъ случаѣ поступлю по законамъ“.

Извѣстный вамъ Петръ Хлопонинъ“.

(Пауза. Упавшимъ голосомъ.) Я разоренъ... Я банкротъ! (Тихо опускается въ кресло.)

(Занавѣсъ падаетъ стремительно.)

ДѢЙСТВІЕ II.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Петръ Авдѣичъ Хлопонинъ, лѣтъ 50. Железнодорожникъ. Средняго роста, плотный, коренастый мужчина съ умнымъ, румянымъ лицомъ, окладистой черной бородой; остриженъ въ скобку, проборъ по срединѣ головы. Носитъ купеческій черный сюртукъ, застегнутый на двѣ пуговицы; на шеѣ Анна, сапоги поверхъ брѣкъ. Разговоръ, движенія, манеры воздержны.

Аграфена Кирилловна, жена его лѣтъ 41. Особа тучная и некрасивая. Говоритъ какъ-то сонно и какъ-бы нехотя; движенія вялы и лѣнны, ходитъ медленно, переваливаясь съ ноги на ногу; вообще „мямля“. Носитъ шляпку, дома ходитъ простоволосая, безъ купеческой косыночки; костюмъ безвкусенъ, пестръ, тяжелъ и дорогъ.

Сергѣй Петровичъ, ихъ единственный сынъ.

Григорій Ивановичъ Градищевъ.

Петръ, молодой слуга при гостинницѣ. Юреливъ, смѣтливъ и ловокъ, какъ ярославецъ. Одѣтъ въ фракную пару и бѣлый галстукъ.

Дѣйствіе въ Петербургѣ, въ лучшей гостинницѣ.

(Сцена представляетъ гостиную въ такъ-называемомъ „отдѣленіи“ гостинницы. Три двери: по срединѣ входная, боковыя во внутреннія комнаты. Направо диванъ, передъ нимъ большой столъ, кресла и стулья. Мебель покрыта штофомъ и позолочена; двери и окна покрыты штофомъ; рамы у зеркалъ, картинъ по стѣнамъ и багеты золоченые. Стѣны оклеены яркаго цвѣта раззолоченными обоями. Мраморный каминъ съ бронзовыми часами, канделябрами и зеркаломъ. Полъ покрытъ пестрымъ ковромъ. Съ середины потолка спускается бронзовая люстра. На мраморныхъ столикахъ и стульяхъ разбросано нѣсколько картонажей съ конфетами.)

Утро.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Хлопонина и Сережа.

(При поднятіи занавѣса Хлопонина сидитъ на диванѣ въ шелковомъ, яркихъ цвѣтовъ, утреннемъ капотѣ и пьетъ чай въ прикуску. Противъ нея на преддиванномъ столикѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, стоитъ серебряный самоваръ съ чайнымъ приборомъ, такой-же кофейникъ, три серебряныхъ сухарницы съ меченьемъ, сухарями, булками, сайками, калачами. Нѣсколько тарелокъ съ холодными закусками—сыромъ, ветчиной, масломъ, колбасами. Сережа ходитъ растрепанный, въ щегольскомъ бархатномъ халатѣ, съ навирской.)

Хлопонина (прихлебывая чай съ блюдечка). Ужь какъ я люблю на свободѣ чайку въласть напиться!.. Пьешь себѣ въ прохладѣ, съ блюдечка, въ прикуску, съ калачикомъ московскимъ или съ саячкой, и горюшка мало... А то по-модному, въ накладку, да съ ложечкой изъ самой чашки хлебать — бѣда... (Пауза.) Да полно

тебѣ, Сережа! Словно часы заведенныя, маятникъ какой: изъ угла да въ сторону, изъ стороны да въ уголь. Присядь, замотался совсѣмъ. (Накрываетъ чашку.) Вотъ и чайку до сыта напилась, слава Создателю... Теперь и кофейку можно. (Наливаетъ чашку.) Присядь-ка и ты, выпей съ тепленькимъ калачикомъ... Калачъ здѣшній филиповскій, не уступитъ нашему московскому... Перестань кручиниться!.. Богъ дастъ все устроится! Ислей-ка, а? Полно тосковать! (Сережа машетъ отчаянно рукой, ерошитъ волосы и продолжаетъ ходить съ миной отчаянія.) Печенье, Серезенька, отличное, такъ и таетъ во рту, сла-а-дкое. Выпей, а?

Сережа. Ахъ, ей-богу, „маннька“... Можеть-ли мнѣ послѣ такого, можно сказать, афронту кабая ѣда на умъ идти? Во мнѣ вся внутренность содрагается, а вы тутъ съ калачемъ. (Садится на лѣво, закрывъ лицо ладонями.) Несчастнѣйшій я человѣкъ теперь вполнѣ!

Хлопонина. Ну, ужъ сейчасъ и несчастнѣйшій!.. А ты вотъ послушайся матери, испей чайку стакачика три съ сачезой, а то кофейку со сливочками.... Вонъ сухарики, крендельки сахарныя, плюшки. А то не хочешь-ли вонъ масло сливочное, сыръ, ветчина, колбаска кровяная? Я булочку отрѣжу, масломъ намажу, сырку положу, и-и вкусно! Прикушай, оно тебѣ и полегчаетъ. А, Сережа?

Сережа (вскакивая). Ей-богу, „маннька“, точно вы мнѣ на зло! Развѣ можно сердечную рану ѣдой утолить? Смѣяться, что-ли, вы надо мной хотите, право!? (Ходить усиленно.)

Хлопонина. Какой тутъ смѣяться! Я, Серезенька, изъ жалости. Вонъ за одну ночь словно-бы ты изъ лица спалъ. А это я по себѣ разсуждаю, потому у меня ѣдой да сномъ всякое горе проходить. Нынче осенью-то какое несчастье приключилось, помнишь: песцовую-то шубу въ сундукѣ моль изѣбла. Ужъ такъ меня цѣлое утро томило, въ слезы ударило, подъ сердце подкатило и на ѣду не тянуло... такъ я нарочно черезъ силу покушала, да-а... Покушала—и спать захотѣла, приснула—горе-то и заспалось. Проснулась... и даже совсѣмъ легко стало. Право, родненькій, покушай. Легче будетъ!

Сережа. Что вы, право, „маннька“, говорите, даже ни съ чѣмъ несообразное. Мое несчастье къ своему горю приравняли; песцовую шубу съ моимъ предметомъ, съ Еленой Григорьевной, сравняли?!.. Тамъ какіе-нибудь 500 рублей...

Хлопонина (перебивая). Какъ-же, съ соболями горотникомъ да съ бархатной крышкой—тысяча триста рублей. Да-а!

Сережа. Ахъ, ей-богу! Да хоть-бы и 30 тысячъ, все-таки это шуба, дѣло наживное... А тутъ невѣста, предметъ на всю жизнь,

на весь вѣкъ. Опять вы себя приравняли ко мнѣ: вы женщина тяжелая и монотонная, дама хладнокровная и въ лѣтахъ, а я молодой человѣкъ, горячій и воспалительный. Во мнѣ теперь вся кровь ключемъ кипитъ, все равно, какъ кипятокъ въ котлѣ. Вонъ вы отъ песчовой шубы въ слезы ударились, а я вчера за театральнй билетъ въ оперу 500 серебра понапрасну отдалъ, да ни крошечки не жалѣю. Еще лежитъ тутъ и съ афишкой, глаза мозолить, проклятый! (Береть со столика билетъ и афишу и рветъ на мелкіе куски.)

Хлопонина. Какъ 500 серебра... какъ понапрасну?

Сережа. Такъ понапрасну... Перекупилъ у Барсукина, пять радужныхъ сорвалъ, анафема... Передъ обѣдомъ презентовалъ невѣстѣ, а послѣ обѣда... послѣ этого афронту прислали обратно, такъ какъ Елена Григорьевна сдѣлались нездоровы и ѣхать не могутъ. Вотъ тоже вчера вмѣстѣ съ этимъ билетомъ для театра конфетъ накупилъ... ишь сколько! Обрадовался, дуракъ! (Съ пренебреженіемъ бросаетъ коробку конфетъ съ каміна на стулъ.) Дуракъ я, дуракъ какъ есть!

Хлопонина. Чего бросаешь добро-то?

Сережа. А чего его беречь?.. Для кого? Остается отдать дѣвкѣ, что здѣсь въ гостинницѣ постели намъ стелеть. Одинъ прокъ.

Хлопонина. Ну, вотъ такъ я и отдала!.. Я сама лучше прикушаю.

Сережа. А кушайте себѣ на доброе здоровье, воли охота естъ. (Ходить.) Именно, что я есть несчастный человѣкъ!.. (Остановливается и поетъ.)

Люди добрые, внимайте
Печали сердца моего,
Мою грусть вы всѣ поймите,
Скучно жить мнѣ безъ нее...

(Обрывается на высокой нотѣ). „Маннька“!

Хлопонина. Что, роденькій мой?

Сережа. Я не перенесу своей тяжести въ потери моего предмета... Я жизни своей лишусь... застрѣлюсь.

Хлопонина (испуганно). Богъ съ тобой, Серезенька, что ты это! И говорить-то такія слова грѣшно, не только что... Поди-ка сюда, я тебя переkreшу.

Сережа. Да, да! (Мрачно покачавъ головой, декламируетъ съ жестами.)

Разшиблись пышныя желанья,
Погибли гордыя мечтанья,
Одинъ на свѣтѣ сирота...

Хлопонина. Сережа, полно, не пугай ты меня... Такъ всю въ потъ и ударить... Этакія страсти! Я хоть и хладнокровная, а вѣдь

я тоже мать, какъ рявкну... Ну, поди, поди, сюда счастье мое неопѣненное. (Сереза мрачный подходит и садится молча около матери. Она цѣлуетъ и приглаживаетъ волосы его.) Золото ты мое пробное, красота ты моя всесвѣтная, драгоценное дитячко!.. И волосиковъ-то сегодня не подвить.

Сереза. Не для кого мнѣ теперь собой заниматься и туалетъ наблюдать. Одинъ остался съ моими страданіями въ жизни.

Хлопонина. Да хоть-бы ты на волю-то вышла, вѣтромъ-бы вольнымъ тебя пообдуло, а то и вчера весь вечеръ, и сегодня цѣлое утро сидишь одинъ дома. Что хорошаго можетъ въ голову придти! Послалъ-бы служителя рысачка привести, да по Невскому-то на саночкахъ и прокатился-бы въ полное удовольствіе... На вольномъ-то воздухѣ и мысли разобьются, и самъ повеселѣешь, а?

Сереза. Ничто меня въ мірѣ не можетъ развеселить... чувствую я во всей моей натурѣ одну пустоту и нѣтъ ни къ чему никакого призванія. Ужъ, кажется, чего-бы: сегодня какъ всталъ съ постели, прямо вотъ какія двѣ рюмки коньячицу хватилъ для расположенія своего духа... Ничего не подѣйствовало, словно на холодную каменку плеснулъ... Что со мной будетъ въ предбудущей жизни? (Ходить.)

Хлопонина (оставляя пить кофе). Да полно ты убиваться-то. Ужъ будто невѣсты лучше ея не найдемъ; еще такую тебѣ графинку подыщемъ, что только изъ-подъ ручки поглядѣть, какъ на солнышко.

Сереза. „Манька“, не говорите мнѣ лучше этого, коли хотите меня въ живыхъ видѣть! Въ цѣлой подлунной вселенной такой граціозной прелести нѣтъ. (Вынимаетъ медальонъ.) Вотъ она, моя богиня! Глазки, щечки, губки, бровки, ручки, ножки... а-а-ахъ! (Цѣлуетъ медальонъ, закатывая глаза.) Ходить, говорить начнетъ, засмѣется, взглядъ свой бросить—одна деликатность и высокая товь... На роялѣ заиграетъ, пальчиками тоненькими, малюсенькими, бѣленькими перебираетъ, своимъ восхитительнымъ взоромъ поведетъ, небесной улыбкой наградить... а-а-хъ! (Цѣлуетъ.) Такъ въ самое сердце стрѣлой и поразить... нѣтъ, нѣтъ! Во всемъ свѣтѣ одна, и нѣтъ для моего пылкаго сердца другого обожательнаго предмета. (Смотритъ на медальонъ.)

Хлопонина (накрывая чашку). Вотъ и кофейку до сыта напила... всласть!.. Теперь разомъ вдругъ и позавтракать можно... Аппетитъ разыгрался... Прекрасно, и позавтракаю! (Прижимаетъ пуговку электрическаго звонка надъ диваномъ.) Видишь, Сереза, положимъ, Леночка и...

Сереза (прсребивая). „Манька“, не говорите! Одно слово про „Дѣло“, № 1.

нее дурное—и вы единственного сына лишитесь. (Поцѣловавъ медальонъ, прячетъ и начинаетъ ходить.)

Хлопонина. Да я не въ обиду...

Сережа. „Маннька“, ниже одно слово! Я за нее голову готовъ положить. Всякія мучительныя пытки для меня легче, чѣмъ даже какой про нее намекъ.

Хлопонина. Да неужто-же я...

Сережа (азартно). „Маннька“, молчите, а то...

Хлопонина. Ну, ну... молчу, молчу, только не входи въ сердца.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Петръ.

Петръ (входя). Звонить, сударыня, изволили? Что прикажете?

Хлопонина. Прибирай здѣсь, батюшко, все... Да вотъ что, милый человѣкъ, какъ-бы мнѣ позавтракать, а?

Петръ (прибирая со стола). Цѣлый фрыштикъ прикажете?

Хлопонина. Нѣтъ... (Смакуя.) Чего-бы, а? (Раздумываетъ.) А вотъ, что... придумала... Поддай ты, милый человѣкъ, парочку кокеточекъ... (Смакуя.) Чтобъ тутъ и стрючекъ зеленый былъ и свѣженькій, и корень разный сладкій, и морковка, и шампеень... чтобы все разное было... Названіе-то забыла!.. Какъ это у васъ называется?

Петръ. Это съ гарниромъ-съ.

Хлопонина. Во-о, вотъ!.. съ нимъ, съ нимъ съ самымъ, да, такъ!

Петръ. Какую котлетку приказать изволите? (Быстро.) Рубленая, отбивная, телячья, баранья, свиная, пожарская, изъ пулярды, изъ рябчика, марешаль, а то въ попелеткѣ, можетъ, желаете,—какую прикажете?

Хлопонина. Какую-ю?.. Да, право, я... все одно... чтобы только побольше... Побольше чтобы.

Петръ (забирая со стола посуду на поднось). Сейчасъ. (Идетъ.)

Сережа. Постой! (Слуга останавливается.) „Маннька“! выпить развѣ мнѣ еще коньячку? Можетъ, тяжесть души разобьетъ, а?

Хлопонина. Кушай, родной, кушай... Только-бы тебѣ повеселѣть-то!

Сережа. Такъ принеси коньяку, только смотри винь-шампань!

Петръ. Слушаю-съ. Рюмку прикажете?

Сережа. Да что ты, оболдѣль, что-ли? Не знаешь, кому служишь. Чортъ васъ знаетъ, что вы тамъ въ рюмку-то плеснете? Неси цѣлую бутылку, здѣсь и раскупоришь. Ну, живо!.. А то—рюмку прикажете?—болванъ! (Петръ уходитъ.)

Сереза. Безъ того сердце не на мѣстѣ, а тутъ еще этотъ дурален.

Хлопонина. Здѣсь въ Петербургѣ всему свои порядки; нашихъ-то московскихъ обыкновеніевъ не знаютъ, а по своему-то думаютъ, какъ-бы лучше угодить.

Сереза. Мы не какіе-нибудь всякіе, протчіе. За одно отдѣленіе 30 руб. платимъ въ сутки. Должны узнать... (Смотрить на часы.) Что это, ей-богу, папенька не ѣдутъ... Сказали на полчаса, да и застряли совсѣмъ. Пожалуй, безъ нихъ Григорій Ивановичъ пріѣдутъ, тогда опять бѣда! (Отчаянно.) Да, нѣтъ, нечего и ждать... Градищевы на-столько много горды, что не захотятъ уронить своей амбиціи послѣ вчерашняго папенькинаго письма... Нѣтъ, ни за что не пріѣдутъ. Господи, если-бъ папенька не запретилъ, птицей-бы туда слеталъ, хоть одну секунду, глазкомъ однимъ взглянуть на Леночку.

Хлопонина. Али самъ заказалъ?

Сереза. Да что вы, ей-богу, „манька“! Вѣдь вчера при васъ говорили.

Хлопонина. Дѣло-то послѣ обѣда было, покушала, ко сну клонило, уснула и разговоръ этотъ самый заспала.

Сереза. Очень прекрасно, а еще говорите, что меня нѣжно любите!.. И Жоржа не приняли, и мнѣ строго-на-строго заказали къ нимъ ѣздить... Если, говорятъ, хочешь ея мужемъ быть, не смѣй безъ моего позволенія носу къ нимъ показывать... Я-было проситься—куда тебѣ!.. Раскричались, разсердились. Самъ, говорятъ, первый пріѣдетъ и первый просить будетъ, чтобъ я женился на Леночкѣ. Я-было: почему и какъ? Молчи, говорятъ, не твое дѣло, будетъ все по-нашему, потому я слово такое знаю... Усмѣхнулись, потрепали меня по плечу, да съ тѣмъ и ушли.

Хлопонина. Ну, ужъ коли „самъ“ сказалъ—это свято, его слово—золото, на вѣтеръ не кинетъ. Надо тебѣ подождать.

Сереза. Знаю, что надо, да каково мнѣ ждать-то среди всѣхъ этихъ сердечныхъ мученьевъ... Поймите!.. (Пауза.) А что, „манька“, вѣдь здѣсь въ Петербургѣ тоже, я думаю, есть гадалки, ворожеи, какъ и у насъ въ Москвѣ?

Хлопонина. Какъ, чай, не быть, не истуканы вѣдь здѣсь въ Петербургѣ живутъ, а люди; любопытствуютъ, чай, тоже о своей судьбѣ, какъ и у насъ.

Сереза. Сейчасъ разузнать велю, какія и гдѣ, либо самъ поѣду, либо сюда велю привезти. Отлично!

Петръ (съ подносомъ, на которомъ котлеты и бутылка коньяку). На этотъ столъ прикажете поставить?

Хлопонина. Ставь, ставь сюда, батюшка. (Съ жадностью ѣсть.)

Сереза. Что у васъ въ Петербургѣ есть гадалки хорошія, а?

Петръ. Это касательно чего вы изволите спрашивать?

Сережа. Да что ты, русскаго языка не понимаешь, что-ли? (Молчаніе.) Французъ ты, что-ли? (Молчаніе.) Я тебя спрашиваю: французъ ты или нѣмецъ? (Молчаніе. Наступаетъ на него.) Да отвѣчай-же, дубина, кто ты такой, какъ тебя зовутъ, французъ ты, а?

Петръ. Никакъ нѣтъ-съ, прирожденный русскій-съ, ярославской губерніи, любимскаго уѣзда, вѣры настоящей, зовутъ Петромъ.

Сережа. Такъ чего-же ты, чортова перечница, не отвѣчаешь, когда я тебя по-русски спрашиваю: есть у васъ ворожеи, гадалки хорошія?

Петръ. Ахъ, виновать-съ, мнѣ сначала не вдомекъ... На счетъ этого не извѣстны-съ.

Сережа. Сію минуту разузнать! Три серебра на чай получишь.

Петръ. Чувствительно благодаренъ-съ... Будетъ исполнено-съ... Финь-шампань прикажете откупорить?

Сережа. А то что-же? Цѣловать я бутылку-то, что-ли, буду? откупорь. (Петръ откупориваетъ.) Ступай насчетъ гадалки, скорѣй!

Петръ (уходя). Въ секунду-съ!

Хлопонина. Ужъ больно ты таровать, Сережа... сейчасъ и три серебра, онъ и за полтинничекъ все-бы разузналъ въ лучшемъ видѣ.

Сережа. Нельзя, „маннька“: новый человекъ, насъ не знаетъ, поощрить надо, больше уваженія будетъ оказывать. (Хочетъ налить.) Ишь наперстокъ какой подаль, совсѣмъ обыкновеньевъ моихъ не знаетъ... Мараться нечего!.. а я вотъ какъ, чтобъ сразу ошибло. (Наливаетъ полстакана.) За ваше здоровье „маннька“. (Выпиваетъ.)

Хлопонина. Кушай, родненькій, за свое. Авось полегчаетъ... Ну что, какъ?

Сережа (крякнувши). Безо всякаго вкуса, трава!.. Ахъ дѣла, дѣла! (Ходить.) Насулила мнѣ ваша Аринушка передъ отъѣздомъ изъ Москвы съ три короба. У нея вышло по картамъ: и испожненіе желанія, и полный успѣхъ въ дѣлахъ, и марьяжъ съ бубновой кралей, и брачная постель... А на повѣрку вотъ оно что выходитъ, постель-то какая—полный афронтъ!

Хлопонина. Она и про препятствія поминала, Сереженька.

Сережа. И даже не думала поминать, ни словомъ.

Хлопонина. Ой, не грѣши!.. поминала.

Сережа. Вы опять, „маннька“, спорить! Мнѣ-ли забыть, когда она про мою судьбу раскладывала. Вамъ это, точно, все хлопоты и препятствія выходили и еще одинъ разъ на сердце пиковый тузъ легъ—ударъ. Я очень хорошо помню.

Хлопонина. А ну, можетъ я перепутала!

Сережа. То-то, вы все путаете!.. Я ей еще лисій салопъ обѣ-

щаль, коли все сбудеться... Нѣтъ, чувствую, что этотъ фронтъ мнѣ даромъ не пройдетъ... Вотъ второй ужь часъ, а не ѣдетъ... Одно несчастье осталось въ жизни, и того не болѣе.

Хлопонила. Вотъ и прикушала... Таково тепло, хорошо стало. (Зѣваетъ.) А-а-а-эхъ!.. Пойти въ постельку прилечь, полежать, словно-бы ко сну позываетъ. (Встаетъ.) На случай, коли засну, ты меня разбуди, Сереженька, какъ „самъ“—то пріѣдетъ. А я пойду... Прощай, мое сокровище, херувимъ земной. (Цѣлуетъ.) Защити тебя и помилуй ангель-хранитель, будь надъ тобой мое родительское благословеніе. (Беретъ два картонажа со столика.) А это я съ собой захвачу, сладенькое-то: лежа въ постелькѣ, прикушаю... Эка благодать, жизнь-то наша: покушала—сыта стала, сыта стала—спать захотѣла; усну—меньше нагрѣшу... Благодарю моего Создателя за этакую жизнь пріятную... да, сладкая моя жизнь, всѣмъ я взыскана! (Громко зѣваетъ.) Аи-е-е-ахъ!.. Сласть какая! (Медленно уходитъ въ дверь налѣво.)

Сережа (одинъ). Экая тоска, Господи!.. И уѣхать-то опасно, того и смотри Григорій Ивановичъ подѣдетъ. Куда только паленька запропастился?.. Неужели всѣ мои надежды тщетны?.. Второй часъ, а Градищева нѣтъ... погибель!..

ЯВЛЕНИЕ III.

Сережа и Петръ.

Петръ (входя). Всю вашу порученность, сударь Сергѣй Петровичъ, въ точности исполнилъ. (Подаетъ четвертку бумаги.) Цѣльхъ три-сь. Нарочно, чтобъ вамъ милость не утруждать, на бумажке адреса выписаль.

Сережа (читая). „Агафьюшка, на Пескахъ, по 5 улицѣ, домъ... квартира № 18. Оберъ-офицерша, вдова, Анна Петровна Круць, въ Коломнѣ, переулокъ, домъ № 6, квартира № 17. Жидовка Хайка Ицкова, на Средней Подъяческой, домъ квартира № 37, на третьемъ дворѣ, въ четвертомъ этажѣ, первая дверь направо...“ Ладно, которая-же изъ нихъ лучше гадаеть, дѣйствительнѣе показываетъ?

Петръ. Кастелинша у насъ старушка со всѣми ими знакома.—отъ нея я и разузналъ,—такъ всѣхъ вообще равномѣрно одобраеть. А по-моему, осмѣлюсь вамъ доложить, Сергѣй Петровичъ, жидовка всѣхъ дѣйствительнѣе будетъ.

Сережа. Почему такъ?

Петръ. Какъ-же-сь, помилуйте, Сергѣй Петровичъ! Первое, жидовка эта проклятая и безбожная, на сукъ молится, а второе—са-

мая продувная нация, пронырливѣе изо всѣхъ народовъ... Сколько ее теперь въ Петербургѣ развелось, и даже до пропасти. Сказать надо, что на всѣ руки мастера. И торгуютъ-то они всякой всячиной, и скупаютъ все, даже вниманія нестоющее, послѣднюю, извините, подметку солдатскую старую... Опять ростовщицествомъ занимаются, лечать, ворожатъ, по музыкальной части, фокусы приставляютъ; а ужъ ежели по-ихнему шахеръ-махеръ сдѣлать, надуванцію тонкую подвести,—ихъ на то взять... Во всѣхъ полныхъ отношеніяхъ жохи, сообразительныя натуры!..

Сережа. Такъ и отлично, къ ней и поѣдемъ!.. Вотъ тебѣ пяташка. (Бросаетъ на полъ пятирублевку.) Люблю, что скоро и въ точности мое приказаніе исполнилъ.

Петръ (поднимая). Чувствительно вами благодарны, сударь Сергѣй Петровичъ.

Сережа (садясь). А ужъ ты узналъ, какъ и звать меня, а?

Петръ. Помилуйте, Сергѣй Петровичъ, кто васъ можетъ не узнать. Можетъ, такихъ блистательныхъ персоновъ, какъ вы съ своимъ папенькой Петромъ Авдѣичемъ, въ цѣлой російской имперіи не найдется другихъ... Я не татаринъ какой или жидъ, а русскій прирожденный, ярославской породы; съ малолѣтства при гостинницѣ и номерахъ состою, долженъ въ точности различіе въ господахъ понимать съ одного быстрога, перваго взгляду-съ. Какъ-же-съ!.. Прикажете, Сергѣй Петровичъ, со стола лишнее прибрать-съ?..

Сережа. Прибирай, а коньякъ и закуски оставь.

Петръ. Слушаю-съ. (Сбираетъ со стола и уходитъ.)

Сережа (одинъ). А ихъ все нѣтъ! Опять тоска забираетъ! (Встаетъ, ходитъ по комнатѣ и останавливается передъ бутылкой.) Подъ сердце подступаетъ. Развѣ выпить еще?.. Выпью. (Беретъ бутылку.) Пожалуй, Григорій Иванычъ пріѣдутъ, помирятся съ папенькой, цѣловаться будемъ на радостяхъ, духъ отъ меня услышать... Нѣтъ не надо. (Заколачиваетъ пробку въ бутылку.) Такъ-то лучше, меньше соблазну. (Ходитъ.) А ужъ какъ мнѣ хочется судьбу свою узнать! Что-то у нихъ дѣлается? А-а-ахъ! (Вздыхаетъ глубоко.) Хоть-бы „манька“ въ карты разложила. (Подходить къ лѣвой двери и отворивъ ее.) „Манька“, а „манька“? (Молчаніе.) Али заснула? (Заглядываетъ.) Такъ и есть! Носомъ-то словно въ кларнетъ ноты выводить, а еще мать! Вотъ у меня родители-то какіе! Сынъ въ отчаянности, дальше всѣхъ предѣловъ, близокъ къ лишенію себя жизни, — мать храповицаго задаетъ, а отецъ покинулъ въ такой горести меня одного. Эхъ, судьба моя несчастная!.. Батюшки!.. Кажется, карета у подѣзда въ наше отдѣленіе остановилась. (Быстро подбѣгаетъ къ окну.) Такъ и есть, карета, а кто

выходить—не видать! А вотъ въ форточку. (Вскакиваетъ на подоконникъ и глядитъ въ отворенную форточку.) Одинъ папенька! (Соскакиваетъ.) Нѣтъ, не будетъ Григорій Ивановичъ... Пстой-же! (Становится передъ зеркаломъ, приводитъ въ безпорядокъ волосы, принимаетъ плачевно-отчаянную мину и садится въ трагической позѣ налѣво, полузакрывъ лицо одной рукой.) Пусть видитъ всю мою отчаянность.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Сережа, Хлопонинъ, потомъ Петръ.

Хлопонинъ (входитъ и, положи шляпу на столъ, садится направо). Что, еще не бывалъ, а?

Сережа (не поворачиваясь и не отнимая руки отъ лица). Нѣтъ. (Глубоко вздыхая.) А-а-ахъ!

Хлопонинъ (барабани пальцами по столу). Гмъ, гмъ! Характеръ тоже выдержать хочеть... Ладно, долго-ли выдержишь... Срокъ-то не за горами... Придетъ пора—запищишь... Чай, по городу-то рыщешь, рыщешь, гдѣ-бъ признаться, ха, ха, ха! Занялъ, какъ-же! Это вѣдь люди говорятъ, безъ выигрышнаго билета миллионъ, а поди-ка угадай, найди этотъ самый билетъ, который 200 т.-то выиграеть, ха, ха, ха! Знаю, братъ, все знаю; по уши влѣзь въ дѣла, наличности никакой. Теперь продай не только недвижимое имущество, свое рязанское имѣніе и московскій домъ, а и движимость-то всю свою, до послѣдней жениной юбки, и то половины долга не соберешь. Слава-богу, въ однихъ дѣлахъ состояли, капиталы-то твои какъ свою кассу знаемъ. Поищи, ничего! Порыщешь по-пусту денька три-четыре, кровь пополируешь, все-таки къ намъ придешь, ха, ха, ха! Сережа! (Молчаніе.) Сергѣй, ты чего это?

Сережа (взглянувъ, трагически). Я чего? (Пауза.) Я — ничего.

Хлопонинъ. Пропусти я только теперешнее время—тебѣ^я рукой не достанешь. Дорогу сдашь благополучно, новую концесію заполучишь, мнѣ долгъ уплатишь, тогда съ миллионами своими нашего брата на порогъ дома непустишь, не токма-что породниться... Всѣ вы таковы: ласковъ-ласковъ, пока у меня въ рукахъ; знаю я васъ, столбовыхъ-то; теперь, благодаря Бога, и самъ на эту линію вышель. (Взглянувъ на сына.) Серега! (Молчаніе.) Сергѣй, я тебѣ говорю? (Сережа оборачивается.) Опять на себя сталь дурасть напускать, а? Или назюзился? ты смотри у меня.

Сережа. Напрасно! И въ мысляхъ этого не имѣлъ. Съ ранняго утра пылинки хлѣба во рту не бывало, а вы сейчасъ—наюзился! (Принимаетъ прежнюю мину и позу.)

Хлопонинъ. А зачѣмъ бутылка коньяку на столѣ, а? Опять за прежнія глупости? ты смотри-и!

Сереза. И не думаль. Коньяку спросилъ для „маньки“, она послѣ вчерашняго флюса зубъ полоскала. А-ахъ! (Отчаянно вздыхаетъ и опускаетъ голову на руки.)

Хлопонинъ (взглянувъ нѣсколько разъ на сына). Ой, Сереза, брось, не дури. Брось свою отчаянность... Не разсерди ты меня, Серезка, слышь!

Сереза (быстро подходя къ отцу и падая передъ нимъ на колѣни, трагически). Родитель, папенька, благословите меня въ Ташкентъ.

Хлопонинъ (изумясь). Че-е-го? ку-у-да?

Сереза. Въ Ташкентъ, подь свирѣпую Хиву.

Хлопонинъ. Да ты никакъ очумѣлъ или въ самомъ дѣлѣ пьянь, а?

Сереза. Въ полномъ отчаяніи. Все во мнѣ, папенька, перегорѣло и перекипѣло, какъ въ адскомъ котлѣ; кажется, сердце готово на миллионныя части разорваться и нѣтъ моей душѣ отрады ни въ чемъ. Желая пролить свою кровь за алтарь отечества, отпустите меня въ Ташкентъ, благословите.

Хлопонинъ. Какъ вотъ возьму я тебя за твои путанные волосы да начну по полу-то мотать, такой Ташкентъ покажу, что и во снѣ не приснится. (Грозно.) Встань, срамникъ... что ты... ободѣлъ совсѣмъ! Встань, сейчасъ, ну! (Сереза съ видомъ отчаянія отходить на прежнее мѣсто и бросается головой на столъ.) Съ жиру бѣсится. Ума рехнулся. Что еще придумаль, срамникъ!

Сереза (поднявъ голову, слезливо). Что-жъ такое?.. Никакого сраму нѣтъ... Если-бъ мы купцы были—такъ, а то мы дворяне высокоблагородные; другіе проливаютъ кровь за алтарь отечества, отчего-же я не могу... А можетъ, Богъ дастъ счастья, еще офицеромъ вернусь, да съ Георгіемъ, тогда весь нашъ родъ возвеличу. Все равно, я здѣсь не жилецъ... моему счастью не суждено исполниться... Вонъ безъ четверти два, а ихъ нѣтъ. Не прійдетъ, не прійдетъ! Я жизни себя лишу. (Со слезами падаетъ на столъ.)

Хлопонинъ. Ой, Серезка, не глупи, не смѣй такихъ окаянныхъ словъ говорить!

Петръ (быстро войдя и подавая письмо). Отъ г. Градищева письмо-съ; человекъ ждетъ отвѣта.

Хлопонинъ (взявши). Пущай ждетъ... ступай! (Петръ уходитъ.)

Сереза. Папенька, родной! (Вскакиваетъ и бросается къ отцу.) Ой, батюшки, сердце-то такъ и стучить, выскочить хочется... Читайте поскорѣй, что они пишутъ... Ой, такъ и колеть... Не то давайте, я самъ поскорѣ прочту.

Хлопонинъ. Что, другое запѣлъ?!.. Правду я говорилъ, что-либо самъ прїѣдетъ, либо письмо просительное пришлетъ... Не правда, а?

Сережа (цѣлуя руки). Правда, папенька, правда, все правда!.. Только читайте поскорѣй. Ой, батюшки, отъ страха поджилки дрожать... Читайте-же.

Хлопонинъ. А вотъ за эти твои глупости (Прячетъ письмо въ боковой карманъ.) и читать не буду, и отошлю обратно, не читавши.

Сережа (съ непритворнымъ отчаяніемъ). Па-пенька!..

Хлопонинъ. То-то: папенька! Ты отцовскому слову вѣрь, но...

Сережа (обнимая и цѣлуя руки). Вѣрю, папенька, отъ всего моего чистаго сердца вѣрю... Не мучьте вы меня. читайте поскорѣй.

Хлопонинъ. То-то: не мучьте... (Ласково.) Ишь, дурашка, сердце-то у тебя какое горячее, даже дрожить весь... (Вынуть письмо.) Почитаемъ. Эге-е! Гляди: по одному адресу видно, что сбрендилъ: прежде надписывалъ просто Петру Авдѣичу, а теперь въ полной формѣ: его высокоблагородію... (Шутя.) Ужь распечатывать-ли, а?

Сережа (съ крикомъ). Папенька!

Хлопонинъ. Ну, ну, не кричи. (Вскрываетъ конвертъ.) Не будь бабой, возьми на часъ терпѣнія. (Развертываетъ письмо и читаетъ.)

„Милостивый Государь,
Петръ Авдѣичъ!“

Прежде писалъ: многоуважаемый, либо просто: другъ... Это манерничаетъ послѣ моего письма.

Сережа. Папенька, читайте-же, да ну-же, Господи!

Хлопонинъ. Чего нукаешь-то, еще не запретъ... Экой дурашка изъ лица измѣнился. (Читаетъ.)

„Непріятный случай, происшедшій отъ взаимнаго недоразумѣнія, къ сожалѣнію, быть можетъ, навсегда нарушилъ дружескія отношенія нашихъ семействъ...“

Сережа (перебивая). Навсегда! Господи, что-же это?

Хлопонинъ. Постой, не мѣшай, это одна политика только... (Читаетъ.)

„...нашихъ семействъ“. Да! „но это не мѣшаетъ коммерческимъ дѣламъ, въ которыхъ мы состоимъ...“

Хе, хе! Понимаешь!

Сережа. Господи, да читайте-же, духъ захватываетъ. Читайте!

Хлопонинъ (читаетъ).

„...почему и обращаюсь къ вамъ письменно: не откажите увѣдомить съ посланнымъ, когда вы будете сегодня дома, чтобъ я могъ прїѣхать къ вамъ...“

Сережа (радостно). Прїѣдетъ, слава тебѣ Господи!.. прїѣдетъ...

Хлопонинъ. Не мѣшай-же, постой! (Читаетъ.)

„...не рискуя услышать отъ вашей прислуги страннаго отвѣта: дома, но *васъ* не велѣно принимать...“

А-а, видно ожгло вчера... Видишь, даже слово „вась“ подчеркнулъ, ха, ха, ха!

Сережа. Да дальше-то, дальше-то что... Послѣ разсуждать будемъ, читайте скорѣй, а то, давайте, я.

Хлопонинъ (перебивая строго). Молчи! (Продолжаетъ читать.) „Вопросовъ по извѣстному вамъ дѣлу можетъ быть много и такъ они сложны, что безъ личнаго свиданія, на бумагѣ ихъ окончательно выяснить и порѣшить невозможно, вслѣдствіе чего я поставленъ въ необходимость пріѣхать къ вамъ. Съ истиннымъ уваженіемъ и преданностію имѣю честь быть вашъ, милостивый государь, покорный слуга

Григорій Градищевъ“.

(Свертываетъ письмо.) Что-о, видѣль? Слышалъ, чѣмъ пахнетъ, а?

Сережа. А внизу-то, внизу-то, папенька, что написано, приписка какая-то.

Хлопонинъ. Гдѣ еще внизу? (Развертывая.) А-а, вотъ! (Читаетъ.)

„Наши недоразумѣнія послѣ вашего вчерашняго письма получили такой опредѣленный характеръ, что при личномъ нашемъ свиданіи, я надѣюсь, объ нихъ не будетъ и помину“.

Сережа. Это что-же значить?.. Какъ тутъ понимать?.. Отказъ съ деликатностью, а?

Хлопонинъ. Какой тутъ отказъ, дура голова! Просто заигрываетъ, хочеть, чтобъ я самъ началъ объ этомъ въ разговорѣ... Ну, что теперь, какъ? Дозволить ему пріѣхать или написать, что, молъ, не надо, а?

Сережа. Помилуйте, папенька, какъ не надо... Пишите, чтобъ пріѣзжалъ какъ можно скорѣй, что мы очень рады ихъ видѣть, намъ очень пріятно и что... что про всякія отношенія мы даже позабыли.

Хлопонинъ. Да?! А можетъ, ты подъ Ташкентъ, ха, ха, ха! (Добродушно хохочеть.)

Сережа. Вѣдь это, папенька, съ крайней отчаянности, въ безнадежномъ положеніи, а теперь... Напишите, что вы его съ нетерпѣніемъ и каждую минуту ждете.

Хлопонинъ. Ну, ты меня не учи, знаю, какъ надо написать... Нужно тоже ему въ отвѣтъ политику соблюсти. (Посмотрѣвъ на часы.) Скоро два. Напишу, чтобъ ровно въ половинѣ четвертаго пріѣзжалъ, а то подумаетъ, что и ни вѣсть какъ обрадовался.

Сережа. Такъ мнѣ еще больше полутора часовъ приходится страдать отъ мучительной неизвѣстности!

Хлопонинъ. Эхъ ты, горячка! Не стоило-бы по настоящему-то и хлопотать объ тебѣ: мало почитателенъ къ родителю. Да ужъ дѣлать нечего, одинъ сынъ—вся надежда... Пойти въ кабинетъ, дозволить, видно, ему пріѣхать! (Встаетъ.)

Сереза. А письмецо-то позвольте, я еще почитаю.

Хлопонинъ (отдавая, гладить его по головѣ). Ахъ [ты, головушка побѣдная, сердце пылокое, молодецкое... Одинъ, одинъ! (Уходить направо къ двери.)

Сереза (одинъ). Господи, батюшки, черезъ полтора часа вся моя судьба должна рѣшиться... Я умру отъ радости!.. ей-богу, помру! Вотъ на самомъ этомъ мѣстѣ даю себѣ честное слово, коли Леночка согласится,—въ одну недѣлю саморучно 5 т. по Москвѣ нищимъ раздать, и все по гривеннику, клянусь! (Читаетъ про себя письмо.) Смуцаетъ меня эта самая приписка... Что это такое? политика или чистый отказъ?! (Читаетъ вслухъ.) „При личномъ нашемъ свиданіи, я надѣюсь, объ нихъ не будетъ и помину“. Это значить, что объ моей любви и законномъ бракѣ не поминать и чтобъ этого самаго разговору не имѣть; такъ, а? (Задумываясь, ходить.) И напротивъ понять можно,—что, дескать, все забыто, и чтобъ объ отношеніяхъ не поминать? И такъ выходить, и на выворотъ, напротивъ повернуть можно... Мудрено!

Хлопонинъ (входи). Вотъ и готово. (Показывая письмо.) И я ему „его высокоблагородію“ настрочилъ. Отъ него пошла политика, такъ пуцай равномерно идетъ съ обѣихъ сторонъ.

Сереза. Папенька, они высокородный, одной только ступени до генерала не выслужили, а потому имъ надо писать высокородіе, какъ они есть статскій совѣтникъ... Не обидѣлись-бы!

Хлопонинъ. Не обидится, небойсь, я слово противъ него такое знаю. А гдѣ мать?

Сереза. Почиваютъ.

Хлопонинъ. Али поѣла?

Сереза. Покушали и почиваютъ; ихъ манера во всѣхъ случаяхъ одна. Просили разбудить, какъ вы пріѣдете.

Хлопонинъ. Не тронь ее... пусть спитъ на здоровье!. Я въ министерство на полчаса съѣзжу, съ однимъ человѣчкомъ нужно повидаться, а къ половинѣ четвертаго буду... Ну, прощай, Сереза. А письмо собственноручно отдамъ человѣку... До свиданья; не глупи, не разогорчай меня. (Беретъ шляпу и идетъ.)

Сереза. Прощайте, папенька, не буду; я опять вдвоемъ съ своей обворожительной надеждой. (Провожая до дверей.) Только-бы мнѣ на Леночкѣ жениться, а ужъ успокоить я васъ буду до гробовой доски изо всѣхъ моихъ силъ.

Хлопонинъ (у дверей). Сказаль—женю, мое слово — законъ! (Уходить.)

Сереза. Дѣло пошло на ладъ!.. Папенька въ своемъ словѣ крѣпокъ. (Смотритъ на письмо.) А эта приписка — одна политика!. (Подносить письмо къ лицу.) Пахнетъ какъ [отлично! раздусено.

(Гладить щеку бумагой письма.) Бумага-то гладкая, прегладкая, словно атласъ!.. Прелесть! А гербъ-то у нихъ какой: двое рыцаревъ, копье, сабля, пущка, а около левъ и козерогъ... Это, должно, козерогъ, потому на самомъ лбу у него вонь какой рогъ-то, длинный да вострый, и все въ краскахъ. Какъ женюсь, свой гербъ ведю на бумагѣ по крайней мѣрѣ въ тридцать колеровъ пустить и съ позолотой. Съ радости развѣ выпить маленькую, а? (Подходить къ столу и смотреть на бутылку.) Ишь какъ я давеча пробку-то закатилъ, безъ штопора не откупоришь. Выпить али нѣтъ? А я вотъ что сдѣлаю: еще цѣлые полтора часа остались: позову Петра, чтобъ рысакъ нанялъ. (Прижимаетъ пуговку звонка.) А пока ходять—выпью, прикажу, одѣнусь, сорву на рысакѣ кончица два по Невскому, на вольномъ воздухѣ освѣжусь и къ половинѣ четвертаго здѣсь — какъ вылью, отлично! Время-то незамѣтно и пройдетъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

Сереза и Петръ.

Петръ (входя). Требовать изволили-съ?

Сереза. Откупорь бутылку. (Петръ бросается откупоривать.) Да чтобъ мнѣ въ одну минуту рысакъ привести... со двора... понимаешь?

Петръ (быстро). Помилуйте, Сергѣй Петровичъ, мы...

Сереза (перебивая). Не такого, что вонь на углахъ у Невскаго, у Конюшенной да у Палкина трактира стоять... Какъ выѣхалъ, такъ и знаютъ, что извоиций. Чтобъ сани, запряжка, кафтанъ кучерской были, безъ цаць, въ дворянскомъ вкусѣ, слышишь?

Петръ. Будьте покойны, Сергѣй Петровичъ, со двора возьмемъ, самаго лучшаго представимъ; посланнику любому не стыдно будетъ проѣхать. На часы прикажете-съ?

Сереза. На часы?.. Дуракъ! Что я, мамзель, что-ли, какая, что буду рысакъ на часы нанимать, по Невскому два конца дать... Извѣстно, на цѣлый день, болванъ!

Петръ. Виновать, Сергѣй Петровичъ... Слушаю-съ, сейчасъ распоряженіе отдамъ, чтобъ привели. (Идетъ.)

Сереза (садясь). Стой!

Петръ (подбѣгая). Чего изволите приказать, Сергѣй Петровичъ?

Сереза. А какія у васъ могутъ быть особенныя развлеченія, а?

Петръ. Особенныя-съ?! (Таинственно.) Вотъ я вамъ доложу, сударь Сергѣй Петровичъ, остановилась у насъ въ гостинницѣ, изъ

самаго Парижа прїѣхала и пятую недѣлю живетъ въ третьемъ номерѣ одна французинка. (Всклонываетъ восторженно руками.) Говестъ Боже мой!.. Красоты ангельской, небесной, волосы по пяты, вотъ... И не то, чтобъ какъ у другихъ, шеньень—Боже сохрани! природныя вездѣ... А цвѣтъ—какъ есть червонецъ, то-есть самое высшее золото... первой пробы... Другія качества: глаза (показываетъ) вотъ... и словно всѣ въ маслѣ, такъ и плаваютъ; изъ тѣла бѣлая и цѣлымъ корпусомъ ероиня...

Серезжа (перебивая). Ну, и что-же?

Петръ. Доброта — словно вотъ ласковый, малый ребенокъ... И если насчетъ вамъ познакомиться съ ней, я... я могу-съ...

Серезжа. Ты забылъ съ кѣмъ говоришь! (Кричитъ.) Вонъ, скотина!

Петръ (быстро отбѣгая къ дверямъ). Виновать-съ... виновать, Сергѣй Петровичъ! (Исчезаетъ въ среднихъ дверяхъ.)

Серезжа. Мер-р-завецъ! У меня все сердце занято однимъ божествомъ, а онъ что... скотина! (Вынимаетъ медальонъ.) Вотъ она, моя богиня, божество, супирь! (Цѣлуетъ.) Никогда не измѣню, по гробъ смерти, никогда!.. Ухъ, батюшки, даже въ потъ ударило... Скотина! (Прячетъ медальонъ.) Да и жарко-же здѣсь... Теперь не кому придти, безъ халата-то легче. (Снимаетъ съ себя поспѣшно халатъ, такъ что выворачиваетъ наизнанку, краснымъ шелковымъ подбоемъ полъ и бѣлымъ рукавомъ наружу: Бросивъ на стулъ халатъ, садится къ столу.) Вотъ и полная свобода... Что значить опять надежда-то воскресла, и аппетитъ разыгрался. (Грозитъ бутылкѣ.) А ты, шельма, стой, служи... Слу-ужи, сто-ой!.. Послѣ свадьбы коньяку ни-ни; какъ женюсь, одни высшіе сорта винъ у меня будутъ... да. А теперь ты у меня, умница, послушная, да! (Гладитъ бутылку.) Нужно за здоровье Леночки выпить. Сначала масла намажу, ветчинки отрѣжу, а потомъ изъ тебя налью, а ты сто-о-ять... служи! (Готовитъ тартинку.) И кто это, право, коньякъ выдумалъ: во всякое-то время его пить можно; съ водки претить, а коньякъ когда хочешь—утромъ, вечеромъ, среди дня, ночью, всегда можно съ полнымъ удовольствіемъ. Вотъ и закуска готова! (Наливаетъ стаканъ.) Ничего, на вольномъ воздухѣ обдуется... на дворѣ-то скверно. (Беретъ стаканъ.) За ваше здоровье, Леночка, и чтобъ свадьбѣ нашей поскорѣй устроиться! (Подноситъ стаканъ къ губамъ.)

Петръ (быстро входя). Господинъ Градищевъ.

Серезжа (искакивая). Батюшки! Безпорядокъ какой! Чего стоишь, ступай, проси сюда скорѣй, иди-и-же, болванъ, ну-ну! (Суетится.) Переодѣться скорѣе! (Петръ уходитъ. Серезжа идетъ къ дверямъ налѣво.) Не успѣю, заставить ждать не ловко... Надо вѣжливость

соблюсти, встрѣтить у дверей. И коньякъ тутъ стоитъ? (Схватываетъ бутылку и стаканъ.) Куда-бы спрятать? А, вотъ, отлично! (Ставитъ подъ диванъ.) Теперь переодѣться поскорѣй.

Градищевъ (за дверями). Сюда?

Петръ (тоже). Такъ точно-съ, сюда, пожалуйста-съ.

Серѣжа. Некогда переодѣваться—идуть... Халатъ поскорѣй надѣть. (Надѣваетъ халатъ на изнанку и идетъ къ среднимъ дверямъ.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Серѣжа, Петръ и Градищевъ.

Серѣжа (отворяя двери). Милости просимъ, Григорій Ивановичъ!

Градищевъ (изумленно посмотря на вывороченный халатъ, не подавая руки, едва кланяясь). Вашъ батюшка написалъ мнѣ, что будетъ дома въ половинѣ третьяго и что я его непременно застану. (Показываетъ часы.) Теперь ровно половина третьяго, а его нѣтъ.

Серѣжа. Извините за беспорядокъ-съ... Утро-съ, гостинница-съ!.. А они въ письмѣ именно писали въ половинѣ четвертаго-съ. (Трепается.) Прошу покорно садиться.

Градищевъ. Мнѣ ни память, ни глаза не измѣняются. (Вынимая письмо изъ бокового кармана.) Не угодно-ли взглянуть въ его собственное письмо; его рукой, прописью написано: „ровно въ половинѣ третьяго“. (Подаетъ.) Удостоверьтесь.

Серѣжа (посмотрѣвъ письмо, возвращаетъ). Это точно, ваша правда-съ, въ письмѣ написано: „ровно въ половинѣ третьяго...“ Они ошиблись, потому даже у насъ разговоръ былъ, чтобъ просить васъ въ половинѣ четвертаго, именно-съ... Тутъ описка, не болѣе того-съ... Извините, пожалуйста... Подождите, сдѣлайте одолженіе-съ.

Градищевъ. Да я подожду, хоть все это очень странно.

Серѣжа. Клянусь Богомъ, ошиблись... вы не подумайте чего-нибудь... Ошибка, и того не болѣе... Чаю, кофею или закусить чего не прикажете-ли? Милости прошу садиться-съ! (Подвигая кресло и увидѣвъ себя въ зеркалѣ.) На выворотъ!.. батюшки, на изнанку!.. Я сію мину... извините-съ... шиворотъ-на-выворотъ... Я сію мину... Вотъ скандалъ-то! (Убѣгаетъ въ комнату направо.)

Градищевъ. Это какой-то домъ умалишенныхъ... Тотъ сыну говоритъ, что будетъ ждать меня въ половинѣ четвертаго, а мнѣ пишетъ въ половинѣ третьяго. Этотъ писанный красавецъ сидитъ нечесаный, невытый, и для чего-то халатъ на изнанку... Пхе! (Подходитъ къ двери налѣво.) А отсюда храпъ несется... Повсюду

валяются коробки съ конфлектами... объѣдки завтрака въ пріемной. (Случайно взглянувъ подъ диванъ.) А это что? Эге-ге-ге! Финьшампань! бутылка и налить цѣлый стаканъ... Вотъ она, разгадавъ всего! (Съ ироніей.) Видно съ горя, съ отчаянія!.. Хамы съ миллионами, и еще имѣютъ дерзость, осмѣливаются думать... (Ходить.) Цѣлый часъ ждать!.. что я съ этимъ дуралеемъ дѣлать стану? Объ чемъ съ нимъ (иронически) бесѣдовать?.. Еще съ большого-то ума, пожалуй, свою любовную исторію заведеть... съ него станется!.. Отличная мысль! (Прижимаетъ пуговку звонка.) Кстати я и газетъ сегодняшнихъ не успѣлъ прочесть. (Вошедшему Петру.) У васъ вѣдь тутъ внизу ресторанъ?

Петръ. Такъ точно-съ.

Градищевъ. Такъ я пойду туда газеты читать; какъ пріѣдетъ Петръ Авдѣичъ, ты мнѣ доложишь, а этому... ему, Сергѣю Петровичу, скажешь, что я внизу, въ ресторанѣ, и что не желаю его беспокоить (Насмѣшливо)... отнимать своей бесѣдой дорогое для него время... Ты понялъ?

Петръ. Слушаю-съ, понялъ.

Градищевъ. Такъ такъ и доложи.

Петръ. Будьте покойны-съ.

Градищевъ (уходя). Это самое лучшее! Да! (Уходить.)

Петръ (прибирая со стола). Ну, ужъ Сергѣй Петровичъ!.. Именно своеобразный московскій. Правду надо сказать!.. Конфетицъ вчера накупилъ фунтовъ 15-ть. Изъ кареты-то швейцаръ выбиралъ, выбиралъ, выбиралъ... Взять Машѣ, пуцай позабавится! (Открываетъ коробку и набиваетъ карманъ фрака. Пробуя.) И конфекты прелесть, малина! Ну-ка изъ этой! (Открываетъ другую и также беретъ.) Это другой сортъ. (Пробуетъ.) Сушоновый, должно быть, ананасъ въ сахарѣ. Кисленько, ничего... (Замѣтя бутылку.) Ишь куда въ горячкѣ-то спряталъ, на самый видъ... Поставить на столъ?.. Ну его, не трону. Еще опять ругаться начнетъ, блажной онъ какой-то!

Сережа (быстро выходя изъ правой двери въ щегольскомъ пиджакѣ и причесанный). Извините, Григор... Вотъ тебѣ разъ, гдѣ-же онъ?.. Петрушка, гдѣ-же этотъ баринъ, Градищевъ-то, а?

Петръ. Они ушли-съ.

Сережа. Какъ ушли?.. Куда ушли?.. Господи, опять несчастіе... что за судьба моя такая! Ушелъ.

Петръ. Да вы не извольте беспокоиться, Сергѣй Петровичъ. Они внизу, въ ресторанѣ, газеты читаютъ. Приказали вамъ доложить, чтобъ ихъ не беспокоили насчетъ бесѣды, потому...

Сережа (отчаянно). Все пропало, все погибло, все... Онъ съ ха-

ракторомъ, амбиціонный, обидѣлся на мою невѣжливость... Конецъ всему!

Петръ. Даже нисколько не были въ обидѣ... Уходили даже съ усмѣшкой и наказывали вамъ не беспокоиться, а какъ только Петръ Авдѣичъ прїѣдутъ, чтобъ имъ сейчасъ доложить.

Сережа. Хороша усмѣшка! Вошелъ такой сердитый, руки не подалъ, словно гнушается мной... А тутъ еще халать шиворотъ-навыворотъ... Ахъ, судьба! (Ходить въ отчаяніи.)

Петръ. Прикажете все прибрать?

Сережа. Прибирай! (Ходить.) Позоръ, несчастье!

Петръ. А коньякъ, Сергѣй Петровичъ, прикажете поднять съ полу?

Сережа. Съ полу? (Оглядываясь.) Батюшки, бутылка-то и стаканъ такъ на полу и остались! Ну что онъ подумаетъ, коли увидаль? Шьяница, скажетъ... коньякъ стаканами пьеть. Ахъ, Боже мой! (Садится у столика.)

Петръ. Убрать прикажете?.. Спрятать коньякъ, можетъ потребуется-съ? Какъ прикажете?

Сережа. О, дуракъ, этакое несчастье, а онъ съ коньякомъ присталь... Бери все прочь скорѣй и убирайся. (Петръ собираетъ все со стола и уноситъ.) Этакій я несчастный на свѣтъ родился... У невѣсты поугай за палець куснулъ—чашку разбилъ, здѣсь эготъ халать на изнанку. (Вскакиваетъ.) А все родители виноваты... Ну, какъ можно въ этакомъ сурьезномъ дѣлѣ на цѣлый часъ ошибиться, а уѣзжай я прокатиться куда, ну и конецъ—все пропало, невѣсту-то и помянай какъ звали!.. Эхъ, ей-богу, злость беретъ!.. Одна храповицкаго два часа отдираетъ, словно ломовикъ какой, другой въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ дѣлаетъ все безъ акуратности и неглежа... Ну, ужъ только если эта свадьба не устроится!..

ЯВЛЕНІЕ VII.

Сережа и Хлопонинъ.

Хлопонинъ (въ среднихъ дверяхъ, отдавая приказаніе). Хорошо, ладно, проси сюда, зови! (Входя.) Эхъ ты, и принять-то не умѣлъ какъ слѣдуетъ. Хоть-бы угощенье какое велѣлъ подать, коли ума не хватило до моего прїѣзда разговоромъ Григорія Иваныча занять; фюфяй, право!

Сережа. За что фюфяй?! Вамъ-бы только сына единственнаго ругать. Кто виноватъ? сказали, что напишете въ половинѣ четвертаго, а вмѣсто того въ письмѣ вышло въ половинѣ третьяго... А

ужь сейчасъ и фюфяй! Я ихъ встрѣтилъ, какъ должно, просить садиться, угощенье предлагалъ, да самъ на минутку вышелъ, чтобъ калать святъ, перэодѣться; выхожу, а ихъ и слѣдъ простылъ. Даже обидно!

Хлопонинъ. Оби-и-дно! А зачѣмъ до третьяго часу въ калать разврощеннымъ ходишь?.. Что ты, старикъ, что-ли?.. Ну, да ладно, не бѣда, пускай подождетъ, газету почитаетъ, прохладится, мягче будетъ... Мать спитъ еще? (Садится справа.)

Сережа. Не просыпался. Или разбудить, я разбуджу?

Хлопонинъ. Не тронь!.. Еще лучше, что спать, а то выплабы, разговору нашему помѣшала... Да и ты-бы лучше къ ней въ кабинетъ шелъ: Градищевъ при тебѣ и разговаривать съ полной свободой не будетъ. Выдь-ка лучше, право.

Сережа. Я, папенька, уйду-съ... Мнѣ любопытно только посмотрѣть, какъ вы съ Григоріемъ Иванычемъ встрѣтитесь.

Хлопонинъ. Какъ встрѣтимся?.. Извѣстно, на кулачки драться или ругаться нехорошими словами не будемъ... Политику поведемъ, на самой тонкой деликатности... Не бойсь!

Сережа (обнимая отца). Папенька, постарайтесь склонить ихъ... А я вамъ... всю жизнь... до послѣдней капли моей крови...

Хлопонинъ. Не бойсь, дурашка, не бойсь!.. Сказать, что женю на Леночкѣ, такъ ужь вѣрь, будетъ по-мосму... Ишь робѣетъ какъ сердчишко-то такъ и тукаетъ. (Треплетъ по щекамъ.) Кипятокъ!

Сережа (оправляется). А вотъ и они-съ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же и Градищевъ.

Градищевъ (входя держитъ себя сухо, холодно). Здравствуйте, Петръ Авдѣичъ! (Кланяется, не подавая руки.)

Хлопонинъ. Мое почтеніе-съ, Григорій Иванычъ! (Приподнимаюсь съ кресла и важно протягивая руку.) Прошу покорно, присядьте. (Указывая рукой на диванъ.)

Градищевъ (нехотя пожавъ руку, садится въ кресло и ставитъ на полъ шляпу). Я прѣѣхалъ ровно въ половинѣ третьяго, какъ вы назначили въ письмѣ.

Хлопонинъ. Описочка случилась махонькая... Прошу извинить.

Градищевъ. Да, мнѣ вашъ сынъ сказывалъ.

Сережа. Я, точно, папенька, имъ это подробно объяснилъ. (Беретъ съ полу шляпу Градищева и отираетъ ее рукавомъ; тотъ смотритъ на это съ изумленіемъ.) Пыльно очень на коврѣ-то... Запылится! (Ставитъ на столъ.)

Градищевъ. Ахъ, что вы беспокоитесь... Благодарю васъ.

Сереза. Помилуйте, какое беспокойство! Не стоитъ благодарности! (Встаетъ сзади, между креслами отца и Градищева. Пауза.)

Хлопонинъ. Какъ-будто сиверко, а погода сегодня пріятная.

Градищевъ (взглянувъ на Серезу). Да, немножко свѣжо.

Хлопонинъ. У васъ въ Петербургѣ всегда вѣтерокъ... (Пауза.)

Градищевъ (взглянувъ на Серезу). Цѣль моего пріѣзда къ вамъ хорошо извѣстна... Я-бы желалъ прямо приступить къ дѣловымъ переговорамъ. (Взглядываетъ на Серезу.)

Хлопонинъ. Очень пріятно, отчего и не поговорить.

Градищевъ. Да-а! (Снова взглядываетъ на Серезу.)

Сереза. Господи, какъ онъ смотритъ-то! Взглянуть—такъ словно булатный ножъ въ сердце воткнетъ. (Отходить вправо.)

Градищевъ. Не найдете-ли вы болѣе удобнымъ вести разговоръ въ кабинетѣ—одинъ на одинъ?.. (Смотритъ на Серезу.) А то... намъ здѣсь... въ гостиной могутъ помѣшать... войдетъ кто-нибудь... да?

Хлопонинъ. Велика, братъ, Сереза, намъ кофейку съ Григоріемъ Ивановичемъ подать... да оставь насъ однихъ.

Сереза. Сейчасъ, папенька. (Хочетъ идти.)

Градищевъ. Для меня не беспокойтесь, благодарю васъ. я не буду—уже пилъ.

Хлопонинъ. Какъ угодно-съ... неволить не смѣю. (Сыну.) Кофею не надо. Выйди, Сереза!

Сереза. Гмъ... Слушаю, папенька-съ. (Про себя.) Говорять, помогаетъ... (Обходитъ вокругъ кресла Градищева, говоря три раза про себя, но такъ, что публика слышитъ.) Помяни Господи царя Да-вида и всю кротость его. (Уходитъ въ двери налѣво.)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Хлопонинъ и Градищевъ.

Градищевъ. Что такое говорить вашъ сынъ?

Хлопонинъ. А что-съ?

Градищевъ. Что-то такое странное... Царя... Дави... Странно.

Хлопонинъ. Что-нибудь такъ, отъ конфузу. Онъ, при всей природной добротѣ, робокъ у насъ... Вотъ я его выслалъ отсюда при васъ, онъ и оробѣлъ... Конфузливъ-съ.

Градищевъ. Да-а! Гмъ... Намъ никто теперь не помѣшаетъ?

Хлопонинъ. Мѣшать некому... Человѣку я велѣлъ рѣшительно никого не принимать. (Указываетъ направо.) Тутъ мой и серезинъ кабинетъ. А тутъ (указывая налѣво) женинъ будуваръ и

спальня... (Вставая.) А для всякаго спокойствія, чтобъ Сережа или „сама“ не взопли какъ вдругъ, мы дверь запремъ. (Запираетъ.) Другого выхода оттуда нѣтъ... Вотъ и одни-съ. (Садится.)

Градищевъ. Гмъ, гмъ... (Послѣ паузы.) Не прибѣгая ни къ какимъ предисловіямъ, я начну прямо, съ самой сути.

Хлопонинъ. И самое превосходное. (Откидывается на спинку кресла и прищуривается.)

Градищевъ. Петръ Авдѣичъ!.. Я васъ спрашиваю, какъ честнаго, благороднаго человѣка: что вы дѣлаете?

Хлопонинъ¹ (медленно). Это... то-есть... Какъ... что я дѣлаю?

Градищевъ. Точно вы не понимаете? Я съ вами говорю на чистоту. Я васъ уважалъ, всегда и даже теперь считаю за русскаго, честнаго, прямодупнаго человѣка.

Хлопонинъ (съ отбѣнгомъ тонкой ироніи). Очень вамъ благодарны за такой комплиментъ.

Градищевъ (желчно). Какой тутъ комплиментъ... Вы очень хорошо сознаете, что человѣку въ моемъ настоящемъ положеніи не до комплиментовъ.

Хлопонинъ (какъ-бы наивно). Что такъ-съ?

Градищевъ (кусая губы). А... да, да! Петръ Авдѣичъ, я васъ не узнаю... я... Я васъ зпалъ за человѣка съ сердцемъ... Этого ироническій тонъ... это...

Хлопонинъ. Съ моей стороны, Григорій Ивановичъ, тоновъ нѣтъ никакихъ.

Градищевъ (удерживаясь отъ рѣзкости). Да... вамъ угодно издѣваться, глумиться надо мной?

Хлопонинъ (холодно-спокойно). И въ мысляхъ этого не имѣю. (Закрываетъ глаза.)

Градищевъ. Да развѣ вы не знаете, въ какомъ я нахожусь критическомъ, безвыходномъ положеніи?

Хлопонинъ (шоучительно). Что-жь, Григорій Ивановичъ, критика эта вѣдь не молоньей съ неба вдругъ на васъ свалилась, вы ее должны были ожидать, потому строкъ векселямъ не вчера вамъ стала извѣстна. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, мало-ли что въ комерціи можетъ случиться... Я говорю съ вами, какъ съ купцомъ (иронически), не обидьтесь, безъ комплиментовъ, на прямки. (Презрительнымъ тономъ.) Вамъ должно быть хорошо извѣстно, что такое значить въ комерціи строкъ. Недѣля, двѣ, скажемъ такъ и мѣсяцъ въ году—не великое дѣло; а тутъ, съ векселями, послѣ законной граціи день пропустилъ—бѣда! Сами знаете, не учить мнѣ васъ стать. А-хти, хти! (Вздыхаетъ.)

Градищевъ (волнуясь, сдержанно). Да... вы такъ... вы вотъ какъ нынче... (Нервно проводитъ рукой по волосамъ и врутить усы.) На

такую почву вы ставите вопросъ... Я ѣхалъ къ вамъ съ намѣреніемъ обратиться къ вашему сердцу, напомнить вамъ все прошлое... Вѣдь мы неразрывно, цѣлыя 8 лѣтъ работали вмѣстѣ, помогая другъ другу во всемъ... Безъ меня, безъ моихъ связей, родства, знакомства, значенія, вы никогда-бы не были тѣмъ, чѣмъ стали теперь... (Умолкаетъ въ волненіи.) Впрочемъ, зачѣмъ, для чего я это все говорю... Вы, по крайней мѣрѣ, не забыли, вѣроятно, того, что давая мнѣ деньги и принимая отъ меня векселя, вы не придавали никакого значенія срокамъ платежа... даже сами предлагали, если мнѣ нужно, отдалить срокъ на какое мнѣ угодно время... О томъ-же, что при наступленіи срока я могу переписать ихъ, объ этомъ и говорить нечего; въ этомъ случаѣ вы обнадежили меня своимъ честнымъ словомъ. (Хлопонинъ смотритъ съ изумленіемъ.) Да, да!.. (Горячо.) Вы мнѣ это болѣе, чѣмъ общали, вы навязывались съ этимъ.

Хлопонинъ (быстро). Будто-съ?.. Словно-бы вѣтъ, видно запоминать. (Со вздохомъ.) Да оно и немудрено, лѣта наши приближаются къ старости и самъ я...

Градищевъ (вспыхнувъ и перебивая). Довольно, Петръ Авдѣичъ... довольно... Для меня теперь все ясно, все понятно... Будемъ говорить одно дѣло, забудемъ все прежнее...

Хлопонинъ (холодно-спокойно). Я не препятствую-съ... Какъ вамъ будетъ угодно-съ.

Градищевъ. Теперь вижу... вижу, какъ на своей ладони, чего вы хотите. Вы желаете меня разорить, цустить по міру... снять послѣднюю рубашку?

Хлопонинъ. То-есть вотъ на сколько (показывая на палецъ) не имѣю этого желанія... А, конечно, послѣ такого афронта моему сыну...

Градищевъ (перебивая, сухо). Объ этомъ ни слова, Петръ Авдѣичъ, прошу васъ... Подъ условіемъ, что объ этомъ не будетъ рѣчи, я только и рѣшился пріѣхать къ вамъ.

Хлопонинъ. Ладно-съ... Можно и безъ этого-съ. (Играетъ пальцами.)

Градищевъ (послѣ тревожной паузы). Я пріѣхалъ просить васъ переписать векселя на...

Хлопонинъ (перебивая, отрывисто). Не могу-съ.

Градищевъ. Дайте договорить, вы не слышали еще моихъ условій. За отсрочку на четыре мѣсяца я готовъ заплатить вамъ вмѣсто 800,000 цѣлый миліонъ, что сдѣлаетъ 25% на капиталъ.

Хлопонинъ. Напрасно обижаете, Григорій Ивановичъ: грабитель-лемъ не былъ, ростовщичествомъ не занимался сроду.

Градищевъ. Винавать, простите... Вы хотите разорить меня

назаконнѣйшимъ образомъ... (Пауза.) Такъ на этихъ условіяхъ вы исполнить моей просьбы не желаете?

Хлопонинъ. При всемъ моемъ желаніи... не могу, не могу-съ!.. (Злорадно, но тонко.) Знакомство у васъ большое, опять-же родство... вы-бы къ другимъ протчимъ, къ банкирамъ-бы обратились... впереди у васъ концесія... можетъ-бы, какъ и сошлись, а?.. И перехватила-бы на четыре-то мѣсяца. А-хти, хти, хти, хти! (Вздыхаетъ.)

Градищевъ. Хоть не издѣвайтесь, коли не хотите спасти!.. Вы лучше другихъ понимаете, что если банкиры и на высотахъ узнаютъ мое колеблющееся положеніе, новой концесіи мнѣ не видать, какъ своихъ ушей, да и со сдачей гнило-болотной дороги я сяду на мель... Гмъ, да!.. Вотъ я къ вамъ обращаюсь, отсрочьте на четыре мѣсяца и сверхъ 200,000 проц. я предлагаю вамъ 25 паевъ новой концесіи... Угодно?

Хлопонинъ. Покорнѣйше благодарю за ваше внимательное предложеніе... Пошабашиль... Слава-богу, мнѣ съ женой да сыномъ на два вѣка хватить. (Серьезно.) Да и не привыкъ я у другихъ изо рта лакомый кусокъ вырывать... тоже совѣсть есть!.. Я теперича не у дѣлъ, на покоѣ. Пущай другіе капиталы сколачиваютъ, всѣхъ денегъ по Россіи не оберешь въ однѣ руки... Душевно признателенъ за ваше къ себѣ расположеніе-съ.

Градищевъ. Стало быть, напрасно и просить васъ о перепискѣ всѣхъ векселей?

Хлопонинъ. Не могу-съ... Теперь вотъ самому приходится платить на будущей недѣлѣ 300,000. Одна только и есть надежда, что на васъ... (Вздохнувъ.) Не могу-съ!

Градищевъ. Я къ будущей недѣлѣ вамъ представлю 300,000, даже, можетъ быть, 400,000. Продамъ рязанское имѣніе, домъ въ Москвѣ, всѣ брилліанты жены и дочери продамъ за бездѣнокъ... съ себя заложу все... до послѣдняго обручальнаго кольца, но, ради прежней нашей восьмилѣтней дружбы, не губите меня, согласитесь векселя на остальную сумму отсрочить, переписать на четыре мѣсяца. Дайте мнѣ извернуться, передохнуть, не давите меня, прошу васъ.

Хлопонинъ. Не могу-съ... И жаль мнѣ васъ, Григорій Ивановичъ, то-есть вы не повѣрите, отъ полноты всего моего сердца жаль... но, видить Богъ, не могу... Нѣтъ-съ, не могу.

Градищевъ (потрясенный). Умоляю васъ счастьемъ вашей жены, вашего единственнаго сына... О, Боже мой!.. (Встаетъ.) Ну, вы видите, я чуть не плачу... Именемъ Христовымъ заклинаю васъ, пощадите меня, семью мою... Дочь, дочь мою... Спаси насъ въ вашей волѣ... я знаю... вы... (Рыданія душать его; закрывая лицо платкомъ.) О, мой Богъ, мой Богъ!

Хлопонинъ (мягко, какъ-бы тронутый). Григорій Иванычъ, успокойте себя... присядьте... Вѣрьте Богу, я самъ готовъ разревѣться, смотря на васъ... Мнѣ истинно, отъ души васъ жаль. (Береть его осторожно за плечи и сажаетъ.) Успокойтесь, присядьте. Бросимъ всю эту политику, бросимъ. Будемъ говорить по-просту, по душѣ, авось какъ-нибудь и поладимъ... Только одного прошу: выслушайте меня до конца. Хотя и небольшо пріятна вамъ рѣчь моя будетъ, но выслушать вамъ ее надо, потому безъ нея мы бѣдъ набѣдимъ неминучихъ... Только чтобъ выслушать все до конца, безъ фанаберіи и не сердиться. Согласны?

Градищевъ (упавшимъ голосомъ). Говорите, мнѣ теперь все равно. Я, какъ нищій, просилъ у васъ милостыни, пощады... Говорите, я согласенъ, я слушаю.

Хлопонинъ. Рѣчь моя вотъ какая будетъ. Другъ дружку мы знаемъ 8 лѣтъ, побольше фунтика соли съѣли вмѣстѣ. Что вы мнѣ были нужны, что я вамъ—все одно; въ этомъ мы съ вами—квитъ. Я при своихъ капиталахъ—на спокоѣ, и вы у меня теперь въ рукахъ... и то-есть вотъ какъ: толкнулъ я васъ, отнялъ руку помощи—и памяти нѣтъ нашего Григорія Иваныча, не спасутъ васъ ни князи, ни сыны человѣческіе... Протянулъ я вамъ руку, даль передохнуть полгодика—васъ саженью не достанешь, капиталами-то, пожалуй, насъ зашибете, да-а-съ! Послушайте вы меня, бросьте вы свою фанаберію, бросьте. Вѣдь я, батюшка, въ лаптяхъ ходилъ, недѣльный обѣдъ въ пестрядинной ветошкѣ на работу носилъ, нужду знаю вдоль и поперекъ, да и нутро-то людское, этотъ самый духъ сокровенный въ человѣкѣ, всякій его помысль комерческій до тонкости разбираю и понимаю... Будемъ по душѣ, оно цѣлѣе и покойнѣе... Вѣдь и на ровномъ мѣстѣ, какъ ни скачи, выше своего носа не скочишь, а въ комерцею нонѣшнюю, въ трясины залѣзь по самыя уши, такъ тутъ и подавно фордыбачиться нечего, да... Ломаньями въ теперешнемъ нашемъ положеніи ничего не подѣлаешь; надо намъ миромъ кончить.

Градищевъ. То-есть... что вы хотите сказать? Какъ-же это миромъ?

Хлопонинъ. А также-съ: у васъ товаръ, а у насъ купецъ.

Градищевъ (порывисто). Вы опять?.. Что-же, въ самомъ дѣлѣ!.. за кого вы меня считаете, вѣдь...

Хлопонинъ (перебивая). Дано слово не сердиться!.. Я еще не кончилъ... а опять, коли не дослушаете до конца, такую бѣдовую кашу заваримъ, что послѣ и не расхлебашь... Тамъ какъ думаете, какой отвѣтъ дадите—ваша воля, ея никто съ васъ не снималъ; а до конца выслушать надо; мы въ четырехъ стѣнахъ, глазъ съ глазу, отъ разговору васъ не убудеть.

Градищевъ. Говорите... Я даю слово, что дослушаю безъ возраженій... хоть увѣрять, что все это ни къ чему не поведетъ.

Хлопонинъ. Поведетъ къ чему или не поведетъ — ваше дѣло; а я, какъ отецъ моему сыну, считаю для себя въ законъ всѣ резоны вамъ объяснить... Сыномъ Богъ меня наградилъ однимъ; что онъ звѣздъ съ неба не хватаетъ и не мудрецъ какой—это вѣрно, обучень на мѣдныя деньги... А что не фонъ-баронъ онъ какой, не мошенникъ, не картежникъ, не пьяница—это всѣ знаютъ... А взять доброту его сердца и души, такъ по настоящему времени немного такихъ людей найдется... Что образованія этого высокаго, свѣтскаго въ немъ нѣтъ да погой-то онъ шаркать по-модному не умѣетъ, такъ это не бѣда, наука немудреная, придетъ со временемъ, оботрется, навикнетъ... А не научится—и то не горе, да и не полгоря; жены не за одними танцмейстерами, танцунами весело живутъ и въ полномъ счастіи. Да-а-съ! Про вашу дочку говорить нечего: я за ея кротость, доброту и умъ люблю ее и теперь какъ родную. Да что говорить, Леночка—дѣвица достойная во всѣхъ статьяхъ. Въ капиталахъ, Богъ дастъ, мы сравняемся; по одной дорожкѣ 8 лѣтъ шли, теперь оба въ дворянскомъ потомственномъ званіи состоимъ,—чѣмъ-же наши дѣти промежъ собой не пара? Леночка...

Градищевъ. Да поймите вы, если Леля...

Хлопонинъ. Я еще не покончилъ... два словечка еще—и ваша рѣчь пойдетъ... Такъ вотъ остается намъ, какъ благороднымъ родителямъ, для счастія нашихъ возлюбленныхъ дѣтей—ударить по рукамъ да честнымъ пиркомъ и за свадебку... Такъ я тогда не то, что отсрочить векселя, на вѣтеръ готовъ пустить эти 800 т., въ огонь бросить, да своихъ столько-же приложить для счастія своего сына... Онъ у меня одинъ, какъ перстъ въ глазу... съ собой въ могилу не возьму, все ему достанется... Вотъ вамъ мое рѣшительное слово, на чести, на прямки... условіе послѣднее... Какъ теперь хотите, такъ и дѣлайте!

Градищевъ (съ волненіемъ). Вы кончили, да? (Хлопонинъ качаетъ утвердительно и спокойно головой.) Все, что вы говорили, было-бы исполнено, если-бъ... Да что тутъ стѣсняться, я вамъ тоже буду говорить откровенно и... прямо... Если-бъ моя дочь хоть сколько-нибудь симпатизировала вашему сыну, тогда такъ, по этому нѣтъ... Что-жъ, вы хотите, чтобъ я продалъ счастье моей дочери, которая у меня также одна и которую я люблю не менше, чѣмъ вы своего сына? Этого вы ждете отъ меня? Знайте, что я на это не рѣшусь никогда, ни за что. Теперь я съ спору: пользуюсь моимъ безвыходнымъ положеніемъ, вы предлагаете мнѣ такую сдѣлку... это честно, благородно?

Хлопонинъ. Безчестнаго и неблагогороднаго тутъ ничего нѣтъ, ни капли. Мой Сережа любитъ вашу Леночку; она дѣвица умная, узнаетъ его поближе, тоже полюбитъ больше, чѣмъ всякаго шаркуна. Это вѣрно. И заживутъ они въ супружествѣ при этомъ богатствѣ, какъ пара голубковъ. Да дуракъ-бы я былъ и сыну моему первый лиходѣйный ворогъ, кабы, предвидя все его счастье съ Леночкой, такой подходящій случай изъ рукъ выпустилъ, да-съ!

Градищевъ (возмущаясь). Вотъ философія-то! Да поймите вы, наконецъ, что дочь моя видѣть не можетъ вашего сына, не переносить его... ненавидитъ всѣми силами своей души... И вы хотите, чтобъ, зная все это, я ударилъ съ вами по рукамъ, продалъ-бы ее, какъ овцу бессмысленную? Хорошъ-бы я былъ отецъ, нечего связать!

Хлопонинъ. Все это пустое; одни слова да дѣвическія мечтанья. Леночка — дѣвица умная, не за что ей Сережу отъ всѣхъ силъ возненавидѣть... Не повѣрю, да-съ! Въ дѣвкахъ всѣ онѣ на одинъ ладъ, всѣ привередничаютъ, говорятъ, что не милъ, да плачутъ... А если и самъ-дѣлъ въ голову Леночкѣ забралась такая несообразная мечта, и коли вы ее любите и, какъ законный отецъ, желаете ей добраго счастья, такъ маненечко и пригрозить ей не мѣшаетъ, приневолить; послѣ сама-же у отца будетъ руки цѣловать да благодарить за свою судьбу счастливую.

Градищевъ (вставая возмущенный). Довольно, мы другъ друга не поймемъ... Это все, что вы хотѣли сказать?

Хлопонинъ. Все-съ, до послѣдняго словечка. (Закрываетъ глаза.)

Градищевъ. И вы ничего не хотите для меня сдѣлать? Ничего?

Хлопонинъ. Все, но не иначе, какъ по супружеству. (Градищевъ беретъ шляпу и идетъ къ среднимъ дверямъ.) Ой, напрасно не соглашаетесь теперь... Все одно, согласитесь послѣ, только какъ-бы не запоздать!

Градищевъ (круто повертываясь у дверей). Я соглашусь... я? Ни за что... никогда! Я лучше пушу себѣ пулю въ лобъ... разможу себѣ вотъ этотъ черепъ, чѣмъ...

Хлопонинъ (насмѣшливо). Не страшно!.. Слыхали, ха, ха, ха! (Заливается хохотомъ.)

Градищевъ (блѣдный, съ пѣной у рта, дѣлаетъ быстро движеніе впередъ, но удерживается и останавливается. Задыхаясь и сильно.) Кулакъ... барышникъ... хамъ! (Шатаясь, быстро уходитъ.)

Хлопонинъ (одна дверь злобно-насмѣшливо). Не ругайся, придешь... цѣловаться будешь. (Двери налѣво сильно торкаются.) Знаю я васъ, фонъ-бароновъ... Все одна фанаберія да пустая гордость. Присватайся за дочку замѣсто моего Сережи совѣтъ писанный ду-

ракъ какой, только съ графскимъ гербомъ, либо чтобъ вотъ тутъ (указываетъ на плечи и грудь) и тутъ мохнилось да болталось, такъ точно какъ овцу свяжешь свою Леночку веревкой да потащишь подъ вѣнецъ... Экой народъ какой несообразный! (Уходитъ направо.) Вѣдь мужикъ на что-бы умный, а того понять не можетъ, что по настоящему, нонѣшнему времени, по духу этому, въ цѣломъ свѣтѣ (вынувъ бумажникъ) одна сила—вотъ! (Хлопаетъ по бумажнику.) И князья, и графы, и генералы,—всякая власть и законъ въ этой штукѣ содержится — вѣрно! Прид-е-ешь! (За лѣвой дверью страшный крикъ и возня.) Это что еще тамъ? (Хочетъ идти. Двери съ трескомъ отворяются и изъ нихъ вылетаетъ расстрепанный Сережа, съ оборванной полой пиджака, за которую уцѣпилась, съ зспаннымъ и испуганнымъ лицомъ, Хлопонина.)

ЯВЛЕНИЕ X.

Хлопонинъ, Хлопонина и Сережа.

Хлопонина (съ воплемъ). Отецъ помощи, удержи! Топиться бѣжить прямо въ Неву... Господи!

Сережа (вырываясь). „Манька“, пустите!.. Пустите!..

Хлопонинъ (заступая дорогу). Куда, образина? Сію минуту стой, разражу! (Женѣ.) Брось срамника!

Хлопонина (отпуская). Согрѣшили, Господи! (Реветь.)

Сережа (отпущенный матерью, бросается въ ноги отцу съ рыданіями и потомъ, вставая на колѣни). Родитель, папенька!.. Я все слышалъ. Все погибло и прикончилось. Опостыла мнѣ жизнь, я на себя руки наложу... самъ въ себѣ невластенъ. Родитель, коли въ Ташкентъ не позволяете, благословите меня въ скиты бѣжать, въ Афонскую пустыню спастись... прямо на столбъ! (Рыдаетъ.)

Хлопонинъ. Сережка, въ послѣдній разъ тебѣ говорю: брось дурить. Сказано тебѣ: будетъ все по-нашему. Встань сію минуту, встань—пришибу... Ивона звѣрина!

Сережа. Что-жь, убейте, по крайности сладостно будетъ отъ руки родительской смерти принять. (Громко плачетъ.)

Хлопонинъ (плюнувъ). Тьфу, ты идоль. (Женѣ.) Убери ты отъ грѣха его съ глазъ моихъ долой. (Уходитъ направо, хлопнувъ дверью.)

Хлопонина (со слезами). Сереженька, ты мое пробное, радость всесвѣтная!.. Не плачь, все обстанетъ... не труди гла-
зю... Дай-ка я вытру. (Опускается передъ нимъ на колѣни.) **Красота моя!**

Сереза (на колѣняхъ). Закатилаь моя звѣзда блестящая; одно въ жизни несчастной—смерть осталась! „Ма-а-ннька, ман-н-нъа“! (Обнимаетъ шею матери, та его, и оба ревутъ въ два голоса.)

(Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ III.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Григорій Ивановичъ Градищевъ.

Людмила Николаевна Градищева.

Егоръ Григорьевичъ Градищевъ.

Елена Григорьевна Градищева.

Миссъ Уайтъ.

Сергій Петровичъ Хлопонинъ.

Евзель Авраамовичъ Либенталь, банкиръ, еврей, лѣтъ 60. Маленькій, плотневый челоѣкъ съ большимъ брюшкомъ, брюнетъ, въ черномъ, какъ смола, парикѣ, такіе-же крашеные бабенбарды, горбатый носъ, толстыя, сладострастные губы, отвислыя уши, необыкновенно большой ротъ, обнаруживающій при малѣйшей улыбкѣ два ряда блестящихъ вставныхъ зубовъ. Движенія ползучи, ходя семенитъ ногами и шаркаетъ подошвами сапоговъ, которые безъ малѣйшихъ каблуковъ.

Саша.

Василій.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ квартирѣ Градищева.

(Сцена представляетъ гостиную въ домѣ Градищева. Посрединѣ входная дверь, по бокамъ — во внутреннія комнаты. Налѣво три окна, въ среднемъ подоконникѣ мраморный каминъ. Около входной двери ширма съ матовыми стеклами; у лѣвой двери трельяжъ. Патъ, козетки, эсы, диваны, кресла размѣнены въ красивомъ, предумышленномъ безпорядкѣ. Зеркала, картины, бронза, вазы, ковры, жардиньеры съ цвѣтами, лѣнная работа стѣнъ, мебель и вообще вся обстановка, во вкусѣ Людовика XVI, строго выдержана и роскошна.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Градищева, Елена и Жоржъ.

(При открытіи занавѣса Градищева картинно полулежитъ въ козеткѣ справа, Елена сидитъ въ креслѣ слѣва, а Жоржъ крупными шагами ходитъ между ними.)

Жоржъ. Говорить, говорю и всегда буду говорить... да-съ... Что замолчала? (Стаивится передъ Еленой.) Видно, вы правды-то не любите, все-бы васъ по головкѣ гладить да въ любезностяхъ разсыпаться. На словахъ, видите, мы героини, нашъ удѣлъ — под-

виги самопожертвованія... Да, оно и видно! Родной отецъ разоряется, вся семья должна по міру идти, а намъ и горюшка мало, мы распѣваемъ себѣ,—какъ ни въ чемъ не бывало,—итальянскія аріи... Гнусно, безсердечно... *C'est abominable!*.. Я не могу приискать достаточно вѣскаго эпитета... *Cela fait dresser les cheveux sur la tête*... Да-съ! (Ходить.)

Елена. Какъ это сильно... Не прикажешь-ли и мнѣ такъ-же бѣсноваться, какъ бѣснуешься ты, или разливаться рѣками насильно выжатыхъ слезъ?

Жоржъ. Да, да, тысячу разъ да! Слезы-бы доказали, что ты не вотъ это бездушное дерево (бьетъ по столу ладонью), не этотъ холодный, безчувственный мраморъ (ударяетъ рукой о каминь), который можно изломать, разбить въ куски, стереть въ порошокъ, но и тутъ онъ останется такимъ-же камнемъ.

Елена (улыбаясь). Къ несчастію, такая родилась, что не умѣю притворяться, не допускаю ни дѣланныхъ слезъ, ни притворныхъ отчаяній...

Жоржъ. Скажите!.. А кто юни распустилъ, какъ Сережа сдѣлалъ предложеніе, всталъ на колѣни?

Елена. Я испугалась, думала, что онъ пьянъ... Это не больше, какъ нервы.

Жоржъ. Не клевайте на нервы, — ихъ у васъ нѣтъ... а если есть, то не нервы, а желѣзныя проволоки... Да... я съ глубокимъ убѣжденіемъ, смѣло и прямо скажу тебѣ въ глаза: ты пустая фразерка, безчувственная, без...

Градищева (строго). Жоржъ, *finissez!*

Жоржъ. Не могу, это меня возмущаетъ, бѣсить... *Cela me revolté!.. cela me désespère!* (Ходить.)

Градищева. Нечѣмъ возмущаться, не отчего приходитъ въ отчаяніе. (Со вздохомъ.) Что дѣлать, если *Helène* такъ создана, что свои личныя интересы ставить выше счастья всей семьи. Напероразореніе дастъ ей возможность осуществить свои завѣтныя мечты и планы.

Жоржъ (насмѣшливо). Это планы о самостоятельномъ трудѣ, общественной дѣятельности, гражданской свободѣ, о женскомъ *habeas corpus*, ха, ха, ха! Мечты о стриженныхъ волосахъ, синихъ очкахъ, полумужскомъ костюмѣ и повивальномъ искусствѣ, ха, ха, ха! (Садится.)

Елена. На этотъ банальный смѣхъ и пошлыя фразы я отвѣчать не стану, но тебѣ, мама, скажу, что ты меня жестоко оскорбляешь. Я люблю тебя, папа, всѣхъ; для счастья семьи я готова переносить всякія лишенія, терпѣть нужду, бѣдность, но выдти замужъ за Хлопонина, связать себя на всю жизнь съ человѣкомъ

грубымъ, неразвитымъ, который никогда не пойметъ меня... нѣтъ, я не могу... я не въ силахъ... Не требуйте отъ меня невозможнаго!

Градищева. Ah, mon Dieu, ужь не я-ли этого отъ тебя требую?

Жоржъ (вскакивая и перебивая). Pardon, maman, pardon!.. Я началъ, я и кончу... Тебѣ нужно, чтобъ принуждали, да? Развѣ у тебя въ глубинѣ души безъ всякихъ принужденій не шевелится сознаніе, что ты сама должна это сдѣлать, спасти насъ всѣхъ отъ нищенства... что это твой нравственный долгъ, твоя священная обязанность?.. Тебя не пугаютъ бѣдность, лишенія,—по крайней мѣрѣ, ты проповѣдуешь это, обставленная (указывая вокругъ) такимъ великолѣніемъ,—ты готова на трудовую жизнь... Да приготовлена-ли ты къ этому сколько-нибудь? У тебя головка заболить—посылають за десятками докторовъ; маленький туманъ — ты ѣдешь въ каретѣ съ поднятыми стеклами; пришло малодушное желаніе быть во что-бы ни стало на бенефициѣ Патти — кидаютъ 500 рублей, чтобъ ты не надула своихъ хорошенькихъ губокъ; чтобъ ты не скучала, для тебя держать une dame de compagnie, которая стоитъ болѣе двухъ тысячъ въ годъ. (Елена хочетъ перебить.) Постой, постой, твоя рѣчь впереди! Какой-же идиотъ повѣритъ, что ты готова, способна на трудовую жизнь, съ бѣдностью, холодомъ, голодомъ?.. Ты прочитала подложины хорошихъ книжекъ, схватила верхушки этой модной, современной чепухи и думаешь разыграть роль современной героини, принести себя въ жертву химернымъ стремленіямъ—самостоятельнаго женскаго труда... Какъ это, дескать, современно и вмѣстѣ поэтично: начну новую жизнь, трудовую, независимую, буду вотъ въ такой-же роскошной гостиной, на мягкой мебели во вкусѣ Louis XVI, шить pour les pauvres батистовыя сорочки... То-то закричатъ всѣ баронесы Цейдлеръ, графини Крахмальныя, княжны Зубастовы, ха, ха, ха! (Хохочетъ, любясь собой въ зеркало.)

Елена. Съ чего ты берешь, что я заразилась какимъ-то моднымъ ученіемъ, желаю изобразить собой современную героиню?.. Я говорю и повторяю, что не могу и не выйду замужъ за Хлопопина; у меня не хватаетъ силъ на такое самопожертвованіе.

Жоржъ. А батистовыя сорочки pour les pauvres шить у васъ хватаетъ силъ? Да, наконецъ, позвольте васъ спросить, почему, выйдя замужъ за Сережу, вы приносите себя въ жертву чему-то и кому-то?.. Давно-ли вы сами восхищались непосредственностью его натуры, его добротой, честностью, а?.. Чѣмъ-же онъ тебѣ не пара? Что онъ не Прудонъ какой, не Гумбольдтъ, не Викторъ Гюго, то ты этого не смѣешь и искать въ своемъ женихѣ и мужѣ, потому что и сама-то развѣ только затылкомъ похожа на Жоржъ-Зандъ... Нѣтъ, мы-бы съ охотой вышли замужъ за богача Хлопопина, если-бы онъ при этомъ обладалъ рыцарской осанкой конногвардейца, кра-

сивымъ ментивомъ лейбъ-гусара или изощренными манерами, при парижскомъ жаргонѣ, дипломатическаго атташе. Вотъ что намъ больно, вотъ что насъ убиваетъ... (Елена укоризненно качаетъ головой.) Нечего головой-то качать! Тебѣ хочется, чтобъ отецъ исполнилъ свое слово—пустилъ себѣ пулю въ лобъ?.. Онъ это сказалъ, и слово свое сдержитъ... И ты, одна ты, всецѣло будешь виновницей этого несчастья... да! Всю жизнь ты сохранишь за собой названіе отцеубійцы! (Елена улыбается.) И ты можешь еще улыбаться? Это гнусно, мерзко! *je suis hors de hands*... Я внѣ себя... Это, наконецъ, под-д-ло! (Бросается въ кресло.)

Градищева. Жоржъ, *finissez, vous dis-je!*

Елена. Ты напрасно расточаешь свое краснорѣчіе... Можешь быть увѣренъ, что твои рѣзкія выходки и ругательства меня не оскорбляютъ... я только удивляюсь твоей полной безправственности.

Жоржъ (перебивая). Скажите, какая воплощенная непорочность! ха, ха, ха! *Quelle chaste Cécile!* (Взакивая.) И всегда скажу, что...

Градищева (удерживая его рукой). Жоржъ, *ne pouvez-vous pas vous tenir tranquille?* Къ чему портить себѣ кровь? Развѣ слова твои подѣйствуютъ? Точно ты въ первый разъ ее видишь, первый день ее знаешь. (Пожимаетъ плечами.)

Жоржъ. Правда! (Махнувши рукой.) Не мечите бисера передъ... (Ходить въ глубинѣ сцены.)

Елена (направлявшаяся передъ послѣдними словами Градищевой къ боковымъ дверямъ, послѣ отвѣта Жоржа быстро подходитъ къ матери). Мама, другъ мой, неужели и ты раздѣляешь его мнѣніе обо мнѣ? Неужели ты меня считаешь такой гадкой, безсердечной? (Градищева лежитъ на кушеткѣ, закрывъ глаза.) Ты молчишь, мама! (Опускается передъ ней на колѣни.) Послѣдніе дни ты совсѣмъ перемѣнилась ко мнѣ... Эта холодность, сухость, за что-же все это, за что? (Цѣлуетъ руку.)

Градищева (слегка отстраняя и сядясь). Чего ты хочешь отъ меня? Я высказала свои взгляды, свое мнѣніе по этому вопросу... Тебѣ хочется выдумывать какіе-то особые ужасы въ замужествѣ за Хлопонинымъ... Его доброта, его искренность, честность — лучшіе и вѣрнѣйшіе залогомъ вашего взаимнаго счастья въ будущемъ; ты не питаешь къ нему чувства?.. О, это все придетъ. Браки по увлеченію всегда бываютъ несчастны, повѣрь матери... Тебѣ не двѣнадцать лѣтъ, на жизнь надо смотрѣть разумно, практически; одной любовью не проживешь... Пожалуйста не подумай, что все это я говорю изъ боязни бѣдности, разоренія, лишеній... Все это мнѣ знакомо, у меня стаетъ характера и мужества; но твой отецъ? Онъ не перенесетъ своего несчастья, въ разореніи онъ видитъ свой позоръ. Вотъ что меня волнуетъ, тревожитъ... Тебѣ девятнадцать

лѣтъ,—повѣрь, что ни я, ни отецъ не допустимъ и мысли о какомъ-либо принужденіи... Не могу-же я быть весела при такихъ обстоятельствахъ... Что-же остается дѣлать? Терпѣть и покориться своей участи? (Вздыхаетъ.) Voilà, c'est la seule chose, qui me reste à faire!

Елена (съ чувствомъ). Я все готова сдѣлать для счастья папа... Но выйдти замужъ (голосъ ея дрожить), быть женой этого...

Градищева (прерывая сухо и недовольно). Безъ сценъ, пожалуйста безъ сценъ. Все это очень грустно, je suis piqué jusqu'au vif, но сценами не поможешь. (Елена хочетъ поцѣловать руку.) Ахъ, оставь меня.

Елена (вставая). Мама, зачѣмъ-же такая холодность... за что? (Голосъ прерывается, она закрываетъ лицо платкомъ.)

Градищева (раздраженно). Ah, mon Dieu... слезы?! Уволь, ради Бога! Point de larmes; je ne souffrirai pas cela... Point de larmes!

Елена. Нѣтъ, мама!.. что-бы ни было... не могу!.. Никогда, ни за что! (Рыдая убѣгаетъ въ лѣвую дверь.)

ЯВЛЕНИЕ II.

Градищева и Жоржъ.

Жоржъ (указывая на ушедшую Елену). Эге, ге, ге! Что... видѣли? Ужъ слезы начались. (Весело.) Я вамъ говорилъ, что вы одной своей холодностью ничего не подѣлаете; пилить надо хорошенько—вотъ и подается, согласится. Ей хоть 19 лѣтъ, но она всеѣмъ ребенокъ, изъ нея можно при умѣнши сдѣлать все, что угодно. Ваша тактика недурна — холодность, равнодушіе, безучастіе; но для такой природы этого мало: нужно пилить, огорошить сразу крѣпкимъ словомъ, сказать, что она поступаетъ безчестно, гнусно, подло... да все это съ экспресіей, съ огнемъ, чтобъ ее прохватило, вотъ и потекутъ слезы.

Градищева. Слезы у Hélène, мой другъ, ничего не значать... Помнишь, когда ей было всего 15 лѣтъ и когда она не захотѣла быть въ пансіонѣ, также плакала и нѣжничала, а кончила тѣмъ, что убѣжала изъ пансіона. Съ ней надо осторожнѣе обращаться... она способна и въ 19 лѣтъ скандалъ сдѣлать.

Жоржъ. Это такъ; но замѣтно подается... Развѣ четыре дня назадъ то было?.. Я ея натуру знаю: повѣрьте, уступить, только вы ее хорошенько холодомъ, холодомъ, морозомъ обдавайте, а я ее, съ другой стороны, пи-лить, пи-л-лить, пи-л-л-лить!.. А какъ я говориль-то, мама, а? Хоть сейчасъ на трибуну, въ окружный судъ. И

силогизмы разные, и софизмы, метафоры, гиперболы, сориты, всю риторикау Каменскаго въ ходъ пустить... Вотъ, погодите, кончу курсъ, пушусь въ адвокатуру, лопатой буду деньги загребать.

Градищева. Не рано-ли задумалъ, прежде кончи курсъ... Смотри, чтобъ и съ университетомъ того-же не было, что съ школой правовѣденія,—попросить удалиться.

Жоржъ. Ахъ, что школа! Привилегированное, закрытое заведеніе. Тамъ одна форма, буква, а въ университетѣ ширь мысли, служеніе идеѣ... Нѣтъ, ты вообрази меня на трибунѣ. Защищаю я этакаго какого-нибудь богача, сектанта, „благаго голубя“, или десяти-пудового купчину, миліонера, безобразника, убившаго подъ пьяную руку свою любовницу... Съ моей наружностью, съ моимъ органомъ, съ моими манерами. (Позируется.) Встану такъ: пенснэ на носъ, лѣвую ногу небрежно назадъ, правую руку за жилетъ, другой облокочусь на пюпитръ, на лицѣ мина глубокаго сознанія своей силы и убѣжденія въ правотѣ кліента, окину орлинымъ взоромъ публику и начну: *messieurs et mesdames!* Тьфу! (Плюетъ.) То-есть господа присяжные, господа судьи! Великая Екатерина почти столѣтіе назадъ изрекла мудрое слово: лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго... и пойду... и пойду! Въ залѣ сдержанный говоръ, шопоть, восторги и удивленія... Это дѣлаетъ мнѣ иллюзію... Я вхожу въ ударъ, голосъ мой то замираетъ, то звучитъ, какъ побѣдная труба; прокуроръ зельнѣетъ отъ злобы; въ публикѣ слышно, какъ пролетитъ муха... Я оканчиваю, опускаюсь утомленный на стулъ, отираю лобъ батистовымъ платкомъ... Прокуроръ отказывается еще разъ возражать; рѣчь произвела фуроръ: дамы устремляютъ на меня бинюкли, улыбаются, простая публика указываетъ на меня пальцами, по залѣ переливается одно слово: Градищевъ, Градищевъ, Градищевъ... Вдругъ гробовое молчаніе: вышли по совѣщаніи присяжные. Нѣтъ, не виновень!.. Зала дрожить отъ рукоплесканій; слышится браво, браво, простонародье кричитъ: ура; прокуроръ отъ злобы на глазахъ всѣхъ сѣдѣетъ; предсѣдатель звонитъ, но его никто не слышитъ; публика приходитъ въ ражъ; оправданный со слезами умиленія падаетъ ко мнѣ въ ноги... конечно, я его поднимаю, веду съ собой, раскланиваюсь въ коридорѣ съ аплодирующими мнѣ слушателями, выхожу въ сопровожденіи ихъ на подъѣздъ, сажусь на своего тысячнаго рысака, вслѣдъ мнѣ гремятъ: браво, ура!.. *C'est joli, а, мама?* Но главное то, ампиширую за часовую защиту тысченокъ двадцать, *c'est bon...* Жаль, *sacre nom!*.. что у насъ не принято вклеивать въ защитительную рѣчь этикихъ пикантныхъ фразъ; досадно, а ужъ я-бы щегольнулъ. Вѣдь если я остаюсь въ университетѣ, такъ единственно изъ угожденія отцу...

Мнѣ для уголовной судебной практики университетъ ничего не можетъ дать... Для этого необходимо не знаніе законовъ, нѣтъ, а развитой, гибкій, острый, изворотливый умъ, логика, находчивость, звучный, задушевный голосъ, даръ слова и представительная наружность. (Любуясь собой въ зеркало.) А я, кажется, всѣмъ этимъ въ избыткѣ надѣленъ природой... Не будь папа, я давно-бы уже сдѣлалъ себѣ адвокатское имя... А прогос, что папа сегодня, какъ? По-прежнему, лучше готовъ пулю въ лобъ, чѣмъ принять какія-нибудь мѣры противъ упорства нашей идеалистики, а?

Градищева. Все, какъ прежде.

Жоржъ. Понять не могу. Умный человѣкъ, современный практикъ—и такіе дикіе взгляды на жизнь и людей... Держится какихъ-то рыцарскихъ, средневѣковыхъ принциповъ: любовь, честь, вѣра... Вотъ Хлопонинъ молодець, люблю... Безъ шума, безъ грома, безъ треску, втихомолку поставилъ капканъ, крахъ! Тутъ... есть... пойма... съ оннка... Молодець!

Градищева. Жоржъ, что ты говоришь?.. Это отвратительно... это, это... *cela est vilain!*

Жоржъ. Нисколько не подло! Напротивъ, это умъ, смысла сметка, знаніе современной жизни, ловкость, да!

Градищева. Давно-ли ты возмущался предложеніемъ Сережи, выгнать, какъ ты выражаешься, его въ шею, а теперь...

Жоржъ. Да, я его выгнать въ шею, потому что не звалъ, что мы въ лапахъ у его батюшки... Знаю я это, дѣло-бы повернулось иначе... Современная мудрость, *chère maman*, заключается именно въ томъ, чтобъ умѣть, не роняя своего достоинства, а главное своихъ матеріальныхъ интересовъ, согласовать свои убѣжденія съ обстоятельствами; иначе говоря, современный человѣкъ, желающій хорошо и *manger*, и *boire*, и *aimer*, обязанъ не имѣть никакихъ убѣждений. *Voilà une excellente idée*, отличная мысль! Современный философъ—отсутствіе убѣждений, мудрецъ безъ убѣждений, ха, ха, ха! *C'est joli*, а?

Градищева (пожимая плечами). Да, ты далеко пойдешь, Жоржъ!

Жоржъ. О, безъ всякаго сомнѣнія, *rien ne plus probable!* За себя я не боюсь, знаю, что не пропаду, сдѣлаю карьеру, сознаю свои силы. Срывай цвѣты наслажденія всякими путями, бей сорку и ворону, добьешься до яснаго сокола,—вотъ современный девизъ, и я ему вѣренъ до послѣдней капли крови... Для чего я хлопочу, чтобъ заставить Елену выйти за Сережу? Единственно для отца; онъ не перенесетъ этого удара, онъ слишкомъ уже пожилъ, чтобъ начинать вновь карьеру, у него утеряна энергія... Про тебя, напримѣръ, я не говорю ни слова, ты способна перенести всякое несчастье, всякое испытаніе... *Parole!*

Градищева. Вѣрю, вѣрю!.. не противорѣчу.

Жоржъ. *C'est sûre!*.. Для тебя ничего не значать бѣдность, лишения, даже голодъ и холодъ. Ты не наша современная свѣтская барыня съ тиками, мигренями, нервами. Нѣтъ, ты олицетвореніе въ настоящемъ римской матроны... Да-а! У тебя желѣзное здоровье, закаленный характеръ, стальная воля. Я слышалъ, какъ ты предлагала отцу свои брилліанты... Развѣ это не подвигъ! (Градищева улыбается.) Напрасно ты улыбаешься. Я говорю серьезно. *C'est un fait!* Да, это фактъ, на который неспособны наши свѣтскія барыни. Предлагаетъ сама... сама!.. Я изумился, онѣмѣлъ. Наконецъ, взгляни на себя въ зеркало, кто скажетъ, что тебѣ подь сорокъ?

Градищева. *Nélas!* Даже болѣе сорока!

Жоржъ. Вотъ видишь. А тебѣ по виду нельзя дать болѣе двадцати восьми... Честное слово!.. По временамъ ты даже удивляешь меня своей красотой и свѣжестью... Сегодня... сегодня, напримѣръ,—эта свѣжесть, нѣжность, матовая прозрачность кожи, этотъ тончайшій румянецъ... двадцать три, двадцать пять лѣтъ — не болѣе... Да ты не только въ матери *Helène* не годишься, ты молода для ея старшей сестры. (Градищева хохочетъ.) *Pas vrai?* Скажешь неправда? *Je m'en étonne, parole!*

Градищева (самодовольно-мягко). Ахъ, благѣрь!.. *Vous êtes bien à blâmer.* Вѣдь я понимаю, къ чему ты все это говоришь, вижу тебя *à la lettre*, насквозь!

Жоржъ (позируясь). Ну, подержимъ пари, что не знаешь, *raisons!*

Градищева. Обыкновенная исторія—деньги понадобились, да?

Жоржъ (бросаясь къ ней и цѣлуя руки). Умница, сокровище, ненаглядная мама! Но можно-ли тебя не любить, не обожать? Каждое затаенное чувство, каждую современную мысль ты угадываешь своимъ чуткимъ, женскимъ сердцемъ. (Цѣлуетъ руки.)

Градищева (приглаживая волосы его). *Assez, blagueur, que vous êtes...* Довольно... Много не дамъ, да и нѣтъ... Говори — сколько?

Жоржъ (съ дѣтской миной, комично). Пятьдесятъ рубликовъ, ма-муся, только пятьдесятъ.

Градищева. Ну, это еще можно! (Благодушно.) Поди въ будуаръ: на письменномъ столѣ, подь черепаховымъ бюваромъ, брошены три двадцати-пяти-рублевыхъ бумажки... Двѣ изъ нихъ можешь взять; смотри-же—двѣ.

Жоржъ (цѣлуя руки). *Merçi, merçi*, дорогая... Вотъ это дѣйствительно мать. А за *Helène* не безпокойся, слоимъ. Ты—холоду, а у меня—пилка; все устроится, все устроится. *Merçi*, лечу. (Идетъ направо.)

Градищева (вслѣдъ ему). Смотри, третьей не брать, — разсержусь.

Жоржъ (возвращаясь). Матап, за кого-жь ты меня принимаешь? я сказалъ: двѣ. (Цѣлуетъ руку.) Ma parole! (Комично кланяется и напѣваетъ, удаляясь въ дверь направо.) Ma parole d'honneur, ma parole d'honneur, ma parole, ma parole. (Скрывается.)

Градищева (вздыхнувъ). Ахъ, дѣти, дѣти!.. А онъ долженъ имѣть большой успѣхъ и въ свѣтѣ, и у насъ, женщинъ. (Идетъ направо и, взглянувъ въ зеркало, останавливается.) Этотъ gamin правъ. Кто повѣритъ, что мнѣ сорокъ, что у меня дочь невѣста?.. Неужели эта свадьба не устроится? Намъ придется жить чуть не въ нищетѣ; положимъ, у меня останутся бриліанты, денегъ тысячь тридцать, но все это дымъ, какія-нибудь три тысячи въ годъ—это ужасно... Онъ долженъ взять мѣры противъ ея упорства, нечего разыгрывать роль рыцаря, нѣжнаго отца. И все вѣдь притворство, одно притворство. А какъ она отравляетъ мнѣ жизнь, парализируетъ всякую иллюзію! Куда я-бы ни показалась съ ней, только и слышишь: что за прелесть ваша дочь, какъ граціозна, какъ симпатична... Неужели ей девятнадцать лѣтъ? какъ моложава! видно, что вся въ васъ. Fi!

ЯВЛЕНІЕ III.

Градищева, Саша и Жоржъ.

Градищева (замѣтивъ вышедшую изъ лѣвыхъ дверей Сашу). Что нужно?

Саша. Миссъ Уайтъ просятъ васъ пожаловать въ барышнину комнату. Съ Еленой Григорьевной дурно-съ.

Градищева. Что такое?

Саша. Дурнота приключилась. На фортопянахъ съ профессоромъ играли, только урока не кончили, пришли къ себѣ и плачутъ, жалуются, что головка болитъ. Плачутъ.

Градищева. Хорошо, я иду. (Идетъ и останавливается.) Да, я забыла; сегодня балъ у Цейдлеръ; осмотри мои кружева - брюссель, если нужно выправить—снеси въ магазинъ. (Идетъ.)

Саша. Слушаю-съ. (Градищева уходитъ въ лѣвую дверь.) Что это у насъ въ домѣ дѣлается—и ума не приложу... Барышня второй разъ на день сегодня плачетъ... И безъ того тоска такая, что взяла-бы да утопилась... Эта плачетъ, а предатель-то мой и глазомъ на меня не посмотритъ, ходитъ да пѣсенки посвистываетъ... На несчастье я его полюбила, на одно горе да на позоръ. Въ по-

недѣльникъ поцѣловаль, да вотъ пятый день отворачивается; заговорила-было это, такъ зыкнулъ: всякъ, молю, сверчокъ знай свой шестокъ!.. Погубители! (Плачетъ.) А ужъ знаю, что все его разстроиваетъ эта рыжая Барба... Третьяго дня сама видѣла—бдуть вмѣстѣ по Морской въ коляскѣ: шляпка на макушкѣ, волосища рыжіе, сама набѣлена, а губы словно кровью обмазаны. Ужъ только бы мнѣ узнать, гдѣ эта разлучница живетъ, такъ-бы вотъ пошла, горло перекусила, на мѣстѣ-бы убила... А имъ что: они господа, такъ и есть господа вполне. (Смотрится въ зеркало.) Вонъ подъ глазами-то круги пошли, словно три ночи сподрядъ за шитьемъ просидѣла... Правда, видно, пословица-то говорить: сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ. (За правыми дверями слышится пѣніе Жоржа.) Вонъ поетъ. Сдѣлать разѣ скандалъ?.. (Идетъ-было къ правымъ дверямъ, но останавливается.) Нѣтъ, не могу... Хотъ и предатель, а люблю! (Машетъ рѣшительно рукой, отерши слезы.) Эхъ, дѣвка, завей горе веревкой! (Убѣгаетъ въ среднія двери.)

Жоржъ (выходя на аванъ-сцену изъ правыхъ дверей съ асигнаціями). А я и третью четвертную того... (Щелкаетъ языкомъ и показываетъ, какъ прячуть потихоньку.) Вотъ всѣ три. (Вынимаетъ бумажникъ и прячетъ.) Сжалился, ей-богу! Лежатъ три портрета подъ бюваромъ мирно, молча, счастливо. Взялъ двухъ—остался одинъ; посмотрѣлъ я на него,—хмурый такой сталъ, печальный. Тронулся я, не разрознилъ компании и его прихватилъ... Мама у меня добрая, простить. (Надѣваетъ перчатки.) И такъ, сегодня завтрааемъ у Огюста... Сколько-же? Camille, Cécile, Susanne, Veronique et Vierge; мужчины: Анатолий Года, баронъ Пессель-Бодэ, графъ Крахмальный, Жанъ Паляхинскій и Жоржъ Градищевъ, итого: десять ртовъ. Какъ ни жмись, а сѣреньбую оставить придется... Хорошо, что еще третій портретикъ захватилъ! Однако пора! (Напѣваетъ.)

Buvons, Victor, buvons, Adèle,
La verité sorte du tonneau... (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Градищева, Василій и Либенгаль.

Градищева (выходя изъ лѣвыхъ дверей). Что все это значить? C'est incroyable!.. Такая странная ажитация! Понять не могу. Въ одно и то-же время и плачетъ, и смѣется, цѣлуетъ руки и говорить чуть не дерзости. Но какое странное упорство... Тутъ не одно отвращеніе къ Сережѣ... Не влюблена-ли она? (Пожимаетъ пу-

говку звонка.) Но я не замѣчала, чтобъ она кого-нибудь отличала своимъ вниманіемъ. Баронъ Пессель-Боденъ, графъ Крахмальный?.. Но она надъ ними смѣется... Voilà que me surprend!.. Я рада, однако, что на нее дѣйствуютъ моя холодность и пилка Жоржа. Все равно, она должна выдти за Хлопонина, такъ или иначе, если мужъ не достанетъ денегъ. (Взошедшему Василию.) Никого изъ профессоровъ не принимать. Елена Григорьевна братъ сегодня уроковъ не будетъ, а когда придетъ Осиповъ, просите его ко мнѣ. Передайте все это швейцару, да не перепутайте по обыкновенію. Слышите?

Василій. Слушаю-съ.

Градищева. Да прикажите поскорѣй заложить ландо; какъ будетъ готово, доложите барышнѣ; чтобъ выѣздной былъ готовъ въ парадной ливреѣ, онъ поѣдетъ съ Еленой Григорьевной... Только скорѣй прикажите заложить. Можете идти.

Василій. Слушаю-съ. (Уходитъ.)

Градищева. Какъ надоѣли мнѣ всѣ эти тревоги, волненія... Все принимаетъ у насъ какой-то печальный видъ, точно въ домѣ безнадежно больной... Hélène представляется то угнетенной, то торжествующей. Уайтъ точно мумія безгласная сдѣлалась, только и видишь отъ нея одни реверансы; прислуга ходить на цыпочкахъ; Саша моя мрачная, печальная, а какъ мужъ мнѣ дѣлается ненавистенъ съ рисовкой своей честностью, рыцарствомъ!.. Вѣчно лицемеріе, двоедушіе, комедія. Какая тоска, какая скука! Нѣтъ, конечно, сегодня я вынужу признаніе, во что-бы то ни стало.

Василій (входя). Господинъ Либенталь, прикажете принять?

Градищева. Ко мнѣ?

Василій. Такъ точно-съ. Приказали доложить вамъ.

Градищева. Просите. (Слуга уходитъ.) Либенталь?! Либенталь?! Неужели это тотъ жидъ, мой одесскій обожатель, который, чтобъ жениться на мнѣ, хотѣлъ принять христіанство?.. Потомъ, лѣтъ десять тому назадъ, когда я была замужемъ, преслѣдовалъ меня своимъ ухаживаньями по Европѣ?.. Сатиръ! Ему, я думаю, теперь подъ шестьдесятъ. (Поправляетъ платье и садится на диванъ въ кокетливой позѣ, любуясь собой въ зеркало.) Увидимъ, много-ли я измѣнилась въ десять лѣтъ.

Либенталь (въ модномъ, шикарномъ фракѣ, очень открытомъ жилетѣ и со шляпой. Изъ-подъ лѣваго лацкана фрака виднѣется иностранная звѣзда, а въ петличкѣ разноцвѣтная орденская бутоньерка. На груди сорочки, среди буффъ и складокъ, блестятъ три бриллиантовыхъ запонки. Лѣвая рука въ свѣтлой перчаткѣ, на безымянномъ пальцѣ правой — большой солитеръ. Вошедши, останавливается въ комичной позѣ). Не узнали, а?.. Десять года назадъ вспомнить!.. Венеція, лагуна... Тихи лѣтніи вечеръ, катаемъ

я въ гандоли на лагуна. Такъ свѣтилъ люна... Тамъ палацъ дожъ... ту Dom des heiliches Markus... гиллюминація... вашъ другъ сиди за вами ряда овъ гандоли... Ви плеснулъ ему вода на лицо. Хи, хи, хи! Не узнаваль, Людмила Николавна? старики, завсѣмъ старики стали, хи, хи, хи!

Градищева. Евзель Абрамычъ, вы?.. Неужели? (Протягиваетъ ему руку.) Не ошибаюсь, да?

Либенталь (цѣлуя руку). Не ошибли, не ошибли... Ай, вей, вей... не узнавали мене... завсѣмъ старики стали. Забыль мене... А помнитъ Одесса, Венеція... ужинъ на зама воздухъ, шампански... овъ гандоли ряда... Ця-ця-ця!.. Забываль?

Градищева. Какъ можно забыть! Такихъ минутъ немного въ жизни бываетъ, ихъ не скоро забываетъ... Садитесь, прошу васъ... Рассказывайте-же, изъ какихъ сторонъ, давно-ли въ Петербургѣ, на долго-ли?

Либенталь (садясь). Двоухъ мѣсяци. Приѣзжалъ въ Петербургъ съ Берлинъ... открываль здѣсь банкирски конторъ... Завсѣмъ... овъ десять года завсѣмъ я стары стали, а? Скажите мене.

Градищева. Полноте, какой вы старикъ... Вы еще совсѣмъ молодецъ. Два мѣсяца здѣсь—и не заглянуть ко мнѣ! Развѣ такъ старые друзья дѣлають?

Либенталь. Я давно бывали на ви, но не знали... Овъ четвертъ я видали ви овъ антре опера, спросили знакоми: кто ви есть? Мене сказалъ: мадаме Градищевъ. Одесски? Не знай. Какъ ви зовуть? Людмила Николавна, сказалъ.

Градищева (перебивая). Вотъ видите, какъ я измѣнилась въ десять лѣтъ, что даже вы меня не узнали. (Коветливо.) Видно, я очень постарѣла и подурнѣла!

Либенталь. Яй-яй-яй, ви нисколько не подурнѣль, я ви чичасъ, чичасъ узналь. О, я васъ не забыли!.. никогда, hingegen! А ви хороша, лючи, лючи стали овъ десять года, яй-яй-яй, какъ лючи, ach, grosser Gott!

Градищева. Ужъ куда лучше, у меня дочери скоро семнадцать лѣтъ, сынъ студентъ, совсѣмъ старуха стала.

Либенталь. Завсѣмъ неправда. Ви какъ прежде красива; лючи, лючи! О, я ви всегда помни! (Цѣлуетъ руку.) Всегда!

Градищева. А не забыли, какъ въ Одессѣ вздумали принять ютеранство, чтобъ жениться на мнѣ, какъ васъ увезли силой за раницу, а?

Либенталь. Никогда! Hingegen!.. Я о вся жизнь не забыли. я овъ сердци помни усе, усе. Частливы время! (Вздыхаетъ.)

Градищева. Вы не женились-ли, Евзель Абрамовичъ?

Либенталь. Не думаль. (Вздыхаетъ.) Овъ Одесса ви одна

раза не умѣли женить, овъ други раза не хотѣла. (Съ чувствомъ.) Ахъ, вей-вей! Я овъ сердца помни усе, усе. (Опускаеть печально голову.)

Градищева (удерживая улыбку, въ сторону). Онъ, кажется, до сихъ поръ сгараеть страстью ко мнѣ. (Вслухъ.) Ну, скажите, какъ вы поживаете, здоровы-ли ваши батюшка и матушка?

Либенталь. Мамуни умираль овъ Берлинѣ трети годъ—холера; татуни умираль два года овъ Берлинѣ—холера.

Градищева. Стало быть, вы теперь совершенно одни? Это грустно!

Либенталь (закатывая глаза). Ахъ, вей, я одна теперь... Тонте живеть за мной... старухъ завсѣмъ. Я сиротъ, вей!

Градищева. О состояніи я васъ не спрашиваю, у васъ и прежде былъ миліонъ. Судя по этимъ регалиямъ (указываетъ), вамъ хорошо живется.

Либенталь (поправляя бутоньерку). Это иностранни. Германски и австріяски. А это (отвертываетъ лацканъ фрака и показывая звѣзду) звѣзда—турецки.

Градищева. Какая красивая форма! Очень мило. Да она съ бриліантами, и хорошей воды.

Либенталь. Это я зами ставили. А вотъ (снимаетъ съ пальца солитеръ) любуйте! Das ist ein Kleinod... ein Wunder... озснадцать тысячи рублей. (Подаетъ.)

Градищева (разсматривая). Voici une chose admirable!.. Чудо, что такое, какая вода, прелесть! (Отдаетъ ему.)

Либенталь (надѣвая). Антыкъ... ein Kleinod... настоящи антыкъ! Озснадцать тысячи рублей платили... У мене много драгоценна камни есть. Есть чорна перли, фай-фай-фай! Зовершенна чорна, завсѣмъ чорна... антыкъ!

Градищева. Вы гдѣ остановились, Евзель Абрамовичъ?.. Въ отелѣ или на квартирѣ?

Либенталь. Pfiu! Зачѣмъ готели?.. Зачѣмъ квартиръ? Я оставился овъ свой домъ... Берить моя карта. (Подаетъ карточку.)

Градищева (взглянувъ). Такъ это вашъ новый, такъ роскошно отдѣланный домъ?.. Я надняхъ проѣзжала по набережной и любовалась имъ. Ну, теперь, значить, вы совсѣмъ нашъ, петербургскій. Не забывайте-же насъ, хоть вы (Кокетливо.) охъ, охъ какой опасный человекъ... Будемъ по-прежнему друзьями, да? (Протягиваетъ руку.)

Либенталь (цѣлуя съ жаромъ нѣсколько разъ). О, я всегда рада... Я чичасъ такъ счастливъ... такъ частливъ! О, schöne Frau!.. о...

Градищева (отнимая руку). Мужу будетъ очень пріятно познакомиться съ вами. Вамъ, вѣроятно, извѣстны его дѣла, его огром-

ныя предпріятія? Да вы его, вѣроятно, встрѣчали въ мірѣ банкировъ гдѣ-нибудь, да?

Либенталь. О, я немножки видали другъ други у банкиръ Брейкъ. Я вчирѣ узнавали, что онъ на ви мужъ.

Градищева. Вотъ видите... Теперь у мужа сдача гнило-болотной дороги,—знаете сколько хлопотъ, волненій...

Либенталь (перебивая). О, о!.. Я знаю усе. (Съ экспресіей.) Усе я знай, усе!

Градищева (перебивая). Что такое все? Что вы хотите сказать?

Либенталь. Я пріѣзжалъ на ви за это дѣло.

Градищева. Я, право, ничего не смыслю въ дѣлахъ, вы обратитесь къ мужу.

Либенталь (таинственно). Тутъ усе овиситъ ви. Одна ви... ви одна.

Градищева. Все зависитъ отъ меня? (Смотритъ изумленно.)

Либенталь. Я знаю усе, усе! Вашъ мужъ исвантъ у банкиръ овосемьсотъ тысячи. Ай, вей-вей, so viel geld!.. Овъ середа нужно платитъ г. Хлопонинъ. Банкиръ всѣ отказаль... Брейкъ обѣцаль. Овъ шарлатанъ, на его конторъ нѣтъ столько денегъ. На Брейкъ читать нельзя, онъ будетъ обмануть... Брейкъ шарлатанъ-зидъ, завсѣмъ зидъ... Одинъ могу дѣлать—я... Хотитъ? Я могу измогать ваша мужю черезъ ви... Я знаю усе.

Градищева. Это очень мило съ вашей стороны, Евзель Абрамовичъ. Черезъ четыре-пять мѣсяцевъ мужъ получить новую концесію, сдать эту дорогу, тогда у него будетъ свободныхъ денегъ не одинъ миліонъ и, конечно, ваши деньги выплатятся съ хорошими процентами. Я вамъ очень благодарна. (Протягиваетъ руку.)

Либенталь (цѣлуя). О, я такъ радъ помогать ви, я такъ чистливъ чичась. Я давно ви... давно...

Градищева (отнимаетъ руку). Но позвольте... Вы сказали, что все зависитъ отъ меня. Какую-же я роль буду играть въ вашихъ условіяхъ?

Либенталь. Узловіи? Мой узлови сами благородна. Другой банкиръ беретъ четыре-пять процента овъ мѣсяци и участи въ концесси. Я взяла три съ половина процента... Ach, grosser Gott!.. Завсѣмъ для ви взяла два съ половина процента. Завтра я могла взять съ ваши мужа вексели и давать деньги... но, schöne frau (Нѣжно.), тутъ усе овиситъ ви.

Градищева. Все зависитъ отъ меня? Что-же это все?

Либенталь. О, усе, усе — одна ви... ви одна! (Осматривается.)
Ми будемъ кончили за ваши мужа на дви проценти. На дви!..

Только для ви... Я такъ давно... завсѣмъ... Въ Одесса я хотѣли женить... Италиі я такъ ѣжали... я... ви... (Теряется.)

Градищева. Я не понимаю, что вы хотите отъ меня?

Либенталь (тихо и страстно). О-о, meine schöne frau!.. Вы приѣдите овъ десять часовъ на мой домъ... Ми будемъ одна... Ви знайтъ, я васъ сегда, когда ви биваль фрейлинъ... овъ Италиа.. и чичась... я васъ завсѣмъ любви... ви приѣдите одна. (Хочетъ поцѣловать.)

Градищева (вставая). Довольно! (Нѣсколько разъ прижимаетъ пуговку звонка; вбѣжавшему слугѣ.) Василій! вы дурно исполняете ваши обязанности и все путаете. Этотъ господинъ (указываетъ на вставшаго, изумленнаго Либенталья) не туда попать. Онъ ошибся и улицей, и домомъ, и квартирой. Покажите ему выходъ, чтобъ онъ опять не заблудился. (Слуга теряется.)

Либенталь (осматриваясь). Was ist? Что хотить?.. Ву-усъ?

Градищева (слугѣ строго). Что я вамъ приказываю?

Василій. Ваше превосходительство (указывая на дверь и предлагая жестомъ выйти), пожалуйста вонъ!

Либенталь (злбно взглянувъ). So-o... а, so-o!.. Es soll dir über bekommen! (Быстро уходитъ въ сопровожденіи слуги.)

Градищева (одна). Ваше превосходительство, болванъ!.. Нѣтъ, какова наглость, какова дерзость! Развалина, мумія, жидъ! Но какъ скоро разнеслась вѣсть о нашемъ бѣдственномъ положеніи... всѣ знаютъ, что мужъ на концѣ банкротства. Неужели онъ не достанетъ денегъ? Неужели намъ не удастся сломить Елену?.. Одно спасенье—этотъ жидъ. (Съ отвращеніемъ.) Ходячій трупъ, живой мертвецъ... бр-рр! (Беретъ со стола визитную карточку Либенталья.) Однако, спрятать его адресъ... Можетъ быть... Нѣтъ, никогда, ни за что на свѣтѣ. (Кладетъ въ карманъ.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Градищева, Елена, Уайтъ, Градищевъ и Василій.

Градищева (увидя выходящихъ изъ лѣвыхъ дверей Елену и Уайтъ въ шляпкахъ и перчаткахъ). Куда это спѣшите, еще лошади не готовы.

Елена. Мнѣ хочется сначала пройтись пѣшкомъ по Морской и по Невскому. Погода прекрасная, на Невскомъ насъ кучеръ догонитъ и мы тогда поѣдемъ кататься.

Градищева. Все это очень хорошо, но извольте взять съ собой

человѣка. Я не желаю, чтобы вы однѣ, какъ мѣщанки какія-нибудь, ходили по Невскому безъ провожатаго.

Уайтъ. O, yes. Let us do that. Oui, matame!

Елена. Я не понимаю смысла въ этомъ смѣшномъ хожденіи по пятамъ... Точно тѣнь въ ливреѣ.

Градищева (строго). Но, понимаешь, я этого желаю.

Уайтъ. Yes!.. шеловѣкъ лючи... Oui, matam!

Елена. Впрочемъ, если тебѣ такъ хочется, пусть ходитъ за нами.

Градищева. Ну-да. Мнѣ такъ хочется.

Елена (пожавъ плечами). Странный тонъ! (Быстро.) Allons-nous, miss! (Идетъ къ среднимъ дверимъ, но, замѣтивъ идущаго въ залъ отца, отходить направо и слѣдить за нимъ.)

Уайтъ (дѣлая реверансъ). Au revoir, matame!

Градищева. Au revoir, ma chère.

(Изъ среднихъ дверей входитъ Градищевъ, мрачный, осунувшійся; онъ тихо, съ опущенной головой, не замѣчая дочери, проходитъ на аван-сцену, налѣво, и, молча, опускается въ кресло.)

Елена. Какъ онъ задумчивъ, печалень... Какъ онъ измѣнился! (Дѣлаетъ порывистое движеніе впередъ и останавливается.) Папа!

Градищевъ (обернувшись). А, это ты, мой другъ? Что тебѣ угодно?

Елена (съ волненіемъ). Ты такъ... я... (Осиливъ себя.) Мы ѣдемъ кататься, гулять... До свиданія!

Градищевъ. Отлично... Погода чудесная!

Елена (въ сторону). Я не могу его видѣть такимъ. (Подбѣгаетъ, обнимаетъ его шею, цѣлуетъ.) Добрый мой, милый... Добрый папа! (Быстро, чуть не бѣгомъ, уходитъ въ переднюю дверь.)

Уайтъ (дѣлая реверансъ). Au revoir, monsieur!

Градищевъ. Au revoir. (Уайтъ уходитъ.) Что такое съ Лелей, а?.. Какая-то странная ажитация, порывы... а? (Градищева молчитъ.) Ужь вѣрно Жоржъ сказалъ что-нибудь рѣзкое, оскорбительное? (Градищева молчитъ.) Или, можетъ быть, ты какъ-нибудь неловко...

Градищева. Ты окончательно голову потерялъ... что я, не мать ей?

Градищевъ. Прости меня, Миля, я собственно говорю о Жоржѣ. Онъ пыловъ, увлекается... неразборчивъ въ выраженіяхъ... Вѣрно, онъ съ нею говорилъ... да?

Градищева (холодно). Да.

Градищевъ (оживленно, съ любопытствомъ). Это интересно. Что-жь... что онъ говорилъ?

Градищева. Онъ доказывалъ, что въ выходѣ замужъ за Сережу нѣтъ ничего страннаго, что онъ добрый, честный, любитъ ее,

что угловатость его пройдет, лишь онъ будетъ вращаться въ нашемъ кругу. Наконецъ, что ея долгъ спасти всю семью отъ разореша.

Градищевъ (вставая и ходя). Да... въ этомъ есть доля правды... да, онъ правъ!.. Ну, а сна, она что... Не подается?

Градищева (съ ироніей). Вся въ тебя: говорить — лучше умереть, чѣмъ...

Градищевъ. Да, да... конечно... Все по-прежнему? (Останавливается передъ женой.) Ни малѣйшей переменъ, а? (Жена молчитъ, смотря на него въ упоръ. Снова ходитъ и снова останавливается.) Ну, ты, Миля, ты не говорила ей этакъ стороной... тонкимъ намекомъ?

Градищева. Что-жъ я стану ей говорить? Je suis de votre avis... Я раздѣляю въ этомъ случаѣ твое мнѣніе, и, по-моему, Сережа ей не пара...

Градищевъ (заминая). Нѣтъ, по праву матери... друга... я думалъ, что ты обсудишь этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ... Покажешь ей и лицевую, и обратную сторону медали... Посовѣтуешь.

Градищева. Тебѣ, какъ отцу, котораго она боготворитъ, вѣрить каждому слову, гораздо удобнѣе это сдѣлать. (Иронически.) Право, посовѣтуй.

Градищевъ. Никогда, ни за что... Я одинъ разъ сказала, что я лучше пулю пуцу себѣ въ лобъ, чѣмъ рѣшусь принудить свою дочь. Пхе! (Ходить.)

Градищева (какъ-бы наивно). Кто говорить о принужденіи... Говорять о дружескомъ совѣтѣ... Посовѣтуй!

Градищевъ (сильно). Не могу я совѣтовать противъ своихъ убѣжденій... Я уважаю вездѣ свободу дѣйствій и врагъ всякаго насидія. Пусть кто хочеть принуждаетъ... то-есть я хотѣлъ сказать — даетъ совѣты, но я самъ... я, отецъ... никогда, ни за что!

Градищева. Да! мы желаемъ загребать жаръ чужими руками, чтобъ впослѣдствіи свалить всю вину на другихъ... и самому остаться въ ореолѣ благороднаго отца, ха, ха, ха!

Градищевъ. Что ты хочешь сказать?

Градищева. Довольно фразъ... Эта рисовка и лицемѣріе мнѣ противны... Скажи мнѣ, есть какая-нибудь надежда заплатить деньги черезъ Брейка? Говори, пожалуйста, безъ фразъ и ходуль.

Градищевъ. Брейкъ придумалъ еще какую-то комбинацію. Вчера и сегодня цѣлое утро рыщеть по банкирамъ и капиталистамъ. Сейчасъ отправляюсь къ нему... Но боюсь, что эти хлопоты его дадутъ одну соломенку утопающему. (Смотритъ на часы.) Да, пора онъ долженъ вернуться. (Хочетъ идти.)

Градищева. Постой!.. Стало быть, если Брейкъ не устроитъ, что-жъ тогда?

Градищевъ. Тогда банкротство, позоръ, нищенство!

Градищева. Стало быть, если свадьба не состоится, Hélène не пойдетъ за Хлопонина,—спасенія нѣтъ?

Градищевъ. О, если-бъ Леля сама заявила готовность идти за него!

Градищева (коварно). И ты не дашь ей дружескаго совѣта?

Градищевъ. Никогда, ни за что... хоть я знаю, что другого выхода изъ этого положенія нѣтъ и найти его нельзя...

Градищева. У меня есть... я найду. Ты можешь дать два-три процента въ мѣсяцъ?

Градищевъ. Не три, а пять... восемь...

Градищева (перебывая). Мнѣ нужно только три. Поѣзжай къ Брейку за отвѣтомъ.

Слуга (входя). Господинъ Осиповъ.

Градищева. Просите. (Василій уходитъ.)

Градищевъ. Миля, другъ мой! Ты меня радуешь и пугаешь. Что это за выходъ?

Градищева. Теперь ты отъ меня не узнаешь. Поѣзжай къ Брейку за отвѣтомъ.

Градищевъ. Но что ты задумала?.. Ради Бога, ты не рискни на что-нибудь такое, что можетъ бросить позорное пятно на наше имя, на...

Градищева (нетерпѣливо прерывая). Ахъ, поѣдешь ты наконецъ?

Градищевъ. Ъду, ъду... Надо еще въ кабинетъ захватить бумаги... Миля, лучше бѣдность, лучше... (Градищева отворачивается.) Ъду, ъду, не сердись! (Уходитъ въ дверь направо.)

Градищева. Увижу стойкость твоихъ честныхъ убѣждений... Выведу на чистую воду... Что это за жизнь? Кругомъ гнусное лицемеріе, ложь, рисовка, двоедушіе... Надо кончить, я не могу дольше жить такъ... Одинъ онъ... а!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Градищева, Осиповъ и Елена.

Осиповъ (входя). Мое почтеніе, Людмила Николаевна.

Градищева (протягивая руку). Здравствуйте, мой другъ. Hélène не совсѣмъ здорова, сильный мигрень. Я выпроводила ее кататься,—урока, конечно, сегодня не будетъ; вотъ я и похищаю у васъ этотъ часъ для бесѣды со мной. Вы недовольны этимъ, вы сердитесь на меня?

Осиповъ. Нисколько; напротивъ, я очень радъ отдохнуть въ (сѣдѣ съ вами.

Градищева. Ну, смотрите, не раскайтесь. (Встаетъ.) Перейдемъ туда, въ мой любимый уголокъ. (Переходитъ направо.) Садитесь сюда, поближе. (Садится на диванъ. Осиповъ противъ нея на креслѣ.) Ну-съ, надумались-ли вы, берете-ли предлагаемое вамъ мѣсто?

Осиповъ. Обдумалъ окончательно ваше предложеніе и рѣшительно говорю вамъ, что мѣста этого не беру.

Градищева (какъ-бы обидясь). Очень жаль, что мои хлопоты пропали попусту. Очень досадно, что не умѣла вамъ услужить.

Осиповъ. Ради Бога, Людмила Николаевна, не обидьтесь. Я глубоко цѣню ваше вниманіе. Я не знаю, чѣмъ и когда мнѣ удастся заплатить за все, что вы для меня сдѣлали. Безъ вашихъ рекомендацій, безъ вашей поддержки мнѣ пришлось-бы заглохнуть въ провинціальной глуши, посвящая россійское юношество въ изученіе тонкостей разныхъ герундій, супинумъ и подобной классической мудрости... Судьба мнѣ послала васъ!

Градищева. Полноте, вы захвалили меня совѣтъ... что за особенная заслуга, что я рекомендовала васъ въ нѣсколько домовъ нашего кружка! Это сдѣлала-бы на моемъ мѣстѣ всякая порядочная женщина.

Осиповъ. Совершенно вѣрно. Къ несчастію, въ той средѣ, гдѣ вы вращаетесь, въ лицѣ вашемъ я встрѣтилъ единственную женщину, которая способна дѣлать и дѣлаетъ добро тихо, безъ рисовки, безъ всякихъ заднихъ мыслей и эгоистическихъ расчетовъ. Нѣтъ, Людмила Николаевна, что-бы впереди ни случилось, я всегда съ глубокой признательностью вспомню васъ. Вамъ я обязанъ всей моею будущностью, достиженіемъ моихъ завѣтныхъ плановъ.

Градищева (перебивая). Ну, будетъ, будетъ... Кончите вашъ панегирикъ... Не забывайте, что мы друзья, а между друзьями что за счеты. Вѣдь мы друзья, да? (Протягиваетъ ему руку.)

Осиповъ. О, да!.. Я самый преданный, искренній вашъ другъ! (Цѣлуетъ руку.)

Градищева. Да, да!.. Въ нашемъ обществѣ такъ мало прямодушныхъ, искреннихъ людей, съ которыми-бы можно сойтись, отдохнуть отъ всей нашей пустоты и фальши!.. Больше года мы съ вами знакомы, я знаю всю вашу біографію; мнѣ извѣстно, чего вамъ стоило изъ сына уѣзднаго писца обратиться въ образованнаго человѣка, который не сегодня — завтра получить университетскую кафедру. Скажите, — это не будетъ нескромный вопросъ... вы узнаете скоро, что я дѣлаю вамъ его не изъ простого любопыт-

ства. Я вижу все... я не ошибаюсь. Я хочу... наконецъ, я должна это знать... Скажите, отвѣтите мнѣ: любили вы кого-нибудь?

Осиповъ (потерянно). Да... то-есть нѣтъ... Такъ любить, какъ я теперь люб...

Градищева (быстро). Такъ вы любите?

Осиповъ. То-есть... я хотѣлъ сказать: любить сознательно, такъ, какъ я способенъ полюбить теперь,—я не любилъ. Конечно, были порывы молодой крови, увлеченія, чувственные порывы, но сознательной любви, разумнаго чувства... Людмила Николаевна, перемѣните разговоръ.

Градищева. Нѣтъ, нѣтъ!.. Я вамъ говорю... Я хочу... я должна знать... договаривайте. (Смотря ему пристально въ глаза.) Такъ вы теперь никого не любите, ни-ко-го?

Осиповъ (волнуясь). Я?.. Такъ... нѣтъ... да! (Вставая.) Нѣтъ, я не могу отвѣчать, нѣтъ... въ другой разъ... У меня есть дѣла, мнѣ пора домой... До свиданія! (Протягиваетъ руку.)

Градищева (держа руку). Такъ вы никого не любите, да? Отвѣтите вы мнѣ?

Осиповъ. Нѣтъ, не могу, не отвѣчу... Позвольте!

Градищева (удерживая). Нѣтъ, стойте, садьте. (Сажаетъ его почти силой. Повелительно.) Садьте-же... Мнѣ нужно вамъ сказать... (Осиповъ смотритъ на нее въ упоръ.) Не смотрите на меня такъ... Не смотрите мнѣ въ глаза, я потеряю такъ рѣшимость... Прошу васъ, отвернитесь...

Осиповъ (недоумѣвая). Что съ вами, что съ вами?

Градищева. Слушайте... я долго колебалась, цѣлый годъ не рѣшалась сказать вамъ... но дальше у меня не достаетъ силъ... Но я требую отъ васъ честнаго отвѣта; говорите безъ лжи, отвѣчайте прямо... Я должна вамъ признаться, я... я... (Едва внятно, съ ажитацией.) я васъ люблю... я тебя люблю.

Осиповъ. Какъ?.. Что вы сказали?.. Какъ! (Смотритъ изумленно.)

Градищева (страстно и сильно). Да я теперь въ вашихъ рукахъ... Мнѣ стыдно смотрѣть въ глаза... Но я не могу... не могла долбе, всё равно, рано-ли, поздно-ли, я должна была признаться. Я повторяю (Изъ среднихъ дверей показывается Елена въ шляпкѣ.), я люблю тебя страстно... люблю безумно... Дѣлай со мной что хочешь! (Смотритъ ему въ глаза.)

Елена (удерживая крикъ). Ахъ!.. Боже!.. (Пробѣгаетъ налѣво.)

Осиповъ (послѣ паузы, растерянно). Вотъ причина... Да.. понимаю!.. (Оправясь.) Людмила Николаевна... я долженъ вамъ сказать, что я васъ не люб...

Градищева (вскакивая съ жестомъ). Не договаривайте, не договаривайте... Я не ослышалась, вы сказали...

Осиповъ. Я люблю вашу дочь, Елену Григорьевну.

Градищева. Вы!.. дочь? Helène?.. Да-а! (Опускается на диванъ и закрываетъ лицо руками.)

Осиповъ. Я не хотѣлъ говорить... вы вырвали признаніе... Я сказалъ вамъ правду: я люблю вашу дочь и она раздѣляетъ мое чувство.

Градищева (истерически хохочетъ). Ха, ха, ха!.. Хорошо, а? ха, ха, ха! Я отлично сыграла свою роль... ха, ха, ха! (Падаетъ на спинку дивана и продолжаетъ хохотать.)

Осиповъ. Съ вами дурно? Я спрошу... принесу воды... позвоню?

Градищева. Не надо, не надо... ха, ха, ха! (Удерживаетъ его за руку и, осиливъ себя, жметъ руку.) Вы честный человѣкъ, Николай Алексѣевичъ... Я испытывала васъ... теперь я увѣрилась, что вы расположены къ Helène истинно, искренно... Простите мнѣ эту комедію, которую я разыграла изъ любви къ дочери... Теперь я за счастье ея не боюсь... Съ этой минуты я вашъ истинный другъ, ваша вторая мать, которая для счастья дѣтей не пожалѣетъ самой себя... Мужъ будетъ противъ этого брака—храните пока нашъ разговоръ въ секретѣ. Я узнала то, что хотѣла; я счастлива теперь... Я говорю, какъ любящая мать: рука Helène—ваша. (Протягиваетъ руку.) Идите-же съ Богомъ!

Осиповъ (цѣлуя руку). Такъ это было испытаніе, желаніе вывѣдать... О, я не ошибся въ васъ... благодарю, благодарю.

Градищева (посмотрѣвъ ему въ глаза, порывисто обнимаетъ его шею, страстно цѣлуетъ и отскакиваетъ отъ него). Прощайте, идите... (Осиповъ останавливается, изумленный. Повелительно.) Идите-же.... Уходите, наконецъ. (Осиповъ уходитъ. Одна.) Униженіе, срамъ, позоръ! Сказать женщинѣ: я васъ не люблю, когда она первая призналась, не солгать, не промолчать—значитъ презирать, уничтожить, убить... И кто-жь соперница?—родная дочь... Теперь понятно ея упорство: наше разореніе дастъ ей возможность выйти за Осипова... Этого не будетъ, не будетъ... Я рѣшусь на все, и спасу наше состояніе... да!.. Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? (Ходить, размышляя.) Простить, забыть, любоваться ихъ счастьемъ? Все можно простить, но этого... Мнѣ остается мстить, мстить имъ обоимъ... Но гдѣ взять силы, гдѣ силы?.. Вѣдь я все-таки... его люблю, люблю. (Закрываетъ лицо руками и убѣгаетъ направо.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Елена и Саша.

Елена (выйдя изъ лѣвыхъ дверей и тревожно осмотрѣвшись). Разошлись... Ушли оба... Никого нѣтъ! (Говоря въ лѣвую дверь.) Войди, войди, Саша... Никого въ гостиной нѣтъ! (Вошедшей Сашѣ.) Вотъ возьми-же письмо. (Подаетъ.) Не потеряй, спрячь къ себѣ на грудь. (Саша прячетъ.) Неси къ нему сію минуту, сію секунду. Только, ради Бога, чтобъ не увидѣли... не остановили тебя... не отняли-бы письма:

Саша. Ужь будьте покойны, барышня... Обдѣлаю все въ лучшемъ видѣ. Никто и знать не будетъ, не только...

Елена. Ну, скорѣй-же, Саша, ступай скорѣй! Мама, пожалуй, тебя хватится... не задержали-бы.

Саша. Да не бойтесь, барышня... Коли запозднююсь, не бѣда: маменька меня въ магазинъ насчетъ кружевъ послала... скажу, что въ мастерской была... вотъ и вся недолга, а то...

Елена (перебивая съ нетерпѣніемъ). Ахъ, Саша, иди... иди-же!

Саша. Бѣгу, бѣгу! (Бѣжитъ къ среднимъ дверямъ и возвращается.) А ну, барышня, какъ его дома-то не застану... письма не оставлять?

Елена. Боже мой! Пошли тамъ кого-нибудь за нимъ, дождись, разумнай, гдѣ онъ... Какъ все это устроить, тамъ увидишь... Только ему самому въ руки отдай... непременно самому. (Обнимаетъ ее и цѣлуетъ.) Саша, я тебя какъ сестру родную прошу, устрой это...

Саша (цѣлуетъ руку). Матушка, барышня, красавица вы наѣла, что вы это... Да для этакаго ангела добраго, какъ вы, я на ножи готова идти, не то что... Ужь будьте увѣрены, обдѣлаю все. Вы-то только успокойте себя, ангель нашъ! (Цѣлуетъ руки.)

Елена. Иди-же, Саша, иди!

Саша. Бѣгу, барышня, бѣгу! (Уходитъ въ среднюю дверь.)

Елена (задумавшись, медленно сходить на аван-сцену). Какой-то мракъ, точно все кругомъ въ туманѣ... Пусто, тяжело! (Нервно двигаетъ головой.) Ахъ, какъ горло давить... Плакать не надо... объ комъ, объ чемъ?.. Все рѣшено, все кончено... возврата нѣтъ. (Держится за грудь.) Ахъ, какъ больно, какъ тяжело въ груди! (Опускается въ кресло слѣва и задумывается.) Проповѣдникъ правды, свободы!.. Она сказала ему: „тебя люблю...“ Они давно другъ друга любятъ, а мнѣ еще третьяго дня говорилъ, увѣрялъ... Да, давно!.. Ахъ, какъ жметъ! (Берется рукой за горло.) Давно-ли, недавно... развѣ не все равно? Они любятъ—и довольно!.. Не надо

объ этомъ думать... Рѣшено, кончено... Отчего это я не плачу?.. Поплакать-бы, легче-бы было... „Я люблю тебя страстно... безумно, дѣлай со мной все, что хочешь...“ Да! (Смотритъ печально, неподвижно вдаль, устремаясь глазами въ одну точку.)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Елена, Градищевъ и Градищева.

Градищева (выходя изъ правыхъ дверей). Онѣ возвратились. (Осмотрѣвшись и замѣтя дочь.) Нелѣне! (Та не отзывается. Громко.) Нелѣне!

Елена (быстро вскочивъ, вскрикиваетъ). Ахъ, ахъ!

Градищева (направляясь къ ней). Что съ тобой, ма сѣге?..

Елена (съ ужасомъ). Не подходите, не подходите!.. Ахъ! (Съ неудержимыми рыданіями убѣгаетъ налѣво.)

Градищева. Что это значить? (Съ злой улыбкой.) А, понимаю,—она подслушала наше объясненіе. (Садится на диванъ.) Все равно теперъ... Если ты не будешь за Хлопонинымъ, то никогда не выйдешь за Осипова... чего-бы мнѣ это ни стоило.

Градищевъ (входя). Все рухнуло, все пропало... Никакой надежды... Брейку не удался заемъ; онъ мнѣ отказалъ наотрѣзъ... Бѣдная семья, несчастная Нелѣне! (Садится, закрывая лицо руками.)

Градищева. Объ Нелѣне не безпокойся... Она нашла свое счастье; ей даже помогло наше разореніе.

Градищевъ. Что еще такое, что случилось?

Градищева. Передъ самымъ твоимъ приходомъ Осиповъ просилъ у меня руки Нелѣне, которая раздѣляетъ его чувство и не прочь выдти за него замужъ.

Градищевъ (вскакивая). Еще новое оскорбленіе!.. Не достаешь только, чтобъ какой-нибудь пѣвецъ или актеръ явился претендентомъ на руку моей дочери! И ты выслушала до конца его предложеніе, не приказала человѣку выбросить его вонъ?..

Градищева. Что-жъ такое? Онъ не чета Хлопонину, онъ развитой человѣкъ, впереди у него профессорская кафедра, извѣстность...

Градищевъ. Не убивай ты меня въ конецъ... Учителишка, сынъ писаря какого-то уѣзднаго суда, дрянь, пустой фразеръ—и осмѣливается думать... Еще за Хлопонинымъ есть какое-нибудь право... его миліоны—это сила! А этотъ разночинецъ бѣгаетъ по руб-

левымъ урокамъ... Господи, да за что-же всё эти униженія разомъ посыпались на меня? Неужели ты сказала объ этомъ Лелѣ?

Градищева (иронически). Нѣтъ, я хотѣла прежде посоветоваться съ тобой, узнать твое мнѣнiе.

Градищевъ. И прекрасно! Вонъ его! нахаль, либералъ!.. Чтобъ никогда не осмѣливался переступить порогъ нашъ; я распоряджусь, чтобъ его болѣе не принимали. Лелѣ ради Бога ни слова... А ты, Миля, пошли этой дряннi за мѣсяць жалованье съ отказомъ. Какова дерзость, какова самонадѣянность!

Градищева. Хорошо, пошлю. А право-бы не мѣшало прежде спросить Helène: можетъ быть, ея непремѣнное желанiе выдти за Осипова?

Градищевъ. Да я-то этого не хочу... не допущу... не позво... То-есть, я увѣренъ, что Леля не захочетъ убить отца... Прекратимъ разговоръ... объ этомъ не можетъ быть и рѣчи!.. (Ходить.) Ты имѣла въ виду какой-то планъ, хотѣла указать, найти средство, спасти насъ отъ разоренiя... а, Миля?

Градищева. Я шутила, чтобъ ободрить тебя. (Смотритъ злобно.)

Градищевъ. Да, только?! (Съ отчаянiемъ.) Что дѣлать, куда сунуться, къ кому обратиться?.. Всѣ пути, всѣ средства испробованы!

Градищева. Послушайся меня, поговори съ Helène, образумь ее, дай ей отеческiй совѣтъ относительно замужества съ Хлопонинымъ.

Градищевъ. Не могу, не могу... Это подло, безчестно... Я всегда былъ и останусь честнымъ человѣкомъ, да! (Ходить.)

Градищева. Это твое послѣднее, рѣшительное слово? (Молчанiе.) Да отвѣчай-же, безъ комедiй, не двоедушничай, не рисуйся!

Градищевъ (вспыхнувъ). Ну-да, рѣшительное и послѣднее. Эхъ, лучше не говорить! (Хочетъ уйти.)

Градищева. Погоди уходить. Видно, мнѣ приходится всѣхъ выручать. (Вынимаетъ изъ кармана карточку Либенталя и бросаетъ на столъ.) Ты знаешь этого господина?

Градищевъ (взявъ карточку и посмотрѣвъ). Либенталь? Да, немало... Это жидъ, богатъ! недавно открылъ здѣсь банкирскую контору... Какъ попала къ тебѣ его карточка?

Градищева. Очень просто... Помнишь ты того моего обожателя-жидка въ Одессѣ, который хотѣлъ принять христіанство, чтобъ жениться на мнѣ?

Градищевъ. Какъ-же, помню. (Любопытно.) Ну, и что-жь?

Градищева. Этотъ влюбленный и есть банкиръ Либенталь; онъ былъ у меня сегодня съ визитомъ и заявилъ готовность ссудить тебя нужной суммой денегъ за два, за три процента въ мѣсяць.

Градищевъ. Миля, другъ мой!.. Неужели?.. Ты не шутишь?

Градищева. Нисколько.

Градищевъ. Вотъ благодѣтель!.. ты наша общая спасительница!

Градищева (прерывая). Умѣрь свои восторги... Жидь этогъ готовъ дать деньги подъ условіемъ, чтобъ сегодня вечеромъ для окончательныхъ переговоровъ я пріѣхала къ нему...

Градищевъ (прерывая). Миля, поѣзжай... поѣзжай! спаси насъ!

Градищева. Да ты слышаль-ли? Поняль-ли? Вдумайся: чтобъ я пріѣхала къ нему... вечеромъ... одна... (Молчаніе. Градищевъ опускаетъ глаза въ землю.) Теперь я тебя спрашиваю: ѣхать мнѣ или не ѣхать? (Градищевъ молчитъ.) Я тебя спрашиваю?.. Что-же ты молчишь?.. Ну, отвѣчай-же: да или нѣтъ?.. ѣхать?

Градищевъ. Я не понимаю... я... (Запинается.)

Градищева. Не прикидывайся простачкомъ, непонимающимъ... Я требую категорическаго отвѣта... ѣхать или нѣтъ? (Градищевъ молчитъ.) Ты молчишь?.. Га-а! Приготовьте всѣ нужные документы—я сегодня вечеромъ ѣду... Но мы другъ другу—чужіе.

Градищевъ. Миля! другъ мой!

Градищева. Taisez-vous!.. Лицемеръ, фразеръ, гнусный...

Градищевъ. Пойми, Миля... (Хочетъ говорить.)

Градищева. Молчите!.. все рѣшено... Молчите... Идутъ!

Градищевъ. О, мой Богъ... мой Богъ! (Опускается въ кресло, Градищева полуложится направо на диванъ. Изъ лѣвыхъ дверей выходятъ Елена и Уайтъ.)

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Прежніе, Елена, Уайтъ и Жоржъ.

Елена (съ поддѣльной веселостью). А, ты уже пріѣхалъ, папа? Какъ мы отлично катались... погода прелестная! Да полно хмуриться, улыбнись!.. Взгляни веселѣе!.. Я такъ давно не видала твоей улыбки... Милый папа! (Цѣлуетъ его и садится рядомъ.)

Градищевъ (тоже цѣлуя и лаская). Хорошая моя!.. дорогая моя, бѣдная ты моя!.. Что у тебя такъ красны глаза, а?

Елена. Вѣроятно, отъ того, что долго была на воздухѣ и очень скоро ѣздили противъ вѣтра... Мы съ миссъ Уайтъ отлично провагались... Вѣдь отличная прогулка, правда, миссъ?

Уайтъ. О, yes... Прогульки карошъ... О, it is very pleasant walk! Садится влѣво на серединѣ сцены и начинаетъ читать.)

Елена. Какого аппетита набралась... Какъ хочется ѣсть!

Градищевъ. За чѣмъ-же дѣло стало, прикажи подать. (Хочетъ встать.) Вотъ я отдамъ распоряженіе метр-д'отелю.

Елена (удерживая его). Не надо, не надо!.. Не смѣй вставать... не долго до обѣда... Будемъ всё вмѣстѣ за столомъ... Милый мой, милый папа! (Цѣлуетъ.)

Градищева (въ сторону). Она вся въ него... Лицемеръ! (Жоржъ входитъ.)

Елена (увидя Жоржа). А вотъ и Жоржъ... Ты, вѣрно, тоже проголодался и хочешь ѣсть, а?

Жоржъ (поцѣловавъ отца въ щеку и мать въ руку, садится рядомъ съ послѣдней). Вѣдь это только ты можешь думать объ обѣдахъ да распѣвать арии... когда...

Градищевъ (перебивая строго). Довольно... безъ коментарій и совѣтовъ... Гдѣ это побывалъ?

Жоржъ (недовольно). Гдѣ-жь быть—въ университетѣ.

Градищевъ. Оно и слышно!.. Видно, нынче у васъ принято въ университетѣ на лекціяхъ студентовъ шампанскимъ угощать... или, для дешевины, просто—водкой? Отъ тебя такъ и разить.

Жоржъ. Да-а! Это я заѣзжалъ съ товарищемъ къ Осетрову, съѣли по десятку устрицъ да роспили пол-бутылки шабли. Нельзя было отказать: сегодня день ангела товарища, такъ онъ пригласилъ... (Качаетъ ногой.)

Градищевъ. Да? Гмъ! А какъ зовутъ твоего товарища?

Жоржъ. Его, товарища? (Взглянувъ на сапогъ.) Сапоговъ.

Градищевъ. Нѣтъ, имя-то, имя-то?

Жоржъ. Имя?.. Василій, Вася.

Градищевъ. Принеси-ка изъ кабинета календарь, посмотримъ въ святцахъ, есть-ли сегодня какого-нибудь Василія! Припеси.

Жоржъ (ломааясь и недовольно). Это странно, наконецъ!

Градищевъ (вспыльчиво). Это что за тонъ?! Принести сейчасъ, я тебѣ приказываю... Ты забылся!

Елена. Папа, папа!.. Раздражаться, сердиться?.. не смѣй! (Цѣлуетъ его и зажимаетъ ротъ рукой.) Не сердись на Жоржа!

Жоржъ (тихо и быстро матери). Она согласилась? (Та качаетъ головой отрицательно. Громко Еленѣ.) Прошу безъ заступничества! (Вставая, отцу.) Я могъ опибиться!.. Сапоговъ могъ праздновать день своего рожденія. (Переходитъ на лѣво.) Дѣйствительно, такъ, точно... Да, я вспомнилъ теперь,—онъ праздновалъ день своего рожденія. А принести календарь мнѣ не трудно... Я принесу, изволь. (Хочетъ идти.)

Градищевъ (съ укоризной). Не надо ужъ, не надо!.. Не трудись ходить—лишнее... Нечего сказать, хорошъ молодець... очень хорошъ! (Жоржъ садится на аван-сценѣ, слѣва.)

ЯВЛЕНИЕ X.

Прежніе, Слуга и Сережа Хлопонинъ.

Василій (быстро войдя). Сергѣй Петровичъ Хлопонинъ.

Вѣстѣ. { Градищевъ (вскакивая). Какъ?! Что?! Какъ онъ смѣлъ?
Жоржъ (тоже вставая). Что это значитъ?
Градищева (приподнявшись на диванѣ). Est-il possible?!
Уайтъ (привставши съ книгой въ рукѣ). Is it possible?!

Елена (блѣдная, вставши, твердо). Просите! (Градищевъ хочетъ возразить.) Послѣ, папа. (Слугѣ настойчиво.) Я вамъ приказываю— просите! (Слуга уходитъ.) Сергѣй Петровичъ явился по моему приглашенію: я писала къ нему письмо, просила пріѣхать. (Въ среднихъ дверяхъ показывается Сережа и останавливается въ нерѣшимости войти.) Я вамъ писала, Сергѣй Петровичъ, что я согласна быть вашей женой, теперь подтверждаю это въ присутствіи всѣхъ родныхъ,—я выхожу за васъ замужъ. (Протягиваетъ руку.) Я ваша!

Сережа (бросившись къ ней, цѣлуетъ нѣсколько разъ руку). Елена Григорьевна... Земное божество... райскій ангель... богиня!

(Общее изумленіе. Картина: посреди аван-сцены стоятъ Елена, блѣдная и неподвижная какъ статуя, нѣсколько отвернувши лицо свое отъ Сережи, который держитъ ея правую руку обѣими руками съ выраженіемъ чувственнаго восторга. Справа около Елены стоитъ Градищевъ, мрачный, опушта голову на грудь и держась рукой за спинку кресла, а на диванѣ, полу-лежа въ кокетливой позѣ, Градищева съ ядовитой улыбкой лорнируетъ жениха и невѣсту. Слѣва: Жоржъ съ пенсисъ на носу, самодовольно закинувъ голову назадъ, потираетъ руки; вся фигура и фізіономія его передаютъ его мысль, какъ-бы говоря: „каковъ я—сломилъ“. Далѣе влѣво, нѣсколько въ глубинѣ сцены, Уайтъ, поднявши руку съ книгой вверхъ, выражаетъ полнѣйшее недоумѣніе, напоминая всей своей сухой и длинной фигурой некрасивый и наскоро написанный знакъ вопроса. Пауза въ двѣ-три секунды.)

Занавѣсъ до половины опускается медленно, а потомъ падаетъ стремительно.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Григорій Ивановичъ Градищевъ.

Людмила Николаевна.

Егоръ Григорьевичъ.

Петръ Авдѣичъ Хлопонинъ.

Аграфена Кирилловна.

Сергѣй Петровичъ.

Николай Алексѣевичъ Осиповъ.

Шаферъ Сергѣя Петровича.

Гости обоего пола.

Официанты.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ Хлопонина.

(Сцена представляетъ роскошный зимній садъ. Задняя занавѣсъ изображаетъ стеклянную стѣну, черезъ которую виднѣсь бальный, залитый свѣтомъ, богатый залъ. Тропическія растенія: бананы, пальмы, фикусы, мирты, муза и пр. сгруппированы такъ, что начиная отъ арки до самой аван-сцены образуется широкая аллея съ развѣтвляющимися отъ нея направо и налево дорожками; какъ самая аллея, такъ и дорожки окаймлены газонами и рошпинскимъ камнемъ. Въ куртлинахъ много цвѣтовъ: розъ, камелій, азалий. Наверху, черезъ висящія растенія, проглядываетъ стеклянный потолокъ, поддерживаемый изящными чугунными колонами, обвитыми цѣпкой, вьющейся зеленью. Въ алее ближе къ аван-сценѣ красивый фонтанъ, окруженный экзотическими растеніями и цвѣтами. На аван-сценѣ, подъ тѣнью широколиственныхъ деревьевъ, направо и налево по красивой садовой скамейкѣ; противъ скамьи налево круглый столъ, на правой скамейкѣ вышитая гарусомъ подушка; отъ скамей за первыя кулисы идутъ дорожки. Нѣсколько статуй; садъ освѣщенъ лампами въ матовыхъ колпакахъ, укрѣпленныхъ на колонахъ, и разноцвѣтными стеклянными шарами, размѣщенными среди зелени.)

ЯВЛЕНИЕ I.

Градищевъ и Хлопонинъ.

(При поднятїи занавѣсы садъ полонъ гуляющими гостями. Въ толпѣ видно нѣсколько военныхъ въ мундирахъ, купцовъ во фракахъ, съ медалями и орденами на шеяхъ, генераловъ со звѣздами и лентами... Дамы въ бальныхъ платьяхъ, со множествомъ брилліантовъ; мужчины въ бѣлыхъ галстукахъ; фонтанъ бьетъ; среди гуляющихъ проходятъ официанты въ черныхъ фракахъ, чулкахъ и башмакахъ и разносятъ на подносахъ прохладительныя. Черезъ нѣсколько секундъ оркестръ играетъ въ залѣ вальсъ, публика проходитъ въ залъ черезъ арку и боковыми дорожками.)

Градищевъ (выходя подъ руку съ Хлопонинымъ изъ-за первой правой кулисы). Просто волшебный замокъ какой-то! Великолѣпіе, чудо! (Осматривается.) И фонтанъ... Очаровательно!

Хлопонинъ (указывая). Тамъ вонъ большія клѣтки понадѣланы, живутъ разные попугаи, какады, райскія птицы... а здѣсь въ углу—тоже садокъ—бѣлки живутъ... Уморительно, какъ онѣ орѣхи грызутъ... угодно взглянуть?

Градищевъ. Неможно устать; отдохнете. Здѣсь отлично присѣсть... точно въ настоящемъ саду, а?

Хлопонинъ. Присядемъ-съ. (Садятся налѣво на скамьѣ.)

Градищевъ. Однако здѣсь отъ фонтана свѣжо... Не простудитъ-ся-бы?

Хлопонинъ. А мы сейчасъ его уйдемъ. (Подходитъ и поворачиваетъ ключъ; фонтанъ перестаетъ бить.) Вотъ и дѣлу конецъ! (Садится рядомъ.)

Градищевъ. Смотря на эту роскошь и великолѣпіе, я понять не могу, какимъ образомъ, когда вы успѣли отдѣлать этотъ домъ? Вѣдь свадьбу, по требованію Леди, мы свернули въ одну недѣлю. (Весело.) По щучьему велѣнью, что-ли, а?

Хлопонинъ. Хотѣлъ-было все это отъ васъ въ секретѣ удержать, да ужъ для такого радостнаго дня признаюсь вамъ, Григорій Ивановичъ. (Проходитъ официантъ съ подносомъ фруктовъ.) Подайте-ко сюда. (Слуга подаетъ.) Не прикажете-ли дюшесовъ, а то винограду?

Градищевъ. Нѣтъ, благодарю... не ѣмъ!

Хлопонинъ. А я съ сочкомъ-то грушу люблю... (Беретъ три дюшеса и кладетъ около себя на столъ. (Слугѣ.) Ступай! (Официантъ уходитъ. Откусываетъ грушу.) Квасокъ славный!.. Такъ объ домѣ-то. Вѣдь я задумалъ женить Сережку на вашей Леночкѣ годъ назадъ, когда вамъ деньги подъ векселя давалъ... да-съ... Сережку хотѣлось остепенить, да и дѣвица-то мнѣ очень по душѣ пришлась... Вотъ какъ положилъ я этотъ планъ въ головѣ своей, тотчасъ съ этой мыслью купилъ я домъ у князя Погорѣльскаго, чтобъ имъ къ свадьбѣ гнѣздышко приготовить... Домашнимъ объ этомъ ни гу-гу, отдѣлывалъ этотъ домъ имъ словно воровски! самому Сережкѣ сказалъ только, какъ онъ отъ Леночки согласье получилъ... да-съ!.. Во всемъ дому и осталось прежняго-то, княжескаго—однѣ стѣны, а нутренность вся, даже до послѣдняго гвоздя, новая...

Градищевъ. Вотъ вы какой... Когда еще задумали это!.. Ни словомъ, ни намекомъ цѣлый годъ не выдали своего плана. (Благодушно.) Коварный!

Хлопонинъ. Коварства чтобы особеннаго тутъ нѣтъ никакого, а въ настоящее время не только нашему брату комерсанту, а и всякому человѣку безъ сокрытыхъ плановъ жить нельзя... Народъ сталъ очень хитростный и алчный. Конечно, не всякій человѣкъ

дасть себя съѣсть цѣликомъ, ну, а оборвать—оборвутъ всякаго, лишь только заглядится.

Градищевъ. Конечно, конечно!.. Я шучу... это предусмотрительность, не болѣе... Ахъ! кстати вы упомянули о векселяхъ моихъ, напомнили... Надо намъ, Петръ Авдѣичъ, рѣшить съ ними окончательно...

Хлопонинъ (быстро). Это переписать-то, что-ли? Не надо, лежать и такъ, вѣдь силы своей не теряютъ.

Градищевъ. Да... но вѣдь вы говорили, что вы не прочь-бы ихъ совсѣмъ уничтожить, даже обѣщали своихъ приложить для счастья вашего сына.

Хлопонинъ. Вѣрно, вѣрно-съ. Это что и говорить... Вы, напримѣръ, сказали, что у васъ дочь одна; я говорю: у меня сынъ одинъ; они теперь поженились... Послѣ меня все останется, съ собою въ гробъ не возьму... У васъ, кромѣ Леночки, еще наследникъ есть, Егоръ Григорьичъ, вы ему наследство предоставите... Дочь свою единородную обидѣть вы не захотите, такъ пускай эти векселя за Леночкой вмѣсто приданого пойдутъ, такъ-какъ вы, по теперешнимъ вашимъ обстоятельствамъ и по скорости свадебнаго времени, не могли наградить ее въ полномъ приличіи... Главное-же, чтобъ совѣсть васъ противъ дочери не мучила и отъ людей вамъ не было зазорно, я и порѣшилъ: пусть они пойдутъ вмѣсто приданого. Когда будете въ деньгахъ, оправитесь съ дѣлами, и будете по-маленьку ей выплачивать... по времени... Теперь, слава-богу, породнились, ловить другъ дружку не станемъ, безо времени, разомъ денегъ не потребуемъ... А для васъ, я полагаю... насчетъ векселей все одно, за гѣмъ-бы ни значились.

Градищевъ (въ сторону). Это далеко не все равно, сасге пом! (Вслухъ.) Конечно, да!.. Но согласитесь, что... по пословицѣ: въ животѣ и смерти Богъ воленъ, наконецъ...

Хлопонинъ. На случай своего смертнаго часа, я надняхъ... въ скорости всѣ векселя по передаточной Ленушкѣ, невѣстушкѣ, переведу... Ужь теперь будьте покойны... слава-богу—сватья!

Градищевъ. Если вы передадите векселя, тутъ и вопроса нѣтъ. (Въ сторону.) Она возвратитъ мнѣ безъ уплаты.

Хлопонинъ. Какіе теперь могутъ быть вопросы... Породнились—конецъ!

Градищевъ. Да, да, конечно!.. А очень жаль, что вы не разрѣшили молодымъ прямо изъ-подъ вѣнца уѣхать за границу... Кажется, Лелѣ очень непріятенъ этотъ свадебный балъ...

Хлопонинъ. И даже нисколько!.. Леночка веселая такая, во всѣ танцы танцуетъ... Какъ-же это возможно безъ свадебнаго бала и вечерняго стола, помилуйте! За кого-же вы меня почитае-

те, чтобъ я этокое для себя торжество безъ публики произвелъ? Что я, въ щели, что-ли, какой живу или капиталы свои какъ воровски нажилъ?.. Помируйте! Вѣдь я тоже человекъ съ самолюбиемъ... Да для чего-же я, какъ не для этого высокаторжественнаго дня, моей семейной радости, домъ цѣлый годъ въ секретѣ отдѣлывалъ?.. Взгляните, чуть не пол-Москвы на свадьбу-то къ Сережкѣ въ новый домъ собралось: однихъ генераловъ, при лентахъ и звѣздахъ, полдюжины. Пусть видятъ, какой я для моего сына отецъ, и всѣ знаютъ наши капиталы... Хотя и обозвали вы меня тогда хамомъ, однако...

Градищевъ (быстро перебивая). Петръ Авдѣичъ, прошу васъ, объ этомъ ни слова; все, что было, забыто и быльемъ поросло; помните нашу мировую... мы по-прежнему друзья, да еще къ тому и породнились.

Хлопонинъ. Виновать, виновать... Я не въ укоръ, а такъ, къ слову пришлось сказать. Опять вы опасались за счастье нашихъ дѣтей и ихъ супружеской любви, что будто Сережа вашей Леночкѣ противенъ и пренесносенъ и она его видѣть не можетъ... Оказалось даже совсѣмъ напротивъ: молодая сияетъ, какъ вешнее солнышко, право!

Градищевъ. Да, я удивляюсь. Признаюсь, эта внезапная перемѣна въ ней меня поражаетъ. Чему это приписать, чѣмъ объяснить, не понимаю!

Хлопонинъ. Приписывать тутъ нечему. Просто, нѣжной, деликатной дѣвицѣ вдругъ выйдти замужъ, переимѣнить жизнь было и робко, и сомнительно... Послушались вы меня тогда, пощуняли маненечко Леночку, пригрозили ей, попринудили крошечку, вотъ на повѣрку и вышло какъ слѣдуетъ: миръ да любовь!

Градищевъ. Даю вамъ честное слово, что съ моей стороны не было не только принужденія, но даже намека... Она вдругъ написала Сережѣ письмо, потихоньку отъ всей семьи.

Хлопонинъ. Это Ленушкѣ еще больше чести дѣлаетъ. Стало, дѣвица съ нынѣшнимъ понятіемъ, въ суть настоящему дѣлу смотреть, понимаетъ, что нонѣ однѣми апалетами да шпорой со звономъ ничего не подѣлаешь. Хорошая хозяйка и помощница своему мужу будетъ во всѣхъ дѣлахъ. (Встаетъ и прохаживается. Увидя выходящихъ изъ арки Елену, подъ руку съ Сережей, а за ними Хлопонину.) Вонъ идутъ... Словно парочка голубовъ порхаетъ, а за ними „сама“ ползетъ, съ ноги на ногу переваливается, словно кряковая утка, али клуша за цыплятами... (Подходить и садится съ правой руки отъ Градищева.) Посмотришь вокругъ себя, на все это богатство да на дѣтокъ, на этотъ законъ самый, вспомнишь, чѣмъ ты былъ и что сталъ, умилишься душой,

даже до слезъ, и только подумаешь про себя: Чѣмъ я тебѣ угодишь, Господи, что такъ возвеличенъ и превознесенъ въ семь мѣрѣ, да! Тайна великая!

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежніе, Елена и Сережа.

Елена (въ богатомъ подвѣчномомъ костюмѣ; оставляя руку мужа, садится по лѣвую руку отца на скамейкѣ). Вотъ ты гдѣ усѣлся! Ты не будешь сегодня играть въ карты?

Градищевъ. Нѣтъ, отчего-же, если партія представится... Ты, я думаю, утомилась, па сѣге, а? Ни одного танца не пропускаешь. Впрочемъ, я радъ, что ты весела. (Цѣлуетъ въ голову.) Какой домъ-то выстроилъ вамъ Петръ Авдѣичъ, восторгъ!.. Я думаю, въ Германіи любой владѣтельный герцогъ позавидоваль-бы такому дворцу... Ты осматривала его весь, понравился тебѣ, а?

Елена (съ насильственной веселостью). О, да!.. Какъ здѣсь прохладно, славно, какой аромать!

Сережа (говорившій въ средней алеѣ съ матерью, подходит къ сидящимъ, а Хлопонина возвращается къ фонтану и обходитъ его, разсматривая цвѣты). Васъ, папенька, ищутъ по комнатамъ графъ Троехвостовъ, вы имъ общали партію въ преферансъ составить, двоихъ еще подыскать не могутъ. (Садится возлѣ Елены.)

Хлопонинъ. Изъ ума вонъ!.. Григорій Ивановичъ, пойдемъ, сыграемъ пулечку, по три рублика фишку... Сдѣлаемъ удовольствіе его сіятельству. Пять-шесть радужныхъ бросить, куда ни шло. Старикъ, на случай, если что понадобится на „верхахъ“, съ значительнымъ вѣсомъ. Пойдемъ, что-ли? (Встаетъ.)

Градищевъ. Для графа Троехвостова съ удовольствіемъ... человѣкъ нужный, отказать нельзя. (Тоже встаетъ.)

Елена. Ты, папа, тоже уходишь, а?

Градищевъ. А тебѣ хочется, чтобъ я съ тобой посидѣлъ? Изволь, партія составитъ и безъ меня.

Елена. Нѣтъ, иди, иди!.. Я только такъ спросила.

Хлопонинъ. Эхъ, свать! (Весело.) Такъ вотъ ей мы, старики, и понадобились, какъ-же! Не для насъ-ли они и вдвоемъ-то отшиблись къ сторонкѣ, подальше отъ народу? (Беретъ Градищева подъ руку.) Пойдемъ-ко лучше его сіятельство розыщемъ... Такъ вѣдь, Ленушка, невѣстухка милая!? (Сыну.) А ты занимай жену-то; знай свое дѣло: чмокъ да чмокъ! Хоть и гости увидятъ—стыда нѣтъ, теперь шабашъ—законъ. (Сережа цѣлуетъ руку.) Вотъ такъ-то лучше! (Треплетъ Елену по щекѣ.) Милая, умная... люблю, умная

Пойдемъ, свать, не будемъ мѣшать, пусть цѣлуются да милуются! (Уходить въ арку чрезъ среднюю алею.)

Сережа (оглядѣвшись кругомъ). Леночка, позвольте ручку поцѣловать. (Елена подаетъ руку.) Ангель земной... богиня! (Цѣлуетъ нѣсколько разъ, потомъ, держа ея руку въ своей лѣвой, правой гладитъ.) Бархатъ, атласъ... настоящей бархатъ.

Елена (судорожно вырываетъ руку). Что вы, Сергѣй Петровичъ?

Сережа. А что-съ? Щекотно? Али боитесь щекотки?

Елена. Да развѣ можно это дѣлать?.. Что вы?

Сережа. Что-же такое-съ, мы промежду себя, одни, постороннихъ никого нѣтъ... а хоть-бы и были, не велика бѣда. Вѣдь я только ручку погладилъ, а не то чтобъ... Вонъ и папенька говоритъ, что ужъ теперь шабашъ, стыда нѣтъ, стало быть законъ такой... Позвольте въ губки поцѣловать. (Тянется.)

Елена (отстраняя). Ахъ, оставьте! (Въ сторону.) Какая пытка, какая мука! (Отворачивается.)

Сережа. Леночка-съ! (Молчаніе.) Лена! (Молчаніе.) Елена Григорьевна! (Молчаніе.) Вотъ и разсердился... Ахъ ты Господи! (Пауза.) Елена Григорьевна, вѣдь я отъ нетерпѣнія любви-съ. Простите меня. Я на колѣни готовъ встать передъ вами, только не сердитесь: Я встану-съ. (Хочетъ встать.)

Елена (удерживая его). Что это вы хотите дѣлать?

Сережа. А на колѣни... только не сердитесь.

Елена. Не смѣйте... Я вамъ говорю. Слышите—я серьезно разсержусь.

Сережа. Ну, я не буду-съ... извольте, не буду... (Пауза.) Леночка, не прикажете-ли аршаду, лимонаду или морсу какого прохладиться?

Елена. Нѣтъ, благодарю васъ, не хочу. (Задумывается.)

Сережа. А то вѣнкетовъ какихъ? Угодно, я ананасовъ или клюбвы въ сахаръ отъ Фас... принесу-съ, а? (Молчаніе.) А то, можетъ, дюшесовъ желаете али винограду? (Молчаніе.) Можетъ, мандариновъ, гранатъ... Елена Григорьевна, чего прикажете-съ?

Елена (вздохнувъ). Ахъ!.. Ничего, право мнѣ ничего не хочется.

Сережа. Вѣдь надо-же чѣмъ-нибудь заняться, а то что такъ, на сухую-то сидѣть. (Пауза.) Лена, Леночка! (Молчаніе.) Опять придумалась... Ахъ ты Господи, чѣмъ-бы мнѣ ее занять?! А то мороженое изготовлено семи сортовъ: ананасное, малиновое, клубничное, изъ грѣцкаго орѣха, шоколадное, фисташковое и другія? Вы берите какое-нибудь!

Елена (быстро). Сергѣй Петровичъ, скажите, любите вы меня много... Да? (Беретъ его за руки.) Если-бъ я вдругъ умерла, вы-бы горевали долго, неутѣшно... только правду скажите.

Сережа. Я то-съ? Да вот пускай я на тысячи частей разнесусь въ воздухѣ на этомъ самомъ мѣстѣ, если кто можетъ больше меня любить... (Цѣлуетъ руки.) Такъ люблю, такъ люблю...

Елена (какъ-бы отвѣчая себѣ). Да, онъ любить... много любить! (Въ сторону.) Но какъ любить?.. Эта любовь... любовь... (Задумывается.)

Сережа. Когда вы афронтъ мнѣ сдѣлали... я такъ и рѣшилъ... я такъ и рѣшилъ: либо въ Ташкентъ, подѣ Хиву, коли папенька отпустятъ, либо убѣжать потихоньку въ свиты, въ афонскую пустыню, и прямо на столбъ—спасаться! (Видя, что Елена задумалась.) „Манька“ говорить, чтобъ смѣлѣе... Чего робѣть! Богиня моя! (Цѣлуетъ быстро въ щеку.)

Елена (вскакиваетъ, какъ ужаленная). Ахъ, что это? (Смотритъ на него долго и потомъ молча опускается на скамью.)

Сережа (растѣрявшись). Виновать, больше никогда не буду безъ спросу. Ужъ такъ захотѣлось, такъ!.. Вы не сердитесь на меня, Леночка... Скажите, Елена Григорьевна, не сердитесь?

Елена (нервно). Не сержусь, не сержусь... О, Боже мой!

Сережа. Вотъ вы, Леночка, какъ взглянете на меня пристально, такъ мурашки по всему тѣлу и побѣгутъ... съ вами у меня робость какая-то особенная... И что это со мной такое? Прежде, бывало, какой я смѣлый оказывался въ этой любви... Что-жь, я вамъ признаться обязанъ, какъ моей настоящей супругѣ. Скрытностей и тайнъ между нами не должно быть никакихъ... До свадьбы не младенцемъ-же я прожилъ... вѣрно вамъ Людмила Николаевна сказывала про цыганку Машу... когда я былъ въ нее влюбленъ, то-есть все ни почемъ... а васъ трепещу; вотъ поцѣловать хочется, а не смѣю, трепещу... Что значить законъ-то!..

Елена (въ сторону). Это невыносимо!.. пытка, мученье! Хотѣ бы минутку отдохнуть... побыть одной. (Ему быстро.) Сергѣй Петровичъ, принесите мнѣ конфектъ да мороженого.

Сережа (вскакивая). Сію минуту... сію минуту, Леночка.

Елена. Пойдите! Вы выберите хорошихъ... Однихъ моихъ любимыхъ... не торопясь... Однихъ только любимыхъ... Знаете?

Сережа. Знаю, знаю-съ... Самыхъ любимыхъ отберу; главное—фрунглясе... и мороженого всѣхъ сортовъ.

Елена (нетерпѣливо). Идите-же, я буду васъ ждать здѣсь. (Изъ за фонтана выходитъ Хлопонина.)

Сережа. Иду, иду-съ. (Идетъ и возвращается.) А ручку въ знакъ любви и въ награду за труды?

Елена (протягиваетъ). Идите-же поскорѣй.

Сережа (цѣлуя). Богиня!.. богиня!.. Иду, бѣгу!.. (Елена со вздохомъ опускаетъ голову на руки. Сережа идетъ и, остановившись, въ

сторону.) Этакая робость проклятая! Надо стаканчикъ-другой коньяку съ шипучкой хватить для храбрости. (Увидя мать.) А, вот и „маннька“! Надо попросить, пусть Леночку наставитъ, чтобъ сколько-нибудь посвободнѣе была, а то просто бѣда. (Отходить къ матери, отводить ее къ фонтану и говорить съ ней тихо и жестикулируя впродолженіи всего монолога Елены.)

Елена (отнимая руки отъ лица). Ушелъ, наконецъ-то ушелъ! Ахъ, какъ я измучилась, какъ устала; все время должна притворяться и казаться веселой, довольной, счастливой!.. А онъ тутъ, все тутъ!.. Какъ черная тѣнь, не оставляетъ меня ни на минуту... Куда бѣжать, куда идти, гдѣ скрыться отъ этихъ страданій? Это только начало, впереди цѣлая жизнь, и все съ нимъ, вѣчно съ нимъ... Возврата нѣтъ... все кончено!.. Одна въ цѣломъ свѣтѣ... Для кого жить? Одинъ отецъ понимаетъ, любитъ меня... Для него я сдѣлала все—онъ спасенъ, богатъ, счастливъ... Онъ мнѣ другъ, не болѣе... Дружбой одной жизни не наполнишь... А любовь моего мужа? (Содрагается.) О-о-о! ужасно, ужасно!.. Боже, дай мнѣ силы... дай мнѣ силы. (Склоняетъ голову на руки, на столъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Елена и Хлопонина.

Хлопонина (кончивши разговоръ съ сыномъ). Что, вралечка, али приустила, сдремнулось?.. вотъ сяду я съ тобой рядкомъ да потолкую ладкомъ... (Садится.) И я малымъ дѣломъ устала, ко сну клонить. Пока твой ненаглядный за сладостями ходитъ, я тебя разговарю, а ты послушай, что я тебѣ отъ материнскаго сердца скажу. Вижу я, птичка моя райская, что „маннька“-то твоя не болно какъ слѣдуетъ порядки-то наблюдаетъ; сама, ровно молодая, во всѣ танцы танцуетъ, а обязанность свою материнскую, чай, позабыла, чтобъ дочери въ такомъ разѣ ндравуоченье сдѣлать, какъ на счетъ робости да привередничанья дѣвическаго, такъ и всякаго прочаго обхожденія... А-а-ахъ! (Вздыхаетъ.) Этотъ брачный случай одинъ разъ въ жизни бываетъ, такъ къ нему... надо со всякимъ смиреніемъ да оглядѣнемъ къ нему приступить... Говорила-ли она съ тобою по душѣ? Исполнила-ли для послѣдняго раза свою материнскую обязанность, а? (Елена смотритъ на нее въ недоумѣніи.) Что-жь ты такъ удивительно смотришь на меня, дочушка моя?.. Отвѣчай все, безъ утайки.

Елена. Я не понимаю, что вамъ угодно?.. Что вы хотите отъ меня?

Хлопонина. Полно, милая, какъ не понять!.. Тебѣ меня сты-

даться нечего, опять-же ты мужняя жена стала, въ законѣ... Отвѣчай толкомъ — говорила-ли „маннька“ о новой твоей судьбѣ... обо всѣхъ порядкахъ и какъ съ мужемъ обходиться?

Елена. Нѣтъ, она... она мнѣ ничего не говорила.

Хлопонина. То-то вотъ и оно-то!.. Все по-модному дѣлають, зря; какъ не робѣть дѣвицѣ! У насъ, по дѣдовскимъ-то честнымъ обычаямъ, не такъ дѣлалось... Въ старину, какъ мать свою обязанность послѣднюю въ точности исполнить, ндравоченье дочери преподасть—ну, и бываетъ мѣръ да любовь, да супружеско согласіе... Иная дѣвица изъ робкихъ отъ этого страха пустого до свадьбы ведро слезъ выплачетъ, а какъ отъ вѣнца прѣхали, опослѣ того мужъ въ церкви божіей, при всемъ честномъ народѣ, поцѣловаль въ уста, стало законъ исполниль, — такъ куда и стыдъ дѣлся, цѣлуется да милуется съ молодымъ, словно съ малолѣтства этому обучена.

Елена. Я никакъ понять не могу, къ чему вы все это мнѣ говорите, Аграфена Кириловна?

Хлопонина (обидясь). Вотъ тебѣ и здравствуй! Ничего еще не вида, а въ Аграфены Кириловны попала... Даты ужъ лучше прямо обзови богоданную-то матушку свою мадамой; у васъ вонъ, слушаешь, всѣ другъ дружкѣ мадамъ да мадамъ. Не убыло-бъ тебя, сударыня, если-бъ свекровь „маннькой“ взвеличала... Можетъ, у васъ помодному и такъ... не обучены, а тебѣ я съ перваго случая говорю, коли слезъ да ссоры не хочешь, зови „маннькой“, не иначе... Тагъ, сударыня, да-съ!

Елена. Извините... я не знала... Я готова... Я буду называть.

Хлопонина. Вотъ такъ-то оно и превосходнѣе будетъ... съ лаской-то да привѣтомъ... Пословица говорится: ласковое телятко двухъ матокъ сосеть... Вотъ послушай-ко меня, ты дѣвица основательная, не вѣтеръ какой... Не спроста сказано: братъ любить сестру богатую, а мужъ жену здоровую да ласковую. Замужъ по закону вышла, стыдиться, фордыбачиться, какъ въ дѣвкахъ, нечего; вся теперь, какъ есть, мужнина стала, безъ остатку... Да, своего ничего нѣту... нѣтъ!.. Не жди, чтобы мужъ все первый подходитъ, старайся его сама предупредить... и поцѣлуй, и приголубь, и обними всегда первая... да!

Елена (изумясь). Что вы, что вы!..

Хлопонина. Истинно, да!.. потому—онъ глава во всемъ... Мужъ взялъ у тебя руку поцѣловать, а ты его сейчасъ во уста али въ щечку; шею-то руками обхвати, да придержи, да поприжми, чтобы поцѣлуй крѣпче былъ, они это смерть любить! При людяхъ политику соблюдай, въ публикѣ показывать это не годится, потому ко-

торых холостых въ соблазнъ можешь ввести, а безъ людей у мужа съ женой никакихъ скрытностейъ быть не должно.

Елена. Да что-же это... Господи!.. Что вы говорите?

Хлопонина. Вѣрно тебѣ говорю, на этомъ весь свѣтъ стоитъ. Умные люди, старые-то, не глупѣй насъ съ тобой были и сказали: люби—не люби, а почаще взглядывай,—а тебѣ это дѣлать и подавно слѣдовать—приданое-то съ собой не Богъ вѣсть какое привезла, съ чугушки всего два сундучишка съ тряпками привезли... Не больно очастливили! (Елена смотритъ изумленно.) Я тебѣ не на зло говорю, а въ науку, какъ мать своему сыну. Теперь будемъ говорить: хорошо, что Богъ тебѣ такое счастье послалъ, что мужъ у тебя добръющій, смиренникъ, робкій да униженный. Сейчасъ онъ тебя въ щечку чмокнетъ, ты либо отвернешься, либо оттолкнешь, разсердишься, а мужъ, по робости, виноватымъ себя полагаетъ и въ ногахъ валяться готовъ. Это, милая, не порядки, дѣлать тебѣ такъ не пристало, не годится... Добръ-добръ, а тоже мужчина, мужъ... Чего Боже оборони, вдругъ въ сердце войдетъ, обидится... съ обиды этой запеть да поучить тебя путемъ вздумаетъ... (Елена вскакиваетъ и отъ волненія не можетъ сказать ни слова.) Чего вскочила? Вѣрно говорю!.. да какъ еще и поучить-то, головы съ недѣлю отъ подушки не поднимешь, потому—законъ.

Елена. Какъ вы можете мнѣ это говорить, какъ вы смѣете?.. Это наказанье... пытка, адъ! (Опускается на скамейку, закрываетъ глаза платкомъ и, откинувшись головой на спинку, плачетъ.)

Хлопонина. Ай, матушки, какъ покрикиваетъ!.. страсть какая! Да что я тебѣ, невѣстуха, чужая ~~савсѣмъ~~, что-ли, а?.. Что-то рано характеръ-то свой свекрови показывать стала... еще лба не успѣла перекрестить, какъ замужъ вышла, а какъ на богоданную матушку ротъ развываетъ. (Ритуфель кадрили.) Вотъ и поворно спасибо!.. Дождалась на старости своихъ лѣтъ невѣстухи образованной помодному.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ-же, шаферъ и Жоржъ.

Шаферъ (въ франтовскомъ фракѣ и съ бѣлымъ бантомъ на лацканѣ фрака). Общанная кадрили... Madame! Je vous en prie, s'il vous plaît. (Расшаркивается передъ Еленой; та не отвѣчаетъ. Хлопонина сидитъ насупясь, сложивъ руки ниже груди, и играетъ большими пальцами. Въ сторону.) Что съ ней? Что это значить? (Под-

зываетъ вышедшаго вслѣдъ за нимъ изъ-за правой кулисы Жоржа.)
 Мсье Градищевъ, мсье Градищевъ! (Подошедшему Жоржу.) Съ
 вашей сестрицей дурно.

Жоржъ. Что такое?.. Она плачетъ? (Быстро подходя къ ней.)
 Hélène, что съ тобой, ma chère, ты плачешь, а?

Елена (отнявъ платокъ отъ глазъ и вставая). Нѣтъ, ничего, нерв-
 ный спазмъ въ горлѣ... Теперь все прошло... (Силится улыбнуться.)
 Я съ вами танцую эту кадрили, да? (Шаферъ кланяется.) Давайте
 вашу руку... идемте скорѣй... (Уходятъ подъ руку.)

Жоржъ (подсаживаясь къ Хлопонинѣ). Родная сватьяшка, что
 такое случилось?.. вы точно не въ духѣ, да и сестренка словно-бы
 плакала, а? Не вышло-ли чего у васъ съ ней?

Хлопонина. Да, батюшка, раненько ваша сестрица карахтеръ
 свой выказывать стала, раненько!.. Хоть-бы медовый мѣсяцъ обо-
 ждала... изъ одной политики. Не ожидала я отъ нея этого,—призна-
 юсь, не ожидала.

Жоржъ. Да что такое случилось, дорогая сватьяшка, скажите!

Хлопонина. Да то-же и случилось, что стала я совѣтъ давать,
 какъ съ мужемъ поласковѣ быть да обходиться какъ подобаетъ по
 закону, съ любовью, а она вдругъ какъ закричить на меня, словно
 на слугу свою... Не ожидала я этого отъ нея, не ожидала. Я, ко-
 нечно, женщина комплекціи тяжелой, а удивляюсь право, какъ въ
 голосъ не рывкнула; другая-бы на моемъ мѣстѣ какой бунтъ под-
 няла.

Жоржъ. Ахъ, сватьяшка дорогая, извините вы ее... она вѣдь
 совѣтъ дѣвушка молодая, ребенокъ, новость положенія, страхъ...
 Вы сами испытали, развѣ не страшно замужъ-то выходить?

Хлопонина. Какъ не страшно, что говорить!.. Ваша-то сестри-
 ца горденька, а мой Сережа... Видано-ли дѣло, что послѣ вѣнца
 все ей вы говорить, да съ имени съ отчества, ручку безъ позво-
 ления поцѣловать ему не позволяетъ, носъ отворачиваетъ да фыр-
 каеть... Опять, скажите на милость, слыхано-ли, чтобъ невѣстка
 свою богоданную матушку-свекровь не „манькой“ звала, а? А се-
 стрица твоя кличетъ меня, словно чужую, Аграфена Кириловна да
 Аграфена Кириловна,—развѣ это не обидно?

Жоржъ. Это ужасно!.. Да вѣдь гдѣ-жь это ей все самой знать!
 Научить ее, наставить некому. Папа занятъ, а мама сама ничего
 кромѣ танцевъ не знаетъ... Видѣли танцуетъ, какъ институтка. На-
 конецъ, не привыкла; ну, разсудите, свернули такъ скоро свадьбу,
 что...

Хлопонина (перебивая). Ужь и не говори, голубчикъ, лучше не
 говори... Такое безобразіе, такое безобразіе... и не привидано. Не
 мало я поплакала. Ни рукобитья, ни сговора съ благословеніемъ,

ни дѣвичника... ничего этого и духу не было... все словно не у людей... Чего еще?!.. Хотѣли прямо изъ-подъ вѣнца-то за-границу эту самую уѣхать, а?.. Я какъ прослышалась, такъ „самому“ въ ноги упала, завыла. Ну, спасибо, принялъ мою просьбу, уперся... А то, что-бы это... Безъ свадебнаго бала и вечерняго стола—позоръ на всю Москву!.. стали-бы говорить, что, молю, Хлопонинъ-то сына своего втихомолку, воровски на Градищевой женилъ. Хорошо это, а? Ахти-хти-хти!

Жоржъ. Еще-бы! Вотъ что, родная сватьюшка. (Подвигается къ ней.) Я съ Еленой поговорю, какъ старшій братъ, понимаете, да и Сережу по-приятельски настрою, какъ ему держать себя съ ней. Все пойдетъ какъ по маслу. (Цѣлуетъ руку.) Только вы себя-то не тревожьте, дорогая сватьюшка!

Хлопонина (размякнувъ). Ну, вотъ, голубчикъ, вотъ... (Гладить по головѣ.) Этакихъ повадливыхъ да ласковыхъ я люблю... Сережу моего не оставляй, дружись съ нимъ... Видишь, какой ты разсудительный да форсистый... и моего-то этому смѣлому форсу обучи... И къ намъ старивамъ загляни, когда отъ скуки поболтать... а то и деньжонокъ перехватишь, когда надо... Ничего, я да-амъ!.. Я кого полюблю—добра для тѣхъ... Славный, ты полюбился мнѣ... повадливый!

Жоржъ. А ужъ я какъ васъ полюбилъ, Господи!.. Да если-бъ мнѣ Богъ далъ такую тещу, какъ вы, дорогая сватьюшка, да я-бы ей... не знаю, что... каждую-бы минуту въ глаза смотрѣлъ, право! (Цѣлуетъ руку.)

Хлопонина. Славный, уважительный! Поцѣлуй-ко ты меня. (Цѣлуется.) Право, уважительный, полюбил... Чай, папенька-то твой тоже не больно тебя балуетъ? На гулянки немного очень денегъ даетъ, а? Тоже и Сереженькѣ „самъ“ до совершеннолѣтїя малость давалъ денегъ, подъ секретомъ больше я давала... И тебѣ, чай, больше твоя „манька“ волишь?

Жоржъ. Нѣтъ, вѣдь они у меня оба очень строги. Выдадутъ опредѣленные въ мѣсяць пятьдесятъ рублей на карманные расходы—вотъ и все. Тутъ и на извожиковъ, и на перчатки, и на гулянье съ товарищами... Какъ хочешь, такъ и вертись, а попросить не смѣй. (Со вздохомъ.) Да, трудно мнѣ, очень трудно жить!

Хлопонина. Ахъ, ты бѣдненькїй! Великъ-ли капиталъ пятьдесятъ на мѣсяць! по два цѣлковыхъ на день нѣтъ, да еще и извожикъ тутъ... Есть-ли на что разгуляться, по нынѣшнимъ дорогимъ временамъ! Вонъ Сережа два раза по Невскому вздъ да впередъ на рысачкѣ прокатится—зелененькую рысачнику высылаетъ... Право, заходи къ намъ, я когда тебѣ и сотенный портретикъ подарю, да-а! (Треплетъ по щекамъ.) Славный, шустрый! (Спохватившись.) Ты Се-

режѣ-те не говори, что невѣстушка расплакалась, а то вскипятит-ся на меня, и-и спаси Господи!.. А то скажи, что, молъ, это отъ головы все... Голова была дурна отъ усталости, а теперь-де прошла.. все благополучно... А вотъ и Сережа!

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ-же, Сережа и официантъ.

Сережа (выходя слѣва, официанту, идущему за нимъ съ большимъ подносомъ конфектъ, на которомъ стоитъ семь блюдечковъ мороженаго). Ставь на столъ, ступай. (Осматриваясь.) „Маннька“, гдѣ-жъ Леночка? Куда ушла?.. гдѣ-же она, Господи?.. (Слуга уходитъ.)

Жоржъ (взявши Сережу за руку). Конецъ!.. убѣжала!.. Съ экстреннымъ поѣздомъ въ Петербургъ уѣхала, ха, ха, ха! Ахъ, ты, трусь! Садись здѣсь. Да ну-же, садись! (Силой сажаетъ.) Ну, чего смотришь по сторонамъ? Испугался ужъ?.. Успокойся, танцуетъ съ шаферомъ. Мы вотъ все объ тебѣ говорили со сватьюшкой... Съ тобой, братъ, мнѣ надо потолковать. Слушай!

Хлопонина (вставая). Ну, вы толкуйте, дружки, себѣ... а я вотъ сладенькаго наберу позабавиться. (Набираетъ съ подноса конфектъ и кладетъ себѣ въ платокъ.) Да пойду хоть въ дѣвичью, распуцусь, прилягу на диванчикъ, полежу... Отвыкла я отъ модъ-то этихъ, въ платьѣ-то съ лифомъ куда неспокойно, все тѣло словно одрябло, затекло. (Завязываетъ платокъ.) Вотъ и будетъ!.. Прощай, красота, золото мое неоцѣненное. (Цѣлуетъ сына.) Жоржушка скажетъ тебѣ, какъ и что. Коли неравно приусну, такъ вели разбудить къ вечернему-то столу. Надо васъ къ отходу въ новую жизнь проводить, благословить. (Зѣваетъ.) И-и-а-эхъ! Поди, часъ первый есть? Съ непривычки-то опозднилась, зѣвается, ко сну клонить... Прощай и ты! Полюбила славнаго. И-а-ахъ! Ну, я пошла! (Зѣваетъ, беретъ съ подноса конфекту, кладетъ въ ротъ и уходитъ въ алею, неся въ рукахъ узелъ съ конфектами.)

Жоржъ. Что это, Сережа, какой ты увалень и мямли, а?

Сережа. Что такое, Жоржушка, я, кажется, какъ слѣдуетъ.

Жоржъ. Какое какъ слѣдуетъ! Ты держишь себя въ отношеніи жены, какъ чужой; такъ вотъ съ первой минуты и лѣзешь къ ней подъ башмакъ. Съ женой такъ обращаться нельзя, мой другъ, нельзя... нужна выдержка...

Сережа. Какая такая выдержка? Научи, Жоржушка, научи, голубчикъ.

Жоржъ. Во-первыхъ, отвѣчай: ты Hélène больше уже не женихъ?

Сережа. Какой женихъ, законъ исполнилъ, теперь кончено!

Жоржъ. Прекрасно. Къ чему-же ты все клянчишь, ручки безъ спроса поцѣловать боишься, зовешь ее по имени по отчеству, словно чужую. Это приторно, патока! Женщины только любятъ ѣсть сладкое, а отъ паточнаго мужчины бѣгутъ, какъ чортъ отъ ладона... Безъ всякихъ спросовъ, просто, подошелъ, обнялъ жену, поцѣловаль—и кончено! Къ чему нѣжности?.. клянченье?..

Сережа. Хуже, Жоржушка, не спросясь-то... пробоваль—хуже!.. Леночка такъ и вскочить, точно что уколетъ или ужалить ее... а глаза вскинетъ на меня, такъ и замлѣюсь весь.

Жоржъ. Вотъ въ томъ вся и бѣда, что ты млѣешь да таешь. Съ бабами эта патока — смерть. Женщины—моя специальность, на нихъ я кладу свою душу, деньги, всю жизнь... съ ними надо обращаться умѣючи, все равно какъ съ дорогими часами, заводить ихъ надо акуратно, чтобъ ни впередъ не убѣгали и не отставали, да! А главное—мямить не надо. Пожалуй, еще до свадьбы чувства подпустить, въ любовь поиграть можно, а тамъ и баста, stop! Ты законный мужъ, за тобой всѣ права!.. Покажи, что ты не пѣшка, что ты все это очень хорошо сознаешь... Конечно, я не говорю, что можно допустить деспотизмъ, грубость, насиліе съ женой — это гнусно, мерзко, наконецъ и опасно: можешь вооружить, оттолкнуть!.. Нѣтъ, надо ей тонко, хладнокровно дать понять свои права. Вѣдь я увѣренъ, что ты Hélène и не цѣловаль наединѣ, а?

Сережа. Нѣтъ, Жоржушка, нѣтъ, лгать не хочу... Я тебѣ, какъ брату, открою все: поцѣловаль я ее въ Петербургѣ, какъ образомъ благословили, — разъ; изъ Петербурга уѣзжалъ сюда къ свадьбѣ готовиться—два, сегодня подъ вѣнцомъ—три, какъ изъ церкви воротились, за шампанскимъ поздравляли, — четыре; это все при публикѣ, изъ-подъ политики, а такъ, чтобы однимъ, нѣтъ! Хотѣлъ вотъ тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, въ губы поцѣловать... да не попалъ, удалось въ щечку... Ну, будемъ и это класть—всего пять разъ... А чтобъ настоящаго поцѣлуя, сердечнаго, отъ всей души, объ какомъ я въ мысляхъ мечталъ — и запаху нѣтъ... Какъ быть съ ней?.. Подумаю объ одномъ... руки опускаются!

Жоржъ. Да-а!.. Вотъ что... Гмъ... гмъ! Да-а!

Сережа. Голубчикъ, Жоржушка, научи, какъ тутъ быть, по-родственному! (Вспомнивъ.) Ахъ, я и позабылъ-было... Ты давеча передъ вѣнчаньемъ триста рублей просилъ, да при мнѣ денегъ не было. (Вынимаетъ бумажникъ и подаетъ.) На вотъ, бери сколько требуется, только не откажи въ совѣтѣ: какъ мнѣ быть... Я знаю, ты можешь, ты одинъ ее и выдти-то замужъ заставилъ, безъ твоихъ

ндравоченьевъ она и письма этого съ своимъ согласіемъ не при-
слала-бы ко мнѣ. (Обнимаетъ.) Посовѣтуй, другъ.

Жоржъ. Ты, пожалуйста, не подумай, mon cher, что я изъ-за де-
негъ: ты меня этимъ обидишь, я лучше и совсѣмъ не возьму. (Воз-
вращаетъ взятый бумажникъ.) А то въ самомъ дѣлѣ...

Сереза (не беретъ, перебивая). Да за кого ты меня считаешь?..
Эка невидаль! Возьми, ради Бога, прошу тебя... Обяжи—возьми,
другъ.

Жоржъ. Да я, пожалуй, возьму, только ты, mon cher, не поду-
май. (Раскрываетъ бумажникъ.) Ишь децъжиць-то! Я думаю, ты-
сячъ пятокъ, ъа?

Сереза. А не знаешь, сколько... изъ папенькиной кассы такъ на-
глазъ взялъ, чтобъ бумажникъ начинить... Что-жъ, что денегъ много,
а и при нихъ я несчастный человѣкъ! (Садится печальный.)

Жоржъ. Не безпокойся — все исправимъ... Тебя не стѣснить,
если я пятьсотъ возьму, а?.. Надняхъ возвращу...

Сереза. А да бери хоть что-нибудь, коли нужно.

Жоржъ. Нѣтъ, зачѣмъ-же? (Вынимаетъ пачку сторублевыхъ
и быстро.) А вотъ что развѣ. Въ Петербургѣ я у тебя взялъ ты-
сячу двѣсти, не взять-ли здѣсь восемьсотъ для круглаго счету...
чтобъ ровно было двѣ тысячи, а? Какъ посовѣтуешь?

Сереза. Конечно, бери. Что тутъ объ этой дряни толковать!

Жоржъ. И прекрасно! (Отсчитываетъ восемь сторублевыхъ.)
Merci. (Подаетъ бумажникъ.) Смотри-же, Сержъ, помни! Тысячу
двѣсти въ Петербургѣ, восемьсотъ здѣсь, итого...

Сереза. Ахъ, ей-богу... Словно мы чужіе, толкуемъ изъ-за дряни.

Жоржъ (улаживая деньги съ акуратностью въ портфель). Опо,
вонечно, мой другъ, все это дрянъ, если смотрѣть философски, но
долгъ для меня великое дѣло, долгъ прежде всего... да-а! C'est
bon! (Прячетъ бумажникъ.) А ты и голову повѣсилъ, смотришь
точно къ смерти приговоренный! Ободрись; courage, sachez pom!.. По-
стой, волосы поправлю. (Поправляетъ). Пока они танцуютъ ка-
дриль, пойдемъ въ укромное мѣстечко и крющончикъ разошьемъ...
Знаешь, пьянымъ тебѣ въ твоемъ положеніи быть скверно, а надо
быть такимъ, какъ я теперь. Понимаешь, чтобъ въ головѣ едва-
едва бродило... За крющончикомъ я тебя и наставляю на путь
истинный. (Встаетъ и шепчетъ на ухо.) По-ни-маешь?

Сереза (вскакивая). Что ты, другъ?.. Не можетъ быть!

Жоржъ. Слово... Parole d'honneur!

Сереза. Если такъ, по гробъ твой рабъ... то-есть ежели...

Жоржъ. Женщины—моя специальность, повѣрь! Эхъ, братъ, от-
личный ты малый, жаль одно — необразованъ... Вотъ тебя-бы въ
нашъ кружокъ да образовать, совсѣмъ-бы былъ молодець... Вотъ

теперь одно слово тебѣ сказалъ—ожилъ, человекъ смотришь, а то давеча нюни распустилъ, рюмить... Courage, ne tom!.. aller toujours! (Беретъ подъ руку.) Идемъ! (Идетъ и останавливается.) Знаешь ты эту пѣсенку? (Поетъ.)

Проведемте, друзья,
Эту ночь веселій!
И студентовъ семья
Запируемъ живій!
Не любить—погубить,
Значить, жизнь молодую:
Въ жизни—рай, выбирай
Каждый дѣву младую!

Не слыхиваль?

Сережа. Нѣтъ, братъ, не слыхиваль... Необразованъ я.

Жоржъ. Будь покоенъ—образую.

Сережа. Образуй, Жоржушка, другъ, братъ!

Жоржъ. Ладно, ладно. Allons, filons! (Уходятъ въ аллею.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Елена, Сережа, Жоржъ и шаферъ.

Елена (выходя справа). Это онъ, я не могла ошибиться... Да, онъ, только какъ-будто похудѣлъ и поблѣднѣлъ, лицо осунулось. Неужели это одна большая фантазія рисуешь мнѣ повсюду когда-то милый образъ?.. Я говорю: когда-то милый, точно этому прошлы года... Зачѣмъ обманывать самой себя, когда все кончено, когда возврата нѣтъ... Онъ все-таки мнѣ дорбгъ, я все-таки его люблю, люблю... Нѣтъ, надо забыть, выбросить изъ сердца... Я поглялася, я должна любить одного мужа... У меня есть мужъ... И кто-же?! Ахъ, какъ онъ мнѣ противенъ, какъ онъ мнѣ ненавистенъ! Эта свекровь, богоданная матушка!.. Нѣтъ, не надо думать, надо веселиться, я—„молодая“!.. Какъ я устала, а сердце поетъ, ноетъ... Сяду здѣсь, отдохну... мужа нѣтъ... никого нѣтъ, мнѣ легче одной. (Садится на скамью слѣва.) Какъ-бы это не думать ни о чемъ? Танцевать, веселиться, смѣяться? Невозможно. (Пауза.) Зачѣмъ онъ пріѣхалъ сюда?.. Увидѣть! мой позоръ, униженіе... посмѣяться вмѣстѣ съ матерью надъ моимъ несчастіемъ? Боже, есть-же такіе люди! Если-бы я не слыхала сама, какъ мать сказала ему: „я люблю тебя безумно“, и потомъ не видала, какъ она обняла его за шею, а онъ цѣловаль руки... я-бы не повѣрила никому, ни за что. И послѣ этого онъ не былъ у насъ, не написалъ ни строчки! Ужасно! Онъ раскрылъ мнѣ глаза, пробудилъ во мнѣ честныя стремленія къ труду, самостоятельной дѣятельности, заставилъ возненавидѣть всю мишуру, ложь, пустоту нашей свѣтской жизни... и для чего-же?..

Это проповѣдникъ правды и свободы! Нѣтъ, такъ жить нельзя... и зачѣмъ жить, для кого, для чего? Я все сдѣлала: спасла отца, мать счастлива съ нимъ... Братъ? Развѣ нужна я брату, да и какое ему дѣло до меня!.. Жить съ мужемъ? Это невозможно, это выше моихъ силъ... пытка, адъ! (Задумавшись.) Тамъ, у мужа въ кабинетѣ... я видѣла... много... взять потихоньку... Одна минута, одно мгновеніе... Пѣтъ, страшно! А тамъ будетъ страдать душа цѣлую вѣчность, вѣ-вчно!.. Но какъ-же жить, какъ-же жить?!.. (Задумывается.)

Жоржъ (выходя съ Сереей справа). Вотъ она!.. Иди спокойно и дѣйствуй хладнокровно, какъ я училъ... Я буду здѣсь и посмотрю... Иди-же! (Сереежа идетъ къ Еленѣ медленно и важно.) Вотъ спектакль-то будетъ, кстати никого нѣтъ... Посмотримъ! (Становится въ куртину, видимый для публики и незамѣтный для Елены.)

Сереежа (сидя съ Еленой, небрежно). Гдѣ ты была, душка, а? Говорятъ, ты въ кабинетѣ коллекцію пистолетовъ осматривала?.. Какъ тебѣ понравились, душка, а?

Елена (взглянувъ на него изумленно). Что такое?.. Душка... Что съ вами?..

Сереежа. Что-жъ ты изумилась, душка?.. Вѣдь я твой мужъ.

Жоржъ (въ сторону). Браво, браво!.. каковъ?!..

Сереежа. Будетъ уже патоку-то разводить, въ политику играть. (Беретъ ее за руки.) Поцѣлуй меня послаще, душонокъ. (Хочетъ привлечь, чтобъ поцѣловать.)

Елена. Не смѣйте... Пустите руки! Что это, отъ васъ виномъ пахнетъ, отойдите, пустите меня!

Сереежа. Не пушу. (Держитъ за руки.) Я глава... въ своихъ правахъ. Могу требовать отъ жены моей любви... Поцѣлуй, милка, сама, а то хуже вѣдь—силой.

Елена (поднимаясь со свамьи). Вы пьяны, пустите руки... Отпустите... Иначе я буду кричать. (Старается освободиться.)

Жоржъ (въ сторону). Скандалъ! (Выходитъ изъ куртины.) Сереежа, отпусти руки... что ты это! (Сереежа отпускаетъ руки.)

Елена. Боже мой! И братъ тутъ былъ!.. Всѣ противъ меня... Ни минуты больше... Это адъ, а не жизнь! (Убѣгаетъ налѣво.)

Сереежа (бросаясь за ней). Елена Григорьевна, простите, я не хотѣлъ, чтобы я...

Жоржъ (схватывая его за руку). Ни съ мѣста! Нюня, колпакъ, баба! Не смѣй за ней ходить. Даль понять свои права и прекрасно...

Сереежа. Мнѣ ихъ жаль... они такъ разогорчились... вѣрно, плачутъ!

Жоржъ. Глупости, поплачетъ и перестанетъ, какъ всегда—все и пройдетъ слезами... Только ты, братъ, Сережа, какъ все это неумѣло... схватилъ за руки, какъ медвѣдь какой. Я предупреждалъ, чтобъ насилія не было.

Сережа. Да я вѣдь только попридержалъ за руки-то.

Жоржъ. И этого не нужно было дѣлать. Сказаль-бы: я требую; да посерьезнѣе, съ экспрессіей, вотъ она и поцѣловала-бы тебя.

Сережа. Такъ я пойду къ нимъ, извинюсь.

Жоржъ. Ну, если ты пойдешь къ ней, пока я не скажу, что можно, не разрѣшу тебѣ,—кончено; дѣлай, какъ знаешь — я руки умываю. Только за послѣдствія я не отвѣчаю—смотри! (По всѣмъ направленіямъ сада проходятъ гости. Сережа въ нерѣшительности.) Ну, что-жь?

Сережа. Да я... ей-богу... (Махнувъ рукой.) Все одно, образовывайте до конца, буду слушаться.

Жоржъ. Такъ-то вотъ лучше, не зла-же я тебѣ желаю! Подберишься, ободришься, что губы-то распустилъ! (Беретъ подъ руку и, замѣтивъ въ группѣ проходящихъ шафера.) Послушайте! (Тотъ подходитъ.) Что это, батенька, какой вы шаферъ, еще распорядитель танцевъ! балъ сонный, антракты чуть не по часу... Приналягте на музыкантовъ, велите скорѣе оркестру польку играть, а то тоска.

Шаферъ. Я сейчасъ, сейчасъ... (Сережѣ.) А ваша супруга?

Жоржъ (быстро). Сестра утомилась немного, ушла отдохнуть. Не давайте обществу замѣтить, ея отсутствія. Велите поскорѣй играть польку, а потомъ немедленно начните кадрили. Vite, vite, mon cher!

Шаферъ (уходи). Сію минуту, сію минуту. (Уходитъ въ арку.)

Жоржъ. Да не вѣшай ты носа... Я сестру лучше твоего знаю: поплачетъ и привыкнетъ... Вѣдь какъ сначала была противъ того, чтобъ выдти за тебя замужъ, а вѣдь сломилъ-же. Сдѣлай-же веселую мину... Ну, вотъ такъ, браво. (Оркестръ играетъ польку.) Пока она успокоится, мы посмотримъ танцы. Идемъ въ залъ! (Уходятъ въ арку.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Осиповъ, Градищева съ гостями и Елена.

Осиповъ (выдѣляясь изъ группы гостей въ средней алеѣ, сходитъ на аван-сцену). Весела и счастлива!.. Танцевала съ какимъ-то пошлякомъ съ увлеченіемъ, улыбается, смѣется... Глупецъ! Зачѣмъ ты прилетѣлъ сюда, въ Москву, добылъ билетъ на этотъ свадебный балъ... Подозрѣвалъ гнусную интригу, деспотизмъ отца... думалъ ее видѣть печальной, убитой, жертвой на закланіе современному богу-боговъ, золотому тельцу! А эта жертва сіяетъ счастіемъ,

самодовольствіемъ. Позорно, мерзко! (Садится на скамью справа.) Какъ мальчишка лелѣялъ въ себѣ остатки вѣры въ чистоту, честность убѣжденій и содержательность этой натуры, думалъ, что мои двухлѣтнія занятія, мое вліяніе, наконецъ, наша люб... даже языкъ отказывается выговорить это пошлое слово... (Пауза.) Что-жь? Видѣлъ, увѣрился, что я еще увлекающійся малолѣтокъ, фантазеръ, идеалистъ, незнающій людей... Остается ѣхать домой... (Пауза.) И гдѣ я думалъ найти непосредственную натуру, осуществить эти новыя начала возрожденія женщины, призвать ее къ самостоятельной дѣятельности, разумной жизни?.. Въ этихъ раззолоченныхъ палатахъ, въ этихъ сказочныхъ, волшебныхъ садахъ! Смѣшно, безумно! (Пауза.) Нѣтъ, выпью чашу до дна... Во что-бы то ни стало переговорю съ матерью и выясню все, что мнѣ кажется непонятнымъ... А съ ней, съ ней?.. Зачѣмъ, для чего? Смутить ее покой, тронуть ее совѣсть?.. Ха, ха, ха! Совѣсть!.. Кто могъ безъ малѣйшаго колебанія, протеста, не говоря уже о борьбѣ, въ двѣ недѣли измѣнить свои убѣжденія, продать самое себя, у того совѣсть спитъ непробуднымъ сномъ, а можетъ быть и совѣсть ея нѣтъ!.. (Увидя выходящую справа Градищеву въ обществѣ двухъ изящно одѣтыхъ дамъ, двухъ фрячниковъ и гусарскаго офицера.) Вотъ и она—моя покровительница.

Градищева (проходя мимо Осипова и не замѣчая его, къ спутникамъ). Посмотрите, какія розы, камеліи, азалии! C'est un chateau magique!.. Я въ восторгѣ! Это какой-то храмъ для наслажденій... Вездѣ цвѣты, цвѣты и цвѣты. Je suis ravi. (Вся группа останавливается около середины авая-сцены.)

Осиповъ (подойдя къ ней). Здравствуйте, Людмила Николовна.

Градищева (оборотясь, изумленно). Ахъ, кого я вижу! Est-ce bien vous, Николай Алексѣевичъ? (подавляя замѣтное волненіе и протягивая руку.) Какъ я рада васъ видѣть! Хотите присоединиться къ намъ, мы дѣлаемъ осмотръ этого великолѣпнаго дворца.

Осиповъ. Извините, я сейчасъ ѣду, но... мнѣ необходимо сдѣлать вамъ два-три вопроса... Пожалуйста, удѣлите пять минутъ... Я васъ очень прошу...

Градищева (послѣ мгновеннаго колебанія). Съ удовольствіемъ. (Къ спутникамъ.) Je vous demanderai mesdames et messieurs, mille pardons,—j'ai à monsieur quelques mots. (Указываетъ на скамью направо.) Сядемъ. (Удаляющемуся обществу налѣво.) J'ai serai à vous dans une minute! (Садясь.) Ну, будемъ поскорѣй толковать; неловко — я бросила ихъ для васъ!.. Какъ я удивлена и обрадована! (Жметъ руку.) Давно-ли вы въ Москвѣ, какъ попали на этотъ пошлый, банальный свадебный балъ?

Осиповъ. Помилуйте, нарочно изъ Петербурга прїѣхаль... Въ эти двѣ недѣли для меня совершилось столько загадочныхъ происшествій, столько...

Градищева (перебивая). Ахъ, не говорите! Я вамъ глубоко сочувствую; кто-бы могъ это предвидѣть?.. такой ударъ! И все это такъ внезапно, быстро, неожиданно. Что дѣлать?.. Судьба!.. *Un décret de Dieu!.. Fatalité!..* Не будемъ прикасаться къ этой свѣжей ранѣ. (Печально.) Все свершилось, все кончено!.. У васъ станеть мужества перенести это испытаніе, забыть, а я?.. Мнѣ остается только покорно склонить голову предъ Тѣмъ, Кто располагаетъ всѣмъ и всѣми... Оставимъ этотъ вопросъ, не будемъ возмущать себя—помочь нельзя. (Мѣняя тонъ.) Скажите-ка, подвинулась-ли ваша диссертация?

Осиповъ (не спуская съ нея глазъ). Людмила Николаевна... Я прїѣхаль, чтобъ убѣдиться собственными глазами... Хотѣлъ встрѣтиться съ ней... объясниться... Но ея довольство, веселье мнѣ отвѣтили лучше ея самой... Съ нею я ни слова не скажу... Иронически.) Не хочу своей бесѣдой смущать ея полного счастья съ этимъ... Но вы, съ вами... мнѣ... (Затрудняется. Изъ-за первой лѣвой кулисы торопливо и озираясь выходить Елена.)

Елена. Вездѣ народъ... Нигдѣ нельзя... Здѣсь никого. (Увидя сидящихъ, едва удерживается отъ крика.) Они!.. вмѣстѣ!.. Что они говорятъ... что? (Прячется въ клѣмбѣ.)

Осиповъ (оправясь). Послѣ той комедіи, которую вы такъ искусно разыграли со мной, притворясь влюбленной и вызвавъ невольно отъ меня признаніе въ чувствѣ къ вашей дочери, вы прислали мнѣ въ тотъ-же день гонораръ за уроки вмѣстѣ съ деликатнымъ отказомъ отъ вашего дома... Что все это значить?

Градищева. Вслѣдъ за вашимъ уходомъ послѣ комедіи, *Henèpe* послала за Хлопоинымъ и въ присутствіи всей семьи заявила, что она выходитъ за него замужъ... Что мнѣ оставалось послѣ этого дѣлать, какъ не послать вамъ письмо, чего настоятельно требовала и сама *Henèpe*?

Осиповъ (изумленно). Да!.. вотъ что!.. да! Вы, конечно, сказали и ей, и Григорію Ивановичу о моемъ признаніи?

Градищева. О, конечно! И ей, и мужу... Она приняла это въ шутку, много смѣялась, говорила, что она не подавала вамъ надежды, что ея вниманіе къ вамъ было не болѣе, какъ свѣтская любезность... Мужъ бѣсился и также настаивалъ на немедленной отправкѣ письма... Онъ-же запретилъ принимать васъ въ домѣ.

Осиповъ (недовѣрчиво). Странно, непонятно!.. да! странно. Вы получили отъ меня письмо съ просьбой объяснить все происшедшее?

Градищева. Получила, и не отвѣчала потому, что не желала окончательно убить васъ этой новостью о свадьбѣ Hélène, рассчитывая на время, какъ на самаго лучшаго доктора. (Вздыхая.) Ахъ, что много говорить, мнѣ не менѣе вашего тяжело. Вы ошибались въ ней по увлеченію, а я по излишку материнскаго чувства. Оба мы хотѣли въ ней видѣть и находили нѣчто особое, исключительное, а на повѣрку она оказалась простой богатой русской барышней, для которой выше всѣхъ убѣжденій это (Указывая кругомъ.) богатство и почти царственная роскошь. Мы съ мужемъ были противъ этой партіи, но вы знаете, что мы живемъ теперь въ такое время, когда желанія дѣтей—законъ для родителей... Я осиротѣла, одна; сынъ—отрѣзанный ломоть, онъ никогда для матери не замѣнитъ дочь... Ахъ, что говорить... грустно, тяжело! Довольно; кажется, все объяснилось и понято вами. (Вставая.) Надѣюсь встрѣтиться въ Петербургѣ. Теперь будьте увѣрены, вамъ снова широко растворены двери нашего дома... Я бросила общество, меня ждуть... Итакъ—au revoir! (Подаетъ руку.)

Осиповъ (удерживая за руку). Еще одинъ, послѣдній вопросъ... Дошли до Елены Григорьевны мои два письма?

Градищева. Одно попало въ руки мужа и возвращено вамъ нераспечатаннымъ, другое-же дошло по назначенію и было... (Не договариваетъ.)

Осиповъ (съ волненіемъ). И было... договаривайте... Что-жъ было?

Градищева (коварно). Было прочитано.

Осиповъ. Нѣтъ, вы не договариваете всего. Не щадите меня, говорите все, все... прошу васъ?

Градищева. Вы этого хотите?.. Она... Нѣтъ, не могу, мнѣ жалъ васъ!

Осиповъ. Что она? Умоляю васъ, говорите! Она...

Градищева. Она прочитала его жениху и вмѣстѣ смѣялись, глумились...

Осиповъ. Возможно-ли?.. Нѣтъ, это слишкомъ гадко!.. Не можетъ быть!..

Градищева (печально). Hélas, къ несчастью, это такъ... правда!

Елена (выбѣгая изъ клумбы вгѣ себя, задыхаясь). Неправда, ни одного слова правды!.. все ложь! одна ложь. (Закрываетъ лицо руками. Осиповъ отпускаетъ руку Градищевой и отступаетъ назадъ.)

Градищева (злобно). Ахъ, вотъ и она, отлично! (Быстро.) Объяснитесь, только, надѣюсь, все это обойдется безъ сценъ и безъ слезъ... Помните, что на васъ сосредоточено общее вниманіе. (Осипову.) Au revoir, monsieur, не забывайте насъ въ Петербургѣ

(Еленѣ.) Поторопитесь! Вашъ мужъ скоро вернется. (Быстро уходитъ въ алею.)

Елена (бросаясь на грудь Осипову). Милый, милый мой... Ты не виноватъ... Мы обмануты оба... Она, она... (Рыдаеть.)

Осиповъ. Радость моя... успокойтесь... Я понялъ теперь все, всю гнусную интригу... (Цѣлуетъ руки.) Сядьте... Другъ мой, безцѣнный другъ... Они не стоятъ той жертвы, какую вы принесли, чтобъ спасти ихъ состояніе... Сядьте, успокойтесь.

Елена (торопливо садясь и оправляясь). Надо поскорѣй все объяснить, все рассказать... Придетъ мужъ, свекровь, братъ... она... (Оглядѣвшись.) Руку мнѣ дайте, вашу руку. (Беретъ обѣими руками.) Такъ это не вы, не ты, а она вамъ объяснилась въ любви?.. (Досядливо качая головой.) Все не то говорю!.. Она сдѣлала тебѣ признаніе въ любви своей, а ты сказалъ, что любишь меня, а не ее? да, да, такъ? (Быстро.) А зачѣмъ вы у ней руки цѣловали долго... я видѣла... зачѣмъ? Она обняла васъ крѣпко за шею, а вы у ней цѣловали руки... Зачѣмъ? (Смотритъ ему въ глаза, отрывисто.) Говорите: зачѣмъ?

Осиповъ. Милый мой другъ, я...

Елена (раздраженно перебивая). Что-жъ вы молчите?.. Зачѣмъ?

Осиповъ. Она дала слово матери содѣйствовать нашему счастью, устроить свадьбу... Я повѣрилъ этому и благодарилъ.

Елена. Да, да-да... такъ!.. Я понимаю. Они придутъ... нужно скорѣе. Что я хотѣла? (Раздумье. Пауза.) Что я хотѣла? (Вспомнивъ быстро.) Ахъ, да! Она сказала неправду, я писемъ никакихъ не получала... А какъ мнѣ хотѣлось знать объ тебѣ... Хотя я сердита была тогда на тебя, но не переставала любить, все думала объ тебѣ... (Задумывается, про себя.) Отецъ спасенъ, счастливъ... доволенъ... (Громко.) Все не то я говорю... Что еще хотѣла я сказать... Съ какимъ-бы наслажденіемъ я прочитала тогда каждую твою строчку, разцѣловала-бы каждую букву твоего письма, плакала-бы... Вотъ и теперь хочется плакать, а слезъ нѣтъ... Нѣтъ и нѣтъ, да-а! (Задумывается.)

Осиповъ. Дорогая моя, теперь мнѣ все ясно. Вы слышали только часть нашего объясненія съ матерью вашей... заподозрили меня въ двуличности... и рѣшились принести себя въ жертву, чтобъ спасти состояніе семьи... Я колебался, вѣрилъ и не вѣрилъ, сомнѣвался въ васъ... Теперь вижу, что вы ни въ чемъ невиноваты, васъ опутали этой интригой, васъ... (Ритурнель кадрили изъ „Елены прекрасной“.)

Елена (вскрикивая). Ахъ, что это? Мужъ идетъ... они? Надо скорѣй, скорѣй! (Беретъ его за обѣ руки.) Смотри мнѣ въ глаза. (Досядливо.) Э, не такъ... Долго, глубоко, до-о-лго! (Отбрасываетъ его

волосы назадъ.) Да-а, такъ, та-а-а-къ! Никогда, ни одного чужого мужчину, но тебя въ первый и послѣдній разъ. (Порывисто охватываетъ его шею, страстно цѣлуетъ и вдругъ, какъ-бы испугавшись, быстро пересаживается отъ него на край скамьи.)

Осиповъ. Дорогая моя, успокойтесь... Я принесу вамъ воды!

Елена. Воды?.. зачѣмъ воды?.. Да, да, принесите, я хочу пить. Да отыщите мужа... Я буду здѣсь ждать... Приходите съ нимъ.

Осиповъ. Сейчасъ, сію минуту. (Поспѣшно уходитъ въ арку.)

Елена (прослѣдивъ, какъ Осиповъ ушелъ, вскакиваетъ со скамьи.) Надо скорѣй... Здѣсь видно! (Бѣжитъ направо.) Тутъ все гости. (Бросается направо.) Сюда! И тутъ все народъ, ходять... говорятъ. (Возвращается). Уйдутъ... тогда... онъ вѣдь со мной... да... когда уйдутъ! (Стоитъ, опустя руки вдоль тѣла и склоня голову.) Онъ не переставалъ меня любить, онъ любить по-прежнему... Что-жь, можно мужа обмануть, бросить, убѣжать къ нему... жить съ нимъ счастливо, трудиться... работать... А клятва?.. я дала ее на всю жизнь; сдѣлаться клятвеннопреступницей?.. Онъ говорилъ: слово надо держать, въ словѣ весь человѣкъ... Нѣтъ, никогда, ни за что! Жить съ нимъ нельзя, а жизнь съ мужемъ—пытка, адъ... Рѣшено, конечно!.. А какъ мнѣ хочется жить, любить, люби-ить... Боже, за что же ты меня наказалъ? Неужели я хуже ихъ всѣхъ?.. Нѣтъ, я не хуже ихъ! Ужь если мать, брать... Не надо, не надо!.. Ни объ комъ не надо, все забыть надо, простить... На землѣ нѣтъ правды, она тамъ, тамъ... (Задумывается, оркестръ громко играетъ кадрили... Вздвогнувъ.) А, пора! (Оглядывается.) Всѣ ушли... никого нѣтъ... (Бѣжитъ направо и, схватившись за грудь, останавливается.) Ахъ, страшно, страшно! Но должно, нужно... Что-жь, одна минута, ударъ грома, молнія... Господи, прости меня, ты видишь мою душу... Простите меня всѣ, всѣ!.. (Изъ арки показываются Сережа, Осиповъ и официантъ съ прохладительнымъ питьемъ. Почти съ крикомъ.) Милый, хорошій, дорогой, люблю тебя одного... Прости... Прощай! (Быстро убѣгаетъ направо за первую кулису. Сережа и Осиповъ доходятъ до середины сцены. Небольшая пауза. Музыка громко играетъ веселый мотивъ. Раздается выстрѣлъ. Музыка умолкаетъ моментально на полуночь; чрезъ арку видимъ общій испугъ и движеніе въ залѣ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Осиповъ, Сережа, Градищевы, Жоржъ, Хлопонинъ и гости.

Осиповъ (вздвогнувъ, приостанавливается). Что это? выстрѣлъ... Что значить? тамъ, кажется... Не Елена-ли Григорьевна?.. Не можетъ быть!

Сережа (схвативъ Осипова за руку). Ай, Господи, сердце упало... Она въ кабинетѣ мои пистолеты смотрѣла.

Осиповъ. Что-жь вы меня держите? Идемте скорѣй. (Сходятъ на аван-сцену.) Ея здѣсь нѣтъ... Выстрѣлъ раздался отсюда... Елена Григорьевна... Неужели? (Вѣжить за кулисы направо.) Гдѣ вы, Елена Григорьевна...

Сереза. Боже мой! Что-же это? (Уходитъ туда-же. Гости сходятся со всѣхъ сторонъ на сцену.)

Осиповъ (врочить за кулисами). Вотъ она... доктора скорѣй... Огня, свѣту... Зовите-же доктора, бѣгите... Неужели нѣтъ надежды?

Сереза (выбѣгая). Несчастіе! Доктора, господа, скорѣй... доктора.

Градищева (пробиваясь чрезъ толпу съ Жоржемъ). Выстрѣлъ!.. Позвольте пройти... Сереза, что такое случилось?

Сереза. Леночка выстрѣлила себѣ въ грудь... Доктора, доктора!

Градищева. Ахъ! (Падаетъ на руки Жоржа. Толпа ихъ закрываетъ.)

Сереза (бросаясь налѣво). Въ карточной былъ докторъ... Позвольте! (Встрѣчая отца, выходящаго изъ-за кулисы.) Папенька, несчастіе... Леночка застрѣлилась. (Рыдаетъ на груди отца.)

Хлопонинъ. Господи!.. Несчастіе какое!

Осиповъ (вынеся трупъ на рукахъ и положи на скамью, стоитъ на колѣняхъ). Елена Григорьевна, Елена!.. Пульсъ не бьется... ни движенія, ни вдоха... Неужели все кончено?.. Выстрѣлъ въ самое сердце... Умерла, умерла! (Рыдаетъ прижимая ее руки къ лицу.) Бѣдное, несчастное, созданіе!.. все, что было для тебя святого, чистаго, честнаго,—все это опозорили, смѣшали съ грязью, самую тебя предали, продали, убили. И я могъ усомниться въ тебѣ, свѣтлая, непорочная душа! (Рыдаетъ, прижавшись головой къ трупу.) Прости меня, прости!

Градищевъ (въ толпѣ). Позвольте, господа, пропустите... Гдѣ она, гдѣ?

Осиповъ (бросаясь на встрѣчу Градищеву, взявъ его руку). Вотъ она, вотъ... любуйся на свою жертву... (Обществу.) И вы, вы тоже смотрите... и вы виноваты всѣ въ ея погибели... всѣ, всѣ! (Схватывается за голову.) О-о! будьте вы прокляты, дѣтоубійцы!.. будьте прокляты!

Градищевъ (съ рыданіями падая у трупа дочери). Дитя мое, сокровище!.. Дочь моя, дочь!..

(Занавѣсъ опускается.)

Николай Потѣхинъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ТАШКЕНТСКІЕ РЫЦАРИ*.

(На далекихъ окраинахъ. Романъ. Н. Каразина. Изд. иллюстрированное.
Погоня за наживой. Романъ. Н. Каразина.)

I.

„Барантаци, кара-тюрмены, кара-калпаки, караки, бузачинцы...“ долбили мы во дни юности по блаженной памяти географіи Ободовскаго, думая про себя: „и на кой чортъ намъ надо знать какихъ-то кара-калпаковъ, барантачей и т. п.? Зачѣмъ насъ заставляютъ зубрить ихъ—вѣдь все равно не запомнишь!“ Однако, страхъ передъ „единицею“ заставлялъ насъ зубрить, зубрить въ потъ лица и со скрежетомъ зубовъ... Увы, мы не знали еще тогда, что страхъ этотъ совершенно неоснователенъ и что намъ предоставлено право заселять Хиву, Бухару, Ташкентъ какими намъ угодно племенами, лишь-бы только названія этихъ, нами самими открытыхъ племенъ, состояли изъ сочетанія звуковъ, непривычныхъ уху нашего учителя. Мы узнали это только въ классе, когда эти проклятые тюрмены, барантаци и кара-калпаки крѣпко засѣли въ наши бѣдныя головы. „Г. Лебединъ,—такъ звали нашего учителя географіи,—что это такое *ка-ра-кал-па-ки*?“ спросилъ учителя одинъ изъ „новичковъ“ - скептиковъ, увѣрившій насъ вчера, что такого народа не можетъ существовать и что тутъ навѣрное типографская опечатка. „Кара-калпаки, вытарация на него глаза учитель,—что такое? Вы вѣчно перевираете, дайте сюда вашу книгу!“ Ободранный и запачканный чернилами Обо-

*) Ст. первая помѣщена въ 11-й кн. „Дѣла“ за 1874 годъ.

„Дѣло“, № 1.

довскій очутился въ учительскихъ рукахъ; перелиставъ нѣсколько страничекъ—для освѣженія, вѣроятно, своихъ юношескихъ воспоминаній—и заглянувъ украдкой на опечатки, Лебедкинъ, ни мало не смутясь, возвратилъ книгу нескромному вопрошателю и торжественно произнесъ: „кара-калпаки, кара-тюркмены, барантаци—полудикіе кочевники, живутъ грабежомъ и разбоемъ. А развѣ вы не готовили сегодняшняго урока? внезапно оборвалъ онъ несчастнаго новичка: — стыдно-съ! очень стыдно! Г. Никитинъ, обратился онъ ко мнѣ (а я меньше 5 въ своихъ отиѣткахъ никогда отъ него не получалъ),—отвѣтите!“ — „Барантаци, кара-тюркмены, кара-калы, бурлакалы, тюркокалы, вралъ я ему безъ записки,—полудикія племена, живутъ грабежомъ и разбоемъ“. — „Отлично-съ, произнесъ учитель, ошеломленный моимъ развязнымъ и бойкимъ отвѣтомъ, — отлично-съ, садитесь!“ Въ клѣткѣ журнала, около моей фамиліи, очутилась вождельная пятерка. Послѣ этой пятерки тюркмены и кара-калпаки съ компаніей перестали пугать насъ: мы поняли, что все это „полудикія племена“, живущія „грабежомъ и разбоемъ“, и что ихъ можно называть какъ кому вздумается, безъ малѣйшаго ущерба для достоинства географіи Ободовскаго и нашего почтеннаго педагога. Скоро мы объ нихъ и совсѣмъ забыли. Прошло нѣсколько лѣтъ и—о, неожиданная случайность! — намъ снова пришлось наткнуться на эти давно-забытыя имена. Мало того, многими изъ нашихъ товарищей, нашихъ братьевъ, дядей, отцовъ пришлось во-очію узрѣть самихъ барантачей, тюркменовъ, каракаловъ и др. Эти дикія племена, „живущія грабежомъ и разбоемъ“, оказались не мифомъ (какъ нѣкоторые изъ насъ склонны были думать), а дѣйствительно существующими людьми, и какими ужасными людьми! Впрочемъ, послѣднее обстоятельство не могло насъ особенно удивить: тѣ изъ насъ, которые допускали ихъ существованіе, никогда, ни на одну минуту не сомнѣвались, что они должны быть „ужасными людьми“, весьма мало похожими на людей обыкновенныхъ. Правда, мы тогда еще весьма смутно понимали фразу „живущіе грабежомъ и разбоемъ“, но все-таки на-столько-то мы были цивилизованы, чтобы знать, что грабежъ и воровство вещи очень дурныя и что люди порядочные ими не занимаются.

Однако, хотя дѣтскія представленія тѣхъ изъ насъ, которые вѣрили въ существованіе барантачей, кара-калпаковъ и иныхъ

чей и аковъ, и были не особенно лестны для послѣднихъ, но они не имѣли той конкретной опредѣленности, того разнообразія красокъ и образовъ, безъ которыхъ они не могли быть особенно живучи и для которыхъ, разумѣется, въ ободранномъ Ободовскомъ никакихъ матеріаловъ найти было нельзя. Эти матеріалы дали намъ послѣднія событія на нашихъ восточныхъ „окраинахъ“. Наше вниманіе снова было привлечено въ „полудикимъ кочевникамъ“, съ которыми, повидимому, мы окончательно распрощались въ 3-мъ классѣ гимназіи. О нихъ заговорили газеты и журналы, замѣнившіе для насъ теперь Ободовскихъ съ Кузнецовыми и Смирновыми, о нихъ печатались реляціи, составлялись обстоятельныя статьи, ихъ изображали на картинахъ и выводили въ романахъ. Конечно, во всѣхъ этихъ сообщеніяхъ, корреспонденціяхъ, реляціяхъ и т. п. неизмѣнно разрабатывалась все одна и та-же фраза нашего достопочтеннаго учителя географіи: „полудикіе кочевники, живущіе грабежомъ и разбоемъ“, но фраза эта пояснялась различными, болѣе или менѣе убѣдительными, примѣрами и ссылками на болѣе или менѣе официальные данныя. Благодаря всѣмъ этимъ обязательнымъ разъясненіямъ, мы поняли, наконецъ, что значить „жить грабежомъ и разбоемъ“, — передъ нами развернулась страшная картина, способная взбудоражить нервы самаго деревяннаго человѣка. Съ живоотнообразными фізіономіями, грязные, оборванные, вѣчно голодные, вѣчно рыскающіе, какъ дикіе звѣри, за даровою добычею, безжалостные, кровожадные, непризнающіе никакого другого права, кромѣ права *сильнаго*, никакой другой нравственности, кромѣ той, которая гласитъ: „своя рубаха къ тѣлу ближе“, эти дикари, въ одно и то-же время, наводятъ ужасъ и возбуждаютъ къ себѣ омерзѣніе. Не хотѣлось-бы вѣрить, что они также принадлежатъ къ той-же породѣ, къ которой принадлежимъ и мы, люди цивилизованные, — къ породѣ, которая гордо считаетъ себя „вѣнцомъ творенія“. Несчастные выродки человѣчества! Посмотрите, вѣдь они живутъ совершенно по звѣриному образу и подобию. Все свое время проводятъ они рыска по степямъ, въ надеждѣ встрѣтить болѣе слабого хищника, котораго можно было-бы безнаказанно обогнать. Въ грабежѣ они не знаютъ милосердія; жертва, попавшая въ ихъ лапы, должна благодарить Всевышняго, если ей посчастливится отдѣлаться одною только потерей имущества; обыкновенно ей приходится распла-

чиваться жизнью или, что, пожалуй, еще хуже, вѣчною неволею. Рабъ у этихъ дикарей держится хуже цѣпной собаки: онъ исполняетъ всѣ тяжелыя мужскія работы и каждый считаетъ своею обязанностью бить и унижать его при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Пусть вспомнятъ читатели исторію рабства несчастной Рахили или Батогова въ романѣ „На далекихъ окраинахъ“, и они получатъ довольно ясное представленіе о томъ, что такое рабство у нашихъ милыхъ сосѣдей. Конечно, Рахиль и Батоговъ были „русскія собаки“, проклятые глауры, но и положеніе рабовъ правовѣрныхъ (которые называются, впрочемъ, не рабами, а работниками) было не лучше. „Такъ-же, какъ и Батогова, такъ и любого Каримку, Малайку и Шафирку мирза Кадргуль могъ запороть нагайками до смерти, могъ просто зарѣзать и никому не отвѣчать за нихъ. А относительно работы они были уравнены совершенно: также таскали воду изъ колодцевъ, также цѣлые дни проводили лежа на брюхѣ въ степи на какомъ-нибудь барханѣ и поглядывая, какъ-бы бродяга-волкъ не подкрался къ необозримымъ атарамъ хозяйскихъ барановъ“ („На далек. окраин.“, „Дѣло“, № 11, стр. 5).

Послѣ раба-работника самымъ презрѣннымъ существомъ считается у нихъ женщина. Мужъ—ся полный властелинъ и самодержецъ: ей не дозволяется имѣть ни собственной воли, ни своего ума, ни времени, ни удовольствій; она — самка-работница и ничего болѣе. И дѣйствительно, она до того унижена, что другого положенія и занимать не можетъ; однако, это рабское положеніе не мѣшаетъ ей ловить каждую удобную минуту, чтобы обмануть своего деспота и поразвратничать съ кѣмъ попало на сторонѣ, хотя-бы съ презрѣннымъ рабомъ. Разузнется, если владыка-мужъ какъ-нибудь провѣдаетъ о проказахъ своей самки, то кромѣ пытки и мучительной смерти ей ждать нечего. Чтобы вырваться изъ этой вѣчной неволи, чтобы сбросить съ себя это постыдное ярмо, женщины ничего болѣе не остается, какъ записаться въ разрядъ „ярлычныхъ“, т. е. стать публичной. Но добиться этого счастья немногія успѣваютъ; мы видѣли уже на примѣрѣ прелестной Абъ-Томакъ, съ какими трудностями сопряженъ переходъ женщины изъ „частной“ въ „общественную“ собственность.

Взаимныя отношенія *равноправныхъ* кочевниковъ отличаются

почти такою-же грубою животностью, какъ и ихъ отношенія въ работникамъ и женщинамъ. Каждый думаетъ только самъ о себѣ, каждый старается подставить другъ другу ножку, поживиться на счетъ ближняго. Они не разбираютъ, кто *ихъ*, кто не *ихъ*, и при удобномъ случаѣ *своихъ* они ограбятъ съ такимъ-же удовольствіемъ, какъ и *чужихъ*. Въ этомъ никто не видитъ ничего предосудительнаго, никто не допускаетъ даже, чтобы могло быть иначе. Напомнимъ читателю одну сцену, весьма рельефно характеризующую этотъ обоюдный обмѣнъ хищничества.

По степи идетъ караванъ хищниковъ-купцовъ, оберегаемый хищниками-киргизами. Къ нему пристроились караки, только-что сдѣлавшіе набѣгъ на русскія владѣнія; они везутъ въ мѣшеѣ живую добычу: израненнаго, избитаго, облитаго кровью Батогова, только-что вытащеннаго изъ страшнаго *клоповника*, гдѣ они проморили его цѣлые сутки. „Вдругъ что-то щелкнулось о спину одного изъ купцовъ, который усердно, помогая зубами, натягивалъ въчунный арканъ. Киргизъ перегнулся, вскрикнулъ и присѣлъ на землю. Другой киргизъ молча упалъ навзничь: этому какъ-разъ въ середину лба угодило.

„Въ песчаной степи слабо слышны ружейные выстрѣлы, за то гикъ, пронзительный, типичный разбойничій гикъ, такъ и рѣзнулъ по ушамъ оторопѣлыхъ караванщиковъ.

— „Вы зачѣмъ народъ бьете? говорилъ старый караванъ-башъ, сидя все еще на вершинѣ верблюжьяго вьюка. — *Сила и такъ ваша; намъ съ вами не драться*“.

— „Много васъ очень, такъ больше для страху, отвѣчалъ налетѣвшій джигитъ, осаживая лошадь“. — „Съ какимъ товаромъ?“ — „Всякаго довольно, говорилъ караванъ-башъ апатично, будто дѣло совсѣмъ не касалось его интересовъ, и полѣзъ съ верблюда“. Начался грабежъ. Добрались и до *живой* добычи. — „Куда везли?“ — „Туда, куда везли, туда и повеземъ“, отвѣчалъ начальникъ шайки каравановъ. — „Теперь съ нами поѣдетъ“, спокойно возразили хищники. — „Онъ не вашъ“. — „А то чей-же? Ты вонъ спроси-ка у него (хивинецъ указалъ на Сафара); у него борода бѣлая: онъ умный“. — „Наша сила была — нашъ былъ, произнесъ Сафаръ, — а теперь ваша сила“, и онъ отошелъ въ сторону.

„Все шло, повидимому, такъ спокойно; разговаривали, казалось, такъ дружески, что со стороны можно было подумать, что дѣло

идеть не о самомъ нахальномъ, степномъ грабежѣ, а просто о торговой сдѣлкѣ, заранѣ предвидѣнной и происходящей въ напередъ условленномъ пунктѣ. Только нѣкоторый безпорядокъ, въ которомъ находились распоротые тюки, всюду разбросанные куски канаусовъ, мѣдная посуда, тюки ситцевъ и краснаго кумача русскихъ издѣлій, нѣсколько десятковъ головъ сахару, одну изъ которыхъ старательно облизывалъ лежащій въ растяжку верблюдъ, да этотъ неподвижный трупъ, эта лужа крови, всасывающаяся постепенно въ песокъ, намекали нѣсколько на настоящее значеніе этого дикаго сборища“ (ib., „Дѣло“, № 10, стр. 119—121).

Вы видите, грабежъ имъ представляется чѣмъ-то на-столькоже обыкновеннымъ и мало предосудительнымъ, на-сколько намъ, людямъ цивилизованнымъ, простая коммерческая сдѣлка. Ограбленный не ропщетъ на ограбившаго; если онъ не можетъ бороться, онъ уступаетъ ему все добровольно; онъ понимаетъ, что напавшій на него хищникъ вполне правъ и что будь онъ самъ на его мѣстѣ, онъ поступилъ-бы точно такъ-же. Гдѣ сила, тамъ и право. Вне силы никакія права и никакія обязательства для него немислимы. Къ этому основному принципу сводятся, изъ однимъ объясняются всѣ частныя и общественныя отношенія „восточныхъ дикарей“. Они съ удивительною послѣдовательностью проводятъ его во всѣхъ мелочахъ своей жизни, во всѣхъ подробностяхъ своего быта. Это юристы права кулака—въ самомъ точномъ, въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова. Никакихъ нравственныхъ и социальныхъ фикцій для нихъ не существуетъ. Всякіе договоры имѣютъ для нихъ значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока они поддерживаются силой. Договорившись, напр., съ русскими насчетъ границы, они спокойно выжидаютъ, пока „поганья собаки“, собравъ подати Акъ-Пашѣ (русскому царю), очистить пограничныя деревни. Сейчасъ туда являются посланные того или другого хищника и начинаютъ требовать податей и себѣ самимъ. „За что мы вамъ будемъ платить? резонерствуютъ жители:—вы насъ уступили Акъ-Пашѣ; мы теперь подъ нимъ живемъ и ему платимъ; здѣсь русская граница“. — „Русская граница? съ удивленіемъ вопрошаютъ юристы-хищники:—а знаете вы, гдѣ русская граница?“ — „Гдѣ-же, по-вашему?“ — „А только тамъ, куда доставятъ ихъ пушки: Только то ихнее, гдѣ они солдатъ своихъ держатъ“ (Шогоня за наживой, № 9, стр. 58). И юридическіе утописты, во-

лю-неволею, должны подчиниться этой логикѣ *силы*. Въ глубинѣ души они не могутъ не сознаться, что хищники правы, потому что и сами-то они, хотя ихъ и считаютъ за „мирныхъ“, осѣдлыхъ, слѣдов. болѣе цивилизованныхъ,—сами они въ своей домашней жизни держатся той-же логики. Отъ номадовъ они отличаются только *видомъ* своего труда, но отнюдь не его *родовымъ характеромъ*, не основными принципами своего мировоззрѣнія. И тѣ, и другіе считаютъ только тотъ трудъ наиболѣе для себя выгоднымъ и наиболѣе приятнымъ, который съ наименьшею затратою времени и рабочей силы даетъ имъ достаточныя средства для удовлетворенія ихъ незатѣйливыхъ потребностей. Одни считаютъ болѣе для себя выгоднымъ эксплуатировать природу съ помощью своихъ домашнихъ рабовъ-работниковъ; другіе—эксплуатировать людей, занимаясь либо торговлею, либо простымъ грабежомъ. И скотоводство, и торговля, и грабежъ — все это, съ ихъ точки зрѣнія, лишь различныя *виды* одной и той-же экономической дѣятельности,—дѣятельности, въ основѣ которой лежить принципъ *наибольшей личной выгоды*. Другого принципа они не знаютъ и знать не хотятъ. Что выгодно, то и честно.

Эта-то жажда хищнической наживы, этотъ-то грубый реализмъ, неприкрытый никакими благовидными формами, отрицающій всякіе *высшіе* принципы, чуждый всякихъ отвлеченныхъ умозрѣній, цинически послѣдовательный на практикѣ, и составляетъ основную бытовую подкладку жизни „полудикихъ кочевниковъ“, онъ придаетъ ей ея мрачный, отталкивающій колоритъ. Взирая на нее изъ „прекраснаго далека“, мы, люди цивилизованные, съ трудомъ можемъ воздержаться отъ того злораднаго удовольствія, которое испытывалъ фарисей при видѣ несчастнаго мытаря. „Благодареніе Всевышнему, готовы мы воскликнуть,—благодареніе Всевышнему, что мы не походимъ на этихъ жалкихъ вырожденковъ чловѣчества, что мы такъ далеко ушли отъ ихъ животнаго эгоизма, отъ ихъ дикихъ, возмутительныхъ отношеній“. Да, мы можемъ гордиться: наша цивилизація давно уже отвергла грубое мировоззрѣніе дикарей, она давно уже изобличила всю *живость* ихъ страшной логики кулака, выставивъ на своемъ знамени идеаль *справедливости* и *человѣчности*. Она съ негодованиемъ отбросила циническую доктрину, будто сила есть право; нѣтъ, говоритъ она, *сила* еще не даетъ права,

она создаетъ только *произволъ*; право есть выраженіе *справедливости*—высшаго нравственнаго идеала человѣчества. Во имя этого высшаго идеала она признаетъ принципъ человѣческаго счастья; она отрицаетъ рабство во всѣхъ его проявленіяхъ; она замѣняетъ подневольный трудъ, трудъ „изъ-подъ палки“, *свободнымъ договоромъ*, и, ставя мужчинѣ цѣли болѣе возвышенныя и благородныя, чѣмъ простое половое размноженіе, она не хочетъ и въ женщинѣ видѣть одну только самку. Она видитъ въ ней человѣка и признаетъ за нею всѣ человѣческія права и въ особенности право свободно распоряжаться собственною судьбою. Ставя ее на одну доску съ мужчиною, какъ равную съ равнымъ, она заставляетъ послѣдняго видѣть въ ней не *рабу*, а *подругу*. Вмѣсто хищническаго правила: „хватай и лови, кто что можетъ“,—правила, проникающаго всѣ экономическія отношенія дикарей, — она выставляетъ другой принципъ — принципъ *общественной пользы*, и требуетъ, чтобы мы подчиняли ему свои личные интересы, свою частную выгоду. Научая насъ подавлять и сдерживать наши животныя страсти, развивая нашъ умъ, возвышая наши нравственные идеалы, она смягчаетъ и облагораживаетъ наши взаимныя отношенія, укрѣпляетъ въ насъ *симпатическія* чувства, расширяетъ сферу ихъ практическаго проявленія, *гуманизируетъ* и *этизируетъ* нашу общественную и частную жизнь.

Вотъ блага, которыми награждаетъ насъ цивилизація. И неужели мы, обладающіе ими, мы, вкусившіе сладость цивилизованнаго быта, не имѣемъ права внутренне радоваться, что мы не походимъ на этихъ жалкихъ дикарей? Право это принадлежитъ намъ неотъемлемо, но „гдѣ право, говоритъ та самая цивилизація, которою мы гордимся,—тамъ и обязанность“. Плоды цивилизаціи, возвеличивая, съ одной стороны, человѣческій духъ, возвышая его въ его собственныхъ глазахъ, съ другой—возбуждаютъ въ немъ непреодолимое стремленіе къ прозелитизму. Какой-то таинственный голосъ шепчетъ цивилизованному человѣку: „иди, просвѣщай и покоряй языцы, разноси по вселенной свѣтъ своего разума“. Какая-то невидимая рука толкаетъ его все впередъ и впередъ, къ „далекимъ окраинамъ“ цивилизованнаго міра.

Мы, русскіе, пріобщившіеся къ общечеловѣческой цивилизаціи, мы тоже испытали на себѣ и заманчивую прелесть этого таин-

ственного голоса, и поощрительные толчки этой невидимой руки. Какъ люди цивилизованные, мы вполне поняли, что на насъ лежитъ великая задача—просвѣтить „востокъ“, пропагандировать цивилизацію среди дикарей, удѣлить этимъ несчастнымъ „пасынкамъ природы“ частичку изъ тѣхъ благъ человѣческаго прогресса, которыми мы стали пользоваться сами.

Противнувшись важностью своей исторической миссии, мы, не думая долго, „потекли“ въ Ташкентъ въ хвостѣ „побѣдоноснаго воинства“, — потекли и потащили за собой длинный хвостъ самой разнокалиберной, цыганской толпы, такихъ *цивилизаторовъ*, которые ничѣмъ не лучше завоеванныхъ нами дикарей.

II.

Эти господа цивилизаторы, двинувшіеся на „далекія окраины“, принадлежали, главнымъ образомъ, къ двумъ категоріямъ людей. Одни—дѣловые практики, разные Хмуровы, Перловичи, Лопатины, Бржизницкіе, Катусхины съ Ко,—они ѣхали въ Ташкентъ съ цѣлью просвѣтить дикія племена, ознакомить туземцевъ съ „вѣчными истинами“ общественной науки, съ истинными потребностями „духа времени“, оживить торговлю, насадить и развить промышленность, устроить всеобщее благосостояніе, осыпать дикарей всею роскошью и веѣми богатствами современной цивилизации. Другіе—отличающіеся не столько практичностью, сколько легкостью своихъ нравовъ, разные темные и безродные пройдохи, искатели приключеній, чиновники, оставленные за штатомъ, шулера, изблеченные въ плутовствѣ, мужья, обманутые женами, юноши, прельщенные перспективою двойныхъ прогоновъ, и т. п. Если первые избрали мысленно главнымъ поприщемъ для своей дѣятельности почву *практическую*, то вторые предназначали себя преимущественно къ воздѣлыванію вертограда общественной и частной нравственности,—они научатъ дикарей, какъ нужно обращаться съ женщиною и съ работникомъ; они покажутъ имъ всю соблазнительную прелесть „цивилизованныхъ отношеній“; они познакомятъ ихъ съ высшими идеалами и разъяснятъ имъ истинное нравственное назначеніе человѣка. Однимъ словомъ, бокъ-о-бокъ со всевозможными благами матеріальными

на дикарей должны были посыпаться и всевозможныя блага идеальныя. Великъ и милостивъ Аллахъ къ своимъ правовѣрнымъ!

„Умственные силы цивилизованнаго запада, — такъ скромно объяснял на банкетѣ, данномъ Перловичемъ по поводу отправки перваго русскаго каравана, роль россійскихъ цивилизаторовъ капитанъ Дрянеть, — умственные силы цивилизованнаго запада двинулись на дальній востокъ. Нельзя не видѣть въ этомъ новомъ потокѣ блистательнаго репоста, которымъ отвѣтилъ нашъ вѣкъ тому удару, который былъ нанесенъ изъ Азіи въ далекомъ прошломъ. Не трудно понять, — развивалъ ораторъ свою мысль, — что я намекаю на то время, когда движеніе необразованныхъ, варварскихъ племенъ, вышедшихъ изъ центральной Азіи, пользуясь одною только физическою силою, шаржировало или, правильнѣе сказать, атаковало зародыши европейской цивилизаціи... Прошли года — и вотъ мы видимъ новое явленіе, явленіе отрадное. Европа отплатила Азіи за прошлое зло, но отплатила какъ? — пославъ отъ себя потокъ умственныхъ силъ взамѣнъ грубыхъ физическихъ... Наука, искусство, торговля — все явилось къ услугамъ народа дикаго, невышедшаго еще изъ ребяческаго состоянія...“ (На далекихъ окраинахъ, Дѣло, № 11, стр. 87, 88).

Итакъ, „умственные силы“ двинулись на востокъ, — двинулись для того, чтобы предоставить „науку, искусство, торговлю“ къ услугамъ народа дикаго, невышедшаго еще изъ ребяческаго состоянія. Это отлично. Посмотримъ, однако, поближе на эти „умственные силы“, посмотримъ на нихъ въ тотъ моментъ, когда онѣ только-что снялись съ якоря, только-что пустились на свою цивилизаторскую дѣятельность, — посмотримъ на нихъ въ лицѣ тѣхъ цивилизаторовъ, съ которыми знакомить насъ г. Каразинъ.

Вотъ онѣ всѣ собрались въ „Отель Европа“, въ одномъ изъ поволжскихъ городовъ, отсюда прямой путь за Уралъ. Общее вниманіе возбуждаютъ обитательницы № 26, двѣ дамы — одна уже пожилая, другая молоденькая и къ тому-же еще красавица. Онѣ путешествуютъ incognito, отъ всѣхъ прячутся, ни съ кѣмъ не заговариваютъ, ни днемъ, ни ночью не выходятъ изъ своего номера. Таинственность, которою онѣ окружили себя (не по доброй, однакожъ, волѣ), придаетъ имъ особый интересъ въ глазахъ будущихъ цивилизаторовъ; цивилизаторы ломаютъ себѣ головы, подглядываютъ въ щелки, подслушиваютъ у дверей, но увъ! понять

ничего не могутъ. Право, со стороны можно подумать, что таинственныя обитательницы № 26 №—какіе-нибудь важныя политическіе агенты, отправленные съ секретною изъ секретнѣйшихъ миссій къ самому хану бухарскому. А въ сущности это не болѣе, какъ *живой товаръ*, выписанный изъ Петербурга въ Ташкентъ однимъ изъ оперившихся и пустившихъ корни цивилизаторовъ, разбогатѣвшимъ купцомъ Лопатинымъ. Для соблюденія „приличій“, а главное во избѣжаніе „соблазновъ“, хитрый купецъ строго-на-строго предписалъ своему прикащику такъ везти драгоценный товаръ, чтобы ни единый нескромный глазъ не могъ опорочить его. Прикащикъ ожидается въ отелѣ съ нетерпѣніемъ: безъ него „дамы“ не могутъ тронуться съ мѣста, а имъ ужъ страхъ какъ надоѣло ихъ одиночное заключеніе. Прелестная, какъ вербочный херувимъ, и такал-же глупенькая, какъ эта восковая кукла, Адель даже и не подозрѣваетъ, зачѣмъ и для чего тащатъ ее въ Ташкентъ, да еще тащатъ съ такими предосторожностями. Ея почтенная маменька, вдова отставнаго генераль-маіора, Фридерика Казиміровна Брозе, безъ вѣдома дочери запрдала ее сластолюбивому и престарѣлому ташкентскому цивилизатору. Задатокъ уже полученъ впередъ, а въ будущемъ обѣщанъ милостивый пріемъ и деньги, и коляски, и лошади. Осторожная мать и не менѣе осторожный „представитель торговаго сословія на далекомъ востокѣ“ тщательно скрыли свою сдѣлку отъ лица наиболѣе въ ней заинтересованнаго. Адель увѣрили, будто среди дикарей предвидится для нея мѣсто гувернантки съ 5,000 руб. годового жалованья.

Итакъ, обитательницы № 26—это тоже своего рода будущіе цивилизаторы,—цивилизаторы по части „нравовъ“ и „изящества чувствъ“.

Начало недурно, что будетъ дальше.

Пока „нѣжный товаръ“ томится въ своемъ номерѣ, прочіе цивилизаторы собрались въ столовой отеля. Тутъ вы опять встрѣчаетесь съ цивилизаторомъ въ юбкѣ... т.-е. нѣтъ, не въ юбкѣ, а въ кучерской поддевкѣ; но кучерская поддевка надѣта лишь „для удобствъ путешествія“, а, можетъ-быть, и съ какими-нибудь иными, менѣе невинными цѣлями. Эту барышню-кучера, тянущую водку какъ настоящій кучеръ, везетъ въ Ташкентъ „зеленолицый господинъ въ полу-военномъ костюмѣ“, везетъ для того,

конечно, чтобы при ея содѣйствіи уяснить дикарямъ истинное назначеніе женщины въ цивилизованномъ обществѣ и способствовать, такимъ образомъ, смягченію грубыхъ нравовъ. Не чуждъ, вѣроятно, этимъ возвышеннымъ цѣлямъ и другой, тутъ-же присутствующій кандидатъ въ цивилизаторы, отправляющійся въ Ташкентъ съ цѣлю сворою собакъ, которую онъ, не безъ нѣкотораго, конечно, основанія, зоветъ „своею семьею“. Онъ везетъ „семью“ съ собою „потому, что тамъ, говорятъ, фазановъ и разной дичи столько, сколько у насъ въ Рязани воронъ“. Но всего типичнѣе вотъ тотъ цивилизаторъ съ громадными русыми баками, занявшій видное мѣсто за столомъ и громогласно поучавшій разинувшихъ ротъ сосѣдей насчетъ самыхъ принциповъ „цивилизациі“. Господинъ этотъ въ Ташкентѣ бывалъ уже не разъ, онъ знаетъ туда дорогу, какъ свои пять пальцевъ, и рассказываетъ о ней тономъ непогрѣшимаго авторитета:

— „Пріѣзжаете вы на станцію, ораторствуетъ онъ, — стой — гдѣ станція?.. Ни слѣда; тамъ колеса кусокъ валяется, тутъ головешка какая-то чернѣетъ и лежатъ только одиноко на раскаленномъ пескѣ, въ рамкѣ съ выбитымъ стекломъ, почтовые правила о взиманіи прогоновъ и непричиненіи никакихъ обидъ и увѣчій ящикамъ и смотрителю. Ящикъ, этотъ косоглазый дьяволъ, сейчасъ лошадей выпрягаетъ и маршъ-маршъ въ степь, только вы его и видѣли; и остаетесь вы одни на произволь судьбы, песковъ и всѣхъ четырехъ вѣтровъ, и сидите день, сидите ночь, еще день, еще ночь...“ и т. д. Слушатели приходятъ въ ужасъ и не знаютъ, вѣрить имъ или нѣтъ? Цивилизаторъ успокоиваетъ, говоря, что обыкновенно „кто-нибудь *поопытнѣе* подѣдетъ и выручитъ“. — „А позвольте полюбопытствовать, вопрошаютъ его любознательные слушатели, — въ чемъ собственно состоитъ эта спасительная опытность?“ — „Въ чемъ?“ — „Да-съ“. — „А вотъ въ чемъ“. Господинъ съ бакенбардами всталъ, подошелъ къ окну, гдѣ лежала его фуражка и еще что-то, взялъ это „что-то“ положилъ его передъ своимъ приборомъ. — „Нагайка?“ — „Она самая. Вотъ вамъ альфа и омега путевой мудрости“.

— „Я дѣлаю такъ, пояснялъ свою „мудрость“ цивилизаторъ: — пріѣзжаю на станцію или, правильнѣе сказать, на мѣсто, гдѣ предполагается станція, и съ ящика глазъ не спускаю, сторожу его, какъ котъ сторожитъ мышъ, что высунула въ щель свою

голову. Ну-съ, тотъ, конечно, сейчасъ лошадей выпрягать торопится; — торопится, бестія, такъ, что сбрую рветъ зубами, а я тѣмъ временемъ изъ тарантаса вонъ; киргизъ на лошадь, а я на него; сгребъ за шиворотъ: стой! „Эй, тюра, кой!“ — значить: оставь, пусти! — „Нѣтъ, врешь, не уйдешь: лошадей! Атъ-берды, каналья!“ — „Гдѣ я лошадей возьму? плачетъ мошеникъ. — Мои совѣмъ пристали, дальше не пойдутъ, а другихъ нѣтъ; гдѣ онѣ — я не знаю; я съ той станціи, не мое дѣло!“ — А я сейчасъ: бацъ! вотъ этимъ самымъ инструментомъ“. Ораторъ поднялъ нагайку. „Вой, вой!“ „Я сейчасъ опять: бацъ! а за воротникъ крѣпко держу: не вырвется. Благимъ матомъ визжитъ киргизъ, на всю степь заливаается, а тутъ сейчасъ и благіе результаты этого концерта: изъ-за одного бугра лошадей ведутъ, изъ-за другого хомуты несутъ; колеса у вашего тарантаса снимаютъ, саломъ мажутъ, лошадей вамъ запрягаютъ, прогоновъ не берутъ, развѣ сами что-нибудь дадите, и съ поклонами провожаютъ. На слѣдующей станціи опять та-же исторія...“ („Погоня за наживой“, „Дѣло“, № 1, стр. 40, 41). Ну, конечно, и этотъ тоже идетъ смягчать нравы и гуманизировать дикарей... съ помощью нагайки.

По пути эта любопытная коллекція „умственныхъ силъ“ увеличилась новыми, не менѣе интересными субъектами. Появился нѣкій шулеръ съ „прелестною блондинкою“, навѣрняка обыгрывающій своихъ довѣрчивыхъ спутниковъ; появилась и Августа Ивановна, нѣмка изъ Риги или Ревеля, тоже забравшая съ собою всю „свою семью“, но только на этотъ разъ это были уже не собаки, а „дѣвицы веселаго нрава“. Нѣмка сообразила, что не всѣмъ по карману выписывать „нѣжный товаръ“ на свой счетъ, что не всѣ цивилизаторы — Лопатины, но всѣ люди-человѣки, и, слѣдовательно, спросъ на дѣвицъ „веселаго нрава“ всегда будетъ. Наконецъ, въ рядахъ всѣхъ этихъ ташкентскихъ рыцарей мы встрѣчаемся и съ „героемъ“ буръ въ стаканѣ воды — Ледоколовымъ, чающимъ найти въ Ташкентѣ „забвеніе“ жениной певѣрности и нѣкоторое утѣшеніе за наставленные ему рога. Съ нимъ ѣдетъ товарищъ его по профессіи, — не по профессіи рогоносца, а по инженерной профессіи, — товарищъ, преслѣдующій уже положительно цивилизаторскія цѣли... по части каменнаго угля. „Я, знаете, объясняетъ онъ Ледоколову, — немного горное дѣло каракую, такъ вотъ хочу попытать счастья“. Юный инженеръ,

очевидно, принадлежалъ къ разряду „дѣловыхъ людей“, но, къ несчастію, онъ не обладалъ ни однимъ изъ свойствъ „дѣльца“ и при томъ-же принялъ слишкомъ au sérieux свою цивилизаторскую миссію. Въ результатѣ оказалось, что ташкентскіе цивилизаторы не признали его за *своего*, а цивилизуемые дикари наотрѣзъ отказались спускаться въ шахты; по своей крайней глупости, они не въ силахъ были уразумѣть всей прелести подземныхъ работъ и всѣхъ тѣхъ благъ, которыя въ будущемъ долженъ былъ принести имъ каменный уголь.

Нужно-ли говорить, что шестіе „умственныхъ силъ“ на востокъ не обошлось безъ цивилизаторскихъ подвиговъ, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ повѣствоваль „опытный человекъ“ въ „Отель Европа“.

— „Смотрителя берженской станціи видѣли?“ спрашиваетъ цивилизаторъ № 1 цивилизатора № 2.— „Видѣлъ; это пятая станція отъ города, кажется“.— „Ужь тамъ какая она счетомъ—не знаю. А глазъ у него лѣвый видѣли? хорошъ?“— „Подбить сильно“.— „Моихъ-съ рукъ работа...“ съ чувствомъ сознанія собственного достоинства произноситъ „умственная сила“ (Погоня за наживой, Дѣло, № 3, стр. 111).

На дорогѣ пріатели Ледоколовъ съ Бурченко (такъ звали цивилизатора по каменноугольной части) наткнулись на слѣдующій эпизодъ:

„Вся голая, съ сине-багровыми полосами, танувшимися крестообразно по плечамъ, спинѣ и худымъ, выдающимся ребрамъ, съ распухшимъ коленнымъ, обмотаннымъ грязными тряпками,—полусидѣла жалкая фигура еще не стараго киргиза и пугливо глядѣла на русскихъ учащенно моргающими, слезящимися глазками. Но кромѣ безотчетнаго страха, въ этомъ дикомъ взглядѣ чудилось что-то недоброе. Такъ смотритъ волкъ, пойманный въ капканъ, когда къ нему подходитъ охотникъ-промышленникъ и, поплеывая на рукавицу, стискиваетъ рукоятъ топора, обухомъ котораго намѣренъ прикончить пойманнаго, лишенаго возможности защищаться разбойника.“

— „Зачѣмъ Урумбайку бить... Урумбайку бить не надо... Его уже много, много били...“ хрипло бормоталъ киргизъ и все плотнѣе и плотнѣе жался въ кибиточной кошмѣ, словно хотѣлъ продавить ее этимъ движеніемъ.— „Кто-же это тебя билъ?“ полюбо-

пытствовалъ Бурченко. Несчастнѣй киргизъ долго не могъ оправиться отъ страха при видѣ русскихъ; наконецъ, убѣдившись, что они не желаютъ просвѣщать его нагайкою, онъ немножко приободрился и отвѣтилъ Бурченкѣ съ должною обстоятельностью. Дѣло было такъ: пріѣзжаетъ какой-то цивилизаторъ на станцію; лошадей нѣтъ; онъ за ямщика. „Хотѣлъ я было спрятаться, разсказывалъ несчастнѣй киргизъ, да не успѣлъ... и вырваться не могу: держать крѣпко. „Подожди, тюра“, говорю, а онъ меня бацъ! прямо въ глазъ булакомъ, вонъ подбилъ какъ! Сталъ я рваться, кричать — и ужь ничего не помню. Можетъ, я его самъ какъ-нибудь нечаянно ударилъ, можетъ быть, и не трогалъ. Прижалъ онъ меня къ самой землѣ, подтащилъ къ своему тарантасу и принялся дуть... билъ, билъ онъ меня... Я сперва считалъ — думалъ послѣ жаловаться бѣю, такъ чтобъ счетъ знать... Да гдѣ ужь тутъ... Говорить: „Покуда лошадей не приведутъ, до тѣхъ поръ бить не перестану“. — Привязалъ онъ меня къ колесу да и лунить; перестанетъ на минуту, отдохнетъ, табаку покурить и опять... Ужь мнѣ потомъ и не больно было... Ничего не помню. Очнулся я, когда темнѣтъ уже стало...“ (ib., стр. 129).

Какъ видите, поучительная проповѣдь въ „Отель Европа“ не пропала даромъ: соблазнительная теорія „нагайки“ при первомъ же удобномъ случаѣ перешла на практику и, разумѣется, результаты получились великолѣпные. Благодѣтельный страхъ былъ внушенъ. Начало цивилизаціи положено...

III.

Изъ приведенныхъ картинокъ можно уже напередъ предвидѣть, какова должна быть просвѣтительная дѣятельность „умственныхъ силъ“ по водвореніи ихъ на мѣстѣ ихъ цивилизаторскаго прища.

Цивилизаторы по части правовъ основательно сообразили, что на умъ „народа дикаго, еще невышедшаго изъ ребяческаго состоянія“, лучше всего дѣйствовать примѣромъ. И вотъ передъ глазами ошеломленныхъ туземцевъ развернулись всѣ прелести трактирно-гостинодворской жизни. Какая яркая, какая веселенькая картинка! Съ утра до ночи — пьянство и карты, карты и пьянство,

а въ антрактахъ смѣлыя атаки на дешевыхъ красавицъ, серенады подъ окнами, выламываніе воротъ, лазанье по окнамъ — и вездѣ, и всегда нагайка, — спасительная нагайка!..

Купецкое самодурство, замоскворецкое „нраву моему не препятствуй“ придаютъ всей этой картинкѣ „развеселаго житья“ особый, замоскворѣцкій колоритъ, благодаря которому смыслъ картины еще болѣе популяризируется и уясняется уму и сердцу „народа дикаго“. Помните, читатель, остроумный пассажикъ купца Хмурова съ „Машкой“? У почтеннаго просвѣтителя по части „здравыхъ экономическихъ началъ“ пирь идетъ горой. Цвѣтъ ташкентскихъ цивилизаторовъ, „съ веселіемъ и гордостью“ въ сердцѣ, пропиваетъ барыши купца и проигрываетъ двойные прогоны. Вдругъ отворяются двери и въ комнатѣ появляется тигрица. Безстрашные рыцари блѣднѣютъ и трепещутъ. Самодуръ въ восторгѣ: онъ, видите-ли, хотѣлъ подшутить надъ господами военными! Но среди господъ военныхъ нашелся остроумецъ, который перехитрилъ купца. Нѣкому цивилизатору изъ казаковъ пришла оригинальная мысль дернуть тигрицу за хвостъ. Задумано — сдѣлано. Тигрицѣ шутка веселаго офицера пришлась не по вкусу, она всакиваетъ съ страшнымъ ревомъ, дико озирается по сторонамъ, выбирая жертву повкуснѣе. На нее выпускаютъ собаку и начинается потѣха во вкусѣ испанскихъ боевъ. А храбрые гости еще болѣе блѣднѣютъ и трепещутъ.

Недурная забава, не правда-ли? Но, по крайней мѣрѣ, она совершенно невинная и кромѣ страха гостямъ да убытка для хозяина никому отъ нея никакого вреда не произошло. Къ несчастію, не всѣ забавы цивилизаторовъ отличаются тѣмъ-же безобиднымъ характеромъ. Иногда имъ надоѣдаетъ шутить надъ собою и они дѣлаютъ предметомъ своихъ шутокъ туземцевъ. Тутъ уже шутки становятся дѣломъ совсѣмъ нешуточнымъ.

Посылаютъ, напр., въ мирные аулы нѣсколькихъ веселыхъ молодцовъ сдѣлать опись киргизскимъ кибиткамъ. Пріѣзжаютъ они съ гамомъ, шумомъ, пѣснями, требуютъ себѣ отдѣльныхъ кибитокъ, барановъ, молока... Все, разумѣется, готово къ ихъ услугамъ. Начинается кутежъ; пили, пили, до тѣхъ поръ, пока уже ноги не стали держать; сзываютъ народъ и держать къ нему такую рѣчь: вочевать, моль, довольно, больше нельзя; всѣ кибитки они должны въ степи припечатать казенною печатью (вотъ шутники-

то!), а кто печать сорветъ, того... ну, извѣстно, туда, куда Макарь телятъ не загонялъ. „Затѣмъ, рассказываетъ киргизъ, — и пошли кибитки считать, а сами ужъ ничего не видятъ, га ногахъ шатаются и все бумагу изъ рукъ роняютъ. Такъ ничего и не сосчитали“.

Принялись за дѣвокъ — ихъ тоже зачѣмъ-то понадобилось считать. И такъ они хорошо ихъ считали, что лопнуло, наконецъ, терпѣніе у киргизовъ, и „дикий народъ“, непривыкшій еще къ цивилизованному обращенію съ „прекраснымъ поломъ“, рѣшился вступить за своихъ женъ, сестеръ и матерей. Старшина аула, опасаясь свалки и въ особенности ея печальныхъ послѣдствій, подаль совѣтъ веселымъ людямъ по добру по-здорову убираться лучше во-свояси. Веселые люди усмотрѣли въ этомъ вѣжливомъ приглашеніи несомнѣнный признакъ „явнаго неповиновенія противъ закономъ установленныхъ властей“. „А, ты бунтовать!..“ и бац! старика-бѣя по фізіономіи. Ну, тутъ ужъ шутка должна была кончиться. Шутниковъ насильно посадили въ тарантасы и съ почетнымъ конвоемъ выпроводили изъ аула. На прощаніе они, какъ и слѣдовало ожидать, выказали себя истинными героями: увидя, что киргизы шутить съ ними болѣе не намѣрены, они задали такого тусу, что одинъ изъ нихъ даже расплакался. Бѣй, желая оградить свой аулъ на будущее время отъ подобныхъ посѣгителей, потребовалъ формальную росписку, за казенною печатью, въ томъ, что они болѣе къ нимъ не вернуться. Старикъ бѣй на-столько цивилизовался, что сталъ теперь придавать особую вѣру всякой бумажкѣ за казенною печатью! Все, къ чему приложена печать, все, что закрѣплено подписью оффіціального лица, представлялось этому неосфиту цивилизаціи чѣмъ-то святымъ и на вѣки-вѣчные ненарушимымъ.

Перетрусившіе весельчаки не замедлили исполнить требованіе старшины и выдали ему росписку законнаго содержанія:

„Мы, имена которыхъ стоятъ внизу (имена были, разумѣется, вымышленныя), общаемъ и клянемся нашими головами, душами и самимъ Богомъ, что впередъ въ аулы „Будугай-Сабуль-Урунаръ“ прѣзжать не будемъ и никакихъ неразумныхъ словъ тамъ говорить тоже не будемъ, ибо отъ неразумныхъ словъ и неразумныя дѣла дѣлаются. Если-же мы слова своего не сдержимъ, то низойдетъ проклятіе Аллаха на наши лживыя головы“.

Сыны „дикаго народа“ вполне удовлетворились этою роспискою и, выпроводивъ непрошенныхъ гостей, остались въ непоколебимой увѣренности, что теперь „проклятые гауры“ къ нимъ никогда больше носу не покажутъ. А между тѣмъ они, оправившись отъ страха и насмѣявшись вдоволь надъ своею остроумною шуткою, полетѣли докладывать „кому слѣдуетъ“, что въ аулахъ „Будгай-Сабуль-Урунаръ“ вспыхнулъ бунтъ, что жизнь ихъ висѣла на волоскѣ и что только благодаря своей удивительной находчивости и мужественной смѣлости имъ удалось остаться цѣлыми и невредимыми.

Примѣръ заразителенъ. Однажды одному изъ цивилизуемыхъ вздумалось тоже подшутить надъ цивилизаторами. Но такъ-какъ онъ былъ сынъ „народа дикаго, еще невышедшаго изъ ребяческаго состоянія“, то, разумеется, и шутка его отличалась чисторебяческимъ характеромъ и по своему остроумію далеко уступала шуткамъ нахлынувшихъ на востокъ „умственныхъ силъ“. Все дѣло состояло въ томъ, что какому-то киргизу ужасно какъ захотѣлось испугать немножко одну проѣзжую русскую барыню. Идетъ она съ мужемъ мимо забора, а необразованный „сынъ природы“ возьми да изъ-за забора и гикни. Барыня была тѣлосложенія нѣжнаго, очень миленькая и очень молоденькая; разумеется, она испугалась и закричала, какъ и подобаетъ всякой благовоспитанной барынь. Испугать такое благовоспитанное, милое и граціозное созданіе, это, по мнѣнію цивилизаторовъ, неслыханная дерзость, требующая строгаго и немедленнаго наказанія. Слѣдовало поддержать честь испуганной „цивилизациі“. и супруги тутъ-же приступили къ примѣрной расправѣ. Мужъ сталъ держать дикаря, скрутивъ ему локти назадъ, а жена, вооруживъ свои прелестныя ручки водочною бутылкою, стала бить его ею по зубамъ. „Зубы выбила, рассказывалъ очевидецъ, — бутылку разбила, рожу всю стекломъ изрѣзала... Даже смотрѣть было противно“. („Погоня за наживой“, „Дѣло“, № 3, стр. 130). Позвольте, вы сказали: „рассказывалъ очевидецъ“, — что-же дѣлалъ этотъ очевидецъ? неужели онъ могъ оставаться спокойнымъ зрителемъ подобнаго безобразія? Это, вѣрно, былъ дикарь?.. Нѣтъ, это тоже былъ одинъ изъ цивилизаторовъ, и даже одинъ изъ самыхъ благонамѣреннѣйшихъ цивилизаторовъ — юный горный инженеръ Бурченко. Но сей благородный инженеръ разсудилъ такъ: „виѣ-

шаешься—пожалуй, тоже бутылкою попотчуютъ,—они не одни, съ ними ѳхали еще три цивилизатора (служить по мировымъ учрежденіямъ); посуды пустой у нихъ много—значить, лучше, по-добру по-здорову, отойти отъ зла“. И онъ отошелъ, хотя и не сотворилъ никакого „блага“.

Нужно, впрочемъ, сознаться, что прелестная дама и ея просвѣщенные кавалеры поступили съ дерзкимъ киргизомъ довольно снисходительно: онъ все-таки совершилъ нѣкоторый проступокъ, значить заслужилъ и нѣкоторое наказаніе. Многимъ изъ его собратій придется хуже: имъ часто приходится поднадать подъ тяжелую руку или казацкую нагайку „умственныхъ силъ“ безъ малѣйшей съ ихъ стороны провинности. Ёдетъ, напр., по улицамъ Ташкента мѣстный цивилизаторъ „по части экономическихъ началъ“, тотъ самый, который снарядилъ „первый русскій караванъ“ и на банкетѣ у котораго Азія приглашалась благодарить Европу за ниспосланную ей благодать въ видѣ изливагося на нее потока умственныхъ силъ,—ѳдетъ этотъ тузъ, и вдругъ—о, ужасъ! какой-то ободранный, искалѣченный старикъ-нищій—изъ туземцевъ, разумѣется—осмѣлился попросить у него подаванія. — „Прочь“, крикнула „умственная сила“; цивилизаторская нагайка взвилась, и несчастный старикъ, сбитый лошадыю, упалъ на землю; „сила“ ускакала дальше, какъ-бы не замѣчая своего подвига. „Тяжело приподнялось бронзовое тѣло съ пыльной дороги. Сквозь дряблыя, поблекшія десны глухо прорывались невнятные проклятія вслѣдъ удаляющемуся всаднику“ („На далекихъ окраинахъ“, „Дѣло“, № 9, стр. 17).

Вотъ вамъ поучительные образчики гуманизаторской дѣятельности тѣхъ „умственныхъ силъ“, которыя такъ конкретно рисуются г. Каразинымъ въ разбираемыхъ нами романахъ. „Затрепцана“, „нагайка“, „битье по зубамъ посудю“—таковы, какъ вы видите, главныя и наиболѣе употребительныя орудія этой дѣятельности. Съ помощью этихъ упрощенныхъ педагогическихъ приѣмовъ „добраго стараго времени“ наши цивилизаторы надѣются достигнуть смягченія и упрощенія нравовъ дикарей. Повидимому, они избрали для вящшаго успѣха своего цивилизаторскаго прозелитизма тотъ самый способъ, который употребляли благородные спартанцы для возбужденія въ своихъ дѣтяхъ отвращенія къ злоупотребленію спиртными напитками. Спартанцы, какъ извѣстно,

напавляли илота, доводили его до потери самосознанія, а затѣмъ заставляли своихъ юношей любоваться омерзительною картиною мертвеца-пьянаго раба. Ташкентскіе рыцари съ истинно-рыцарскимъ самоотверженіемъ взяли на себя неблагоприятную роль илота. Безобразничая надъ слабымъ, повсюду выдвигая на первый планъ законъ силы, да притомъ еще самой грубой, физической силы, проводя все свое время въ бутежахъ и пьянствѣ, относясь другъ къ другу самымъ безцеремонно-циническимъ образомъ, раболѣпствуя передъ старшимъ и ломаясь передъ низшимъ и т. д., и т. д., они хотятъ, вѣроятно, внушить омерзѣніе туземцамъ къ основнымъ началамъ ихъ дикой жизни, возбудить въ нихъ отрицательное къ ней отношеніе. Остроумно придумано: чтобы цивилизовать дикаря, цивилизаторъ устраиваетъ свою жизнь такимъ образомъ, что въ ней, какъ въ зеркалѣ, и притомъ еще въ кривомъ, испорченномъ зеркалѣ, онъ видитъ изображеніе своего собственнаго быта.

Мы говорили уже, какъ относятся ташкентскіе кочевники къ женщинѣ. Для нихъ она—самка, годная для исполненія извѣстныхъ (и часто весьма тяжелыхъ) домашнихъ работъ. Они видятъ въ ней, съ одной стороны, средство для размноженія потомства, для поддержанія племенной жизни, съ другой—нѣкоторую экономическую силу, нѣкоторое рабочее орудіе. Рожать мужу дѣтей (преимущественно мальчиковъ) и безустанно работать на семью—вотъ ея единственное назначеніе, вотъ весь смыслъ ея существованія. На практикѣ первая изъ этихъ двухъ ея жизненныхъ цѣлей переводится словами: „вѣрная и плодovitая жена“; вторая—опредѣляется столь-же лаконическою формулою: „усердная и послушная раба“. Будь женщина „вѣрною, плодovитою женою и усердною, послушною рабою“—и дикарь больше отъ нея ничего не потребуешь... Еще-бы! Чего-же можно еще потребовать?

Чего? О, еще довольно многого. Дикарь отнимаетъ у женщины право свободно располагать своею судьбою, онъ заставляетъ ее вѣчно на себя работать, онъ не позволяетъ ей имѣть свою собственную волю, на-сколько эта воля можетъ выразиться въ самостоятельныхъ поступкахъ, но онъ не вмѣшивается въ ея внутреннюю жизнь. Конечно, это происходитъ, вѣроятно, отъ глупости и неразвитости, но отчего-бы это ни происходило, его ти-

ранія имѣть обыкновенно характеръ чисто-внѣшняго ярма. Пока женщина работаетъ и вѣрно исполняетъ свои супружескія обязанности, онъ относится къ ней безъ всякаго самодурства, онъ не требуетъ отъ нея, чтобы она смѣялась, когда ей хочется плакать, или плакать, когда ей хочется смѣяться; онъ не требуетъ отъ нея словъ любви и нѣжности, когда въ сердцѣ ея кипитъ злоба и ненависть; онъ не мучитъ ее своими праздными капризами, онъ не обращается къ ней съ тить-титычевскими вопросами: „жена, чего моя нога проситъ?“ Онъ не скажетъ ей: „не дыши, не раздражай меня!“ Нѣтъ, онъ не дошелъ еще до всѣхъ этихъ тонкостей. Можетъ быть, какъ мы сказали уже, это происходитъ отъ его неразвитости, отъ его рѣшительнаго неумѣнья подчинять своей власти, вмѣстѣ съ *тѣломъ*, и *душу* человѣка. А можетъ быть, это зависитъ и отъ его взгляда на женщину. Онъ видитъ въ ней свою безусловную рабу, но онъ еще не возвысился до того, чтобы видѣть въ ней свою игрушку, свою забаву, дешевое средство для удовлетворенія его разнообразныхъ похотей и вождельній. Его отношенія къ ней грубы, циничны, безчеловѣчны, но въ нихъ есть своего рода *уваженіе*, то уваженіе, которое проглядываетъ въ его отношеніяхъ къ хорошей домашней скотинѣ, вѣрно исполняющей свою службу. Конечно, уваженіе подобнаго сорта нельзя сопричислять къ разряду „возвышенныхъ чувствъ“; конечно, оно не можетъ быть особенно лестно для женщины, однако все-таки оно должно быть менѣе для нея обидно, чѣмъ то, напр., чувство, которое испытываетъ „восточный человѣкъ“ къ „батчамъ“. Батчи—красивые мальчики, играющіе на востокѣ роль нашихъ проститутокъ: ихъ холятъ, нѣжатъ, за ними ухаживаютъ, отъ нихъ требуютъ и взаимности, и нѣжности, и всего того, чего обыкновенно требуютъ отъ „западныхъ красавицъ“, а когда они состарятся, ихъ выбрасываютъ вонъ, какъ выжатый или прогоркшій лимонъ.

Какія-же новыя воззрѣнія внесли гг. Хмуровы, Лопатины, Бурченко въ понятія дикихъ о женщинахъ?

Толпы женщинъ, наѣхавшихъ въ Ташкентъ, принадлежали къ двумъ категоріямъ: однѣ были переселены въ видахъ уравнивленія численности обоихъ половъ, т. е. въ видахъ облегченія одному полу удовлетворять своимъ половымъ стремленіямъ насчетъ другого. За этими женщинами не признавалось никакого другого

значенія, кромѣ значенія самокъ. По доставленіи ихъ на мѣсто онѣ тотчасъ либо пристраиваются—это къ мужу, кто къ любовнику, — либо, просто, „по господамъ офицерамъ бѣлье ходять стирать“. И пристроившіяся, и непристроившіяся, памятуя свое назначеніе, очень скоро становятся *общимъ* достояніемъ, пускаются, какъ говорится, „въ оборотъ“. Работъ отъ нихъ никакихъ особенныхъ не требуется, не требуется ни любви, ни даже нѣжности,—требуется только одна *готовность* всегда и во всякое время исполнять обязанности любовницы. Понятно, что къ женщинамъ этого сорта ташкентскіе рыцари относятся съ тѣмъ животнотупымъ цинизмомъ, съ тѣмъ капризнымъ самодурствомъ, съ которыми принято даже въ самыхъ цивилизованныхъ центрахъ относиться къ такъ-называемымъ „погибшимъ, но милымъ созданіямъ“.

Другая категорія женщинъ переселяется въ Ташкентъ добровольно и на собственный коштъ (или-же на коштъ своихъ „возлюбленныхъ“), преслѣдуя при этомъ тѣ-же самыя цѣли, какія поставляются на видъ переселенкамъ *по вызову начальства*. Онѣ точно также смотрятъ на себя только, какъ на погибшихъ, но милыхъ созданій, и въ средѣ окружающихъ ихъ и „состоящихъ при нихъ“ господъ офицеровъ, аферистовъ, купцовъ и вообще ташкентскихъ рыцарей никому никогда, конечно, и въ голову не придетъ отнестись къ нимъ иначе, чѣмъ онѣ сами къ себѣ относятся. Однако, онѣ довольно хорошо выдресированы и ихъ миссія состоитъ, главнымъ образомъ, не столько въ томъ, чтобы удовлетворять, сколько въ томъ, чтобы *возбуждать*. Марфа Васильевна и прекрасная архитекторша (она фигурируетъ въ обоихъ романахъ г. Каразина) повсюду ведутъ за собою цѣлую ораву гарнизоннаго и иного кавалерства, вертятъ головы ташкентской молодежи и своею кажущоюся общедоступностью приманиваютъ къ себѣ чуть не каждого встрѣчнаго. Но, въ сущности, онѣ доступны, и даже черезчуръ доступны, только для немногихъ избранныхъ: чтобы быть этимъ избраннымъ, нужно обладать или физическою силою Батогова, или богатствомъ Лопатина; и тому, и другому онѣ попеременно предлагаютъ себя, и предлагаютъ такъ незатѣйливо-просто, что не знаешь, чему тутъ больше удивляться: безыскусственности-ли ихъ цинизма или зрѣлости ихъ опыта по части „искусственныхъ возбужденій“ (см. „На далекихъ окраинахъ“, „Дѣло“, № 9, стр. 59, 60, 83, 84;

„Погоня за наживою“, „Дѣло“, № 11, стр. 29). Всѣхъ своихъ остальныхъ поклонниковъ, немогущихъ предоставить къ ихъ услугамъ ни здороваго, сильнаго тѣла, ни туго-набитаго кошелька, онѣ, какъ-говорится, мажутъ только по губамъ. Но это обстоятельство нисколько не смущаетъ нашихъ рыцарей и не охлаждаетъ ихъ любовнаго жара. Имъ, очевидно, весьма пріятно находится въ постоянномъ возбужденіи, тѣмъ болѣе, что это и время убиваетъ, и дѣлаетъ не такъ замѣтными антракты между кутежами и попойками; да, притомъ-же, кто знаетъ, не ровнень часъ, быть можетъ, и имъ когда-нибудь перепадетъ кое-что отъ „общедоступной“ архитекторши?

И вотъ начинаются безконечныя ухаживанія, заигрыванія; отважные рыцари превращаются въ „молодыхъ жеребчиковъ“, съ утра до ночи скачущихъ и галоцирующихъ около своихъ „созблзнительныхъ красавицъ“. Въ этомъ скаканіи и галоцированіи исчерпываются всѣ отношенія „ташкентскаго рыцаря“ къ ташкентской дамѣ. Онъ видитъ въ ней только предметъ для ухаживанія, средство пріятно провести время между двумя нульками... виноватъ, ташкентскій рыцарь играетъ только въ банкъ, — между двумя банками или двумя дюжинами шампанскаго, — онъ видитъ въ ней стимулъ къ постоянному раздраженію его отупѣвшихъ нервовъ, — онъ видитъ въ ней, однимъ словомъ, только то, что видитъ „восточный человѣкъ“ въ своемъ „батча“, и больше ничего.

Вотъ каковъ тотъ „высшій взглядъ на женщину“, который наши рыцари и словомъ, и примѣромъ стараются пропагандировать среди „народа дикаго, еще невышедшаго изъ ребяческаго состоянія“. Но не думайте, что, проповѣдуя эту новую обязанность, это новое (для дикаря, конечно) назначеніе женщины, они не думаютъ отрицать и тѣхъ двухъ обязанностей, и того ея двойкаго значенія, которыя навязываетъ ей дикарь. Правда, насчетъ значенія женщины, какъ экономической, рабочей силы, наши рыцари имѣютъ весьма смутное, неопредѣленное понятіе. Представленіе женщины-игрушки, изящнаго развлеченія отодвигаетъ у нихъ на задній планъ представленіе о женщинѣ-работницѣ. Но за то они очень строги по части преданности и вѣрности. Разъ женщина еуплена, разъ она сдѣлалась ихъ *собственностью* — они считаютъ ее своею рабою, надъ которою никто, кромѣ ихъ, господъ

покупщиковъ, никакихъ правъ имѣть не можетъ и не долженъ. Купленная теряетъ не только свою *внѣшнюю* свободу — свободу жить и дѣйствовать по собственному желанію, она теряетъ и свою свободу внутреннюю: она должна не только исполнять въ отношеніи своего господина извѣстныя обязанности, она должна любить его, она не смѣетъ даже *мысленно* согрѣшить противъ него, не смѣетъ даже *мысленно* отдавать предпочтеніе постороннему мужчинѣ. Она обязана быть веселою, когда того желаетъ ея владыка, она должна печалиться, когда онъ печаленъ; она должна знать, „чего нога его хочетъ“, она должна удерживать дыханіе, если ея дыханіе раздражаетъ повелителя. Вспомните, читатель, отношенія Лопатина къ купленной имъ дочери г-жи Брозе.

Лопатинъ купилъ Адель заочно отъ ея почтенной маменьки. Маменька, не сказавъ ни слова дочери объ истинномъ смыслѣ договора, заключеннаго ею съ ташкентскимъ рыцаремъ, обманнымъ образомъ увезла ее въ Ташкентъ. Рыцарь знаетъ, что купленная имъ дама не питаетъ къ нему ни малѣйшаго чувства, хоть сколько-нибудь похожаго если не на любовь, то хоть на простую симпатію; онъ знаетъ, что сдѣлка купли тщательно сокрыта отъ нея заботливою маменькою. Но это нисколько его не смущаетъ. Развѣ вещь спрашиваютъ, хочетъ она или не хочетъ изъ рукъ продавца перейти въ руки покупателя? Развѣ для законности продажи, напр., лошади или коровы, не достаточно согласія на продажу ихъ владѣльца? Въ глазахъ ташкентскаго рыцаря Адель — та-же вещь, та-же домашняя скотина. Единственный законный собственникъ этой вещи — ея мать. Она согласилась на продажу, она подписала договоръ, и дѣло кончено, — покупка вошла въ законную силу. Теперь Адель, ничего незнающая и неподозрѣвающая, его собственность; и онъ тотчасъ-же вступаетъ въ свои права. Онъ предписываетъ ея матери и своему прикащику доставить ее къ нему „цѣлою и невредимою“, — это значитъ: купленная дѣвушка во всю дорогу не должна ни съ кѣмъ ни говорить, ни знакомиться, по возможности никого даже не видѣть. Мать и прикащикъ стараются исполнить съ буквальною точностью предписаніе повелителя; они везутъ несчастную дѣвушку какъ какую-то секретную арестантку; они съ полицейскою ревностью слѣдятъ за каждымъ ея словомъ, за каждымъ ея взглядомъ; они не допускаютъ къ ней ни одного посторонняго чело-

вѣка; ни одинъ внухъ не сталъ-бы оберегать съ большею предусмотрительностью, съ большею жестокостью ввѣренную ему султаншу отъ взоровъ „невѣрныхъ“, чѣмъ они оберегаютъ ввѣренную имъ кандидатку въ султанши отъ взоровъ нескромныхъ пробѣзжихъ. Впрочемъ, эта предусмотрительная жестокость не помѣшала „прелестной Адели“ завести по дорогѣ знакомство съ господами горными инженерами и даже познакомиться съ ними своего любезнаго. Любезный, разумѣется, разгнѣвался, сочтя себя оскорбленнымъ въ своихъ правахъ на Адель. Однако, онъ былъ на-столько цивилизованъ или, по-просту, на-столько хитеръ, что скрылъ свои огорченія въ глубинѣ своей души. Горные инженеры были немедленно удалены изъ Ташкента и купленная красавица, вмѣстѣ съ матерью, подвергнута строгому аресту. Въ отведенныхъ имъ роскошныхъ апартаментахъ ихъ держали какъ плѣнницъ или какъ гаремныхъ одалисокъ. Имъ не дозволялось ни видѣться, ни имѣть сношеній съ посторонними людьми. На прогулки онѣ могли ѣздить не иначе, какъ въ сопровожденіи своего повелителя. А когда повелителю надоѣло разыгрывать роль тюремщика, нераздѣляющаго ложе своей жертвы, когда ему захотѣлось вкусить отъ плода супружескихъ правъ, онъ, не долго думая, ворвался въ спальню красавицы и учинилъ насиліе надъ нею. Красавица сопротивлялась, упиралась, кричала, возмущалась, егидовала, но все-таки осталась въ его домѣ, на тѣхъ-же правахъ, на какихъ жила и прежде. Препрежнее затворничество, прежній надзоръ не только не были смягчены, но, какъ кажется, еще болѣе усилены. Неизвѣстно, долго-ли-бы продолжалась подобная жизнь и скоро-ли Адель окончателно примирилась-бы съ своимъ положеніемъ и приспособилась-бы къ своимъ тяжелымъ обязанностямъ, если-бъ не случилось непредвидѣнное обстоятельство, испортившее все дѣло, заставившее Лопатина добровольно отказаться отъ своей покупки и нарушить контрактъ, заключенный съ ея матерью. Причиною была сама мать. Эта почтенная представительница ташкентской цивилизаціи, несмотря на свои преклонныя лѣта и на свою далеко не цвѣтущую фізіономію, никакъ не могла забыть, что она все-таки женщина и что женщина всегда должна заводить интрижки и любовныя шашни. Вѣрная своему призванію, она старалась воспользоваться для ея практическаго осуществленія каждою минутою свободы, изрѣдка

выпадавшею на долю узницъ, благодаря неосмотрительности или нерадѣнію ихъ тюремныхъ надсмотрщиковъ. Въ одну изъ такихъ минутъ она заманила на ночное свиданіе нѣкоего рыцаря Ледоколова (одного изъ упомянутыхъ выше горныхъ инженеровъ). Рыцарь, вообразивъ, что она зоветъ его отъ имени дочери, въ которую онъ, какъ оказалось, былъ влюбленъ, не замедлил явиться въ назначенный часъ въ гаремный садъ. Въ саду онъ засталъ, къ своему удивленію, и мать, и дочь; послѣдняя, вошедшая въ планы матери и нежелавшая оспаривать у нея прекраснаго рыцаря, готова была уже удалиться съ мѣста свиданія, какъ вдругъ раздалась крики: „держи, лови!“ Тюремщики накрыли милое тріо — и пошла кутерьма. Побитый рыцарь со стыдомъ и позоромъ былъ обращенъ вспять, а расшалившіяся матушка съ дочкою получили категорическое предписаніе немедленно убираться вонъ изъ опозореннаго ими дома, изъ опозореннаго ими Ташкента, вонъ изъ среды этого „еще невышедшаго изъ ребаческаго состоянія“ народа — народа, который онѣ, очевидно, могли только развратить своимъ примѣромъ, вонъ — опять въ оставленный ими Питеръ. Воли Лопатина послушаться было нельзя, тѣмъ болѣе, что онъ, въ порывѣ своего великодушія, взялъ на себя издержки обратнаго провоза товара, оказавшагося, по испытанію, никуда негоднымъ. „Товару“, однако, не суждено было доѣхать благополучно къ мѣсту своего „водворенія“. Дорогою на него напали дикіе кочевники, и наши барыни изъ одного плѣна попали въ другой. Который покажется имъ сноснѣе? — объ этомъ пусть догадывается самъ читатель.

Тому-же догадливому читателю предоставляемъ мы отыскать отвѣтъ и на поставленный выше вопросъ: какіе новые элементы могли внести подобныя цивилизаторы въ понятія дикихъ о женщинѣ?

IV.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло лишь съ цивилизаторами „по части нравовъ“, т. е. съ цивилизаторами наиболѣе безвредными. И я, и вы, и всѣ мы, просвѣщенные сыны вѣка сего, очень хорошо понимаемъ, что „нравы“ — это такая штука, которую примѣромъ да пропагандою нельзя ни исправить, ни передѣлать, ни

улучшить, ни ухудшить. Любой гимназистъ, еще и неполучившій аттестата „зрѣлости“ и неуспѣвшій даже проглотить половины неправильныхъ глаголовъ по грамматикѣ Кюнера, — любой гимназистъ, говорю я, давнымъ-давно знаетъ, что „нравы суть продуктъ давныхъ историческихъ условій народнаго быта“ и что, слѣдовательно, для внесенія новыхъ началъ въ нравственную жизнь народа требуется предварительно внести таковыя въ его общественную жизнь. Отсюда становится само собою очевиднымъ, что дѣятельность „цивилизаторовъ по части нравовъ“ во всѣхъ случаяхъ даетъ въ результатъ чистѣйшій нуль, если за одно съ ними не будутъ дѣйствовать „цивилизаторы по части водворенія торговыхъ, промышленныхъ и другихъ началъ“. Нужно сознаться, что наши ташкентскіе цивилизаторы и „по части нравовъ“, и „по части промышленныхъ началъ“ постоянно дѣйствовали и дѣйствуютъ съ рѣдкимъ и полнѣйшимъ единодушіемъ, точно между ними состоялся на этотъ счетъ предварительный уговоръ. Благодаря этому обстоятельству, ихъ совокупная дѣятельность, какова-бы она ни была, не должна пропасть безслѣдно и бесплодно для „дикаго народа, еще невышедшаго изъ ребяческаго состоянія“, и се никоимъ образомъ нельзя игнорировать.

Мы видѣли уже, какія начала проникаютъ экономической бытъ этихъ дикарей; посмотримъ теперь, какія *новыя* начала вносятъ въ него наши цивилизаторы. Для этого припомнимъ читателю, въ *самыхъ* общихъ чертахъ, исторію одного изъ наиболѣе типическихъ представителей ихъ.

Двѣ темныя личности, два безродныхъ авантюриста — быть *можетъ*, какіе-нибудь избалованные шулера, фальсификаторы, воры, бродяги, — отправились въ Ташкентъ для поправленія своихъ дѣлишекъ. На дорогѣ, въ степи, они наткнулись на только-что разграбленный тарантасъ, около котораго валялась куча стараго, изодраннаго платья. У этой кучи виднѣлось что-то похожее на *человѣческую* ногу, у ней были даже руки, судорожно искривленные пальцы которыхъ глубоко вѣзались въ окровавленный песокъ. *Отъ* этой кучи разило запахомъ разлагающагося трупа. Очевидно, что разбойники недавно проходили черезъ это мѣсто, что здѣсь была кровавая схватка. Одному изъ авантюристовъ — называвшему себя *Перловичемъ* — пришла въ голову счастливая мысль. *Можетъ быть*, подумалъ онъ, разбойники недостаточно хорошо обрелизо-

вали карманы и мѣшки своихъ жертвъ, можетъ быть, они что-нибудь забыли, чего-нибудь не доглядѣли? И вотъ онъ начинаетъ доканчивать дѣло грабителей. Дѣйствительно, дикари оплошали; цивилизованные люди оказались неприимѣръ основательнѣе. Въ фургоны оставался пакетъ съ деньгами; его-то и не принѣтили первые; но вторые не замедлили, разумѣется, имъ воспользоваться. Овладевъ такимъ незатѣйливымъ образомъ вдвойнѣ чужимъ добромъ, они подѣлили его между собою поровну и съ спокойною совѣстью стали продолжать свой путь. Приѣхавъ туда, куда ѣхали, и твердо памятуя, что капиталъ не слѣдуетъ зарывать въ землю и что только дураку позволительно не считать *своимъ* все то, что какъ-нибудь перепало въ его руки, они пустили найденное добро въ оборотъ—одинъ на зеленомъ, другой—на торговомъ полѣ. Батововъ (такъ звали перваго) сталъ безсмѣннымъ банкометомъ, и скоро, какъ и слѣдовало ожидать, продулся въ пухъ и прахъ. Перловичъ-же сталъ купцомъ, и скоро—чего тоже можно было ожидать—разбогатѣлъ на славу. Вся почти мѣстная торговля очутилась въ его загребистыхъ рукахъ. Русскихъ конкурентовъ, менѣе его ловкихъ, онъ, какъ говорится, выпустилъ въ трубу, а купцовъ-азіатовъ онъ постарался обойти и сдѣлать ихъ посредничество въ торговыхъ оборотахъ съ Азіею ненужнымъ. Разумѣется, достигъ такихъ блестящихъ результатовъ онъ могъ не иначе, какъ благодаря щедрости, съ которою дѣлился своими выгодами съ другими. Это „содѣйствіе и покровительство“ обходились ему довольно дорого, но онъ умѣлъ воротить потерянное сторицею. Проценты бралъ болѣе, чѣмъ жидовскіе; съ одного барана дралъ не семь, а четырнадцать шкуръ. Не было такого простофили, который-бы хотя одну минуту усомнился въ томъ, что купецъ Перловичъ—первостатейный плутъ изъ плутовъ; но это, однако, никому не мѣшало считать его за прекраснѣйшаго человѣка, объѣдаться его роскошными обѣдами, опиваться его дорогими винами и принимать его у себя съ распростертыми объятіями. Разбогатѣвшій авантюристъ катался какъ сыръ въ мастѣ. Ташкентцы гордились имъ и ухаживали за нимъ. Онъ могъ-бы считать себя вполне счастливымъ, если-бы... если-бы онъ не жилъ подѣ властью закона силы или если-бы сила могла быть всегда на его сторонѣ.

Первымъ его мучителемъ явился его бывшій товарищъ Бато-

говъ. Безмятежно проигравъ легко-доставшіяся деньги, свою долю въ доставшейся ему находкѣ, онъ принялся проигрывать и перловичевскіе капиталы. Перловичъ, страха ради іудейска, давалъ-давалъ ему, но, наконецъ, его терпѣніе лопнуло и онъ рѣшился во что-бы то ни стало отдѣлаться отъ неотвязнаго попрошайки. Узнавъ, что нѣкій офицеръ потерпѣлъ отъ Батогова избіеніе нагайкою и что, вслѣдствіе этого, а отчасти и по поводу *амуровъ*, онъ точитъ на него зубъ, рыцарь „торговли“ подучилъ (дѣйствуя, однако, не отъ своего лица) рыцаря-воина пристрѣлить ненавистнаго обоимъ имъ человѣчка изъ-за засады. Но „караки“ подстрѣлили самого офицера и чуть-было не подстрѣлили и его противника, если-бы. по волѣ Аллаха, не сочли за лучшее взять его въ плѣнъ. Перловичъ достигъ своей цѣли, но увъ! не на долго. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Батогову, послѣ разныхъ странствій и приключеній, удалось бѣжать изъ плѣна, снова предстать передъ мутные взоры ташкентскаго рыцаря и снова начать вытребованіе денегъ. Теперь только онъ сталъ требовать ихъ не для себя и не для банка, а для дѣйствительной, подлинной, законной владѣтельницы „найденнаго“ въ стени богатства, для выкупа ея изъ плѣна, въ которомъ она томится съ самаго дня счастливой находки. Въ виду этихъ требованій, въ виду неизбѣжной перспективы дѣлиться съ непрошенымъ гостемъ своими барышами, Перловичъ приподнесъ своему пріятелю сигарку, пропитанную опиумомъ, и пріятель, накурившись ею вдосталь, тутъ-же и душу Богу отдалъ. Одно препятствіе на пути цивилизаторской дѣятельности ташкентскаго рыцаря было устранено, и устранено окончательно. Но тутъ не замедлило явиться другое, еще болѣе опасное.

Оно явилось въ лицѣ богатаго купца Лопатина. Новый конкурентъ по части промышленной цивилизаціи сталъ продѣлывать съ Перловичемъ тѣ-же самыя штуки, которыя Перловичъ продѣлывалъ съ своими старыми конкурентами. Опъ началъ подставлять ему ножку на каждомъ шагу, онъ вредилъ и накопилъ ему вездѣ, гдѣ только могъ. Благодѣтели нашли болѣе для себя выгоднымъ перенести на новое свѣтило свое „милостивое содѣйствіе и покровительство“. Борьба оказалась неравною, въ особенности когда Лопатинъ, задумавъ, съ одной стороны, окончательно уничтожить своего противника, а съ другой — оконча-

тельно облагодѣтельствовать „дикій народъ“, выписалъ изъ-за границы шелкочесательныя машины. Перловичъ понялъ, что на такъ называемой *легальной почтѣ* съ такою силою ему не справиться, что отъ „высшихъ сферъ“ ждать ему помощи нечего, и онъ рѣшился поискать ея у низшихъ, у самыхъ нижайшихъ сферъ. При содѣйствіи своего компаніона Бржизицкаго, онъ подговорилъ дикихъ кочевниковъ напасть на караваны, везшіе непавистныя машины, и разграбить ихъ. Бржизицкій выслѣдилъ транспортъ, подобралъ шайку удалыхъ молодцовъ, повелъ ее на караваны, перебилъ и перерѣзалъ охранявшихъ ихъ проводниковъ и уничтожилъ драгоцѣнныя машины. Двѣ трети лопатинскаго богатства погибли въ нѣсколько минутъ. Врагъ былъ побѣжденъ, ходъ цивилизаціи остановленъ, ея орудія истреблены руками тѣхъ самыхъ людей, которыхъ она имѣла въ виду облагодѣтельствовать.

Самъ цивилизаторъ наль духомъ и считалъ свое дѣло окончательно потеряннымъ. Онъ догадывался, кто сыгралъ съ нимъ эту скверную штуку, и въ отчаяніи ломалъ себѣ руки. Его прикащикъ — рыцарь безъ стыда и страха, второй экземпляръ Бржизицкаго, тоже догадывался, и не только догадывался, но былъ даже вполне увѣренъ. Но эта увѣренность не только не повергала его въ отчаяніе, а, напротивъ, наполняла его сердце радостью и весельемъ.

„Опо, конечно, обидно-съ и даже весьма разорительно, утѣшалъ онъ своего патрона, — но чтобы, на семь основывался, полагать, что все дѣло надо бросить, это будетъ какъ есть на противъ. А при должномъ окончаніи слѣдствія и при открытіи виновниковъ даже убытки всѣ вернуть можно, потому присудить“. — „Теперь извольте видѣть, что здѣсь подведена механика—это положительно извѣстно: слѣды всѣ въ нашихъ рукахъ; откуда все дѣло шло—тоже не трудно угадать“. — „Онъ, онъ, несомнѣнно онъ!.. воскликнулъ просвѣтленный патронъ. — Ну, сторона!“ — „Ничего сторона, резонно возражаетъ ему Катужкинъ (такъ звали прикащика),—вездѣ такъ заведено, что другъ подъ дружку подкапываются, а особливо по нашему коммерческому дѣлу. Тамъ вотъ на такой манеръ, а здѣсь вотъ на эдакой. Да это еще что: случается, что и до головы добираются...“ Лопатинъ окончательно струсилъ; онъ не хотеть даже повѣрить такой ди-

кости, такому варварству. Не очаровательный рыцарь безъ стыда и страха основательно даетъ ему понять, что если онъ видитъ въ подобныхъ продѣлахъ дикость и варварство, въ такомъ случаѣ онъ долженъ признать и себя, и его, и всѣхъ этихъ высоко-просвѣщенныхъ и высоко-благородныхъ рыцарей ташкентской цивилизаціи—за дикарей и варваровъ.— „Они насъ бьютъ, философствуетъ онъ,—а кто намъ запретилъ имъ въ отместку?“ — „Нѣтъ, упирается Лопатинъ, — ужь я на разбой не пойду, нѣтъ!“ — „Хаживали!“ спокойно обличалъ его прикащикъ. — „Что!?“ — „Не въ обиду будь сказано, а по-моему все равно... да опять-же скажу, что въ нашемъ торговомъ дѣлѣ безъ этого никакъ невозможно“. — „Положимъ, начинаетъ сознавать Лопатинъ,—я интриговалъ противъ него. Вотъ въ интендантствѣ насчетъ подрядовъ совсѣмъ дѣло ему испортилъ. Съ винокуреннымъ заводомъ опять такъ подвелъ, что онъ долженъ былъ понести значительный убытокъ. Но вѣдь это борьба законная; кто ему мѣшаетъ дѣлать то-же? шансы равны“. — „Тотъ-же разбой-съ, вразумляетъ его нашъ рыцарь; — вы его въ интендантствѣ придушили, а онъ въ „Кара-Кумахъ“ (названіе мѣста, гдѣ былъ разграбленъ караванъ) васъ подловилъ; и опять-же намъ много выгодило, потому-что ежели мы его накроемъ, а это весьма возможно, то и убытки наши, и все прочее вернется, а его на каторгу соплютъ, потому-что его разбой не облеченъ въ законную форму“ („Погоня за наживою“, „Дѣло“, № 8, стр. 266—268).

Однако, какъ кажется, предсказанія Катужкина не сбылись. Правда, благодаря любознательности одного почтмейстера, имѣвшаго привычку распечатывать письма, которыя почему-нибудь представлялись ему поучительными, Перловичъ былъ уличенъ въ разбой и арестованъ, по онъ сошелъ съума и потому едва-ли пойдетъ на каторгу. Что-же касается возмѣщенія убытковъ, то предусмотрительный Брживицкій постарался заранѣе опорожнить кассу своего компаніона и съ захваченными капиталами улепетнулъ въ Англію раньше, чѣмъ правосудіе успѣло наложить на него свою руку.

„Исторія“ Перловича и наивная бесѣда Лопатина съ Катужкинымъ не нуждаются въ комментаріяхъ. Пусть теперь самъ читатель рѣшитъ: на-сколько промышленные принципы, пропагандируемые ташкентскими цивилизаторами, о которыхъ мы здѣсь го-

ворили, выше и благороднѣе принциповъ, лежащихъ въ основѣ экономическаго быта дикарей. Полагаемъ, что для рѣшенія этой дилеммы особенной сообразительности совсѣмъ не потребуется. Едва-ли понадобится ей больше и для рѣшенія другого вопроса, непосредственно вытекающаго изъ перваго: каковы должны быть экономическія послѣдствія цивилизаторской дѣятельности нашихъ рыцарей?

— „Что-же, хорошо торговля идетъ?“ спрашиваетъ одинъ изъ дикарей одного изъ цивилизаторовъ. — „Ничего, торговать можно“. — „Плохо!“ неожиданно отрѣзалъ Рахимъ-Верды. — „Какъ такъ?“ удивился Бурченко. — „А такъ, это мы лучше вашего знаемъ. Вотъ ты смотри: десять лѣтъ тому назадъ, когда вы еще за Ахъ-Мечеть (нынѣшній фортъ Перовскій) не переходили, у насъ въ кочевьяхъ, въ трехъ родахъ, четыре тысячи верблюдовъ считалось и никогда ихъ при аулахъ не было. Еще за годъ всѣхъ нанимали подъ караваны. Пріѣзжали караванъ-баши, задатки давали, и все лѣто ты-бы не увидѣлъ около ауловъ ни одного верблюда, кромѣ матокъ да тѣхъ, что для своего обихода нужны: всѣ въ разгонъ уходили, и денегъ у насъ было много. Одинъ только нашъ родъ пятнадцать тысячъ рублей въ лѣто выручалъ за наемъ верблюдовъ. Не хватало верблюдовъ здѣсь, къ каратовскимъ горамъ, — вонъ, вишь, куда, — ѣздили нанимать. Ну, а теперь не то... На степи сколько ихъ (верблюдовъ) даромъ пасется — лишніе остались. А держимъ мы ихъ теперь меньше, чѣмъ держали прежде. Опять вотъ весною моръ на нихъ былъ; у одного меня тридцать двѣ головы пало. А все остались ненанятые... Сколько, бишь, у насъ въ нынѣшнее лѣто подъ русскіе товары ушло?“ обратился Рахимъ-Верды къ султану Задьку.

— „Немного. Сотъ пять ушло, больше не ушло“. — „Ну, вотъ, оно и есть. А ужъ коли вы мало своихъ товаровъ къ Бухарѣ везете, такъ и къ вамъ повезутъ ихъ немного... это вѣрно... что за торговля противъ прежняго!“

— „Да отчего-же это? Какъ, по-вашему?..“

— „По-нашему?.. Гмъ!.. отчего? конечно, все отъ воли Аллаха. Безъ его воли ничего не бываетъ: ни худого, ни хорошаго. Все отъ Аллаха!“

„Говоря это, Рахимъ-Берды такъ плутовски улыбался, что-называется: себѣ на умѣ, и эти умные, смѣющіеся глаза ясно говорили: „да, какже, отъ Аллаха! есть когда Аллаху въ такіе дразги вмѣшиваться. Знаемъ мы, отчего, и ты самъ догадайся, коли знать тоже хочешь“ („Погоня за наживой, „Дѣло“, № 4, стр. 139—140).

Н. НИКИТИНЪ.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ.

(Здоровье, научно-популярный гигиенический журналъ. Годъ первый, №№ 1, 2, 3, 4 и 5).

Mens sana in corpore sano.

I.

Каждый изъ насъ давно знаетъ поговорку, гласящую, что здоровый умъ можетъ быть только въ здоровомъ тѣлѣ; каждый изъ насъ весьма естественно заботится о сохраненіи своего здоровья или, по крайней мѣрѣ, стремится освободиться отъ тѣхъ или другихъ болѣзней, когда онѣ поражаютъ его организмъ.

Но заботиться о сохраненіи здоровья и умѣть сохранять здоровье—далеко не одно и то-же.

Человѣчество втеченіи многихъ и многихъ вѣковъ стремилось научиться сохранять здоровье людей, и внадало въ массу самыхъ разнообразныхъ и грубыхъ ошибокъ и заблужденій. Такъ во времена язычества, въ эпохи страшныхъ эпидемій и моровъ, оно приносило жертвы своимъ богамъ, прибѣгало къ помощи колдовства, чтобы только освободиться отъ недуговъ. Во дни процвѣтанія алхиміи оно стремилось изобрѣсти какое-то всеисцѣляющее лекарьство, какой-то жизненный эликсиръ, чтобы обезпечить за человѣкомъ вѣчное здоровье. Но изобрѣтая различныя средства леченія тѣхъ или другихъ болѣзней, люди только морочили и народъ, и себя. Каждый изъ этихъ врачей могъ воскликнуть, подобно Фаусту, котораго прославлялъ народъ за то, что онъ и его отецъ спасали людей во время мора:

Ахъ, если-бъ видѣлъ душу ты мою!
Достойными не славы, а позора

Себя съ отцомъ я признаю...
 Ужасно! силой адскаго раствора
 Несчастный край ны пуще мора
 Опустошали въ чумный годъ!
 Я самъ въ уста дилъ тысячамъ отраву,
 И надобно-жь, чтобъ нынче славу
 Убийцѣ воздавалъ народъ!

Только медленно, очень медленно вырабатывала медицина болѣе правильные взгляды на леченіе и стала пользоваться все болѣе и болѣе разумными средствами. Но не всегда вина за дурные результаты леченія падала всецѣло на невѣжество и ошибочные взгляды врачей. Что можетъ сдѣлать врачъ, каковъ-бы онъ ни былъ, если его больные сами постоянно вызываютъ разныя болѣзни образомъ своей жизни? Вотъ труженики, работающіе по четырнадцати часовъ въ сутки. Одни изъ нихъ цѣлыми днями пишутъ, не разгибая спины, въ душныхъ комнатахъ, насиживая постоянно катарры желудка и геморои; другіе цѣлыми днями стоятъ у типографскихъ кассъ, насживая отеки ногъ и чахотку; третьи занимаются изготовленіемъ разныхъ свинцовыхъ произведеній и насживаютъ свинцовое отравленіе; четвертые обязаны работать въ крайне раскаленной атмосферѣ и страдаютъ всѣми родами простудныхъ болѣзней. Въ крайнихъ случаяхъ они зовутъ врача, но онъ можетъ помочь имъ только въ томъ случаѣ, если они откажутся отъ своего труда, сократятъ его продолжительность. Но они не могутъ этого сдѣлать, потому что имъ нужно добывать себѣ пропитаніе. Такимъ образомъ, помощь врача оказывается совершенно бесплодною. Такъ-же бесплодно потратить врачъ свои усилія, когда ему приходится лечить заболѣвшаго отъ голода человѣка, когда ему приходится возстановлять здоровье растущаго въ четырехъ стѣнахъ, учащагося по двѣнадцати часовъ въ день ребенка, когда ему приходится наталкиваться на личность, заболѣвающую отъ недостатка теплой одежды, — одинъ словомъ, когда докторъ встрѣчаетъ человѣка, живущаго при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ нѣтъ никакой возможности жить и быть здоровымъ. Такихъ-же условій является цѣлая масса, и ихъ число тѣмъ больше, чѣмъ бѣднѣе, чѣмъ невѣжественнѣе люди. Для борьбы съ этими условіями силы и знанія врача являются вполне ничтожными и онъ можетъ только дать совѣтъ пациенту не дѣлать того-то и того-то, жить такъ-то и такъ-то. Сознавъ, такимъ образомъ, важность соблюденія „гигиеническихъ“ правилъ, врачи начали

все сильнѣе и сильнѣе заниматься разработкою вопросовъ гигиены, такъ-какъ люди получаютъ только тогда возможность успѣшно освобождаться отъ недуговъ, когда они будутъ знать, чего требуетъ гигиена, и когда они получаютъ возможность исполнять ея требованія.

Но занимаясь все болѣе и болѣе разработкой вопросовъ частной гигиены, врачи скоро пришли къ сознанию, какую важность имѣеть и вообще складъ общественной жизни для человѣка. Люди живутъ въ деревняхъ, въ городахъ, въ большихъ и малыхъ домахъ,—однимъ очень просторно, другимъ очень тѣсно, одни живутъ въ грязи, другіе въ чистотѣ, одни жалуются на сырость, другіе терпятъ отъ сухости воздуха. Все это не можетъ остаться безъ вліянія на здоровье людей. Представьте себѣ городъ съ прекраснымъ климатомъ, съ хорошими домами, съ богатымъ населеніемъ; повидимому, здѣсь должно быть очень здоровое населеніе,—но этотъ городъ страдаетъ недостаткомъ хорошей воды и населеніе болѣетъ, хирѣетъ. Чтобы поддерживать здоровье населенія, здѣсь приходится, главнымъ образомъ, заботиться не о прописываніи того или другого лекарства, а о снабженіи города хорошей и здоровой водой: сотни и тысячи самыхъ хорошихъ рецептовъ окажутся гораздо менѣе полезными, чѣмъ проведеніе водопроводовъ съ хорошей водой. Вотъ другой городъ: здѣсь хорошъ климатъ, хороша вода, богаты жители, но въ городѣ мало мѣста и дома тѣсны и грязны, — и городъ мало-по-малу дѣлается гибельнымъ для здоровья жителей, скученныхъ вмѣстѣ, страдающихъ отъ плохого устройства выгребныхъ ямъ и тому подобныхъ мѣстъ; здѣсь, въ сущности, не столько нужны хорошіе доктора, сколько необходимы знающіе архитекторы. Приглядываясь къ жизни, врачи увидали, что каждая мелочь въ общественной жизни—освѣщеніе, мостовая, климатъ, выгребныя ямы, размѣры квартиръ, ширина улицъ, устройство заводовъ, качество хлѣба,—однимъ словомъ, все вліяетъ на здоровье людей и дѣлаетъ иногда бесполезною, или, по крайней мѣрѣ, мало полезною, медицинскую помощь. Такимъ образомъ возникла необходимость изслѣдованія вопросовъ такъ-называемой „общественной гигиены“.

Въ сущности, сознаніе необходимости соблюденія гигиеническихъ правилъ, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни, было уже давно, но оно было смутно, иногда-же эти правила соблюдались чисто-случайно. Такъ вы найдете отдѣльныя гигиеническія

правила у Моисея. Такъ вы встрѣтите въ исторіи факты въ родѣ того, что такой-то король приказалъ вымостить улицы, чтобы спастись въ своемъ дворцѣ отъ зловонія. Но тѣсная связь цѣлаго ряда гигиеническихъ правилъ и полная зависимость нашего здоровья отъ соблюденія или несоблюденія ихъ—это сознано только въ нашъ вѣкъ.

Нашъ вѣкъ называютъ меркантильнымъ, грубымъ, практическимъ и мало-ли какими еще болѣе унижительными эпитетами клеймятъ его поэты и идеалисты. И дѣйствительно, никогда еще первостепенные умы, лучшіе ученые, честнѣйшіе граждане не занимались изслѣдованіемъ и изученіемъ такихъ мелочей, какія они изслѣдуютъ и изучаютъ теперь. Такой-то талантливый белетристъ Англіи посвящаетъ свои труды изслѣдованіямъ и описаніямъ разныхъ трущобъ, гдѣ царствуютъ грязь, нищета, отвратительные пороки, заразительныя болѣзни; такой-то знаменитый естествоиспытатель Германіи занять вопросомъ объ устройствѣ выгребныхъ ямъ, о клозетахъ, объ отводахъ нечистотъ и о качествѣ воды. Это предметы низкіе, которыми въ былыя времена было-бы стыдно заниматься высокимъ умамъ. Но несмотря на эту кажущуюся грубость и мелочность нашего вѣка, онъ, вѣроятно, сдѣлаетъ для человѣчества гораздо болѣе существенной пользы, чѣмъ предыдущіе вѣка, когда люди занимались болѣе возвышенными предметами, спокойно оставляя цѣлыя тысячи своихъ собратій гибнуть среди грязи, нищеты, зловонія и заразной атмосферы. Теперь дѣлается все болѣе и болѣе яснымъ сознаніе, что прежде всего нужно окружить людей тѣми условіями жизни, при которыхъ возможно быть здоровымъ, что никакая пропаганда самыхъ возвышенныхъ идей не можетъ быть усвоена или поддержана большими тѣломъ и духомъ людьми, что самое здоровое зерно погибаетъ безслѣдно на истощенной или гнилой почвѣ. И это сознаніе нерѣдко создавало въ нашъ „эгоистическій“ и „практическій“ вѣкъ истинныхъ героевъ идеи: стоитъ только вспомнить, что дѣлали изслѣдователи холеры въ тридцатыхъ годахъ. Они лежали вмѣстѣ съ больными, они прививали себѣ холеру, они на каждомъ шагѣ подвергали свою жизнь крайней опасности, чтобы только узнать причины и характеръ этой страшной язвы бѣдняковъ. И за то какія изслѣдованія являлись результатомъ трудовъ разныхъ самоотверженныхъ изслѣдователей вопросовъ общественной гигиены! Работы Виллерме, Чадвика, Мегью, Гринвуда—все это такія произведенія, которыя не были плодами удобнаго тру-

да въ тепломъ кабинетѣ, а стоили многихъ усилій и лишеній вслѣдователямъ, подвергавшимъ нерѣдко опасности свою жизнь, и которыя будутъ въ будущемъ служить краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что не все въ нашемъ вѣкѣ было грубо, безсердечно, эгоистично и гналось только за грошомъ.

II.

Благодаря множеству изслѣдованій, касавшихся вопросовъ общественной гигиены, теперь стало довольно ясно, что большинство городовъ далеко не соответствуетъ тѣмъ требованіямъ, съ которыми по праву можетъ обращаться къ нимъ каждый житель.

Въ одномъ городѣ цѣлая масса подземныхъ подваловъ и потребовъ обращена по необходимости въ жилия помѣщенія, въ дѣствіе недостатка домовъ и чрезмѣрнаго наплыва населенія. Въ другомъ городѣ существуетъ очень плохое устройство выгребныхъ ямъ, восточныхъ трубъ и водопроводовъ. Въ третьемъ городѣ заводы и фабрики устроены давно и потому лишены всѣхъ тѣхъ усовершенствованій и приспособленій, которыя дѣлаютъ болѣе чистымъ и значить и болѣе здоровымъ воздухъ. Въ четвертомъ городѣ не слѣдятъ за поддѣльвателями съѣстныхъ припасовъ и потому въ пищу жителей попадаютъ такіа подмѣси, которыя крайне вредны здоровью. Почти вездѣ найдется масса такихъ темныхъ сторонъ, при которыхъ немислима здоровая жизнь большинства. И чѣмъ нѣе образованъ народъ, чѣмъ онъ бѣднѣе, тѣмъ болѣе этихъ темныхъ сторонъ въ его городской жизни, такъ что города Европы лучше городовъ Азіи, города западной части Европы лучше городовъ восточной ея части. Но даже и лучшіе западно-европейскіе города далеко еще не соответствуютъ всѣмъ требованіямъ гигиены.

Вотъ что пишеть въ послѣдней своей книгѣ Гринвудъ о донскихъ дворахъ и закоулкахъ:

„Я беру на себя смѣлость посовѣтовать людямъ, одареннымъ изобрѣтательнымъ складомъ ума, изобрѣсти такой механизмъ, который принесеть человѣчеству больше пользы, нежели паровозъ или электрическій телеграфъ, и доставить своему изобрѣтателю славу и богатство, по крайней мѣрѣ, равныя той славѣ и тому богатству, которыми были вознаграждены Уаттъ и Стефенсонъ за ихъ

ній и за ихъ усидчивость. Я не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, какова должна быть форма этой машины или изъ какого матеріала она должна быть построена, но она должна называться „предупредителемъ заразы“ и „указателемъ лихорадки“. Этотъ механизмъ долженъ быть такъ утонченъ, чтобы чистый воздухъ не имѣлъ никакого вліянія на него; но какъ только атмосфера становится отравлена заразой — онъ тотчасъ долженъ провозглашать этотъ фактъ съ такимъ шумомъ, въ сравненіи съ которымъ свистъ обыкновеннаго локомотива казался-бы пріятнымъ звонкомъ. Кроме того, эта машина, чтобы быть совершенной, должна быть неумолимой, не должна удовлетворяться никакими извиненіями и обѣщаніями. Она должна настаивать на томъ, чтобы зло, обнаруженное ею, было тотчасъ исправлено; въ сущности она должна быть такъ устроена, чтобы она не переставала шумѣть, пока причина ея жалобъ не будетъ вполне уничтожена.

Я выговариваю себѣ только одну льготу — позволеніе быть за городомъ въ то утро, когда эта остроумная машина будетъ пущена въ ходъ. Иначе будетъ просто невозможнымъ скрыться отъ ея оглушающаго грохота. Предположимъ, что въ это время засѣдалъ-бы парламентъ; члены палаты общинъ не могли-бы разслышать другъ друга, потому что улица Петра лежитъ на разстояніи выстрѣла изъ лука отъ законодательнаго храма. А улица Петра такъ-же переполнена скверными разщелинами, кипящими человѣческою жизнью, какъ старый, гнилой сыръ кишитъ червями.

Вестминстерскіе судьи очутились-бы въ такихъ-же тискахъ.

Нѣтъ ни одного суда, ни гражданскаго, ни уголовнаго, который могъ-бы спастись отъ этого устрашающаго звука. Да, это фактъ. Несмотря на все, что было сдѣлано для улучшенія жилищъ нашихъ столичныхъ бѣдняковъ, и несмотря на нашу похвалу, что Лондонъ самый здоровый городъ въ мірѣ, во всѣхъ частяхъ его — на востокѣ, на западѣ, на сѣверѣ и на югѣ, — существуютъ тысячи дворовъ и закоулковъ, большинство которыхъ непригодно для человѣческаго мѣстожительства, а нѣкоторые находятся въ такомъ состояніи, что найдутся люди, которые не повѣрятъ самому вѣрному описанію ихъ.

„Есть доказательства, — цѣлые томы доказательствъ, — что Лондонъ постоянно улучшается въ санитарномъ отношеніи. Первыми энергичными мѣры къ его улучшенію были приняты почти четверть

столѣтія тому назадъ, и втечені послѣдняго двадцатипятилѣтія не прошло недѣли, не прошло дня, въ который не было-бы принято какихъ-нибудь мѣръ къ тому, чтобы сдѣлать Лондонъ городомъ, пригоднымъ для жительства.

А все-таки мы не можемъ отрицать того факта, что въ трехъ миляхъ отъ храма св. Павла можно насчитать до тысячи сквернѣйшихъ логовищъ, которыя являются позоромъ и стыдомъ для каждой цивилизованной націи.

Недавно къ одному изъ городскихъ альдерменовъ привели нарушителя законовъ, обвиняемаго въ продажѣ нѣсколько попорченныхъ плодовъ. Почтенный альдерменъ пришелъ въ справедливое негодованіе, но выраженія, въ которыхъ онъ высказалъ это негодованіе, къ сожалѣнію, ясно показывали, что, несмотря на всѣ преимущества своего официальнаго положенія, онъ даже и не подозрѣвалъ о томъ, какую микроскопическую долю всей гнилости города представлялъ этотъ получетверикъ сливъ или персиковъ.

— Милосердый Боже! воскликнулъ достойный чиновникъ голосомъ, дрожащимъ отъ волненія, — знаете-ли вы, какой результатъ получился-бы, если-бы эти плоды были съѣдены? Холера забралась-бы къ намъ!

Мой дорогой альдерменъ, за одну милость мы всѣ должны благодарить Бога во всѣхъ городскихъ церквяхъ, — за то, что вышеупомянутую заразу не такъ-то легко вызвать. Есть люди, которые постоянно питаются той дрянью, которой была наполнена эта пресловутая корзинка, — люди, которые ежедневно, ежечасно вдыхаютъ этотъ отвратительный запахъ, заставляющій васъ прятать вашъ носъ въ носовой платокъ. Фарингдонскій рынокъ находится въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отъ дворца лорда-мера и можно побиться объ закладъ, съ полной увѣренностью въ выигрышѣ, что въ этотъ-же удушливый сентябрьскій день можно было встрѣ^{тъ} на этомъ рынкѣ, по крайней мѣрѣ, десятка два полунагихъ, грязныхъ, маленькихъ дѣтей, разрывающихъ кучи мусора, подобно свиньямъ или уткамъ, и глотающихъ сливы, потерявшія всякое подобіе плода, гнилые яблоки, апельсины, совершенно синіе, покрытые волосистымъ слоемъ плесени, — все, что ни попало. Правда-ли это? Могу васъ увѣрить, что это правда и что вы можете быть очевидцемъ этого въ Ковенъ-Гарденъ или въ фарингдонскомъ рынкѣ въ любой лѣтній день. Но, наконецъ, явилась хоть какая-

нибудь надежда, что этимъ подвигамъ юныхъ бродягъ, шатающихся по рынку, будетъ положенъ конецъ. На нихъ сдѣлать облаву школьный совѣтъ. Ихъ не можетъ быть болѣе шести или семисотъ, и послѣ нѣсколькихъ недѣль искуснаго маневрированья чиновникамъ, служащимъ въ школьномъ совѣтѣ, удалось заполнить около — дюжины!

Но перейдемъ къ дворамъ и закоулкамъ. Для человѣчества было-бы очень полезно, если-бы было возможно отрѣзать большой кусокъ изъ квартала лондонской грязи и нищеты и перенести этотъ кусокъ куда-нибудь, ну хоть въ Гайдъ-Паркъ, гдѣ его можно было-бы безопасно и удобно выставить на показъ. Намъ представляется обширный выборъ. На югѣ мы можемъ выбирать между Лондонскимъ мостомъ, Слоновой улицей и замкомъ; направо у насъ улица Минтъ съ ея ужасной ирландской колоніей, а налѣво Кентская улица съ ея безчисленными притонами, въ которыхъ находятъ пріютъ столько-же личностей „извѣстныхъ полиціи“, сколько-бы ихъ не помѣстилось въ Нью-Гетъ, если-бы даже ими набили тюрьму, какъ набиваютъ боченоевъ сельдями. Или мы можемъ выбрать сюррейскую часть моста Черныхъ Братьевъ и вырѣзать нашъ кусокъ гдѣ-нибудь около улицы Вѣтряной Мельницы или изъ окрестности Вокзала, тамъ, гдѣ находятся глиняные заводы и газовыя фабрики. На востокъ мы можемъ выбирать сотни образцовъ; но я-бы предпочелъ окрестность, находящуюся между Розмери-Леномъ и Литгоузъ-Холемъ. Сѣверъ представляетъ намъ замѣчательно-отборный образецъ — образецъ жизни закоулковъ между Филармонической залой и Ислингтонъ-Гриномъ. Если мы повернемъ на западъ, то мы можемъ выбирать между улицей Петра и улицей Паркеръ въ Дрюри-ленъ.

Но, можетъ быть, было-бы справедливѣе вырѣзать кусокъ изъ центра города. Этотъ центръ прогнилъ до самаго ядра. Вы можете встать на гольборнскій виадукъ, и если вы закричите громко, то обитатели самаго грязнаго мѣстечка въ Лондонѣ васъ услышатъ. Этотъ виадукъ находится между великолѣпнымъ новымъ мяснымъ рынкомъ, недавно построеннымъ лордомъ-меромъ и большимъ, прочнымъ зданіемъ палаты для засѣданій, которая помѣщается на такъ-называемой въ насмѣшку „зелени“ у Клеркенвелла. Кусокъ, о которомъ я говорю, ограниченъ съ одной стороны Тернимильской улицей, а съ другой — улицей Краснаго Льва, и для меня до

сихъ поръ остается загадкой, какимъ образомъ эта часть города избѣгла пронизательныхъ взглядовъ членовъ санитарной комисіи и всего штата ея чиновниковъ, которые втеченіи всего этого послѣдняго двадцатипятилѣтія были тщательно заняты разыскиваніемъ подобныхъ мѣстностей.

Конечно, палата судебныхъ засѣданій, въ которой судьи такъ часто публично выражали мнѣніе, что одною изъ главныхъ причинъ порока и безнравственности, господствующихъ среди низшихъ классовъ, является скучиваніе ихъ въ тѣсныхъ конурахъ, бросаетъ тѣнь на вышеупомянутое мѣсто, и поэтому судьи въ этой полутьмѣ могли его не замѣтить; но ужь, конечно, они должны были почуять его запахъ—зловоніе здѣсь невыносимо. Если-бы можно было взять эти квадратныя полудесятины, включая сюда Бродъ-Ярдъ и Бить-Аллей, и Фраингъ-пенъ-Аллей, въ томъ самомъ состояніи, въ которомъ онѣ находятся, не потревоживъ осла, живущаго въ кухнѣ, и не тронувъ помойной ямы съ играющимъ на ней ребенкомъ, и перенести въ Гайдъ-Паркъ,—если-бы вырѣзанное мѣсто могло быть такъ огорожено, чтобы ни одно существо не могло убѣжать и если-бы этотъ кусокъ могъ быть окруженъ глубокимъ ровомъ, наполненнымъ какой-нибудь пріятною, очищающею воздухъ жидкостью, то я беру на себя смѣлость утверждать, что эта выставка привлекла-бы больше посѣтителей, нежели первый дворецъ изъ хрустала и желѣза.

Но помните, что во всемъ этомъ не должно быть ничего искусственнаго, ничего подложнаго. Все должно происходить точно такъ-же, какъ это происходитъ въ Термильской улицѣ, — точно такъ-же, какъ это происходило на памяти у старѣйшаго изъ ея обитателей, точно такъ-же, какъ вся жизнь идетъ тамъ теперь. Я-бы даже не снялъ доски съ небольшихъ воротъ Бить-Аллей, на которой написаны самыя подробныя свѣденія объ отдаваемыхъ въ наемъ квартирахъ и примѣчаніе, что за подробными справками надо обращаться къ хозяину, джентльмену, живущему далеко, въ прелестномъ сельскомъ мѣстечкѣ.

Въ проводники и экспоненты этой удивительной выставки дикихъ племенъ Термильской улицы я пригласилъ-бы достойнаго мисіонера мистера Вильяма Кетлина, который могъ-бы поразсказать много странныхъ исторій о тѣхъ, среди которыхъ онъ трудился такъ-же долго и такъ-же усердно, какъ другой мисіонеръ,

носящій одно имя съ нимъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ издалъ описаніе своей жизни среди сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Я изслѣдовалъ эти опасныя области вмѣстѣ съ этимъ господиномъ, о которомъ я сейчасъ упомянулъ. Въ его безопасномъ сообществѣ—потому что здѣшніе дикари признавали въ немъ своего истиннаго друга и никогда и не помышляли напасть на него;—я проникалъ въ твердыни „маленькаго ада“, какъ называютъ Бродъ-Ярдъ, и посѣщала такія темныя мѣста Фраингъ-пенъ-Аллей, куда, кромѣ этого мисіонера и полицейскаго, никогда не заглядывалъ ни одинъ бѣлый человѣкъ,—я говорю: бѣлый, потому что у туземцевъ вообще сѣровато-грифельный цвѣтъ лица. Въ это время, года четыре тому назадъ, тамъ было замѣтно нѣкоторое волненіе. Я нашелъ, что на сто пятьдесятъ обитателей закоулка существовалъ только одинъ ватерклозетъ, который былъ въ ужаснѣйшемъ состояніи. И было-бы еще хуже, если-бы одна бѣдная старушка не работала тамъ по временамъ шваброй и ведромъ, въ награду за уголья, которые ей давали благодарные жильцы для отопленія ея угла. Мнѣ кажется, что въ этой области было сдѣлано какое-то незначительное улучшеніе. Потомъ, когда сознали, что запасъ воды недостаточенъ, и рѣшительно потребовали отъ домовладѣльца, чтобы онъ устроилъ обширный водоемъ, то онъ согласился на это требованіе, но я долженъ заявить, что прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, а вода не была еще проведена и вышеупомянутый водоемъ служилъ уединеннымъ насѣстомъ для тѣхъ оборванцевъ, у которыхъ хватало смѣлости влѣзть въ него.

Я не могу обѣщать, что подобные водоемы войдутъ въ одинъ изъ отдѣловъ моей выставки въ Гайдъ-Паркѣ. Но все-таки тутъ не будетъ недостатка въ другихъ диковинкахъ и рѣдкостяхъ, которыя внушаютъ невольный ужасъ толпѣ фепенебельныхъ посѣтителей. Тутъ, на примѣръ, имъ представится прекрасный случай наблюдать, какимъ простымъ способомъ распространяется холера въ этихъ кварталахъ, и имъ пришлось-бы только удивляться, что при подобныхъ условіяхъ эта бѣдственная болѣзнь не свирѣпствуетъ вдоль и поперекъ всего Лондона, потому что, повторяю опять, дворы и закоулки Тернмилльской улицы только одни изъ тысячъ и своими свойствами они болѣе походятъ другъ на друга, нежели члены одной семьи. Зеленъ, капуста, овощи, рѣпа и т. д.—вотъ

проводники, вносящіе смерть и опустошеніе во множество невинныхъ, ни о чемъ не подозрѣвающихъ семействъ.

Десятки разнощиковъ живутъ въ закоулкахъ Термилской улицы. Въ жаркія лѣтнія ночи вы можете увидѣть, какъ эти усталые бѣдняки облакачиваются на края своихъ телѣжекъ, ища того необходимаго отдыха, который не всегда-то можно найти на ветхой кровати съ жалкими занавѣсками, въ крошечной коморкѣ, въ которой и зимой, и лѣтомъ надо жечь лампу, чтобы стряпать. Для разнощика представляется самый удобный случай нажать грошъ-другой, когда на рынкѣ избытокъ овощей и когда нѣсколько возовъ остались непроданными; подъ конецъ ихъ продаютъ почти за безцѣнокъ, потому-что овощи быстро выдыхаются и теряютъ свой цвѣтъ. Тогда-то трудолюбивый разнощикъ нагружаетъ ими телѣжку (это иногда бываетъ по пятницамъ) и везетъ свою покупку домой. Товаръ кладется въ хлѣвъ или погребъ до слѣдующаго утра.

Но на утро зелень уже не зелена, внѣшніе листья выглядятъ такими-же сочными, какъ бѣловато-коричневая бумага, и совершенно завядшими. Ихъ непременно надо оживить. Это можно сдѣлатъ только съ помощью воды, и само собою понятно, что тамъ, гдѣ десяти или двѣнадцати разнощикамъ приходится „оживлять“ по телѣжкѣ зелени каждому, водоему достается-таки порядочно. Но они обходятся съ драгоценною жидкостью бережливо до ужасающей степени. Они вовсе не держатъ эту операцію въ тайнѣ. Стоя въ Термилской улицѣ въ субботу утромъ, въ извѣстное время года, вы можете заглянуть въ отверстія закоулковъ и увидѣть тамъ корыта, въ которыхъ мокнетъ капуста, между тѣмъ какъ слизистые внѣшніе листья, обружающіе кочень, скопляются на скользкихъ камняхъ, на которыхъ играютъ дѣти. Вы можете видѣть все это и вы можете ощущать запахъ ужасной жидкости, наполняющей корыта. Вы можете видѣть, какъ эта жидкость течетъ въ канавку, течетъ медленно, какъ жидкая патока. Эта остроумная промышленность создала тѣ удивительно здоровые двухкопеечные кочни капусты, которыхъ такъ усердно ищутъ при блескѣ газа и среди рыночнаго гама бѣдныхъ матери, обремененныя большой семьей, чтобы какъ-нибудь прикрасить огрызокъ мяса, составляющій главную основу ихъ воскреснаго обѣда.

Я предполагаю, что если проектированная мною выставка осу-

ществится когда-нибудь, то досужіе посѣтителі особенно заинтересуются „оживленіемъ капусты“. Чего нельзя было-бы увидѣть, заглянувъ въ пасть „маленькаго ада“ и въ остальные закоулки Термилъской улицы, о томъ могъ-бы поразсказать своимъ благороднымъ и пораженнымъ ужасомъ покровителямъ тотъ добрый мисіонеръ, о которомъ мы упоминали. Онъ разсказалъ-бы имъ о такомъ ужасающемъ состояніи, хуже котораго нельзя ничего вообразить. Онъ разсказалъ-бы имъ о мужчинахъ, женщинахъ и дѣтяхъ, которые дюжинами скучиваются въ этихъ покривившихся, старыхъ домахъ, такъ уютно спрятанныхъ отъ большой дороги, — о домахъ, въ кухняхъ которыхъ полы гніютъ и образуютъ лужи стоячей воды, такъ-что даже маленькіе обитатели „ада“, народъ вообще невзыскательный, не рѣшаются ложиться на нихъ, — о домахъ, крыши которыхъ пришли въ такую ветхость, что когда начинается идти дождь, то обитателямъ ихъ приходится ставить на полъ всю домашнюю утварь — посуду, корыта, горшки и котлы, чтобы защититься отъ ливня. Онъ поразсказалъ-бы о домахъ, въ лѣстницахъ которыхъ много дыръ и расщелинъ, опасныхъ для маленькихъ босыхъ ноженоекъ, гдѣ съ лѣстницы спускаются съ помощью веревки, потому-что законные перила давнымъ-давно тайкомъ употреблены однимъ изъ жильцовъ вмѣсто дровъ.

Старательный мисіонеръ разсказалъ-бы также зрителямъ, собравшимся на гайдъ-паркскую выставку дикихъ племенъ Термилъской улицы о несчастныхъ бѣднякахъ, которые слишкомъ горды, чтобы просить милостыню или идти въ рабочій домъ, и которые каждый день отправляются доставать себѣ насущный хлѣбъ — выброшенные корки, кости съ отрывками мяса на нихъ — буквально изъ канавъ, — о бѣднякахъ, которые спятъ на грязныхъ отрешьяхъ и на стружкахъ, о маленькихъ дѣтяхъ, которыя никогда не выходятъ за дверь поиграть, потому-что у нихъ нѣтъ даже ни одного лоскута, чтобы прикрыться, и которыя забавляются дома нагія, какъ молодые кафры — племя, на которое эти бѣдняки похожи, какъ цвѣтомъ лица, такъ и прической.

Въ этихъ домахъ, стоящихъ въ закоулкахъ, нанимаютъ комнаты трубочисты; одна и та-же комната служитъ имъ и спальней, и кухней; они варятъ свою пищу тутъ-же, посреди грязи, посреди мѣшковъ, полныхъ сажі; женѣ трубочиста никогда и не приходитъ въ голову вымыть свое черномазое потомство; она сознаетъ, что это такъ-же без-

полезно, какъ было-бы бесполезно попытаться сдѣлать негра бѣлымъ. Добрый мисіонеръ могъ-бы поразсказать намъ о семействахъ, живущихъ въ сферѣ его дѣятельности, которыя утоляютъ голодъ обрѣзками мяса, покупаемыми у кошатника, и сами отыскиваютъ себѣ топливо; о слѣпыхъ и параличныхъ и о многихъ, которые, лежа холодной зимой на своихъ ужасныхъ постеляхъ, буквально умерли-бы съ голоду, если-бы имъ не перепадали кое-какія крохи отъ частныхъ благотворителей. Иногда они получаютъ небольшую сумму денегъ для уплаты за квартиру, иначе они-бы скоро очутились на улицѣ. „Не вѣрять въ долгъ“—вотъ неумолимый девизъ сборщика доходовъ въ этихъ ветхихъ, грязныхъ, скверныхъ притонахъ.

Мы не должны предполагать, что эти квартиры дешевы. Напротивъ, онѣ отвратительно дороги. Я употребилъ слово *отвратительно* преднамѣренно, намекая на тотъ жестокій способъ, которымъ эта высокая плата выжимается изъ этихъ бѣдныхъ жильцовъ. Они не могутъ улучшить свое положеніе. Они принадлежатъ къ тому классу, членовъ котораго не пустятъ никуда, кромѣ грязнаго притона, потому-что образъ жизни въ этихъ притонахъ соотвѣтствуетъ ихъ невѣжеству, ихъ отвращенію къ чистотѣ и тѣмъ наглымъ уверткамъ, къ которымъ они должны часто прибѣгать, чтобы добыть себѣ кусокъ хлѣба. Хозяева этихъ свинарень, носящихъ названіе человѣческихъ жилищъ, хорошо понимаютъ это и они знаютъ, что, несмотря на плачевное изобиліе притоновъ, предложеніе ни на волосъ не превышаетъ запроса. Эти притоны въ дѣйствительности являются избранными убѣжищами, и тѣ, которые привязаны къ нимъ, должны платить за нихъ.

Мы ничуть не преувеличиваемъ, утверждая, что многіе изъ этихъ ужасныхъ домовъ приносятъ больше дохода, нежели зданія одинаковыхъ размѣровъ, построенныя въ одномъ изъ фешенебельныхъ лондонскихъ скверовъ. Это самый вѣрный и выгодный способъ наживы для безсердечнаго спекулятора. Онъ можетъ быть совершенно спокоенъ, повѣда ему удастся избавляться отъ санитарнаго инспектора и отъ тѣхъ, которые считаютъ своимъ долгомъ обращать вниманіе общества на этотъ низкій эгоизмъ и требуютъ, чтобы, ради общественнаго здоровья и благопристойности, подобнымъ домовладѣльцамъ не позволяли долѣе жирѣть на счетъ порока, болѣзни и грязи. Жильцы подобнаго хозяина будутъ крѣпко

держаться за него. Они боятся только одного—что, несмотря на то, что они такъ дорого платятъ за квартиры, онъ выгонитъ ихъ—и что-же станетъ съ ними тогда? Подобные притоны разбросаны по разнымъ частямъ города и они, большею частью, бывають „полны“, и очень легко можетъ случиться, что разнощиву, вытолканному изъ Тернимильской улицы, придется очень долго путешествовать съ его семьей, съ его осломъ и телѣжкой прежде, чѣмъ онъ найдетъ такого хозяина, который рѣшится пустить его, и тогда ему придется платить столько-же, а можетъ быть и немного больше того, что онъ платилъ въ маленькомъ аду.“

Какъ-бы ни была мрачна эта картина лондонскихъ закоулковъ, но она вѣрна. Она встрѣчается и въ другихъ городахъ западной Европы.

При такомъ положеніи дѣлъ, конечно, людямъ трудно быть здоровыми и невозможно не сознавать необходимости гигиеническихъ изслѣдованій.

III.

Цѣлая масса недостатковъ есть и у нашихъ городовъ, хотя они менѣе населены, чѣмъ города западной Европы. О гигиенѣ городовъ мы еще только начинаемъ толковать, изслѣдованій по этой части у насъ еще мало, нашъ народъ еще не понимаетъ значенія чистоты. Последнее явленіе чрезвычайно важно: сравните нашего бѣдняка и бѣдняка-нѣмца—и вы поймете, на-сколько одинъ чисто-плотнѣе другого, а между тѣмъ чистоплотность есть одно изъ важнѣйшихъ условій сохраненія здоровья. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ и множества другихъ причинъ гигиеническое положеніе нашихъ городовъ довольно плохо. Возьмемъ въ примѣръ Петербургъ.

„Петербургъ славится своею громадною смертною, замѣчаетъ г. Архангельскій:—она значительно превышаетъ въ немъ рождаемость. Статистическія данныя доказываютъ, что населеніе Петербурга вымерло-бы менѣе чѣмъ въ 200 лѣтъ, если-бы не поддерживалось наплывомъ рабочаго люда изъ другихъ мѣстностей Россіи. Въ столѣтній періодъ 1771—1870 гг., только въ два десятилѣтія, ближайшія къ основанію столицы, былъ незначительный перевѣсъ рождаемости надъ смертною; это было именно въ то

время, когда население Петербурга едва превышало 160,000 человекъ; во всё-же остальные десятилѣтїя постоянно замѣчается перевѣсъ смертности надъ рождаемостью и, слѣдовательно, постоянная убыль населенія. Такъ

Десятилѣтїя.	Умершихъ на 1,000 жит.	Прибыль + Убыль —
Съ 1771 по 1780 годъ	27,9	+ 5,4
„ 1781 „ 1790 „	32,1	— 0,9
„ 1791 „ 1800 „	31,5	+ 0,8
„ 1801 „ 1810 „	34,3	— 8,5
„ 1811 „ 1820 „	27,8	— 4,2
„ 1821 „ 1830 „	21,6	— 0,2
„ 1831 „ 1840 „	31,5	— 6,2
„ 1841 „ 1850 „	43,1	— 11,3
„ 1851 „ 1860 „	42,2	— 7,6
„ 1861 „ 1870 „	40,9	— 6,5

Несмотря на постоянное вымирание населенія, Петербургъ все-таки продолжалъ разрастаться, и этотъ ростъ его, конечно, совершался на счетъ населенія другихъ мѣстностей Россіи; съ увеличеніемъ этого роста возрастаетъ и *кладбищенское* значеніе Петербурга для Россіи. Болѣе и болѣе быстро развивающаяся въ Россіи желѣзнодорожная сѣть, связывающая Петербургъ съ отдаленными мѣстностями, неизбѣжно оказываетъ и должна оказывать вліяніе на приливъ жителей изъ отдаленныхъ пунктовъ.

Въ дѣйствительности мы видимъ, что Петербургъ въ послѣднее время оказался тѣснѣе для населенія, — потребовалось надстраивать новые этажи; на мѣстѣ домишекъ выдвинулись 4-хъ, 5-ти-этажные дома; на прежде пустынныхъ улицахъ появились громадныя зданія; городъ, очевидно, растетъ, а съ нимъ растетъ и вымирание жителей. За послѣднія 10 лѣтъ, 1863—1872 гг., абсолютныя числа умершихъ и перевѣсъ смертности надъ рождаемостью, обуславливающей собою безвозвратную убыль населенія на петербургскія кладбища, выражается слѣдующимъ образомъ:

1-е пятилѣтіе.	Умерло.	Излишекъ умершихъ надъ родившимися.
Въ 1863 году	20,605	772
„ 1864 „	21,867	772
„ 1865 „	30,171	10,801

„ 1866 „	28,706	10,061
„ 1867 „	23,287	3,407
Итого . .	124,636	25,813
		Излишек умерших надъ родившимися.
2-е пятилѣтіе.	Умерло.	
Въ 1868 году	24,646	4,799
„ 1869 „	23,538	4,056
„ 1870 „	24,305	4,733
„ 1871 „	26,638	6,328
„ 1872 „	29,912	9,121
Итого . . .	129,039	30,037

Такимъ образомъ, втеченіи десяти лѣтъ населеніе Петербурга, если-бы не было наплыва жителей изъ провинцій, должно было-бы, вмѣсто увеличенія, уменьшиться на 55,850 человекъ.

Такая убыль населенія крайне невыгодна для государства. А между тѣмъ это положеніе дѣлъ могло-бы быть измѣнено къ лучшему при извѣстныхъ гигиеническихъ мѣрахъ. Это ясно доказываетъ примѣръ Лондона. Въ прошлыхъ столѣтіяхъ Лондонъ имѣлъ такой-же убійственный климатъ и представлялъ собою такой-же истребительный пунктъ для населенія Англии, какъ Петербургъ для Россіи, въ немъ точно также смертность превышала рождаемость, и, судя по спискамъ Лондона, рождаемость впервые была выше смертности лишь въ 1790 году (Кольбъ). Статистическія данныя, по изслѣдованіямъ д-ра Грингофа и другихъ, весьма наглядно показываютъ, какъ измѣнялся убійственный климатъ Лондона, какъ уменьшалась въ Лондонѣ смертность, и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительно доказываютъ, что ненормальная смертность находится въ зависимости отъ самого общества. Въ Лондонѣ было:

Въ періоды.	Число жителей.	Число умершихъ на 1,000 жит.
Съ 1681 по 1690 годъ	530,000	42
„ 1746 „ 1775 „	653,000	35
„ 1846 „ 1855 „	2,362,000	25
„ 1864 „ 1869 „	3,028,000	25

Здѣсь мы встрѣчаемъ поразительное сходство между современными Петербургомъ и Лондономъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Здѣсь-же мы видимъ, что ненормально высокая смертность въ Лондонѣ обуславливалась не его сырими и туманными климатомъ.

Уменьшеніе смертности произошло не отъ того, что въ настоящее время климатъ Лондона улучшился, а отъ цѣлаго ряда предпринятыхъ санитарныхъ реформъ, направленныхъ къ ассенизаціи города во всѣхъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе этого не только уничтожился перевѣсъ смертности надъ рождаемостью, но сдѣлался возможнымъ излишекъ родившихся надъ умершими, несмотря на громадные размѣры города и громадную скученность городского населенія, изобилующаго пролетариатомъ. Въ періодъ 1864—1869 гг. излишекъ родившихся противъ умершихъ въ Лондонѣ превышалъ среднимъ числомъ на 33,671 ежегодно. Если-бы приравнять смертность въ Петербургѣ къ смертности въ Лондонѣ, т. е. уменьшить ее до 25 умершихъ на 1,000 жителей, тогда въ Петербургѣ должно было-бы втеченіи 10 лѣтъ умереть только около 155,000 вмѣсто 253,675 чел. Слѣдовательно, должна была сохраниться жизнь 98,000 человѣкъ или около 10,000 ежегодно. Здѣсь цифры говорятъ сами за себя.

Но не въ одномъ Петербургѣ велика у насъ смертность. И въ другихъ городахъ Россіи смертность принимаетъ очень часто болѣе неблагоприятные размѣры, чѣмъ въ другихъ европейскихъ городахъ. Главнымъ образомъ это происходитъ отъ полного непониманія гигиеническихъ условій и отъ неумѣнья или невозможности выполнять требованія гигиены. Къ сожалѣнію, рядомъ съ этимъ идетъ еще одно условіе, невыгодно отражающееся на здоровьѣ населенія, — это недостатокъ медицинскихъ пособій. Еще Гауснеръ представлялъ слѣдующія цифры относительно санитарныхъ лицъ и учреждений въ различныхъ государствахъ Европы: одинъ врачъ приходился

въ Голштиніи	на	2,200	человѣкъ
„ Италіи	„	2,280	„
„ Швейцаріи	„	2,380	„
„ Великобританіи	„	2,510	„
„ Франціи	„	2,630	„
„ Саксоніи	„	2,730	„
„ Пруссіи	„	3,560	„
„ Австріи	„	5,450	„
„ Россіи	„	17,800	„

Но и такое малое количество врачей было не вездѣ. Такъ, на-примѣръ, въ чердынскомъ уѣздѣ пермской губерніи одинъ врачъ

приходился на 60,000 человѣкъ. Фельдшеровъ въ то-же время приходилось: одинъ

въ Великобританіи на	3,180	жителей.
„ Саксоніи	3,330	„
„ Италіи	4,060	„
„ Франціи	4,150	„
„ Пруссіи	7,400	„
„ Австріи	8,400	„
„ Россіи	12,400	„

Точно также у насъ сравнительно мало число акушеровъ. Изъ нихъ приходилась одна:

въ Великобританіи на	1,080	жителей.
„ Саксоніи	1,408	„
„ Франціи	1,450	„
„ Пруссіи	1,620	„
„ Италіи	1,750	„
„ Австріи	1,880	„
„ Царствъ Польскомъ	8,000	„

Гауснера можно-бы, конечно, заподозрить въ умышенномъ уменьшеніи цифръ для Россіи, если-бы этотъ статистикъ не отличался крайнею добросовѣстностью. Но предположимъ даже, что въ дѣйствительности санитарная часть находится у насъ въ лучшемъ положеніи, — все-таки можно-ли предполагать, что она значительно лучше на дѣлѣ, чѣмъ въ описаніи Гауснера? По официальнымъ свѣдѣніямъ, всѣхъ врачей въ 1869 году было 10,830 на 86,177,074 человѣка населенія, т. е. приходился одинъ врачъ на 8,000 человѣкъ. Но это число было распредѣлено неравномѣрно. Петербургъ, какъ извѣстно, имѣетъ самое большое, сравнительно, число врачей и больницъ. Но на сколько человѣкъ приходится у насъ въ столицѣ одинъ врачъ? Въ Петербургѣ имѣется 916 врачей; это число по отношенію къ числу населенія составляетъ 13,7 человѣкъ на 10,000 жителей. Въ Парижѣ, по цифрамъ за 1865 годъ, приходилось всего 12,7 врачей на 10,000 человѣкъ. Значитъ, пропорція выходитъ у насъ для Петербурга болѣе благоприятная. Но какъ распредѣлены эти врачи по частямъ города? По расчетамъ г. Архангельскаго приходятся:

	Врачей на 10,000 жителей:				
	въ частяхъ.	въ участкахъ.			
		I	II	III	IV
1. Литейная.	32,4	40,3	30,6	23,7	36,7
2. Казанская	20,6	15,9	16,0	31,8	—
3. Выборгская	15,6	31,6	5,1	4,3	—
4. Адмиралтейская.	15,5	18,8	12,2	—	—
5. Коломенская.	14,4	17,1	10,9	—	—
6. Петербургская	13,9	10,7	11,1	22,1	—
7. Московская	11,0	17,7	9,4	7,9	9,9
8. Васильевская.	10,9	15,2	9,0	7,1	—
9. Спасская.	10,3	18,1	8,3	3,5	17,7
10. Рождественская	6,4	6,5	5,5	6,9	—
11. Нарвская.	4,4	4,2	6,1	2,2	—
12. Александровская.	3,6	8,2	2,3	0,7	—

Эта таблица ясно показываетъ всю неравномерность распределе-
 ния врачей въ городѣ, — неравномерность, существующую у насъ
 повсюду: у насъ въ одномъ городѣ вы найдете десятокъ врачей, а
 въ другомъ не отыщете и порядочнаго фельдшера. Вообще въ Петер-
 бургѣ приходится на 10,000 жителей:

въ 6-ти богатыхъ частяхъ 16,5 врачей
 „ 6-ти бѣдныхъ „ 9,3 „

Конечно, значительно различается и смертность въ этихъ ча-
 стяхъ: на 1,000 человекъ

въ 6-ти богатыхъ частяхъ умираетъ 30 жителей
 „ 6-ти бѣдныхъ „ „ 38,4 „

Разница эта, повидимому, не особенно велика, но нужно пом-
 нить, что и въ богатыхъ частяхъ города большинство состоитъ изъ
 людей недостаточныхъ. Еще печальнѣе отношеніе больницъ къ чи-
 слу больныхъ. Нашъ народъ недовѣрчиво относится къ больни-
 камъ, но даже при неохотномъ поступленіи въ больницы въ 10-ти-
 лѣтній періодъ 1858—1867 гг. выдано было 79,435 отказныхъ
 билетовъ за недостаткомъ мѣстъ въ больницахъ Петербурга:

Въ 1858 г.	6,000	отказ. бил.	Въ 1863 г.	8,862	отказ. бил.
„ 1859 „	5,335	„ „	„ 1864 „	11,419	„ „
„ 1860 „	6,374	„ „	„ 1865 „	11,154	„ „
„ 1861 „	5,496	„ „	„ 1866 „	12,262	„ „
„ 1862 „	6,153	„ „	„ 1867 „	6,380	„ „

„Эти данныя, говорить г. Архангельскій—указываютъ намъ, что больницы въ Петербургѣ перѣдко, въ особенности въ эпидемическіе годы, бывають переполнены больными. Самое переполненіе больницъ уже никакъ нельзя считать благопріятнымъ условіемъ для возстановленія здоровья; если-же при этомъ скопляется много больныхъ, страдающихъ заразительными болѣзнями, то при малѣйшей небрежности въ санитарномъ надзорѣ въ средѣ больного населенія образуются опасные центры зараженія. Такъ, напр., въ обуховской больницѣ, во время эпидеміи 1865 года возвратной горячки и сыпного тифа, изъ 198 лицъ, занимавшихся уходомъ за больными (врачей, фельдшеровъ, надзирателей и др.), заразилось возвратною горячкою и сыпнымъ тифомъ 185, т. е. 93,4%. Когда въ такой сильной степени подвергались зараженію здоровые, то нельзя предполагать, чтобы зараза оставалась безъ вліянія на самихъ больныхъ, не усиливала самаго болѣзненнаго процесса и не заражала страдавшихъ другими болѣзнями. Дѣйствительно, въ то время въ обуховской больницѣ изъ 2,334 больныхъ *простою* возвратною горячкою умерло 550, что составляетъ 23,6%, между тѣмъ какъ обыкновенно при этой болѣзни смертность бываетъ небольшая и ограничивается 3% или 4%, а смертность въ 6% и 7% считается уже значительною“.

IV.

При такомъ положеніи санитарнаго дѣла намъ необходимо какъ можно ближе познакомиться съ вопросами общественной гигиены. Еще въ прошломъ году мнѣ приходилось замѣтить въ моихъ статьяхъ „О жизни городовъ“, что мы очень мало знакомы съ нашею городскою жизнью и со всеми тѣми условіями, подъ вліяніемъ которыхъ гибнетъ наше здоровье. Я говорилъ, что изслѣдованія въ этомъ родѣ крайне необходимы и что обязанность ихъ сдѣлать лежитъ на нашей литературѣ, которая до сихъ поръ сдѣлала въ этомъ отношеніи очень немного. Въ сущности содѣйствіе разрѣшенію или, лучше сказать, разъясненію санитарныхъ вопросовъ, по весьма вѣрному замѣчанію редакціи „Здоровья“, „оказало только предпринятое медицинскимъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ 1865 году изданіе *Архива судебной медицины и общественной гигиены*, какъ періодическаго журнала.

Къ сожалѣнію, онъ закрылся, какъ періодическій журналъ, въ моментъ наибольшаго развитія своихъ силъ и возбужденія интереса какъ въ земскихъ врачахъ, такъ и земскихъ дѣятеляхъ. Онъ замѣнился теперь издаваемымъ отъ медицинскаго департамента (подъ редакцію Г. И. Архангельскаго), хотя весьма драгоценнымъ *Сборникомъ сочиненій* по судебной медицинѣ, судебной психіатріи, медицинской полиціи, общественной гигиенѣ и пр., но уже неизмѣющимся такого числа читателей, какъ повременное изданіе. Редакція Архива открывала возможность земскимъ врачамъ и всѣмъ, работавшимъ по вопросу гигиены, мѣняться своими заявленіями и собирать тотъ важный положительный матеріалъ объ условіяхъ и потребностяхъ мѣстностей, безъ изученія и разработки котораго не можетъ быть сознательно принята ни одна законодательная и административная мѣра. Открывшійся-же съ 1870 года при Архивѣ почтенный трудъ Г. И. Архангельскаго — веденіе *эпидемиологическаго листка*, показавшій непривлекательную, но имѣющую громадное значеніе карту постоянныхъ эпидемій, всегда свирѣпствующихъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, тотчасъ указалъ и земскимъ врачамъ, и земскимъ дѣятелямъ на область санитарнаго дѣла, къ которой никто еще не прикасался въ Россіи. Справедливо полагала редакція Архива, что эпидемиологическій листокъ соединитъ всѣхъ врачей въ одно цѣлое для борьбы съ эпидеміями, систематически разрушающими силы народа“. Такимъ образомъ, послѣ прекращенія *„Архива судебной медицины и общественной гигиены“* явился очень ощутительный недостатокъ въ журнальномъ органѣ, который занимался-бы разъясненіемъ санитарныхъ вопросовъ. Этотъ-то пробѣлъ долженъ теперь пополниться хотя отчасти журналомъ „Здоровье“.

Передъ нами лежатъ шесть номеровъ этого новаго изданія, и мы не можемъ не пожелать ему успѣха, видя въ немъ разумное стремленіе развить въ обществѣ здоровые взгляды на вопросы общественной гигиены. Стремленіе это тѣмъ важнѣе, что не только наше общество мало заботится о тѣхъ или другихъ санитарныхъ мѣраxъ, о тѣхъ или другихъ предписаніяхъ гигиены, но и сама литература очень часто распространяетъ или крайне сбивчивыя, или совершенно ложныя понятія обо всемъ, касающемся медицины, гигиены, санитарныхъ мѣръ.

Достаточно, для примѣра, указать на статью американскаго шар-

латана Тролла, переведенную въ одноѣ изъ русскихъ журналовъ. Троллъ высказываетъ самыя странныя взгляды. Относительно понятія о жизненности Троллъ выдѣляетъ изъ него такъ-называемыя физическія и химическія явленія и, за исключеніемъ физическихъ и химическихъ явленій жизни, у него остается что-то неуловимое, какой-то духъ, тонкій и неопредѣленный, какая-то особенная, обособленная субстанція, то, что прежде называли жизненнымъ духомъ, или архемъ, или жизненной силой въ старомъ смыслѣ слова. Троллъ говоритъ, что подь „жизненностью“ онъ понимаетъ совокупность тѣхъ явленій живого организма, обнаруживающихся въ ростѣ, развитіи, самосохраненіи, т. е. питаніи и размноженіи, которыя не могутъ быть подведены подь извѣстные намъ физическія и химическія законы, т. е. онъ соединяетъ подь этимъ понятіемъ все то, чего мы не знаемъ въ настоящее время, въ чемъ сознается и самъ Троллъ (стр. 628). Взглядъ Тролла, въ сущности, совершенно одинаковъ съ упомянутыми старыми взглядами на существованіе особыхъ жизненныхъ духовъ и особой, самостоятельной жизненной силы, которые, по прежнимъ понятіямъ, занимались совершенно тѣмъ-же, чѣмъ, по понятію Тролла, занимается „жизненность“. На болѣзни онъ смотритъ тоже крайне своеобразно. „По Троллу, болѣзнь есть цѣлебное усиліе организма, стремящагося изгнать нечистоты или исправить сдѣланныя поврежденія, — болѣзнь есть процессъ, посредствомъ котораго изгоняются элементы, вредные для организма. Главнымъ нападеніемъ со стороны Тролла подвергаются лекарства, которыя онъ все называетъ ядами и ставитъ въ параллель съ тѣми нечистотами, которыя, по его мнѣнію, производятъ болѣзни. Какъ относительно всѣхъ своихъ положеній, такъ и здѣсь онъ не приводитъ въ доказательство и объясненіе ничего. Какъ не извѣстно, напр., что такое и откуда берутся производящія болѣзнь нечистоты, точно также онъ ничего не говоритъ и о томъ, что онъ разумѣетъ подь словомъ ядъ“. Несмотря, однако, на то, что каждый изъ взглядовъ Тролла дышетъ полнѣйшимъ новѣжествомъ, наше общество не мало толковало вкривь и вкосъ объ этой статьѣ. Да и какъ не толковать: общество совершенно незнакомо съ естественными науками, съ медициной, статья написана бойко, парадоксально, она переведена въ почтенномъ и распространенномъ журналѣ, — всего этого вполне достаточно для успѣха, для усвоенія обществомъ еще одного какого-нибудь нелѣпаго взгляда на дѣло,

которое и безъ того уже обставлено у насъ такою массою ложныхъ возрѣній.

Новому литературному органу придется бороться со всѣми подобными возрѣніями и явленіями.

Въ первыхъ шести нумерахъ этого журнальнаго органа прежде всего останавливаетъ вниманіе статья г. Г. И. Архангельскаго: „*Петербургъ и его средства къ охраненію и возстановленію здоровья жителей*“. Указывая на плохое санитарное положеніе Петербурга и на неравномѣрное распредѣленіе врачей по частямъ города, авторъ статьи предлагаетъ практическія мѣры для того, чтобы каждый житель могъ за небольшую плату имѣть домашняго врача. Для этой цѣли онъ предлагаетъ привести въ исполненіе слѣдующій планъ: „Предположимъ, говоритъ авторъ, — что у петербургскихъ домовладѣльцевъ возникла мысль имѣть годовыхъ врачей для жильцовъ своихъ домовъ, съ тою цѣлью, чтобы каждый изъ квартирующихъ въ ихъ домахъ могъ пользоваться бесплатно врачебною помощію на-дому, при посѣщеніи врачомъ три раза въ недѣлю; конечно, это было-бы для жильцовъ большимъ удобствомъ и, само-собою разумѣется, отразилось-бы возвышеніемъ платы за квартиры. Имѣть годового врача обходится слишкомъ дорого, даже при условіи одного визита въ недѣлю; мы-же предполагаемъ, что домовый врачъ, если только не живетъ въ самомъ домѣ, долженъ былъ-бы навѣщать домъ, по крайней мѣрѣ, три раза въ недѣлю, чтобы врачебная помощь больнымъ этого дома была дѣйствительною, а не призрачною. Въ такіе опредѣленные дни каждый квартирантъ имѣлъ-бы возможность пользоваться совѣтами врача бесплатно. „Это будетъ слишкомъ дорого стоить, скажутъ многие; — квартиры и безъ того дороги, а на-сколько-же онѣ еще поднимутся въ цѣнѣ?“ Посмотримъ, дѣйствительно-ли будетъ стоить такъ дорого домамъ имѣть годовыхъ врачей, сдѣлаются-ли квартиры съ годовыми врачами для жильцовъ слишкомъ дорогими. Допустимъ, что домовладѣльцы для этой цѣли нашли-бы достаточнымъ увеличить квартирную годовую плату только на 40%; тогда пришлось-бы квартирующимъ приплачивать слѣдующія суммы:

Годовая квартирная плата.		Надбавка на квартиры среднимъ числ.:			
		въ мѣсяцъ:		въ годъ:	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Меньше	25 руб.	—	6	—	72
отъ	25 —	до	50 —	—	12 ¹ / ₂ 1 50

— 50 —	„ 100 —	— 25	3 —
— 100 —	„ 150 —	— 42	5 —
— 150 —	„ 200 —	— 58	7 —
— 200 —	„ 300 —	— 83	10 —
— 300 —	„ 400 —	1 17	14 —
— 400 —	„ 500 —	1 50	18 —
— 500 —	„ 600 —	1 83	22 —
— 600 —	„ 800 —	2 33	28 —
— 800 —	„ 1,000 —	3 —	36 —
— 1,000 —	„ 1,500 —	4 17	50 —
— 1,500 —	„ 2,000 —	5 83	70 —
— 2,000 —	„ 3,000 —	8 33	100 —
— 3,000 —	„ 6,000 —	15 —	180 —
	Свыше 6,000 —	16 66 и больше.	200 и больше.

Изъ этой таблицы видно, что надбавка на квартиры съ годовою платою менѣе 300 рублей была-бы менѣе 1 рубля въ мѣсяцъ и высшая плата за годового врача не превышала-бы 12 рублей; имѣть за такую плату годового врача для отдѣльныхъ лицъ немислимо, между тѣмъ населеніе этихъ квартиръ вдвое больше, чѣмъ остальныхъ. Изъ 463,026 человѣкъ, жившихъ въ 1869 году на платныхъ квартирахъ, 312,856 лицъ помѣщались въ квартирахъ съ платою менѣе 300 рублей въ годъ и только 150,070 человѣкъ въ болѣе дорогихъ. Да и квартиро-хозяева, платящіе въ годъ отъ 300 до 2,000 рублей, не могутъ имѣть за выставленныя въ таблицѣ суммы годовыхъ врачей на тѣхъ условіяхъ, которыя обозначены нами; только квартиранты самыхъ дорогихъ квартиръ могутъ достигнуть этого, такъ-какъ [плата за визитъ врача будетъ отъ 50 коп. до 1 рубля и больше.

„Если-бы всѣ домовладѣльцы Петербурга, сознавъ необходимость учрежденія института общественныхъ врачей, [какъ постоянныхъ годовыхъ врачей для каждаго дома,] согласился-бы между собою обложить для означенной цѣли всѣ платныя квартиры налогомъ, въ представленныхъ нами размѣрахъ, то городская дума получила-бы въ свое распоряженіе для устройства этого института сумму въ 772,975 р.“

Какъ видите, проектъ далеко не эфемерный и заставляющій серьезно задуматься надъ разработкою его подробностей, тѣмъ болѣе, что врачебная помощь очень рѣдко является во-время среди

Объднаго населенія, которое и служить центромъ развитія разныхъ эпидемій.

Не бесполезны и двѣ компилятивныя статьи г. И. Андреевскаго, касающіяся *санитарнаго дѣла во Франціи и въ Англіи*. Авторъ этихъ статей старается познакомить читателя въ сжатыхъ очеркахъ со всѣми тѣми санитарными мѣрами, которыя предпринимаются въ двухъ названныхъ государствахъ западной Европы. Конечно, въ двухъ-трехъ журнальныхъ статьяхъ трудно указать на всѣ санитарныя мѣры, принимаемыя во Франціи и въ Англіи, особенно въ послѣдней, гдѣ законы такъ сложны и гдѣ заботы объ общественной гигиенѣ начались довольно рано и продолжаютъ развиваться вплоть до нашего времени. Вслѣдствіе этой сжатости статей и обширности предмета, г. И. Андреевскій не могъ показать, какъ рано начались и какъ послѣдовательно развивались въ Англіи, на примѣръ, заботы о чистотѣ, и высказалъ несовсѣмъ вѣрную мысль о томъ, что „Англія выступила съ своими правительственными мѣропріятіями для устройства санитарнаго дѣла гораздо позже Франціи“. А между тѣмъ уже въ 1388 году въ Англіи издается законъ, налагающій не менѣе 20 фунтовъ стерлинговъ штрафа на тѣхъ лицъ, которыя „будутъ бросать въ ручьи и ямы животныя нечистоты или падалъ“. Въ 1489 году состоялся законъ противъ бола скота внутри городовъ и на рынкахъ. Эти законы дѣйствовали до 1856 года. Подобныхъ законовъ было издано не мало, и они показываютъ, что Англія уже въ очень отдаленныя времена заботилась о санитарномъ дѣлѣ. Извѣстно, что во Франціи, несмотря на предложенія, сдѣланныя въ 1689 году, и на предложенія Шондоре, сдѣланныя въ 1691 году, бойни были перенесены въ болѣе удобныя мѣста только во времена первой имперіи. Относительно нечистотъ во Франціи въ XIV и XV вѣкахъ хотя и издавалось много приказовъ, но всѣ они касались главнымъ образомъ Парижа и не приводились въ исполненіе. Вообще Франція стараго порядка относилась гораздо равнодушнѣе къ гигиенѣ городовъ, чѣмъ Англія, привыкшая давно къ самоуправленію.

Но какъ-бы то ни было, компиляціи г. Андреевскаго полезны уже тѣмъ, что онѣ указываютъ на нѣкоторыя мѣры, которыя могли-бы быть введены и у насъ. Очень полезенъ также разборъ теоріи Тролла, написанный г. Ир. Скворцовымъ. Рядомъ съ этими

статьями и статьями гг. Ю. Гюбнера, С. Ловцова, въ „Здоровьѣ“ идетъ рядъ мелкихъ замѣтокъ, имѣющихъ чисто-практическое значеніе. Статьи и замѣтки „о вывозѣ городского снѣга и мусора“, „о воздухѣ въ маринскомъ театрѣ“, „о кумысѣ и мологѣ“, „о заразительности чахотки“,—все это и полезно, и интересно для тѣхъ, кого хотя нѣсколько занимаютъ вопросы общественной гигиены. Вообще, просматривая нумера этого журнала, видишь, что редакция дѣлаетъ все, что можетъ, и за это нельзя не поблагодарить ее.

V.

Но—эти проклятыя *no* являются вездѣ—отъ статей разсма- триваемаго нами журнала вѣтъ кабинетнымъ трудомъ, компиляторствомъ, умѣнемъ передавать уже извѣстные факты, а не самостоятельнымъ наблюденіемъ, не изслѣдованіемъ окружающей насъ жизни. Мы нисколько не хотимъ упрекать за это редакцію новаго журнала. Напротивъ того, указывая на этотъ фактъ, мы хотимъ указать, какія затрудненія придется побѣждать этому журналу, если онъ пожелаетъ встать на ту высоту, на которой онъ долженъ стоять. Ему придется создать свою публику и своихъ писателей.

Взглянемъ на дѣло поближе.

Въ обществѣ, гдѣ санитарныя мѣры и понятія о гигиенѣ начались, такъ-сказать, со вчерашняго дня, гдѣ люди живутъ неудобно и грязно, очень часто вовсе не отъ бѣдности,—въ такомъ обществѣ трудно возбудить сразу общее сочувствіе журналу, который взялъ себѣ за цѣль разъясненіе вопросовъ гигиены и санитарныхъ мѣръ. Вообще у насъ очень не велика охота къ чтенію, и если посметрѣть на цифры подписчиковъ нашихъ газетъ и журналовъ, то придется сказать, что мы почти ничего не читаемъ, что мы остаемся въ полнѣйшемъ невѣжествѣ. Взгляните на эти краснорѣчивыя цифры. Въ 1864 году приходилось одно періодическое изданіе:

въ Швейцаріи	на	7,050	жителей.
„ Виртембергѣ	„	10,100	„
„ Нидерландахъ	„	15,600	„
„ Великобританіи	„	15,800	„
„ Бельгіи	„	17,200	„

„ Даниі	„	21,700	„
„ Франціи	„	27,000	„
„ Швеціи	„	27,800	„
„ Пруссіи	„	34,400	„
„ Испаніи	„	42,000	„
„ Австріи	„	73,000	„
„ Россіи	„	198,000	„

Эти цифры сами по себѣ крайне печальны, но онѣ дѣлаются еще болѣе печальными, когда взглянуть на количество расходящихся экземпляровъ этихъ періодическихъ изданій. Около того же 1865 года расходилось:

въ Англии Times	въ	80—100,000	экземпляровъ.
„ London News	60—	80,000	„
во Франціи Siècle		46,000	„
„ Patrie		35,000	„
„ Illustration ..		33,000	„
въ Пруссіи Kladderadatsch .		34,000	„
„ Volkszeitung. .		32,000	„

У насъ-же ни одно изданіе не расходилось болѣе, чѣмъ 15,000 экземпляровъ, большинство-же насчитывало отъ 5 до 6 тысячъ подписчиковъ. Но въ то-же время и тотъ-же статистикъ насчитывалъ:

въ Великобританіи.	29,204,578	жителей.
„ Франціи	37,472,732	„
„ Пруссіи	18,487,458	„
„ Россіи	67,037,655	„

Говоря другими словами, у насъ число подписчиковъ было у самаго распространеннаго изданія въ пять разъ меньше, чѣмъ число подписчиковъ у распространеннаго изданія Англии, но населеніе Англии было въ 2¹/₂ раза меньше населенія Россіи, и притомъ нужно замѣтить, что въ Великобританіи число періодическихъ изданій было въ 6 разъ больше, чѣмъ въ Россіи. Въ послѣднее время развитіе западно-европейской журналистики шло быстрыми шагами. Это можно видѣть изъ числа подписчиковъ на нѣкоторые газеты и журналы въ Англии въ настоящее время:

Daily Telegraph	выходитъ въ	170,000	экземпляровъ.
Standard.		140,000	„

Daily News.	90,000	”
Echo	80,000	”

У насъ-же опять-таки ни одна неофициальная газета не расходилась болѣе, какъ въ 15,000 экземпляровъ. При такомъ-то маломъ расходѣ каждаго періодическаго изданія, число этихъ изданій тоже не велико у насъ, и за 1872 годъ можно было вывести такія цифры: одно періодическое изданіе приходилось:

въ Соединенныхъ Штатахъ на	6,000	жителей.
” Швейцаріи	6,638	”
” Виртембергъ	17,820	”
” Баваріи.	19,290	”
” Баденъ	20,290	”
” Пруссіи.	25,960	”
” Италіи	33,290	”
” Англіи	37,910	”
” Австро-Венгріи	41,140	”
” Россіи	210,200	”

И при этомъ нужно замѣтить, что большая часть русскихъ періодическихъ изданій имѣла только по 2 и по 3 тысячи подписчиковъ. При такомъ положеніи дѣлъ, конечно, каждому изъ русскихъ періодическихъ изданій приходится долгое время бороться съ полнѣйшимъ равнодушіемъ общества и влечить жалкое существованіе. Дѣйствительно, какое дѣло этому обществу до того, что дѣлается въ мірѣ, что выработываетъ наука? Если иногда это общество и набрасывается на новый журналъ, то только потому, что онъ обѣщаетъ выходить съ картинками. Но серьезному, научному журналу нечѣмъ заманить общество—и у него является очень малое число подписчиковъ. Вѣроятно, эта-же судьба ждетъ и „Здоровье“, по крайней мѣрѣ на первое время. Этому журналу придется, такимъ образомъ, создать свою публику.

Но въ такомъ сознаніи, ничѣмъ неинтересующемся, ничего нечитающемъ обществѣ можетъ-ли выработаться достаточное число людей, которые посвятили-бы свою жизнь труднымъ изслѣдованіямъ тѣхъ будничныхъ явленій, которыми долженъ заниматься такой журналъ, какъ „Здоровье“? Говоря откровенно, мы сомнѣваемся. Дѣлать подобныя изслѣдованія возможно только тогда, когда къ нимъ сочувственно относится все общество. Это сочувствіе можетъ выразатся двумя способами: во-первыхъ, общество

должно оказывать всевозможное содѣйствіе каждому изслѣдователю во время его работъ; во-вторыхъ, оно должно хорошо оплачивать его трудъ, и послѣднее обстоятельство особенно важно у насъ, гдѣ большая часть людей, занимающихся литературою, принадлежитъ къ числу бѣдняковъ и потому не можетъ трудиться безвозмездно. Но можно-ли у насъ ждать содѣйствія общества въ томъ или другомъ случаѣ? Откроются-ли охотно изслѣдователямъ всѣ подвалы, всѣ чердаки, всѣ дома терпимости, всѣ учебныя заведенія, всѣ воспитательные дома, всѣ фабрики и заводы, всѣ архивы? Не постарается-ли каждый членъ нашего общества скрыть все, что можно, отъ подобнаго изслѣдователя, видя въ немъ просто обличителя или нескромнаго соглядатая? Не будутъ-ли ему показывать вездѣ одни казовые концы, тщательно скрывая отъ него всѣ прорѣхи и заплаты? Если, положимъ, въ Швейцаріи или въ Америкѣ нѣтъ никакихъ затрудненій для самаго точнаго изслѣдованія школъ, то у насъ, напротивъ того, даже при изслѣдованіи школъ вы встрѣтите массу препятствій, вы должны будете прибѣгать къ помощи десятка лицъ и вѣдомствъ для достиженія своей цѣли. А осмотръ домовъ терпимости, заводовъ и фабрикъ, — развѣ вы не встрѣтите тутъ иногда непреодолимыхъ преградъ со стороны того или другого управляющаго, прикащика или хозяина, которые взглянуть на васъ подозрительно? Но положимъ, что вамъ удастся преодолѣть всѣ затрудненія, что вы изслѣдуете тотъ или другой отдѣлъ интересующихъ васъ общественныхъ явленій, что вы окончите свой трудъ, какъ окончилъ докторъ Эрисманъ свое изслѣдованіе близорукости у воспитанниковъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ. Что-же тогда? Вы напишете книгу, но раскупится-ли она, вознаградятъ-ли васъ барыши за вашъ трудъ? Смѣло можемъ сказать, что нѣтъ. Ваша книга распродается въ самомъ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, потому что это не романъ Самарова, не романъ Борна, не романъ Понсонъ-дю-Терайля. Но это изслѣдованіе, эта книга стоила вамъ многихъ затратъ, стоила года или двухъ лѣтъ труда, она поглотила всѣ ваши скудные средства, а вамъ еще нужно жить, у васъ, можетъ быть, зрѣетъ планъ новаго изслѣдованія и на это вамъ нужны деньги, — общество-же ихъ не даетъ и не дастъ вамъ ихъ никогда, потому что оно вовсе не интересуется вашими планами и изслѣдованіями. Вотъ почему до сихъ поръ, кромѣ офи-

ціальныхъ изслѣдованій, у насъ нѣтъ почти ни одного труда, который-бы такъ-же самостоятельно занимался изслѣдованіемъ санитарнаго положенія и гигиеническихъ условій нашихъ массъ, нашихъ городовъ, нашихъ домовъ, нашихъ общественныхъ заведеній, какъ занялись этимъ предметомъ на западѣ Европы. Взгляните на труды Дю-Кана, Виллерме, Фридриха Энгельса, Рейбо, Бёмерта, Макса Вирта, Маркса, Паранъ-Дюшатле, Жюля Симона, Мегью, Гринвуда, Фоссета, Фонсагрива и тому подобныхъ писателей. Вы видите въ этихъ трудахъ, что они создавались не въ одномъ кабинетѣ, не въ одной публичной библіотекѣ; отъ нихъ вѣетъ тою жизнью, о которой они говорятъ, въ нихъ не придумываются жалкія фразы о положеніи той или другой подвальной конуры, того или другого чердака, но рѣзкія картины этихъ конуръ и чердаковъ схватываются съ фотографическою вѣрностью на мѣстѣ. Но вѣдь за то не было ни одного притона, который-бы закрыли предъ этими людьми, не было ни одного лица, которое загородило-бы имъ дорогу. Кромѣ того, труды этихъ людей, изданные иногда въ видѣ довольно дорогихъ книгъ, раскупались въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Передо мной лежатъ „Работница“ Жюля Симона въ пятомъ изданіи, „Школа“, его-же, въ шестомъ изданіи, „Работники въ семьѣ“ Одиганна въ седьмомъ изданіи и т. д. Ну-съ, а у насъ котораго изданія могутъ достигнуть подобныя сочиненія, если авторъ не сумѣетъ придать имъ хлесткаго заглавія или не приправить ихъ какими-нибудь вричащими фразами?

Вотъ почему у насъ большая часть изслѣдованій, касающихся санитарныхъ вопросовъ, гигиеническихъ условій жизни бѣдняковъ, положенія общественныхъ зданій, городовъ, жилищъ, являются чисто-кабинетными и компилятивными трудами, построенными на статистическихъ официальныхъ отчетахъ. Иногда авторъ этихъ изслѣдованій даже и мелькомъ не видалъ, положимъ, ни одного воспитательнаго дома, хотя онъ пишетъ изслѣдованіе (sic!) о воспитательныхъ домахъ въ Россіи. Другой всю жизнь не заглядывалъ въ дома терпимости, а между тѣмъ онъ создаетъ трактатъ о проституціи въ Россіи, — трактатъ, созданный на основаніи такихъ иностранныхъ трудовъ, какъ трудъ Паранъ-Дюшатле. Третій пишетъ о причинахъ болѣзней трудящагося класса въ Россіи и пользуется сочиненіемъ Эдуарда Рейха, а не самостоятельными

наблюденіями. Если вы присмотритесь къ подобнымъ изслѣдованіямъ попристальнѣе, то вы увидите въ нихъ часто однѣ и тѣ-же фразы, однѣ и тѣ-же цифры, одни и тѣ-же примѣры. Почему? Потому, что у изслѣдователей былъ подъ рукою одинъ и тотъ-же скудный матеріалъ и не было никакихъ собственныхъ изысканій. Говоря все это, мы отнюдь не хотимъ бросить грязью въ нашихъ писателей, какъ это дѣлается нынче сплошь и рядомъ. Напротивъ того, мы глубоко жалѣемъ нашихъ собратьевъ. Въ другомъ обществѣ, при другихъ матеріальныхъ условіяхъ они сдѣлали-бы гораздо болѣе того, что они дѣлаютъ теперь. Съ одной стороны, въ западной Европѣ такіе люди, какъ г. Ю. Гюбнеръ или г. Архангельскій, едва извѣстные по имени нашему обществу, и написали-бы вдвое болѣе изслѣдованій, и видѣли-бы большую пользу отъ своихъ трудовъ, и приобрѣли-бы возможность быть довольно замѣтными общественными дѣятелями; съ другой стороны, такіе сильные таланты и зватоки народной жизни, какъ покойные Рѣшетниковъ и Якушкинъ, не размѣнялись-бы тамъ на мелочь, не ограничились-бы малозначущими белетристическими очерками, не дошли-бы до того, до чего дошли они.

Въ виду всего сказаннаго, мы имѣемъ полное право сказать, что „Здоровью“ придется не только создать свою публику, но ему придется создать и своихъ писателей. И редакція этого журнала, кажется, сознаетъ это. По крайней мѣрѣ, въ шестомъ номерѣ этого изданія мы читаемъ слѣдующее: „Къ крайнему сожалѣнію редакціи, она до сихъ поръ не имѣетъ еще возможности открыть въ „Здоровьѣ“ обѣщанный ею отдѣлъ народной медицины. Причиною этому — недостатокъ матеріала. Свѣденія о народной медицинѣ нашего обширнаго отечества могутъ быть доставляемы редакціи, находящейся постоянно въ столицѣ, конечно *только* изъ провинцій. Какъ скоро запасъ подобныхъ сообщеній будетъ находиться въ распоряженіи редакціи, она не замедлитъ помѣщеніемъ ихъ въ журналѣ, съ добавленіемъ руководящихъ фактовъ, способныхъ освѣтить истиннымъ свѣтомъ предразсудки и заблужденія народной медицины“. Дѣйствительно, по большей части вопросовъ редакціи придется повторять эти-же слова: „она не говоритъ о томъ или другомъ предметѣ по недостатку матеріала“. Какъ ясно, на примѣръ, должны были сознать недостатокъ этого матеріала составители изданнаго

„Свода свѣденій по кустарной промышленности“. Что было у нихъ подъ рукою? Отрывочныя газетныя сообщенія, не всегда согласныя между собою, крайне поверхностныя, лишенныя научнаго значенія. О сколькихъ предметахъ не имѣлось вовсе свѣденій? Такъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, то-есть въ центрѣ умственной жизни Россіи, есть Большая и Малая Охты, гдѣ процвѣтаетъ кустарная промышленность, — мебельное производство, дѣланіе рамъ и кіотъ, золоченіе деревянныхъ издѣлій. Мы всѣ, покупающіе мебель на апраксиномъ дворѣ или у Тура, имѣемъ стулья и диваны, вставляемъ образа въ кіоты, обдѣлываемъ картины въ рамы, сдѣланные охтянами, а между тѣмъ кто изъ насъ знаетъ быть этихъ людей? Почему въ ихъ жилищахъ, въ ихъ кварталахъ, на ихъ улицахъ царствуетъ грязь? Почему ихъ жилища ветхи и бѣдны? Почему тамъ случается такъ много пожаровъ? Почему тамъ царствуетъ невѣжество? Или имъ плохо платятъ, или мебельное ремесло невыгодно въ Петербургѣ? Или они мало работаютъ, или у нихъ нѣтъ рынка для ихъ издѣлій? Работаютъ-ли они артелями или въ одиночку, есть-ли у нихъ свои склады или ихъ издѣлія переходятъ къ отдѣльнымъ покупателямъ черезъ вторыя, черезъ третьи руки? Покупаютъ-ли они сами матеріалы для издѣлій или имъ доставляются эти матеріалы заказчиками-кулаками? Учатся-ли они грамотѣ, черченію и рисованію, что необходимо для хорошаго мебельщика? Есть-ли у нихъ ссудо-сберегательныя кассы, велики-ли ихъ доходы?—Все это неизвѣстно намъ, а между тѣмъ эти производители отдѣлены отъ центра столицы одной Невой. А петербургская проституція? Исслѣдовано-ли подробно, какой процентъ проституткозъ поступаетъ изъ разныхъ націй и разныхъ сословій, отъ какого и до какого возраста и въ какомъ числѣ существуютъ проститутки, какъ онѣ живутъ и какъ къ нимъ относятся содержательницы домовъ терпимости, какой процентъ заболѣваній и какими болѣзнями встрѣчается здѣсь, много-ли встрѣчается самоубійствъ и много-ли бываетъ обращеній на другой путь, какіе нравы господствуютъ въ этихъ домахъ,—все это извѣстно только смутно, гадательно, съ официальной стороны, изъ официальныхъ источниковъ. И повторяемъ еще разъ, все это трудно изслѣдовать у насъ частному лицу, особенно писателю, бѣдно живущему на зарабатываемыя имъ деньги.

Вотъ почему и журналъ „Здоровье“ покуда помѣщаетъ болѣе компиляцій, кабинетныхъ измышлений, чѣмъ изслѣдованій, выхваченныхъ изъ дѣйствительной жизни. Вотъ почему онъ помѣщаетъ иногда такія статьи, какъ статья „Воспитательные дома въ провинціи“, въ которой говорится, что въ городѣ NN есть дурной воспитательный домъ. А гдѣ этотъ городъ NN — авторъ не говоритъ, и потому статья теряетъ всякій смыслъ. Статья: „Петербургъ и его средства къ охраненію и возстановленію здоровья жителей“ — вся основана только на официальныхъ статистическихъ данныхъ; статья: „Вода и вліяніе ея количества и качества на здоровье“ — трудъ компилятивный; статьи: „Санитарное дѣло во Франціи“ и „Санитарное дѣло въ Англіи“ — компиляціи; замѣтки „О санитарномъ значеніи мостовыхъ“ и „Гимнастика для дѣвочекъ“ — повтореніе того, о чемъ говорено сотни разъ; статья „Объ устройствѣ санитарной части въ Россіи“ — кабинетныя соображенія о томъ, что можно-бы сдѣлать у насъ по санитарной части; статья „Распространеніе холеры посредствомъ колодцевъ“ — компиляція замѣчаній Ферстера. Цѣлая масса мелкихъ замѣтокъ, — простые переводы статей, извлеченныхъ изъ иностранныхъ журналовъ, — вотъ вамъ почти весь составъ шести номеровъ русскаго научно-популярнаго журнала, если не считать нѣсколькихъ корреспонденцій и изслѣдованій воздуха въ Петербургѣ, въ маринскомъ театрѣ и т. п. Тутъ нѣтъ ни одного изслѣдованія, которое дало-бы читателю „новые факты“, которое пролило-бы новый свѣтъ на положеніе той или другой части нашей жизни. Читатель уже знаетъ, что мы не хотимъ ставить этого въ упрекъ редакціи, — нѣтъ, мы знаемъ, что тутъ вина лежитъ не на ней, что виновны въ этомъ все наше общество, наша апатія, наша сонливость и т. д., и т. д.

А между тѣмъ намъ болѣе, чѣмъ кому-нибудь другому нужны самостоятельныя изслѣдованія русской жизни.

Мы часто говоримъ: у насъ мало заботятся о гигиенѣ, о санитарной части. Но мы почти вовсе не знаемъ, почему у насъ объ этомъ мало заботятся? Мы придаемъ большое значеніе гигиенѣ, но въ то-же время мы очень хорошо понимаемъ, что если-бы гигиенисты разработали такъ гигиеническіе вопросы, что возвели-бы каждое правило гигиены на степень несомнѣнной, безспорной истины, то и тогда нельзя-бы было предположить, что

всѣ люди стануть исполнять эти правила и будутъ здоровы. Гигіена — великое дѣло, но исполненіе ея предписаній обусловливается такою массою самыхъ разнообразныхъ явленій, что очень часто сознаніе необходимости исполнять эти правила не ведетъ ровно ни къ чему. Важны не гигиеническія правила, а средства къ исполненію ихъ. Важно не разъясненіе этихъ правилъ, а указаніе, почему они не исполняются. Когда несчастные плѣнники были заперты въ знаменитой „черной пещерѣ“ и задыхались отъ духоты, отъ голода, отъ жажды, то они могли наизусть знать всѣ правила гигиены и все-таки должны были прибѣгнуть къ очень не гигиеническому способу утоленія жажды — къ лизанію своего собственнаго пота. Когда парижане находились въ осажденномъ положеніи во время франко-прусской войны, они могли очень хорошо знать, сколько мяса и сколько хлѣба нужно ѣсть въ день здоровому человѣку, и все-таки принуждены были питаться мышами и крысами. Когда, наконецъ, начало быстро увеличиваться населеніе фабричныхъ городовъ, ихъ жители могли знать необходимость жить не въ темныхъ погребахъ, и все-таки, чтобы не остаться на улицѣ, они должны были помѣщаться во всевозможныхъ конурахъ.

У насъ, какъ и вездѣ, тоже очень часто необходимость заставляетъ уклоняться отъ тѣхъ или другихъ предписаній гигиены, и эти-то причины уклоненія отъ ея предписаній мы должны изучить прежде всего. Что здорово и что вредно — это уже болѣе или менѣе извѣстно. Но очень мало извѣстно, почему человѣкъ дѣлаетъ то, что ему нездорово, и почему онъ не дѣлаетъ того, что ему здорово. Если мы не сдѣлаемъ изслѣдованій въ этомъ смыслѣ, то намъ долго придется уподобляться тому доктору, который предписывалъ бѣдняку:

— Хорошую пищу, теплую одежду, хорошій стаканъ столоваго вина за обѣдомъ, сухое помѣщеніе, немного моціону, поменьше работы, побольше сна — и вы будете совершенно здоровы.

А чудакъ больной и захвораль-то только оттого, что не ѣлъ три дня.

Когда „Здоровье“ сумѣетъ преодолѣть всѣ затрудненія и выйдетъ на путь подобныхъ изслѣдованій, тогда мы скажемъ, что оно приноситъ существенную пользу. До той-же поры, читая въ немъ замѣтку объ асфальтовыхъ мостовыхъ, мы можемъ только

сказать: да, это отличныя мостовыя, и намъ очень жаль, что Петербургская и Выборгская стороны, Пески и Ямская не только не могутъ сдѣлать подобныхъ мостовыхъ, но даже тяжело вздыхаютъ, когда имъ приходится вымостить свои захолустья даже простымъ булыжникомъ.

Или они не понимаютъ, что чистота асфальтовой мостовой лучше грязи немощенаго болота?

А. Михайловъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

I.

Нѣсколько словъ вмѣсто предисловія.—Мои права на *regimis de sejour* въ русской литературѣ.—Мои цѣли и моя программа. — Эскурсія въ область статистики. — Война-ли причина убыли французскаго населенія? — Результаты послѣдней переписи во Франціи. — Пять миллиардовъ, обладающіе свойствами „даровъ данайцевъ“.—Поучительный урокъ россійскимъ алармистамъ: страничка изъ уголовной статистики Англій. — Возрастаніе пауперизма въ Англій. — Откуда грозитъ опасность обществу?—Каменноугольный вопросъ и его роковыя послѣдствія для нашей цивилизаціи.—Когда наступитъ „послѣдній день“ каменноугольнаго вѣка? — Прогрессъ милитаризма. — Его вліяніе на возрастаніе самоубійствъ. — Изъ области статистики въ область политической экономіи. — Нѣсколько данныхъ въ утѣшеніе петербургскому вольному экономическому обществу: возрастаніе зарботковъ земледѣльцевъ въ западной Европѣ и его причины.—Земледѣльческій вопросъ въ одномъ забытомъ угольн Англій.—Еще шагъ по пути экономическаго прогресса.—Новый Exodus.—Что думаютъ о немъ американцы?

Теперь такое время, что безъ узаконеннаго вида, паспорта, „*regimis de sejour*“ или вообще какой-нибудь бумажки, разъясняющей *raison d'être* существованія даннаго лица, его средства и професію, его вѣроисповѣданіе и его общественное положеніе,—порядочному человѣку и носа никуда нельзя показать. Любознательные люди сейчасъ осыплютъ его нескромными вопросами: да вы кто такой, откуда, зачѣмъ вы сюда извоили пожаловать, какіе ваши *виды*, чего вы хотите, чѣмъ вы намѣрены заниматься? и т. д., и т. д. Не дать должнаго объясненія, не удовлетворить жаднаго любопытства,—значитъ попасть въ темныя личности. А такъ-какъ я изъ прописей еще знаю, что „литература есть отраженіе жизни“, и, слѣдовательно, все, что узаконяется въ послѣдней, необходимо должно требоваться и въ первой; далѣе, я знаю—и это убѣжденіе, вынесенное мною изъ дѣтскаго моего возраста, я не повинуюсь и

до сего дня, хотя я уже давно утратилъ всё воспоминавія о моемъ дѣтствѣ, — убѣжденіе, что всякій порядочный человѣкъ, каковъ-бы ни былъ его возрастъ, обязанъ безпрекословно исполнять всякія законенныя требованія, — то, „принимая всё вышеозначенныя обстоятельства во вниманіе (фраза вышла такою длинною, что, ради приличія, ей необходимо придать юридическій оборотъ), я вижу себя вынужденнымъ для законнаго своего водворенія на страницахъ „Дѣла“ испросить у редакціи журнала и его читателей неизбѣжный при всякаго рода водвореніяхъ *permis de sejour*. Но для того, чтобы просьба моя могла быть уважена, я, разумѣется, долженъ откровенно и по „чистой совѣсти“ удовлетворить любопытству любознательныхъ людей.

Кто или что вы такое? Съ какими намѣреніями вы сюда являетесь? Чѣмъ вы предполагаете заниматься? Въ какомъ вы находитесь *настроеніи*? Послѣдній вопросъ, очевидно, относится къ моему умственному темпераменту.

Кто я? Я, въ нѣкоторомъ родѣ, пчела, собирающая сладкій медъ съ пахучихъ и непахучихъ цвѣтовъ западно-европейской цивилизаціи. Такова моя скромная профессія; я очень хорошо понимаю, что взятая сама по себѣ, эта профессія еще ничего не говоритъ въ пользу моей дѣятельности. Вѣдь медъ не всегда бываетъ напиткомъ безвреднымъ; иногда, какъ это доказываютъ многіе примѣры изъ нашей отечественной исторіи, онъ производитъ въ головѣ такой-же кавардакъ, какъ и наша славная „очищенная“, но за то, въ большинствѣ случаевъ, онъ не обазываетъ ни малѣйшаго вліянія на голову и развѣ-развѣ немножко портитъ желудокъ. Все тутъ зависитъ отъ приготовленія. При одномъ приготовленіи невинный продуктъ пчелинаго труда „получаетъ“ всё свойства винаго продукта, и въ этомъ случаѣ его, разумѣется, нельзя назвать продуктомъ безусловно сладкимъ и пріятнымъ. При другомъ приготовленіи онъ сохраняетъ всё свои невинныя свойства съ момента своего появленія на божій свѣтъ и до момента своего исчезновенія со свѣта — въ человѣческую утробу. Какого-же рода медъ вы-то намѣрены готовить? спроситъ насъ любознательный человѣкъ. — Конечно, *невинный*, невинный во всѣхъ смыслахъ, невинный отъ начала до конца, невинный во всѣхъ его составныхъ частяхъ, — отвѣчу я не обинуясь. И для того, чтобы отвѣтъ мой не показался самохвальствомъ (я знаю, что теперь вошло въ моду хвастаться своею „невинностью“

и что спросъ на нее очень великъ, и не только со стороны проблематическихъ дѣйственницъ, но и со стороны особъ, никакого касательства къ женскому полу неимѣющихъ), я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ, откуда, зачѣмъ и какъ я буду собирать свой медъ, зачѣмъ и для чего я намѣренъ угощать имъ читателей „Дѣла“.

Прежде всего—*откуда?*

Хотя, съ одной стороны, нельзя не согласиться (говоря слогомъ С. Р. Пѣнокоснимательницы), что почва западно-европейской цивилизации удобрена отъѣнно и что на ней произрастаетъ весьма много самыхъ разнообразныхъ цвѣтковъ, однако, съ другой стороны, нужно сознаться, что среди этихъ цвѣтковъ есть и такіе, отъ которыхъ чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Медъ, собранный съ нихъ, не имѣетъ никакой сладости; напротивъ, онъ горьче полыни и притомъ обладаетъ еще весьма дурными свойствами: помрачаетъ умъ и разстраиваетъ печень. Разузнется, цвѣтки съ такимъ злокачественнымъ выдѣленіемъ мы будемъ тщательно обходить; мы не станемъ даже подходить слишкомъ близко къ тѣмъ или черезчуръ возвышеннымъ, или черезчуръ низменнымъ полосамъ, въ которыхъ они обыкновенно произрастаютъ. Мы будемъ преимущественно держаться *среднихъ полосъ*, растительность которыхъ не содержитъ въ себѣ никакихъ опасныхъ ядовъ. Можетъ быть, любознательный, но недостаточно проникательный человекъ замѣтитъ, что я на первый разъ выражаюсь слишкомъ аллегорично, и, чего добраго, заподозритъ меня въ неискренности и въ какихъ-нибудь коварныхъ умыслахъ. Непроникательные люди всегда подозрительны. Но *hoppi soit qui mal у pense*. Никакихъ заднихъ, а тѣмъ паче преступныхъ мыслей въ головѣ у меня не имѣется; и если я говорю аллегоріями, то я дѣлаю это съ самою невинною цѣлью: мнѣ хочется, мнѣ очень хочется, чтобы читатель съ первыхъ-же страницъ моей хроники почувствовалъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ простой, а съ *ученой* хроникой, т.-е. съ такою штукою, понять которую можно лишь при напряженномъ вниманіи и нѣкоторомъ терпѣніи. Если у него (т.-е. у читателя) не имѣется въ наличности этихъ двухъ качествъ, если онъ не одаренъ терпѣніемъ, то ему лучше и не быть моимъ читателемъ; я нагоню на него только скуку и заставлю его окончательно убѣдиться (если онъ еще въ этомъ не окончательно убѣдился), что въ настоящее время лучшимъ

достоинствомъ русской книги вообще и русскаго журнала въ частности служить скука. Быть не скучнымъ—значитъ не имѣть никакого значенія въ глазахъ современнаго читателя, никогда не добиться вождельной популярности. Если-бы я былъ классикомъ, я пропыхтѣль-бы года два надъ переводомъ Киропедіи Ксенофонта и разомъ прославиль-бы себя, какъ скучнѣйшій изъ самыхъ скучныхъ русскихъ филистеровъ...

Вотъ почему я говорю аллегоріями и говорю пространнѣе, чѣмъ-бы это слѣдовало въ другое время; мнѣ надо испробовать внимательность и терпѣніе моихъ читателей. Если они устоятъ, если выдержать пробу, въ такомъ случаѣ они могутъ меня читать; если нѣтъ—пусть лучше и не разрѣзываютъ понапрасну тѣхъ страницъ, на которыхъ я хочу вести съ ними бесѣду. Однако, понимая весьма основательно, что внимательность и терпѣніе не всегда идутъ рука объ руку съ проникательностью, я считаю не лишнимъ перевести вкратцѣ мои *raisons* d'être съ языка аллегорическаго на общепотребительный.

Жизнь западно-европейскаго общества, кромѣ политической стороны, съ которою наша публика вѣдаль знакомится по нашимъ политическимъ газетамъ, кромѣ стороны абстрактно-теоретической, съ которою она (т. е. наша публика) тоже имѣетъ нѣкоторую возможность знакомиться по нашимъ періодическимъ изданіямъ и переводнымъ книгамъ,—имѣетъ еще одну сторону, знакомство съ которой могло-бы быть для насъ весьма полезно, но о которой наши газеты и журналы или ничего не говорятъ, или говорятъ очень мало и отрывочно. Независимо отъ волнующихъ общество политическихъ вопросовъ, его занимаютъ—и занимаютъ гораздо больше—вопросы чисто-общественные: экономическіе, промышленно-торговые, техническіе, гигиеническіе и т. п. Въ сферѣ этихъ-то *не политическихъ* интересовъ мы наталкиваемся, съ одной стороны, на непосредственныя требованія, вопіющія нужды будничной, грубой практики, съ другой—на отвлеченную дѣятельность теоретической мысли человѣка. Между этими двумя областями—областью конкретной *практики* и абстрактной *теоріи*—лежитъ нѣкоторая посредствующая полоса, нѣкоторая *серединная* область, которую можно назвать областью теоретической практики и практической теоріи. Въ ней смѣшиваются требованія будничной дѣятельности съ требованіями отвлеченной мысли, абстрактные выводы облекаются къ

конкретныя житейскія формы, — однимъ словомъ, это область „*примыненій*“, компромисовъ и паліативовъ, область приспособленія науки къ повседневнымъ нуждамъ жизни. Ее-то я и избираю предметомъ своего изученія и наблюденій.

Удовлетворяетесь-ли вы этимъ объясненіемъ, любознательные читатели? Не совсѣмъ еще, не правда-ли? Вы хотите болѣе точныхъ опредѣленій?

Дѣйствительно, область нашихъ наблюденій очень обширна, она играетъ очень важную роль, она занимаетъ очень много мѣста въ жизни западно-европейскаго общества; притомъ-же границы, отдѣляющія ее отъ двухъ смежныхъ областей: чистой прагтики и чистой теоріи, такъ неопредѣленны, и въ этихъ-то неопредѣленныхъ границахъ важное и неважное, интересное и мало-интересное, имѣющее для насъ, русскихъ, какое-нибудь практическое значеніе и неимѣющее онаго, до такой степени перепутано, что мнѣ, быть-можетъ, слѣдуетъ съ болшею обстоятельностью указать, на какіе именно пункты я буду обращать вниманіе читателей, о какихъ буду говорить мелькомъ, а какіе и совсѣмъ пройду молчаніемъ.

Постараюсь сдѣлать это съ надлежащею точностью и съ возможною краткостью.

Въ области, которую мы избираемъ для нашихъ экскурсій, мы будемъ имѣть дѣло, съ одной стороны, съ извѣстными практически ми потребностями, съ извѣстными *запросами* жизни, съ другой — съ тѣми посильными отвѣтами, которые даетъ на нихъ теоретическая, научная дѣятельность человѣческой мысли. Но потребности эти неисчислимы, а отношеніе къ нимъ научной дѣятельности человѣка. отличается такимъ разнообразіемъ и такою сложностью, что самый даже поверхностный анализъ его можетъ увлечь насъ далеко за предѣлы нашихъ экскурсій. Нужно поэтому заранѣе опредѣлить, на какихъ именно *потребностяхъ* мы будемъ останавливаться и съ какими именно *отвѣтами* на нихъ мы желаемъ знакомить читателей.

Мы будемъ останавливаться на тѣхъ только потребностяхъ, которыя, во-первыхъ, вошли болѣе или менѣе въ общее сознаніе и открыто заявляются; (во-вторыхъ, удовлетвореніе которыхъ представляетъ какую-нибудь *непосредственно практическую* важность и не требуетъ отъ жизни ничего такого, чего она, въ данный

моментъ, при *данныхъ* условіяхъ своего развитія, дать не можетъ. Слѣдовательно, мы съ самаго начала ограничиваемъ кругъ потребностей, подлежащихъ здѣсь нашему разсмотрѣнію, лишь тѣми, которыя ищутъ средствъ для своего удовлетворенія въ такъ-называемомъ „мирномъ и *мѣрномъ* движеніи прогресса“.

Изъ этихъ потребностей мы, главнымъ образомъ, будемъ оставаться или на тѣхъ, которыя относятся къ области *экономической*, или на тѣхъ, которыя относятся къ области *гигіенической*, понимая слово *гигіена* въ самомъ широкомъ смыслѣ, или же, наконецъ, на тѣхъ, которыя касаются общественной и личной безопасности и благосостоянія. Экономическія потребности, въ свою очередь, мы подраздѣляемъ: 1) на потребности, вытекающія изъ взаимныхъ отношеній людей, будутъ-ли эти отношенія социальныя, экономическія, промышленныя или вообще практическія, и 2) потребности, вытекающія изъ данныхъ техническихъ условій производства. Первые можно назвать практически въ тѣсномъ смыслѣ слова; вторыя — техническими.

Такимъ образомъ, въ нашихъ экскурсіяхъ мы принуждены будемъ касаться слѣдующихъ областей человѣческихъ знаній: экономической практики, технологіи, общественной гигіены, медицины, права, психологіи и педагогики. Въ область же другихъ точныхъ наукъ мы будемъ заглядывать въ тѣхъ только случаяхъ, когда онѣ въ своихъ практическихъ примѣненіяхъ будутъ сталкиваться лицомъ къ лицу съ тою или другою жизненною потребностью. Я не упомянулъ о *статистикѣ*; но я сдѣлалъ это не по забывчивости и не потому, что желаю игнорировать „младшую сестрицу“ политической экономіи. Нѣтъ; но, не въ обиду будь ей сказано, я никакъ не могу убѣдить себя смотрѣть на нее какъ на нѣчто самостоятельное, независимое отъ тѣхъ наукъ (или якобы наукъ), которымъ она обязательно доставляетъ нужные для нихъ *справки* и матеріалы. Она всегда представляется мнѣ чѣмъ-то неопредѣленнымъ, призрачнымъ, безформеннымъ, получающимъ свое *реальное бытіе* только тогда и только на-столько, когда и на-сколько она соприкасается съ тою или другою изъ общественныхъ наукъ. Ея назначеніе — служить *всѣмъ и каждому*, кто желаетъ пользоваться ея услугами, и внѣ этого чисто-*служебнаго значенія* она не существуетъ. Да не подумаетъ читатель, что я говорю все это съ тою только цѣлью, чтобы унизить и разобидѣть статистику. Напротивъ, я ее

очень люблю, хотя и считаю немножко легкомысленною. Началь-же я объ ней разсуждать ради того только, чтобы читатель самъ, безъ всякихъ съ моей стороны разьясненій, убѣдился, что безъ статистики въ нашихъ экскурсіяхъ намъ никакъ обойтись нельзя. Въ статистической цифрѣ нагляднѣ всего выражаются данныя потребности дѣйствительности; она, съ одной стороны, всегда дѣйствуетъ самымъ неотразимымъ образомъ на умъ практическаго человѣка и служитъ обыкновенно однимъ изъ главныхъ стимуловъ, заставляющихъ практику обращаться за помощью и совѣтомъ къ теоріи; съ другой—давая теоріи практическія указанія, она низводитъ ее съ абстрактныхъ высотъ къ конкретнымъ низменностямъ. Принимая все это во вниманіе, читатель, конечно, не посѣтуетъ на меня, если я буду довольно часто угощать его „сухими“ цифрами. Разумѣется, я не стану злоупотреблять ими безъ нужды—я воздержусь отъ всякихъ общихъ статистическихъ обзорѣній, подобно тому, какъ это принято дѣлать въ нѣкоторыхъ иностранныхъ изданіяхъ, предназначенныхъ служить справочными указателями „прошлаго“. Эти обзорѣнія, во-первыхъ, слишкомъ скучны для чтенія, а во-вторыхъ, едва-ли особенно и поучительны; въ нихъ обыкновенно изъ году въ годъ все одно и то-же, съ весьма незначительными варіаціями. Только взятыя за много лѣтъ, за цѣлыя историческіе періоды, они представляютъ дѣйствительный научный интересъ; слѣдовательно, они могутъ быть съ пользою читаемы только въ *будущемъ*, а ученныя хроники, какъ всѣмъ извѣстно, пишутся не для будущаго, а для настоящаго. Поэтому изъ всей массы статистическаго матеріала, поступившей въ обращеніе публики, я стану брать только такія данныя, которыя или бросаютъ болѣе или менѣе *новый* свѣтъ на *старое*, или указываютъ на образованіе или постепенное развитіе какихъ-нибудь *новыхъ* элементовъ въ развитіи общественной жизни. Число этихъ данныхъ, какъ увидитъ читатель, не особенно значительно, но онъ, вѣроятно, согласится, что они не лишены нѣкотораго интереса. Съ нихъ я и начну мою серьезную бесѣду.

„Ну, слава Богу, воскликнетъ нетерпѣливый читатель, съ предисловіемъ кончено, а мы уже думали, что ему и конца не будетъ!“ Да, подождите, оно еще и не кончилось. Я хочу за разъ и, такъ-сказать, *оптомъ* отдѣлаться отъ всякихъ объясненій и комментариевъ, для того, чтобы на будущее время мнѣ можно было ограничиться скромною ролью репортера, и на всякія почему? за-

чѣмъ? какъ? съ какою цѣлью? и т. п. я имѣлъ-бы право гордо отвѣтить: „я все уже сказалъ; теперь безъ разсужденій; хотите читайте, хотите нѣтъ; вы уже знаете, что вы у меня найдете и чего не найдете“. Итакъ, читатель, еще нѣсколько минутъ терпѣнія.

Жизненные потребности будутъ насъ занимать на-столько, на-сколько онѣ уже нашли или стоятъ на пути къ отысканію *практическихъ* средствъ для своего удовлетворенія. Подъ *практическимъ* средствомъ я разумѣю (можетъ быть, и не совсѣмъ правильно, но тамъ, гдѣ есть такіе критики, какъ г. Скабачевскій, и такіе публицисты, какъ г. Полетика, всегда могутъ поправить мою ошибку) — разумѣю такое средство, которое или уже начало осуществляться, или имѣетъ много шансовъ къ осуществленію, т. е. облечено въ формы болѣе или менѣе однородныя, родственныя и, вообще, нисколько не враждебныя основнымъ господствующимъ формамъ окружающей ихъ дѣйствительности.

Эти практическія средства, отвѣчающія практическимъ потребностямъ, вырабатываются обыкновенно двумя путями: или *единичными* усиліями частныхъ людей (изобрѣтатели, усовершенствователи техническихъ способовъ производства и т. д.), или ихъ *совокупными* усиліями: въ „обществахъ“, на „сѣздахъ“, „конгресахъ“ и т. п. Въ области техники, отчасти въ области психологіи, единичная дѣятельность является преобладающею; напротивъ, въ области пракческаго рѣшенія промышленныхъ, гигиеническихъ, педагогическихъ и т. п. вопросовъ совокупная дѣятельность (конгрессы, сѣзды и т. п.) играетъ въ настоящее время самую выдающуюся роль и оказывается наиболѣе полезною. Поэтому, говоря о явленіяхъ, лежащихъ за предѣлами промышленной техники, я по-необходимости долженъ буду удѣлить довольно много мѣста отчетамъ какъ о бывшихъ, такъ и о имѣющихъ быть сѣздахъ и конгресахъ; на нихъ-то по-преимуществу обсуждаются и опредѣляются тѣ компромиссы и паліативы, которыхъ требуютъ вопіющія нужды, тѣ практическія формы, при помощи которыхъ надѣются практику подтянуть къ теоріи, а теорію принизить до практики.

Послѣ всего этого, я, какъ мнѣ кажется, имѣю нѣкоторое право предполагать, что даже самый непроницательный изъ моихъ читателей въ состояніи составить себѣ теперь приблизительно вѣрное представленіе объ общемъ содержаніи предлагаемыхъ ему хроникъ.

Чтобы сдѣлать это представленіе еще болѣе точнымъ, я могу опредѣлить *по пунктамъ* все, о чемъ я намѣренъ вести съ нимъ (т. е. съ читателемъ) бесѣду. Это немножко педантично, но за то оно устранить на будущее время всякія недоразумѣнія и избавить читателя отъ печальной необходимости тратить свои досуги на чтеніе статей, которыя онъ, быть можетъ, и вовсе не захотѣлъ-бы читать, знай онъ напередъ ихъ содержаніе.

Итакъ, выражаюсь по пунктамъ.

Въ мою хронику войдутъ:

1) *Изъ области статистики.* Указанія на новѣйшіе статистическіе изслѣдованія, отчеты и т. п., которые, независимо отъ интереса современности, имѣютъ еще и *общій* интересъ, касаются какого-нибудь существеннаго момента въ жизни западно-европейскихъ народовъ.

2) *Изъ области политической экономіи.* Отчеты о такихъ экономическихъ явленіяхъ, которыя оказываютъ или должны оказать въ ближайшемъ будущемъ существенное вліяніе на измѣненіе практической дѣятельности въ той или другой отрасли промышленности. Отчеты о жѣрахъ, принятыхъ или имѣющихъ быть принятыми какъ для улучшенія положенія производительныхъ классовъ вообще, такъ и для болѣе точнаго регулированія ихъ взаимныхъ отношеній. Отчеты объ успѣхахъ и кризисахъ торговли и промышленности въ различныхъ государствахъ. Указаніе на тѣ изъ вновь выходящихъ книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей, знакомство съ которыми можетъ пролить свѣтъ на нѣкоторыя, плохо-извѣстныя русской публикѣ явленія западно-европейскаго практическаго быта, или-же, наконецъ, которыя представляютъ собою, въ данный моментъ, *интересъ дня*.

3) *Изъ области технологіи, химіи, физики, географіи, естественной исторіи и т. п.* Отчеты о важнѣйшихъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ, содѣйствующихъ усиленію производительности труда, развитію торговли, промышленности и вообще поднятію уровня благосостоянія въ одномъ или во многихъ классахъ.

4) *Изъ области гііены и медицины.* Отчеты о практическомъ рѣшеніи наиболѣе существенныхъ вопросовъ, касающихся общаго здоровья, — предупрежденія и леченія болѣзней. Отчеты

о съѣздахъ и конгресахъ гигиенистовъ и докторовъ. Указанія на наиболѣе замѣчательныя изъ вновь выходящихъ книгъ.

5) *Изъ области правовыхъ* явленій—мы будемъ указывать лишь на тѣ, которыя имѣютъ непосредственно-важное значеніе для практической и нравственной жизни данныхъ странъ, или для ихъ взаимныхъ между собою отношеній.

6) *Изъ области антропологии, психологии и педагогики.* Отчеты объ опытахъ и изслѣдованіяхъ, проливающихъ новый свѣтъ или дающихъ болѣе или менѣе новое рѣшеніе существеннѣйшимъ вопросамъ, касающимся психической жизни человѣка, его развитія и воспитанія. Указаніе на наиболѣе замѣчательныя изъ вновь выходящихъ книгъ.

Первыя три хроники будутъ посвящены обзору наиболѣе замѣчательныхъ изъ перечисленныхъ мною фактовъ за *истекшій*, послѣднія три—обзору фактовъ за *текущій* года.

Ну, теперь, кажется, все сказано и я могу, наконецъ, прекратить дальнѣйшее испытаніе читательскаго терпѣнія. Впрочемъ, нѣтъ, еще одно слово, и это уже послѣднее. Изъ приведенной *программы* читатель усмотритъ, что я намѣренъ вести съ нимъ бесѣду о самыхъ разнообразныхъ предметахъ,—предметахъ, которые очень часто не будутъ имѣть между собою никакой логической внутренней связи. Когда хроникерамъ приходится репортировать логически безсвязныя новости, то они обыкновенно считаютъ своею неперемѣнною обязанностью тщательно скрывать это обстоятельство отъ читателя и съ помощью разныхъ неблаговидныхъ приемовъ стараются убѣдить его, будто эта связь существуетъ, будто ихъ лоскутное одѣяло выкроено изъ цѣльнаго куска. Логическія пропасти, раздѣляющія цитируемые ими факты, засыпаются безсодержательными фразами и ни къ селу, ни къ городу пересыпанными соединительными частичками, и читатель совершенно незамѣтно переходитъ по воздушному мостику пустословія отъ пикантнаго, скандальчинеа въ какомъ-нибудь акціонерномъ обществѣ къ прохожденію Венеры черезъ дискъ солнца, отъ экспедиціи къ сѣверному полюсу — къ петербургскимъ помойнымъ ямамъ, и т. п. Я не хочу испытывать долѣе терпѣніе моихъ читателей, безъ того уже достаточно испытанное этимъ длиннымъ—болѣе длиннымъ, чѣмъ прокурорскія рѣчи,—предисловіемъ. Поэтому я напередъ отказываюсь отъ всякихъ воздушныхъ мостиковъ, отъ всякихъ попытокъ *сплавать* пустословіемъ

безсвязныя части моей скромной хроники; я напередъ заявляю, что она составлена изъ дослѣтковъ и что я не хочу тратить время на сшивку ихъ бѣлыми нитками. Въмѣсто разныхъ красивыхъ фигуръ „сопоставленія“, „противоположенія“, „аналогія“ и т. п., вмѣсто разныхъ невозможныхъ союзовъ я буду ставить просто раздѣльную черту вездѣ, гдѣ ее ставить сама логика. Безъ внутренней связи всякая внѣшняя связь безсмысленна. Не правда-ли, читатель?

Итакъ, я буду обозрѣвать факты, подлежащіе нашему обозрѣнію, въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ они намѣчены въ моей выше-означенной программѣ. Первою является статистика. Что интереснаго сообщила она намъ въ прошломъ (1874) году? Не особенно много, читатель, а все-таки кое-что ей удалось подмѣтить.

Изъ статистическихъ данныхъ, обнаруженныхъ въ истекшемъ году, особенный интересъ представляютъ данныя, относящіяся къ статистикѣ французскаго народонаселенія; я говорю о вышедшемъ въ 1874 г. отчетѣ „о результатахъ послѣдней переписи“ (бывшей въ 1872 г.)*). Во Франціи перепись народонаселенія производится, какъ извѣстно, черезъ каждыя пять лѣтъ. Послѣдняя перепись была произведена въ 1866 г. Ея результаты не говорили, повидимому, въ пользу физическаго благосостоянія французскаго народа. Процентъ прироста былъ очень не высокъ (0,3%), процентъ дѣтороженій оказался гораздо ниже средней нормы, существующей вообще для Европы. На каждый бракъ приходилось не болѣе 3 дѣтей, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ — 2 (т. е. ровно столько, сколько нужно для сохраненія народонаселенія въ неподвижномъ состояніи); были и такіе департаменты, въ которыхъ количество роженій не могло покрыть *естественной* убыли населенія. Такимъ образомъ, еще въ 1866 году было несомнѣнно, что движеніе француз-

*) См. Statistique de la France. Résultats généraux du denombrement du 1872. Paris, 1874. Нельзя не обратить также вниманія на написанную по поводу этихъ „résultats généraux“ небольшую брошюру Родо (Raudot, членъ нынѣшней версальской палаты, возсѣдаетъ на правой сторонѣ): Recensement de la population de la France en 1872. Paris, 1874.

скаго народонаселенія обнаруживаетъ весьма ясныя признаки *регресса*; не будучи пророкомъ, можно было предсказать постепенное пониженіе ‰ прироста, постепенной убыли населенія.

Мальтузіанцы-оптимисты и доктринеры остались весьма довольны этими результатами: они видѣли въ нихъ, съ одной стороны, вѣрный залогъ благосостоянія и процвѣтанія Франціи, съ другой — подтвержденіе своей *мечты* (которую они, впрочемъ, называютъ *закономъ*) о *естественномъ* регулированіи размноженія народонаселенія подѣ влияніемъ промышленнаго прогресса. Чѣмъ выше, говорятъ они, поднимается народъ по ступенькамъ прогресса, тѣмъ нормальнѣе становится процентъ дѣторожденій; самъ собою онъ падаетъ до такого предѣла, при которомъ новорожденные не составляютъ никакого бремени для своихъ родителей: являясь на божій свѣтъ, они уже находятъ уготованное для себя мѣсто на „банкетѣ жизни“. Когда этимъ оптимистамъ возражали, что ихъ теорія не выдерживаетъ критики, потому что вся она основана на произвольной и ничѣмъ недоказанной гипотезѣ о какомъ-то „естественномъ“ и „само-собою происходящемъ“ „регулированіи“ дѣторожденій, они обыкновенно съ торжествомъ указывали на французскій народъ, начавшій уже, по ихъ мнѣнію, осуществлять ихъ физиолого-экономическую прозорливость. Что скажутъ они теперь, въ виду только-что опубликованнаго отчета о послѣдней переписи? Предвидѣнія ихъ, какъ сейчасъ увидитъ читатель, оправдались, но оправдались въ гораздо *большей* мѣрѣ, чѣмъ, быть можетъ, они сами того желали.

Въ 1871 году обычная перепись не могла быть произведена по причинѣ хаотическаго положенія страны; ее отложили на слѣдующій годъ; слѣдовательно, послѣдняя перепись обнимаетъ не 5-ти, а 6-ти-лѣтній періодъ времени. Цифра французскаго народонаселенія опредѣляется ею въ 36,102,921 чел.; въ 1866 году она была вычислена въ 38,192,064 чел., т.-е. втеченіи шести лѣтъ населеніе Франціи уменьшилось на 2,089,143 чел. Въ этотъ промежутокъ времени отъ Франціи отпали Эльзасъ и часть Лотарингіи съ 1,597,238 населеніемъ; слѣдовательно, дѣйствительное уменьшеніе = 491,905, круглымъ числомъ $\frac{1}{2}$ мил., или ежегодно французское населеніе уменьшалось на 1,22‰. Въ періодъ съ 1861 до 1866 г. его ежегодный приростъ равнялся 136,150; если-бы этотъ ‰ прироста сохранился и въ слѣдующій періодъ (съ 1866 — 1872 г.),

то въ 1872 году оно должно-бы было увеличиться на 816,900 чел., т.-е. равняться (за вычетомъ населенія провинцій, присоединенныхъ къ Германіи) 37,411,726 чел.; на самоѣ-же дѣлѣ оно равняется только 36,102,921, т.-е. сравнительно съ первою половиною 60-хъ годовъ оно уменьшилось на 1,308,805 чел.

По вычисленіямъ Родо и эта цифра оказывается слишкомъ умѣренною; дѣйствительная убыль населенія еще значительнѣе. Офиціальныя статистики упустили изъ виду, что, во-первыхъ, не все населеніе завоеванныхъ провинцій вышло изъ французскаго подданства: къ 1872 году болѣе 126 тысячъ эльзасцевъ и лотарингцевъ переселились во Францію; во-вторыхъ, съ 1866 года, несмотря на страшныя катастрофы, пережитыя Франціей, число живущихъ въ ней иностранцевъ увеличилось на 85 тысячъ человекѣвъ. Следовательно, при среднемъ % прироста французскаго народонаселенія, мы вправѣ были-бы ожидать, что цифра его достигнетъ въ 1872 г. 37-ми мил. 600 тысячъ слишкомъ; но вмѣсто того мы получили цифру въ 36 мил. 100 съ небольшимъ тысячъ, т.-е. на 1½ мил. менѣе. Но, можетъ быть, и эта цифра ниже настоящей? Дѣло въ томъ, что съ 1861 по 1866 гг. среднее ежегодное число умершихъ=865,503; въ періодъ-же съ 1866 по 1872 года оно достигло до 1,268,849, т.-е. въ послѣднія 6-ть лѣтъ стало ежегодно умирать на 46% больше, чѣмъ прежде; въ первое *пятилѣтіе* итогъ умершихъ немногимъ превышалъ 4 мил., во второе шестилѣтіе онъ достигъ почти 6 мил.

При этомъ средняя цифра рожденій не возрастала, а скорѣе убывала. По вычисленію Родо, смертность превышала рождаемость (съ 1867—1871 гг.) на 368,580 чел.; какъ сама по себѣ ни значительна эта цифра, но она одна недостаточна для объясненія той убыли населенія, которую мы только-что старались опредѣлить; очевидно, что она вызвана двумя причинами: прогрессомъ коэффициента смертности и регрессомъ коэффициента рожденій *).

Что за причина этого прогресса и этого регресса? Люди, проникательность которыхъ никакъ нейдетъ далѣе проникательности почтен-

*) И дѣйствительно, коэффициентъ рожденій съ 1868 года понизился почти на 20%. До 1868 года среднее ежегодное число рожденій опредѣлялось приблизительно въ 1 мил.; въ 1868, 1869 и 1870 годахъ оно понизилось до 950,000, а въ 1871—до 821,121, т.-е. число ежегодныхъ рожденій уменьшилось почти на 200,000.

ныхъ членовъ известной лиги „мира“ (къ ней мы еще вернемся ниже), выдающихъ альфу и омегу человѣческихъ бѣдствій въ войнѣ, — эти люди ни на минуту не затруднятся отвѣтомъ. „Причина быстрого уменьшенія населенія Франціи, скажутъ они, — ясна, какъ день: это — несчастная война съ Пруссіей и послѣдовавшія за нею внутреннія междоусобія“.

Разсуждая теоретически, подобное объясненіе можно принять за весьма удовлетворительное, и, если угодно, на немъ успокоиться. Но если мы вздумаемъ искать для него точки опоры въ фактахъ, въ статистическихъ цифрахъ, то намъ придется очень скоро въ немъ разочароваться.

Если-бы, дѣйствительно, война была главною причиною убыли французскаго народонаселенія, то само собою понятно, что эта убыль должна была-бы обнаружиться сильнѣе всего въ тѣхъ именно частяхъ Франціи, которыя наиболѣе пострадали отъ военныхъ дѣйствій непріятеля или отъ гражданскихъ междоусобицъ. А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ этого не видно. Во многихъ департаментахъ, бывшихъ театромъ внѣшней и гражданской войны, населеніе не только не уменьшилось, но даже возрасло, напр. въ сенскомъ департаментѣ (на 55,436 чел.), въ луарскомъ, марнскомъ, Бушъ-дю-Ронъ и т. п. Наибольшая убыль оказалась не въ департаментахъ, опустошенныхъ пруссаками, а въ департаментахъ, отличающихся богатствомъ и высокимъ уровнемъ развитія земледѣлія. Такъ, въ департаментѣ Ла-маншъ населеніе уменьшилось на 29,216 чел. (т. е. на 5,17% всего населенія), въ Эйръ на 16,683 (4,24%); Орнъ на 16,733 (4,03%); Кальвадосъ — 21,240 (4,48%). Все это самые богатые департаменты Нормандіи, всего менѣе пострадавшіе и отъ войны, и отъ междоусобій. Точно также и въ департаментахъ: Верхней Сены, Дордоньи и Сарты, — департаментахъ, отличающихся необыкновеннымъ плодородіемъ почвы, заключающихъ въ себѣ нѣсколько большихъ промышленныхъ центровъ и удаленныхъ какъ отъ центра военныхъ операцій, такъ и отъ революціонныхъ бурь, — убыль населенія была весьма значительна: число жителей сравнительно съ 1866 годомъ уменьшилось болѣе чѣмъ на 50 тыс. челов., что составляетъ около 4,2% всего населенія.

Вообще изъ 56 департаментовъ, незанятыхъ пруссаками и не испытывавшихъ „прелестей“ войны, населеніе увеличилось всего только въ 12-ти, и то на самую ничтожную цифру — всего е 41,623

чел., т. е. въ каждомъ департаментѣ оно возрасло, среднимъ числомъ, на 3,468; въ 44-хъ департаментахъ оно уменьшилось на 319,841, — слѣдовательно, въ департаментахъ, не пострадавшихъ отъ войны, убыль населенія — 268,278 чел.

Кромѣ того, если-бы, дѣйствительно, война была главною причиною уменьшенія населенія, то слѣдовало-бы ожидать, что это уменьшеніе произойдетъ исключительно на счетъ мужского населенія; между тѣмъ послѣдняя перепись показываетъ, что уменьшилось и женское населеніе, правда, не въ такой пропорціи, какъ мужское, но все-таки на весьма значительную цифру, а именно на 0,7% (мужское на 1,2% *)).

Но все это доказательства, такъ-сказать, косвенныя; можетъ быть, однихъ ихъ было-бы и недостаточно, если-бы у насъ не имѣлось подъ руками доказательствъ болѣе прямыхъ, непосредственныхъ.

Предо мною лежитъ весьма обстоятельная книга Шеню (Chenu): *Aperçu historique sur le service des ambulances de la société de secours aux blessés pendant la guerre 1870—1871*; по вычисленіямъ ея автора выходитъ, что число французовъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и болѣзней, не превышало 140 т. чел. (138,000). По послѣднимъ официальнымъ даннымъ число убитыхъ и смертельно раненыхъ во время двухъ (прусской и версальской) осадъ Парижа равняется съ небольшимъ 67,000. Если мы увеличимъ эти цифры вдвое (на что мы не имѣемъ никакого права), то и тогда мы не получимъ болѣе 300,000 чел., а между тѣмъ населеніе Франціи, по самымъ умѣреннымъ вычисленіямъ, уменьшилось болѣе чѣмъ на 800,000, — слѣдовательно, полу-миліонный дефицитъ никоимъ образомъ не можетъ быть отнесенъ на счетъ войны.

Но и это еще не все: сравнивая перепись за 1861—1866 гг. съ послѣднею (съ 1866—1872), мы видимъ, что коэффициентъ смертности сталъ возрастать, а коэффициентъ рожденій убывать еще до начала войны. Такъ въ года непосредственно предшествовавшіе войнѣ (1868, 1869 и первая половина 1870 г.) среднее ежегодное число рожденій уменьшилось на 5%. Среднее ежегодное

*) Вліяніе войны отразилось, какъ кажется, не столько на убыли населенія, сколько на измѣненіи численности мужчинъ по отношенію къ численности женщинъ. Въ 1866 г. число женщинъ превышало число мужчинъ на 37,244; въ 1872 году на 137,899, т. е. послѣ войны перевѣсъ женскаго населенія надъ мужскимъ оказался почти въ 4 раза больше, чѣмъ до войны.

число смертей въ періодъ съ 1861—1866 гг. равнялось 865,513, т. е. каждые 6 мѣсяцевъ умирало 432,756 чел.; въ первые же 6 мѣсяцевъ 1870 г. (война началась въ іюль) число умершихъ доходило до 545,666, т. е. $\%$ смертности возросъ болѣе, чѣмъ на 26 $\%$.

Не имѣемъ-ли же мы право изъ всѣхъ этихъ данныхъ вывести слѣдующее заключеніе: хотя, безъ сомнѣнія, война и оказала нѣкоторое вліяніе на убыль французскаго населенія, но на нее нельзя смотрѣть какъ на *главную* причину этой убыли. Коэффициентъ прироста французскаго народонаселенія регрессируетъ съ такою быстротою и съ такимъ постоянствомъ, которыя исключаютъ всякую мысль о *случайности*; очевидно, его регрессъ есть продуктъ какихъ-нибудь постоянныхъ вліяній, скрытыхъ въ глубокихъ нѣдрахъ сложившагося строя исторической жизни. Въ чемъ именно заключаются эти вліянія—на этотъ вопросъ современная статистика не даетъ прямого отвѣта, но она дѣлаетъ нѣкоторыя *косвенныя* указанія, въ высокой степени многозначительныя. Мы видѣли уже, что наибольшая убыль населенія оказалась въ земледѣльческихъ департаментахъ, — въ департаментахъ, гдѣ земля плодородна, гдѣ преобладаетъ мелкая поземельная собственность и гдѣ жители вообще пользуются, говоря сравнительно, нѣкоторымъ достаткомъ. Развитіе средняго достатка, въ связи съ преобладаніемъ мелкой земельной собственности, всегда, какъ извѣстно, задерживаетъ дѣторожденіе, понижаетъ коэффициентъ размноженія. Дѣйствительно, въ земледѣльческихъ департаментахъ, гордящихся процвѣтаніемъ сельскаго хозяйства (южные и центр. департ.), на семью приходится 3,5 чел.; въ департ. Сены—2,7, тогда какъ во всей Франціи среднимъ числомъ—3,71, а въ департ. бѣдныхъ, съ бѣднымъ или полуголоднымъ населеніемъ, на семью приходится 4,5 и до 5 душъ.

„Значитъ, оптимисты-мальтузіанцы правы: промышленный и земледѣльческій прогрессъ понижаетъ коэффициентъ рожденій и приводитъ въ желаемое равновѣсіе возрастаніе народонаселенія съ возрастаніемъ средствъ къ существованію“.—Позвольте: какое-же это, однако, „желаемое равновѣсіе“? Вѣдь приведенныя цифры показываютъ, что народонаселеніе Франціи не возрастаетъ, а перестаетъ возрастать съ быстротою, равною быстротѣ *возможнаго* возрастанія средствъ къ существованію, что оно не въ состояніи даже удержаться на одномъ и томъ-же неподвижномъ уровнѣ, что оно ре-

грессируетъ. Чтобы оправдать подобное явленіе съ точки зрѣнія мальтузіанской гармоніи, нужно допустить, что и „средства къ существованію“ тоже регессируютъ. Но въ такомъ случаѣ нечего и говорить о какомъ-бы то ни было прогресѣ и о его чудодѣйственномъ вліяніи на ослабленіе человѣческой способности къ дѣтворожденію.

Кромѣ данныхъ о движеніи народонаселенія, въ отчетѣ о результатахъ послѣдней переписи приведены еще нелишенные интереса цифры относительно *состава* французскаго населенія и его грамотности.

Изъ общаго числа жителей больше половины (52%) принадлежатъ къ сельскому населенію, живутъ земледѣльцѣмъ; 24% занимаются различными ремеслами (городское населеніе); 8%—торговлею; 6% живутъ доходами съ капиталовъ, движимыхъ и недвижимыхъ; остальные 10% состоятъ изъ прислуги (однихъ привратниковъ считается болѣе 55,571), солдатъ, нищихъ, духовенства и т. п.

Около $\frac{1}{3}$ населенія совершенно безграмотно. Наивысшій % грамотныхъ мы встрѣчаемъ въ департаментахъ, пограничныхъ съ Швейцаріею и Германіею; во Франшъ-Контѣ, напр., неграмотныхъ всего только 7%; во французской Лотарингіи (Мертъ, Meurthe)—8%; въ Юрѣ—9%; въ Вогезахъ—10%; въ Сенѣ—11%. Но по мѣрѣ удаленія отъ германской границы къ центру и востоку, невѣжество постоянно возрастаетъ: такъ въ департаментѣ Бери процентъ неграмотныхъ доходитъ до 57%; въ демократическомъ Аллье (Allier)=52%; въ аристократической Вандеѣ, въ Морбиганѣ и Финистерѣ=53%; въ Лимузенѣ до 61,8%. Такимъ образомъ, во Франціи существуютъ департаменты—и ихъ не мало—въ которыхъ *половина* и даже *два трети* населенія не знаютъ грамоты.

Для насъ, русскихъ, это должно быть весьма утѣшительно. Не одни, значить, мы „лыкомъ шиты“.

Если „смертоубійственное орудіе“ пруссаковъ и не играло, какъ мы сейчасъ видѣли, особенно важной роли въ пониженіи процентнаго прироста французскаго народонаселенія, то ихъ безпримѣрная адчность къ чужимъ деньгамъ нанесла тяжелый ударъ экономическому благосостоянію Франціи. Съ этимъ почти всѣ согласны:

пяти миллиардовъ никто еще не успѣлъ забыть, и французамъ, что-бы тамъ ни толковали оптимисты, долго еще придется помнить ихъ. Не знаю, такъ-же-ли долго будетъ помнить ихъ и Пруссія, но несомнѣнно, что на ней оправдалась пословица: „чужое добро въ прокъ нейдетъ“. До войны и [до контрибуціи Пруссія,] по отзывамъ всѣхъ экономистовъ, даже бельгійскихъ и французскихъ, не говоря уже о нѣмецкихъ, находилась въ цвѣтущемъ экономическомъ положеніи: крестьянство благоденствовало, земледѣліе совершенствовалось, торговля и промышленность преуспѣвали, — все, однимъ словомъ, обстояло благополучно. Послѣ-же войны и контрибуціи все поворотило вспять: начались промышленные кризисы, застои въ торговлѣ, дефициты, всеобщія жалобы на недостатокъ денегъ, — мало того, даже преступленія стали увеличиваться. Прусская статистика за 1874 годъ обнаружила три слѣдующіе многозначительные факта:

1) Въ 1872 году число преступленій, подлежащихъ вѣденію суда присяжныхъ, было 8,193; въ 1873 году — 8,546, т. е. число преступленій увеличилось болѣе, чѣмъ на 4%. При этомъ особенно замѣтно увеличились преступленія противъ нравственности (въ 1872 году ихъ приходилось 7,5 на 100, въ 1873 — 8,8), обманы, мошенничество и преступленія противъ личности: нанесеніе тяжкихъ ранъ, увѣчій и ударовъ (въ 1872 году приходилось 4,6 на 100, въ 1873 — 5,2).

2) Въ первую половину 1874 года дефицитъ таможенныхъ сборовъ достигъ громадной цифры — 22 миліоновъ (застой вѣншей торговли).

3) Въ послѣдніе 8 мѣсяцевъ 1874 года налогъ на вексельную бумагу, безъ которой сколько-нибудь крупныя торговныя сдѣлки никогда не обходятся, далъ на 600,000 фр. менѣе, чѣмъ въ прошломъ году.

Въ pendant къ неособенно отраднымъ даннымъ прусской уголовной статистики, въ томъ-же 1874 году вышелъ чрезвычайно интересный отчетъ о движеніи преступленій въ Англіи съ 1856 — 1873 года: „Judicial Statistics 1856—1873“ (см. также интересное изслѣдованіе объ англійской уголовной статистикѣ, напечатанное въ октябрьской книжкѣ за 1874 годъ „Quarterly Review“).

Сопоставляя данныя этихъ отчетовъ съ данными первой половины нашего столѣтiя, мы приходимъ къ слѣдующимъ, нелишнимъ интереса выводамъ:

Съ 1805 года (съ этого года только и начинаютъ собираться точныя свѣденiя о количествѣ ежегодно совершаемыхъ преступлений),—съ 1805 г. и до 1841 г. число преступлений постоянно возрастаетъ; въ 1842 году оно доходитъ до 31,309; въ 1843 оно равняется только 29,591, въ 1844 — 26,542, въ 1845 — 24,303, въ 1846—25,107, въ 1847 *)—28,833, въ 1848—30,349, въ 1849—27,816, въ 1850 — 26,813, въ 1851 — 27,960, въ 1852—27,510, въ 1853 — 27,057, въ 1854 — 29,359, въ 1855—25,972.

Въ этомъ году былъ изданъ парламентскiй актъ, оказавшiй громадное влiянiе на уменьшенiе средняго ежегоднаго числа уголовныхъ дѣлъ, подлежащихъ суду присяжныхъ. Этимъ актомъ изъ вѣдомства ассизныхъ судовъ (съ присяжными) исключались дѣла о простыхъ кражахъ (*simple larceny*) и кражахъ прислуги у господъ и вообще наемщиковъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда наказанiе не могло превышать по закону шести-мѣсячнаго тюремнаго заключенiя; хотя за подсудимыми оставлялось право требовать надъ собою суда присяжныхъ, но, по общему порядку, они должны были теперь судиться въ *мировомъ* судѣ.

Въ 1856 — 60 гг. средн. ежегодное число прест.	равнялось	18,047
„ 1861 — 65 „ „ „ „ „ „		19,097
„ 1866 — 70 „ „ „ „ „ „ „		18,961
Въ 1871 г. число совершонныхъ преступлений	равнялось	16,269
„ 1872 „ „ „ „ „ „ „		14,801
„ 1873 „ „ „ „ „ „ „		14,893

Слѣдовательно, число преступлений, начиная съ 1841 года и по 1874 годъ, уменьшилось на 25⁰/₀; въ то-же время народонаселенiе увеличилось на 45⁰/₀.

*) Въ этомъ году парламентскiй актъ подчинилъ простымъ кражамъ и поврежденiямъ чужой собственности, если цѣна украденной или поврежденной вещи не превышаетъ 40 шил. (около 15 руб.) и если виновный въ означенныхъ проступкахъ не достигъ 15-лѣтняго возраста,—особой сокращенной юрисдикци и изъясъ ихъ изъ вѣденiя суда присяжныхъ. Статистика показываетъ, однако, что этотъ актъ не оказалъ никакого существеннаго влiянiя на уменьшенiе средняго ежегоднаго числа преступлений, судимыхъ въ ассизахъ.

Этотъ регрессъ коэффициента преступности *всего болѣе* обнаружился въ слѣдующихъ преступленіяхъ:

	1834 г.	1856 г.	1871 г.	% умен. и увелич. съ 1834 г.
1. Кража безъ насилія . .	16,608	13,670	11,265	32%
2. Клятвопреступленіе, со- противленіе власти, бра- коньерство, измѣна . .	1,336	517	640	52%

Всего менѣе онъ обнаружился:

Въ преступленіяхъ противъ				
личности	2,455	1,919	2,175	11%

Слѣдующія-же преступленія, вмѣсто того, чтобы, какъ слѣдовало ожидать, уменьшиться, напротивъ, возрасли:

1. Преступленія противъ соб- ственности съ насиліемъ .	1,459	2,258	1,509	+ 3%
2. Преступленія противъ мо- нетной системы	431	893	483	+12%

Изъ этихъ цифръ можно, кажется, сдѣлать такое заключеніе: преступленія, несоединенныя съ насиліемъ противъ личности, значительно убываютъ (за исключеніемъ поддѣлки денежныхъ бумагъ и монетъ); преступленія-же, соединенныя съ насиліемъ личности, возрастаютъ, или-же если и уменьшаются, то на весьма незначительную цифру.

Рука объ руку съ этимъ уменьшеніемъ числа ежегодно совершаемыхъ преступленій идетъ, съ одной стороны, смягченіе строгостей уголовной системы, съ другой—болѣе снисходительное, болѣе гуманное примѣненіе ея на практикѣ. Число преступленій, наказуемыхъ смертью, все болѣе и болѣе ограничивается и самыя смертныя приговоры все рѣже и рѣже приводятся въ исполненіе. Такъ въ 6-ти-лѣтіе, оканчивающееся 1820 г., къ смертной казни приговорено—7,107, изъ нихъ казнено 649; въ слѣдующее 6-ти-лѣтіе приговорено—7,952, казнено—494; въ 6-ти-лѣтіе, оканчивающееся 1834 г., приговорено—8,483, казнено 355; а съ 1865—1872 гг. смертныхъ приговоровъ состоялось всего 140, изъ нихъ приведено въ исполненіе 59.

Число оправдательныхъ приговоровъ постоянно увеличивается, что видно изъ слѣдующихъ цифръ:

1 оправдательный приговоръ приходился:

Въ 1851 году на 3,39 обвинительныхъ.

„ 1861 „ „ 3,18 „

„ 1871 „ „ 2,8 „

Видѣтъ съ ослабленіемъ строгостей уголовной юрисдикціи ослабляется и строгость *полицейскаго надзора*. Несмотря на увеличеніе населенія, число лицъ, „состоящихъ подъ надзоромъ“, постоянно уменьшается. Такъ въ 1861 году число лицъ, подозрѣваемыхъ въ принадлежности къ такъ-называемымъ „опаснымъ классамъ общества“, въ графствахъ съ населеніемъ въ 11,720,263 ч. доходило до 46,250 (что даетъ 3,94 на 1,000 жит.); въ 1871 году оно уменьшилось до 33,077, тогда какъ населеніе возрасло на цѣлый миліонъ (слѣд., на 1,000 жит. приходилось состоящихъ подъ надзоромъ всего 2,59%). Въ мѣстечкахъ (*boroughs*), имѣвшихъ въ 1861 году 5,124,726 чел. жителей, состояло подъ надзоромъ 16,012; въ 1871 г. населеніе достигло 6,058,202, а число подозрѣваемыхъ и надзираемыхъ уменьшилось до 13,521. Въ Лондонѣ и его округѣ въ 1861 г. (когда населеніе было равно 3,221,235) число подозрительныхъ особъ=5,286; въ 1871 г. (населеніе=3,883,092) ихъ было только 3,546; слѣдовательно, въ 1861 г. на 1,000 жит. подозрительнымъ казался 1,67, — въ 1871 г.—0,91.

Эти факты должны быть весьма поучительны для тѣхъ признанныхъ и непризнанныхъ органовъ нашего общественнаго мнѣнія, которые тономъ авторитета утверждаютъ, будто у насъ, въ Россіи, число преступленій возрастаетъ потому, главнымъ образомъ, что наша уголовная система недостаточно строга, что наша полиція недостаточно подозрительна, что у насъ, наконецъ, смертная казнь слишкомъ рѣдко употребляется.

Рекомендую особенному вниманію этихъ невѣжественныхъ господъ только-что приведенныя цифры. Пусть они немножко подумаютъ объ нихъ, если только они еще не утратили способности о чемъ-нибудь думать.

Уменьшеніе преступленій не мѣшаетъ, однако, быстрому возрастанію пауперизма. Изъ данныхъ, опубликованныхъ въ 9 кн. Jour-

nal of the statistical Society, 1874 г., оказывается, что, какъ количество суммъ, идущихъ на содержаніе бѣдныхъ, такъ равно и численность послѣднихъ постоянно возрастаетъ. Въ 1866 году на содержаніе бѣдныхъ расходовалось 6,440,000 фунт., въ 1872—около 8,000,000 ф., въ 1873—7,692,000 ф. Въ послѣдній годъ каждому жителю, подлежащему розг тах, приходилось платить на содержаніе „бѣдныхъ“ 6 шил. 7¹/₄ д. (около 2¹/₂ руб.). Изъ этихъ суммъ около 22 тысячъ фунтовъ расходовалось на прибавку рабочимъ къ заработной платѣ, которая въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности такъ недостаточна, что не позволяетъ имъ обходиться безъ помощи общественной благотворительности.

Число лицъ, живущихъ на счетъ общественной благотворительности, въ 1872 году = 977,200, въ 1873 = 883,688; слѣдовательно, уменьшеніе равняется 94,512; однако число бѣдняковъ совершеннолѣтнихъ и способныхъ къ работѣ уменьшилось всего на 26,000.

По всей вѣроятности, это, говоря вообще, весьма незначительное уменьшеніе обуславливается, съ одной стороны, строгими мѣрами относительно прекращенія бродяжничества, съ другой—усилившейся эмиграціею. Благодаря первымъ, число бродягъ, содержимыхъ на счетъ общественной благотворительности, уменьшилось съ 1869 года по 1874 болѣе, чѣмъ на половину. Въ 1869 году ихъ считалось во всемъ Соединенномъ Королевствѣ 7,020; въ 1870—5,430; въ 1871—3,735; въ 1872—3,378; въ 1873—3,027; въ одной собственно Англій (метрополіи) въ 1869 г. бродягъ насчитывалось 1,882; въ 1873—только 615 *).

Что касается эмиграціи, то Economist (окт. 31, 1874 г.) приводитъ относительно ея слѣдующія, немаловажныя интереса данныя:

	Число лицъ, эмигрировавшихъ изъ Англій въ Америку, Австралію и т. п.
1870 г.	256,940 чел.
1871 „	252,435 „

*)-Усиленная строгость въ преслѣдованіи бродягъ проявилась, между прочимъ, въ томъ фактѣ, что число лицъ, привлекаемыхъ къ суду за бродяжничество, постоянно возрастаетъ. Такъ въ 1861 г. за бродяжничество судилось 26,331; въ 1871—39,532. Слѣдовательно, втеченіи 10 лѣтъ число судившихся бродягъ возросло на 50%.

1872 „	295,213 „
1873 „	310,612 „

Слѣдовательно, съ 1870—1874 гг. число ежегодно эмигрирующихъ возрасло болѣе, чѣмъ на 20%.

Въ *Annales Medico-Psychologiques*, за сѣнт. 1874 г. (стр. 319, 320), мы находимъ слѣдующія данныя о результатахъ послѣдней народной переписи въ Англіи:

Общее число жителей=41,845,379. Изъ нихъ:

Слѣпыхъ	31,159	или 1 на	1,015	жит.
Слѣпо-рожденныхъ	1,968	„ 1 „	16,182	„
Глухо-нѣмыхъ	9,238	„ 1 „	1,644	„
Идіотовъ	24,452	} „ 1 „	574	„
Сумасшедшихъ	39,567			
Итого	116,383	„ 1 „	274	„

Т. е. на каждую тысячу приходится 6,6 чел., которыхъ общество волей-неволей должно содержать на собственный счетъ.

Мы только-что говорили о вліяніи „вооруженнаго лагеря“, въ который угодно было обратить Пруссію князю Бисмарку и графу Мольтке, на социальное и нравственное состояніе побѣдоносной націи; точно такое-же печальное вліяніе этотъ „вооруженный лагерь“ обнаруживаетъ и на усиленіе европейскихъ армій. Если Пруссія увеличиваетъ свои войска, то, à plus forte raison, ихъ должна увеличивать Франція, Австрія, Россія, Италія, Бельгія, Данія и т. д. До какихъ размѣровъ дойдутъ вооруженныя силы Европы черезъ тысячу лѣтъ, если онѣ будутъ возрастать въ той-же прогрессіи, въ какой возрастаютъ въ настоящее время?

Извѣстный Дудлей Бакстеръ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „*Journal of the statistical society*“ напечаталъ слѣдующія интересныя данныя о прогрессѣ европейскихъ армій въ послѣднія 15 лѣтъ *).

*) Россію я исключилъ изъ таблицы Бакстера, потому что его цифри не совсѣмъ точны.

	1859 годъ.	1874 годъ.	Разность.
Австро-Венгрія	634,000	856,980	+ 222,980
Италія	317,650	605,200	+ 287,550
Германія	836,800	1,216,160	+ 379,360
Франція	640,500	977,600	+ 337,100
Бельгія	80,250	93,590	+ 13,340
Нидерланды	58,550	64,320	+ 5,770
Великобританія	240,800	478,820	+ 238,020
Данія	57,550	48,700	- 8,850
Швеція и Норвегія	134,900	204,510	+ 69,610
Итого	3,001,000	4,545,880	+ 1,544,880

Слѣдовательно, въ 15 лѣтъ численность европейскихъ армій (въ мирное время) возрасла на 51%, что составитъ въ годъ почти $3\frac{1}{2}\%$ ($3,4\%$). Такимъ образомъ, оказывается, что арміи размножаются почти въ $2\frac{1}{2}$ раза быстрее, чѣмъ общее населеніе Европы. Если дѣло такъ-же пойдетъ и на будущее время, то черезъ 1,000 лѣтъ Европа покроется 100-миліонною арміею и изъ 8 взрослыхъ мужчинъ одинъ непременно будетъ солдатомъ. И если параллельно съ этимъ явленіемъ будетъ развиваться другое, не менѣе знаменательное явленіе, а именно усовершенствованіе огнестрѣльныхъ орудій и другихъ военно-истребительныхъ средствъ, то уничтоженіе человѣческой жизни и здоровья превзойдетъ всякія ожиданія нашей мирной цивилизаціи.

Съ вопросомъ возрастающаго милитаризма нѣкоторые мыслители начинаютъ соединять вопросъ о такомъ загадочномъ явленіи, какъ самоубійство. Всѣмъ извѣстно, что число самоубійствъ почти повсюду возрастаетъ. Нѣкоторые объясняютъ это возрастаніе возрастаніемъ психическихъ болѣзней вообще; другіе — возрастающею алчностью людей „въ погонѣ за наживой“; третьи — возрастающею горячкою финансовыхъ спекуляцій; четвертые — возрастающимъ напряженіемъ нервной дѣятельности; пятые... но всѣхъ не перечтешь! Какъ-бы то ни было, но въ силу той, другой, третьей, четвертой и т. д. причинъ или всѣхъ ихъ въ совокупности, число самоубійць годъ изъ году увеличивается. Европейская мысль уже давно работаетъ надъ разъясненіемъ этого соціальнаго вопроса, но только недавно она стала убѣждаться, что прогрессъ милитаризма можетъ тоже имѣть нѣкоторое вліяніе на это

увеличеніе. А между тѣмъ въ истекшемъ году въ „Annales Médico-Psychologiques“ (за сентябрь) были обнародованы нѣкоторыя данныя, дающія возможность сдѣлать подобное заключеніе. Оказывается, что въ арміяхъ люди, не ожидая насильственнаго прекращенія жизни со стороны „враговъ“, гораздо чаще налагаютъ на себя руки, чѣмъ *вне* арміи. Такъ въ англійской арміи приходится, среднимъ числомъ, на 1,000 чел.—0,379 самоубійць; тогда какъ, вообще на 1,000 мужчинъ, въ возрастѣ отъ 20—45 л. — считается только 0,107 самоубійць. Во Франціи на 1,000 чел. населенія приходится 0,146 самоубійць, въ арміи на то-же число лицъ убиваютъ себя 0,490. Въ Бельгіи, Пруссіи и Австріи на 1,000 чел. жителей приходится еще меньше самоубійствъ, чѣмъ въ Англии и Франціи (извѣстно, что въ этихъ двухъ странахъ % самоубійць особенно высокъ), а между тѣмъ въ бельгійской арміи на 1,000 чел. считается 0,450 самоубійць, въ прусской — 0,640; въ австрійской—0,850.

Вообще склонность къ самоубійству въ средѣ военнаго населенія болѣе чѣмъ *въ четыре раза* сильнѣе склонности къ самоубійству въ средѣ гражданскаго населенія, или на 1 самоубійцу не-военнаго приходится 4 самоубійцы военныхъ.

Не имѣемъ-ли мы основаній заключить отсюда, что % возрастанія самоубійствъ прямо пропорціоналенъ % возрастанія армій, и если Мольте изъ всѣхъ силъ хлопочетъ вооружить Пруссію съ головы до ногъ, чтобы обезопасить ее извнѣ, то не мѣшало-бы ему подумать и о внутренней безопасности своего излюбленнаго отечества...

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

15 (27) декабря 1874 г.

Въ послѣднемъ письмѣ я писалъ о выборахъ въ общественныя должности, которые, какъ мнѣ казалось тогда, должны были повести къ нѣкоторымъ измѣненіямъ въ правительственной системѣ. Я оговаривался однакожь, что немедленныхъ перемѣнъ ждать нельзя, что версальское собраніе будетъ туго приниматься за дѣло конституціонной реформы и что, слѣдовательно, людямъ, ожидающимъ окончательнаго установленія порядка управленія во Франціи, слѣдуетъ вооружиться терпѣніемъ. 30 ноября депутаты національнаго собранія съѣхались, а 23 декабря разъѣхались на новыя каникулы: дѣятельность версальскаго собранія была, такимъ образомъ, самая непродолжительная. Были члены, которые заявили даже желаніе еще болѣе продлить рождественскіе праздники, и можно, кажется, безъ преувеличенія сказать, что нѣкоторые готовы были-бы признать сплошнымъ праздникомъ все время до 20 ноября 1880 года, лишь-бы съ ними не заговаривали о конституціонныхъ законахъ. Послѣ сессіи, отвергнувшей и установленіе республики, и распушеніе собранія, населеніе вправѣ было ожидать отъ своихъ представителей дѣятельности, которая хотя нѣсколько выходила-бы изъ закодированнаго круга безусловныхъ отрицаній. Того не хотимъ, этого не хотимъ, наконецъ, ничего не хотимъ—вотъ бѣльчье колесо; въ которомъ вертится нынѣшнее собраніе! Однакожь, такъ или иначе, а надобно-же было придти къ какому-нибудь результату. Но время было лѣтнее, на дворѣ стояла жара, депутатамъ не сидѣлось на мѣстѣ, и они предпочли отложить серьезныя дѣла на 4 мѣсяца. Тѣмъ не менѣе лѣтній зной не могъ быть выставленъ официальной причиною, но ко-

торой собраніе признавало несвоевременнымъ немедленное разрѣшеніе томительныхъ вопросовъ. Надо было подыскать другую, болѣе приличную причину. Было рѣшено, что депутатамъ, прежде, чѣмъ они выскажутъ окончательное мнѣніе по вопросу о формѣ правительства, необходимо ознакомиться съ воззрѣніями на этотъ предметъ своихъ избирателей. Этотъ поводъ къ каникуламъ такъ понравился депутатамъ, что пренія по этому предмету вызвали на парламентскую трибуну ораторовъ, которые взапуски, одинъ передъ другимъ, старались выставить вѣскіе доводы въ пользу предложенія, общая, что это будетъ послѣдняя отсрочка и что, съ возвращеніемъ въ Версаль, конституціонный вопросъ будетъ поставленъ первымъ на очереди. Но вотъ каникулы кончились! Наступило 30 ноября. Собрались депутаты, выбрали президента и вице-президентовъ, повѣрили новые выборы, выслушали президентское посланіе, образецъ канцелярской, безцвѣтной діалектики, и затѣмъ занялись... вы думаете — конституціоннымъ вопросомъ? Нѣтъ! они занялись текущими дѣлами, причежъ болѣшую часть дѣлъ не рѣшили, а подложили подъ сукно. Четыре недѣли занятій не привели покуда рѣшительно ни къ чему! Въ настоящую минуту собраніе даже менѣе близко къ спокойному разрѣшенію осаждающаго вопроса, чѣмъ четыре мѣсяца тому назадъ, потому что враждебныя отношенія партій еще болѣе усилились. Въ іюль большинство, если и не знало, чего хотѣло, то во всякомъ случаѣ твердо знало, чего не хотѣло. Теперь оно знаетъ не лучше, чего хочетъ, но и насчетъ того, чего оно не хочетъ, возбудились новыя сомнѣнія.

Пользуясь бездѣйствіемъ и вялостію партій, бонапартистская партія пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе вѣса; она одна умѣетъ пользоваться благоприятными обстоятельствами. Никакія брошюры, никакія фотографіи, столь охотно распространяемыя бонапартистскими агентами, не могутъ произвести того впечатлѣнія на публику, какое произвела гласная реклама, провозглашенная Руврожъ съ трибуны національнаго собранія въ пользу сына бывшаго императора. „Вы говорите о состоявшемся низверженіи династии; никто противъ этого и не споритъ. Однако, вы не можете имѣть претензіи провозгласить низверженіе націи и народной воли. Если нація выскажется въ пользу имперіи, что вы тогда скажете?“ Вотъ смыслъ его рѣчи. Со времени паденія послѣдняго

Наполеона бонапартистскія воззрѣнія и надежды были высказаны въ первый разъ съ такою настойчивостью и рѣзкостью. Для всѣхъ очевидно, къ чему стремятся бонапартисты, и если вражда парламентскихъ группъ между собою будетъ по-прежнему мѣшать организаціи правленія, то не далеко то время, когда бонапартистская партія достигнетъ такой прочности, что попытается выполнить ту политическую програму, которую она теперь уже гласно проповѣдуетъ.

Не трудно было представить доказательства, что бонапартисты имѣютъ свои комитеты во всѣхъ департаментахъ Франціи; они ведутъ дѣятельную пропаганду и готовятъ вездѣ почву для выборовъ, такъ что кандидаты партіи являются на избирательную борьбу во всеоружіи самыхъ утонченныхъ избирательныхъ мрѣмовъ, тогда какъ представители другихъ партій, менѣе предусмотрительные, не умѣютъ готовить для себя подобныхъ благоприятныхъ шансовъ. На запросъ по этому поводу въ собраніи Руэръ отвѣчалъ: „У насъ есть комитеты—это правда, но неужели вы считаете насъ на-столько наивными и неосторожными, чтобы мы позволили себѣ позабыть предписанія уголовного кодекса? Мы очень хорошо знаемъ, что собранія болѣе 20 лицъ закономъ воспрещены, а потому ни въ одномъ изъ нашихъ комитетовъ не засѣдаетъ такого числа нашихъ представителей. Мы были-бы достойны порицанія, если-бы учредили одинъ центральный комитетъ, который лучами своихъ затѣй и интригъ освѣщаль-бы всѣ развѣтвленія; это имѣло-бы видъ заговора съ подготовкою кадровъ на случай какого-либо движенія! Ничего подобнаго не существуетъ: наши комитеты не испускаютъ никакихъ лучей, это темныя свѣтила, скромныя и скрытыя, тайкомъ двигающіяся одно рядомъ съ другимъ. Вы ни въ чемъ насъ обвинить не можете, такъ-какъ мы во всѣхъ отношеніяхъ дѣйствуемъ осторожно и предусмотрительно“. Въмѣсто центрального комитета, который открыто направлялъ-бы всѣ провинціальныя комитеты, есть какая-то счетная комисія и масса мѣстныхъ избирательныхъ коллегій, число членовъ которыхъ никогда не достигаетъ двадцати. Дѣйствуя съ такою хитростью, бонапартисты всегда могутъ избѣжать судебного преслѣдованія, но достаточно-ли оно, чтобы успокоить національное собраніе, а за нимъ и общественное мнѣніе? Собраніе рѣшило произвести изслѣдованіе о

характеръ бонапартистскихъ комитетовъ. Подождемъ результатовъ этого изслѣдованія, но нельзя ожидать, чтобы комисія открыла что-нибудь существенно-важное. Вѣрнѣйшій способъ привести къ безсилію приверженцевъ возстановленія имперіи заключается, безъ сомнѣнія, въ учрежденіи окончательнаго порядка управленія. Но, въ благополучію бонапартистовъ, господствующая въ правительствѣ партія, правый центръ, не столько боится возстановленія имперіи, какъ прекращенія нынѣ существующаго, временнаго порядка.

5 января рождественскимъ каникуламъ конецъ и версальское собраніе опять должно съѣхаться. До 25 марта, т.-е. того числа, когда оно снова разоидется, нѣтъ даже 3 мѣсяцевъ. Если запастись немного терпѣніемъ и пренебреженіемъ къ требованіямъ націи, то правому центру будетъ очень легко протянуть дѣло до весны, не касаясь конституціоннаго вопроса. Собственно говоря, втеченіи послѣднихъ 15 мѣсяцевъ ничего другого и не дѣлали: предстоящая сессія не менѣе предыдущихъ даетъ матеріала, чтобы наполнить засѣданія многословными рѣчами, а существенный вопросъ оставить въ сторонѣ. Не говоря уже о разныхъ мелочахъ, составляющихъ текуція занятія собранія, въ родѣ кое-какихъ вопросовъ чисто-мѣстнаго интереса и жидковатой регламентаціи насчетъ какихъ-нибудь уличныхъ актеровъ или поддышей, которыми версальскіе законодатели занимались въ декабрѣ, придется-же, наконецъ, приступить и къ разсмотрѣнію бюджетной отчетности. При обсужденіи бюджета всегда найдутся охотники дать ходъ своему ораторскому таланту и финансовымъ соображеніямъ; эти пренія будетъ весьма легко дотлнуть до середины января. Тогда придется возвратиться къ отложенному въ декабрѣ вопросу объ организаціи арміи, которая ждетъ своего окончательнаго устройства такъ-же долго, какъ и организація правительства. Прибавьте къ этому второе и третье чтенія проекта о высшемъ образованіи, проектъ о тюремной реформѣ, а въ случаѣ надобности, еще законъ о печати, въ соединеніи съ вопросомъ объ окончательномъ снятіи военнаго положенія, а тамъ и Пасха, и опять каникулы. Если такова дѣйствительно програма праваго центра, то стоятъ только дѣйствовать съ извѣстною ловкостью, почерпаемую въ близкомъ знаніи парламентскихъ пріемовъ, и цѣль будетъ достигнута. Президентъ собранія

„Дѣло“, № 1.

въ этомъ отношеніи первый человѣкъ,—никто лучше его не умѣетъ затянуть дѣла, остановить оратора, которому онъ самъ не сочувствуетъ, и во время прекратить засѣданіе, чтобы не дать либеральной партіи случая воспользоваться колеблющимися головами. Лѣвая сторона все это очень хорошо сознаетъ, и поэтому органы ея одинъ передъ другимъ стараются найти средство, чтобы не допустить дальнѣйшихъ проволочекъ. Дѣло доходить до того, что отъ представителей республиканскихъ партій требуютъ, чтобы они, по заранѣе установленной очереди, ежедневно напоминали собранію о необходимости разсмотрѣть вопросъ о конституціи. Невольно приходится вспомнить Катона, ежедневно напоминавшаго римскому сенату о необходимости разрушить Карфагенъ! „Когда политическая партія числитъ въ своихъ рядахъ, пишетъ одна газета,—такихъ ораторовъ, какъ Тьеръ, Жюль Симонъ, Гриви, Пикаръ, Кремье, то не вправѣ-ли страна высказать свое крайнее удивленіе, что никто изъ нихъ не выступаетъ на трибуну и не заявляетъ большинству, не опасаясь его недержанныхъ выходовъ, настоящее расположеніе общественнаго мнѣнія? Неужели только одной журналистикѣ суждено открывать и распубликовывать разныя подпольныя тайны? Не лучше-ли заявлять о нихъ словесно, съ трибуны, тѣмъ болѣе, что напечатаніе ихъ при настоящихъ порядкахъ того и гляди можетъ обойтись весьма дорого для рѣшительнаго редактора?“ По приведеннымъ именамъ читатель можетъ судить, что это выписка изъ газеты, далеко не радикальной,—здѣсь не упоминается ни о Гамбетѣ, ни о Луи Бланѣ и другихъ ораторахъ крайней лѣвой стороны.

Въ настоящее время во Франціи съ большимъ интересомъ читаютъ недавно изданную „Кореспонденцію Прудона“. Писатель этотъ, отличавшійся своеобразностью своихъ убѣжденій и замѣчательнымъ талантомъ, теперь уже лицо чисто-историческое. Его сочиненія уже не возбуждаютъ ни страстнаго порицанія, ни страстной похвалы. Къ нимъ относятся съ должнымъ хладнокровіемъ, но читаютъ ихъ всѣ образованные люди. Новая книга расходуется чрезвычайно быстро: едва вышло первое изданіе ея, а уже напечатана публикація, что печатается второе.

Напечатанная теперь корреспонденція была уже извѣстна талантливому критику Сен-Бёву, который вскорѣ послѣ смерти Прудона писалъ, что „переписка эта будетъ со временемъ самымъ живымъ, капитальнымъ произведеніемъ Прудона, всѣ-же прочія сочиненія его обажутся только приложеніями и сводками той значительной работы, которая вырѣвала мало-по-малу въ его оригинальномъ умѣ“. Сен-Бёвъ отчасти правъ. Многое въ сочиненіяхъ Прудона уже нѣсколько устарѣло, тогда какъ письма его останутся, по всей вѣроятности, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и оригинальныхъ проявленій нравственнаго развитія XIX вѣка, и останутся такими именно потому, что въ нихъ нѣтъ ничего натянутого и что они были писаны безъ всякихъ предвзятыхъ идей и заднихъ мыслей.

Прудонъ принадлежалъ къ числу писателей, которые обладаютъ даромъ увлекать своихъ читателей. Прудона съ одинаковымъ интересомъ читали и его друзья, которыхъ было немного, и его враги—ими-же имъ легионъ. Массу цитатъ и ссылокъ на него можно найти почти въ каждомъ серьезномъ экономическомъ сочиненіи, и не только въ такихъ, авторы которыхъ сходятся болѣе или менѣе съ мнѣніями Прудона, но даже и въ сочиненіяхъ, писанныхъ его противниками. И въ тѣхъ, и въ другихъ—ссылаются на Прудона и приводятъ его оригинальныя соображенія, сужденія и остроты.

Теперь никто не отрицаетъ, что Прудонъ — писатель, обладавшій большимъ талантомъ, хотя, какъ замѣчаетъ одинъ критикъ, нельзя скрыть и того, что въ этомъ прочномъ и звонкомъ металѣ есть нѣсколько и фольговой примѣси. Между сочиненіями Прудона есть и такія, въ которыхъ много темноты и выспренности, такъ-что они напоминаютъ собою творенія самыхъ взятыхъ нѣмецкихъ философовъ. Нельзя не согласиться также, что Прудонъ вообще нерѣдко забывалъ, что существуетъ мѣра, въ особенности, когда правота его была несомнѣнна, очевидна,—что, нужно отдать ему справедливость, случалось съ нимъ весьма часто. Разъ что онъ, зацѣпился за остроумную мысль, онъ ее развиваетъ, раздуваетъ, кладетъ ее въ основаніе цѣлой послѣдовательной теоріи; увлекаясь ею, онъ создаетъ на этой почвѣ цѣлую книгу—да какую еще книгу! При томъ онъ не могъ отрѣшиться отъ ошибочныхъ увлеченій своего времени: онъ не

умѣлъ избавиться ни отъ многословія, которымъ отличаются всѣ вообще экономическія школы сороковыхъ годовъ, ни отъ старанія выставить на показъ свою тяжелую и полную труда дѣятельность. Но ошибки его, какъ онѣ ни велики, исчезаютъ передъ его дѣйствительными достоинствами и большимъ талантомъ, увлекавшими всѣхъ его читателей.

Привлекательнымъ элементомъ въ его сочиненіяхъ является прежде всего его безусловная откровенность. Это натура честная, смѣлая, великодушная, остающаяся всегда на логической почвѣ и не злоупотребляющая тактическими приѣмами. Онъ никогда не подводитъ читателя своими софизмами, не пользуется его недостаточною подготовкою, чтобы сбить его съ толку: онъ прямо бросаетъ ихъ въ лицо, съ гордымъ тономъ и торжествующимъ видомъ. Въ немъ есть извѣстная рѣшительность, которая всегда успѣваетъ пріобрѣсти сочувствіе и заранѣе выговариваетъ себѣ право на снисхожденіе. Читатель извиняетъ автору его рѣзкій натискъ именно потому, что онъ мѣтитъ прямо въ цѣль, а не ищетъ обходной дороги,—онъ начинаетъ свою рѣчь съ того, что болѣе всего должно поразить и озадачить. Онъ съ такимъ-же удовольствіемъ поражалъ своихъ друзей разумностью нѣкоторыхъ своихъ теорій, какъ публику своими оригинальными выходками. Поразить читателя—это было всегда его главной риторической задачей.

Говоря о народѣ, о рабочихъ, объ ихъ нищетѣ и безпомощности, Прудонъ обсуждаетъ предметъ, весьма близко ему извѣстный. Съ его стороны это не декламаторская выходка, а дѣйствительно горячее отношеніе къ дѣлу. Онъ всю жизнь провелъ въ борьбѣ, въ бѣдности, въ страданіяхъ. О немъ нельзя сказать, чтобы онъ притворялся, чтобы онъ разыгрывалъ роль непонятой жертвы,—всю присущую ему науку онъ добылъ трудомъ, иногда нуждаясь въ кускѣ хлѣба. работая первоначально въ типографіи въ качествѣ наборщика и добываясь задуманныхъ результатовъ среди постоянныхъ лишеній. Это не притворный мученикъ. Если онъ относился враждебно къ тому или другому факту, то относился всегда въ высшей степени честно, вѣль борьбу откровенно.

Говоря о тѣхъ данныхъ, которыя обезпечиваютъ Прудону особенное сочувствіе читателя, нельзя пропустить молчаніемъ его

относительной справедливости. Онъ не щадилъ рѣшительно никого. Его безпощаднымъ и страстнымъ нападкамъ подвергались наравнѣ съ врагами и люди, не расходящіеся съ нимъ въ принципѣ, но различествующіе въ пріемахъ. Довольно упомянуть, что онъ дрался на дуэли съ Феликсомъ Піа и былъ вызванъ Делеклюзомъ, но отказался принять секундантовъ послѣдняго. Вся жизнь его была ничто иное, какъ послѣдовательная борьба съ теоріями, наиболѣе подходящими къ его собственной: онъ не жалѣлъ ударовъ направо и налево, такъ-что самымъ близкимъ сосѣдямъ доставалось болѣе всего. Послѣдствіемъ такого характера дѣятельности было почти безусловное одиночество Прудона въ теоріи и на политическомъ поприщѣ. Кромѣ личныхъ друзей и послѣдователей, его долго не хотѣли признавать за серьезнаго дѣятеля. Но въ этомъ-то и заключается одна изъ причинъ, почему онъ пережилъ всѣхъ современныхъ ему экономистовъ и почему имя его выплываетъ на поверхность посреди столькихъ обломковъ, въ свое время пользовавшихся извѣстностью, но теперь почти совсѣмъ забытыхъ. Легко понять, съ какимъ удовольствіемъ защитники существующаго порядка почерпаютъ въ его теоріяхъ доводы для ниспроверженія направленныхъ противъ этого порядка нападений, основанныхъ на соображеніяхъ нѣсколько избытыхъ. Прудонъ снабжаетъ ихъ оружіемъ, а арсеналь, представляемый его аргументаціею, весьма обширенъ и разнообразенъ.

Попытаемся-же вывести нѣкоторыя общія черты дѣятельности Прудона изъ тѣхъ писемъ, которыя теперь напечатаны. Частная корреспонденція, которая ведется со дня на день, лучше всего представляетъ собою характеръ человѣка, потому-что, ведя ее, онъ не думаетъ о публикѣ, не гонится за красотой слога, не рисуется и является на судъ послѣдующихъ поколѣній безъ прикрасъ, такимъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Прудонъ родился въ 1809 году, въ Безансонѣ. Отецъ его служилъ на пивномъ заводѣ, на которомъ и мать занималась также какими-то работами. Родители его до конца жизни оставались бѣдняками. Съ восьми лѣтъ Прудонъ сталъ уже гонять коровъ въ поле. Грамотѣ онъ обучился въ приходской школѣ, по книгамъ, принадлежавшимъ его товарищамъ по обученію, потому-что у него самого не было на что ихъ купить. Вслѣдъ за тѣмъ онъ поступилъ въ безансонскую гимназію, куда приходилъ

безъ шляпы, въ деревянныхъ башмакахъ. Здѣсь вскорѣ онъ обратилъ на себя вниманіе своими способностями и прилежаніемъ; занимаясь въ библіотекѣ, онъ требовалъ одну книгу за другою, такъ-что быстрота въ усвоеніи прочитаннаго предмета поразила библіотекаря и онъ не замедлилъ сообщить объ этомъ директору и учителямъ.

Прудонъ, однакожь, не окончилъ курса въ гимназіи и долженъ былъ поступить наборщикомъ въ типографію, чтобы зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Тутъ онъ сдружился съ Фалло, молодымъ писателемъ, подававшимъ блистательныя надежды, но умершимъ въ юношескомъ возрастѣ. Этотъ Фалло съ свойственнымъ ему чутьемъ разгадалъ замѣчательныя способности своего друга.

„Вы не Руссо, пишетъ Фалло Прудону, — и я не могу удостовѣрить, что разгадалъ-бы автора „Эмиля“, если-бы былъ его современникомъ или имѣлъ-бы честь лично его знать. Но васъ я зналъ, любилъ, и потому, смѣю сказать, разгадалъ. Въ первый разъ въ жизни попытаюсь сдѣлать предсказаніе:—сохраните это письмо и перечитайте его черезъ 15, 20, даже 25 лѣтъ... Вотъ мое предсказаніе: вы будете, по неизбѣжному стеченію обстоятельствъ, можетъ быть, противъ вашего-же личнаго желанія, писателемъ, философомъ, вы будете свѣтиломъ своего вѣка, и имя ваше будетъ красоваться между самыми замѣчательными дѣятелями вашего времени“.

Такимъ образомъ, имѣя только 20 лѣтъ отъ роду, Прудонъ уже умѣлъ внушить къ себѣ довѣріе совершенно исключительное. Но должно было пройти много времени прежде, чѣмъ онъ сдѣлался извѣстностью, какъ предсказывалъ ему его другъ.

Прудонъ былъ наборщикомъ въ типографіи, занимавшейся печатаніемъ книгъ духовнаго содержанія; здѣсь онъ выучился еврейскому языку и приобрѣлъ обширныя познанія въ священномъ писаніи. Впослѣдствіи онъ завелъ себѣ собственную небольшую типографію, при содѣйствіи компаньона, который, однакожь, въ скоромъ времени покончилъ съ собою, такъ-что Прудону пришлось закрыть свое заведеніе при значительныхъ убыткахъ, введшихъ его въ неоплатный долгъ, который потомъ тяготѣлъ надъ нимъ втеченіи многихъ лѣтъ.

Въ 1838 году онъ выхлопоталъ себѣ одну изъ стипендій беззаконской академіи, предназначенную завѣщателемъ въ пользу

молодого человѣка, „бѣднаго и способнаго“, для окончанія курса наукъ.

Въ благодарность за предоставленіе стипендіи Прудонъ посвятилъ академіи первую свою записку о собственности. Передернуло почтенныхъ академикомъ въ ихъ покойныхъ креслахъ, однакъ, стипендія была оставлена автору, и онъ пользовался ею втеченіи трехъ лѣтъ.

Эта денежная помощь очень мало обогатила Прудона. Долгъ по типографіи поглощалъ большую часть его средствъ. Въ 1840 году онъ пишетъ: „Въ прошедшемъ году я былъ бѣденъ, въ настоящемъ—я просто нищій! Сведя счеты, я убѣдился, что съ апрѣля, втеченіи шести мѣсяцевъ, могу располагать всего 200 франками. Признаюсь, посматриваю иногда на рѣку мрачнымъ взглядомъ и говорю себѣ: сегодня еще подожду“.

Критики, строго относившіеся къ Прудону — а ихъ очень много!—должны были-бы принять къ соображенію ту жестокую участь, которая его преслѣдовала, и крайнюю нищету, въ которой онъ находился: если подобная обстановка не можетъ вполнѣ извинить нѣкоторыхъ рѣзкихъ выходовъ его раздраженнаго пера, то во всякомъ случаѣ должна быть признана смягчающимъ обстоятельствомъ. Не слѣдуетъ забывать, что Прудонъ былъ бѣднѣе не вслѣдствіе невоздержности и не по недостатку въ занятіяхъ: рѣдко можно подобрать другой примѣръ подобной сдержанности въ потребностяхъ и такого прилежанія. Онъ работалъ съ неутомимою горячностью, читая, слушая публичные курсы, измышляя собственную систему и изготовляя свои сочиненія посреди лишеній и самыхъ тяжелыхъ заботъ. Лишенія не сбивали его съ толку, а, напротивъ, укрѣпляли его въ разъ предначертанныхъ намѣреніяхъ.

Нельзя, однакъ, приписывать всѣ мысли Прудона той крайней нищетѣ, въ которой онъ находился. Мысли эти почерпнуты въ большей или меньшей мѣрѣ изъ общаго направленія современной ему эпохи, проникнутой желаніемъ социальныхъ реформъ. Теоріи новаго общественнаго устройства были тогда въ большой модѣ. Публика съ одинаковою жадностью читала тенденціозные романы Жоржъ-Зандъ, фельетоны Эжена Сю и проекты Кабе и Фурье. Толкамъ въ обществѣ по этому предмету не было конца. Если же вмѣшивалась судебная власть, что случалось рѣдко, то при-

говоренные приобрѣтали еще большую популярность, которая облегчала имъ доступъ въ гостинны либеральной оппозиціи, если еще они не были тамъ приняты.

Прудонъ слѣдовалъ общему направленію. Сверхъ того, на немъ отразилось изученіе Библии и основанныхъ на ней духовныхъ книгъ. Особенная страсть его дѣлать ссылки на св. писаніе, замѣчаемая въ нѣкоторыхъ раннихъ произведеніяхъ Прудона, вызвала предположеніе, что онъ воспитывался въ духовной семинаріи, чего въ дѣйствительности не было. Обширное знакомство его съ книгами ветхаго завѣта слѣдуетъ приписать исключительно тому, что онъ въ юности работалъ въ типографіи, печатавшей духовныя книги.

Прудонъ не обладалъ темпераментомъ настоящаго революціонера. Онъ врагъ всякихъ внезапныхъ перемѣнъ и переворотовъ. Онъ возстаетъ противъ якобинцевъ, находитъ ихъ слишкомъ честолюбивыми и рѣзкими. Въ немъ всегда болѣе видѣнъ ученый, философъ, экономистъ, но не революціонеръ. Онъ удивляется и негодуетъ, когда его теоріямъ придаютъ значеніе посягательства на общественный порядокъ. Преслѣдуемый прокурорскою властью за второе сочиненіе, отличавшееся такими-же рѣзкими приемами, какъ и первое, онъ, въ видѣ защиты, читаетъ на судѣ цѣлую длинную и тяжелую диссертацию; присяжные, не понявъ хорошенько, въ чемъ дѣло, и предположивъ поэтому, что обвинительная власть натянула поводъ къ обвиненію, выносятъ оправдательный приговоръ. Въ Парижѣ Прудонъ снова вынужденъ явиться на судъ; здѣсь присяжные могли-бы оказаться болѣе строгими, чѣмъ на его родинѣ, если-бы извѣстный экономистъ Бланки не вступилъ съ нимъ въ полемику по существу вопроса, навлекшаго обвиненіе. Нельзя-же было признать преступникомъ человѣка, который оказывался соперникомъ на ученomъ поприщѣ съ извѣстнымъ членомъ французскаго института. Бланки льстилъ себя надеждою, что рѣзкость тона его противника пройдетъ съ годами, и предвѣщала ему высокое положеніе въ ученomъ мѣрѣ, если онъ самъ будетъ болѣе снисходительнымъ и гуманнымъ.

Прудонъ былъ далекъ отъ намѣренія насильственнымъ путемъ противодѣйствовать правительству; напротивъ, онъ старался съ наивною самонадѣянностью убѣдить лицъ власть имѣющихъ въ своей правотѣ. Подтвержденіемъ этого служить сохранившееся письмо его къ министру внутреннихъ дѣлъ того времени, Дюша-

телу, въ которомъ онъ обращаетъ его вниманіе на многія несправедливости, происходящія будто-бы отъ существовавшаго распредѣленія собственности. Оригинальность мыслей автора и его умъ, какъ видно, произвели впечатлѣніе на министра; въ нѣсколькихъ письмахъ къ друзьямъ, писаннымъ въ это время, Прудонъ выражаетъ надежду получить мѣсто отъ правительства. Надеждамъ этимъ, однакожь, не суждено было сбыться. Прудонъ, конечно, оскорбился, что министръ не исполнилъ своего обѣщанія, и сталъ относиться къ министерству, какъ къ олицетворенію эгоизма и рутины. Но если онъ почувствовалъ неприязнь къ июльскому правительству, то чрезъ это нисколько не увлекся заговорами и не сошелся ни съ кѣмъ изъ тогдашнихъ агитаторовъ. Онъ вообще очень мало интересовался политикой и только послѣ февральскихъ событій ему суждено было играть новую, дѣятельную роль въ политикѣ.

Передъ самыми февральскими днями онъ еще и не думалъ приставать къ тогдашней парламентской оппозиціи. Вотъ что онъ пишетъ въ январѣ 1848 года по поводу шумнаго засѣданія въ палатѣ депутатовъ:

„Гизо сказалъ, что всегда такъ дѣлалось, — и это правда! Однако, вся ватага набросилась на него и стала рвать его на куски. Не было-ли-бы счастьемъ для народа, если-бы сотню депутатовъ, принадлежащихъ къ рядамъ оппозиціи, бросили въ рѣку съ камнемъ на шеѣ: стоятъ эти господа въ сто разъ меньше, чѣмъ консерваторы, потому что ко всѣмъ недостаткамъ консерваторовъ присоединяютъ еще одинъ — лицемеріе!“

Прудонъ, нещадившій никого, въ комъ видѣлъ противника своимъ убѣжденіямъ, относился рѣзко-критически и къ тѣмъ реформаторамъ-теоретикамъ, которые, подобно ему, желали обновленія общественнаго устройства и средства для этого видѣли не въ политическихъ, а экономическихъ реформахъ. Онъ расходился съ ними болѣе въ подробностяхъ, чѣмъ въ самомъ принципѣ, и нападалъ именно на эти частности.

Такимъ образомъ, враждебный и парламентской оппозиціи, и экономическимъ реформаторамъ, Прудонъ оставался совершенно одинокимъ. Онъ прокладывалъ себѣ дорогу въ сторону отъ толпы. Сочиненія его, о которыхъ много говорили, не пользовались, однакожь, большимъ успѣхомъ, если мѣриломъ успѣха брать число проданныхъ экземпляровъ. О нихъ говорили много, но читали

мало. Выдержки изъ нихъ приводились сплошь да рядомъ, даже и тѣми, кто вовсе не понималъ истиннаго смысла произведеній Прудона. Это объясняется весьма просто: произведенія Прудона переполнены мыслями, поражающими читателя, и островами, остающимися въ памяти. Но такъ-какъ авторъ ихъ постоянно стремится стать на почву философа или эконома, а отнюдь не руководителя народныхъ волненій, то ему приходится пускаться въ ходъ такую сложную и тяжелую аргументацію, которая пугала даже серьезнаго читателя. Отъ логики его голова кругомъ идетъ, и читатель боится слѣдовать за авторомъ въ такіе отдаленные по глубокости мысли дебри, тѣмъ болѣе, что вовсе не убѣжденъ въ способности его привести лодью свою въ спасительный портъ. Тѣмъ не менѣе Прудонъ не показываетъ и вида какиихъ-нибудь сомнѣній или колебаній. Онъ увѣренъ въ себѣ и никогда не отступаетъ отъ принятыхъ логическихъ приемовъ. Онъ видимо испытываетъ тотъ особый родъ опьяненія, который можно было-бы назвать лихорадкою преобразованій. „Множество новыхъ соображеній, которыя мнѣ приходится высказать, пишетъ онъ,—позволяетъ мнѣ прямо удостовѣрять, что самые внимательные мои читатели ничего еще не знаютъ. Въ послѣднія двѣ недѣли я узналъ столько новаго, я напалъ на такой удобный случай приподнять часть завѣсы, скрывающей отъ насъ истину, что даже моя способность къ соображенію нѣсколько омрачилась“. Въ другомъ мѣстѣ, около того-же времени, онъ пишетъ: „Ты, вѣроятно, смѣешься надо мною и моею самоувѣренностью. Но это напрасно. Я не знаю во всемъ научномъ мѣрѣ ничего такого, что могло-бы имѣть тѣ послѣдствія, которыя должно имѣть чтеніе моей книги. Я не требую даже, чтобы книга эта была понята: довольно, если ее прочтутъ!“

По поводу самоувѣренности и восторженности Прудона мы только-что говорили объ опьяненіи и лихорадкѣ, сопровождавшихъ начало его преобразовательныхъ затѣй. Эти выраженія приведены вовсе не въ иносказательномъ смыслѣ. Представьте себѣ человѣка, еще молодого, живущаго въ Парижѣ въ одиночествѣ и нищетѣ, разгоряченнаго безсонными ночами и томительнымъ трудомъ, вынужденнаго бороться съ постояннымъ утомленіемъ и чуть не съ голодомъ и имѣющаго за собою, для противодѣйствія всѣмъ этимъ раздражающимъ условіямъ, только

одну сильно развитую волю и убѣжденіе въ своемъ призваніи, — и вы должны будете согласиться, что физическое возбужденіе, сопровождавшее столь напряженную мозговую дѣятельность, не могло выразиться ничѣмъ инымъ, какъ лихорадкою и умственнымъ опьяненіемъ. Можно съ полной увѣренностію сказать, что если-бы Прудонъ съ дѣтства вращался въ обстановкѣ болѣе нормальной, если-бы ему пришлось писать первые свои опыты среди близкихъ и любимыхъ людей, то у него далеко не проявилось-бы той ненависти и жолчи, которыми онъ отличается.

Средства къ существованію Прудону давались весьма тяжело. Стипендія безансонской академіи наступилъ конецъ, и онъ попытался жить перомъ. Но эта попытка ему не удалась. Книги его продавались съ трудомъ. Около этого времени онъ поступилъ къ одному парижскому судебному дѣятелю, задавшемуся мыслью написать сочиненіе по части уголовного судопроизводства и нуждавшемуся въ содѣйствіи человѣка, обладавшаго большимъ запасомъ познаній и бойкимъ перомъ. Прудонъ въ письмахъ шуточно относится къ принятой имъ такимъ образомъ на себя роли, которая должна была весьма тяготить его натуру, нетерпѣвшую никакой зависимости. Онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что вводитъ въ это сочиненіе нѣкоторыя смѣлыя, но ловко скрытыя мысли, съ цѣлью впоследствии опровергнуть отъ своего имени то, что онъ самъ-же писалъ отъ имени другого лица. Этотъ приемъ, который едва-ли можно вполне оправдать, не привелъ, однако, къ цѣли, потому-что былъ во время замѣченъ.

Прудонъ возвратился тогда въ Безансонъ и опять принялся было за типографію, но долженъ былъ ее вновь продать, опять съ потерей. Одинъ изъ школьныхъ товарищей предложилъ ему тогда поступить къ нему для занятія письмоводствомъ въ какомъ-то предпріятіи по перевозкѣ владѣй. И вотъ Прудонъ долженъ былъ пожертвовать своей научной дѣятельностію и приняться за скучнѣйшую конторскую работу. Странно было видѣть его повѣряющимъ счеты, наблюдающимъ за рабочими, пишущимъ прошенія и докладныя записки, ведущимъ процессы, и, наконецъ, доказывающимъ излишество предполагавшагося желѣзнаго пути изъ Шалона въ Ліонъ.

Между тѣмъ наступили февральскія событія.

Прудонъ не предвидѣлъ и не желалъ этого движенія. Въ это

время онъ былъ въ Парижѣ; обстоятельства сложились такъ, что ему пришлось принять въ революціи то участіе, которое ему было болѣе всего сподручно, какъ старому типографскому наборщику.

Впрочемъ, несмотря на участіе, принятое въ революціи, онъ съ перваго шагу относится къ ней съ недоувѣрjemъ.

„Республика, говоритъ онъ, — находится въ рукахъ нѣсколькихъ честныхъ людей и многихъ безпримѣрныхъ хвастуновъ, отличающихся беспощадною неспособностью. 24 февраля по существу своему не имѣло никакого смысла. Того-же успѣха можно было достигнуть и при низвергнутомъ правительствѣ, а пожертвованій было-бы менѣе. Что касается меня, то я намѣренъ сохранять свое одиночество... Можетъ быть, мнѣ придется и послужить новому порядку вещей, кто знаетъ? а можетъ быть мнѣ придется быть и въ оппозиціи!“

Такимъ образомъ, участіе Прудона въ движеніи было покуда очень скромное; онъ далекъ былъ отъ мысли становиться въ числѣ руководителей его. Для него перемена наступала слишкомъ рано: онъ не успѣлъ ни распространить своего образа мыслей въ публикѣ, ни самъ приготовиться къ революціи. Онъ льстилъ себя фантастическою увѣренностью, что распаталъ самыя основы стараго общества и научно содѣйствовалъ его разложенію, но не скрывалъ отъ себя трудности создать что-нибудь новое.

Вскорѣ послѣ побѣды между руководителями революціей и парижскими рабочими, осуществившими движеніе, явились недоразумѣнія. Руководители принадлежали къ тремъ отдѣламъ республиканской партіи: умѣренныхъ республиканцевъ, якобинцевъ-радикаловъ и социалистовъ. Первые ограничивали свое желаніе восстановленіемъ прежняго парламентскаго порядка и нѣкоторыми реформами, въ родѣ всеобщей подачи голосовъ и т. п. Вторые стояли на почвѣ событій 93 года, не замѣчая, что многое хорошее тогда было непригодно теперь. Социалисты желали реформъ на экономической почвѣ и имѣли нѣсколько талантливыхъ представителей, но какъ между ними и до тѣхъ поръ не было соглашенія, такъ и въ данную минуту они оказались раздѣленными, даже болѣе, чѣмъ прежде. Поэтому, несмотря на всѣ ихъ усилія, они не могли добиться ничего въ томъ направленіи, какому они слѣдовали, хотя власть находилась отчасти въ ихъ рукахъ.

Прудонъ посреди всего этого хаоса оставался проникательнымъ наблюдателемъ и безпощаднымъ сатирикомъ. Иногда онъ вѣрится въ будущность; такъ 26 февраля онъ пишетъ: „Вчера я не зналъ еще, что станетъ дѣлать новое правительство. Сегодня мнѣ кажется, — я даже увѣренъ, — что оно пойдетъ впередъ, а такъ-какъ двигаться, жить, возстановить порядокъ — все это необходимо, то я присоединяюсь къ правительству“.

15 марта Прудонъ уже гораздо строже относится къ правительству: „Всѣ лица, стоящія во главѣ управленія, пишетъ онъ, — мои враги. И для нихъ я служу страшилищемъ, не хуже, чѣмъ для г. Гизо.“

Сначала сдержанный, Прудонъ начинаетъ писать брошюры и издавать газету. Въ три года газета его была четыре раза приостановлена... Онъ далѣе стремится къ осуществленію придуманнаго имъ народнаго банка, но судебное преслѣдованіе, возбужденное противъ него, препятствуетъ ему провести это дѣло до конца. Прудонъ бѣжитъ въ Бельгію, но вскорѣ секретно возвращается въ Парижъ, гдѣ его узнаютъ и задерживаютъ. Изъ тюрьмы онъ пишетъ: „Никогда не думалъ я, чтобы могъ сдѣлаться революціонеромъ. Мнѣ пріятно сбросить съ себя эту случайную роль и встрѣтиться съ старыми друзьями въ простой обстановкѣ частной жизни“.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется въ своихъ письмахъ этотъ талантливый писатель, одно имя котораго пугало буржуазію сороковыхъ годовъ. Не мѣсто здѣсь входить въ оцѣнку и даже очерчивать его политическую и общественную дѣятельность. Можно только сказать, что переписка, теперь напечатанная, показываетъ его человѣкомъ высокой и безукоризненной честности, въ дѣятельности котораго проявляются простота нравовъ, твердость убѣжденій и сильная воля. Писательскій талантъ въ письмахъ проявляется въ полной чистотѣ. Тутъ видимо нѣтъ ни подправовъ, ни стремленія выразаться литературно. Покуда вышелъ только I-й томъ переписки; надо полагать, что и второй будетъ не менѣе интересенъ.

Говоря о Прудонѣ, нельзя не вспомнить другого дѣятеля, ему современнаго, смерть котораго открыла еще лишнюю вакансію въ версальскомъ собраніи. Я говорю о Жюль Ренанѣ.

Ледрю-Ролленъ принадлежитъ къ числу главныхъ дѣятелей республики 1848 года. Онъ представлялъ собою знамя такъ-называемой воинствующей республики. Въ этомъ друзья его видятъ главное основаніе къ прославленію его памяти. По словамъ одного его современника и содѣателя, республиканское начало, въ примѣненіи своемъ, имѣетъ во Франціи три переходныхъ степени: борьбу, установленіе основаній управления и окончательное устройство. Начинается дѣло всегда съ отрицанія возможности республиканской формы правленія и съ признанія ея утопіей; когда эта утопія станетъ дѣйствительностью, то мало-по-малу за принципомъ признается право гражданства; свыкшись съ принципомъ, кончаютъ тѣмъ, что проводятъ его окончательно въ жизнь. Ледрю-Ролленъ былъ дѣятеlemъ первой стадіи.

Свою общественную дѣятельность онъ началъ адвокатурой. Въ 1839 году онъ выступилъ кандидатомъ на депутатскихъ выборахъ, но былъ отвергнутъ избирателями. Въ 1841 году онъ былъ выбранъ благодаря своему воззванію къ избирателямъ, въ которомъ поражаетъ существовавшій государственный строй, при чемъ показалъ несостоятельность самой парламентской оппозиціи. Преслѣдуемый за выраженныя въ этомъ воззваніи мнѣнія, онъ былъ присужденъ въ первой инстанціи, но перенесъ дѣло въ верховный судъ.

Касаціонный судъ постановилъ рѣшеніе о пересмотрѣ дѣла, и, въ результатъ, Ледрю-Ролленъ былъ оправданъ. Съ 1842 года онъ сталъ принимать участіе во всѣхъ преніяхъ, возбуждавшихся въ палатѣ по важнѣйшимъ вопросамъ. Въ одной изъ рѣчей его, относившихся къ этому времени, особенно замѣчено было опредѣленіе, данное имъ всѣмъ вообще охранительнымъ партіямъ: „Что значить охранять? Это значить не терять своей позиціи, но въ то-же время это значить и не захватывать чужой“. Вообще онъ показалъ себя съ перваго приступа человѣкомъ, имѣющимъ, ярко-очерченное направленіе. Но среди существовавшаго въ то время парламентскаго состава онъ былъ совершенно одинокъ. Да и въ журналистикѣ съ его мнѣніями не сходилась ни одна газета. Поэтому онъ вскорѣ сталъ издавать свою газету, которая подала поводъ къ неоднократнымъ судебнымъ преслѣдованіямъ.

22 февраля Ледрю-Ролленъ былъ избранъ членомъ временнаго правительства и вслѣдъ за тѣмъ назначенъ министромъ

внутреннихъ дѣлъ только-что провозглашенной республики. Въ министерствѣ онъ находился весьма короткое время, но успѣлъ поднять много вопросовъ, самыхъ насущныхъ. Онъ содѣйствовалъ уничтоженію во французскомъ законодательствѣ смертной казни за политическія преступленія, учредилъ всеобщую подачу голосовъ, и пр.

Оставивъ министерскій постъ, Ледрю-Ролленъ сдѣлался въ палатѣ предводителемъ Горы и былъ однимъ изъ главнѣйшихъ противниковъ избраннаго въ президенты Наполеона Бонапарта. При слѣдующихъ выборахъ онъ былъ избранъ въ депутаты пяти департаментами. Предъ образовавшимся новымъ законодательнымъ собраніемъ онъ выступилъ защитникомъ только-что основанной римской республики. Конституционнымъ актомъ 1848 года французская республика провозгласила свое уваженіе къ иностраннымъ національностямъ, свое твердое намѣреніе никогда не пользоваться правомъ завоеванія и никогда не направлять силъ своихъ противъ свободы другихъ народовъ. Ледрю-Ролленъ гласно обвинялъ президента въ томъ, что онъ заставляетъ Францію идти въ разрѣзъ съ только-что принятыми началами. Заключая свою рѣчь, онъ объявлялъ, что считаетъ дѣйствія президента нарушеніемъ конституціи, которую онъ, ораторъ, намѣренъ защищать всѣми средствами, даже оружіемъ. Вѣрный провозглашенной такимъ образомъ программѣ, онъ на третій день дѣйствительно поднялъ знамя возстанія, но нашелъ немногихъ послѣдователей. Окруженный войсками, онъ едва успѣлъ скрыться и нашелъ убѣжище сначала въ Бельгii, а потомъ въ Англіи, гдѣ издалъ брошюру, описывающую событія 13 іюня.

Ледрю-Ролленъ пробылъ въ изгнаніи слишкомъ 20 лѣтъ; по возвращеніи въ отечество онъ былъ вновь избранъ членомъ національнаго собранія. Въ этомъ собраніи онъ говорилъ только одинъ разъ, и именно въ защиту проведеннаго имъ-же въ жизнь начала всенароднаго голосованія.

Похороны Ледрю-Роллена не обошлись безъ приключеній. Парижская полиція видимо опасалась манифестацій и потому, воспользовавшись тѣмъ случаемъ, что онъ умеръ за городомъ, потребовала отъ родныхъ, чтобы тѣло было отвезено прямо на кладбище, не завозя его въ городскую квартиру покойнаго. Между тѣмъ газеты уже напечатали, что похоронное шествіе двинется

отъ парижской квартиры покойнаго. Публика стала туда собираться, но нашла ее запертою. За то по всему пути, отъ загороднаго жилища на кладбище, народъ стоялъ шпалерами. Къ восклицаніямъ: „да здравствуетъ республика!“ присоединились еще другія: „да здравствуетъ всеобщая подача голосовъ!“ Это имѣло прямое отношеніе къ дѣятельности Ледрю-Роллена, за которымъ безспорно признается заслуга проведенія этого начала во французское законодательство. Толпа видимо ожидала какихъ-нибудь демонстрацій или, по крайней мѣрѣ, рѣчей, потому-что представителямъ оппозиціонныхъ отгѣнковъ представлялся случай гласно заявить свои воззрѣнія. Ходили даже слухи, что Луи Бланъ будетъ говорить отъ имени февральскаго правительства, въ составу котораго принадлежали и ораторъ, и покойникъ; Гамбета — отъ имени радикаловъ версальской палаты, а Виеторъ Гюго — отъ имени изгнанниковъ, оплакивающихъ родину. Однако полиція предупредила, что правительство не желаетъ этихъ рѣчей, и только бывшему секретарю Ледрю-Роллена дозволено было сказать надъ могилою нѣсколько словъ.

5 (17) января 1875 г.

Въ послѣдніе дни 1874 года въ Парижѣ стояли сильныя морозы. Оттепель настала какъ-разъ въ день новаго года. Я-бы и не рѣшился говорить о такомъ предметѣ, если-бы оттепель эта не сопровождалась такими особыми обстоятельствами, какихъ не припомнятъ парижскіе старожилы за большое число лѣтъ. Жаль, весьма жаль, что съ оттепелью этою оказалось столько сломанныхъ ногъ, столько оконтуженныхъ головъ, иначе зрѣлище было-бы, для тѣхъ, кому удалось обойтись безъ ушибовъ, крайне увеселительное.

При господствѣ той уличной жизни, къ которой привыкли парижскіе обитатели, весьма естественно, что въ день новаго года большая часть публики проводила вечеръ внѣ дома. Подумайте сами: былъ новый годъ! надо вѣдь быть отвергнутымъ и небомъ, и землею, надо быть совершеннымъ сиротою, чтобы въ подобный день не попасть буда-либо на обѣдъ или не собрать родныхъ къ себѣ!

Втеченіи всего дня на дворѣ былъ морозецъ, безъ дождя и снѣга; мостовыя были совершенно сухи. Каково-же было удивле-

ніе всѣхъ парижанъ, пользовавшихся въ этотъ день чьимъ-либо гостепріимствомъ, когда, возвращаясь домой, между 11 и 12 часами вечера они увидѣли, что всѣ тротуары и всѣ мостовыя были покрыты тонкимъ слоемъ льда, блестящаго при свѣтѣ уличныхъ фонарей точно зеркало. Шелъ мелкій дождикъ, который замерзалъ тонкими иглами на верхнемъ платьѣ и покрывалъ ледяною скатертью всѣ улицы.

Трудно описать, что дѣлалось на этихъ улицахъ. Гдѣ-бы вамъ ни случилось проходить, вездѣ вы натывались или на опрокинутые омнибусы, или на развалившися лошадей. Отъ времени до времени раздавались человѣческіе крики: прохожіе валились съ ногъ одинъ за другимъ.

— Слава-богу, ничего не сломалъ!

Вотъ восклицаніе, которое приходилось слышать на каждомъ шагу, въ большей части случаевъ сопровождаемое смѣхомъ. Надо отдать справедливость парижскому населенію, что веселости его и юмору въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ предѣла. Всѣ прохожіе какъ-будто были знакомы другъ съ другомъ: всѣ старались показать другъ другу самыя опасныя мѣста, помогали одинъ другому вылезать на менѣе скользкія пространства. Были люди, которые просто шли на четырехъ лапахъ.

Мнѣ случилось видѣть, какъ свалился съ ногъ одинъ господинъ съ какимъ-то сверткомъ въ рукахъ, вѣроятно, съ конфектами. Шляпа его повалилась въ одну сторону, а зонтикъ и пакетъ—въ другую. Онъ старался поднять эти вещи одна за другой, дѣлая при этомъ движенія, весьма напоминающія черепаху, когда ее положить на спину, но каждый разъ, какъ онъ старался подняться на ноги, пакетъ вываливался изъ рукъ въ одну сторону, тогда какъ шляпа дѣлала ту-же эволюцію въ другую. Это было такъ смѣшно, что нельзя было удержаться отъ смѣха, но нужно отдать справедливость, что и тотъ несчастный, которому приходилось барахтаться на обледѣвшей мостовой, какъ карасю на свородкѣ, также смѣялся отъ души.

Было много особъ женскаго пола, которыя, не находя возможности двинуться съ мѣста, заходили въ ближайшій полицейскій участокъ и предпочитали тамъ переночевать. Мужья представляли ихъ заботливости полицейскихъ чиновниковъ и возвращались домой одни. Карету нанять нельзя было ни за какія

деньги. Тѣ экипажи, которые не успѣли вернуться къ себѣ домой или не были опровергнуты на какомъ-нибудь углу, точно приросли къ мѣсту стоянки, и кучера ни за какія деньги не рѣшались двгаться.

Собственные экипажи были въ положеніи тоже далеко не завидномъ. Кучера оставляли ихъ на произволь судьбы и забетились только о спасеніи лошадей. На всѣхъ улицахъ кузнечные подмастерья за возвышенную плату бѣгали отъ одной лошади къ другой съ винтами, чтобы доставить имъ возможность двгаться.

И это продолжалось втеченіи почти двѣнадцати часовъ! Къ утру морозъ совсѣмъ спалъ, и цѣлое войско дворниковъ стало посыпать тротуары пескомъ и разбивать обледѣвшую корку. Интересно было посмотрѣть въ это время на улицы. Люди возвращались цѣлыми семействами по домамъ, проведя передъ тѣмъ всю ночь или гдѣ-нибудь въ гостинницѣ, или у знакомыхъ, или въ полицейскомъ участкѣ. Отцы семействъ этихъ несли даже взрослыхъ дѣтей на рукахъ. Нѣкоторые не рѣшались идти въ сапогахъ, снимали ихъ съ ногъ и переступали въ однихъ чулкахъ съ одной ноги на другую.

Къ 12 часамъ все растаяло. За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ скользили, а тутъ пришлось чуть не плыть по грязи. Дни идутъ за днями, но сходства между ними нѣтъ.

Долго будутъ помнить парижане, какъ имъ пришлось провожать первый день новаго 1875 года.

По больничнымъ вѣдомостямъ оказывается, что ушибленныхъ и поступившихъ въ эту ночь и на утро больныхъ было 262 человекъ.

Анонимъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Новый государственный переворотъ въ Испаніи. — Кастелярь. — Федералистское движеніе. — Павія и Кампосъ. — Смѣшное положеніе Кастеляра. — Пронунсіаменто генерала Павія. — Новое регентство Серрано. — Страсть его къ удовольствіямъ. — Побѣда маршала Конхи и смерть его. — Дипломатическое признаніе правительства Серрано. — Проектъ договора, достойнаго опернбуффъ. — Неудавшееся намѣреніе Серрано произвести пронунсіаменто въ пользу герцогини Монпансье. — Отсутствие принца въ испанскихъ правительствахъ. — Одряхлѣніе испанской буржуазіи. — Мнѣніе Кастеляра объ испанскомъ народѣ. — Отказъ генераловъ вынуждаетъ Серрано отказаться отъ сопротивленія. — Побѣда безъ борьбы альфонсистовъ. — Приѣмъ короля въ Барселонѣ и Валенсіи. — Мѣры предосторожности, принятыя совѣтниками короля. — Торжество въ Мадридѣ. — Желанія, выраженныя королемъ Альфонсомъ. — Прокламація донъ-Карлоса.

I.

Въ Испаніи новый государственный переворотъ. Чуть-ли не въ сотый разъ, послѣ низверженія Изабеллы, приходится читать, что порядокъ возстановленъ, что спокойствіе водворилось на всемъ пространствѣ испанскаго государства, что всѣ испанцы съ восторгомъ привѣтствуютъ новое правительство, и пр., и пр. Слѣдуетъ сознаться, что этотъ послѣдній государственный переворотъ дѣлаетъ честь ловкости и рѣшительности испанскихъ генераловъ. Все произошло такъ быстро и выполнено съ такою точностію и совершенствомъ, какъ-будто дѣло происходило въ театрѣ и представленіе давалось послѣ многихъ репетицій, произведенныхъ подъ руководствомъ опытнаго и знающаго свое дѣло режисера. Это событіе явилось сюрпризомъ не только для Европы, но даже и для самой Испаніи. Не то, чтобы не вѣрили возможности въ ближайшемъ будущемъ такого переворота. Нѣтъ, его предвидѣли люди, способные анализировать историческій ходъ событий и дѣлать соотвѣтствующіе выводы, и если они изумились, то лишь тому, что этотъ переворотъ не вызвалъ нигдѣ противо-

дѣйствія. Одинъ только человекъ не предвидѣлъ такого исхода испанской сентябрьской революціи, и именно тотъ, котораго до сихъ поръ считали самымъ проникательнымъ изъ испанцевъ. Мы говоримъ о Кастеларѣ. Онъ протестовалъ противъ совершившагося факта и отправился въ добровольное изгнаніе. Между тѣмъ если юный сынъ Изабеллы призванъ на испанскій престолъ, то этимъ болѣе всего онъ обязанъ Кастелару. Олицетворяющій собою испанскій либерализмъ; любимецъ всего испанскаго народа; надежда республиканской партіи всѣхъ оттѣнковъ, начиная отъ буржуазнаго и включительно до социалистическаго; точка соприкосновенія всѣхъ испанскихъ прогрессивныхъ партій, — Кастеларъ сталъ колебаться, когда ему, призванному къ власти, пришлось осуществить правительственную програму, которую онъ выставлялъ и энергически поддерживалъ въ то время, какъ былъ главою оппозиціи. Но сдѣлавшись министромъ, а потомъ диктаторомъ, онъ употребилъ свое, дѣйствительно, поразительное, увлекательное краснорѣчіе противъ тѣхъ самыхъ идей, за которыя прежде такъ настоятельно боролся. Во время своей оппозиціонной дѣятельности онъ постоянно твердилъ, что въ Испаніи, если и возможна республика, то единственно федеральная. Сколько таланта, сколько краснорѣчія употребилъ онъ, описывая благоденствіе Швейцаріи, которое, по его словамъ, происходило именно оттого, что эта маленькая республика раздѣлена на 20 независимыхъ кантоновъ и, однакожъ, тѣсно соединенныхъ между собою центральнымъ управленіемъ общими дѣлами Союза. Нигдѣ, можетъ быть, его ораторскій талантъ не блестялъ такъ ярко, какъ въ рѣчахъ его, произнесенныхъ по поводу государственнаго устройства въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Всѣ эти блестящія рѣчи онъ говорилъ для того, чтобы доказать, что въ Испаніи, гдѣ каждая провинція имѣетъ свою оригинальную внутреннюю организацію, самое удобное государственное устройство — тѣсный союзъ провинцій, пользующихся каждая самою широкою автономіею, съ независимымъ управленіемъ по ея собственнымъ внутреннимъ дѣламъ. Онъ забылъ объ этомъ и протянулъ руку такимъ людямъ, какъ генералы Павія и Мартинецъ Кампосъ, которые во всякое время готовы производить насильственные государственные перевороты, при томъ безразлично въ чью-бы то ни было пользу и во имя чего-бы то ни было.

Молодой, съ пріятными манерами, Павіа поправился Кастеляру и онъ поручилъ ему водворить дисциплину въ испанской арміи. Павіа дисциплины не водворилъ, за то воспользовался своимъ положеніемъ и обратилъ свою дѣятельность противъ анархій, т. е. противъ правительства самого Кастеляра. Но еще прежде, чѣмъ онъ свергнулъ правительство Кастеляра, Павіа напалъ на Кордову, находя, что населеніе ея пропитано духомъ сепаратизма. Кордова ранѣе другихъ испанскихъ городовъ ввела у себя муниципальную реформу, утвержденную кортесами. Этотъ городъ получилъ весьма широкую автономію. Не надо забывать, что въ Испаніи исторически жизнь городовъ сложилась такъ, что они съ давнихъ поръ уже пользуются довольно широкой муниципальной свободой и въ устройствѣ ихъ нѣтъ того однообразія, которымъ отличаются вообще города въ западной Европѣ. Павіа, послѣдователь однообразнаго устройства и централизаціи, рѣшилъ, что муниципальная свобода составляетъ безпорядокъ, который слѣдуетъ немедленно устранить. Кордова, какъ открытый городъ, конечно, не могла сопротивляться нападенію войскъ! Павіа легко побѣдилъ безоружныхъ непріятелей и торжественно вступилъ въ усмиранный городъ. Онъ обезоружилъ жителей, арестовалъ нѣсколько человекъ и послалъ въ Мадридъ пышное донесеніе о своей побѣдѣ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ напалъ на Севилью, гдѣ, однакожъ, встрѣтилъ нѣкоторое сопротивленіе. Севилья тоже открытый городъ, но она устроила барикады. Павіа только этого и ждалъ; онъ почти досадовалъ, что не встрѣтилъ какого-нибудь, хотя ничтожнаго сопротивленія въ Кордовѣ. Разумѣется, онъ живо расправился съ Севильей и получилъ благодарность отъ Сальмерона и Кастеляра, тогдашнихъ распорядителей судьбами Испаніи. Оба они въ то время уже горячо отстаивали унитарную республику и рѣшились подавлять всякое движеніе въ пользу федеральнаго устройства. Севилья и Кордова явно выказывали свои федералистскія стремленія, за это онѣ и были наказаны, хотя до нападенія на Кордову Павіи онѣ и не думали о сопротивленіи существовавшему правительству. Павіа хотѣлъ-было вести свои войска на усмирненіе Гренады и Малаги, но оба эти города, не желая подвергнуться участи Кордовы и Севильи, поспѣшили послать въ Мадридъ увѣренія въ своей преданности правительству.

Федералисты сосредоточили свои силы въ Бартагенѣ. Противъ нихъ былъ посланъ уже не Павіа, а Мартинецъ Кампосъ, человекъ опытный, искусившійся въ испанскихъ пронунсіаментахъ. Кастиляръ отдалъ въ его распоряженіе всю ту массу солдатъ, пушекъ и ружей, какую только могъ собрать при необычайной бѣдности испанской государственной казны. Онъ ослабилъ армию, дѣйствующую противъ карлистовъ, чѣмъ, конечно, далъ средство защитникамъ донъ-Карлосу усилиться и занять крѣпкія позиціи.

Кастиляръ, видя, что угрожаетъ опасность его власти, рѣшился прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Онъ призвалъ къ себѣ своего довѣреннаго генерала Павію и нѣсколькихъ другихъ генераловъ, друзей Серрано. На этомъ совѣщаніи было рѣшено произвести военную манифестацію. Армія должна была заявить, что она не довѣряетъ министерству, назначенному кортесами, и будетъ повиноваться только приказаніямъ Кастиляра.

Тотчасъ полетѣли во всѣ концы Испаніи эстафеты. Павіа дѣйствовалъ неутомимо и съ такой энергіей и ревностью, что повелъ дѣло дальше, чѣмъ желалъ и предполагалъ Кастиляръ. Онъ такъ округлилъ его, что солдаты вмѣсто мирной манифестаціи, на какую были уполномочены, войдя въ залу кортесовъ, просто-на-просто вытолкнули за дверь народныхъ представителей и свергли правительство, — не министерство Паланки, неуспѣвшее еще организовать, а правительство самого Кастиляра.

Такимъ образомъ, Кастиляръ былъ поставленъ въ самое странное, смѣшное положеніе: манифестація, предпринятая въ его пользу, обратилась въ государственный переворотъ, направленный противъ него. Онъ не замедлилъ отвѣтить на такой исходъ дѣла краснорѣчивой рѣчью: „Всей энергіей моей души я протестую противъ грубаго насилія, направленнаго на конституціонное собраніе, сказалъ онъ. — Моя совѣсть не позволяла мнѣ служить планамъ демагогов; моя совѣсть и честь побуждаютъ меня и теперь отдѣлаться отъ положенія, созданнаго силой штыковъ“. Это, конечно, и краснорѣчиво, и чувствительно, но искренности въ этомъ заявленіи нѣтъ ни капли. И на этотъ разъ Кастиляръ слезавилъ: онъ сталъ безпрестанно совѣщаться съ Серрано, и ходилъ служъ, часто возобновлявшійся, что Кастиляръ соглашается принять министерскій портфель въ правительствѣ Серрано; наконецъ, онъ оставался въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Сагастой, самымъ не-

популярнымъ изъ министровъ, которому Испанія болѣе всѣхъ другихъ своихъ представителей въ послѣднее время обязана многочисленными бѣдствіями и несправедливостями.

II.

Такимъ образомъ, благодаря Павіи и самому Кастиелару, власть перешла снова къ Серрано. Испанская нація молча, спокойно встрѣтила новое пронунсіаменто. Она тогда уже вполне убѣдилась, что между Кастиеларомъ и Серрано почти не существуетъ никакой разницы. Для людей проникательныхъ было ясно, что кто-бы ни стоялъ во главѣ правительства—Кастиеларъ или Серрано—время реформъ уже миновало, хотя Испанія въ нихъ крайне нуждалась. „Какъ при Кастиеларѣ господствовала реакція, такъ она будетъ процвѣтать и при Серрано, разсуждали испанцы,—такъ изъ-за чего-же стулья-то ломать“. По самому ходу дѣлъ, регентъ Серрано естественно долженъ былъ занять мѣсто президента республики Кастиелара, потому что реставрація монархіи была несомнѣнна—вопросъ былъ только во времени. Также было несомнѣнно, что Серрано ничѣмъ инымъ быть не можетъ, какъ только регентомъ. Онъ долженъ былъ возстановить монархію, но какую? Альфонсистскую, карлистскую или герцога Монпансье? Этого не зналъ и самъ Серрано, хотя выборъ зависѣлъ прямо отъ него. Онъ велъ переговоры со всѣми претендентами и выжидалъ.

Но является весьма естественный вопросъ: къ чему было усложнять положеніе дѣлъ? Почему было не перейти прямо къ монархіи? Серрано и Павія могли это сдѣлать очень удобно въ тотъ моментъ, когда низвергали Кастиелара. Этому помѣшало честолюбіе Серрано. Въ мундирѣ регента Серрано былъ такъ красивъ, что заставлялъ биться сердца всѣхъ прекрасныхъ кастильянокъ и андалузянокъ. Серрано, теперь, какъ и всегда, былъ очень чувствителенъ къ страсти, которую онъ внушалъ прекрасному полу. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ Серрано дамы давали ему самыя нѣжныя прозвища; „очаровательный маршалъ“ считался всегда любимцемъ красавицъ и былъ предметомъ ужаса и ненависти для мамзель, папенокъ и въ особенности мужей. При всемъ своемъ желаніи совершить монархическую реставрацію, Серрано, имѣя въ виду

побѣды надъ женскими сердцами, которыя легче одерживать будучи регентомъ, т.-е. первымъ лицомъ въ государствѣ, чѣмъ занимая министерскій постъ,—не имѣлъ силы отказаться отъ обольстительной перспективы жизни безъ заботъ, полной всевозможными наслажденіями. Любовь, конечно, стояла на первомъ планѣ. Но развѣ тоже маловажное наслажденіе имѣть право въ качествѣ главы цѣлаго государства принимать пословъ иностранныхъ державъ; видѣть, какъ супруга, разукрашенная коронными брилліантами, даетъ балъ въ королевскомъ дворцѣ? А охоты въ Аранжуэцѣ, Эскуріалѣ, Гранжѣ, которымъ всѣ дивились, и пр., и пр.? Кастеляръ не хотѣлъ знать никакихъ соображеній; онъ не хотѣлъ понять, что его правительство только тогда можетъ считать себя утвердившимся, если окончитъ войну съ карлистами; онъ счелъ главными противниками своего правительства своихъ-же бывшихъ союзниковъ и противъ нихъ направилъ всѣ свои усилія. Уничтоженіе всякихъ, даже самыхъ невинныхъ по своей сущности проявленій федерализма стало главной тенденціей внутренней политики во время диктатуры Кастеляра. Онъ не замѣчалъ, какъ эта политика фатально вела его къ реакціи гораздо дальше, чѣмъ онъ самъ того желалъ. Она привела къ низверженію его самого, и тѣми самыми людьми, на преданность и поддержку которыхъ онъ особенно рассчитывалъ.

Несмотря на всѣ его ошибки, какъ правителя, Кастеляръ все еще пользуется такой популярностію въ Испаніи, что испанцы никакъ не хотятъ признать ошибочности дѣйствій своего любимца и сваливаютъ вину на стеченіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Они говорятъ, что Кастеляръ былъ на-столько добръ и великодушень, что никакъ не могъ повѣрить, чтобы преданные ему люди могли замыслить противъ него измѣну. Но Кастеляръ даже не имѣлъ права сказать, что его обманули. Онъ самъ затѣялъ государственный переворотъ, жертвою котораго палъ.

Извѣстно, что кортесы закрыли свои собранія на шесть мѣсяцевъ, предоставляя Кастеляру на это время диктаторскую власть, съ тѣмъ, чтобы онъ приступилъ къ энергическимъ дѣйствіямъ для подавленія карлистскаго возстанія на сѣверѣ и федералистскаго—на югѣ. Онъ исполнилъ только вторую половину задачи: подавилъ возстаніе федералистовъ. За то карлисты усилились, по крайней мѣрѣ, вчетверо.

Снова собравшись и открывъ свои засѣданія, кортесы выразили свое неудовольствіе диктатору. Они нашли, что правительство слишкомъ далеко зашло по пути реакціи; что принесенныя жертвы, — какъ-то: ограниченіе муниципальныхъ правъ, осадное положеніе и пр., — слишкомъ велики въ сравненіи съ полученными ничтожными результатами. Они холодно выслушали президентское посланіе, въ которомъ заявлялось требованіе о продленіи диктаторскихъ полномочій и слѣпое довѣрія къ распоряженіямъ правительства Кастаньяра. Кортесы отвѣчали порученіемъ Паланкъ составить новое министерство, взятое изъ большинства въ законодательномъ собраніи.

Посмотримъ, что совершилъ Серрано во время своей диктатуры. Началъ онъ съ того, что, не взирая на ужасающую бѣдность государственной казны, на обвиненіе всей Испаніи, явившееся результатомъ гражданской войны, — увеличилъ сумму на свое содержаніе, положенное главѣ государства по послѣднему, утвержденному кортесами, бюджету. И это онъ сдѣлалъ въ то время, когда войска, дѣйствующія противъ карлистовъ, не получали жалованья и терпѣли недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ. Повидимому, за мадридскими празднествами онъ забывалъ, что ему приходится вести войну съ карлистами. Между тѣмъ нація спокойно встрѣтила переворотъ, совершенный въ его пользу, отчасти и потому, что надѣялась на скорое окончаніе карлистской войны, когда во главѣ правительства будетъ стоять извѣстный генералъ Серрано, а не мирный гражданинъ Кастаньяръ. Впрочемъ, Серрано иногда вспоминалъ о карлистской войнѣ. Получивъ власть, Серрано тотчасъ-же назначилъ маршала Конху главнокомандующимъ сѣверной арміей, дѣйствующей противъ карлистовъ. Назначая на этотъ важный постъ испытаннаго въ бояхъ генерала, Серрано считалъ, что онъ сдѣлалъ все, что отъ него требовалось, и потому имѣть право наслаждаться удовольствіями мадридской жизни въ кругу прекрасныхъ дамъ. Серрано вовсе не трусъ, напротивъ, онъ всегда отличался храбростью. Но онъ слишкомъ любилъ балы, маскарады, любовныя интриги! Будуаръ онъ предпочиталъ палаткѣ; бальную музыку — боевой трубѣ и барабану; красавицу-женщину въ бальномъ нарядѣ — всему на свѣтѣ. Славу побѣды надъ карлистами онъ предоставилъ Конхѣ, а на свою долю взялъ свѣтскія побѣды. Однакожь, когда Конха, приняв-

шій начальство надъ войсками съ задней мыслью дать первенство своей, альфонсистой партіи, — одержалъ первую значительную побѣду надъ карлистами, Серрано поѣхалъ къ арміи. Онъ желалъ раздѣлить торжество побѣды съ Конхой. Онъ рассчитывалъ, что Конха на-столько уже успѣлъ, что окончательное пораженіе карлистовъ вполне обеспечено. Но, пріѣхавъ на мѣсто, онъ убѣдился, что остается сдѣлать еще очень много. Вскорѣ его одолѣла скука и онъ поспѣшилъ возвратиться въ Мадридъ къ своимъ обычнымъ удовольствіямъ, о которыхъ онъ постоянно мечталъ, находясь въ лагерѣ подъ стѣнами Вильбао. Предлогомъ для своего возвращенія онъ объявилъ несогласія, будто-бы возникшія въ министерствѣ во время отсутствія его изъ Мадрида.

Съ отъѣздомъ Серрано изъ арміи, Конха, неохотно сносившій присутствіе соперника, снова приступилъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Въ Испаніи всѣ были убѣждены, что Конха, разбивъ на голову карлистовъ, непременно провозгласитъ королемъ сына Изабеллы, Альфонса. Самъ Конха, какъ извѣстно, отрицалъ справедливость этого предположенія, но... въ Испаніи все возможно, тѣмъ болѣе, что и подчиненные Конхѣ генералы и офицеры, въ особенности артилерійскіе, желали совершить прононсиаменто въ пользу сына Изабеллы. Произошло сраженіе подъ Эстеллой; побѣда уже была въ рукахъ Конхи, который заставилъ отступить карлистовъ изъ ихъ позицій, какъ вдругъ пуля сразила храбраго маршала. На правительственныя войска напала паника; они быстро отступили, оставивъ завоеванныя позиціи, которыя не замедлили занять карлисты. Мало того, карлисты снова приступили къ осадѣ Вильбао, отъ котораго отбросилъ ихъ Конха, и вообще стали въ лучшее положеніе, чѣмъ были до открытія противъ нихъ кампаніи маршаломъ Конхой. Серрано хладнокровно выслушалъ донесеніе объ успѣхахъ, пріобрѣтенныхъ карлистами, и не принялъ никакихъ существенныхъ мѣръ, находя, вѣроятно, что неопредѣленное положеніе, въ какомъ находилась карлистская война, — самое лучшее, чего только онъ могъ желать. Онъ, впрочемъ, въ это время былъ занятъ мѣрами къ увеличенію средствъ государственной казны. Лучшимъ средствомъ для этого онъ счелъ продажу дворянскихъ титуловъ: явилась цѣлая куча новыхъ графовъ, графства которыхъ находились въ карайбскомъ заливѣ, какъ говорятъ испанцы. Кромѣ того онъ имѣлъ безпрестанныя совѣщанія

съ прусскимъ посланникомъ Гатцфельдомъ, результатомъ которыхъ было дипломатическое признаніе нѣкоторыми иностранными правительствами правительства Серрано, которое правильнѣ всего было назвать *серранатомъ*, такъ-какъ никакой опредѣленной формы оно не имѣло. Событія показали, что это дипломатическое признаніе совершилось рановременно, такъ-какъ вслѣдъ за нимъ пало то неопредѣленное правительство, которое, по почину Пруссіи, признали нѣкоторыя европейскія государства. Серрано, прячась за спиной прусскаго посланника, сдѣлалъ дипломатическое нападеніе на Мак-Магона и Францію, но изъ этого ничего не вышло. Оно подало только поводъ къ смѣху и къ нѣкоторымъ болѣе или менѣ остроумнымъ карикатурамъ и остроумамъ.

Между тѣмъ карлисты съ каждымъ днемъ пріобрѣтали новыя успѣхи. Побѣдитель при Альколеъ, Серрано, вовсе не желалъ обнажить своей шпаги для защиты собственнаго правительства. Онъ рѣшился прибѣгнуть къ средству, которое ему уже разъ удалось во время управленія короля Амедея. Онъ задумалъ вступить въ переговоры съ карлистами и заключить съ ними конвенцію. Планъ, задуманный имъ, такъ комиченъ, что, право, самое приличное мѣсто ему въ какой-нибудь опереткѣ; онъ воплотѣ достоинъ программы, выставленной заговорщиками въ извѣстной лекоковской оперѣ-буффъ: „*La fille de madame Angot*“. Но пусть судятъ сами читатели. Серрано, припоминая успѣхъ вергарской конвенціи, намѣревался примириться съ донъ-Карлосомъ и вступить съ нимъ въ наступательный и оборонительный союзъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Признаніе всѣхъ титуловъ и чиновъ, которые дарованы младшей линіей бурбонскаго дома и революціонными правительствами.

Серрано, конечно, прежде всего имѣлъ въ виду пожалованіе его самого титуломъ герцога де-ла-Торре.

2) Официальная отмѣна конфискаціи имущества.

3) Испанія будетъ управляться триумвиратомъ, состоящимъ изъ Серрано, представителя республиканской партіи; изъ герцога Сесто, представляющаго собою принца Альфонса, т. е. младшую линію бурбонскаго дома, и изъ донъ-Карлоса, представителя старшей линіи этого дома.

По мнѣнію Серрано, такимъ устройствомъ государственнаго

управленія можно было достигнуть столь желательнаго сліянія народа, буржуазіи и аристократіи.

4) Юный Альфонсъ бурбонскій женится на маленькой Конхитѣ Сѣррано.

Жаль, что Сѣррано не прибавилъ, что въ Конхитѣ олицетворяется испанская республика и бракъ ея съ Альфонсомъ будетъ означать бракъ монархіи съ республикой.

5) До совершеннолѣтія Альфонса (ему только 17 лѣтъ), донъ-Карлосъ будетъ дѣйствительнымъ регентомъ Испаніи, такъ-какъ герцогъ де-ла-Торре сойдетъ съ политической арены и удалится въ частную жизнь.

6) По достиженіи принцемъ Альфонсомъ совершеннолѣтія, т. е. 21 года, испанскій народъ, посредствомъ плебисцита, выскажетъ ся, кого онъ желаетъ имѣть своимъ королемъ: Карлоса или Альфонса.

Этотъ проектъ, однакожь, не понравился донъ-Карлосу и онъ отвѣчалъ: „Я дамъ отвѣтъ въ Мадридѣ, въ моемъ королевскомъ дворцѣ; тамъ я разсмотрю, можетъ-ли быть принято во вниманіе прошеніе г. Сѣррано“.

Волей-неволей приходилось Сѣррано продолжать борьбу съ карлистами. Но ему некогда было заняться ею какъ слѣдуетъ, такъ-какъ онъ кромѣ прежнихъ переговоровъ съ герцогомъ Сесто, представителемъ принца Альфонса, и герцогомъ Монпансье, вступилъ въ переговоры съ португальскимъ королемъ, которому угрожалъ, что если онъ не надѣнетъ на себя соединенной короны Испаніи и Португаліи, то онъ, Сѣррано, употребитъ всѣ усилія для учрежденія лузитанской республики. А карлисты все больше и больше подвигались впередъ. Они захватывали корреспонденцію, идущую черезъ Францію въ Испанію; разъ Мадридъ втеченіи восьми дней не получалъ ни писемъ, ни газетъ изъ Франціи. Сѣррано не принималъ никакихъ мѣръ противъ нихъ. Карлисты осадили Ирунь, но тутъ правительственная армія вышла, наконецъ, изъ своего апатическаго состоянія; она напала на карлистовъ, разбила ихъ и заставила отступить въ полномъ безпорядкѣ. Можно было думать, что правительственная войска стануть энергически преслѣдовать разбитаго непріятеля. Но по непостижимымъ распоряженіямъ правительственная армія внезапно остановилась, что дало возможность карлистамъ снова оправиться. Генералы, давшіе рас-

пораженіе о приостановкѣ преслѣдованія, оправдываются тѣмъ, что они боялись, что увлеченныя преслѣдованіемъ правительственныя войска углубятся въ горы и подвергнутся сильной стужѣ, которая должна была скоро наступить. Холода, дѣйствительно, наступили, но черезъ три недѣли.

Между тѣмъ Серрано набралъ новыя батальоны и съ ними выступилъ въ походъ; однакожь, онъ вскорѣ остановился, не предпринимая никакихъ военныхъ дѣйствій. Его тоже задержали холода и грязная дорога. Странный темпераментъ у Серрано: лѣтомъ онъ бездѣйствовалъ оттого, что было жарко и на дорогѣ стояла пыль, зимой—потому, что было холодно, а дороги грязны. Однакожь, испанская нація въ своей наивности повѣрила, что Серрано, наконецъ, желаетъ серьезно взглянуть на свои обязанности, какъ главнокомандующаго арміею, и покончить съ карлистами. Мы не знаемъ, дѣйствительно-ли желалъ Серрано приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ или онъ поѣхалъ въ армію съ совершенно другою цѣлю, какъ говорятъ, для совершенія про-нунсіаменто въ пользу герцогини Монпансье, сестры Изабеллы. Какъ-бы тамъ ни было, но вдругъ въ Европѣ получилось извѣстіе, что во время отсутствія Серрано изъ Мадрида генералы Вальсамедъ, Ховеларъ и Мартинецъ Кампосъ провозгласили юнаго Альфонса, сына Изабеллы, королемъ подъ именемъ Альфонса XII.

III.

Переворотъ въ пользу Альфонса совершился быстро, неожиданно и ранѣе того времени, какъ было назначено руководителями этого дѣла. Переворотъ предполагалось совершить 15-го, по словамъ однихъ; 3-го января, въ день годовщины переворота, совершеннаго генераломъ Павіей, говорятъ другіе. Очень вѣроятно, что переворотъ совершился такъ успѣшно именно потому, что его не ожидали такъ скоро, что онъ упалъ, какъ свѣтъ на голову. Причина-же, почему совершители про-нунсіаменто поторопились, заключалась въ томъ, что они испугались намѣреній Серрано, желавшаго совершить то-же, что и они, но только въ пользу другого лица. До нихъ дошли слухи, что Серрано намѣревается совершить про-нунсіаменто въ пользу герцогини Монпансье. Извѣст-

но, что, въ моментъ сверженія Изабеллы, Примъ, Серрано и Топете заключили договоръ съ герцогомъ Монпансье, что они возведутъ на престолъ его жену, но прежде дадутъ испробовать Испаніи республику. Монпансье выдалъ Приму значительныя суммы денегъ, съ помощью которыхъ маршалъ надѣялся создать въ Испаніи сильную партію монпансьеристовъ. Послѣ смерти Прима его обязанности въ отношеніи созданія партіи принялъ на себя Серрано. Сильной партіи онъ не создалъ, но надѣялся создать ее, произведя государственный переворотъ. Онъ былъ убѣжденъ, что успѣхъ тотчасъ-же привлечетъ сторонниковъ къ новому правительству.

Могли оставаться недовольными такимъ переворотомъ офицеры-альфонсисты, которыхъ много въ испанской арміи. О другихъ партіяхъ Серрано не заботился: онъ рассчитывалъ съ ними справиться. Что-же касается альфонсистовъ, то онъ полагалъ, что и съ ними будетъ нетрудно поладить. Однихъ можно было подкупить деньгами и чинами, другихъ—сослать. Надѣялся Серрано или, по крайней мѣрѣ, могъ надѣяться привлечь на сторону новаго правительства нѣкоторыхъ карлистскихъ генераловъ и офицеровъ и тѣмъ положить конецъ карлистской войнѣ. Затѣмъ онъ рассчитывалъ соединить всѣ монархическія партіи въ одну. Впрочемъ, это предположеніе едва-ли могло осуществиться: Серрано навѣрное встрѣтилъ-бы сильное противодѣйствіе со стороны легитимистовъ и клерикаловъ, которые могли-бы съ нимъ соединиться только въ такомъ случаѣ, если-бъ онъ согласился на громадныя жертвовація въ ихъ пользу, чего, пожалуй, онъ не могъ-бы сдѣлать.

Альфонсисты, конечно, не могли удовольствоваться такими предположеніями. Впрочемъ, они, вѣроятно, не давали себѣ труда обсуждать ихъ. Очень возможно, что и Серрано не ставилъ никакихъ предположеній, когда рѣшался совершить прононсіаменто. Не ставилъ онъ ихъ и тогда, когда производилъ переворотъ въ пользу своей собственной диктатуры. Онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что испанскій народъ не вникаетъ въ сущность учрежденій и легко удовлетворяется звучнымъ именемъ, что испанская армія готова дѣйствовать подъ какимъ угодно знаменемъ. Ему было извѣстно, что когда, во время перемирій, карлисты спрашивали солдатъ правительственной арміи, какому правительству они служатъ, тѣ не знали, что отвѣтить. Если знамя не пред-

ставляетъ собою какого-нибудь принципа, тогда, конечно, оно только кусокъ шелковой матеріи. Кастеляръ пересталъ представлять собою извѣстный принципъ, и когда онъ палъ, никто не выразилъ о немъ своего сожалѣнія. Серрано также не служилъ представителемъ никакого принципа; его низверженіе произвело не печаль, а скорѣе смѣхъ. Представляетъ-ли собою какой-нибудь принципъ герцогиня Монпансье? Кто ее знаетъ? Никто. Чѣмъ она заявила свою дѣятельность? Ничѣмъ. Впрочемъ, она извѣстна своею скупостью, но скупость не есть принципъ. Но, можетъ быть, ея мужъ пользуется большей извѣстностью? Къ его несчастію, даже слишкомъ большой. И ужъ, конечно, испанскій народъ не поставитъ ему въ заслугу его неблаговидныхъ интригъ противъ своей невѣстки Изабеллы, которая лично для него едѣлала очень много.

Посмотримъ, во что обратилась теперь испанская буржуазія, которая въ послѣднее время составляла господствующее сословіе; она и въ прежнее, счастливѣе для нея время не представляла ни особенной силы, ни особенной сплоченности. Заключаетъ-ли она въ себѣ тѣ элементы, которые отличаютъ буржуазіи другихъ странъ? Вѣдь парламентаризмъ и конституціонализмъ, которыя буржуазіи любятъ считать своимъ созданиемъ, входятъ, какъ правительственные элементы, и въ тѣхъ странахъ, гдѣ буржуазія вовсе не составляетъ господствующаго сословія.

Представляетъ-ли испанская буржуазія исключительно интересы торговли и промышленности? Нѣтъ. Въ Испаніи и торговля, и промышленность въ сильномъ упадкѣ. Лучшими представителями испанской промышленности и торговли служатъ иностранцы. Внесли-ли ея члены свои капиталы въ долговую государственную книгу? Нѣтъ, всё долговныя обязательства испанское правительство заключаетъ за-границей. Крѣпокъ-ли ея кредитъ? Нѣтъ. Частыя банкротства и гражданскія войны довели Испанію до того, что въ ней не существуетъ никакого кредита. Испанская буржуазія ознаменовала себя въ послѣднее время подлогами и обманами. Она развратила администрацію до того, что теперь даже турецкая администрація можетъ служить образцомъ честности и способности въ сравненіи съ испанской. Испанская буржуазія обыкновенно обвиняетъ правительство въ порчѣ администраціи. Но вѣдь испанское правительство, какъ она сама говоритъ,

представляет собой ее, буржуазію. Господство буржуазіи въ Испаніи началось съ того времени, когда она возвела на испанскій престолъ ребенка Изабеллу. Буржуазія воспитала ее въ своихъ интересахъ. Изабелла всегда находилась подъ ея вліяніемъ. Если Изабелла вышла такой, какъ она есть, этимъ она обязана испанской буржуазіи. Всѣ другія испанскія сословія могли обвинять Изабеллу, но никакъ не испанская буржуазія.

Дѣло въ томъ, что испанская буржуазія состарилась, не будучи никогда молодой. Она, собственно говоря, не живетъ, а прозябаетъ. Она перестала быть лицомъ и стала вещью. Свобода давно уже не считается ея закономъ, потому-что она не любитъ свободы, потому-что она недостойна ея. Истины она страшится, справедливость наводитъ на нее ужасъ. Можетъ-ли она послѣ того считаться живущей, а не прозябающей?

IV.

Послѣ провозглашенія испанскимъ королемъ Альфонса XII многіе задаютъ себѣ вопросъ: можетъ-ли и въ состояніи-ли будетъ что-нибудь сдѣлать въ Испаніи юный король? На такой вопросъ отвѣтитъ чрезвычайно мудро, хотя исторія Испаніи намъ показываетъ, что скорѣе можно отвѣтить отрицательно, чѣмъ положительно.

Приводимъ слѣдующій отрывокъ изъ письма марсельскаго корреспондента одной французской газеты: „Г. Гернандецъ, состоящій при испанскомъ посольствѣ въ Парижѣ, оставляя короля Альфонса, спросилъ его, не желаетъ-ли онъ передать что-нибудь своей матери, королевѣ Изабеллѣ? Король, отдавая ему флагъ съ своей яхты, сказалъ: „передайте матушѣ этотъ флагъ. Онъ напоминаетъ о древней славѣ Испаніи, которую я надѣюсь возстановить“.

О какой древней славѣ Испаніи говорилъ король-юноша? Задавалъ-ли онъ себѣ вопросъ, возможно-ли думать ему теперь о возстановленіи древней славы Испаніи? Если онъ разсчитываетъ дать Испаніи то политическое преобладаніе, какимъ она пользовалась при Карлѣ V, то гдѣ-же у него къ тому средства и силы? Трудно будетъ ему принести пользу странѣ, если онъ думаетъ о ней. Намъ невольно приходитъ на память король Амедей, кото-

рый хотѣлъ честно дать Испаніи миръ, спокойствіе и свободу. Онъ вполне добросовѣстно стремился къ этой цѣли, и кончилъ тѣмъ, что вынужденъ былъ объявить себя бессильнымъ въ виду сопротивленія, которое онъ встрѣчалъ на каждомъ шагѣ.

Въ началѣ статьи мы замѣтили, что Кастиляръ былъ единственнымъ изъ испанцевъ, который изумился совершившемуся перевороту. Это событіе, однакожъ, принесло ему ту пользу, что онъ прозрѣлъ и сталъ болѣе правильно смотрѣть на положеніе Испаніи, однимъ словомъ, снова сталъ напоминать прежняго Кастиляра, проницательности котораго удивлялись какъ въ Испаніи такъ и въ Европѣ, хотя, увы! едва-ли можно сказать, что онъ снова сдѣлается тѣмъ Кастиляромъ, который былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Испаніи.

Вотъ что пишетъ онъ своимъ друзьямъ, извѣщая ихъ о своемъ намѣреніи удалиться въ добровольное изгнаніе:

„Какъ я горько ошибался! Какимъ иллюзіямъ я предавался, полагая, что объ испанскомъ народѣ можно говорить, какъ о народѣ европейскомъ!“

„Въ немъ слишкомъ много мавританской крови. Это народъ семитическій. Онъ никогда не пойметъ нашихъ тонкостей, нашихъ политическихъ объясненій. Для него не существуетъ никакихъ сдѣлокъ. Богъ есть Богъ и Магометъ его пророкъ.“

„Всѣ его убѣжденія такъ-же абсолютны, какъ эта аксіома фанатической религіи. Онъ не знаетъ уступокъ, какъ я уже замѣтилъ.“

„Моя политика была побѣждена непримиримыми лѣвой стороны. Это должно было случиться, это вопросъ расы. Точно такъ же политика Альфонса и его министра Кановы-дель-Кастильо будетъ побѣждена непримиримыми правой стороны. Это предопредѣлено.“

„Бѣдный Кастильо ловець, либераленъ, у него много воли, но онъ будетъ побѣжденъ, раздавленъ и уничтоженъ реакціей. Эта реакція не будетъ похожа на реакціи въ другихъ европейскихъ странахъ; это будетъ чисто-испанская реакція — реакція арабская. И эта непримиримая реакція снова отдастъ власть въ руки федералистовъ. И опять придется начинать съизнова.“

Какъ жалъ, скажемъ мы, въ свою очередь, что Кастиляръ раньше не понялъ, что его сограждане не хотятъ знать ника-

кихъ уступокъ, неспособны ни на какія сдѣлки. Пойми онъ это раньше—и, можетъ быть, было-бы пролито въ Испаніи несравненно меньше крови.

Что-же предпринялъ Серрано, когда до него дошло извѣстіе о переворотѣ въ пользу Альфонса XII? Вначалѣ онъ и его друзья думали сопротивляться, отразить силу силой. Они хотѣли отдать дѣло въ руки генерала Павія, на котораго можно было положиться. Министерство, за отсутствіемъ главы правительства, не потеряло бодрости. Напротивъ, оно издало прокламацію, въ которой рѣшительно заявляло, что не попуститъ никакихъ безпорядковъ и строго накажетъ возмутителей общественного спокойствія. Прокламація была подписана Сагастой. Достаточно упомянуть это имя, съ которымъ связано много кровавыхъ воспоминаній, чтобы представить себѣ, въ какихъ мѣрахъ прибѣгло-бы министерство въ томъ случаѣ, если-бъ побѣда осталась на его сторонѣ. Альфонсисты дорого-бы заплатили за свою попытку захватить власть въ свои руки. Серрано, знатокъ въ дѣлѣ испанскихъ прунунсіаменто, выказалъ полнѣйшее хладнокровіе и самообладаніе въ виду предстоящей опасности. Впродолженіи своего годового управленія онъ ничѣмъ не проявилъ своей правительственной инициативы; онъ, какъ мы уже говорили, вращался больше въ женскомъ обществѣ и одерживалъ побѣды надъ красавицами. Но въ виду опасности въ немъ проснулася энергія чловѣка, закаленного во всевозможныхъ интригахъ. Онъ находился при сѣверной арміи, когда пришло извѣстіе о прунунсіаменто. Считая, что онъ одинъ пока обладаетъ неприятной тайной, онъ хотѣлъ тотчасъ-же ѣхать въ Мадридъ, взявъ съ собою нѣскольکو преданныхъ ему батальоновъ. Начальство надъ войсками для усмиренія возставшихъ онъ думалъ поручить генералу Лазернѣ. Пригласивъ его къ себѣ, Серрано сказалъ ему веселымъ тономъ:

— Любезный генераль, сейчасъ я получилъ донесеніе изъ полиціи, что полкъ, квартирующій въ Валенсіи, произвелъ альфонсистскую демонстрацію. Конечно, въ ней нѣтъ ничего серьезнаго, но все-таки я намѣренъ просить васъ отправиться туда для водворенія порядка.

— Г. маршаль, отвѣтилъ Лазерна серьезнымъ тономъ,—позвольте доложить вамъ, что мнѣ очень не удобно оставить здѣшнія мои позиціи; карлисты немедленно воспользуются этимъ и от-

того могутъ послѣдовать большія бѣдствія. Честь побуждаетъ меня окончить начатое мною здѣсь дѣло. Во всякомъ случаѣ, если приходится вести мои полки противъ нашихъ-же полковъ, я васъ прошу поручить это дѣло другому, я не хочу отдавать приказаніе стрѣлять въ своихъ товарищей. Къ тому-же мои офицеры не послѣдуютъ за мною, если-бы я и согласился исполнить ваше желаніе. Большая часть изъ нихъ преданы дону-Альфонсу. Если-бы я далъ приказаніе выступить противъ альфонсистовъ, мнѣ отвѣчали-бы пулей въ мою голову.

Съ такимъ-же предложеніемъ Серрано обратился къ Маріонесу и еще къ двумъ или тремъ генераламъ и отъ всѣхъ получилъ отвѣтъ, аналогичный съ тѣмъ, какой далъ ему Лазерна. Видя, что сопротивленіе невозможно, Серрано написалъ Сагастѣ: „Намъ остается только уложиться и отправить чемоданы на желѣзную дорогу“.

Сагаста, человѣкъ рѣшительный, получивъ такой совѣтъ или, лучше, приказаніе отъ своего начальника, хорошенько вступался. Онъ хотѣлъ сопротивляться до послѣдней крайности. Убѣдившись теперь изъ письма Серрано, что отъ него отняты средства къ сопротивленію, Сагаста отправился къ Кановѣ дель-Кастилья. „Уступаю вамъ свое мѣсто“, сказалъ онъ ему.

Въ то время, какъ Сагаста занимался приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ для сдачи новому министру, къ нему вошелъ Кастеляръ въ сопровожденіи своихъ друзей: Рубіо и Абарзуца.

— Мы пришли за тѣмъ, чтобы отдать себя въ ваше распоряженіе, сказалъ Кастеляръ. — Мы хотимъ защищать республику. Мы начнемъ уличную войну. Республиканцы покроютъ Мадридъ барикадами...

— А чѣмъ вы станете защищать ваши барикады противъ пушекъ и ружейныхъ выстрѣловъ? отвѣчалъ Сагаста. — Вы, мой милый Кастеляръ, на-столько обезоружили своихъ республиканцевъ, что для нихъ всякое сопротивленіе теперь немислимо. Конечно, и я помогъ этому, принявъ власть послѣ васъ; я оставилъ имъ какіе-нибудь дрянныя шпажки да кое-у-кого револьверы. Съ такимъ оружіемъ немного подѣлаешь... Но если республиканцы не могутъ сопротивляться въ Мадридѣ, то въ провинціяхъ они находятся въ еще болѣе беззащитномъ положеніи. Мы могли-бы еще рискнуть, если-бъ на вашей сторонѣ была почти половина

здѣшнихъ войскъ. Но этого нѣтъ, и намъ приходится покориться. Серрано уже далъ тягу; я послѣдую за нимъ. По дорогѣ я забѣжалъ къ новому министру и пожелалъ ему счастья и благоденствія. Право, лучше послѣдуйте моему совѣту—соберите ваши чемоданы и въ путь. До пріятнаго свиданія!

И, пожавъ руку своимъ собесѣдникамъ, Сагаста вышелъ изъ министерства.

Между тѣмъ Серрано, отправивъ депешу къ Сагастѣ, собралъ нѣсколькихъ старшихъ офицеровъ сѣверной арміи. Онъ объявилъ имъ, что въ Валенсія и Мадридѣ совершенно пронунсіаменто въ пользу принца Альфонса. Серрано не забылъ сказать и о томъ, что онъ предлагалъ нѣкоторымъ генераламъ идти на мятежниковъ, но получилъ отъ нихъ отказъ, такъ-какъ ихъ возмущало, что въ такомъ случаѣ одной части арміи придется сражаться противъ другой. Вслѣдствіе такого категорическаго отказа, Серрано сдаетъ имъ, генераламъ, командованіе арміей, а правительственную власть передаетъ въ руки принца Альфонса.

— Вамъ извѣстно, прибавилъ онъ съ пріятной улыбкой,—что едва-ли въ Испаніи найдется человекъ болѣе желающій благополучія юному Альфонсу, чѣмъ Франциско-Домингесъ Серрано, герцога де-ла-Торре.

Присутствующіе отвѣчали ему тоже пріятной улыбкой, которая должна была означать увѣренность въ томъ, что Серрано, дѣйствительно, чувствуетъ къ припцу Альфонсу отеческую нѣжность.

Еще пріятная улыбка не сошла съ устъ генераловъ, какъ Серрано оборвалъ разговоръ слѣдующими словами:

— Имѣю честь кланяться вамъ, господа. Богъ да хранитъ васъ и даруетъ вамъ свои милости.

Серрано велъ себя, какъ подобаетъ истинному кабалеро, и къ нему отнеслись, какъ къ кабалеро. Онъ велъ себя съ тактомъ и изысканно-любезно. Съ подобающей деликатностью и съ массой комплиментовъ его выпроводили за дверь. Онъ понималъ, что если бъ онъ вздумалъ хотя на одинъ день продлить свою власть, то могли-бы, пожалуй, преспокойно заключить въ тюрьму. На другой день утромъ онъ пріѣхалъ, здравый и невредимый, въ Байону, гдѣ встрѣтилъ радушный и любезный пріемъ отъ губернатора провинціи, но къ нему, конечно, относились уже не какъ

къ главѣ государства, а какъ къ знаменитому изгнаннику. Въ это-же время изъ Марселя выѣзжалъ новый испанскій король Альфонсъ XII, провожаемый съ подобающими почестями французскимъ префектомъ. Альфонсъ выѣхалъ изъ Марселя на пароходъ, имѣя намѣреніе высадиться въ Испанію въ городъ Барселонѣ.

Удалившись изъ Испаніи, Серрано сталъ подумывать, что-то стануть говорить теперь о немъ. Ему пришло на мысль, что, пожалуй, ему придется стать предметомъ насмѣшекъ. Чтобы избѣжать непріятности казаться смѣшнымъ, онъ самъ, съ помощью своихъ друзей, сталъ распространять слухъ, что переворотъ въ пользу принца Альфонса произведенъ имъ, герцогомъ де-ла-Торре, и если онъ удалился въ добровольное изгнаніе, то просто изъ приличія: неловко было ему, главѣ республики, сейчасъ-же явиться въ свитѣ новаго короля. Та-же причина, будто-бы, побудила его не дѣлать визита экс-королевѣ Изабеллѣ, когда онъ пріѣхалъ въ Парижъ. Испанія, впрочемъ, удивительная страна! Очень можетъ быть, что мы вскорѣ узнаемъ, что Серрано, бывшій главнымъ виновникомъ низверженія Изабеллы, явился въ отель Базилевскаго въ Парижѣ (гдѣ живетъ экс-королева Изабелла) и милостиво принять матерью царствующаго въ Испаніи короля Альфонса XII.

V.

А какъ относится къ совершившимся въ Испаніи событіямъ донъ-Карлосъ?

Альфонсисты постоянно твердили, что въ тотъ самый моментъ, какъ сынъ Изабеллы будетъ королемъ, карлисты прекратятъ войну и сложатъ свое оружіе къ ногамъ юнаго государя. Въ западной Европѣ банкиры и вообще люди, имѣющіе дѣла на биржѣ, въ рукахъ у которыхъ находились испанскіе фонды, вѣрили или по крайней мѣрѣ, хотѣли вѣрить этому утверженію. И какъ только совершился послѣдній переворотъ въ Испаніи, они поспѣшили отвѣтить на него повышеніемъ испанскихъ фондовъ. Эти фонды еще болѣе повысились, когда Альфонсъ XII объявилъ амнистію всѣмъ испанцамъ, виновнымъ въ противодѣйствіи его пра-

вительству, — въ томъ числѣ и карлистамъ, — которые принесутъ покорность. Многіе-ли воспользовались этой амнистіей — намъ неизвѣстно; мы знаемъ только, что карлисты остались непокорными и предпочли продолжать войну. Въ то самое время, какъ король Альфонсъ торжественно въѣзжалъ въ Барселону, „подъ дождемъ цвѣтовъ“, какъ говоритъ отчетъ, карлисты атаковали сосѣдній городъ Матаро. Посреди звона колоколовъ, звуковъ музыки и восклицаній, которыми встрѣчали короля въ Барселонѣ, слышался громъ пушекъ и ружейныхъ выстрѣловъ, которыми обмѣнивались осаждающіе карлисты и осажденные въ Матаро правительственныя войска. Молодой король и не подозрѣвалъ, откуда доносится до него гулъ отъ отдаленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ: отъ него постарались скрыть истину. Впрочемъ, едва-ли юный король и услышитъ ее скоро въ Испаніи. Съ самаго момента высадки его на испанскій берегъ, предводители альфонсистской партіи постарались обстроить дѣло такъ, чтобы до короля не могло дойти никакое непріятное для нихъ извѣстіе, — лучше сказать, чтобы никакимъ образомъ король не могъ составить себѣ понятія объ истинномъ положеніи страны.

Изъ Барселоны короля повезли въ Валенсію, для того, чтобы онъ могъ самъ лично поблагодарить тѣ батальоны, которые первыми подняли его знамя. Въ Валенсіи, слишкомъ очевидно высказавшей федералистскія стремленія, короля плотно окружили войсками. Между нимъ и встрѣчавшимъ его народомъ стояла густая толпа солдатъ. Король, по своимъ лѣтамъ, конечно, еще наивенъ и мало знаетъ жизнь. Онъ высказалъ свое удивленіе, что видитъ себя окруженнымъ одними солдатами. „Это сдѣлано для большаго торжества“, отвѣтили ему. Король промолчалъ, такъ-что осталось неизвѣстнымъ, повѣрилъ-ли онъ этому объясненію или составилъ въ своемъ умѣ другое мнѣніе. Не говоря уже о томъ, что вожаки альфонсистовъ не вѣрили настроенію Валенсіи, на желѣзной дорогѣ изъ Барселоны въ этотъ городъ нерѣдко появлялись карлисты и могла произойти очень непріятная случайность. Казалось бы, отчего прямо не высказать этого королю? Не лучше-ли будетъ для него, если онъ будетъ знать истину? Но его приближенные думаютъ иначе: они увѣрили юнаго монарха, что его по всей Испаніи встрѣтятъ съ восторгомъ, а карлистовъ, нежелавшихъ изъ упрямства покориться, опасаться не-

чего, такъ-какъ они засѣли въ горахъ на сѣверѣ и пробиться имъ черезъ линіи правительственныхъ войскъ невозможно. Опасаясь карлистовъ, короля везли по желѣзной дорогѣ очень тихо, такъ-какъ надо было сообразоваться съ скоростію движенія двадцати-тысячной арміи, конвоировавшей поѣздъ. Альфонсъ, привыкшій къ быстротѣ движенія англійскихъ и австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ, высказалъ свое недоумѣніе по поводу такой медленности движенія на испанскихъ дорогахъ. Ему объяснили, что замедленіе хода дѣлается для того, чтобы дать время алькадамъ городовъ и деревень прибыть на станцію для встрѣчи короля и принесенія ему своего вѣрноподданническаго поздравленія. Совѣтники короля настаивали на томъ, что принатіе отъ алькадовъ поздравленій составляетъ существенную необходимость, такъ-какъ ласковое обращеніе съ ними короля еще болѣе расположить въ его пользу населеніе тѣхъ мѣстъ, откуда они пришли. Мы вѣримъ, что Канова дель-Кастилья, Примо де-Ривера и Мартинецъ Кампосъ вздохнули свободно, когда король окончилъ свое путешествіе. Ихъ постоянно беспокоила мысль, что съ королемъ можетъ произойти какая-нибудь случайность или до его слуха достигнетъ какое-нибудь извѣстіе, которое необходимо для нихъ скрывать.

Въ Валенсіи, какъ и въ Барселонѣ, король, по словамъ отчета, былъ принятъ съ восторгомъ и энтузіазмомъ. У самой станціи желѣзной дороги была выстроена триумфальная арка, охраненіе которой было поручено артилеристамъ и таможенной стражѣ. Всѣ балконы были убраны коврами и цвѣтами; цвѣты были разставлены на крышахъ; на пути королевскаго экипажа разбрасывались, преимущественно солдатами, цвѣты и цвѣточныя гирлянды и букеты. Манифестація была чисто-военная. Такимъ образомъ были устранены всѣ затрудненія и въ день въѣзда въ Валенсію Альфонса всѣ дома были украшены, какъ слѣдуетъ для торжественнаго случая, а вечеромъ были достаточно свѣтло иллюминированы. Нѣкоторыя дамы съ высоты балконовъ бросали букеты въ коляску короля; нѣкоторыя выпустили изъ клѣтокъ голубей; это должно было означать, что испанцы были до сихъ поръ только рабами, а юный король даетъ имъ свободу. Алькадъ поступилъ очень остроумно: онъ заперъ въ тюрьму нѣсколькихъ республиканцевъ, а когда раздался выстрѣлъ изъ пушки, возвѣщавъ-

шій прїѣздъ на станцію молодого короля, ихъ выпустили на свободу.

Пріемъ короля въ Мадридѣ, конечно, отличался такимъ-же энтузіазмомъ, какъ и въ провинціи. Въ столицѣ еще легче было подготовить народъ, чѣмъ въ провинціальному городѣ Валенсіи. Въ столицѣ и городская администрація, и полиція устроены лучше, чѣмъ въ провинціи. Къ тому-же здѣсь центръ управленія, здѣсь министры, сюда съѣхались всѣ главные представители альфонсистской партіи. Здѣсь масса празднаго народа, готоваго толкаться съ утра до ночи на улицахъ. Въ Мадридѣ официальное вмѣшательство было необходимо главнымъ образомъ для того, чтобы не могла какъ-нибудь проявиться оппозиціонная манифестація. Нечего и говорить, что отстраняя враждебную манифестацію, полиція въ то-же самое время хлопотала, чтобы сочувствіе публики выразилось съ большимъ энтузіазмомъ и общая картина имѣла болѣе привлекательный и торжественный видъ.

Король совершилъ свой торжественный въѣздъ на бѣлой лошади; онъ былъ одѣтъ въ парадную форму маршала и имѣлъ на себѣ испанскій орденъ „Золотого руна“ и много другихъ иностранныхъ орденовъ. Въ свитѣ его находились 70 генераловъ. Поэты ему говорили стихи. Дамы устилали ему путь натуральными цвѣтами; не обошлось безъ выпусканія голубей изъ клѣтокъ. Однимъ словомъ, торжество встрѣчи удалось даже лучше, чѣмъ ожидали представители альфонсистской партіи, нещадившіе никакихъ усилій, чтобы сдѣлать это торжество какъ можно болѣе выдающимся. Никакихъ неприятныхъ случайностей, какъ кажется, не произошло.

Церемонія пріема не окончилась однимъ днемъ. Торжество продолжалось и въ слѣдующіе дни. Представляемъ выписку изъ официального источника:

15 января. „Въ срединѣ дня король прогуливался верхомъ на бѣлой лошади. Вечеромъ его величество посѣтитъ театръ. Приготавливается иллюминація“.

16 января. „Король намѣренъ послать орденъ „Золотого руна“ маршалу Мак-Магону. Представленіе въ театрѣ окончилось

въ полночь. Всѣ зрители встали съ своихъ мѣстъ и, обратясь къ королю, привѣтствовали его сочувственными восклицаніями. Дамы махали своими платками. Король граціозно раскланивался. При выходѣ его изъ театра оркестръ игралъ королевскій маршъ.

„Городъ былъ блистательно иллюминированъ. Какъ и вчера, огромная толпа двигалась по улицамъ.

„Городъ Мадридъ нашелъ необходимые фонды для уплаты тиража 1871 года (немного опоздали: на четыре года).

„Въ совѣтѣ министровъ король объявилъ, что будетъ уважать и поддерживать католическую церковь. Въ то-же самое время онъ твердо выразилъ свое намѣреніе поддерживать въ Испаніи свободу вѣроисповѣданій въ тѣхъ широкихъ предѣлахъ, какіе допущены въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ.

„Король выразилъ также желаніе, чтобы на будущее время военные генералы знали только свои военныя обязанности и не вмѣшивались въ политику. (Трудно вѣрить, чтобы это самое лучшее желаніе короля осуществилось въ Испаніи, гдѣ генералы до сихъ поръ всегда распоряжались судьбами страны.)

„Нѣсколько болѣе извѣстныхъ личностей изъ партіи радикаловъ и другихъ политическихъ оттѣнковъ присоединились къ новому правительству.

„Сегодня должно начаться движеніе войскъ для освобожденія Пампелуны, осажденной карлистами.

„Совѣтъ министровъ разсуждалъ о содержаніи короля, который желаетъ, чтобы ему была опредѣлена самая умѣренная цифра.

„Отъѣздъ короля въ сѣверную армию назначенъ на 18 января. Увѣряютъ, что его величество приметъ на себя командованіе арміей.

„Мадридскіе комерсанты намѣрены поднести королю великолѣпную корону.

„Сообщеніе съ Франціей опять приостановлено.

„Король намѣревается послать въ подарокъ своимъ товарищамъ по англійской военной школѣ въ Ландгерстѣ образецъ испанскаго искусства. Письмо на англійскомъ и испанскомъ языкахъ будетъ написано самимъ королемъ.

„Сегодня во дворцѣ происходила церемонія цѣлованія руки“. Американское телеграфное агентство извѣщало, что на цере-

моніи офіціального празднованія возстановленія королевства въ Испаніи присутствовалъ маршалъ Базэнъ.

Тепорь естественнѣе всего перейти къ тѣмъ правительственнымъ актамъ, какими ознаменовало себя новое правительство. Но о нихъ пока нельзя еще сказать ничего положительнаго. Журналь не можетъ и не долженъ брать на себя роль предсказателя событій, вакую часто берутъ газеты. Назначеніе журнала дѣлать выводы изъ тѣхъ фактовъ, которые достаточно выяснились и опредѣлились. Этой системы „Дѣло“ держалось до сихъ поръ, будетъ держаться и на будущее время.

Мы можемъ только замѣтить, что, судя по историческому ходу событій въ Испаніи, не питаемъ никакой надежды на успокоеніе и мирный прогрессъ этой страны, раздираемой непрерывными переворотами и гражданской войной. Мы думаемъ, что и въ самой системѣ управленія ничего не измѣнится, кромѣ, конечно, неважныхъ подробностей. Сентабрьская революція, свергнувшая съ престола Изабеллу, вызвала къ правительственной дѣятельности либеральную буржуазію. Она управляла во все время правленія короля Амедея—все-таки лучшее время послѣдняго періода испанской исторіи. Ескорѣ послѣ отреченія короля Амедея либеральная буржуазія сошла со сцены, передавъ власть консервативной буржуазіи. Она властвовала во время президентства Кастеляра и регентства Серрано. Она-же произвела послѣдній переворотъ и намѣрена управлять во время царствованія Альфонса XII. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, чувствовать уваженіе и питать довѣріе къ такимъ личностямъ, которыя, измѣнивъ Изабеллѣ, вслѣдъ за тѣмъ измѣнили Амедею, а потомъ республикѣ, представляемой Кастеляромъ и Серрано? Въ числѣ настоящихъ министровъ и генераловъ много такихъ людей. Можетъ-ли полагаться на нихъ король Альфонсъ? А между тѣмъ ему приходится терпѣть ихъ, потому что ему не откуда взять другихъ людей. Въ Испаніи такъ привыкли измѣнять существующему правительству и своей партіи, что въ ней найдется очень немного людей, оставшихся вѣрными своимъ убѣжденіямъ. Мы, конечно, имѣемъ въ виду тѣ

классы общества, откуда обыкновенно берутся правительственные люди.

Возстановленіе монархіи нисколько не измѣнило отношеній новаго правительства къ карлистамъ. Напротивъ, судя по прокламаціи донъ-Карлоса, надо ожидать, что война возгорится съ еще большимъ ожесточеніемъ.

Вотъ эта прокламація:

„Испанцы!

„Революція, погрязшая во лжи, провозгласила испанскаго короля изъ членовъ моей фамиліи; она рассчитываетъ этимъ путемъ примириться съ требованіями легитимности. Я представитель легитимности, я одинъ представляю монархію въ Испаніи. Съ царственнымъ презрѣніемъ я отвергаю предложенія, съ которыми осмѣлились обратиться ко мнѣ сентябрьскіе революціонеры, снова совершившіе пагубное, незаконное дѣло.

„Революціонеры хорошо знаютъ, что я не могу быть ихъ королемъ. Глава августѣйшей фамиліи Бурбоновъ въ Испаніи, я съ глубокой горестью взираю на поступокъ моего кузена Альфонса, который, по неопытности, свойственной его лѣтамъ, согласился быть орудіемъ тѣхъ самыхъ людей, которые изгнали его вмѣстѣ съ его матерью изъ отечества и позволили себѣ противъ нихъ угрозы и сарказмы. Я не протестую; достоинство мое и моей арміи не позволяетъ мнѣ другого протеста, кромѣ того, который съ неодолимымъ краснорѣчіемъ вылетаетъ изъ жерлъ нашихъ пушекъ. Прокламація принца Альфонса не можетъ закрыть передо мной ворота Мадрида; напротивъ, она открываетъ мнѣ дорогу къ возрожденію нашего любезнаго отечества.

„Не пройдетъ имъ даромъ новый актъ преторіанизма, оскорбляющій гордость испанскаго народа! Мои мужественные волонтеры, побѣдившіе въ сраженіяхъ: при Эроль, Альпиевъ, Монтегурсъ, Кастильолитъ, Соморостро, Абарзупъ, Кастилонъ, Кордовъ и Урниетъ, будутъ въ состояніи помѣшать новому оскорбленію, нанесенному нашей великодушной Испаніи, новому скандалу передъ лицомъ цивилизованной Европы.

„Призванный поразить революцію въ нашемъ отечествѣ, я ее поражу, подъ какимъ-бы видомъ она ни являлась: въ своей-ли дикой лютости и безстыдномъ невѣріи или-же подъ маской набожнаго лицемерія. Испанцы! именемъ Бога, именемъ нашей Испа-

ни, клянусь вамъ, что я останусь вѣренъ моей святой мисси, что я стану держать незапятнаннымъ наше святое знамя. Оно служить символомъ тѣхъ спасительныхъ принциповъ, которые составляютъ теперь нашу надежду, а завтра будутъ нашимъ торжествомъ.

„Дана въ моей королевской квартирѣ, въ Девѣ, 6 января 1875 года.

Карлосъ“.

ВОСХИТИТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ПОЭЗИИ, БЕЛЕТРИСТИКИ, ФИЛОСОФИИ,
ПОЛИТИКИ, ПЕРЕПИСКИ, НАУКЪ, ИСКУСТВЪ И
ВОСХИЩЕНІЯ.

№ 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Предувѣдомленіе.—II. Цвѣты современной поэзіи: III. Кому на Руси жить хорошо? — Н. А. Некрасова - Ложногласова. — IV. Поликаръ (ужасная поэма) Полонскаго-Вдохновенскаго.—V. Отголоски дня: 1) Пѣснь героя нашего времени.— 2) Современная картинка — собственнаго поэта „Восхитителя“. — VI. Эпиграмы, приписываемыя покойному Щербинѣ, — доставлены М. И. Семевскимъ.

I.

Предувѣдомленіе.

Каждый органъ обыкновенно является для того, чтобы пополнить «пробѣлъ», существующій въ журналистикѣ. «Восхититель», конечно, не желаетъ отставать отъ прочихъ органовъ, и потому онъ, прежде всего, объявляетъ, что возникаетъ также для пополненія существующаго «пробѣла». Какой-же пробѣлъ долженъ онъ восполнить собою? Въ современной жизни и литературѣ такъ много различныхъ «пробѣловъ», что въ послѣднее время вообще жизнь и литература представляются, такъ-сказать, пробѣленными или, точнѣе, обѣленными, принимая это слово въ томъ значеніи, какое ему придается известной сектой. Всѣ пробѣлы, безъ сомнѣнія, не могутъ быть восполнены и слѣдуетъ избрать для восполненія какой-нибудь одинъ, наиболѣе существенный.

«Восхититель» именно таковой пробѣлъ и избираетъ. Современная жизнь и современная литература преисполнены различныхъ явленій, приводящихъ въ восхищеніе, — явленій прекрасныхъ, великихъ, имѣющихъ глу-

бокое и высокое значеніе по своей внутренней сути. Разумѣтся, всевозможные органы журналистики преподносятъ эти восхитительныя явленія публикѣ съ величайшимъ усердіемъ и готовностью, но преподносятъ ихъ, такъ-сказать, въ ихъ природномъ видѣ, такими, какъ они нарождаются. Въ текущей журналистикѣ не существуетъ органа, который-бы помянутыя явленія восхищалъ и преподносилъ въ видѣ, если можно такъ выразиться, преображенномъ, обработанномъ съ спеціальной цѣлью восхищенія, восторга этими явленіями; въ текущей литературѣ нѣтъ органа, который-бы разыгрывалъ торжественныя симфоніи современной жизни и литературы въ игривой и легкомысленной формѣ вальсовъ и полекъ.

Такимъ органомъ желаетъ сдѣлаться „Восхититель“. Онъ является для того, чтобы восхищать по мѣрѣ силъ и возможности помянутыя явленія и восхищать ими публику, преподнося ихъ подъ соусомъ безобидной веселости. Уже изъ того обстоятельства, что въ свое наименованіе „Восхититель“ вкладываетъ невинный каламбуръ, достойный знаменитаго драматурга г. Виктора Александрова, публика можетъ предчувствовать, какой это милый, беззаботный и веселый будетъ органъ. И публика не ошибется въ своемъ предчувствіи: „Восхититель“ постарается быть милымъ, невиннымъ и веселымъ.

Предметомъ его восхищенія (въ смыслѣ захватыванія чего-либо) и восхищенія (въ смыслѣ восторга) будетъ все: земля и небо, консерваторы и либералы, таланты и бездарности, дураки и умные, мечты и существенность, красота и безобразіе, политика и философія, публицистика и поэзія, и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, „Восхититель“ постарается сдѣлать предметомъ восхищенія все, даже... даже собственныхъ своихъ читателей, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые претендуютъ на излишнюю провинциальность и солидность сужденій и приговоровъ.

„Восхититель“ смѣетъ увѣрить, что онъ постарается быть на высотѣ своей задачи, что онъ приметъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы понравиться публикѣ. Дабы восхитительныя явленія жизни и литературы красовались на страницахъ „Восхитителя“ по возможности въ прелестномъ видѣ и по возможности своевременно, редакція „Восхитителя“ обратилась къ лучшимъ нашимъ дарованіямъ, прося ихъ содѣйствія и поддержки. Дарованія не только не отказали редакціи, но, напротивъ, приняли ея воззваніе о помощи съ истиннымъ удовольствіемъ и общали свое содѣйствіе. Лучшіе наши поэты, белетристы, публицисты, философы, фельетонисты выразили полную готовность восхищать публику своими статьями, преподнося ихъ на страницахъ „Восхитителя“ ранѣе появленія въ другихъ органахъ и притомъ въ формѣ краткой и обработанной спеціально для восхищенія читателей. Труды нѣкоторыхъ изъ этихъ дарованій предлагаются въ настоящемъ первомъ номерѣ „Восхитителя“. Принося глубокую благодарность великимъ талантамъ за ихъ содѣйствіе, мы ласкаемъ себя надеждою, что со временемъ „Восхититель“ будетъ сосредото-

точивать въ себѣ *всѣ* блестящія имена современной литературы, всѣ ихъ произведенія, изложенныя въ кратко-восхищающей формѣ. Когда это совершится, другіе органы уже будутъ ненужны, ибо кому-же придетъ охота читать въ пространномъ и скучномъ изложеніи то, что въ „Восхититель“ изложено уже весело и кратко? Такимъ образомъ, въ грядущемъ „Восхититель“ останется, быть можетъ, единственнымъ органомъ всей Россіи и кромѣ его публикѣ потребуется развѣ только одинъ „Правительственный Вѣстникъ“ для официальныхъ свѣдѣній, да еще „Журналъ коннозаводства“, такъ-какъ официальными свѣдѣніями и коннозаводствомъ „Восхититель“ не занимается.

„Восхититель“, въ заключеніе своей программы, не выставляетъ ручательства книгопродавческой фирмы г. Базунова, какъ это дѣлаютъ многіе возникающіе органы. Ему не нужно такого ручательства по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что ручательство фирмы г. Базунова само по себѣ не можетъ спасти журналъ отъ гибели: вспомнимъ „Зарю“, за которую ручалась фирма г. Базунова и которая, все-таки, блистала непродолжительно. Во-вторыхъ, потому, что „Восхититель“ считаетъ себя относительно появленія передъ публикою совершенно свободнымъ: захочетъ — онъ выйдеть въ количествѣ всего одного нумера; захочетъ — каждый мѣсяцъ начнетъ акуратно появляться; захочетъ — черезъ три-четыре мѣсяца со вторымъ номеромъ соберется. „Восхититель“ не желаетъ въ этомъ отношеніи стѣснять ни себя, ни публику, и поэтому ему не нужны никакія ручательства и гарантіи, даже ручательство солидной фирмы г. Базунова.

II.

Цвѣты современной русской поэзіи.

Отъ редакціи „Восхитителя“.

Современная русская поэзія процвѣтаетъ, какъ не процвѣтала она, быть можетъ, никогда. Это всѣ знаютъ и объ этомъ никто не споритъ. Пышные цвѣты современной поэзіи распускаются, такъ-сказать, въ двухъ направленіяхъ: чувствительно-гражданскомъ и старо-романтическомъ. Представителями того и другого направленія являются три маститыхъ пѣвца: г. Некрасовъ, г. Полонскій и гр. А. Толстой. Благодаря усердію этихъ жрецовъ музъ, родная литература не оскудѣваетъ замѣчательно пространными поэмами, въ которыхъ обиліе стиховъ соотвѣтствуетъ обилію искренняго вдохновенія и поэтическихъ мыслей. Припом-

нимъ безконечную эпопею г. Некрасова: „Кому на Руси жить хорошо?“, припомнимъ „Мини“ и „Келюта“ г. Полонскаго; припомнимъ „Портретъ“ гр. А. Толстого: какой потокъ истинной поэзіи изливается на читателей въ этихъ произведеніяхъ, какъ освѣжаетъ онъ читательскія души, угнетенныя теперешнимъ практическимъ и положительнымъ направлениемъ жизни! Изъ этого потока пьютъ современные дѣльцы, адвокаты, судьи, прокуроры, пьютъ и изнываютъ отъ наслажденія испиваемымъ...

Считая истинную поэзію истиннымъ средствомъ восхищенія, редакція отводитъ ей обширное мѣсто на страницахъ „Восхитителя“. Съ перваго-же нумера редакція озаботилась о томъ, чтобы соединить лучшія поэтическія силы въ „Восхититель“: она обратилась къ наиболѣе великимъ поэтическимъ дарованіямъ нашихъ дней—къ гг. Некрасову, Полонскому, Майкову, Толстому, и всѣ эти пѣвцы дали съ величайшимъ удовольствіемъ обѣщаніе украшать, по мѣрѣ силъ, страницы „Восхитителя“ цвѣтами своихъ талантовъ. Глубокоуважаемыхъ поэтовъ не испугало даже то необходимое условіе, что для „Восхитителя“ они должны представлять свои произведенія въ сокращенномъ и специально ради восхищенія обработанномъ видѣ. Напротивъ, это условіе привело въ восторгъ пѣвцовъ: они поняли, что благодаря „Восхитителю“, ихъ слава (а съ ней и гонораръ) усугубляется, ибо отнынѣ они могутъ печатать плоды вдохновенія двукратно: сперва на страницахъ „Восхитителя“, въ краткой и веселой формѣ, а потомъ на страницахъ „Вѣстника Европы“, „Русскаго Вѣстника“, „Отечественныхъ Записокъ“, „Дѣла“, и т. д. въ формѣ пространной и серьезной. Глубокоуважаемые поэты пожелали только, чтобы ихъ произведенія въ „Восхититель“ были подписываемы ихъ великими именами съ придачею къ однимъ какихъ-либо выразительныхъ псевдонимовъ. Г. Некрасовъ, на примѣръ, пожелалъ подписываться „Некрасовъ-Ложногласовъ“, г. Полонскій—„Полонскій-Вдохновенскій“. Прочіе пѣвцы еще не заявили прибавленій къ ихъ именамъ, обѣщая сдѣлать это при доставленіи своихъ произведеній для будущихъ нумеровъ „Восхитителя“. Ждемъ съ нетерпѣніемъ ихъ высокихъ произведеній, украшенныхъ сугубыми ихъ именами.

Невыразимо счастливы мы, что первыми на наше приглашеніе отозвались такіе пѣвцы, какъ гг. Некрасовъ и Полонскій, что

первый номер „Восхитителя“ является передъ публикою украшеннымъ ихъ славными произведеніями. Г. Некрасовъ далъ намъ новую главу или, точнѣе, долю новой главы изъ безконечно-пространной эпопеи „Кому на Руси жить хорошо“. Глава эта входитъ въ составъ тысяча пятой части поэмы и по содержанію представляетъ нѣчто составляющее „событіе“ въ нашей поэзи, такъ-какъ поэтъ выставляетъ въ ней собственное свое лицо и объясняетъ, такъ-сказать, отношеніе своей музы къ народу. Скорбимъ, что окончаніе главы еще въ портфель поэта и свѣтъ не можетъ имъ покуда наслаждаться; но утѣшимъ себя надеждою, что когда-нибудь это окончаніе выйдетъ изъ портфеля и появится здѣсь-же, на страницахъ „Восхитителя“.

Г. Полонскій далъ краткую, ужасно-романтическую поэму „Паликаръ“, написанную въ байроническомъ вкусѣ и представляющую, кажется, по формѣ и содержанію нѣчто общее съ „Келіотомъ“, хотя, по нашему мнѣнію, далеко превосходящую это послѣднее произведеніе какъ блескомъ алмазнаго стиха, такъ и ужасностію содержанія.

III.

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО.

(Изъ тысяча пятой части.)

ВАРИНЪ.

Глава 7,777,777.

„Не все межъ люда сельскаго
Отыскивать счастливаго,
По селамъ, деревнямъ:
А, ишь, пойдемъ столичную
Пощуаемъ мы публику!“
Рѣшили наши странники
И въ Петербургъ пошли.

Шли долго-ли, коротко-ли,
Шли близко-ли, далеко-ли,
Вотъ Питеръ наконецъ.
Дома пяти-этажные,

Вънихъ ма газины чудные,
 Со стеклами хрустальными,
 Въ пять сажень шириной!
 За стеклами посажены
 Мамзели распрекрасныя,
 За стеклами наставлено
 Невидимо вещей:
 Каменья драгоцѣнные,
 Посуда разноцвѣтная,
 Парчи, и шелкъ, и золото,
 Шиньоны, косы длинныя,
 Крученныя, плетенныя,
 Всѣхъ видовъ, всѣхъ сортовъ...

На длинныя тѣ косыньки,
 Взглянули наши странники —
 И сжалось сердце ихъ:
 Ой, мать земля российская,
 Отечество любезное,
 Ужь чѣмъ-то, чѣмъ не жертвуютъ
 Твои сыны и дочери
 Для питерскихъ забавъ!
 Тѣ косы заплетенныя,
 Какъ травушка, поскошены
 Съ головъ крестьянскихъ дѣвушекъ,
 Лебедушекъ, касатушекъ,
 Не мертвыхъ, а живыхъ!
 Слезами обливались
 Горючими, текучими,
 Матрешы, Груши, Машеньки,
 Когда съ косою шелковой,
 Бродячимъ парикмахеромъ
 За четвертакъ искупленной,
 Прощались на вѣкъ...
 Коса—краса головушки,
 Коса—утѣха дѣвицы;
 Ой, любо ленту алую
 Вплетать въ шелкову косыньку,
 О миломъ помышляючи,
 О ладушкѣ своемъ!..
 Съ қосой разстались горестно,
 И студно, и зазорливо,
 Да дѣлать, видно, нечего,

Коль нуженъ четвертакъ!
 Сторонушка убогая:
 Все солнцемъ-зноемъ выжжено
 Все градомъ божимъ выбито,
 Все сусливами съѣдено—
 Ни ржицы, ни овса!
 Скотинушка послѣдняя
 За недоимку продана...
 На что испуишь хлѣбушка?—
 Стригись моя коса!

Разглядывая косыньки
 За стеклами хрустальными,
 Романъ вздохнулъ съ прискорбіемъ;
 Демьянъ промолвилъ съ горечью:
 „Ахъ, мухи васъ ѣдятъ!“
 Лука сказалъ: „О, Господи,
 Прости намъ прегрѣшенія!“
 И слово, слово вѣрное
 Загнули братья Губины,
 Иванъ и Митродоръ.

Налюбовавшись неврскими
 Великолѣпьемъ, роскошью,
 Свернули наши странники
 На улицу Литейную,
 Пошли—и, ротъ разинувши,
 У дома у Антонова
 Остановились всѣ.
 Ужь больно имъ понравился:
 Чего тамъ не налѣплено —
 Живого мѣста нѣтъ.
 Стоять, дивуясь, странники
 На тѣ хоромы чудныя,
 Вдругъ слышать плачь и крикъ:
 По тротуару плитному
 Бѣжить къ нимъ баба толстая,
 Растрепана, истерзана,
 Свернулась кика въ бокъ.
 Бѣжить-вопить, сердечная:
 „Ой, свѣты, ой, родимые,
 Спасите вы меня!“
 Бѣжить-вопить, сердечная,

Очами помутилася,
 Не видитъ ничего.
 Съ разбѣга, опалѣлая,
 Какъ-разъ на нашихъ странниковъ
 Наткнулась и свалилась,
 Заголосивъ сильнѣй.

Глядятъ на бабу странники:
 Ай, батюшки, знакомая:
 Матрена Тимофѣевна
 Прозваніемъ Корчагина,
 Иначе— „губернаторша“,
 Изъ Клина изъ села!
 А баба какъ опомнилась,—
 На странниковъ возрѣлася
 Такъ тутъ-же и заплакала:
 „Родимые мои!“

Дались тутъ диву странники
 И начали допрашивать
 Матрену Тимофѣевну,
 Какъ въ Питеръ на Литейную
 Изъ Клина, Клина дальняго,
 Господь ее занесъ?
 И что съ ней приключилося?
 Чего такъ испугалася
 И гдѣ такъ растрепалася,
 Сердечная, она?
 Пытали долго странники
 Матрену Тимофѣевну,
 Но баба только охала
 Да утирала носъ.
 Съ ней мужички помучились,
 Пока не домекнулись,
 Что отъ распросовъ ихъ
 Не выйдетъ толкъ, покудова
 Очищенной съ закускою
 Матренѣ Тимофѣевнѣ
 Они не поднесутъ.
 Смекнувши, скатерть крикнула:
 „Эй, скатерть самобранная,
 Поподчуй мужиковъ“.
 „И скатерть развернулася,
 Откудова ни взялися

Двѣ дюжія руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлѣбушка
И спрятались опять *)).

Разсѣлись наши странники
Среди Литейной весело;
Хватили всѣ по шкалику
И бабѣ поднесли.
Пригубивши очищенной,
Очнулась, очуралася
Матрена Тимофѣевна
И стала нашимъ странникамъ
Разсказывать про то,
Что съ нею приключилося,
Какъ нонѣ очутилася
Средь Питера она.

ГЛАВА 7,777,778.

„Охъ, братцы, лѣтомъ нынѣшнимъ,
На Спасовъ день, отъ барина
Миколы Алексѣича
Пришло къ намъ въ Клинь письмо:
Приказъ шлеть управителю
Егору Конскентиничу
Спросить у мужиковъ:
Не пустить-ли по осени
Кто бабу въ Питерь къ барину
На сутки погостить?
Вишь въ книжечкѣ описывать
Ему ту бабу надобно,
Такъ хочеть онъ во-очію
На бабу поглядѣть.
Прогонны будутъ барскіе,
А бабѣ въ награжденіе
За тѣ смотрины выдастся
Сто пятьдесятъ рублей.
Но только баба видная,
Но только баба толстая
Для барина нужна.

*) Стихи г. Некрасова, изъ „Отеч. Зап“.

Про письмецо то барское
 Прошла по Клину вѣсточка;
 Сошлись на сходку сельскую
 Грехочуть мужики:
 „Охъ, господа затѣйники,
 Что не взбредеть имъ въ голову,
 Комарь влети имъ въ ротъ!“
 Чью-жь бабу мы, ребятушки,
 Отпустимъ въ Питерь къ барину?
 Награда, вишь, не малая
 Отъ барина обѣщана—
 Сто пятьдесятъ рублей!“
 Степанъ кричить: „для барина
 Моя годна Фоминишна:
 Въ ней вѣсу десять пудъ!“
 Пахомъ вопить: „я Домною
 Моей съ охотой жертвую—
 Не баба, а квашня!“
 Касьянъ ореть: „Шлю Марковну,
 Мою-ли свѣтъ Луверьюшку—
 Она жирнѣй свиньи!“
 Степанъ кричить: „Куда тебѣ
 Съ Луверьей краснорожею
 Соваться въ Питерь къ барину?
 Дуракъ ты, впрямь дуракъ!“
 Пахомъ вопить: „Фоминишнѣ
 Ты боже кривой, Степанушка,
 Сначала почини,
 Чтобъ, на чугункѣ ѣдучи,
 Дорогой не разсыпалась
 Фоминишна твоя!“
 Касьянъ ореть: „ты съ Домною
 Корявой, конопатою,
 Ступай пасти свиней!“
 Пустили брань мужицкую,
 А тамъ, за перекорами,
 И въ кулаки пошли:
 Касьянъ Степана по уху,
 Пахомъ Касьяна по носу,
 Степанъ по рылу самому
 Хватилъ обоихъ вдругъ.
 Миръ не стерпѣлъ, не выдержалъ,
 Вмѣшался въ брань крестьянскую—

И драка тутъ великая
 У мужиковъ пошла.
 Подравшись съ часъ—поболѣ,
 Наклавъ другъ другу въ зашею,
 По скуламъ, подъ сусалами,
 По ребрамъ, подъ микитками,—
 Смирились мужики...
 Миръ началъ обсужденіе,
 Чью бабу будетъ къ барину
 Поваднѣ послать?
 И порѣшили: Филипову
 Матрену Тимофѣевну.
 Матрена Тимофѣевна
 Красою и дородностью
 Слыветъ на всемъ селѣ:
 „Корова холмогорская—
 Не баба! доброумнѣ
 И глаже бабы нѣтъ!“ *)

Хоть больно не хотѣлося
 Филипушкѣ любезному,
 А пуце мнѣ, родимые,
 Справляться въ Питеръ къ барину,
 Да что-же тутъ подѣлаешь,
 Коль заповѣдать миръ?
 Миръ—сила наша крѣпкая,
 Исконная російская,
 Предъ націями всякими
 Гордимся сельской общиной,
 Гордимся міромъ мы!..

Глава 7,777,779.

„Не стану вамъ рассказывать,
 Какъ справили до Питера
 Сердечную меня;
 Не стану вамъ описывать,
 Какъ прямо на Литейную,
 Къ Миколѣ Алексѣичу
 Въ хоромы привели.
 Вошла, какъ одурѣлая,

*) Стихи г. Некрасова, изъ „Отеч. Запис.“

Смотрю: хоромы чудные,
 Въ хоромахъ тѣхъ поставлены
 Медвѣди по угламъ;
 Глядятъ—ну, вотъ живехоньки!
 Изъ пасти скалятъ зубьями,
 Протягиваютъ лапищи,
 Поднялись на дыбы...

Стою я да дивуюся
 На чучелы звѣриныя...
 Вдругъ распахнулась дверь:
 Въ халатѣ баринъ бархатномъ
 Выходить, озирается.
 „Гдѣ баба?“ крикнулъ вдругъ.
 Я сердцемъ испужалася,
 Я въ ноги повалилася,
 Завыла бабьимъ голосомъ:
 „Кормилецъ, не губи!“
 Рукою, усмѣхаяся,
 Кисть пояска халатнаго
 Тутъ баринъ повернулъ...
 „Вставай!“ промолвилъ ласково,
 Самъ поднялъ, посадилъ...

Присѣла я, не чувствуя,
 Что подо мной: все чудится—
 Вдругъ зыкнетъ на меня.
 Боюсь глянуть на барина,
 А баринъ говорить:

— Какъ звать тебя?— „Звать, батюшка
 Матреной Тимофѣвной,
 Филипа я жена“.

— Скажи-ка ты, повѣдай мнѣ,
 Матрена Тимофѣвна,
 Какъ жизнь твоя прошла?
 Съ какимъ ты горемъ зналася,
 Какое счастье видѣла—
 Все выложи мнѣ на-чисто,
 Какъ на духу попу.

Чудны мнѣ показались
 Такія рѣчи барина,

Не знаю, что отвѣтить мнѣ,
Не знаю, какъ сказать...

— Что-жь, ровно агалтълая
Молчишь?—мнѣ баринъ съизнова;—
Знать, горя много вспомнила:
Языкъ поотнялся?
Чай, то-то мужъ колачивалъ,
Чай, то-то плеткой шелковой
Отъ утра и до вечера
Училъ жену-молодушку,
Да такъ, чтобъ кровь пробрызнула—
Ой, люли, хорошо!..
Чай, то-то свекоръ-батюшка
Сноху дулъ толстой палкою,
Свекровь валяла скалкою,
Золовки ядовитыя
Щипками, колотушками
Молодушку несчастную
Въ чужой семьѣ-то мучили?..
Разсказывай скорѣе,
Описывай вѣрнѣй!..

Я слушаю, родимые,
Слова такія барина,
Сама глянуть боюсь
Ему въ глаза: отъ радости
Какъ угли разгорѣлся;
Рукой бородку малую
Онъ гладить съ удовольствіемъ,
Рѣчь на распѣвъ ведетъ...

— Разсказывай, голубушка,
Какъ нѣмцемъ-управителемъ
Была ты бита-сѣчена:
Ой, лихи нѣмцы драть!
Деруть они умѣючи:
Не просто—съ переборкою,
Не розги, а поззія
У нѣмцевъ-управителей,
Искусство, вдохновеніе
Въ чудесномъ ихъ драньѣ!..
Разсказывай, описывай
Подробнѣе, отчетливѣй,

Подъ розгу какъ ложилася,
 Какъ розги поднимались,
 Какъ розги опускались,
 Какъ тѣло, тѣло бѣлое
 Подъ розгой содрагалоса —
 Ой, люли, хорошо!..

Я слышу рѣчь безстыжую,
 Не выдержала — молвила:
 „Охъ, что-й-то, баринъ, ты!
 Все мыслишь нехорошее,
 Толкуешь все неладное:
 Не гоже слушать мнѣ...
 Отъ моего Филипушки
 Не только плетки шелковой —
 Побоевъ я не вѣдала:
 Мы съ нимъ живемъ въ любви.
 Въ ладу я съ свекромъ-батюшкой,
 Въ ладу съ свекровью-матушкой,
 Съ золовками въ ладу;
 А нѣмца-управителя
 У насъ и прежде не было,
 И нонѣ нѣтъ его“.

Слова такія молвила
 Я барину, родимые,
 Да тутъ-же и спокаялась:
 Вдругъ баринъ осерчалъ.
 Вскочилъ со стула мягкаго,
 Затрясся, блѣдень сдѣлался,
 Какъ крикнетъ на меня:

— Ахъ ты, свинина жирная,
 Корова холмогорская,
 Такъ вишь ты какова!
 Не бита ты, не сѣчена,
 Ни мужемъ, ни семейкою,
 Ни нѣмцемъ-управителемъ —
 На кой-же чортъ ты мнѣ?
 Ты полтора ста рубликовъ
 Забрать, знать, даромъ думала?
 Охъ, шельма, знаю васъ!
 Такъ нѣтъ, моя голубушка,
 Мнѣ надобно описывать

Не этакихъ, какъ ты!
 Пойми ты, баба глупая:
 Съ Михайломъ Евграфычемъ,
 Съ Григоріемъ Захарычемъ
 Я органъ либеральнѣйшій —
 „Записки“ издаю.
 Михаилъ свѣтъ Евграфовичъ
 Въ „Запискахъ“, книжку каждую,
 Сатиру пишетъ легкую,
 Сатиру-фельетонъ.
 Григорій свѣтъ Захаровичъ —
 Онъ тоже книжку каждую
 Молчитъ и симъ молчаніемъ
 Глубоко знаменательнымъ
 Разить своихъ враговъ.
 А я — я въ книжку каждую
 Поэзію пріятную,
 Чувствительно-гражданскую,
 Обязанъ поставлять.
 Въ поэзіи читателя
 Теперешняго времени
 Чѣмъ я пронять могу?
 Я долженъ слезы горькія
 Надъ бѣдствіями всякими
 Народа, меньшей братіи, —
 Хоть тресни — проливать.
 Для этакой поэзіи
 Мнѣ нужно бабу жалкую,
 Мнѣ нужно бабу битую,
 Мнѣ нужно бабу драную,
 „Чтобъ косточки неломаной,
 Чтобъ жилочки нетянутой,
 Чтобъ кровушки непорченой“ *)
 Въ той бабѣ исковерканной,
 Измученной, истрепанной
 По всѣмъ банальнымъ правиламъ
 Новѣйшей піитики,
 Читатель не нашель!
 Сказаль да какъ затопаетъ
 Ногами что есть моченьки,
 Какъ крикнеть: „вонъ ее!“

*) Стихи г. Некрасова, изъ „Отеч. Зап.“

На крикъ его лакеишки
 Вбѣжали и спровадили
 Въ-три-шеи вонъ меня.
 Тутъ свѣта я не взвидѣла,
 Какъ съ лѣстницы скатилася,
 Какъ вырвалася на улицу,
 И какъ я съ вами встрѣлася—
 Не помню ужь, родимые,
 Не помню ничего!..“

Такъ горестно закончила
 Матрена Тимофѣевна
 Свое повѣствованіе
 И въ заключеніе всхлипнула
 И пролила слезу.
 Вздыхая и очищенной
 Съ тоской другъ друга подчуж
 Внимали бабѣ странники,
 Лишь крикая порой...

Н. Некрасовъ-Ложногласовъ.

IV.

П а л и к а р ь .

(Ужасная поэма.)

I.

Взгляните на меня: я старъ,
 Во мнѣ погасъ любовный жаръ,
 Осколокъ колокола я,
 Чьи звоны въ оны дни, тая
 Въ себѣ любви призывный гласъ,
 Красавицъ молодыхъ не разъ
 Ко мнѣ влекли, чтобъ страсти пылъ
 Я въ нихъ отрадно утолилъ.
 Въ объятяхъ молодыхъ моихъ
 Ласкалъ я дюжинами ихъ,
 И воспоминае тѣхъ живыхъ
 И чудныхъ ласкъ въ душѣ моей
 Не сгладилось до этихъ дней...

II.

Душою пылкой Паликаръ
 (Хотя рожденъ близъ Чебоксаръ)
 Повинулъ я родной предѣль
 И въ край завѣтный полетѣль
 Въ тѣ дни, когда вдругъ закипѣль
 Свободы бой на тѣхъ берегахъ,
 Гдѣ Фемистокла дивный прахъ
 Лежить подъ холмомъ вѣковымъ,
 Гдѣ солнце, свѣтомъ золотымъ
 Обливъ водъ льющихся заливъ,
 Дрожить на маковкахъ оливъ,
 Гдѣ свѣжій воздухъ такъ душистъ,
 Гдѣ зеленѣеть лавра листь,
 Которымъ скрашенъ блескъ чела
 Героевъ—имъ-же нѣсть числа,—
 Который годенъ также въ супъ...

Волшебный край! Тамъ на уступѣ
 Скалы, повисшей надъ скалой,
 Ступаетъ стройною ногой
 Элады пламенная дочь.
 Ея глаза темны какъ ночь
 И въ безднѣ адской этихъ глазъ
 Какъ-будто залегло, вѣясь,
 Сто тысячъ ядовитыхъ змѣй.
 И грудь, румянясь отъ лучей
 Полдневныхъ, такъ пышна у ней,
 Такою мощію полна,
 Что, мнится, каждый мигъ она
 Корсажъ, затканый серебромъ,
 Порветъ вдругъ съ трескомъ, и потомъ
 Заколыхается волной,
 Сіяя млечной бѣлизной
 И округляясь, какъ у той
 Богини дивной, что вѣба
 Прельщаетъ взоры знатока
 Въ томъ градѣ, гдѣ царитъ канканъ,
 Иль въ томъ, гдѣ пышный Ватиканъ...

III.

Одну изъ этихъ чудныхъ дѣвъ
 Любилъ я. Все преодолевъ,

Ее я добылъ у паши
 Въ гаремѣ. Дивно хороши
 Казались ночи съ ней и дни.
 Въ благоухающей тѣни
 Широколистныхъ сивоморь
 Я непрерывно страстный взоръ
 Въ живыхъ очахъ ея топилъ
 И поцѣлуевъ нектаръ пилъ
 Съ пурпурныхъ, жаркихъ устъ ея.
 И сладкій нектаръ тотъ лія
 Моимъ лобзаніямъ въ отвѣтъ,
 Она себя и цѣлый свѣтъ
 Была готова позабыть,
 Чтобы ласкать, чтобы любить,
 Чтобы пламень жаркихъ чувствъ дѣлить
 Недѣли, мѣсяцы, года,
 Не уставая никогда;
 И даже пища и питье
 Не нужны были для нее,
 Хотя хорошій аппетитъ
 Любви нисколько не вредить.

IV.

Три года въ счастья неземномъ
 Я на холмѣ береговомъ
 Провелъ съ Ленлою моею,
 Ее лаская все сильнѣй.
 Вдругъ надо мною и надъ ней
 „Чамбулъ“ — войны призывный кличъ—
 Промчался... Я очнулся въ мигъ
 И съ дикимъ ужасомъ постигъ,
 Что часъ разлуки, страшный часъ,
 Пробылъ, что съ милою разлучась,
 Идти, какъ истый паликаръ,
 Я долженъ въ бой на янычаръ...
 Сжавъ ятагана рукоять
 Хотѣлъ вскочить я и бѣжать
 Туда, гдѣ бьется братьевъ рать
 За Грецію, но оторвать,
 Увы! я губъ своихъ не могъ
 Отъ милыхъ устъ: въ трехлѣтній срокъ
 Лобзаній непрерывныхъ къ нимъ

Я такъ привыкъ, что никакимъ
 Меня, казалось, калачемъ
 Не отманить...

V.

И тутъ въ моемъ
 Умъ блеснула мысль о томъ,
 Что лишь съ Леилиной главой
 Могу идти я въ грозный бой!
 Не знаю, ада-ль злобный духъ
 Шепнулъ ту мысль, но только вслухъ
 Я страшно такъ захохоталъ,
 Что мнѣ въ отвѣтъ въ пещерѣ скалъ
 Завылъ испуганный шакаль...
 Безумьемъ дикимъ обуянъ,
 Я поднялъ острый ятаганъ:
 Сталь заблестала—разъ и два—
 И покатицась голова
 Леилы бѣдной и у ногъ
 Моихъ упала на песокъ...
 Я феску снялъ и, какъ въ мѣшокъ,
 Сложилъ туда мнѣ дорогой
 Предметъ, еще за мигъ живой,
 Теперь-же хладный и нѣмой, —
 И въ битву ринулся...

VI.

Я былъ
 Какъ тигръ свирѣпъ и лють — косилъ
 Мой ятаганъ все, что встрѣчалъ.
 Когда-жь косить я уставалъ,
 То вынималъ изъ фески я
 Главу Леилы и ея
 Я страстно цѣловалъ уста
 И очи...

Тысячь больше ста
 Я янычаровъ накопилъ
 Въ три дня, и въ это время былъ
 Такъ занятъ битвой, что забылъ,
 Сѣбая вражя главы,
 Главу Леилы... И, увы!
 Когда въ четвертый день пришлось

Мнѣ въ фѣску заглянуть, я носъ
 Невольно отвратилъ и въ мигъ
 Невыразимой боли крикъ
 Исторгся изъ груди моей:
 На мѣсто лба, ланить, очей
 Леилы я узрѣлъ лишь смрадъ!..

VII.

Тоскою каинской объять,
 Я побѣждалъ, какъ-будто адъ
 За мною гнался по пятамъ,
 И Чебоксарь достигъ, и тамъ
 Я сталъ исправникомъ служить,
 Леилу жаждая забыть—
 Вотще!..

Какъ часто съ становымъ,
 Безумьемъ полонъ роковымъ,
 Носился по уѣзду я,
 Мечту напрасную тая,
 Что недоимокъ рьяный сборъ
 Смирить въ моей душѣ напоръ
 Думъ о быломъ; нѣтъ, никогда
 Не могъ забыть я, что въ года
 Минувшіе въ Эладѣ былъ
 Я паликаромъ, что любилъ
 Леилу я и отрубилъ
 За что—Богъ знаетъ—ей главу.
 Я съ вѣчной думой сей живу,
 И въ грезахъ сна, и на яву
 Я въ фѣскѣ вижу страшный смрадъ
 И, отвращая носъ назадъ,
 Вновь мугъ былыхъ вкушаю адъ...

Я. Полонскій-Вдохновенскій.

V.

ОТГОЛОСКИ ДНЯ.

1.

ПЬЕСНЬ ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

(Посвящ. гг. Сер—му, Л—му, Сх—му, Кол—ну и всѣмъ понимающимъ дѣло.)

Дайте гнусный процессъ, чтобъ въ судѣ окружномъ
 Услужить могъ я крупному плуту,
 Дайте вексельный бланкъ, чтобъ сработалъ на немъ
 Я фальшивую подпись въ минуту,
 Дайте тайный станокъ, чтобы акціи могъ
 Я печатать какія угодно,—
 Все я сдѣлать готовъ, лишь-бы мнѣ рысаковъ
 Да коляску съ камеліей модной.

Домъ игорный открыть, чтобъ рулеткою жить
 Иль азартной картежной игрою,
 Деньги-ль дать подъ закладъ—я всему буду радъ,
 Все отлично и скоро устрою;
 Даже мнѣ ни по чемъ быть дантистомъ-врачемъ,
 Завести у себя кабинеты
 Для мужчинъ и для дамъ, чтобъ могли они тамъ
 Скрыть свиданій амурныхъ секреты.

Взятку ловко сорвать, споръ въ печати поднять
 За Блюха, иль противъ Блюха,
 Кронебергу свое краснорѣчье продать
 Иль стащить, что положено плохо;
 Сочинить-ли въ „практическомъ“ веусѣ статьи
 Въ „Гражданинѣ“, въ иной-ли газетѣ,—
 На подобныя вещи—вамъ слово даю—
 Нѣтъ искуснѣй меня въ цѣломъ свѣтѣ.

Нужно быть дуракомъ, чтобы честнымъ трудомъ
 На желудокъ пустой наслаждаться;
 Честь и совѣсть—все чушь, зацарапнуть-бы кушъ,—
 Вотъ о чемъ надо крѣпко стараться.
 Если есть капиталъ, какъ его я досталъ—
 Кто объ этомъ со мной будетъ спорить?
 Чтѣ титулъ подлеца, коль сто тысячъ съ скопца
 Удалось мнѣ искусно спроворить?

„Дѣло“, № 1.

Дайте гнусный процессъ, чтобъ въ судѣ окружномъ
 Услужить могъ я крупному плуту,
 Дайте вексельный бланкъ, чтобъ сработалъ на немъ
 Я фальшивую подпись въ минуту,
 Дайте тайный станокъ, чтобы акціи могъ
 Я печатать какія угодно,—
 Все я сдѣлать готовъ, лишь-бы мнѣ рысаковъ
 И коляску съ камеліей модной!

2.

СОВРЕМЕННАЯ КАРТИНКА.

(Какъ-будто изъ Гейне.)

Блескъ свѣчей, наряды женщинъ,
 Шумъ толпы веселой, толки...
 Вонъ, смотрите: адвокатикъ,
 Юркій, въ темной испаньолкѣ,

Глазки блещутъ, будто въ маслѣ,
 Икры вздрагиваютъ, руки
 Жесты плавные выводятъ...
 Говорить онъ—что за звуки,

Что за голосъ! Музыкальность
 Съ выразительностью вмѣстѣ!—
 Говорить онъ, полный жаромъ
 Благороднымъ, о протестѣ...

Да, о вексельномъ протестѣ
 Въ должный срокъ, съ десятидневной
 Положенною отсрочкой...
 Внемлютъ рѣчи задушевной

Тихо барышни и дамы
 И горять свѣтло ихъ взгляды,
 Будто льются передъ ними
 Соловьиныя рулады...

VI.

ЭПИГРАМЫ, ПРИПИСЫВАЕМЫЯ ШЕРВИНЪ.

(Доставлены известнымъ нашимъ библиографомъ М. И. Семейскимъ, дѣйствительнымъ членомъ обществъ арифметическаго, геометрическаго и тригонометрическаго, архивариусомъ общества клубнично-историческаго и разныхъ орденовъ кавалеромъ.)

1.

МНОГИМЪ.

Ты убѣжденъе измѣнилъ,
Ты, другъ, совсѣмъ неузнаваемъ:
Ты чистымъ юношею былъ,
А сталъ солиднымъ негодеемъ.

2.

КРИТИКУ-РОМАНИСТУ.

Романистъ и жалкій критикъ,
Будто грязь печатныхъ вракъ
Въ журналистику ты вытекъ
Изъ чиновничьихъ клоакъ.

3.

Е...

Ахъ, твой удѣлъ довольно горекъ,
Твоя карьера нелегка:
Ты былъ поэтъ, теперь историкъ...
Мундировъ своего полка.

Къ сожалѣнiю, въ настоящемъ № „Восхитителя“ мы должны были ограничиться помѣщенiемъ лишь однихъ перловъ современной поэзiи; но за то въ будущихъ №№ читатели встрѣтятъ перлы беллетристики, не менѣе блестящiе и интересныя. Изъ числа этихъ перловъ перечислимъ слѣдующiе:

- 1) „Геенна большого свѣта“, вротко-восхитительный романъ кн. В. Мещерскаго.
- 2) „Пять паденiй или прiѣздъ недоросля въ деревню“, трагедiя въ пяти дѣйствiяхъ, въ стихахъ, г. П. Боборыкина.
- 3) „Черти“, романъ г. О. Достоевскаго, и проч.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

Чужое преступленіе. (Часть первая.)	<i>П. Лытнева.</i>
Ребенокъ. Стихотвореніе	<i>В. И. Славянского.</i>
Законъ и жена. Романъ. (Гл. X—XVIII)	<i>Уильки Колинза.</i>
Незримыя слезы. Стихотвореніе. (Изъ Теодора Кернера.)	<i>Петра Быкова.</i>
Приволье. Картины лѣтняго промысла. (Гл. I—V.)	<i>В. И. Немировича-Данченко.</i>
Орелъ. Стихотвореніе. (Изъ К. Рюгге).	<i>А. Михайлова.</i>
Развитіе европейской мысли XVI—XIX вѣка. (Ст. первая.)	<i>С. Ставрима.</i>
Въ деревнѣ. Стихотвореніе. (Отрывокъ изъ поэмы.)	<i>Л. Оболенскаго.</i>
Дѣятельность земства и его литература. (Ст. первая.)	<i>Д. Л. Мордовцева.</i>
Блудящій огонекъ. Стихотвореніе. (Изъ А. Рюгге.)	<i>А. Михайлова.</i>
Злоба дня. (Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.)	<i>Н. А. Потъкина.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Ташкентскіе рыцари	<i>Н. Никитина.</i>
Вопросы общественной гигиены	<i>А. Михайлова.</i>
Научная хроника. (Статья первая.)	<i>П. Грачиоли.</i>
Парижскія письма	<i>Анонима.</i>
Политическая и общественная хроника.	
Фельетонъ. Восхититель. Журналъ поэзіи, белетристики, философіи, политики, переписки, наукъ, искусствъ и восхищенія.	

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 113